Брагина 6 кл.

и 2

БѢЛОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями,

съ приложеніемъ

объяснительнаго словаря и грамматическихъ примѣчаній.

СБОРНИКЪ П. В. ШЕЙНА,

удостоенный малой золотой медали Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

С. Петербургъ.

№ 844. Типографія Майкова, въ д. Минист. Фин., на Дворц. площ.

1874.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Ивану Петровичу

КОРНИЛОВУ

искренно и неизмѣнно сочувствующему всѣмъ труженикамъ науки и всякому благому начинанію на пользу изученія исконной русской народности въ Западномъ Краѣ

съ глубокимъ уваженіемъ посвящаетъ свой трудъ

собиратель
ПАВЕЛЪ ШЕИНЪ.

Витебскъ
1869 года 23 октября.

Крестинныя пѣсни.

1

(*Лепельскій у., м. Чашники*)

—Калина, малина моя,
—Чаму ты не такъ такова,
—Якъ восеннею ночкой была?—
„Какъ бы мнѣ ночь такà,
„Дакъ я была бы такъ такова,
„Якъ восенней ночкой была.“
—Одарочка, душа моя,
—Чаму ты не такъ такова,
—Якъ ў рóдного татки была?
„Дай же мнѣ роскошь такую,
„Тоды буду такъ такова,
„Якъ ў рóдного татки была.“
—Одарочка, душа моя,
—А дамъ табѣ роскошь таку,
—Родзи мнѣ дзевяць сыноў
—И дзесятую дочь хорошў.—
„А Есипка, душа моя,
„Постаў мнѣ высокъ церемъ,—
„Тоды рожу дзевяць сыноў,
„Дзесятую дочь хорошу.“

(Записано мною отъ М. Котокевичовны. Поютъ „родзихѣ“).

2

(Тамъ же)

Я бы гэту бабку,
Я бы гэту любку
Я бъ у бабки не браў;
Я бы гэтэй бабцѣ,
Я бы гэтэй любцѣ
И намётки не даў.
Запряжице, запряжице
Дзвѣнадцаць волоў,
Завязице, завязице
Гэту бабку дамоў.

(Записано мною отъ той же. Поютъ жонки бабкѣ).

3

(Тамъ же)

А бабуся моя гордая,
Породзення твоя легкая!
Оддамъ табѣ бабусинька
Семь мѣръ муки.
Вызволь мяне, бабусинька,
Зъ великiи муки.
А бабуся моя гордая,
Породзення твоя легкая!
Оддамъ табѣ, бабусинька,
Семь мѣръ малюшки;
Спови мое дзицятка
У бѣлые пялюшки.
А бабуся моя гордая,
Породзення твоя легкая!
Оддамъ табѣ, бабусинька,
Семь мѣръ муки конопель,
Вложи мое дзицятко
У цисову колыбель.

(Записано мною отъ той же. Поютъ жонки бабкѣ).

4

(Тамъ же)

Бабуся моя гордая,
Породзення зъ тобой легкая!
А дамъ табѣ, бабусинька,
Чирвоны чибóты,
А примися, бабусинька,
За мое живóты.
А дамъ табѣ, бабусинька,
Пуру грецки,
А примися, бабусенька,
За мои плечки.
А дамъ табѣ, бабусинька,
Корову телицу,
Вядзи мяне, бабусинька,
У новую свѣтлицу.
А дамъ табѣ, бабусинька,
Семь мѣръ конопель,

Уложи мое дзицяцко
У нову колыбель.
А дамъ табѣ бабусинька,
Коня воронôго,
Привядзи мнѣ, бабусинька,
Кума молодôго.
А дамъ табѣ, бабусинька,
Корову буренку,
Привядзи мнѣ, бабусинька,
Кумку молодзеньку.
А дамъ табѣ, бабусенька,
Сѣточку бродню,
Собери мнѣ, бабусинька,
Ўсю мою родню.

(Записано учителемъ Коптіевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ).

5

(*Тамъ же*)

Чирезъ боръ сосна повалилася,
Кумà зъ кўмомъ посварилася;
Надворейка перебралася,
Кумà зъ кўмомъ поедналася.
„Ходзи, кума, кисялю ѣсць
„Зъ сыцицею, зъ водзицею,
„А бы зъ доброй молодзицею."

(Записано мною отъ той же).

6

(*Тамъ же*)

Кумà кўма любила,
Къ собѣ ў госьци зазвала:
„Ты кума, ты душа
„Соўсимъ кума хороша".
Кумъ, къ кумѣ ў сѣни,
Кума къ куму ў крупени.
„Ты кума, ты душа
„Соўсимъ кума хороша."
Кумъ къ кумѣ ў хату —
Кумà кўму букату.
„Ты кума, ты душа,
„Соўсимъ кума хороша."
Кумъ къ кумѣ на порогъ—
Кума куму пирогъ:
„Чимъ цабе, кумъ, частовацъ?
„Ци виномъ зяленомъ,
„Ци солодкимъ мядôмъ?"

(Записано мною отъ той же).

7

(*Тамъ же*)

—Кумушка-любушка, гдзѣ живешь?
—Чаму мяне ў госьци ня зовешь?—
„Тоды я цябе ў госьци позову,
„Якъ новую хатычку збудую.
„Я збудую хатычку для воды
„Зъ тоўстаго дзерева зъ либяды,
„Яще къ таму сѣнички припляту
„Зъ тоўстаго зъ дерева изъ лапуху,
„А закину сѣтычку шоўкову,
„Улоўлю рыбушку окуньцà
„Для милаго гóсьцика для кумцà."
—Вотъ тобѣ, кумушка, и кумецъ
—Слаўная рыбушка—окунецъ". —

(Записано мною отъ той-же).

8

(*Тамъ же*)

Ѣхала кума
Мимо кумова двора.
—Кумà, кумà, кумушка ты моя!
—Сизая голубушка ты моя!— *)
Порвалися ў кумы
Шоўковые гужи.
Кумъ гужи повязаў
Куму ў госьци зазваў,
А стаў-жа кумокъ
Куму поштываци:
„А напися ты, кума,
„Солодкаго вина,
„Для цябе-жа, кума,
„Зготоваў жа лина,—
„Можа-жъ будзишь ѣсьци
„Лѣпѣй рыбу окуня."
—Вотъ тобѣ, кумушка, и кумецъ
—Слаўная рыбушка окунецъ. —

(Записано мною отъ той-же).

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

9

(Тамъ же)

Кумѣ кумѣ радъ
Позваў куму ў садъ:
— Щипи, кума, ягòдки,
— Которые солодки;
— А которы горки,
— То для моей жонки;
— Которы сладки,
— То для моей матки;
— Которые гнилые,
— То для моей милые. —

(Записано мною).

10

(Тамъ же)

Кума̀ пива наварыла,
Кýма ў госьци запросила.
Кýмъ къ кумѣ на порогъ,
Кума̀ для кýма пирогъ;
Кýмъ къ кумѣ у хату,
Кума̀ на столъ букату,
Яна кýма за столъ,
А горэлочки на столъ:
„Ты, кумокъ, голубокъ!
„Пи-же, кумокъ,
„Хоцъ и горкую горэлку.
„Постаўлю, кумокъ,
„На закуску мядòкъ;
„А ѣжъ ты, кумокъ,
„Солодки мядòкъ."
— Дзенькую, кума,
— Дзенькую, душа!
— Соўсимъ кума хороша.—

(Записана мною).

11

(Тамъ же)

У мойго кýма
Яворъ на дворѣ,
У мойго кýма
Мёдъ-вино на столѣ.
У моей кумушки (2)
Зялёна вишня подъ вокномъ,
У моей дорогой
Сѣдзяцъ госьци за столомъ,
Пьюцъ мёдъ-вино
И горэлку зиляну̀.
Любюцъ кýма (2).
„Та̀къ вы любице (2)
„Куму̀ зъ кумомъ?—
„Выпраўляйце (2)
„Ихъ пѣшшу домоў?
„Запряжице (2)
„Хоцъ 12 конёў;
„Завязйце (2)
„Куму̀ зъ кумомъ домоў."

(Записана мною).

12

(Тамъ же)

У нашого кума бѣла барёза
Повалилась на дворѣ;
Наша кумка дорогая
Похвалилася при столѣ:
„Ня пойду, кумка, ня пойду, любка,
„Боли ў кумки къ табѣ“.
— Забудзишь, кумка, забудзишь, любка,
— Покуль браци цябе“.—
А горэлица ў бутэлицы
Ды якочиць, якочиць;
Наша кумушка, наша любушка
Зъ куту ицци ня хочиць.
„Ня люблю кумка, ня люблю, любка,
„Приговороў твоихъ.
„Ня любишъ, кумка, ня любишъ, любка
„Ты насъ вѣрно кумоў;
„Прогоняишь, кумка, прогоняишь, любка
„Зъ поўночи домоў
„Запражи, кумка, запражи, любка
„Хоць одного-жъ ты коня,
„Завязи, кумка, завязи, любка
„Мяне кумку до двора.“

(Записано мною).

13

(Тамъ же)

По загорью синія краски цвицѣли,
А по застолью любые госьци сядзѣли,
А цвіўши, цвіўши синіе краски отпадуць,
Піўши, гуляўши любы госьци поѣдуць,
Любы госци браты ды шваргровы,
Родныя госьци кумки да кумовы.

(Записано мною).

14

(Лепельскій у., Смоляницкая волость)

Хороша Свята Прачистая (2)
Рай ў рай *)!
Яё коруна позлацистая (2),
Яё свѣчи малева́ные (2),
Яё поясы́ кова́ные (2).
Добрая жана наша Кондрашиха (2)
Рожала сынкоў и дзяўченочокъ (2)
Ды ўсе сабѣ пирамѣначакъ.

(Доставлено мировымъ посредникомъ М. Ѳ. Сазоновымъ.)

15

(Лепельскій у., м. Коптевичи)

А ў нядзѣлиньку
Поранюсиньку
На небѣ зазвинѣло.
Господзь Богъ идзець,
Три доли нясець.
„Гэтому дзицяци"
А й пытаецца
У Богородзицы:
„Котору долю даць?"
Бабулька стоиць,
Дзицяцко дзяржиць,
А ў Бога доли просиць:
„Ай, Божухно
„Збавицелю!
„Дай ўси три доли:
„И грошо̀вую,
„И збожо̀вую,
„И тую вѣнчанную."

(Записано учителемъ г. Преображенскимъ.)

16

(Тамъ же)

Поѣхаў мужъ Панасъ
Ды ў дороженьку.
Безъ яго жоночка
Сына родзила,
А сама собою
По бабку ходзила.
Пріѣхаў мужъ
Зъ дороженьки:
„Пусци мяне, жана,
„Ў пологъ полежаць".

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

— Ня пущу муженька,
— Ня пущу душенька!
— Дзицяцко маленько,
— Бабуся старенька. —
„Мы зъ табою, жонушка,
„Пригадаемъ:
„Малое дзицятко
„У колыбель уложимъ,
„Старую бабусю
„Виномъ упоимъ.
„Мы зъ табою, жонушка,
„Свою волю учинимъ.“

(Зап. тѣмъ же.)

17

(*Тамъ же*)

А ў коморѣ, а ў коморѣ
Кроватка стоицъ,
А ў кроватцѣ (2)
Родзишка ляжицъ,
А ў головахъ (2)
Самъ Богъ стоицъ,
А ў ножечкахъ (2)
Мужъ стоицъ.
„Позволь, Боже, (2)
Ды родзишки ступицъ“.
— Ня позволю (2)
— Ды родзишки ступицъ:
— Шесцъ нядзѣль выдзецъ
— Сама къ табѣ придзецъ“. —

(Записано тѣмъ же).

18

(*Тамъ же*)

Чиразъ гору сцежинька,—
Туды ишла бабуся,
Споткаў яе Господзь Богъ.
„Ай, гдзѣ была, бабуся?“
— На крестинкахъ, Божухна! —
Чиразъ гору сцежинька,—
Туды ишоў кумъ,
Споткаў яго Господзь Богъ.
„А гдзѣ быў, кумочекъ?“
— На крестинкахъ, Боже мой! —
„А чимъ дариў, кумочекъ?“
— Чирвонымъ чирвонцемъ, Боже мой! —
Чиразъ гору сцежинька,—
Туды ишла кумушка,

Споткаў яе Господзь Богъ.
„А гдзѣ была, кумуся?“
— На крестинкахъ, Божухна! —
„А чимъ дарила, кумуся?“
— Бѣлою рубкой, Божухна! —
(Записано тѣмъ же).

19

(*Тамъ же*)

Коло мѣсяца,
Коло ясного,—
Ўсе дробные звѣзды.
Коло Гаўрылки,
Коло душечки,
Ўсе любые госьци,
А то кумъ,
То кума,
То бабуся моя,
Ўсе любые госьци.
— А ты, чарочка,
— Позлачоная
— Умѣй обходзицьца.
— А ты Гаўрылка
— Ты душечка,
— Умѣй частовацъ!
— А ты, Кацинька,
— Ты душенька,
— Умѣй шановаць!
— Ты гарэлочка,
— Соспьяночка,
— Умѣй напоиць! —
(Записано тѣмъ же).

20

(*Тамъ же*)

Иволга, иволга,
А на бавэлнѣ гнѣзды вьець;
Яночка бацькоў сынъ
А на покуцѣ мядокъ пьець.
Жана яго, душа яго,
Подлѣ яго надъ сытой.
Жана моя! душа моя!
Ци для цябе меду ня стало?
Хуць же я (2)
Воронова коня застаўлю,
А для цябя (2)
Зялено́го вина достаўлю.
(Записано тѣмъ же).

21

(Тамъ же)

„А хто-жъ у насъ (2)
„Заняўши кутокъ?"
— Молодый кумокъ
— Заняўши кутокъ.
— А сядзиць на покуцѣ, (2)
— Якъ соколъ ў гнѣздзѣ;
— А за гэтотъ кутецъ (2)
— Положнў чирвонецъ. —
„А хто-жъ у насъ (2)
„Заняўши кутокъ?"
— Молодая кума (2)
— Заняла кутокъ.
— А за гэтотъ кутецъ
— Раскатила скутецъ. —

(Записано тѣмъ же).

22

(Тамъ же)

Коло рѣченьки мядунйцы
Была ў мужика жонка нячўница,
Повела мужа продавацъ:
— Торгуй, торгуй, торгбвенька,
— А сто рублёў дзешёвинько,
— Пара коней ворбненькихъ
— И два волы полбвенькихъ.
— Мнѣ зъ грошами ня нажицьца
— Мнѣ зъ волами ня водзицьца,
— Мнѣ мой мужъ знадобинца:
— Столчецъ, змелецъ, воды принясецъ,
— Коли чортъ надмецъ, бокъ набьецъ.
— Придзецъ вечеръ—холяруецъ (2)
Придзецъ ночка—поцалуецъ.— (2)

(Записано тѣмъ же).

23

(Тамъ же)

Чиразъ боръ сосна повалилася,
Кума зъ кумомъ посварилася.
А за што жъ яны посварилися?
Ци за щепочки, ци за дробные,

Ци за дзѣточки, ци за родные?
Ужо-жъ надворейка пирабралася,
Кума зъ кумомъ поедналася.
— Ай, ходзи, кума, кисель ѣсць!
— Ай, мой кисель солодзенькій,
— И зъ сыцицею и зъ медзицею,
— Со мной, доброю молодзицею.
(Записано тѣмъ же).

24

(Тамъ же)

Я и молода
Во грибы пойшла,
Я и молода
Да и ў пиръ зайшла
Я и молода
Загулялася.
И пятухъ пяець,
Я домоў няйду,
И другій пяець,
Я ня думаю.
А треційй пяець
Я домоў пойшла.
Мой новый дворъ
Одчиняецца,
Мой лихій мужъ
Пробужаецца.
— Ай, гдзѣ жана
— Ўсю ночь была? —
„А я молода
„За тобой спала,
„Бѣлы ручки
„На цябе клала.
„А ци ты жъ, милы,
„Одурачиўся,
„Ўсю ночь ко мнѣ
„Ня ворочаўся."
(Записано тѣмъ же).

25

(Тамъ же)

Выўши смутному (2)
Треба развясялицьца,
Выўши пьяному (2)
Треба опохмѣлицьца.
За лѣсомъ, лѣсомъ
Солоўнька кричиць:
„Добрая годзина!"
Мужъ жану кличиць:
„Пойдземъ, миленька,
„Зъ торгу до торгу."
— Куплю я, миленьки,
— Звонки звоночикъ
— Почаплю сабѣ я
— Ў подолочикъ.
— Коли рушу,
— Звонищь мушу.
— Дзинь, дзинь, миленьки,
— Объ твою душу.

„Пойдземъ, миленька
„Зъ торгу да торгу:
„Куплю, милинька,
„Ключкову дочку,
„Ключкову дочку,
„Курву жаночку.
„Запру яѐ у коморочку.“
„Коли я вожу,
Стяну подвожу,
Я жъ цябе, миленьки,
Навѣкъ зневажу.

(Записано тѣмъ же).

Приводимъ сообщенный намъ женою священника, г-жею Сахаровою, обрядъ крестинъ („хрезбинъ“ или „кресьбинъ“) Витебской губерніи, Полотскаго уѣзда, мѣстечка Якиманіи:

„Послѣ окрещенія младенца, крестьяне приступаютъ къ празднованію крестьбинъ. Празднованіе это продолжается три дня.

„Въ первый день оно состоитъ въ слѣдующемъ. Крестьяне собираются въ домѣ родильницы и тотчасъ по приходѣ садятся за столъ и ужинаютъ. Посреди ужина бабка беретъ три вѣтки изъ вѣника, кладетъ ихъ крестообразно на полъ и вмѣстѣ съ родильницею становится правою ногою на эти вѣтки. Послѣ совершенія этого обряда бабка беретъ чашку съ водою, идетъ къ родильницѣ и вмѣстѣ съ нею моетъ руки, приговаривая (сначала говоритъ родильница): „прости меня грѣшную“, а бабка отвѣчаетъ: „Богъ проститъ“! Потомъ бабка говоритъ тоже самое и получаетъ тотъ же отвѣтъ. Это повторяютъ онѣ три раза. Послѣ умовенія рукъ, родильница беретъ кусокъ полотна или коленкору, кладетъ его на шею бабкѣ, и обѣ утираютъ имъ руки. Полотно это или коленкоръ называютъ „намёткою“. Затѣмъ бабка беретъ вѣтки, на которыхъ она съ родильницей стояла, и воду, которою онѣ умывали руки, и отправляется къ столу, гдѣ пируютъ гости, и кропитъ ихъ этою водою, въ особенности-же—кумовъ. Подъ конецъ ужина на столъ приносится каша, накрытая тарелкою, и ложка съ перемѣшанною на половину солью кашей. Каша съ ложки отдается отцу младенца, который кладетъ деньги на тарелку, покрывающую кашу. Примѣру отца слѣдуютъ всѣ гости, т. е. кладутъ тоже деньги на тарелку. Это называютъ „откупленіемъ каши“. По „откупленіи каши“, бабка беретъ съ тарелки деньги себѣ и открываетъ кашу. Въ это время гости пьютъ водку за здоровье младенца, родильницы, отца младенца и за свое и закусываютъ „откупленною кашей“. Послѣ

этого куму и кумѣ даются пряники или пироги, называемые „кумовиками“. Затѣмъ гости расходятся по домамъ.

„Празднество второго дня состоитъ въ слѣдующемъ: утромъ собираются гости къ родильницѣ, пьютъ водку и закусываютъ. Потомъ всѣ гости дѣлаютъ складку на водку. Далѣе берутъ повивальную бабку, убираютъ ее (лѣтомъ) цвѣтами, а зимою лентами и иступками. Потомъ берутъ обороченную вверхъ зубьями бороны (лѣтомъ) или дровни (зимою) и садятъ бабку на борону или дровни и везутъ ее на себѣ въ ближайшую корчму и поютъ пѣсни. Въ корчмѣ гости пьютъ водку на бабкины деньги, собранныя ею наканунѣ за кашу. Послѣ этой попойки гости расходятся. День этотъ называется „похмѣлками“.

„Третій день празднества крестинъ называется „муравинками“. Въ этотъ день вечеромъ къ родильницѣ приходитъ кумъ, кума и бабка. Бабка купаетъ ребенка, а кумъ и кума бросаютъ деньги въ воду, въ которой купаютъ ребенка. Послѣ купанья ребенка пьютъ водку и закусываютъ. Обрядъ этотъ совершается на третій день для омовенія мура, которымъ ребенокъ помазывается во время крещенія. Отъ этого обряда день этотъ и получилъ свое названіе: „муравины“. Такъ оканчивается празднованіе крестинъ“.

Вотъ—еще другой обрядъ крестинъ, записанный мною отъ мѣщанки Марьи Коткевичовны въ м. Чашникахъ, Лепельскаго уѣзда.

„Кстяць на другій дзень послѣ родовъ.

„Нирадъ хресьбинами рабенка купаюць, и кума бросаецъ ў ночеўки дзеньги для бабки. Гэта вынимаець дзиця зъ купели и оддаець родзихѣ, которая бярець яго рубашку и обертываець ею рабенка, укладывая ў рукаў хлѣбъ-соль. Посля оддаець яго на руки кумкѣ и выпраўляець подъ хрестъ. Кстяць обыкновенно ў домѣ священника. У насъ кстяць вечеромъ. По приходѣ домоў угощаюць вечерей.—Число кушаньевъ на хресьбинахъ должно быць ня четное: или 3, или 5, или 7. Первое кушанье—поліўка (кислое) изъ бурачнаго разсола, потомъ лапша (макаронъ) густая или бабки, послѣ холодзець (квашенина), жаркое; послѣднее-жа—каша ячная или гречишная зъ масломъ.

„Полъговая кума (родзиха) пирапиваецъ къ старшей кумѣ, которая подъ хрестъ несла, та ей отпиваецъ, кладзецъ ей у чарку сярабряныя дзеньги и праники или цукерки, на чарцѣ. Такимъ манеромъ яна перепиваецца ся ўсѣми кумами.

„Подъ конецъ вечери ставяцъ на столъ миску зъ грецкой кашей, на которой ставицца тарелка. Ў гэту тарелку ўсѣ госьци кладуць дзеньги для бабки. Затѣмъ помолиўшись Богу, расходяцца по домамъ. На треци дзень ўсѣ кумы опяць сходзяцца и ихъ угощаюць полдникомъ.

„Бабцѣ родзиха дарицъ наметку; яна ею обкрываецца. Баба бярецъ миску, сыпицъ ў яе овесъ, нальецъ туда-же воды, выломицъ зъ новаго вѣника вѣшечку, и гэтэй вѣшечкой помѣшаецъ овесъ зъ водой или муръ, и затѣмъ мажецъ ўсѣхъ кумоў, которые бросаюцъ ей за то дзеньги. Затѣмъ на столъ опяць ставяцъ миску зъ кашей. накрываюцъ тарелкой, куда госьци брасаюцьдзеньги. Родзиха послѣ гэтого даецъ двумъ кумкамъ и бабцѣ по пирогу (кумовикъ) и выпраўляецъ ихъ".

Тамъ же и отъ того же лица записаны мною слѣдующія суевѣрія и предразсудки, относящіяся ко времени беременности, родовъ и младенчества.

„Цижарная" женщина не должна лежать противъ мѣсяца, чтобы онъ не свѣтилъ на неё, а не то дитя будетъ ходить „по мѣсяцу по дахахъ" (т. е. будетъ лунатикомъ).

Если „цижарная" женщина идетъ около „падла," она не должна ни плевать, ни затыкать носа; а то у ребёнка будетъ смердѣть изо рта.

Если „цижарная" женщина проситъ что нибудь позычить, то не надо отказывать, а если не дашь, то у этой хозяйки мыши что нибудь съѣдятъ. Чтобы „гэтой шкоды" не было, то иные бросаютъ ей въ слѣдъ что нибудь негодное: либо щепки, либо уголья и т. п. Это не слѣдуетъ, потому что дитя, которое родится, будетъ всѣ эти вещи ѣсть, а нужно только взять ложку, положить ее ницъ на окошко, тогда дитя будетъ забавляться ложкой и только.

Для того, чтобы „цижарная“ женщина „не зронила“ (не выкинула), опрокидываютъ ведро верхъ дномъ, наливаютъ туда воду, сливаютъ её въ стаканъ и даютъ ей пить.

Если женщина трудно родитъ, то выбрать изъ ржи спорынью, сварить и дать отваръ пить: такъ того часа будетъ имѣть. Отворяютъ также царскія врата (въ церкви) или берутъ шнуръ (пасъ), которымъ ксендзъ, или священникъ подвязывается во время службы, и подвязываютъ „родихѣ“ талію: „гэто тоже дюжа помогаець“.

Если у новорожденнаго ребенка въ ушахъ хрящъ твердый, то онъ будетъ долго жить, если—мягкій, скоро умретъ.

Если срѣзанные у ребенка во время крещенія волосы смѣшать съ воскомъ и бросить въ купель, то, если они тонутъ—знакъ смерти, если плаваютъ—долго будетъ жить.

Если кто младенца (въ отсутствіи матери) „сурочиць“ (сглазить) то мать, пришедши домой, „сядзиць на ножи, ци на трапочку“, которую бросаютъ потомъ у рѣчку, для того, чтобы, „обронь Боже щуръ не зъѣў“.

Отъ „суроцы“ (худого глаза) сливаютъ воду три раза или сквозь пробой или въ овинѣ сквозь каменья и даютъ пить.

„Якъ дитя гуляець и коло яго дивятся, то матка, коли кладзець его спаць, три раза обведзець рукою по твари (лицу) на отмашъ приплевывая“.

Если ребенка кто „сурочиць“ и ему худо станетъ, то возьмутъ сухую соль и вспрыскиваютъ ею три раза.

Не должно позволять ребенку смотрѣться въ зеркало, потому что нечистая сила „зводзиць“.

Если кто „полки (свивальники) перщь на рацѣ праникомъ, то рабёнокъ будзець пер....“.

Если переступить черезъ дитя, то оно рости не будетъ.

Когда послѣ купанья обливаютъ дитя водою, то приговариваютъ:

Вода зъ мора,
Рости дзѣточка скора.

При этомъ плюнуть въ „ночёуки“.

Когда выпадетъ у ребенка зубокъ, то бросаютъ его на печь, приговаривая:

Мышка, мышка!
Табѣ лубяны,
А мнѣ костяны.

Пѣсни колыбельныя и дѣтскія.

26

(*Суражскій у.*)

Люли, люли, люли!
Полѣзъ котъ по дули,
Поморозиў лапки,
Ўзлѣзъ на палати.
Стали лапки грѣцьца,
Нейгдзѣ коту дзѣцьца.
Дайце котку папки
Ў обѣи лапки.
Нихай котокъ ня вурчиць
А малютка спиць, моўчиць.
Пошоў котокъ на улку,
А ты, дзиця, ў люльку.
А я буду колыхаць,
Дзиця будзець спаць.

(Зап. В. П. Догель.)

27

(*Тамъ же*)

Люли, люли, люленьки!
Люли, люли спаценьку!
Прилящѣли гулиньки,
Стали яны говорицъ:
— Чимъ малютку накормиць?
— Будзимъ кормиць пирожкомъ,
— Будзимъ поиць молочкомъ. —
Люли, люли спациньку!

(Зап. мною отъ дворовой.)

28

(*Витебскаго у., деревня Васьковичи*)

Люли, люли, люленьки!
Приляцѣли гулиньки,
Сѣли-пали ў люленьки,
Стали думаць и гадаць:
— Чимъ дзицяцю годоваць?
— Дзицяциньку пітрутинькой,
— А мамочку кашинькой,
— А нянічку папонькой. —

(Зап. В. И. Безперчимъ.)

29

(*Невельскій ў.*)

Люли, люли, люли, приляцѣли куры
Сѣли на вороцяхъ ў чирвоныхъ боцяхъ,
Стали сыкотаци, што дзицяци даци:
Ци бобу коробу, ци гороху троху,
Ци колопень чаропень, ци ячменю жменю;
Коня вороного, быка полового,
Цялушку-рабушку дзицяци на юшку.

(Запис. мною отъ М. Коткевичовны.)

30

(*Тамъ же*)

Люли, люли, люли!
Приляцѣли куры,
Сѣли на вороцѣхъ,
Ў чирвоныхъ боцѣхъ,
Стали сокотаци,
Кому кашу даци?
Малому дзицяци.
Ци горошку крошку,
Ци ячменьку жменьку,
Ци пухову пяринку,
Ци счастливу годзинку.

(Записано тѣмъ же.)

21

(Суражскій у.)

Люли, люли малóе,
А на лѣто другое.
Люли, люли Нéсцерка
А на лѣто шесцерка.
Люли, люли Цитрачокъ
А на лѣто семъ дочёкъ.
Одна будзиць нянька,
А другая лялька.

(Записано тѣмъ же от дворовой.)

22

(Тамъ же)

Пошоў котокъ у точокъ,
Принёсъ малюткѣ пятачокъ.
Пошоў котокъ у лясокъ,
Принёсъ малюткѣ поясокъ.
Пошоў котокъ на ганокъ,
Принесъ котокъ баранокъ.
Я трошку укушу́
И табѣ принясу.
Пошоў котокъ на рынокъ,
Принесъ малюткѣ розынокъ.
А ты, котя, ня вурчи,
А малютка сни, моўчи.

(Зап. тѣмъ же и отъ той же.)

23

(Витебскій у.)

Пошоў котокъ ў лясокъ,
Принесъ котокъ поясокъ.
Пошоў котокъ на гáночекъ,
Принесъ котокъ бараночекъ.
Пошоў котокъ ў лавочку,
Принесъ котокъ булавочку.
Пошоў котокъ на рыночекъ,
Принесъ котокъ розыночекъ.
Пошоў котокъ на крылечка,
Принесъ котокъ колечка.
Пошоў котокъ на торжокъ,
Принесъ котокъ пиражокъ.
Пошоў котокъ на мѣста,
Принесъ котокъ цѣста.
Пошоў котокъ на улочку,
Заморозиў лапки,
Катаицца, валяицца
Просиць цеплой хатки.

(Зап. тѣмъ же отъ старой няни.)

34

(*Витебскаго у., д. Васьковичи*)

Пошоў котокъ на вулку,
Приняси хлѣба булку.
Идзи котокъ на ґáнокъ,
Приняси баранокъ.
Идзи, котокъ, у лясокъ,
Приняси поясокъ,
Идзи, котокъ, на рынокъ
Приняси розынокъ.
Спи, дзиця, ня кричи,
Ты, котя, ня вурчи,
Цяперь на кота
Ўсе воркота,
На дзицяцю
Сонъ-дремота.

(Зап. В. И. Безперчинъ.)

35

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Пошоў котокъ у лясокъ, нашоў котокъ поясокъ,
А кошечка отнялà и дзицяци отдала.
Пошоў котокъ на торжокъ, знашоў котокъ пиражокъ;
Чи самому ѣсци, ци дзицяци несци?
И самъ трошку укусіў и дзицяци принясиў.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

36

(*Тамъ же*)

Ишоў котокъ зъ подпечча,
Несъ шубку овеччю.
Ишоў котокъ зъ подлавья,
Нёсъ шубку баранню.
Ишоў котокъ изъ подполля,
Нёсъ шубку соболлю.
Пошоў котокъ у лясокъ,
Принесъ котокъ пиражокъ:
Ци самому ѣсци,
Ци дзицяци принесци?

(Зап. тѣмъ же и отъ той же.)

37

(Витебскъ)

Подзи, коця, на вулку,
А дзиця ў люльку.
На кота воркота,
А на дзиця дремота.
На кота безголоўя
А на дзиця здароўя.
На кота ўсё лихо.
А ты, дзиця, спи цихо.
Ты, коця, ня вурчи,
А ты, дзиця, спи-моўчи.

(Зап. тѣмъ же отъ няни.)

38

(Тамъ же)

Бици кота, бици,
Ко столпу привязаўши,
Хлѣба лусту даўши:
Бици кота оборкой,
Нихай ня спиць зъ Хадоркой;
Бици кота лучинкой,
Нихай ня спиць съ Аксинкой;
Бици кота качалкой,
Нихай не спиць съ Наталкой;
Бици кота полѣномъ,
Нихай ня спиць зъ Алёной.
Бици кота, бици,
На что покраў ницки,
Зъ хаты выгнаци
И ѣсци не даци.

(Зап. тѣмъ же и отъ той же.)

39

(Тамъ же)

Тынъ-тынъ-тана!
Служиў я ў пана.
Тынъ-тынъ-тынку!
Выслужиў я свинку.
Тынъ-тынъ-толе!
Погнаў ў поле.
Тынъ-тынъ-тўстумъ!
Сѣў я подъ кўстомъ.
Тынъ-тынъ-тугу!
Стаў виць пугу.
Тынъ-тынъ-точокъ!
Выскочiў воўчокъ.
Тынъ-тынъ-тобйць!
Нечѣмъ воўка бйць.
Тынъ-тынъ-тòломъ!
Воўка коломъ.
Тынъ-тынъ-татка!
Стоиць хатка.
Тынъ-тынъ-тóликъ!
Стоиць столикъ.
Тынъ-тынъ-тóжикъ!
Ляжиць ножикъ.

Тынъ-тынъ-тупи́цъ!
Будземъ воўка лупицъ,
Тынъ-тынъ-то́жу!
Возьму кожу.
Тынъ-тынъ-точо́!
Возьму на плечо.
Тынъ-тынъ-о́родъ!
Пойду ў городъ.

Тынъ-тынъ-тужи́къ!
Чей ты мужикъ?
Тынъ-тынъ-то́жу!
Продай кожу.
Тынъ-тынъ-тубли́!
На табѣ три рубли.
Тынъ-тынъ-тублёў!
Не хочу твоихъ трехъ рублёў.
(Зап. тѣмъ же и отъ той же.

40

(*Витебскъ*)

Ратутемъ-тана!
Служиў я ў пана.
Ратутемъ-тынку!
Выслужиў я свинку.
Ратутемъ-толе!
Погнаў я ў поле.
Ратутемъ-тужи!
Сѣў я на мяжи.
Ратутемъ-тугу!
Я звіў пугу.
Ратутемъ-тоўчокъ!
Ажъ бяжицъ воўчокъ.
Ратутемъ-то́ликъ!
Я выломиў коликъ.
Ратутемъ-табиў!
Я воўка забиў.
Ратутемъ-тупицъ!
Нечѣмъ лупицъ.
Ратутемъ-тавалю!
Пошоў къ ковалю.
Ратутемъ-таваль!
Зробь ножъ, коваль.
Ратутемъ-тобиў!

Коваль ножикъ зробиў
Ратутемъ-тупицъ!
Буду воўка лупицъ
Ратутемъ-тупиў!
Я воўка облупиў.
Ратутемъ-тѣсто!
Я понёсъ на мѣсто.
Ратутемъ-тужи!
Пришли жиды.
Ратутемъ-тагуюцъ!
Воўка торгуюцъ.
Ратутемъ-тубли!
Плацяцъ три рубли.
Ратутемъ-тадаў!
Я воўка продаў.
Ратутемъ-темя!
Я купиў сѣмя.
Ратутемъ-толе!
Засѣяў поле.
Ратутемъ-танокъ!
Удаўся лянокъ.
Ратутемъ-тучистъ!
Лянокъ стручистъ.

(Записано мною.)

41

(*Суражскаго у., д. Козловичи*)

Тринъ-тринъ-тана!
Служиў я ў пана.
Тринъ-тринъ-тынку!
Выслужиў я свинку.
Тринъ-тринъ-толе!
Погнаў я ў поле.
Тринъ-тринъ-тоўки!
Бягуць два воўки.
Тринъ-тринъ-тацили!
И свинку ухвацили.
Тринъ-тринъ-тагóмъ!
Я за имъ бягомъ.
Тринъ-тринъ-танаў!
Я воўка догнаў.
Тринъ-тринъ-талкой!
Я яго палкой.

(Зап. В. П. Догель.)

42

(*Тамъ же*)

Сядзѣла кошечка на кухнѣ,
Ў яё вочиньки попухли.
„Чагожъ ты, кошечка, плачешь?
„Ци пицьки, ци ѣсцьки хочешь?"
— Ни пицьки, ни ѣсцьки хочу,
— По своей жалосци плачу:
— Самъ кухаръ пячёнку злизаў,
— На мяне кошечку сказаў,
— Хочець мнѣ лапки отбици.
— Чимъ-жа я буду ходзици? —

(Зап. тѣмъ же.)

43

(*Витебскаго у., Старое Село*)

Берутъ ногу ребенка и, ударяя концомъ указательнаго перста по подошвѣ приговариваютъ:

Кую, кую ножку,
Поѣду ў дорожку,
Ў госьци къ цесцю
Пирогоў ѣсци.
Кую, кую другую
Поѣду ў доўгую.

(Зап. гимназистъ С. Станевскій.)

44

(*Тамъ же*)

Коў, коў дзяцелъ,
Сѣў на варотахъ
Ў чирвоныхъ ботахъ:
— Ци здороў Данила?

— Ци жаниў сына?
— Ци вариў пива?
— Ци отдаваў дочку
— Кацеринушку? —
Коў, коў дзяцелъ,
Сѣў на воротахъ
Ў чирвоныхъ ботахъ,
Ў краснинькомъ колпачку,
И шапочка на бочку:
— А Микитка соколокъ!
— Ци вариў пива?
— Ци жаниў сына?
— Ци даваў дочку
— За Яночку?—

(Зап. тѣмъ же.)

45

(*Суражскій у.*)

— Чи, чи, чи, сорока!
— Гдзѣ была? — „Далёка:
„Была ў пана на току
„Видзѣла тамъ толоку.
„Пани сына родзила,
„На коника садзила,
„Коникъ вороненькій,
„А самъ молодзенькій.
„Поѣхали у Пицеръ.
„Жалѣзны шинцы,
„Шелковы поводы,
„Дубовы покаты."

(Зап. В. П. Догель.)

46

(*Могилевскій у.*)

Чи, чи, чи, сорока!
Полядѣла далёка,
Сѣла-пала на току
У чирвонымъ колпаку,
Панъ кажиць: засяку!
Пани кажиць: ни сячи!
Будзиць сядзѣць на пячи
Малыхъ дзяцей бирагчи.
Чаму учора не была?
Бояла̀ся чигуна,
Чигуновы дзѣци
Хочуць уляцѣци
На Иванушки·клѣци.
А Иванъ пашиць,
А воўкъ на дорозѣ,
Мядзвѣдзь на колодзѣ,
А дроздъ на рабинѣ,
Рабинку лущиць.
„Ты, Калиноўна,
„А подай сапоги."
— А мнѣ неколи,
— А я мостъ мощу,
— Сярабромъ трощу. —
Дроздъ на рабинѣ
Сова на болоцѣ,
А мядзвѣдзь на рабоцѣ,
А ў лѣсѣ дуга
Ды ня высѣчена.

А стаць ды сѣкаць,
Дакъ дзень поцерацъ.
За той же дзень
Трое лапци ўсплесць:

А сабѣ и жанѣ
И тому выблядку,
Што подъ печчю сядзиць.

(Зап. мною.)

47

(*Оршанскій у.*)

Ахъ ты Иванька Попоў
Завядзи мяне домоў.
Мой домъ ни далека,
Подъ ельничкомъ,
Подъ бярезничкомъ,
Тамъ сучка на лычку
Двора сцяражецъ,
А пятухъ на повѣци
Ў дуду равецъ.
А кошка ў лукошку
Карунки тчецъ,
А котъ на пячи

Продаецъ калачи.
Ахъ ты уцица моя,
Ахъ ты шѣрая моя
Ня летай на ракў,
Ня клюй пяску,
Ня тупи носку,
Приляцѣли соколы,
Поцярали сапоги.
Кулинушка дружокъ!
Подай сапожокъ!
Я мосточикъ мощу
Сярабрòмъ гвожджу.

(Зап. Е. Лубою.)

48

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Чи, чи, чи, вирабей,
Ня клюй конопель!
Я тому вирабью,
Коломъ ножку пирабью.
Вирабейка скачицъ,

По ножицѣ плачицъ.
Я на тую ножку
Куплю панчошку,
Я на тоя тѣльца
Куплю полотенца.

(Зап. мною отъ мѣщанки.)

49

(*Витебскаго у., Старое Село*)

— Чики, чики, сорока,
— А гдзѣ была? — „Далёка:
„Я у пана на току,
„Я видзѣла толоку:
„Пани сына родзила,
„На коника садзила,
„А коничекъ вороны,
„А паночекъ молоды."

(Зап. гимназистомъ С. Станевскимъ.)

50

(*Быховскій у.*)

А чу, чу, а чу, чу!
Я горохъ молочу
На Ивановымъ точку
На примыльничку.
Покацилося зярно
На Иванова гумно.
Иванъ Попоў
Загоняў воўкоў.
Шапка татарка
Зъ города ляцѣла,
Князю попала.
— Ты, князь, ня печалься,
— Твоя жанà Марья̀
— Сына породзила
— Мала государа̀. —

(Зап. А. Ф. Лисовская.)

51

(*Тамъ же*)

Кукушка, кукушка!
Стрижень табѣ ни судзя,
Судззя табѣ Владыка.
Владыкины дзѣци
Хочуць поляцѣци
На синяя мора;
На синимъ морѣ
Церква Миколы.
Цётка Арина
Короў доила,
Поѣхала ў снопы
На высокой лошадзи,
Увидзѣла зайца,
Короциньки ножки,
Красныи сапожки.

(Зап. та же.)

52

(*Витебскъ*)

Чи, чи, чи, магера!
На припечкѣ сядзѣла,
Куделечку верцѣла.
Одна одну толкнула
И ножечку свихнула.
Одна одну сволокла
За мысочку толокна.
Магеръ, магеръ, магера!
На крыночку сядзѣла,
Куделечку верцѣла,
Ў Полоўки заказали,
Штобъ магеры не плясали.

(Зап. г-жею Потаниной.)

53

(*Суражскій у.*)

„Ласынька, Ласынька!
„Гдзѣ была?"
— Ў пана. —
„Што робила?"
— Кросны ткала. —
„Што заробила?"
— Кусокъ сала. —
„Гдзѣ-жь тое сало?"
— Кошка украла. —
„Гдзѣ-жъ тая кошка?"
— За мора побѣгла. —
„Гдзѣ-жъ тоя мора?"
— Квѣтками заросло. —
„А гдзѣ-жъ тыи квѣтки?"
— Па́нны пощипали. —
„Гдзѣ-жъ тыи панны?"
— Замужъ пойшли. —
„А гдзѣ-жъ ихъ мужья?"
— На войну пошли. —
„А гдзѣ-жь та война?"
— Посярёдъ гоўна. —

(Зап. В. П. Догель.)

54

(*Витебскъ*)

„Сиўка воронка,
„Да-ле-гойда! *)
„Куды поляцѣла?"
— На Ивановъ дворъ. —
„Што Иванъ робиць?"
— Косы точиць. —
„На што яму косы?"
— Сѣно косиць. —
„На што яму сѣно?"
— Короў кормиць. —
„На што яму коровы?"
— Молоко доиць. —
„На што яму молоко?"
— Пастухоў кормиць. —
„На што яму пастухи?"
— Свиней пасциць. —

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

„На што яму свиння?“
— Горы рыць. —
„А штө ў горахъ?“
— Зялѣзная ступа. —
„А што ў ступѣ?“
— Поливана миска. —
„А што ў мисцѣ?“
— Циноўные ложки. —
„А што ў ложкахъ?“
— Маково зярно. —
„А гдзѣ тоя маково зярно?“
— Пятухъ склеваў. —
„А гдзѣ-жъ той пятухъ?“
— За мора полядѣў. —
„А гдзѣ-жъ тоя мора?“
— Красками заросло. —
„А гдзѣ-жъ тыи краски?“
— Дзѣўки сорвали. —
„А гдзѣ-жъ тыи дзѣўки“?
— Замужъ пошли. —
„А гдзѣ-жъ ихъ мужья?“
— На войну пошли. —
„А гдзѣ-жь ихъ война?“
— Посярёдъ гоўна. —

(Зап. мною отъ няни.)

55

(*Витебскаго у., Старое Село*)

„Сьўка воронка,
„Да-ли-гойда! *)
„Куды полядѣла?“
— На Иваноў дворъ. —
„Што Иванъ робиць?“
— Косы кляпиць. —
„На што яму косы?“
— Сѣно косиць. —
„На што яму сѣно?“
— Молоко збирадь. —
„На што яму молоко?“
— Дзяцей кормиць. —
„На што яму дзѣци?“
— Горы копаць. —
„А што ў тыхъ горахъ?“
— Золотая ступка —
А што ў той ступцѣ? —
— Золотая ложка. —
„А што ў той ложки?“
— Маково зярно. —
„А гдзѣ тоя зярно?“
— Пятухъ склеваў. —
„А гдзѣ-жъ той пятухъ?“
— За мора полядѣў. —
А гдзѣ-жъ тое мора?
Красками заросло.
„А гдзѣ-жъ тыи краски?“
— Дзѣўки порвали. —
„А гдзѣ-жъ тыи дзѣўки?“
— Замужъ пошли.
„А гдзѣ-жъ ихъ шуруки?“
— Пойшли у Цемья,
— Тамъ цемна.
— Пойшли у Вяззя,
— Тамъ увязли.
— Пойшли у Турцы,
— Тамъ имъ концы. —

(Зап. гимназистомъ С. Станевскимъ.)

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха

56

(*Суражскій у.*)

Лады, лады, ладки!
Поповы рабятки,
Горохъ молоцили,
Цяпы поломали,
На клѣць поскидали,
Попъ разсярдзіўся,
Зъ палацей зваліўся,
Попадзя зъ печки,
Побила плечки,
Курица зъ подпечки
Побила горшечки.
Жидъ зъ полки
Разсыпаў иголки.

(Зап. В. П. Догель.)

57

(*Витебскъ*)

Было у бацьки три сыны,
А ўси три Василли.
Одзинъ дрóвы сячецъ,
Другй лапци пляцець,
Треци сядзиць на камушки,
Дзяржиць козу на рамушки,
А при боку пистолетъ.
Оглянецца—козы нѣтъ.
Пошла коза сцибаючи,
На семъ саженъ займаючи.
Ўси косцелы обойшла,
Ни гдзѣ попа не знайшла.
И на рынку-была,
И расады купила,
И ў горóдзи садзила.
Якъ удаўся качанъ
И тонокъ и высокъ
И лисцемъ широкъ.
А ты качанъ, качанокъ!
Ня ходзи по сянёхъ,
Ни топай ногой,
Я не лягу зъ тобой.

(Зап. мною отъ дворовой.)

58

(*Лепельскаю у., м. Чашники*)

Было ў бацьки три сыны,
А ўсѣ-жъ яны Василли.
Одзинъ кони пасецъ,
Другй лапци пляцець,
Треци сядиць на камушки,
Дзяржиць козу на рамушки.
Суды махъ! и туды махъ!
Удариў козу по зубахъ.
Пошла коза рыкаючи,
На семъ саженъ тягаючи.
И на рынку была
И гарэлку пила,
И разсадку купила,
Семъ грядъ насадзила.
Якъ удаўся качанъ,
Выше плоту торчаў.
Круты боты на ногахъ,
Пистолеты на рукахъ.

„Ахъ ты Ванюшка мой,
„Заведзи-жь ты мяне домоў?“
— А дѣ-жъ твой домъ?—
„Посередь Москвы:
„Ай тамъ-же сучка на лычку
„Порываецца.“

(Зап. тѣмъ же отъ М. Коткевичовны.)

59

(*Витебскій у.*)

Мухи лазню топили,
Комары воду носили,
Блохъ париўся,
Ў ницъ удариўся.
А послали по попа,
По пляшиваго,
Волки яму копаць,
Зайцы доски цесаць.
Приляцѣли чижики,
Поробили крыжики.
Приляцѣли вороны,
Ударили у звоны.

(Зап. В. И. Безперчій.)

60

(*Тамъ же*)

Косы заяцъ, косы заяцъ
На припечку граець,
Сова зъ вироббемъ
Пойшла скакаць.
Мышка баничку топила,
Блоха парилася,
Зъ полки ударилася.
Клопъ докторомъ быў,
Ёнъ ей ножку лѣчиў.

(Зап. тѣмъ же.)

61

(*Витебскъ*)

Комаръ дровы сячець,
Муха лазню топиць.
А вошъ парилася,
Перепарилася,
Зъ полка звалилася,
На смерць забилася.
Ѣдзьце по попа,
По запечнаго клопа.
Попъ часу не маиць,
Таракана сповѣдаець.
Ѣдзиць попъ на мыши,
Ляжиць вошъ безъ души.
Три дни яму копали,
Покуль вошъ сховали.

(Зап. мною отъ дворовой.)

62

(*Тамъ же*)

А комаръ дровы рубиў.
А вошъ парилася
И запарилася.
А сходзице за попомъ
И за печнымъ клопомъ.
Покуль попа привели,
Души ў воши не знайшли.

(Зап. тѣмъ же.)

63

(*Суражскій у.*)

Поймаў бацька сойку, сойку,
Поймала матка сойку, сойку,
Поймали сойку дзѣци, дзѣци.
Да ужо-жъ сойцѣ ня ляцѣци,
Да ужо-жъ сойцѣ ня ляцѣци,
Да ужо-жъ сойцѣ на гуляци
Гей, сойка, гей!
Рязнуў бацька сойку, сойку,
Рязнула матка сойку, сойку,
Рязнули сойку дзѣци, дзѣци,
Да ужо-жъ сойцѣ ня ляцѣци...
Гей, сойка, гей!
Скубнуў бацька сойку, сойку
Скубнула матка сойку, сойку
Скубнули сойку дзѣци, дзѣци
Да ужо жъ сойцѣ ня ляцѣци...
Гей, сойка, гей!
Зваріў бацька сойку, сойку,
Зварила матка сойку, сойку,
Зварили сойку дзѣци, дзѣци.
Зъѣў бацька сойку, сойку,
Зъѣла матка сойку, сойку,
Зъѣли сойку дзѣци, дзѣци,
Да ужо-жъ сойцѣ ня ляцѣци (2).
Да ужо-жъ сойцѣ ня гуляци
Гей, сойка, гей!

(Зап. В. П. Догель.)

64

(*Тамъ же.*)

Забывъ тато сойку,
Забывъ тато сойку.
Забыла маты, забылы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей!

Скубавъ тато сойку,
Скубавъ тато сойку,
Скубала маты, скубалы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей!
Варывъ тато сойку,
Варывъ тато сойку,
Варыла маты, варылы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей!
Солывъ тато сойку,
Солывъ тато сойку,
Солыла маты, солылы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей!
Пожеръ татко сойку,
Пожеръ татко сойку,
Пожерла маты, пожерлы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей! *).

(Зап. тотъ же.)

65

(Быховскій у.)

Сядзиць мядзвѣдзь на колодѣ,
Чапець вышиваець,
А лисица стара псица
Зъ куста выглидаець,
А сорóчки бѣлобóчки
Пойшли танцуваци,
А вороны стары жоны
Пойшли жита жаци;
Три кукушки (2)
Жита молоцили,
Три каплоны (2)
Жита выносили.
Козелъ мелиць, (2)
Коза подсыпаиць,
А малые козлинятки
Ў мѣрку збираюць.
Муха мѣсиць, (2)
Комаръ воду носиць,
А малые комаратки
Ў ихъ цѣста просюць.

(Зап. А. Ф. Лисовская.)

*) Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Издалъ Влацлавъ зъ-Олеска, We Lwowie 1888, стр. 340, № 214.

66

(*Витебскій у.*)

Быў ў бабушки козелъ,
Ў Мосеевны козелъ,
Ў Өедосеевны козелъ.
Ёнъ ў стайнѣ стояў
Воду грѣтую пиваў,
Муку сѣяну ѣдаў,
Овесъ пареный,
Горохъ праженый.
Захоцѣлося козлу,
Захоцѣлось дураку
Ў чистомъ поли погуляць,
Сѣрыхъ зайковъ повидаць,
По ельничку, по березничку.
Ўстрѣциў козелъ
Зайчика маленького,
Косолапенького.
— Здорово, козелъ!
— Поборемся зъ тобой,
— Пиракинемся зъ тобой,
— Я и тотъ коноваў,
— Што жерибчикоў коваў,
— Коваў, не коваў
— И платы не браў.—
Якъ ўзяў козла за роги,
Якѣ удариў о дорогу, —
Ў козла глазки глядзяць,
Якъ свѣчки гораць.
Якъ ўзяў козла за гриву,
Якъ удариў козла о ниву,—
Ў козла глазки глядзяць,
Якъ свѣчки гораць.
Якъ ўзяў козла за хвостъ,
Якъ удариў козла о мостъ
Ў козла... (и т. д.)
Мосей дроўцы рубаў,
Ўсё дзивцо видаў;
Пойшоў бабушкѣ сказаў:
— Ахъ ты бабушка Мосеевна,
— Ахъ ты бабушка Өедосеевна,
— Нашъ козелъ трехъ воўкоў убиў
— И ў Пицеръ доступиў.—
Баба кинула пралку подъ лаўку
Вяратенцы подъ кроваць,
Прибѣгаиць къ нивѣ—
Ляжиць яго грива,
Прибѣгаиць къ дорожки—
Ляжаць яго рожки,
Прибѣгаиць на мостъ—
Ляжиць яго хвостъ.
Собрала баба рόги, да нόги,
Понясла попу поминаць.
— Ахъ ты батюшка попокъ
— Помяни мойго козла.
„Дура ты, баба,
„Хто козла поминаиць?
„Козла обухомъ забиваюць,
„Шкуру дзяруць,
„Чиравички шьюць,
„Куды надобна идуць."

(Зап. В. Ив. Безперчимъ.)

67

(*Витебскій у.*)

Быў ў бабушки козелка,
Быў ў бабушки Мацейка,
Енъ на стаецѣ стояў,
Муку, рожь поѣдаў,
Муку сѣяную,
Рожу вѣяную.
Захоцѣлося козлу
Ў чисто поле погуляць,
Свою силу спробовацъ.
Якъ побѣгъ по ельничку,
Побѣгъ по березничку,
Сустрѣў козелька,
Сустрѣў Мацейка
Шасци воўкоў,
А семый воўчокъ,
Оборванъ бочокъ.
— Мы зъ тобой, козелька,
— Мы зъ тобой, Мацейка,
— Побортаемся,
— На лютомъ морозѣ
— Погрѣемся.—
Якъ ўзяў воўкъ козла за роги,
Якъ ўдариў козла объ дороги,
Видь свѣчи горацъ,
Ажъ ў козла глаза глядзяцъ.
Якъ ўзяў козла за хвостъ,
Якъ ударнў козла объ мостъ,
Якъ ўзяў козла за гриву,
Якъ ударнў козла о ниву.
Якъ побѣгъ козелька,
Якъ побѣгъ Мацейка
Кола бабина двора.
Дзѣдъ дровы сячецъ,
Баба блины пякецъ.
— Нутка, бабка,
— Нутка, голубка,
— Станемъ родню собирацъ,
— Будземъ козла поминацъ!—
Козелька Микитка,
А кошка Степанидка,
Короўка Маланка,
А бычокъ Романка,
Кобылка Марынка
А жярабокъ Гаўрылка.
Овечка Гапечка,
А баранька Романька,
Свинка Аксынка,
А парсючекъ Максимка,
Утка Лукутка
А селязень Якутка,
Курка Заорейка
А пятушокъ Матвѣйка.
Кто у насъ старшій?
Кто у насъ большій?
Жоруў капитанъ
Ястребъ дзесятникъ
По сялу литаицъ,
Курей выглидаицъ,
Пы нямножку бярецъ,
Пы дзисятку здярецъ.

(Зап. гимназистомъ М. Орѣховымъ.)

68

(*Быховскій у.*)

Ай быська мой бысинька,
Золотая твоя лысинка!
А ў быка ня бычины станъ,
А ў голуба̀ голубины калтанъ.
Ахъ ты Хвеня, Хвенюшка,
Стародавная купеческа жана,
Пойдземъ мы, Хвеня, на торжокъ,
Купимъ мы пенечки пудокъ,
Соўемъ мы вяровушку,
Круценьку, позалацисценьку,
Возьмемъ мы быка за рога̀,
Повядземъ мы быка на торга̀.
Стали бысиньку пощупываци,
Стали денежки постукиваци.

(Зап. А. Ф. Лисовская).

Въ нижеслѣдующихъ пятнадцати пѣсняхъ заключаются дѣтскія подтруниванья надъ разными именами; этими пѣсеньками ребятишки дразнятъ лицъ разныхъ половъ, возрастовъ, сословій и націй.

69

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Антонъ бацька,
Антонъ я,
Уловили солоўя.
Бацька ў пуню,
Сынъ ў токъ,
Бацьку обсѣкли,
Сынъ уцёкъ.

(Зап. мною отъ М. Котксвичовны.)

70

(*Тамъ же*)

Акулинка моя,
Чернобривка моя,
Я за твои русы косы
Находзиўся голы, босы.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

71

(*Тамъ же*)

Иванъ болванъ
На соснѣ дранъ,
На липинкѣ луплѣнъ.
За тры грошы купленъ.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

72

(*Тамъ же*)

Иванъ болванъ
Чоўны чешиць
На пень брешиць.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

73

(*Тамъ же*)

Игна̂тъ
Ня винова̂тъ,
И Аўгiння
Ня вiнна.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

74

(*Тамъ же*)

Ахъ ты Кузьма,
Ни вядзи козла,
Вядзи козыньку
Бѣлоножиньку.
Ни вядзи ў осокў,
Бо я ноги посякў,
А вядзи ў лопушокъ,
Ды купи мнѣ фартушокъ.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

75

(*Тамъ же*)

„Кацярина, Кацяринушка!
Ай гдзѣ твоя животинушка?"
— Коровухны кола ровухны,
А свинухны кола нивухны,
А козухны кола лозухны,
А овечки кола рѣчки.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

76

(*Тамъ же*)

Мй-кй-тà! цй-ты-та?
Нè—я̀—то, мой—тата.
Микитиха дзяжу мѣсиць,
А Микита ж..у чешиць.
Микита дровы сячець,
А Микитиха блины пячець.
Сячець дрòвы ялòвые,
Пячець блины полòвые.
Косый заицъ нанесъ яицъ,
Вывёў дзяцей косыхъ чарцей.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

77

(*Тамъ же*)

Наталля—пралля,
Кузьма—вираценникъ
Пойшоў у бярезникъ,
Собаки догнали,
Ногу оторвали.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

78

(*Тамъ же*)

Дзяконъ, дзяконъ!
Ня ўсе ты вякай!
Выйдзи на поле
Стань на колѣ:
Ци ня идзець хто?
Ци ня нясець што?
— Мужикъ идзець,
— Кругъ воску нясець.—
„Подай Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець
— Дубину нясець.—
„Табѣ Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець,
— Дубаску масла нясець.—
„Подай Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець
— Кіёкъ нясець.—
„Табѣ Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець,
— Липоўку мёду нясець.—
„Подай Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець,
— Оглоблю нясець.—
„Табѣ Господзи!"

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

79

(*Тамъ же*)

До́мино, до́мино!
Выскочила баба зъ ко́мина,
Ударилась о печь
Выскочиў млады хлопецъ,
Пошоў до лясу,
Высѣкъ сосну и сосничку,
Поставиў косціолъ и капличку.
Приляцѣли вро̀ны,
Поставили звоны,
Приляцѣли каўки,
Поставили лаўки,
Приляцѣлъ крукъ,
Зробиў ў косцели гукъ,
Назбираў гоўна пукъ:
Вы придзице ўси ў нядзѣлю,
Ўсимъ по кавалку надзялю.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

80

(*Лепельскаю у., м. Чашники*)

Жидзе, жидзе!
Вонъ чортъ идзе,
У чорномъ капелюшѣ,
Цо твоей душѣ.
Гдзѣ свинни рыли,
Тамъ жида мыли,
Гдзѣ куры ср...
Тамъ жида ховали.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

81

(*Тамъ же*)

Жидъ, жидъ халамидъ!
Семъ козъ задавиў
Подъ колоду посадзиў
Одна коза застáлася,
Молока принесла
Жиду ѣсьци дала.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

82

(*Тамъ же*)

Жидовочка черны годъ!
Пусци мяне ў городъ
А ў городзи бураки,
Скулля табѣ подъ боки.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

83

(*Тамъ же*)

Жидовочка черны годъ!
Кричиць яна ни на животъ.
Жидовочка хохла,
Подъ загнетомъ здохла.
А пріѣхаў капитанъ
Жидовочку запытаў.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

84

Слѣдующими припѣвками ребятишки передразниваютъ колокольный звукъ.

Въ Чашникахъ звонятъ:

Блинъ зъ масломъ!
Блинъ зъ масломъ! } толсто.

А у Коптіевичахъ:

Хлѣбъ зъ оўсомъ!
Хлѣбъ зъ оўсомъ! } дробнѣе.

А у Казоновци:

Абы быу!
Абы быў! } соўсимъ дробно.

Въ Невлѣ, въ монастырской церкви:

Сковорода, чапила!
Сковорода, чапила!

Въ Успенскомъ соборѣ:

Старшій коломъ прибиваетъ!
Старшій коломъ прибиваетъ!

Въ Витебскѣ:

Ў Миколи дровы сякуць,
У Собори блины пякуць!
Тромъ блинъ!
Тромъ блинъ!

(Зап. мною.)

Колядныя пѣсни.

Названіемъ „Рыжтвяный святкй“ обозначаются дни Рождественскихъ праздниковъ отъ 24 Декабря до 7 Января включительно. Нужно сказать, что въ этотъ долгій промежутокъ времени, нѣкоторые крестьяне, вѣрные дѣдовскимъ „звычаямъ“, остаются положительно безъ всякихъ работъ, если не считать работами—дачу корма скоту, исправленіе упряжи, буде она того требуетъ и пр. Родственники и друзья спѣшатъ погостить другъ у друга и часто отправляются на далекія разстоянія, разсчитывая на празднество въ теченіи двухъ недѣль. Нарушители же дѣдовскихъ „звычаевъ“ хотя и работаютъ въ нѣкоторые дни „рыжтвяныхъ святковъ“, но эта работа продолжается часъ, много два-три, и притомъ избирается такая работа, которая не могла быть оставлена неоконченною къ другому дню. Во всякомъ случаѣ, принято за правило (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дриссенскаго уѣзда), — избирать во время праздниковъ работу хотя и на нѣсколько дней, но непремѣнно кончить её съ окончаніемъ „святковъ“. Послѣднее встрѣчается рѣдко и обыкновенно вызывается какими-нибудь обстоятельствами. Слѣдующій примѣръ подтвердитъ строгость обы-

чая относительно работъ, продолженныхъ на нѣсколько дней въ теченіи „рыжтьвяныхъ святоквъ“.

„Жаноцкая работа“ въ это время заключается преимущественно въ пряденьи нитокъ. Пряха приготовляетъ для себя „кудель“ пропорціонально рабочимъ днямъ, имѣя въ виду и свою рукодѣльную ловкость. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ ей нельзя кончить своей работы къ концу „рыжтьвяныхъ святковъ“, то пряха имѣетъ право пригласить „товаришекъ“, и онѣ общими усиліями оканчиваютъ работу, не раздѣляя, однако, „кудели“. За невозможностію собрать „товаришекъ“, или въ случаѣ недостаточнаго ихъ числа, позволяется „раздѣлать куделю“, т. е. развертѣть тѣмъ же порядкомъ, какимъ она первоначально свертывалась.

Какой бы ни былъ нарушитель дѣдовскихъ „звычаевъ“, но онъ свято празднуетъ слѣдующіе дни „рыжтьвяныхъ святковъ“: 1) „кутьтю“, 2) „Ражтво“, 3) „быгатыю“ или „товстую выляду“, 4) „Васильля“, 5) „галодныю выляду“ и 6) „Кщеньня“.

Сочельникъ предѣ Р. Христовымъ называется просто „кутьтя“ и проводится, преимущественно вечеръ, совершенно однообразно всѣми крестьянами. Послѣ дневныхъ хлопотъ и вечерней бани, все семейство вмѣстѣ молится предъ домашними иконами: или порознь, или слушая молитву старшаго, и потомъ садится за приготовленный столъ, на который стелется предварительно сѣно, а на него чистая скатерть, и тогда ставится „сочиво“ или сладкая кутья. Послѣ рюмки водки все семейство набожно крестится и, принимаясь за кутью, вспоминаетъ объ отсутствующихъ своихъ семейныхъ родныхъ, и преимущественно объ умершихъ, приговаривая последнимъ: „пашли имъ, Госпыди, рай свѣтлый, Чарства Нибесныя“ и проч. Поѣвши кутьи и другихъ кушаньевъ, приготовляемыхъ въ этотъ день, семейство молитвою благодаритъ Бога. Остатки кушаньевъ и посуда, въ которой онѣ подавались, а также и ложки остаются до утра на столѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они остались отъ ужина. Нужно прибавить, что предъ кутьею одинъ изъ членовъ семейства отворяетъ окно и говоритъ: „морозъ, морозъ! ходи куттю ѣсь!“.

Въ мѣстностяхъ, близкихъ къ селу Веляшковичи (въ 35 в. отъ Витебска) существуетъ строгій обычай, по которому крестьяне считаютъ закономъ: разговѣться въ день „Рожтва“ какъ можно раньше, и именно до разсвѣта, а потомъ прилечь снова отдохнуть на ча-

сбкъ, чтобы, вставши, отправиться въ церковь, если кому-нибудь послѣднее заблагоразсудится. Случается иногда, что стряпуха заспится, а потому обѣдъ приготовится поздно, такъ что придется разговѣться при значительномъ дневномъ свѣтѣ: въ такомъ случаѣ въ комнатѣ производятъ искусственную темноту, завѣшивая окна холстинами, или же закрывая ставнями и, при свѣтѣ лучины или свѣчи, разговляются.

Первое и главное кушанье, подаваемое при разговѣньи, называется „прижанина." Кушанье это занимаетъ средину между употребляемыми кушаньями—густыми и жидкими. Приготовляется оно слѣдующимъ образомъ: въ „латку" (полугоршокъ), наполненную жидкимъ ржанымъ тѣстомъ, бросаютъ искрошенное свиное сало, лукъ, перецъ, нѣсколько кусковъ жирнаго свинаго мяса и наконецъ—нѣсколько колецъ колбасъ. Все это долго варится вмѣстѣ, пока ржаное тѣсто не успѣетъ значительно сгуститься. Сваренное вполнѣ, кушанье это все-таки остается въ печи, пока не придетъ время подавать его на столъ *).

Когда обѣдъ готовъ и убранство стола перемѣнится, т. е. уберутъ съ него сѣно и остатки вчерашняго ужина и перемоютъ посуду,—все семейство молится передъ иконами и садится за столъ по старшинству. „Кутни" или угловое мѣсто подъ иконами мѣсто **) занимаетъ хозяинъ—старшій въ семействѣ. Хозяйка кладетъ предъ каждымъ груду овсяныхъ (въ большинствѣ случаевъ) блиновъ и ставитъ на столъ „латку съ прижаниной". Хозяинъ вынимаетъ изъ „латки" колбасу и мясо, мелко крошитъ ихъ на особой тарелкѣ и вбрасываетъ опять „въ латку". Вылизавши пальцы и ножъ, которымъ крошились колбаса и мясо, хозяинъ наливаетъ рюмку водки и, держа её въ рукѣ, говоритъ обращаясь ко всѣмъ: „будьтя здоровы вы, ўси! дай Богъ ны прибудущій годъ рызгавѣцца намъ ў добрымъ здаровьи!" Выпивши водки, самъ хозяинъ одѣляетъ ею семейныхъ. Замѣчательно, что вся семья, собравшаяся за столъ, сохраняетъ глубокое молчаніе, пока не одѣлятъ каждаго водкою.

*) «Прижанина», отъ долгаго стоянья въ горячей печи, покрывается сухою пѣнкою, которая очень вкусна. Такая пѣнка дается дѣтямъ и болѣе почетнымъ членамъ семейства.

**) Вслѣдствіе сложившейся поговорки — «на кутѣ сядзитъ альбо попъ, альбо дуракъ», — хозяинъ сидитъ за столомъ не въ углу, — подъ иконами, а немного отодвинувшись отъ угла.

Ѣдятъ „прижанину“ всегда такъ: оторвавши кусокъ блина и свернувши его въ трубочку, обмакиваютъ въ прижанину и при этомъ стараются, чтобы въ отверстіе погруженной трубочки непремѣнно попадалъ или кусокъ сала, или мяса, или колбасы. Неискусство въ этомъ отношеніи — своего рода этикетъ! Кромѣ прижанины, подается все, чѣмъ богата кухня.

Канунъ 1-го января называется — „быгатыя“ или „товстыя кылида“ потому, что весь день, и въ особенности вечеръ, проводится исключительно въ ѣдѣ всевозможныхъ мясныхъ кушаньевъ и составляетъ противоположность „голодной кылядѣ“ т. е. кануну Крещенія Господня, когда употребляется постная пища, да и то въ скромныхъ размѣрахъ. Въ эту послѣднюю „кыляду“ набожные, и преимущественно пчеловоды, ничего не ѣдятъ до вечерней зори; послѣдніе — потому, чтобы пчелы лучше велись.

Нужно замѣтить, что, по числу звѣздъ и ясному небу во всѣ три „кыляды“, опредѣляютъ урожай грибовъ въ наступающее лѣто: Первыя коляды соотвѣтствуютъ началу лѣта, вторыя—срединѣ и, наконецъ, третьи — концу лѣта. Нѣкоторые же крестьяне относятъ тѣже примѣты и къ урожаю различныхъ ягодъ.

Праздникъ Крещенія Господня называется крестьянами „Кщеньня“ и еще проще—„Хрищеньня“. Въ этотъ день крестьянинъ не употребитъ пищи, не выпивъ освященной іорданской воды. Привычка крестьянина требуетъ ѣды по возможности ранней. Въ этихъ видахъ почти каждое семейство приберегаетъ немного прошлогодней крещенской воды къ утру праздника Крещенія текущаго года. Если непредвидѣнныя обстоятельства истощатъ за годъ запасъ крещенской воды, въ такомъ случаѣ освященную воду добываютъ слѣдующимъ образомъ: изъ кіота вынимается одна или нѣсколько иконъ и обмываются чистою водою, которая послѣ этого уже пріобрѣтаетъ значеніе воды крещенской. Такую воду пьютъ и тогда ѣдятъ, что приготовлялось. Пчеловоды заботятся добыть крещенской воды изъ семи іорданей и, соединивъ вмѣстѣ, окропляютъ ульи снаружи и внутри при весенней очисткѣ ульевъ.

Праздникомъ Крещенія Господня оканчиваются „Рыжтьвяныи святки“.

Учитель 1-го Витебскаго приходскаго училища Н. Я. Никифоровскій.

85

Тыдзень, тыдзень до Калядъ,
Панъ съ челядзи ды й не радъ.
— Дай, пане, окорекъ,
— Мнѣ ўжо твой хлѣбъ горекъ.
— Оддай, пане, Каляду,
— Ўжо я одъ цебе пойду. —

86

Пошла Коляда колядуючы
Да за ею хлопчыки жебруючы,
Коляда!
Пошла Коляда по леду,
Разсыпала Коляду.
А вы, дзѣвочки, не гуляйце,
Да йдзице Коляду побирайце.
Коляда!

87

Вечеръ, вечеръ, вечернечка,
Хто тамъ ѣдзе? Баранинечка.
Ѣдзе Андрейко пьяны:
„Одчыни, Кацерынко, я твой кохаңы.“
— Не одчынюсе, брата боюсе,
— А прецизў цебе сама лисцемъ сцелюсе. —

88

Пріѣхала Коляда на сивымъ конику,
Поставила коника ў одрынцѣ,
Сама сѣла на куцѣ ў перынцѣ,
Постаўляла дудечки на стоўпѣ:
— Грайце, дудечки, голосьно,
— Скачыце, дзѣвочки, хорошо. —

(Всѣ четыре (№№ 83, 84, 85 и 83) изъ сборника Яна Чечота: Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny etc. Wilno. 1846, стр. 8–9.

89

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Ѣхала Коляда ў чарвономъ возочку,
Коляда, Коляда! *)
Ў чарвономъ возочку, на сивымъ конечку,
Возила килбасы ў рашецѣ.
Ишла свиньня по ляду, ляду,
Разсыпала Коляду, Коляду.
А вы, дзѣточки, ня гуляйце,
Килбасы подбирайце!

(Зап. мною отъ Марьи Коткевичовны.)

90

Ходзили да гуляли колядоўщики.
Коляда, Коляда! **)
Да пыталися яны до богатого двора:
Богатый дворъ, зялѣзный тынъ,
Зялѣзный тынъ, мядяны воротци,
Защепочка точеная, позолоченая.
Якъ стукъ-постукъ подъ вокошечко Ивану:
— Чи спишь, чи ляжишь, пане Иване?
— Коли жь ты спишь, такъ спи здороў.
— А ня спишь же—поглядзи ў вокно:
— Што на твоимъ дворѣ дзѣецца?
— Стоицъ царомъ выше хоромъ,
— Ды у томъ царемѣ три вокошечка,
— Три вокошечка сцекляныя.
— Ў першимъ вокнѣ ясенъ мѣсяцъ,
— Ў другимъ вокнѣ ясно соўнце.
— Ў треццимъ вокнѣ дробны звѣзды,
— Ясенъ мѣсяцъ—панъ Иванъ.
— Красно соўнце—яго жана.
— Дробны звѣзды—яго дзѣтки.
— Иваничка дома нѣтуци.

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.
**) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

— Поѣхаў ёнъ ў Сибиръ городъ,
— Ў Сибиръ городъ суды судзяць,
— Суды судзяць, пирасуживаць.
— Отъ суду бяруць по сто рублеў,
— Отъ пирасуду по тысячи.
— Приѣхаў ёнъ ў Сибиръ городъ,
— Покупляў-жа ёнъ гостинчики.
— Купиў сабѣ золотъ персцень,
— Золотъ персцень на праву руку,
— На праву руку, на мезиный пальчикъ.
— А жанѣ купиў кунню шубу.
— Кунню шубу, боброў коўнеръ,
— Кунню шубу по пятухны,
— Боброў коўнеръ по плечухны.
— А сыночкамъ по конику,
— По конику по вороненькимъ.
— А дочушкамъ по вѣнчику по пярловому.
— А нявѣсткамъ по чепчику шоўкоўму.
— Приѣхаў ёнъ къ синему мору,
— Для синяго мора нема пираѣзду;
— Нема пираѣзду, нима пираходу:
— Шагнуў, махнуў правой ручкой
— Зрониў ёнъ золотъ перецень.
— Рыболовщики мои милые,
— Закиньце шоўкоў неводъ,
— Поймайце жь мой золотъ персцень.
— Закинули яны шоўкоў неводъ,
— Не поймали яны золотъ персцень,
— Да поймали яны три рыбинки,
— Три рыбинки, три окунечки.
— Одзинъ окунь по сто рублей,
— Другій окунь по тысячи,
— Трецциму окуню цаны нѣтуци,
— Яму цане на талеречки,
— На талеречки, на блюдочки.
— А ну, барждзѣй ни баў госцей.
— Миханошу копу грошу

— Подхватничкамъ чарка горѣлки,
— Чарка горѣлки, килбаса на тарелки,
— Починальничку чирвонъ злотый,
— Отъ кошечки сала кропечки,
— Отъ кирлуки чвертка полоўки,
— Отъ коника бочки соли,
— Отъ овечки рашето грецки,
— Отъ свинки шротъ солонинки. —
(Сообщ. штатн. смотрителемъ Небогинымъ.)

91

(*Дисненскій у.*)

Ишли-пошли колядоўщички —
Колядай Коляда!
Колядуючи, гуляючи —
Колядай, Коляда! *)
Богатаго дома шукаючи
Слаўнаго пана Иванька.
— Слаўный пане Иванька!
— Ци спишь ляжишь,
— Ци отпочиваешь?
— Ци ў пярыни, ци ў пуховой,
— Ци ў крываци, ци у чисовой,
— Ци зъ жаною молодою,
— Ци зъ дзѣтками маленьками?
— Коли спишь—Богъ зъ тобою,
— Коли ня спйшь—моў со мною,
— Ўстань рано, ўмыйся бѣла,
— Отчини воконца на ўсходъ соўнца,
— Глянь на свой дворъ:
— Ў твоемъ дворку якъ ў вянку,—
— Ўвесь тыномъ тынинъ,
— Тыномъ тынинъ, ўсё жалѣзнымъ,
— Ворощитки ўсё золотые,
— Вервички ўсё мидзяные,
— Замочки *витраные* *),

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.
**) Не „нутраные“ ли?

— Подворотница—рыбья косточка.
— Иване слаўный пане!
— Ў твоемъ дворку якъ ў вянку:
— Пяць цярамоў зъ прицяромками.
— Ў водным цяраму—ясенъ мѣсяць,
— А ў другимъ цяраму—ясна зорушка,
— Ў трецимъ цяраму—буйны вѣтры,
— А ў чатвертымъ цяраму—дробны звѣзды;
— Да ў пятымъ цяраму—ясны зоры.
— Ясны зори, ясно соўнца,
— Ясенъ мѣсяцъ—самъ Иванька,
— Ясна зора—яго жонка,
— Буйны вѣтры—яго сыны,
— Дробны звѣзды—яго цурки,
— Ясны зоры—яго нявѣстки.
— Ивана жана разумная
— Отвѣтила, отмолвила:
— Ивана самого дома нѣту,
— Дома нѣту, ў дорози,
— Поѣхаў ёнъ ў Сибирь городъ,
— Суды судзиць, раду радзиць,
— За судъ бярець сто рублей,
— А за раду дзвѣ тысячи.
— Ёнъ шлець домоў гостинчики:
— Молодой жанѣ окунёву шубу,
— Окунёву шубу до долу,
— Боброў коўнеръ до поясъ,
— Своимъ сынамъ по коничку по вороненькимъ,
— По сядзѣльцу по золотымъ,
— Ды цуркамъ по вѣнчику по пярлоўму,
— Нявѣсткамъ по чепчику по бѣляеўому.
— Иванъ слаўный пане!
— Повярнуў самъ домоў
— Чиразъ мора чиразъ синя,
— Шагнуў, махнуў на коника,
— Правой ручкой, римяной плёткою,
— Уронилъ золоты персцень

— Зъ правой руки, зъ мидзяного пальца,
— Пріѣхаў самъ домоў,
— Разсказаў молодой жанѣ
— Ўсѣ прилуки, ўсѣ причины.
— Ивана жана разумная
— Якъ ўзяла шоўкоў неводъ,
— Закинула чиразъ мора чиразъ синя,
— Ня уловила золотого перстня,
— Ды уловила трёхъ окунёў,
— Ды повязала на торжокъ,
— Разпымъ торгомъ торговала
— Трёхъ окунёў продавала:
— За водного сто рублей,
— За другова дзвѣ тысячи,
— А треццему цаны нѣтъ,
— Яму цана—Государь-Москва.
— У Ивана на столику,
— На талеронци яго жана поварачиваиць,
— Золотой казной потрахиваиць.
— Иване слаўный пане!
— Ци ў слыхъ табѣ наша пѣсня?
— Коли ў слыхъ—дары госцей,
— Дары госцей, ни баў бардзѣй:
— Мы госци ни частые,
— Колядные, ўгодные,
— Наши дары ня вялики,
— Яны ў дзвери ня полѣзуць,
— Презъ окошко подайця.
— По полю вѣтры вѣюць,
— Колядоўщикамъ ноги млѣюць,
— Иване, слаўный пане!
— Мосци кладку—проси госцей ў хатку.

(Сообщ. свящ. Усаковскій).

92

(Лепельскаго у. Тяпинская волость)

За мхомъ, за мхомъ, за болотичкомъ
Калида!
Зялёная жабка кросны ткала
Калида! *)
А пришоў-жа къ ней чорный арачикъ:
— Богъ помочь табѣ, зялёная жабка! —
„Дзякуй табѣ, чорный арачикъ!“
— Цябе, зялёная жабка колёсами затруць. —
„А цябе, чорный арачикъ, попы зъядуць,
„На тарелочкахъ, на видэлячкахъ разнясуць.“

(Зап. волостной писарь К. Шимковичъ. Доставлено мировымъ посредникомъ М. Ѳ. Созоновымъ.)

93

(Тамъ же)

Вы колядыньки мое нѣжинки!
До корчомуньки биты сцежуньки,
Вы колядыньки на дубъ, на дубъ,
А мужикъ жонцѣ ня любъ, ня любъ.
А вы, колядыниньки, проше отъ насъ,
А вы, мясьнички, проше къ намъ.

(Записано тѣмъ же.)

94

(Тамъ же)

На Богатую Коляду — Васильевъ вечеръ (канунъ новаго года) поютъ малые ребята:

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ
Ци дома, дома самъ господаръ?
Сядзиць сабѣ на куцѣ,
На имъ шуба соболёва.
Што въ тэй шубѣ?
Три калитэчки,
Три шеляжечки.
Ў поли да ў поли

*) Послѣ каждаго стиха повторяется припѣвъ „Калида“

Плуги плывуць,
Пречиста Маци
Ѣсци носиць
И Бога просиць:
Зародзи, Божа, жито и пшаницу
И ўсякую пашницу,
Богу на свѣчку,
Намъ на пирапечку,
Богу—полушка,
А намъ—цялушка.
Богу—шеляжокъ,
А намъ—пирожокъ.

(Записано тѣмъ же).

95

Привожу записанную мною отъ М. Котвевичовны, въ Чашникахъ, колядную игру:

„Дзѣуки и мальцы стануць у рядъ, одзинъ малецъ сядзець на палкѣ верхомъ, подъѣзжаиць къ одной изъ дзѣвокъ и пяець:

Я ѣду бѣлъ молодзецъ,
Я ѣду бѣленькій.
Жаницися, дзѣвочки,
Жаницися, красныя!

„Дзѣуки яму отпѣюць:

Коли ты бѣлъ молодзецъ,
Коли ты бѣленькій,
Гдзѣ твоя матынка?
Гдзѣ твоя родная?

„Малецъ кланяицца, показаиць на яё и пѣецъ:

Вотъ моя матынка!
Вотъ моя родная!

„Ёнъ подъѣзжаиць къ мальцу и пѣецъ яму, што и дзѣукѣ пѣялъ (первые стиха).

„Малецъ:

Гдзѣ твой бацинька,
Гдзѣ твой родненькій?

„Ёнъ кланяицца другому и показаиць на яё и отвѣчаиць:

Вотъ мой бацинька,
Вотъ мой родненькій!

„Наконецъ яго пытаюць:

Гдзѣ твоя дзѣвонька,
Гдзѣ твоя милая?

— Вотъ моя дзѣвонька,
— Вотъ моя милая!

„Тутъ усѣ становуць у кругъ и ёнъ вводзиць туда свою милую.“

96

(Лепельскаго у., село Апанасковичи)

Сивая свиньня ў лѣсъ пошла,
Калида!
Споткалася съ сивымъ воўкомъ,
Калида! *)
„Сивая свиньня, куда идзешь?“
— Сивый воўчокъ! кореньня копаць,
— Кореньня копаць, жалуды ѣсць. —
„Сивая свиньня! и я съ тобой.“
— Сивый воўчокъ хохочацца,
— А мнѣ съ табой ня хочацца. —
„Сивая свиньня! посядзимъ съ табой“.
— Сивый воўчокъ! якъ съ табой посяжу,
— Жизнь свою рашу:
— Быць моей шерстоцы растрисанной,
— Быць моимъ косточкамъ разнесиннымъ. —
Якъ сѣў, посядзѣў, воўкъ свиньню заѣў,
Шерсточку растрёсъ, косточки разнесъ.
Млада Рузалька ў садъ пошла,
Споткалась съ бѣлымъ молойцомъ,
„Млада Рузалька! куды идзешь?
— Бѣлый молодзецъ! ў садъ пойду. —
„Млада Рузалька! и я съ тобой.“
— Бѣлый молодзецъ хохочацца,
— А мнѣ съ табой ня хочацца:
— Быць моимъ косочкамъ расплецинныимъ,
— По бѣлымъ плечамъ растрепаннымъ. —

(Зап. воспитанницею Витебскаго духовнаго училища Ольгою Котырло.)

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

97

Ў Левона куцью тоўкуць:
Куць, куць! да куцью тоўкуць.
Ў Левона вороты завѣшены
Сукномъ, сукномъ, червоною китайкою.
Ў середу снѣгъ напаў,
А мой милы съ коня спаў;
Якъ спаў, такъ и лежиць,
Покуль мила прибѣжиць.
А якъ мила прибѣжала,
За рученьку подзержала.
— Ўстань, милы, не лежы,
— Подзи коня привяжи. —
„Сивы коню сивы, малеваны санки,
„Якъ сяду, то поѣду до своей коханки;
„Да ў моей коханки смалянын лаўки,
„Якъ сѣў—такъ и прикипѣў“.

98

Да ѣхаў я, ѣхаў, Коляда!
Мимо гай зелёны, Коляда! *)
Мимо садъ вишнёвы,
Да бачыў я яблоньку,
Зелёненко цвила
Да бѣлымъ цвѣтомъ,
Да широкимъ лисцемъ.
Якъ яё не зачепаў,
За галинку не браў,
Да чекаў я весны
Да цёплаго лѣцечка.
Кабъ яна позрѣла
И мнѣ молодому поспѣла.
Ѣхаў я молодзенекъ
Мимо цесьця двора,
Да бачыў дзѣвечку
Хорошенько убрана,
По двору походзае.
Якъ яё не зачепаў,
И за ручку не браў.
Кабъ яна выросла,
Да за мене пошла.

99

„Ой стукъ, матка, стукъ,
„Што то ено тутъ:
„Чы хто стреху разрывае?
„Чы хатыньку верне?“

*) Припѣвъ „коляда“ повторяется послѣ каждаго стиха.

— Цихо, сынку, морозъ стучыць,
— Калядуньку голосиць;
— Будуць блинцы и каўбасы
— Горѣлечка зъ мёдомъ.
— Пойдземъ, сынку, до сусѣда
— Пѣсеньку спѣваци;
— Ой ў той часъ ты забудзешь,
— Што стучело ў хаци.—
„Чи той морозъ, моя матко,
„Ў сусѣди не бывае?
„То я цеперъ да побѣгу
„Пѣсеньку спѣваци.“
Нехай, сынко, почекаёмъ
— Бѣленькаго свѣту,
— Ў той часъ будзе пора спѣваць,
— Што Богъ народзиўсе,
— А ты, бѣдны да мой сынку,
— Ў той дзень одговѣўсе.

100

Да казаў хмѣлёкъ да на тычки идучы:
Чему мене да не брали?
Да казаў хмѣлёкъ да посыхаючы:
Чему мене да не ховали?
Ўжо жъ вы мене цеперъ не возьмеце,
Ўжо жъ вы мене да не сховаеце
Ани ў бѣлые мѣшечки,
Ани ў дубовые судзинычки,
Ўжо жъ я раскачусе,
Ўжо жъ я да разсыплюсе.
Да казаў Казусько, да выходзечы съ хатки:
Чему мене ў осень не женили?
Ўжо жъ вы мене цеперъ не удзержице,
Ўжо жъ вы мене цеперъ не угледзице,
Ани ў бѣлой сирмяжцѣ,
Ани ў новой хатцѣ;
Пойду жъ я мандруючы
Сабѣ дзѣвоньки шукаючы.

(Всѣ четыре изъ сборника Яна Чечота: Piosnki wieśniacze 1846. стр. 6).

101

(Быховскій у.)

А подъ нашимъ сяломъ надъ слобадою
Стояли, свяцили мѣсячки чатыры:
Первый мѣсичка — маладый Василька,

Другэй мѣсичка—маладый Паўлючокъ,
Треци мѣсичка—малады Захарка,
Чатвёртый мѣсичка—малады Иванька.
Надъ нашимъ сяломъ надъ слободою
Стояли свяцили зорычки чатыры:
Первая зорка—молода Таццянка,
Другая зорка—молодая Дарьичка,
Трецiя зорка—молодая Марьюшка,
Чатвёртая зорка—молодая Хоўрочка.
Таццянка зорка—Васильку жонка.
Дарьичка зорка—Паўлючку жонка,
Марьюшка зорка—Захарку жонка,
Хоўричка зорка—Иваньку жонка.

(Зап. А. Ф. Лисовская.)

102

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Иваньку попоў
Па вадзицу пашоў,
Молодзицу нашоў.
Ў Царешки бѣда стала,
Съ кѣмъ яго жана спала,
Подъ гаемъ зелененькимъ,
Съ молойцомъ молодзенькимъ?
А ты-жъ мой дзѣцичка,
А ты-жъ мой лебедзичка,
Посядзи ты ў кутку,
Покуль я кросну вытку,
Отрѣжу кошулечку
Тонко-тонюсеньку
Бѣло-бѣлюсеньку;
Будземъ женицися,
Будземъ васелицися,
Пива нагонимъ
И госцей назовемъ!

(Зап. мною отъ М. Котвевичовны.)

103

(*Быховскій у.*)

Наляцѣли соколы зъ стороны,
Сѣли-пали на домикѣ на дворѣ,
Крылушками ўвесь дворъ размяли,
Воценьками ў святлицаньку свяцили,
Голосоцками ўдовушку ўзбудзили:

— Ўстань, ўстань, ўдовушка-ўдова
— Ўстань, ўстань, побѣдная голова,
— Выйдзи, выйдзи за новыя вороты,
— Прилягъ, прилягъ къ сырой земли,
— Ци шумиць дубравонька зеляна,
— Ци стогниць дороженька широка?—
„Ўжо ѣдуць козацпнькп со войны,
„Мойго дружка тольки лошадки вядуць,
„На лошадзи сядзѣлюшка щирая,
„На сядзѣльцу рубашичка тонкая,
„Тонка бѣла, ўся кроўю ўскипѣла.
„А мнѣ молодой ў приказѣ было,
„Штобъ я безъ воды была вымата бѣла,
„Штобъ безъ солнца суха высушена была,
„Штобъ безъ каталки гладка выкатана была.
„А я млада догадлива была:
„Вымыла я горучими слезами,
„Высушила кручиною-печалью,
„Выкатала рацивымъ серцемъ!
„Вотъ я теперь ўдовушка-ўдова,
„Ўдовушка-ўдова, побѣдная голова!"
(Зап. А. Ф. Лисовская).

Въ Себежскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, коляда празднуется слѣдующимъ образомъ:

Послѣдній день Филиппова поста или канунъ праздника Рождества Христова называется *колядою*. Почему названіе коляды усвоено этому дню и что́ оно собственно обозначаетъ—рѣшить трудно. По мѣстной народной филологіи, слово „коляда" означаетъ просьбу.

Празднованіе *коляды* начинается вечеромъ. Въ числѣ необходимыхъ приготовленій къ встрѣчѣ ея и праздника Рождества Христова, считается хожденіе въ баню. Когда всѣ явятся въ благовидной чистотѣ, хозяйка накрываетъ для ужина столъ и кладетъ подъ скатерть сѣно, въ воспоминаніе рожденія Спасителя въ ясляхъ, а хозяинъ зажигаетъ передъ образами свѣчи. По призыву его, всѣ подходятъ къ иконамъ и молятся, потомъ садятся за столъ

и прежде всего ѣдятъ кутью, въ воспоминаніе и чествованіе умершихъ. Какъ только съѣдятъ нѣсколько ложекъ кутьи, хозяинъ зоветъ морозъ, въ честь котораго кладетъ ложку кутьи на окно. Къ морозу онъ обращаетъ такую рѣчь: „морозъ, морозъ! поди къ намъ кутью ѣсть, зимой приходзи, а лѣтомѣ не ходзи, подъ гнилой колодой лежи, нашего хлѣба не морози: ни гороху, ни овса, ни жита (ячменя)“. Попотчивавъ морозъ, продолжаютъ ѣсть овсяный кисель, варенные грибы, топленую *) рыбу, толокно и блины. Во время ужина являются подъ окнами колядовщики и, въ честь хозяевъ а также и для собственной поживы, поютъ:

Пришла Коляда
Наканунѣ Рождества.
Коляда, Коляда!
Виноградная, красная, зеленая
(Слѣдуетъ припѣвъ)
Мы ходзили, гуляли, колядовщицки,
Приходзили, пригуляли
Къ господарскому двору.
Господарскій дворъ
На семи столбахъ
На восьми столбахъ.
Столбы тоценые,
Позолоценые.
А на самомъ дворѣ
Стояцъ три церема.
Какъ во первомъ церему
Усѣло солнышко,
Въ другомъ церему —
Свѣцелъ мѣсяцъ.
А во трецьемъ церему —
Цасты звѣздушки.
Цепло солнышко —
Хозяюшка въ дому,
Цеплый мѣсяцъ —
То хозяинъ самъ,
Цасты звѣздушки —
Малы дзѣтушки.
Какъ поѣхалъ нашъ хозяинъ
Въ Новгородъ,
Закупалъ нашъ хозяинъ
Подароцковъ:
Молодой хозяюшкѣ —
Кунью шубушку,
А сынкамъ —
По сапожицкамъ,
А дочушкамъ —
По сермяжицкамъ.

Послѣ этой пѣсни колядовщики обращаются къ хозяину съ такой просьбой:

Хозяюшка,
Нашъ батюшка!
Подари гостей,
Колядовщиковъ,
Съ клѣти рѣшетомъ,
Съ пецки пирогомъ.
Подай колбасу
Я въ зубахъ понесу.

*) Рыба, приготовленная съ малымъ количествомъ воды и въ закрытомъ сосудѣ.

По окончаніи ужина, хозяинъ и хозяйка вытягиваютъ изъ-подъ скатерти стебельки сѣна и по нимъ угадываютъ ростъ сѣна въ будущее лѣто. Если попадется подъ руку стебелекъ длинный — лёнъ выростетъ большой, если малый—то будетъ не великъ.

Весь колядный день проводится весьма чинно. Всѣ радуются наступившему празднику; но въ особенности съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его дѣвушки, потому что для нихъ настаетъ время допрошать судьбу о своемъ будущемъ, гадать о своихъ суженыхъ-ряженыхъ. Гаданіе ихъ начинается еще съ самой коляды. Такъ, нѣкоторыя изъ нихъ, бывъ еще въ банѣ, выходятъ голыя и катаются по снѣгу, и потомъ на-завтра смотрятъ, какъ вѣрно вышелъ ихъ отпечатокъ. Если отпечатокъ не гладкій, съ продольными или поперечными полосами, значитъ мужъ будетъ придирчивый. Другія, подметя избу выносятъ соръ на улицу и слушаютъ, въ которой сторонѣ залаютъ собаки: откуда послышится лай, тамъ и придется быть за мужемъ. Третьи ставятъ стаканъ или ложку на окно съ водою: если въ теченіе ночи вода останется цѣла — признакъ, что мужъ будетъ трезвый, а если прольется, то будетъ пьяница. Иныя гадаютъ еще такъ: берутъ пучокъ соломы и ищутъ, не найдется ли въ немъ хоть одного колоса съ зерномъ; если такой колосъ отыщется, то замужняя жизнь пройдетъ въ довольствѣ, а если нѣтъ, то въ бѣдности и пр. и пр.

Въ коляду, по окончаніи ужина, ложатся спать рано и встаютъ съ пѣніемъ перваго пѣтуха. Это дѣлается сколько для того, чтобы успѣть съ приготовленіями къ празднику, столько и по повѣрью: кто въ Рождество раньше встанетъ, у того работа будетъ спорнѣе. Не ложатся спать въ эту ночь однѣ хозяйки: онѣ послѣ ужина затапливаютъ печь и приготовляютъ обѣдъ, который состоитъ изъ студеня, колбасъ, похлёбки, каши и киселя съ молокомъ. Когда приготовленія къ столу окончены, хозяинъ, а съ нимъ и другіе, болѣе взрослые изъ семьи, наряжаются въ лучшія одежды и отправляются въ церковь; затѣмъ, возвратившись домой, разговляются, послѣ этого отдыхаютъ, а вечеромъ молодежь со всей деревни, запасшись скрипками и гармониками, отправляется къ тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ избы попросторнѣе, и проводитъ время въ пляскѣ, играхъ и пѣніи слѣдующихъ пѣсень:

— Зацымъ ходзишь Холимонъ,
— Холимоновъ большій братъ?—
„Хожу дзѣвушекъ смотрѣць,
„Хожу красныхъ любоваць:
„Которая любая, которая хороша —
„За себя за мужъ возьму."
— А мы дзѣвку не отдадзимъ! —
„А мы силушкой возьмемъ,
„Съ похвалы дзѣвку поведземъ!"

Посреди избы ставятъ скамейку, на нее садится молодой мужчина, котораго называютъ „ящуромъ". Дѣвушки, взявшись за руку, ходятъ вокругъ скамьи и поютъ:

Сиди, сиди, ящуръ
Ладу, ладу!
Въ орѣховомъ кусцѣ.
Ладу, ладу! *)
Въ зеленомъ капусцѣ,
Въ липовомъ слицѣ.
Дакуль табѣ сидзѣци?
Пора табѣ жанитца.
Ково́ табѣ браци:
Старую бабу,
Аль молодзицу,
Аль красну дзѣвицу?
Цымъ цябе дарици:
Шолковымъ платоцкомъ,
Аль поясоцкомъ,
Аль съ руки перстяноцкомъ? **)

Послѣ этого молодухи (замужнія женщины) и дѣвушки несутъ ящура на лавку; онъ заставляетъ ихъ плясать: кто исполнитъ его желаніе, получаетъ отъ него подарокъ и поцѣлуй.

Сажаютъ молодаго парня на скамью, посреди избы, и, указывая на него, поютъ:

О, горе мое, гореванье
Съ этимъ старымъ старикомъ
Съ доморощиницкомъ!
Ёнъ пашеньки не паша,

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

**) Варіантъ:

Ляцѣу ящеръ
Ладу, ладу!
Сѣу сяродъ города.
Ладу, ладу! (Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха)
У гороховомъ вянку
Енъ горошекъ точиць,
Жаницьца хочець.
Жанись, жанись ящеръ!
Возьми сабѣ кажку,
Якую хочешь.
Возьми сабѣ Кацерину,
За бѣлую ручку,
За золоты перецень.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны въ Чашникахъ.)

И вси человѣцы отъ радости скачуть,
Сами злые духи жалостно плачуть,
Что Богъ и Моцарь—всего свѣта Царь!
Радуйся Аароне, Божій человѣкъ!
Отъ твоего жезла цвѣтъ красный произниче.
Прилично бы ти зъ нами жити,
Бога въ плоти славити.
Ты, Іессею, къ Богу воздохнулъ
И отъ суха кореня жезлъ твой не усохнулъ.
Богъ и Мессія исполни сія,
Отъ чреслъ бо твоихъ просія.
Въ гусли весела брацай, пророче Давыдзе!
Отъ плода твоего Царь на свѣтъ произыдзе,
Въ немъ сія водворить, враги покорить,
На вѣчный престолъ ускорить.
Пречистая Марія! Радости причина!
Испроси намъ благодать у Твоего Сына
Мирно пожити а въ небѣ быти
И Тя съ Богомъ пѣти.
(Записано учителемъ Коптевичевскаго училища г. Преображенскимъ.)

105

(Тамъ же)

Новая радость стала, яка не бывала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясно, свѣтло возсіяла,
Гдѣ Христосъ родился, изъ Дѣвы воплотился,
Якъ человѣкъ пеленами повился.
Ангели спѣвають, слава восклицають,
На небеси и на земли покой возглашають.
Давидъ выгравает, у гусли ударяеть,
Мелодійне и предивне Бога выявляеть.
И мы тожъ вспѣвали, Христа прославляли,
Изъ Маріи рожденнаго смиренно.
Просимъ Тя, Царю Небовладыку!
Даруй лѣта счастливы сему господару
Въ мирѣ проводити
И зъ Тобою Сотворителемъ во вѣки вѣковъ жити.
(Зап. тѣмъ же.)

106

(*Тамъ же*)

Рцы намъ Маріе: что есть чудо сіе?
Что рождаешь Отроча безъ пожитей житейскихъ
И родивши полагаешь Его въ яслехъ скотскихъ.
Сей міру жонданный, Емануилъ званный,
Вмѣстился въ утробѣ моей Невмѣстимый
И родился якъ хотѣлъ Богъ Непостижимый,
Рождеству дивился, купно поклонился,
Бо изъ неба испустился, человѣче, для тебе,
Хотя жь тя посадити одесную себе.
За звѣздою тріе пришли странни Царіе,
И пришедши къ вертепу предъ Нимъ упадали,
Ливанъ, смирну и злато Ему покладали,
Ангели соспѣвали, пастыри славили,
И мы съ нимъ яко Творца восхваляемъ Его,
А Онъ даетъ намъ жить въ себе, у Отца своего.

(Зап. тѣмъ же.)

107

(*Тамъ же*)

Предъ лѣты родился подъ лѣты,
Хотя землю просвѣти Ты,
Да насъ отъ тьмы возведетъ
И къ свѣту заблудшихъ приведетъ.
Новое лѣто зачинаетъ,
Новый Царь Царя низлагаетъ,
У Бога ся родилъ,
Бога того заслужилъ,
Гдѣ Сына породила Панна,
Падаетъ въ Ефесѣ Діанна.
Познай Бога храмино!
Привыкай, Панно, повивати.
Содѣтеля своего знають нашого быдлята,
Полнота мѣсячная была,
Гдѣ Панна сына родила.

. . . .
. . . .
. . . .

А звѣзда принудила Цари
Спѣши ты къ вертепу съ дары.
Витали пастыріе,
Посемъ знашли Царіе,
Ирода лживо оставили
И иншимъ путемъ возвратили[сь],
Радуются неложно,
Что ходили неприложно.
А Иродъ зъ того засмутился,
Что Христосъ Господь народился,
Казалъ Его искати;
По всей земли пытати.
Иридіане всѣ смутятся,
Въ Египтѣ болваны крушатся,
Ангелъ во снѣ сказуеть,
Что же Иродъ готуеть.
Пойми, Іосифе, Панну,
Въ Египетъ твори стезю странну,
Даже враги погибнутъ
И кончину воспріимутъ.
Ироду не уподобимся,
Вѣрніи Христу поклонимся,
Бо насъ грѣховъ захóвалъ
И намъ царство дарóвалъ.

(Зап. тѣмъ же.)

108

(*Невель*)

Прошли всѣ часы и годы,
Въ которые бѣсы торжествовали, какъ народы,
Оставивъ отцемъ нашъ грѣхъ.
И за то пропали въ пропасть вѣчную какъ мѣхъ.
Нынѣ же всѣмъ врата небесныя отворены
И отъ насъ всѣ бѣдствія отдалены,—

Потому что нынѣ родился предвѣчный Богъ,
Который сотретъ демону острѣйшій рогъ,
Чтобы чрезъ предѣлъ къ намъ не леталъ
И души праведныя во тьму не затворялъ.
Но Христосъ выводитъ эти души изъ тьмы и даетъ свободу,
Глася слово спасенія всему народу.
За то здѣсь слышимъ всемірны клики
И на христіанахъ торжественны лики.
Не могъ умолчать сей радости предъ вами
И пришелъ поздравить сими словами.
Да дастъ Господь вамъ много лѣтъ,
И хранитъ васъ отъ всякихъ бѣдъ!
Чего душевно я желаю,
И васъ съ праздникомъ поздравляю,
Съ Рождествомъ Христовымъ!
(Зап. гимназ. Д. Жучинскимъ.)

109

(Тамъ же)

Когда Іисусъ Христосъ народился,
Тогда царь Іудейскій смутился.
Я изъ вышъ (?) поклонился.
Ахъ ты Ироде безумный!
Ахъ ты роде проклятый!
Чего ты не сочинилъ,
Около пяти сотъ младенцевъ погубилъ.
За то тебя повинуютъ,
Что ты Іисуса Христа загубилъ.
День свѣтлѣйшій,
Господа честнѣйшіе!
Честь имѣю съ праздникомъ поздравить.
(Зап. тотъ же.)

110

(Тамъ же)

Когда Іисусъ Христосъ народился,
Тогда Іудейскій царь смутился.

Ангели славять,
Младенца хвалять,
Небо ликуеть,
Земля торжествуеть,
И вы, господа, торжествуйте,
Христа любите,
Долгій вѣкъ живите!
Съ праздникомъ поздравляю,
Съ Рождествомъ Христовымъ!

(Зап. тотъ же.)

111

(Тамъ же)

Великъ плачъ и рыданіе,
Возсталъ царь на царя,
И разослалъ по всему царству,
Чтобы искать младенцевъ,
Двухъ и трехъ лѣтъ.
Ахъ ты идолъ пятельникъ!
Они молодые дѣти—ничего не понимаютъ!
День свѣтлѣйшій, господа честнѣйшіе,
Не могъ умолчать своей радости предъ вами,
Пришелъ поздравить высокоторжественными словами
Съ праздникомъ Рождествомъ Христовымъ.

(Зап. тотъ же.)

112

(Тамъ же)

Рано, рано три еврея вставали,
На Іисуса Христа крестъ готовали,
При этомъ же мать Марія стояла
И горько, горько рыдала.
Не рыдай, не рыдай моя мати,
Я хочу на этомъ крестѣ пострадати
И въ третій день изъ гроба встати,

Пасху посвячу
И всѣхъ людей освячу.

(Зап. тотъ же.)

113

(*Тамъ же*)

Торжествуйте, добродѣтелью наслаждайтесь,
Въ сердцахъ вѣнцомъ украшайтесь,
И жизнью хорошей восхваляйтесь,
Днесь Христосъ родился,—
Весь міръ просвѣтился.
Звѣзда явилась на востокѣ,
Ангели съ восторга хвалу Создателю поютъ,
И людямъ радость даютъ.

(Зап. тотъ же.)

114

(*Тамъ же*)

Христосъ родися,
Звѣзда явися.
Ангели хвалятъ,
Младенца славятъ.
Волсви приходятъ,
Дары приносятъ.
Высокопочтеннѣйшіе господа!
Я не могъ умолчать предъ вами,
Пришелъ поздравить сими словами,
Что Богъ молящійся на Сіонѣ,
Дастъ намъ жизнь на Авраамѣ лонѣ.
Я вашему желанію жить желаю,
И васъ, господа, съ праздникомъ поздравляю

(Зап. тотъ же.)

115

(*Тамъ же*)

Днесь Христосъ въ Виѳлеемѣ рождается отъ Дѣвы
И днесь слово воплощается,

Силы небесныя радуются,
И земля съ человѣки веселятся.
Ангели хвалятъ,
Младенца славятъ,
Волхвы Владыцѣ дары приносятъ,
Пастыри родшемуся дивятся.
Высокопочтеннѣйшіе господа,
Съ праздникомъ поздравляю!

(Зап. тотъ же.)

116

(*Тамъ же*)

Когда Іисусъ Христосъ родился,
Тогда Іудейскій царь смутился:
Онъ сталъ съ Іудеями размышлять,
Гдѣ бы намъ Іисуса Христа поймать?
Вы идите, идите,
Во Виѳлеемъ вступите,
Тамъ Іисуса Христа обличите.
Ахъ, ты Ироде безумный!
Ахъ, ты роде проклятый!
Что ты это сочинилъ?
Четыре ста десятковъ погубилъ,
Невинной крови напился,
За богатствомъ погнался,
Въ муку вѣчную попался.

(Зап. тотъ же.)

117

(*Тамъ же*)

Днесь звѣзда на востокѣ возсіяла,
Тремъ царямъ путь показала.
Три цари шли,
Злато, ливанъ и смирну несли.
Съ праздникомъ поздравляю
Съ Рождествомъ Христовымъ
И на небѣ съ вами жить желаю.

(Зап. тотъ же).

118

(*Тамъ же*)

Какъ на Синемъ морѣ, на Сіонской горѣ,
Тамъ Іисусъ Христосъ гулялъ
И разные цвѣточки рвалъ.
Пришли жидове, ворове,
Взяли Іисуса за праву ручку
И повели на крестъ распинать
И горячу кровь разливать.
Какъ увидѣла Мать царева,
Стала плакать и рыдать.
Ты не плачь, моя мать!
Я хочу на крестѣ пострадать,
За весь міръ христіанъ.

(Зап. тотъ же).

119

(*Тамъ же*)

Я маленькій хлопчикъ,
Сѣў на стопчикъ,
Ў дудачку играю,
Христа величаю,
А васъ, господа,
Съ праздникомъ поздравляю.

(Зап. тотъ же.)

120

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Я маленькій хлопчикъ,
Ўзлѣзъ на стоўбчикъ,
Ў дудочку играў
А вы, теща, знайце,
Килбасы дайце.
Я маленькій куликъ,
Къ дачѣ привыкъ.
Пришоў зъ новиной,
Васъ емосце оглоше,
Колёнда проше.

(Записс. мною отъ М. Коткевичевны.)

121

(Невель)

Я маленькій хлопчикъ,
Ўскочнў на стопчикъ,
Стопчикъ повалиўся,
И я малинькій ўбиўся.
Сѣли дѣўки ѣсь,
А мнѣ негди сѣсь;
Я за пирогъ
Да и за порогъ.
Мяне дѣўки нагнали
И пирогъ отобрали
И хохолъ надрали.
Вамъ этого не желаю,
А съ праздникомъ поздравляю.
Вы эту рацію знайте,
Да и рубь мнѣ дайте.

(Зап. гимназ. Д. Жучинскимъ.)

122

(Тамъ же)

Днесь Христосъ народился,
Весь міръ просвѣтился.
Ангели поютъ,
Вамъ радость даютъ.
Восточная звѣзда возсіяла,
Пречистая мать дитя купала.
Приходили три царя,
Приносили Христу дары.
А вы, люди, идите, идите до Божьяго дома,
Тамъ съ злата корону отливаютъ,
А васъ, господа, съ праздникомъ поздравляютъ.
(Зап. тотъ же.)

Масляничныя пѣсни.

123

(М. Чашники.)

Мы маслиную дожидали,
Насъ маслиная подманила,
Люли, люли подманила *).

*) Съ этимъ припѣвомъ повторяется послѣднее слово каждыхъ двухъ слѣдующихъ стиховъ.

Мы думали семь нядзѣликъ,
Ажно маслиница семь дзянёчкоў!
Наша маслиница зъ горъ катлива,
Наши горушки ўсё крутыя,
Наши дзѣвушки ўсё гулливы,
А молодушки ўсё смяшливы,
Стары бабушки брюзгливы:
На пачи сидзяць, ўсё на насъ брюзжаць.
(Записано мною отъ М. Коткевичовны.)

124

(*Тамъ же*)

Ў насъ сягодня маслиница,
Приляцѣла къ намъ ластовица,
Сѣла-пала на колу,
Скинула масла по кому.
А на горѣ церкоўка,
На церкоўкѣ крыжичикъ,
На крыжичку макоўка,
А на макоўки ластоўка.
Поляцѝ (2), ластовица,
Ў большую дзяреўню,
Приняси намъ, ластовица,
Што ў дзяреўни дзѣнцца?
— Дзевяци дзяцюкоў сценяюць,
— А дзисятого вѣшаюць.—
Поляцѝ (2), ластовица
Ў малая мястечко,
Прияяси намъ, ластовица,
Што ў мѣстечки дзѣнцца?
— Дзевяци дзѣўокъ винчаюць,
— Дзисятую заручаюць.—
(Зап. тѣмъ же.)

125

(*Тамъ же*)

Мы маслиницу прокатали,
Сыромъ горы укладали,
Масломъ сверху поливали,
Штобъ наши горушки были крутыя,
Наша масляница зъ горъ катлива.
А мы масляницу прокатали,
Ў пясокъ яё закопали,
Да на лѣто яё прибрали.
(Зап. тотъ же.)

126

(Витебскаго у., м. Усвяты)

Наша масляница катлива,
Што катлива, люли, катлива.
А мы масляницу прокатали,
Прокатали, люли, прокатали.
Сыромъ гору набивали,
Набивали, люли, набивали.
Сверху масломъ поливали,
Поливали, люли, поливали.
Наши дзѣвушки горливы,
Што горливы, люли, и горливы.
Наши мальцы шаловливы,
Шаловливы, люли, шаловливы.
Насъ съ горушки домоў кличуць,
Домоў кличуць, люли, домоў кличуць.

(Зап. гимн. Потоцкимъ.)

127

(Лепельскаго у., м. Чашники)

Плаваў чаўнокъ по рацѣ,
Плакаў дзяцюкъ по дзѣўцѣ.
Плаваўши чаўникъ ўзнырнець,
Плакаўши дзяцюкъ ўздыхнець:
— Якъ зъ восени лыку ня драци,
— Дакъ силой дзѣўки ня ўзяци.—

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

128

(Тамъ же)

Шлися ко мнѣ Гармонею,
Шлися къ бацькѣ мойму,
Коли мнѣ Гармонею бацька ня оддасць
Я за цябе, Гармонея, и сама пойду:
Чиразъ поля, Гармонея, широкоя,
Чиразъ мора, Гармонея, глубокоя,

На дворъ твой, Гармонея, чорной тучею,
Ў сѣни твои, Гармонея, дробнымъ дождемъ,
Ў хату твою, Гармонея, яснымъ соўнцемъ,
За столъ твой, Гармонея, паненкою,
Ў ложу твою, Гармонея, миленькою.
(Зап. тѣмъ же.)

129

(Тамъ же)

Вариў Кузьма пиво
На дзиўная дзива.
Зазваў Кузьма дзѣвокъ,
Тольки одной Рожиной маци нѣтъ.
Пишиць Рожина мацъ:
— Рожутко, дзицятко!
— Ня стой съ Кузьмомъ близка
— И ня кланяйся низка. —
Рожа Кузьму ня узнала,
Да къ Кузьмѣ стала близка
И уклонилася низка.
Пишиць Кузьма къ яё маци:
„Жди мяне, маци,
„Зъ малымъ дзицяцемъ
„И зъ молодымъ зяцемъ.“

(Зап. тѣмъ же.)

130

(Д. Васьковичи)

Иванька ладниньки!
Ня стой надъ ракою,
Ня махай рукою,
Шоўковымъ платочкомъ (2).
Коли любишь мяне,
Спытайся ў мамки,
Коли мамка оддаець,
Дакъ я и сама иду
И руку табѣ даю.
Ня стой Рожа съ Кўзьмомъ,
Кўзьма цябе зражиць (2),
Дзиця, цабе зглазиць (2),
Ўбраўся Кузёмка
Ў жаноцкая плацця (2),
Ў дзявоцкая облицца.
Рожа ня вузнала,
Къ Кўзьмѣ близко стала.
А што за падружка,
Што за ручку циснець (2),
На ножку ступаиць (2),
Ўсё Рожу чапаиць?
И ждзи, маци, ў госпи
Объ зялёномъ свяцѣ (2)
И зъ малымъ дзицяцемъ (2)
И зъ молодымъ зяцемъ.
Кўзьма мяне зразиў,
Дзиця мое зглазиў.

(Зап. В. Ив. Безперчій.)

131

(Чашники)

За горою, за крутою,
Туды ѣхаў Кіевски князь.
Тамъ гуляюць три танóчки,
Три танóчки, ўсё дзѣвочки.
Богъ поможи тремъ таночкамъ,
Тремъ таночкамъ, ўсё дзѣвочкамъ,
Ўсё дзѣвочкамъ мѣщаночкамъ.
Обмовилася сяляночка:
„На здороўе, Кіевски князь.“
— Узяў бы цябе—ня роўна мнѣ,
— Ў мойго бацьки полѣпши грубы топюць,
— Грубы топюць, воду носюць. —

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

132

(Тамъ же)

На горѣ купоросъ росъ,
Чортъ хлопца за хохолъ трёсъ.
Трясець, трясець—поколоциць,
Ў молодухъ правды доходзиць.
Якъ ў рашацѣ воды нѣтъ,
Такъ ў ихъ правды нѣтъ.
Якъ ў кубочки вода ёсь,
Такъ у дзѣвокъ правды ёсь.
Ишли дзѣўки станицей,
Пили вино шкляницей,
Ишли хлопцы мяжою,
Пили вино дзяжою.

(Зап. тѣмъ же.)

133

(Тамъ же)

Моя нявѣстка глупая была,
Яна домъ мой запалила.
Шость онучакъ ци ня плацця была?
Ўсё тоя добро погорѣло.
Шость вутокъ висѣло —
Ўсё тоя добро погорѣло.
Сярмяга—лата на лацѣ была—

Ўсё тоя добро погорѣло.
Кожушанька—вереценьцемъ страхонуць—
Ўсё тоя добро погорѣло.
Сапожонки бизъ подошвы были—
Ўсё тоя добро погорѣло.
Сорочка бизъ рукаў была—
Ўсё тоя добро погорѣло.
Панчошаньки бизъ пятъ были—
Ўсё тоя добро погорѣло.

(Зап. тѣмъ же.)

134

(*Тамъ же*)

На вулицѣ дзѣўки гуляюць (2),
Объ мяне молоду гукаюць (2),
Што у мяне мóлоды лихи мужъ,
На вулицу мяне ня пусциць (2),
А хоць пусциць, такъ позненька (2),
Ўси дзѣвушки розненько (2).

(Зап. тѣмъ же.)

135

(*Лепельскаго у. Смолянецкая волость*)

Ишла калина, ишла малина
　　Масляница! *)
Сустрѣла калина, сустрѣла малина,
Сустрѣла малина пяць голосоў.
Одзинъ голосъ—свякоръ кличиць,
Другой голосъ—свякроў кличиць,
Треци голосъ—дзеверь кличиць,
Чатвёрты голосъ—золоўка кличиць,
Пяты голосъ—милъ кличиць.
Свякоръ кличиць—пици хочиць,
Дзеверь кличиць—гулянь хочиць,

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Золвица кличиць—часацьця хочиць,
Милъ кличиць—спаци хочиць.
Я къ свякру зъ золотымъ кубкомъ.
Зъ золотымъ кубкомъ, зъ зялёнымъ виномъ;
Я къ свякроўцѣ зъ работою,
Зъ работою, зъ доенкою,
Зъ доенкою, зъ цялятками,
Я къ золоўцѣ съ щоткою,
Я къ дзеверу зъ скрыпками и съ цымбалами,
А къ милому зъ подушками, зъ дзярушками.

(Доставлено миров. посредн. М. Ѳ. Сазоновымъ.)

136

(М. Усвяты)

Виўся хмѣль пы болоту,
Пы болоту, люли, пы болоту,
Привиўся хмѣль кы горо́ды,
Кы горо́ды, люли, кы горо́ды,
Просиўся хмѣль ноцевать,
Ноцевать, люли, ноцевать,
Гдѣ хоромы и высоки,
И высоки, люли, и высоки,
Гдѣ горницы новыи,
Што новыи, люли, и новыи,
Гдѣ креватушки тесовыи,
Тесовыи, люли, тесовыи,
Гдѣ пяринушки пуховыи,
Пуховыи, люли, пуховыи,
Гдѣ жонушки молодыи,
Молодыи, люли, молодыи.

(Зап. гимназ. Потоцкимъ.)

137

(Чашники)

Выходзиў ў городзѣ указъ,
Люли, люли, ў городзѣ указъ.
Выходзила коза ў красномъ сарафанѣ,
Люли, люли, ў красномъ сарафанѣ.
Выносила указъ ў карманѣ,
Люли, люли, указъ ў карманѣ.
Хто указъ той прочитаиць?
Люли, люли, прочитаиць?
Прочитаў жа панъ Еремѣя,
Люли, люли, панъ Еремѣя,

Ёнъ читаць указъ ня ўмѣя,
Люли, люли, указъ ня ўмѣя.
Стары бабы пили—старикоў пропилй,
Люли, люли, старикоў пропилй.
Молодушки пилй—молодцоў пропилй,
Люли, люли, молодцоў пропилй.
Красны дзѣўки пили—красоту пропили.
Люли, люли, красоту пропили.
Попадзя пила—попа пропила,
Люли, люли, попа пропила.
Дзячиха пила—дзяка пропила.
Люли, люли, дзяка пропила.
Пономариха пила—пономаря пропила,
Люли, люли, пономаря пропила.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

Волочобныя пѣсни.

Въ с. Вымнѣ, въ 25 верстахъ отъ Витебска, въ дни св. пасхи поется волочебницкая пѣсня при слѣдующемъ обрядѣ:

Толпа волочебниковъ составляется изъ записныхъ любителей волочебничанья, весельчаковъ, небогатыхъ крестьянъ, и не рѣдко человѣкъ до тридцати. Собравшись въ условный пунктъ, волочебники выбираютъ изъ среды своей двухъ должностныхъ лицъ: „пычинальника“ и „миханожыча“. На обязанности перваго лежитъ распоряжаться поющими и начинать пѣніе. Вмѣстѣ съ „скрипачами“, „пычинальникъ“ поетъ пѣсню, остальные—только припѣвъ ея. На обязанности же „миханожыча“ лежитъ—носить мѣшокъ съ получаемыми за пѣсню подарками; въ этотъ мѣшокъ кладутъ все, что̀ только получается за поздравленіе: пироги, мясо, яица, сыръ и т. п. Такъ какъ въ теченіе дня соберется подарковъ не мало, то въ „миханожычи“ избирается лицо болѣе плотнаго тѣлосложенія и съ бо̀льшею физическою силой. Толпа волочебниковъ подходитъ къ окну, разставляется „пычинальникомъ“ и поетъ:

138

Ишли-бряли вылачобники,
  Христосъ воскрёсъ Сынъ Божай! *)
Вылачобнички—люди добрыи,
Вылачилися—нымачилися,
Ды того двыра пыталися,
Ды того двыра ойцовськыга:
„А чей-та дворъ ны горѣ стоицъ—
„Зилѣзный тынъ, мидяныи вырыта̀,
„Шулы то́чиныи й пызалочиныи,
„Виреюшки точиныи й золочиныи,
„Пыдваротница—слонёвыя кось?“
— Якушкинъ дворъ ны горѣ стоицъ!
— Зилѣзный тынъ, мидяныи вырыта́,
— Шулы точиныи й пызолочиныи,
— Виреюшки точиныи й золочиныи,
— Пыдворотница—слонёвыя кось,
— Пысяредъ двыра три колодися.—
„А чія жь то жина зы водой ишла,
„Зъ вядеркыми тясовыми,
„Съ ноченкыми шовковыми,
„Коромысилъ мыливанинькіи?
„Рызмахнула чиста серибра,
„Пычарпнула чиста золыта,
„Пыставила ў святлицы ны скамеички,
„Сыма пышла мужа будить:
„Ўстань, мужа! ни ляжи дужа!
„Зыгыдаю я табѣ дѣльца ни вяличкыя:
„Состроимъ мы сабѣ церькывку
„Ўборныю, быгамольныю!“
А ў тэй церкви пристолъ стоицъ,
Ны пристоли Христосъ ляжицъ;
Ў гылывахъ ў Яго Прячистыя Мать,
А ў ныгахъ ў Яго Святъ Микола.

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Расплакылыся Прячистыя Мать,
Святэй Микола унимаиць:
„Ни плачь, ни плачь, Прячистыя Мать!“
— Охъ! якъ-жа мнѣ ни плакыти:
— Мойго Сына жиды украли,
— Руки й ноги рыспинали.—
„Ни плачь, ни плачь, Прячистыя Мать!
„Твой Сынъ зъ мяртвыхъ воскрёсъ
„Ны Вяликыдня ў завутрини.
„Выда й зимля здриганулыся,
„Синія мыря скылыхнулыся,
„Бѣлыя рыбинка стрипянулыся,
„Ўси люди ўзрыдувалися,
„Сусымъ Христомъ виличалися“.
Ў тую церкву сыбиралися
Ўси святки, ўси празнички.
Сыбиралися, зличалися,
Одного свята ни доличилися.
„Якога свята?“—Святогà Ягорьря! —
Святэй Ягорьря пызыбавився.
„А гдѣ жь ба ёнъ пызыбавився?“
— Святэй Ягорьря коровъ пасець!
— Пасець, пасець, ды зыпасывыиць
— Зъ борздымъ хортомъ, зъ вострымъ жазломъ.
— Пасець, пасець, ды зыпасывыиць
— Отъ того гада бягучыга,
— Отъ тэй вѣдьмы—чирадѣйницы. —
А вси святки, ўси празнички
Сыбиралися, зличалися,
Одного свята ни доличилися.
„Якого свята?“ — Святого Миколы! —
„А гдѣ жь ба ёнъ пызыбавився?“
— Святэй Микола пы мижахъ ходиць,
— Пы мижахъ ходиць, жито родиць
— Густоя, идряноя
— Зъ зылатымъ хрястомъ и Сусымъ Христомъ.—
А вси святки, ўси празднички

Сыбиралися, зличалися,
Одного свята не доличилися.
„Якого свята?“ — Святого Илли! —
Святэй Илля пызыбавився.
„А гдѣ жь ба ёнъ пызыбавився?“
— Святэй Илля жита зыжинаиць
— Зъ бѣлымъ сырымъ, зъ Божжимъ Сынымъ —
А вси святки, ўси празнички
Сыбиралися, зличалися,
Одного свята не доличилися.
„Якого свята?“ — Святэй Прячисты!—
„А гдѣ жь ба ина пызыбавилыся?“
— Свитая Прячиста жита дыжинаиць
— Зъ зылатымъ хрястомъ съ Сусымъ Христомъ,
— Зъ бѣлымъ сырымъ, зъ Божимъ Сынымъ,
— Што разъ ризнець—то снопъ нажнець!
— Дыжинала, дивувалыся,
— Якъ гета жито зрыжалыся:
— Снопъ отъ снупа—пывтыра ступа,
— Бабка отъ бабки—пывторы пятки:
— Зы добромъ анбаръ рыспирантца,
— А въ хлѣви скотъ ни стылпляитца. —
Якушинька, отецкій сынъ, Микулаивичъ!
Ни кажи томиць, кажи дарицъ;
Прими госцей вылачобничкывъ!
А мы госци ни докучныи:
Мы зъ годъ ў годъ разъ пыбываимъ,
Христа взвиличаимъ.
А намъ-жа даръ—ни малъ, ни вяликъ:
Пычинальничку—чарвонъ зылатэй,
А припивальничку хошь нямного—ў пылзылатога!
Механожиго горькыя доля—
Яго жонка ня любиць;
Дайтя жь яму кусокъ сала,
А звышъ того сорыкъ іецъ,
Ды й пирыга конецъ:
Сорокъ іецъ ны іечинку,

А пырыга конецъ ны закусычку,
Бутэлку горѣлки и сыръ ны тарелки.
А въ пячи пырыся рыскырачилыся—
Ѣсь-жо намъ нызначилыся!

Послѣ этого хозяинъ или подходитъ къ волочебникамъ и тамъ дарить ихъ, или же подаетъ имъ за трудъ чрезъ окно. Въ рѣдкихъ случаяхъ и рѣдкій хозяинъ приглашаетъ волочебниковъ въ комнату на угощеніе. Это особенно цѣнится волочебниками. Угостившись и получивши даръ, волочебники поютъ:

А ну-ти-тка, братцы, сговоримся,
Госпыду Богу помолимся!
Спасиба тому, хто въ етымъ дому!
Бувай здоровъ съ ўсимъ дворомъ
И съ ўсей своей симейкою
И зъ дѣткыми дробненькыми.
Бувай здоровъ, май сто коровъ;
Пыживешь болій, будишь мать сто коній!

Поблагодаривши такимъ образомъ добраго хозяина, волочебники удаляются. Но если хозяинъ, находясь дома, по какимъ либо причинамъ не даритъ ихъ, или же замедлитъ подаркомъ, волочебники, вмѣсто вышеописанной благодарности, начинаютъ слѣдующую дерзкую пѣсню:

Ня хочишь дарицъ — пойдишь съ нами ходицъ:
Воды бувтацъ, грязи тыптацъ,
Сыбакъ дражницъ, людей смяшицъ!
Бувай здоровъ—лупи коровъ!
Пыживешь болій—облупишь коній!
Пыживешь трошку—облупишь и кошку!

Заслышавъ волочебниковъ, расчетливые хозяева спѣшатъ скрыться изъ дому; радушные же — стараются приготовить подарки, или угощеніе рѣдкимъ гостямъ.

Чѣмъ ближе день къ вечеру, тѣмъ болѣе увеличивается толпа волочебниковъ. Неизвѣстно для какой цѣли, за волочебниками ходятъ ихъ родные и жоны; въ пѣніи они не участвуютъ, хотя у иного хозяина имъ подносится водка и дается подачка.

Къ крайнему сожалѣнію, теперь очень рѣдко можно услышать волочебниковъ съ ихъ пѣснею подъ окнами: волочебницкія пѣсни становятся уже келейнымъ достояніемъ. Два священника, съ большимъ самовосхваленіемъ говорили, мнѣ, что „въ ихъ приходахъ волочебницкія пѣсни погребены и больше не воскреснутъ...“

Учитель 1-го Витебскаго приходскаго училища **Н. Я. Никифоровскій.**

139

Дзень добры, пане господáру!
Хрыстосъ васкресъ Сынъ Божы.
Да церазъ поля да широкое,
Хрыстосъ васкресъ Сынъ Божы *)!
Да церазъ межи залацéнькіе
Ишли-цекли валачóннички,
Да пытались слаўнаго пана,
Слаўнаго пана, пана господара.
Да чимъ же ёнъ ўславўисе?
И давромъ сваимъ и дваромъ своимъ.
Памятаюць дварè ўсё павимъ пяромъ,
Ўсё павимъ пяромъ, залатымъ крыломъ.
Стаўляе сталы ўсё цисóвыя,
Засцилая сталы ўсё китайкою,
Ўсё китайкою, ўсё зелёною,
Стаўляе кубки ўсё сребляные,
Наливае кубки зелёнымъ виномъ,
Зеленымъ виномъ, чорнымъ пивомъ,
Чорнымъ пивомъ, да салодкимъ мёдомъ.
Зелёное вино пану господару,
Чорное пиво для жаны его,
Салодóкъ мядóкъ для его дзѣтокъ.
Дай табѣ, Боже, пане господару,
Да пива варици, да сына жаници
Гарелочку гнаци, дочки даваци.

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Дай табѣ Боже, пане господару,
И ў каморы и ў аборы,
Гдзѣ гара, тамъ жита капа
Гдзѣ логъ, тамъ сѣна стогъ.
Пане гасподару, не кажи намъ ици,
Не кажи намъ ици, кажи надарыци.
Да наши дары не великіе
Валачоннички, не дакучнички.
Да ў годъ ходзяць, да Бога просяць.
Пачинальничку—падзесятничку,
Старшаму пѣўцу—да капу ейцу,
Да кашаланóсу да пирогъ къ нóсу.
Хрыстосъ воскресъ Сынъ Боже,
Проше, пане гасподару!

(Изъ сборника Яна Чечота, 1846.)

140

(*Витебскъ*)

Ишли-бряли волочебники
Христосъ воскресъ, Сынъ Божій *).
Пришли-прибряли къ честному мужу,
Къ честному мужу, богатому дому:
„Ци ёсь, ци нѣтъ господарь дома?
„Господарь дома, Иванюшка?“
Хуць ёсь, хуць нѣтъ—да не кажецца.
Садзицца за столъ, за столъ за цисовиньки,
За скацерку, за кручастую.
Стоиць пирадъ имъ да три кубочки,
Три кубочки позолоченые.
У первомъ кубку—зялено вино,
Ў другимъ кубку—солодки медъ,
Ў трецимъ кубку—пшенное пиво:
Зялянó вино—самому яму,
Солóдки медъ—то жанѣ яго,

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Пшенное пиво—то дзѣцёмъ его.
Нашъ паночикъ, господарочикъ Иванюхна!
Собираишься ты къ обѣдзенкѣ,
Надзѣнешь ты боты нѣмецкой работы,
Панчошки бѣлявые, подвязочки шоўковые,
Подвязочки шоўковые и шапочку соболиную.
Иваничка нашъ паночикъ, господарочикъ!
Приказаў томиць, прикажи дариць
Насъ госцей волочебничкоў.
Наши дары ни великіе и ни малые:
Починальничку чирвонъ золоты,
Чирвонъ золоты на паперенцы,
А бѣлый сыръ на талеронцы,
По чаркѣ горѣлки ў бутылонцы,
Подхватничкамъ по дзесятку яецъ,
А на вусли хоць ни много—поўзолотóго,
Михоношаго горкая доля,
Горкая доля—жана яго ня любиць.
Приняси яго мосцѣ кусокъ сала,
Штобъ яго жонка любиць стала,
Приняси яго мосцѣ кусъ солонину,
Кусъ солонину во ўсю спину.
Живи здороў со ўсимъ дворомъ,
И зъ дзѣтками, съ голубятками,
Зъ дальными пріяцёлами,
Да й зъ ближними сусѣдами,
Еты праздничикъ провожаючи,
На прибудущи годъ дожидаючи,
Ў карысци, ў радосци, ў добромъ здоровечку.

(Зап. мною отъ отставнаго солдата старика Тараса Липова, уроженца Витебской губерніи и уѣзда).

141

(*Тамъ же*)

Ишли-бряли волочебнички
По цямной ночи да по гразной грази,
Волочилися да й обмочилися,
Шаталися и боўталися,

Къ богатому дому пыталися.
Ня почёмъ познаць богатырски домъ:
Яго домъ мощёнъ, яго тынъ тращонъ,
Ворощки яго ўсё цясовые,
Подваротница бѣлая рыбья косць.
Пришли жь яны подъ вокошечко,
Чаломъ здороў подъ вокошечкомъ.
—Ци ёсь, ци нѣтъ господарь дома,
—Господарь дома Романухна?—
Нашъ паночекъ, господарочикъ Романухна!
Причина вокошко, погляди жь ты ў чистоя поле:
У чистоя поле, на синее море.
Штожь ў поли да синѣецца,
Да синѣецца да чернѣицца,
Да синѣецца да краснѣицца?
Прачистая Мацъ на похацѣ ѣдзецъ,
Восьми конями да ўсё вороными,
Тремя слугами да ўсё вѣрными,
Святы Ягорья на козлахъ сядзиць,
Святы Илля на запяткахъ стоиць,
А святы Микола посради яе.
Подъѣзжаюць яны къ честному мужу,
Къ честному мужу, къ богатому дому,
Къ богатому дому къ Романкиному.
—Самочестны мужъ Романухна!
—Выдзи на сустрѣчу Прачистой Маци Богородзицы!"—
Ёнъ жа вышоў на сустрѣчу Прачистой Маци Богородзицы,
Со свѣчами да со ярыми, со свенцоными проскурками,
Со свенцоными проскурками, со солодкими конунами.
Прачистая Маць Богородзица
Возъѣзжаиць къ яму на подварейка.
Серадзи двора гориць три вогнища,
Три вогнища, три калиновыхъ,
А идуць душки ўсё малиновые.
Прачистая Маць Богородзица
Яна у яго ўсё спрашиваиць:
— Романичка самочестный мужъ!

— На што у табе три вогнища,
— Три вогнища, три калиновые,
— А идуць душки ўсё малиновые?
— Ци ты горѣлки гонишь?
— Ци ты будзишь сыновей жаниць?
— Ци дочекъ замужь выдаваць? —
„Прачистая Мацъ Богородзица!
„Мае сыночки поженатые,
„А дочечки замужь повыдадены.
„Прачистая Мацъ Богородзица!
„Я ни пиво варю, ни горѣлку гоню,
„Ни горѣлку гоню, ни зялена вина курю,
„Дожидаю сабѣ трёхъ праздничкоў,
„Трёхъ праздничкоў, трёхъ угодничкоў,
„Трёхъ угодничкоў, вяликодничкоў:
„Перваго Свята—Святаго Вяликдзень,
„Святъ Вяликъ дзень съ краснымъ яечкомъ,
„Другаго Свята—Свята Юрья,
„Трецьяго Свята—Святаго Миколу́.
„Святы Вяликъдзень съ краснымъ яечкомъ,
„Святы Юрій зъ зялёной травой,
„Съ зялёной травой, съ цеплой росой,
„Святы Илля зъ новыми хлѣбцомъ.“
Сярадзи двора да Романкина
Стоиць рея недорубленная,
Недорубленная, недовѐршенная.
Собиралися ўсѣ святцы, ўсѣ празнички,
Прачистая Мать ихъ лічала,
Лічала, личала, ни доличалася
Трехъ святцоў, трехъ праздничкоў:
Перваго Свята—Святаго Юрью,
Другаго Свята—Святаго Миколу,
Трецяго Свята—Святаго Иллю.
Идзець-брядзець святы Юрій,
Святы Юрій съ чистаго поля,
Ўросиўси, ўмочиўси—мокрошенекъ.
Прачистая Мацъ Богородица,

Яна ў яго ўсё пытаиць:
„Святы Юрій! гдзѣ жь ты буваў,
„Гдзѣ жь ты буваў, гдзѣ жь пробуваў?"
— Ў самочестнаго мужа ў Романичка;
— Я короў пасциў и запасаў,
— Я запасциўши, домой пригоню.
— Домоў пригоню, ў хлѣў загоню,
— Ў хлѣў загоню, слоўцо зговору;
— Етому статку ня будзиць упадку
— Нп отъ мядвѣдзя, ни отъ нарѣву,
— Ни отъ гада бѣгучаго,
— Ни отъ змѣя литучаго.—
А идзець-брядзець Святы Микола,
Святы Микола съ чистаго поля,
Ўросиўся, ўмочиўся—мокрошенекъ.
Прачистая Мацъ яго пытаиць:
„Святы Микола! гдзѣ жь ты буваў?
„Гдзѣ ты буваў, гдзѣ жъ пробуваў?"
— Прачистая Мацъ Богородзица!
— Я ў честнаго мужа ў Романичка
— Коній пасциў да запасаваў,
— Я запасаўши домой пригоню,
— Я домоў пригоню, ў хлѣў загоню,
— Ў хлѣў загоню, слоўцо зговору:
— Етому статку ни будзиць упадку
— Ни отъ мядвѣдзя, ни отъ нарѣву,
— Ни отъ гада бѣгучаго,
— Ни отъ змѣя литучаго.—
Идзець-брядзець Святы Илля,
Святы Илля съ чистаго поля,
Ўросиўся, ўмочиўся—мокрошенекъ.
Прачистая Мацъ Богородзица,
Яна ў яго ўсё пытаиць:
„Святы Илля! гдзѣ жь ты буваў,
„Гдзѣ жь ты буваў, гдзѣ пробуваў?"
— Прачистая Мацъ, Богородзица!
— Я ў честнаго мужа ў Романичка,

— По межамъ ходзиў, жито родзиў,
— Жито пшеницу, ўсякую пашницу.
Прачистая Мацъ Богородзица
Яна ў яго ўсё пытаиць:
„Святы Илля! ци густо жито?
„Ци густо жито, ци ядрянисто,
„Ци ядрянисто, ци колосисто?“
— Прачистая Мацъ Богородзица!
— Густо жито и ядрянисто,
— Ядрянисто и колосисто,
— Колосисто и полошесто.
— Прачистая Мацъ Богородзица!
— Ў честнаго мужа ў Романички
— Жито зажинаў золотымъ сярпомъ,
— Золотымъ сярпомъ сяребрянымъ крестомъ,
— Што разъ рязну, то снопъ связну.
— Часты, густы звѣзды на небѣ,
— Часцѣй, гусцѣй снопы на нивѣ;
— Широкъ, высокъ мѣсацъ на небѣ,
— Ширѣй, высшей стоги на гумнѣ,
— Стоги на гумнѣ на Романенькимъ.
— Святы Покроў, покры стоги,
— Покры стоги ў три ряды:
— Первы рядъ соломою,
— А другой рядъ бярозою,
— А треци рядъ бѣлымъ снѣжкомъ.—
Романичка самочестный мужъ!
Приказаў томиць, прикажи дарпць.
Наши дары ни великіе и ни малые:
Починальничку и т. д.

(Зап. тѣмъ же и отъ того же).

142

(*С. Загорье, Дисненскаго у.*)

Нехъ панъ Іезусъ похвалёны!
Гэтому дому свянцому, пане господару,
Слаўны мужу надъ мужами!

Ци ёсць ў дому ў свяицономъ?
Ци спишь ляжишь, ци почиваешь?
Ци зъ жаною молодою, ци зъ дзѣтками,
Ци зъ дзѣтками зъ маленькими?
Да коли спишь—Богъ зъ тобою,
Коли ня спишь—моў со мною.
Пане господару, слаўны мужу надъ мужами!
Устань рана-ранюсинька,
Мыйся бѣла-бялюсинька,
Трыся сухо-сухусинька,
Да учапися слизюсинька.
Правой ручкой одчини воконцо,
Одчини воконцо да глянь ў дворокъ:
Што ў твоимъ дворѣ да й здзѣицца,
Здѣицца лечлѣицца?
Твой дворочикъ якъ вяночикъ
Тыномъ тынинъ дубовинькимъ,
Дубовинькимъ, чисовинькимъ,
Мостомъ мощенъ,
Вороцииьки малеванные,
Защепнички позлоцанные.
Сяродъ двора шацёръ стоиць новюсиньки,
Новюсиньки, ясиюсиньки,
Златомъ крыты, сребромъ литы,
Прибрамочки сребряныи,
Защепнички золотыи.
Да ў тымъ шатрѣ кресло стоиць,
Кресло стоиць золотое,
Ды ў тымъ креслѣ самъ Богъ сядзиць,
Самъ Богъ сядзиць, ксёншку дзяржиць.
Коло яго пчёлки лятали,
Пчёлки лятали, мяды збирали.
Тые пчёлки, ўси сяточки
Пирадъ Богомъ збиралися,
Збиралися, раховалися:
Которому святцу перестаци?
А зборъ мовиць господару:

Слаўны мужу надъ мужами!
Твоё дзѣла на торгъ ѣхаць,
Залѣза купляць, нароги ковадь.
Аўдокею дрова сячець, а Сорокі кладзець,
Алексѣю сани и плотъ,
Сани и плотъ, рыба объ лёдъ;
Лёдъ водою, рыба лускою.
Благовѣщення раты на ниву,
Раты на ниву, сядунъ на призбу.
Господару, слаўный мужу надъ мужами!
Возьми жь ваше нову сошку,
Да й конику вороного, молодо̀га,
Ѣдзь-жа ваше ў чистоя поле,
Ў чистоя поле заарываць,
Зъ соллю, съ хлѣбомъ, зъ бѣлымъ яйцомъ,
Зъ бѣлымъ яйцомъ, зъ боскимъ слоўцомъ.
Верба свята, нова лята.
Верба посвянци ў поле гнала.
Дай-жа-жъ, Боже, гэта святца провожаци,
Свята вялична дожидаци!
Дай ў радо̀сци, у вясёлосци,
Три днп святца чярвонымъ яечкомъ—разгоўляцьца,
Малымъ дзѣткомъ на вулицу на прогуляння.
Господару, слаўны мужу надъ мужами!
Маишь сабѣ чаляданьку,
Загадай ваше свойму чалядку:
Нехай возьмиць золоты ключи,
Золоты ключи отъ стаенки,
Нехай идзець ў стаенку,
Нехай закладаиць да й коника,
Коника вороно̀го, молодо̀го.
Государу, слаўны мужу надъ мужами!
Возьми ваше соли хлѣба,
Соли хлѣба, чего потреба.
Ѣдзь-жа ваше до косцёлу,
До косцёлу посвянцаци,
Да привёзши поживаци.

Сядзь-жа ваше за скамьёю,
И зъ жаною молодою,
И въ дзѣтками маленьками.
Шасни, бразни по скамейцѣ.
Возьми жь ваше золоты кубокъ
Дай пи вино зялёная на свою жòну,
Жана твоя—на дзѣточекъ,
Дзѣтки твои—на сямейку,
А сямейка—на челядку,
Челяданька—сама на сабе
Радауничка и на убога
Порадничка порадзила
Борноваци, поле роўняци.
Святы Юри, боски ключникъ!
Да идзи ў поле, да ў чистоя,
Одомкни зямлю, пусци росў,
Пусци росу на гэту вясну,
Да й мокраю, да й цепляю,
На гэтотъ свѣтъ, на ўсяки цвѣтъ,
На людъ вяселы, на урожаи.
Святы Борисъ ляды палицъ,
Зямлю грѣицъ, ячмень сѣицъ
Зъ поўсявалки, зъ правой жменьки.
Кинишь рѣдка, даецъ Богъ густа.
Дай же Боже, зародзи-жа Боже
Колосисто, ядрянисто.
Святы Микола, старая особа,
Горохъ сѣицъ, по полю ходзицъ,
По полю ходзицъ, житца глядзицъ:
Гдзѣ вымокла—тамъ подсушицъ,
Гдзѣ высохла—тамъ подмочицъ.
Святы Шосникъ оўсы шастацъ.
Господару, слаўны мужу надъ мужами!
Закладай ваше да й коника воронòго, молодòго,
Вязи ваше овёсъ сѣнцо у чиста поле
У едной кошули безъ шапочки,
Зъ поўной сявеньки, зъ правой жменьки;

Кинишь рѣдка, даець Богъ густа.
Дай-жа-жъ Боже, зародзижь Боже
Да й вяцвисты, ядрянисты.
Святая Семка, позна сѣуба—грецку сѣиць.
Святая Троица по вулицы стучиць, гручиць,
Гнойки возиць, комаръ орець.
Дзивятушка, помежаночка!
На межахъ ходзила, житцо обирала,
Житцо обирала да й роуновала.
Дзисятуха красу давала,
А Пяцинка красу здымала,
Красу здымала, пятку стаулялa.
Святы Иванъ коску правиць,
Луги пратаць, у спирты кидаць.
Святы Пятро соусимъ ядро,
По паръ боронуиць, поле роунуиць,
Поле роунуиць, грунтъ готоуиць.
Шипилинка у кузню идзець,
У кузню идзець, сярпы зубиць.
Господару, слауны мужу надъ мужами!
Збирай ваше стары сярцы,
Да идзи у кузню напрауляци.
Кузнецъ молодзець, зуби сярпецъ!
Табѣ платы—чирвонъ злоты табѣ на боты.
Господару, слауны мужу надъ мужами!
На, идзи жъ домой, да отдай жанѣ,
Ды молодзѣ нивы сярпокъ.
Нехай идзець твоя жана у чисто поле,
У чисто поле житцо жаци,
Зъ ячнымъ блиномъ, зъ бѣлымъ сыромъ,
Зъ бѣлымъ сыромъ, зъ треццимъ сыномъ.
Святы Илля, старая жнея,
Яна жала, ня уважала,
Што разъ зажнець, то снопъ звязнець.
Святая Ганна Святому Илли
На помочи стани,
Вязь вязали, копы поклали.

Святы Борисе, за мѣшань бярися!
Святы Спасъ по полю ходзиць,
Копы личиць, раскладаиць:
Гэта на сѣмя, гэта на ѣмя!
Господару, слаўный мужу надъ мужами!
Сѣдлай ваше дай коника,
Вороного, молодого.
Ѣдзь-жа ваше ў чиста поле,
Ў чисто поле копы личиць.
Якъ на небѣ звѣзды густы,
Гусцѣй того ў поли копокъ.
Прачистая да и Большая
Житцо посвянцала, засѣвала
Да й Меньшая дыкъ лѣпшая паненачка
Пирадъ Богомъ кланялася:
А яжь Боже ни гуляла,
Житца пахала, ў грань погоняла,
Ў грань погоняла, яро збирала.
А Янъ Сценцель руней цѣлиць
Узвижання....
Узними, Боже, зъ ильномъ, зъ оўсомъ,
Зъ ўсимъ добромъ ў гумянцо.
Святы Покроў! покры замлю
Жоўтымъ зярномъ, молодымъ сняжкомъ,
Воду лёдомъ, пчалу мёдомъ.
Святы Змицёръ, ёнъ на ўсё хицёръ —
Солоды солодзиць, нивы робиць,
Сыноў жаниць, дочекъ выдаваць.
Господару, слаўны мужу надъ мужами!
Ци ў слыхъ табѣ наша пѣсинка,
Наша пѣсинка старосвѣцкая?
Што мы ходзимъ Бога просимъ:
Дай-жа-жь Боже, зародзи-жь Боже,
Ў пуни кладомъ, токъ умолотомъ
Ў дзяжи подходомъ, ў пячи ростомъ,
Ў пячи ростомъ, на столѣ на сытомъ.
Господару, слаўный мужу надъ мужами!

Дари госцей, ни бaў бардзей.
Наши дары ня вялики,
Ня вялики—ў дзвери ня лѣзуць,
Празъ воконцо—якъ шиць шіюць,
Чирвонъ злоты яму на боты,
Починальничку копу яикъ,
Братцамъ помогальничкамъ по дзесяточку.
Да й на дворѣ вѣтрикъ вѣиць,
Волочебничкомъ ножки млѣюць;
Да й на дворѣ дождживъ дымиць,
Волочебничкомъ животъ ныиць.
Господару, слаўны мужу надъ мужами!
Проси къ сабѣ госцей ў хатку:
Сыръ на талерку, кварту горѣлки,
Кварту горѣлки, пшоны пирогъ,
Къ тому пирогу мису творогу.

Дай жа Боже, кабъ восьмеркой пахали, дзивятымъ гоняли, а дзисятымъ побрыкивай, а на одинадцатомъ ў дружки ѣдуць. Христосъ воскресъ“.

Каждый стихъ сопровождается припѣвомъ: „Христосъ воскресъ, Сынъ Божій“. Эта пѣсня списана со словъ крестьянина Виленской губерніи Дисненскаго уѣзда, Залѣвской волости, села Загорья, Александра Альхитенка, гимназистомъ 7-го класса Усаковскимъ.

143

(*Коптевичи, Лепельскаго у.*)

Святая Величко
Зъ чирвонымъ яичкомъ
Христосъ воскрёсъ,
Сынъ Божій *).
Святы Юрья
Зъ росицею,
Святый Борисъ
Коній пасецъ,
Святы Микола
Обойдзець вокóла,
Святая Троица
Жито красуець,
Святы Петра
Пятку даець,
Святы Илля
Поспѣваиць,
Свята Ганна
Зажинаиць;
Святы Борисъ
Ў копы складаиць.

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ).

---

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

144

(*Тамъ же*)

Юрьря, Микола
Пошли ў поле.
Христосъ воскрёсъ
Сынъ Божій! *)
Пошли ў поле
Жита глядзѣць:
А ци ўси житы,
Ци ўси хороши?
А й ўси житы,
Ўси хороши.
А Михайлы житы
За ўсихъ лѣпшіи.
Яму надобѣ (2)
Сына жаницъ (2),
Пива варицъ (2),
Дочку отдавацъ
И гарѣлку гнацъ.

(Зап. тѣмъ же.)

145

(*Село Чашники, Лепельскаго у.*)

Дзень добры, здороў, пане господару!
Христосъ воскрёсъ, Сынъ Божій! **)
Ци ты спишъ, ци ты такъ ляжишъ?
Я скажу табѣ нову новину.
Одчини вершокъ, поглядзи ў хлѣвокъ:
Что ў твоемъ хлѣвѣ проявилося,
Девять кероў оцялилося,
А дзесятая на умѣ стоицъ.
Бывай здороў, пане господару!
Одпраўляй госцей и су скрыпками.
А мы госцики нядокошные:
Ў годочикъ одзинъ разочикъ.
А наши дары ня вяликіе:
Почниальничку сорокъ яецъ,
Подголосничкамъ по дзесяточку,
Миханоши—жита калошу.
А музыкова горкая доля:
Жонка ня любицъ, ня цалуицъ,
А хуцъ поцалуицъ—назадъ отплюицъ.
Бывай ты здороў, пане господару,
Зъ своей сямьей, со ўсимъ домомъ!

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.
**) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Ученикъ 7-го класса гимназіи г. Пржисецкій сообщилъ намъ слѣдующее:

„На первый день Свѣтлаго Христова Воскресенья по деревнямъ нашей мѣстности ходятъ съ поздравленіями волочебники кучками человѣкъ въ пять, преимущественно изъ крестьянъ и не изъ нищихъ. Они, еще во время Великаго поста, сговариваются, кому быть починальникомъ (запѣвалой), кому михоношей (т. е. съ мѣшкомъ для сбора жалованнаго хозяевами). Изъ своей же среды выбираютъ они двухъ „подхватниковъ“ и музыканта-скрипача. Послѣ полудня, на первый день Пасхи они отправляются отъ дома къ дому. Приблизившись къ какому либо починальничекъ подходитъ къ окну и поетъ нижеслѣдующую пѣсню, а за каждымъ стихомъ пѣсни его товарищи подхватываютъ всѣ вмѣстѣ, съ акомпаниментомъ скрыпки: „Зяленой садъ вишневый!“

146

(*Каменская волость, Лепельскаю у.*).

Панъ Езусъ тому,
Хто ў этомъ дому!
Господарочекъ якъ соколочекъ,
Чи спишь, чи отдыхаешь?
Коли жъ ты спишь—Панъ Богъ съ тобой,
А коли жъ ты не спишь—гукай со мной.
Ўжо пробудзися, обочнися,
Ёсць водзичка—бѣленька помыйся,
Возьми ручничокъ—сухонько оботрися,
Щиренька Богу помолися,
Сядзь на лаўцы, подними ручку,
Подними ручку, отвари вокно:
На твоимъ дворѣ проявонька проявилася,
Сама церкоўка становилася,
А ў тэй церкоўцѣ прастолы стояць,
Прастолы стояць малёванные,
Ўсё обрусами засцѣленные,
За прастолъ Господзь Богъ сядзиць.
Язуса на ручкахъ дзяржиць.
Коло Яго ўсё святочки счатуюцца, рахуюцца:

Которому ўпародъ ступиць?
Святая Рожство *) ўпародъ пойшла,
За Святымъ Рожствомъ Святая Василля,
За Святымъ Василлемъ Святая Кщення,
За Святымъ Кщеннямъ Св. Громницы,
За Святыми Громницами Изборъ,
За Святымъ Изборомъ Благовѣщення,
За Святымъ Благовѣщеннямъ Свята Вялика,
Да Свята Вялика съ краснымъ яечкомъ,
Красна яечка на посвенцаніе,
А намъ грѣшнымъ людзямъ на пожиткованне.
За Святымъ Вяликимъ Св. Юрья.
А Св. Юрья возьми ключи золотые,
Отомкни поля, сыру землю.
Ўпусци Юрья цёплую росу, зялену траву.
За Святымъ Юрьей Святы Борисъ,
Святы Борисъ коникоў пасець,
Раненька бярець, на лужокъ вядзець,
Хозяину на ручки даець:
Дай, Боже, сыциньки были, подбрыкивали,
Гэтому хозяину на уцѣху были.
Святая Микола, старая особа,
Нѣтъ яго дома, пошоў ў поля.
По мяжахъ ходзиць, житцо родзиць.
Святая Тройца житцо родзиць.
Святая Пяценька пяточку даець,
Святая Илля житцо зажинаець,
Мѣднымъ сярпомъ золотой ручкой.
Широкъ, широкъ мѣсяцъ на небѣ,
Шпрачей того ў гумнѣ стожокъ
Меньшіе святки, носиця снопки,
Большіе святки ў гумно складайця!

Къ хозяйкѣ:

Сподыночка, жеровиночка!
Чи спишь, чи ляжишь, чи отпочиваешь ?

---

*) Произносится *Рашство.*

Ў твоемъ дому пригода стала, проявилася,
Сорокъ коровокъ оцѣлилося.

Къ хозяину:

Надзѣнь ты, господарокъ, шубку, ды бялёвую,
А рукавиченьки ды замшёвые.
Отчини вяршокъ, ды поглядзи ў хлявокъ:
Што ў твоимъ хлѣви проява стала,
Проява стала и проявилась,
Сорокъ кобылокъ ожеребилось.

Къ хозяйкѣ:

Сподынечка, журовиночка!
Ўстань раненько, ўмыйся бяленько
Надзѣнь-жа чаровички козловые,
Панчошечки ды бялёвые,
Идзи ў хлявокъ, глянь ў кутокъ:
Што ў твоимъ хляўку проявилося:
Сорокъ овечекъ окоциляся.

Къ хозяину:

Господарочакъ! ни кажи томицъ,
Але дай намъ дароў.
А наши дары ни вяликіе:
Нашаму починальничку 40 яечакъ,
А подхапничкамъ по дзесяточку,
А нашаму музыку червоный злотый
Дай яму на боты.
Механошаго нашаго чорная доля:
Жонка ня любиць, ни голубиць.

(Зап. ученикомъ 7-го кл. гимназіи Пржисецкимъ).

147

(Село Жилинцы, Бобруйскаго у.).

На первый дзень, на Великъ дзень,
Христосъ воскрёсъ, Сыне Божій! *)
Шли волочовники, ишли они дорогою,
Муравкою да зяленою,
Сустрѣкали Господа Бога,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Сустрѣкали, уклонилися,
Поклонившися помолилися,
Помолившися допыталися
Славнаго села Жилинцевъ,
Я *) пыталися честнаго мужа,
Честнаго мужа, пана Григорки.
Ёнъ дома да не кажется,
До церкоўки собираецца,
До церкоўки до Божій.
Обуваю боты козловые,
Надзѣваю свитку лисью соболлю,
Подпоразую поясъ сырцовый,
Надзѣваю шапку бобровую.
Только ёнъ ў церкоў выходзиць,
Держиць шапочку ў правой ручкѣ,
Кланяецца низкимъ поклономъ,
Уклонившися упрошаецца,
Упрошаець частый доли,
Частый доли да три радосци,
А три радосци, три веселые,
Три веселые да хорошіе:
Первая радосць—ў его домоўцѣ,
А другая радосць—о его худобцѣ,
Трецця радость—ў чисценькомъ полѣ,
Ў чистомъ полѣ ядрено жито,
Што ў его домоўцѣ дробные дзѣци,
Да его худобцѣ кони вороные,
Кони вороные, волы половые.
Дробными дзѣцми посылаць будзе,
Вороными коньми проѣзжаць будзе,
Половыми волами пахаць будзе,
Ядрено жито споживаць будзе,
Господа Бога споминаць будзе,
Волочовничковъ спозываць будзе,
Я (sic) потомъ честного мужа,
Честного мужа, пана Григорка,

*) А.

О чимъ-жа ты ославился?
Ти своимъ гумномъ, ти своимъ дворомъ,
Ти дзѣтками, ти семейкою?
— Я ославился бы своимъ дворомъ,
Да своимъ дворомъ, да своимъ добромъ,
Да дзѣтками да семейкою,
Да семейкою веселенькою.
Да ў его-жа двора да желѣзный тынъ,
Желѣзный тынъ, мѣдзяны вороты,
Мѣдзяны вороты, цясивы замёты,
Подворотничка—рыбья косточка.
Черезъ его дворъ да Дунай цече,
Да Дунай цече ўсё цихосенько,
А на томъ Дунаѣ биты пали,
Да биты-жа пали ўсё дубовые,
Мощены мосты ўсё цесивые,
По тыхъ мостахъ ўсё возы шли,
Ўсё возы шли да цяжёлые,
За тыми возами ѣхала карета,
Мулеваная, вызлочаная,
То-жа ў той карецѣ самъ Госпожа,
Самъ Госпожа, Матка Божжа,
Матка Божжа и Прачистая,
Яна пріѣзжала, сама повитала,
Да на коничку, на буланенькимъ,
А Святый Юрій за повознччка,
Святая Микола за помошничка.
*) Сустрѣўши уклонилися,
Уклониўшися помолилися
„Волочовнички, бѣлые молойцы!
Чи не видзѣли, чи не бачили
Бога своего, Сына моего?
Да одзинъ каже: я-жа не бачиў,
Да другой каже: я-жа не видзѣў,
А трецццій каже: да я самъ тамъ быў,

*) Тутъ пропущенъ стихъ.

Да сидзиць Боже у честного мужа,
Честного мужа, пана Григорки,
За столичкомъ, за цесовенькимъ.
Передъ имъ стоиць честный мужъ,
Да его-жа дворъ на погорочку,
На погорочку, во середочку.
На его дворѣ да ягонь горидь,
Колѣ того ягня да столы стоящь,
А на тыхъ столахъ ўсё скацерци,
На тѣхъ скацеркахъ да ўсе кубочки,
Ўсё кубочки да ўсё полные,
Да ў тыхъ столовъ да ўсё креслички,
Да на тыхъ кресличкахъ да ўсё праздничкя
Раховалися, собиралися.
Одного праздника раховалися,
Якого праздника? Святого Миколу.
Кого сыскаць по Миколу посляць?
— Петрика сыскаць по Миколу послать.
Петрикъ имъ отказывае:
„Я коня не маю, Миколу не знаю."
Ну кого сыскаць по Миколу послаць?
— Иллю сыскаць по Миколу послаць.
Илля же имъ отказывае:
„Я коня не маю, Миколу не знаю."
Ославиўся Святый Юрій:
„Я коника маю, Миколу знаю."
Только Юрій коня сѣдлае,
Коника сѣдлае, два раза уѣзжае.
Съ двора съѣзжае, Миколу устрѣвае.
„Гдзѣ-жа ты Микола прозабавиўся?"
— Я по полю ходзиў да росу росиў,
— Я по межѣ ходзиў, жито родзиў,
— Я по бору ходзиў да рои садзиў. —
Я (sic) потомъ ў того честного мужа:
Отчини окно, зерни ў гумно,
Отчини другое, зерни ў поле,
Да што же ў полѣ рано гомонило?

— Гомонило ў полѣ ядрено жито.
Ядрено жито господара кличе:
„Да ты господару отвѣдай мене,
Отвѣдай мене ў скородзѣ,
Отвѣдай въ усыпаннѣ,
Отвѣдай мене ў красованнѣ,
Отвѣдай мене ў полованнѣ,
Якъ пойдземъ женцоў нанимаць.
Нанимали женцоў—ўсё молодые,
Да кивали серпы ўсё сталенные,
Да женецъ рѣзне да снопокъ нажне,
До ступени ступиць да копу кладзе.
Да ўродзи, Боже, ядрено жито!
Ядро зъ ведро, снопокъ съ пирожокъ,
А зёрнышко съ орѣшо́къ,
Ў полѣ копами, а ў гумнѣ стогами,
Штобъ такъ густо якъ на небѣ звѣзды,
Ярь и пшеницу, ўсякую пашницу.
Да потомъ того, честный муже,
Ти ў слухъ тая наша пѣсенка?
Да коли же не ў слухъ, дакъ слухай здороў,
Да коли же ў слухъ, не вели томиць,
Не вели томиць, прикажи дариць.
Да наши же дары не великіе,
Наши же дары великонные:
Починальничку червонъ злотый,
А нашимъ братцемъ хоця по десятцѣ,
А мѣхоношѣ копу яецъ,
Да копы же яецъ да той негдзѣ узяць,
Да дзесяточекъ да то можно же даць,
Нашему музыку горкая доля,
Горкая доля кварта горѣлки,
Кварта горѣлки сыру на тарелки..
Кварта горѣлки толе смѣлосци,
Сыры на тарелки толе крѣпосци.
Да бывай здороў, май сто короў,
Май сто коро́ў, пятьдесятъ конёў,

Май пятьдесятъ конёў, семь сохъ волоў,
Семь сохъ волоў, полтораста роевъ.
Будзь здороў якъ зимою вода,
Да будзь богатъ якъ ў лѣтку земля,
Да и зъ дзѣтками да съ семейкой,
Да съ семейкою веселенькою.
Протиў нового лѣта пѣсенка спѣта,
Да тую же пѣсню Христосъ любиў.
Христосъ любиў да насъ научиў.
Христосъ воскрёсъ, Сыне Божій!

(Зап. А. В. Вахромѣевою.)

Другой варіантъ, который поется дѣвушкамъ:

148

(*Тамъ же*)

Ў чистомъ полѣ стояла береза
Христосъ воскрёсъ, Сыне Божій! *)
Стояла береза тонка, высока,
Да на томъ березѣ широка лисцця,
А на томъ лисцця дробная роса.
Хтожь тую росу обивацъ будзе.
Подбирала росу красная панна,
Красная панна, молода Ганна.
Яна подбирала, ў рукавецъ клала,
Да зъ рукавца брала, злотничкамъ давала.
Ты злотичку, ты работничку!
Ты скуй же мнѣ три надобнички:
Первый надобокъ—золотой кубокъ,
А другой надобокъ—шелковая хустка,
Трецци надобъ—золотой персценекъ.
Золотымъ кубкомъ—умывацися,
Шелковая хустка—уцирацися,
Золотой персценекъ—вѣнчацися.
Я потомъ того, красная панна,
Загадаю тобѣ три загадки:
Красная, панна молодая Ганна.

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Тамъ яна да кони пасе,
Да пасучи кони да погубила,
Да шукаючи заблудзила.
Ишла жа яна да дорогою,
Да дорогою, да широкою,
Сустрѣкала трехъ волочоўничкоў:
Волочовники, бѣлые молойцы!
Ти не бачили, ти не видзѣли,
Ти не видзѣли табунъ коней?
Да потомъ того, красная панна,
Загадаю тобѣ три загадки,
Коли отгадаешь, дакъ кони укаже.
Да одзинъ же каже: я не бачиў,
Да другой каже: я не видзѣў,
А трецци каже: я же видзѣў.
Да загадаю тобѣ три загадки,
Коли отгадаешь, дакъ кони укаже.
Да штоже бѣжиць безъ поводы?
Да штоже росцець безъ корення?
Да штоже бѣло да не бѣлючи?
А штоже сиво да не сивучи?
А штоже черно да не чернечи?
— Да вода бѣжиць безъ повода,
Да камень расце безъ корня,
Да лебедка бѣла да не бѣлючи,
Да зязюля сива да не сивучи,
Да чоронъ воронъ да не чернючи.
Да потомъ красная панна,
Красная панна, молодая Ганна!
Ти ўслухъ тобѣ наша пѣсенка (и т. д. какъ въ предыдущ.)
(Зап. тою же.)

Холостымъ поютъ слѣдующій варіантъ:

149

(*Тамъ же*)

Ў полѣ, ў полѣ коники ходзяць,
Зъ тыхъ коней да одзинъ коникъ,

Да одинъ коникъ силъ невеличекъ,
А касатенькій, волосатенькій.
Хто жь того коня да поймае?
Да и обозваўся молодой паничь,
Молодой паничь, молодой Андрейка,
Ёнъ того коня да поймае,
Да и поѣдзе ў чисто поле,
Чистое поле да на полеванне,
Да на полеванне сокола стрѣляци.
Только ёнъ-жа къ явору прiѣзжае,
А на яворѣ да соколъ сидзиць.
Селецца-мелецца сокола стрѣляци,
А соколъ отказывае:
Ты не бей же менс, не стрѣляй мене,
Я жь тобѣ буду великой пригодой,
Якъ будзешь ты да женицися,
Да будзешь браци за водами,
Да за водами да за морями,
Да прiѣдзешь ты къ синему мору,
Да будзешь кликаць да перевозничкоў,
Да будзешь кликаць не доклычися,
Я жь тебе молодого да и перевезу
Тебе молодого да на правомъ крылѣ,
Што твою жену попилемъ (?) съ тобой,
Да твоихъ сватоў да на лѣвомъ крылѣ,
А приданное на серéдзинѣ,
Я музыченьку на шéенкѣ,
Я подруженекъ да на хвостику,
Твоего коника да ў плывъ пущу.
Перевезу тебе на тотъ бокъ Дунаю,
На той бокъ Дуная да къ Бѣлому Цару.
Выйдзи, выйдзи, Бѣлый Царъ!
Мы съ тобою повитаемся,
Попробуемъ воевацп.
Да кому же тутъ Богъ поможе,
Ти тобѣ царичу, ти мнѣ паничу?
Да тобѣ царичу Богъ не поможе,

А мнѣ паничу Богъ да поможе.
Да Бѣлый Царъ да не выходзиць,
До него да подарки шле.
Да якій подарокъ? Коня вороного.
Да паничь того не принимае.
Да якій паничъ? молодой Андрейка,
Ёнъ не принимае, назадъ отсылае,
Къ себѣ Бѣлаго Царя вызывае.
Да Бѣлый Царь да не выходзиць,
До него да подарокъ шле.
Да якій подарокъ? золотой кубокъ.
Молодой паничъ того не принимае.
Да якій паничъ? молодой Андрейка.
Ёнъ не принимае, назадъ отсылае,
Бѣлаго Царя да вызывае.
Бѣлый Цару да не выходзе,
Ёнъ до его подарокъ шле.
Да якій подарокъ? золотой персценóкъ.
Да паничъ того да не принимае,
Ёнъ не принимае, назадъ усылае,
Къ себѣ Бѣлаго Царя вызывае.
Да Бѣлый Царь да не выходзиць,
Да ёнъ до его подарокъ шле.
Якій паничъ? молодой Андрейка.
Да якій подарокъ? красную панну.
Да паничъ тое примае, да назадъ не усылая.
Да якій паничъ? молодой Андрейка.
Ў золотомъ кубку умываецца,
Шелковой хусткой уцираецца,
Золотой персцень—вѣнчацися,
Вороная лошадзь—проѣзжацися,
Кованая поясъ—красавацися,
Красная панна—вѣкъ вѣковаци,
Вѣкъ вѣковаци, дзѣтокъ дожидаци.
Да дзякуй, дзякуй Бѣлый Царь,
Да дзякуй, дзякуй за красную панну.
Да потомъ того молодой паничъ,

Молодой панѣчъ, молодой Андрейка!
Ти у слухъ тобѣ наша пѣсенка?
Да коли у слухъ, не вели томицъ

(Окончаніе какъ и въ предыд.)

(Зап. тою же.)

150

Здорово, хозяинъ нашъ бацюшка!
Христосъ сынъ Божій воскресъ! *)
Ци спишь, ляжишь,
Али поцываешь?
Когда спишь—Господь съ тобой!
Когда не спишь—открой окно,
Открой окно, посмотри въ окно
На цёменъ дворъ, что дѣецца:
Стоицъ церква новорублена,
Новорублена, недорублена.
Въ этой церкви всѣ святые,
Одного нѣтъ: Егорья святаго.
Егорій святой въ цистомъ полѣ гуляя,
Съ сѣвалкой ходзя, горохъ засѣвая.
Николай въ полѣ гуляя—рожь колосця.
Троица святая въ полѣ гуляя—цвѣтъ накладая.
Петръ и Павелъ—серпы правили,
Илья въ полѣ гуляя—рожь зажиная.
Маккавей въ полѣ гуляя—стоги ставя.
Покровъ въ полѣ гуляя, на гумнѣ мѣшки засыпая,
Солодъ росця и пиво варя,
Пиво варя и Бога хваля,
Пироги пяке и госцей мяня.
　　Христосъ нашъ бацюшка,
　　Подари госцей колядовщицковъ:
　　Парой яецекъ,
　　Пирожокъ конецекъ,
　　Пирогъ съ локацъ,

*) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

Штобъ было лопаць;
А не хошь дарпць,
Пойдзимъ собакъ дразниць,
Грязь мѣсиць,
Людзей смѣшиць.

(Изъ ст. Ѳ. Серебренникова: «О народныхъ праздникахъ Себежск. уѣзда» въ Памятной книжкѣ Витебск. губерніи на 1867 г.)

151

(Д. Кисели, Себежскаго у.)

Чаломъ здоровъ, хозяюшка,
Хозяюшка нашъ батюшко
Христосъ воскресъ, Сынъ Божій нашъ! *)
Ци спишь, ци ляжишь, ай отпочиваишь?
Съ своей женой бояриной, съ своими дѣтками (панятками).
Коли ты спишь, то спи съ Богомъ,
Когда не спишь, открой окно,
Открой окно, погляди въ окно,
Погляди въ окно, въ чисто поле:
Въ чистомъ полѣ церква стоитъ,
Церква стоитъ соборная,
Соборная, богомольная,
А въ той церкви престолы стояць.
Престолы стояць, святые сидять, *)
Святые сидятъ, суды судзяць,
Суды судзяць, рáды радяць:
Которому святому ў поле идти?
Егорій свѣтъ ў поле пошелъ,
Никола свѣтъ на коней ўспалъ,
На коней ўспалъ, первый ў полѣ.
Святая Илья ў поле пошла,
Ў поле пошла, рожь зажинала.

---

*) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

*) Просимъ обратить вниманіе на колебаніе въ способѣ написанія однихъ и тѣхъ же формъ грамматическихъ.

На встрѣчѣ Ильѣ Самъ Господь Христосъ:
„Святая Илья, ты гдѣ была?
— Самъ Іисусъ Христосъ, у поле была:
Гдѣ разъ рязну, тамъ снопъ вяжу,
Гдѣ снопъ вяжу, тамъ бабку ставлю,
Гдѣ бабку ставлю,—стога стоятъ,
Стога стоятъ высокіе.
Широкъ высокъ на небѣ мѣсяцъ,
Ширѣй, высшей мои стога,
Хозяюшка, нашъ батюшка.

(Зап. отъ панцирныхъ бояръ, священникомъ Ив.)

Слѣдующія пять волочобныхъ пѣсень поются „панычу":

152

(Д. Васьковичи, Витебскаго у.)

А луги, луги ўсё зялёные,
Спѣвайце молойцы, спѣвайце! *)
Ходзили кони ўсе ворбные,
Шоукомъ яны ўсё запутаны,
Сярбромъ яны позамузданы.
Нихто тыхъ коній ни пойманцъ,
Ни пойманцъ, ни замузданцъ,
Ни замузданцъ, ни распутанцъ,
Ни распутанцъ, ни осѣдланцъ,
И ни осѣдланцъ и ни поѣдзицъ.
Откуль ўзяўся круты Пахомокъ,
Круты Пахомокъ, панскій дзѣценокъ,
Панскій дзѣценокъ, панычъ Михалутка.
Ёнъ и пойманцъ и замузданцъ,
И замузданцъ и осѣдланцъ,
И осѣдланцъ, сядзицъ, поѣдзицъ.
Ѣдзицъ ёнъ поле, ѣдзицъ другое,
Ўзъѣзжаючи ёнъ на трецце.
На треццимъ поли стоицъ же древо

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Сличный панычъ, нашъ Мишутка,
Ёнъ коня поймаиць и осѣдлаиць,
Ёнъ поѣдзиць ў чистоя поле,
Ў чистоя поле да на полеванне.
Ў чистымъ поля древо стоиць,
На тымъ древѣ орелъ сидзиць.
Ня бій мяне, ня стрѣляй мяне,
Сличный панычъ, панъ Мишуточка!
Якъ будзишь ты да й жаницьца,
Я твои мысли пирамыслю,
Пиравяду табе черезъ сине море,
Коній твоихъ ў плыў пущу,
Самаго табе на правая крыло,
А королеўшу твою на лѣвая.

(Зап. В. Новицкій, гимназистъ -го класса).

155

(*С. Ананасковичи, Лепельскаго у.*).

Повинъ засѣчакъ красныхъ яечакъ
Христосъ Сынъ Божій воскресъ! *).
Ўсимъ рабяткамъ по яечку,
А мнѣ сироцѣ да й ни вóднаго,
Вотъ я сирота да й погнѣваўся.
Даюць сироцѣ сиваго коня,
Сирота ни узяў, шапочки ни сняў,
Шапочки ни сняў, до ножокъ ни паў.
Даюць сироцѣ сто рублей гроши,
Сирота ни узяў, шапочки ни сняў,
Шапочки ни сняў, до ножокъ ни паў.
Даюць сироцѣ козливы баты,
Сирота ни узяў, шапочки ни сняў,
Шапочки ни сняў, до ножокъ ни паў.
Даюць сироцѣ лаўровый вянокъ,
Сирота ни узяў, шапочки ни сняў,
Шапочки ни узяў, до ножокъ ни паў.

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Даюць сироцѣ красную дзѣўку,
Сирота узяў и шапочку сняў,
Шапочку сняў и до ножокъ паў.

(Зап. Ольга Котырло, воспитанница Духовнаго Училища).

156

(С. Коптевичи, Лепельскаго у.).

Ў чистомъ поли овёсъ поросъ
Христосъ воскрёсъ, Сынъ Божій! *).
А ў тымъ оўсѣ каминь ляжиць,
На камени голубь сядзиць.
Туды й ѣхаў сличны панычъ,
Хоцѣў яго зъ ружжя забиць.
Стаў ў яго просицися:
Ня би мяне сличны панычъ!
Скажу табѣ три радосци:
Першая радосць—Богъ цябе зовець,
Другая радосць—панъ цябе зовець,
Трецця радосць—царъ цябе зовець.
Богъ цябе зовець—долю даець,
Панъ цябе зовець—коня даець,
Царъ цябе зовець—дочку отдаець.
А зъ долею долеваць будзишь,
На конику поѣзджаць будзишь,
А зъ царевнею жици будзишь.

(Зап. учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ.)

157

(М. Чашники, Лепельскаго у.)

Ляцѣла пчолка
Чиразъ наша сёлка—
Христосъ воскресъ,
Сынъ Божій! **)
Ухопила пчолка
Михайлову жонку.
Бѣжиць Якимъ,
Полы подкасаўши
И шапочку зняўши.
Постой пчолка,

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

**) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Отдай жонку!
Моя жонка
Недокушная
Ранenька ўстаецъ
И тоненько прадзецъ,
Часценько тчецъ.
И бяленько бѣлицъ (2)
Хорошо ходзицъ (2)
Хозяйство водзицъ.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

158

(*Невельскій у.*)

А ну те же братцы вы товарищи,
Христосъ воскресъ Сынъ Божій! *)
Споёмъ пѣсню мы сустрѣчную,
Сустрѣчную, поперечную,
Загадаемъ вамъ загадочку,
Отгаданця—богачами назовемъ,
Ня отгадаиця—бокй отобьемъ,
Боки отобьемъ, сумки отбяремъ:
А штожь горицъ безъ полымя?
А штожь бяжицъ безъ повода?
А штожь ходзицъ выше лѣса?
А што ржецъ безъ голоса?
А штожь цвѣцецъ безъ синя цвѣта?
— Сердце горицъ безъ полымя,
Вода бѣжицъ безъ повода,
Соўнце ходзицъ выше лѣса,
Вѣцеръ ржецъ безъ голоса,
Папоротникъ цвяцецъ безъ синя цвѣта.

Зап. гимназ. 4-го кл. В. Новицкимъ.)

159

(*М. Чашники*)

Господыночка, журавиночка!
Ци ты спишь, ци ты почиваишь?
Коли ты спишь—Богъ съ тобою,
А ня спишь—моў со мною.

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Загадаю табѣ три загадычки,
Хто можець отгадаци?
Што гориць безъ полымя?
Што идзець безъ повода?
Што расцець безъ кориня?
Сличная паненька, отгадай намъ.
— Соўнца горицъ безъ полымя,
Вода бѣжиць безъ повода,
Камень расцець безъ кириня.
— Ня кажи томиць, а кажи дариць.
Наши дары ня великіе:
Кварту горѣлки и сыръ на тарелки
Бывай здороў якъ жива вода,
Бывай богатъ, якъ сыра зямля,
Бывай красива, якъ ясенъ мѣсицъ.

(Зап. мною отъ М. Котжевичовны.)

160

(Тамъ же)

Ляцѣла пава по чистымъ поли,
Роняла перьря позлацистые,
Туды ишло три дзѣвоньки,
Перьря збирали, ў рукавокъ клали.
Одна дзѣвонька да правумная,
Зъ рукаўка брала, вяночикъ вила,
Звиўши вяночикъ, пошла ў таночикъ.
Туды йшло три молойца.
Сорвали вянокъ, покацили у поле.
„Сличные молойцы, отдайце вянокъ!"
— А што ты намъ даси, сличная пана,
— Сличная пана, пана дзѣвонька?—
„Одному я дамъ золоты пярсцень,
Другому я дамъ пярловы вянокъ,
Треццему я дамъ правую руку,
За правою рукою я сама пойду:

Одному я буду сусѣдочка,
Другому я буду нявѣсточка,
Трецшему буду я мила жона.

(Зап. тотъ же. Поется „паненкѣ“.)

161

(*Витебскъ*)

Ой рано, рано пава лятала
Спѣвайце, молойцы, играйце! *)
Лятала пава, перьря роняла,
Ой ранѣй того Дашка вставала,
Перьря збирала, вяночикъ вила.
Звиўши вяночикъ, пошла ў таночикъ.
Откуль ўзялись бурные вѣтры,
Буйные вѣтры, дробные дожжи,
Схопили вяночикъ ў чиста поле,
Ў чиста поле, ў синя моря.
Пошла Дашка вяночикъ шукаци,
Сустрѣла яна да трохъ рыболоўоў,
Трохъ рыболоўоў да трохъ жанихоў.
„Милые мои да три рыболовы!
„Ци ня чула, ци ня видзѣли мойго вяночка?
Одзинъ же кажецъ: „ня чуў, ня видзѣў“,
А другй кажецъ! „я и чуў и видзѣў“,
А треци кажицъ: „ёнъ тутъ ў мяне,
Ёнъ тутъ ў мяне, ў мяне ў рукавѣ“.
Одному дала хусту шоўкову,
Другому дала персцень золоты,
А за трецьяго сама пойду.

(Зап. мною отъ бывшей дворовой, Арины лѣтъ 50.)

162

(*М. Чашники*)

Ў ляску, ў ляску на жоўтымъ пяску
Стоиць три дуба ўсе зялепые,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Зъ-подъ тыхъ же дубоў рѣчка пропякла,
Тамъ жа дзѣвонька кубочки мыла,
Кубочки мыла, персцень зронила.
Туды жа плыли да три рыболовы
— Сличные вы мои рыболовы!
Закиньце сѣтку вы шоўковую,
Ўловице перецень мой золотеньки.
„А штожь намъ даси сличная панна?“
— Доброму молойчику червончику,
А другому дамъ шоўкову хусту,
А трецдему дамъ—правую руку.
(Зап. мною отъ Марьи Коткевичовни.)

163

(*Д. Васьковичи, Витебскаго у.*)

Рано, рано соўнце всходзило
Спивайце, молойцы, спивайце! *)
Раннѣй того пава литала,
Пава литала ўсе павистая,
Роняла перьря ўсе золотистые.
Панна Мартуська перьря збирала,
Перьря збирала, ў рукавокъ клала,
Зъ рукаўка беря вяночикъ вила,
Звиўши вяночикъ, шла ў таночикъ,
Шла ў таночикъ похвалилася,
Похвалилася, поклонилася:
Нихто ни снимець пярлова вянка,
Пярлова вянка со буйной головы,
Вѣтры повѣюць—вянка ни звѣюць,
Дожди пойдуць—вянка ни взмочуць.
Откуль ўзялись буйные вѣтры,
Буйные вѣтры, дробные дожди,
Схопили вянокъ со буйной головы,
Понясли вяночикъ на чисто поле,
На чисто поле, на синя море.

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

На синя море, на позаморье.
Шла Мартуська ўсе пытаючи,
Ды пытаючи, ўсе шукаючи,
Ўстрѣла яна трое рыболоўоў:
„Вы рыболовы, вы молодые!
Чи ня чули вы, чи ня видзѣли
Перлова вянка со буйной головы?“
Одзинъ-жа кажець: я чўў, я и видаў,
А други кажець: я ў рукахъ дзержаў,
Я ў рукахъ дзержаў, треццему поддаў,
А треци кажець: за што пiраймаў?
— Одному я шоўковы платокъ.
А другому дамъ золоты перспень.
Золоты перспень со мезинъ-пальца.
За трецяго я и сама иду,
И сама иду и руку даю.

(Зап. В. И. Безперчiй.)

164

(*Тяпинская волость, Лепельскаго у.*)

А ў ляску, ляску на жоўтымъ пяску
Солоўви гудуць, церкву будуюць,
Съ трамя вокнами, читырьмя углами.
Ў водно вокно соўнцо увойшло,
Ў другоя вокно мѣсяць увойшоў
Ў трецiя вокно соколъ уляцѣў.
Соколъ ўляцѣў, слязу, уронiў.
А съ тыи слязы рѣчуньки пошли.
Рѣчуньки пошли, ўсе быстрыи.
Рѣки быстрыи, биражистыи.
По той рѣчуньцѣ павинька плыла,
Павинька плыла распавистая,
Роняла перья позлоцистые.
Аўдотка статокъ гнала,
Статокъ гнала, перья збирала,
Перья збирала, ў рукавокъ клала,

Зъ рукаўка брала, вяночикъ вила,
Вяночикъ звила, пришпилилася,
Пришпилившись ў танець пошла,
Ў танець пошла похилилася,
Похилилася, своимъ вяночкомъ похвалилася:
Мойго вяночка буйны вятры ни звіюць,
Буйны вѣтры ни звіюць, дробны дождж и ни змочуць.
Якъ ўстали дробны дождж и, буйны вятры,
Схвацили, покацили парловый вянокъ
Ў чистоя поля, на синя моря,
Пошла Аўдотка ўсё шукаючи, ўсё пытаючи,
А споткала Аўдотка трохъ рыболоўоў.
А рыболовы, рыболовы, вы молодые!
Ци ни видали, ци ни бачили мойго вяночка?
Одзинъ говориць: я ня видзиў,
Други говориць: я ня бачиў,
Треци говориць: што за пирайма?
Я дамъ одному шоўкову хусту,
Другому я дамъ кованны поясъ,
Трецему дамъ золоты кубокъ,
Золоты кубокъ, бѣлу ручку,
А за ручкой — я сама молода.
Одному я буду сусѣдочка,
Другому буду нявѣсточка,
Трецему буду жона молода.

Припѣваютъ послѣ каждаго стиха, во время поста: „зяленая елка, зялена!“ а во время Пасхи: „Христосъ воскресъ, Сынъ Божи“!

(Зап. писаремъ Тапинской волости К. Шимковичемъ. Достав. миров. посредн. М. Ѳ. Сазоновымъ.)

16

(*Смолянецкая волость, Лепельскаго у.*)

Пасцила дзѣўка вороныхъ коній,
Пасциў да й заснула,
Очанулася—коня нѣтъ.

Пошла яна ўсё дорогою,
Ўсё дорогою, ўсё широкою,
Сустрѣла яна трехъ молойчикоў,
Молойчики молодзенки!
Ци ня видзѣли моихъ коній вороненькихъ?
Одзинъ кажець: ня видзиў,
Другі кажець: ня видзиў,
Треци кажець: я самъ быў, коній видзіў.
Цяперь дзѣўцы кони скажимъ:
Твои кони ў чистомъ поли,
Чорнымъ шоўкомъ попўтаны,
А сярабромъ понўзданы,
Ядуць траву ўсё пометную,
А пьюць воду ўсё болотную,
Ядуць траву ўсё суничную,
А пьюць воду ўсё крыничную.
Ў городзику ў малюсенькимъ
Цвицицъ рожа чирвонюсинька.
Туды ишла слична паненька,
Слична паненька, млада Ходарка,
Тую рожу пощипала,
Къ свойму личику роўновала:
Ци будзиць лицо такъ пригожа,
Якъ ета слична рожа,
Ни пойду замужъ за никого,
Тольки пойду за купчика, за коморщика,
Што зъ королемъ ёнъ садзицца,
Никóго не боицца.

(Поется „паненкѣ.“)

166

(*Коптевичи, Лепельскаго у.*)

На горѣ липа раскидаицца,
Богатыръ дочкой набиваицца:
Возьми, худачокъ, мою дочушку,
Дамъ табѣ посаги быка и цялушку,

Ящё придатку—бобу лопатку,
Къ тому причины—пучокъ лучины,
Пучокъ лучины и мѣхъ мякины,
Погодзя трошку—сляпую кошку.

(Записано учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ).

167

(*М. Чашники*)

Господыночка, журавиночка!
Дзень добрый табѣ, господыночка!
Ня кажи томиць, кажи дариць,
Ня даси яець—полупишь овецъ,
Ня даси боли—полупишь кони.
Бувай здороў, лупи ты короў.
Цялятки гладки, хвосты якъ бичи,
Хвосты якъ бичи, за хвостъ волочи.
Ня даси коко—вылѣзиць воко,
Ня даси другоя—вылѣзиць и тоя.
Ляжи ў посцели, ажъ до недзѣли.

(Запис. мною отъ М. Коткевичовны.)

168

(*Чашники*)

Бразднули ключи ў вѣка,
Гэй Лука, Лука! *)
Пошли дзѣўки ў лѣта,
Хто тыи ключи знайдзиць,
Тэй восень замужъ зайдзиць.
Кацарина ключи знайшла,
Яна восень замужь зайшла.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

169

(*Тамъ же*)

Послала мяне маци
На Дунай воды браци.
Я воды ни брала,
Коло виру скакала,
Ў виру скочила (2),
Водой-замутила
И пяскомъ закруцила.
Ня жди мене, маци,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха и въ слѣд. пѣснѣ.

Къ обѣду зъ водою, (2)
Къ вячери зъ судами.
А жди мяне, маци,
На дзевятоя лѣто,
На дзесятую зиму.
А ў лѣта ў чоўночку,
А ў зиму ў возочку,
Зъ бѣленькимъ сыромъ,
Зъ маленькимъ сыномъ,
Зъ молодымъ зяцемъ,
Зъ малымъ дзицяцемъ.
Гэй Лука, Лука!

(Зап. тѣмъ же.)

170

(Тамъ же)

Соловеенки: чахъ, чахъ (2)
Кабы я была да пташинька,
Поляцѣла бы да на море,
Сѣла бы я на явори,
Послухала бы того,
Якъ дзѣўшки плачуць,
Молодаго вспоминаючи,
А стараго проклинаючи.
Старый ляжйць: кихи, кихи!
Я молода: хи, хи, хи!
Стары ляжйць якъ колода,
Я молода, якъ ягода.
Стары ляжйць перехаючи,
А я пойду гуляючи.
Якъ пойду коло ели —
Стараго воўки зъѣли,
Якъ пойду коло тросци,
А стараго ляжаць косци,
Я пойду я коло струба,
Стараго ляжаць зубы,
Якъ пойду я коло гаю,
Зъ молодымъ погуляю.

(Зап. тѣмъ же.)

Весеннія пѣсни.

Пѣсни эти поются гдѣ-нибудь на крышѣ, на деревѣ или на горкѣ.

171

(Витебскій у.)

Благослови, Боже, вясну загукаци!
Вясну ясненькую, лѣта цепленькоя.
Гэй, вясна красна! што вынесла?

Зъ коробоў жита повытрясла,
Маленькимъ дзѣткамъ по ячечку,
Старенькимъ бабкамъ по кіёчку.

(Зап. гимназ. 6-го кл. Стржемецкій.)

172

(*Тамъ же*)

На улицы бабы сядзѣли, сядзѣли,
Кулакомъ зямлю пробили, пробили,
Про нявесточикъ судзили, судзили:
А моя нявѣстка нягодчча, нягодчча.
Што у Бога дзень, то просцень, то просцень.
А моя дочушка—досужка, досужка:
Два дни, три дни—бывъ просцепь, бывъ просцень.

(Зап. тотъ же.)

173

(*Коптевичи, Лепельскаго у.*)

Шнитка матка
Аюга!
Дзягель бацька
Аюга!
Пойду ў шнитку,
Аюга!
Для пожитку,
Аюга!
Якъ пойду коло луга,
Аюга!
На людскую пярасугу,
Аюга!
Якъ пойду коло сада,
Аюга!
На людскую пярасаду,
Аига!
Якъ пойду коло тросци,
Аюга!
Тамъ стараго лежацъ косци,
Аюга!

(Зап. учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ.)

174

(*Быховскій у.*)

На морю вутка купалася,
На биражочку сушилася,
Яжь молодзенька журилася:
Ци было лѣта, ци ня была?

Яжь молодзенька ня угадала,
Мамка на вулку ня пускала,
А ў коморочку замыкала.
Выбію я, выбію болоночку,
Гляну я, гляну на вулочку:
Ажъ ну мой милый танокъ водзя,
Ды и зъ моей даўный подружачкый.
Дай табѣ, Боже, подружечка
Етаго танка ня свадзици,
Етаго вянка ня сносици.

(Зап. А. Ф. Лисовская.)

175

(*Тамъ же*)

Тамъ на морѣ ды й на сининькимъ,
Лелѣя вода на морѣ! *)
А плывець, плывець ды вуточекъ стадо!
А откуль ўзяўся сизый силязенька,
А ўзяў вутку подъ правоя крыло,
А поплыў съ вуткый на глубока моря.
А ўсѣ вуточки позакрякали.
Ня крачьця вы вутки, ни крачьця вы сѣры!
Коли Богъ судзя и вамъ ета будзя.
Тамъ на горѣ бы на круциньбкый
Червоня рожа ў городзѣ,
Ды тамъ гуляиць а дзѣвочекъ куча, —
Червона рожа у городзѣ **)
Ды й откуль ўзяўся молодый Напрейка,
Ўзяў Настульку подъ правую ручку,
А повёў Настульку ды на высокъ цяромъ.
А по ей одной ўси дзѣвенки плачуць.
Ни плачьця вы дзѣўки, ни плачьця вы красны!
Коли Богъ судзя и вамъ ета будзя.

(Зап. тотъ же.)

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

**) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха, до конца.

Праздникъ въ память св. великомученика Георгія („Святая Юрья“), совершаемый православною церковію 23 апрѣля и называемый крестьянами (села Веляшковичь, въ 40 в. отъ г. Витебска) „святая Юрья“—есть собственно пастушескій праздникъ въ поименованной мѣстности, хотя въ тоже время каждый крестьянинъ остается безъ обычныхъ работъ во весь день.

Первый выгонъ въ поле рогатаго и другого мелкаго скота принято обычаемъ совершать 23 апрѣля, хотя, въ виду различныхъ обстоятельствъ, этотъ обычай нарушается и часто первый выгонъ скота въ поле бываетъ гораздо раньше. Во всякомъ случаѣ, церемоніи, которыя совершаются пастухами при первомъ выгонѣ скота въ поле, принадлежатъ исключительно дню „святого Юрья“. Церемонія и самый праздникъ совершается въ полѣ, при стадѣ.

Каждый хозяинъ и хозяйка даютъ своему пастуху хлѣбъ, сыръ, масло, яйца, молоко, иногда и деньги. Полученное отъ хозяина поступаетъ въ общій сборъ пастуховъ извѣстнаго стада. Старшій при стадѣ пастухъ, называемый „стадникомъ“, распоряжается приношеніями всѣхъ пастуховъ и управляетъ церемоніями и празднествомъ дня. Изъ яицъ, масла и молока приготовляется яичница *), а на собранныя отъ хозяевъ деньги покупается водка, бѣлый хлѣбъ и иногда дешевые пряники.

Около 2 часовъ полудни пастухи принимаются за приготовленія яичницы, составляющей всю суть праздничнаго стола. На гладкой и широкой полянѣ устроивается костеръ изъ сухихъ деревъ, въ который непремѣнно каждый пастухъ долженъ принести охапокъ сухаго хворосту или дерева, и на этомъ кострѣ варится яичница и пекутся яйца. Когда яичница готова и успѣетъ немного остынуть, „стадникъ“ окутываетъ горшокъ съ яичницей и ставитъ себѣ его на голову, поддерживая въ тоже время горшокъ обѣими руками. Самый меньшой изъ пастуховъ беретъ горящую головню въ руки и тоже немного приподнимаетъ ее къ верху; другой, такой же пастушокъ, беретъ въ правую горсть соли. Предварительно все стадо ложится въ кучу и вокругъ него отправляется процессія пастуховъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди идетъ пастушокъ съ

*) Эта яичница приготовляется такъ: взбалтываются яйца и потомъ вливается молоко и бросается немного соли. Все это варится до извѣстной густоты и остывши даетъ очень вкусное кушанье.

кнутомъ и приводитъ стадо въ порядокъ, за нимъ—пастушокъ съ горящей головнею, далѣе—пастушокъ съ солью въ горсти, за нимъ идетъ „стадникъ“ съ горшкомъ яичницы на головѣ, а наконецъ—за „стадникомъ“—остальные пастухи, изъ которыхъ каждый несетъ что-нибудь, напр. иногда освященную воду, и даже простую воду, цвѣты, пучекъ свѣжей травы, свѣжія вѣтви дерева и др. Три раза обходятъ пастухи вокругъ стада и останавливаются на томъ мѣстѣ, изъ котораго вышли. „Стадникъ“, смотря на стадо говоритъ: „спаси, Госпыдзи, наша стада и ўсякую стачининку отъ усякыга гада бягучыго и отъ звѣря лихо̀го!“ Затѣмъ „стадникъ и всѣ пастухи оборачиваются затылкомъ къ стаду, а лицомъ въ открытое поле, и „стадникъ“, доканчивая свою рѣчь, говоритъ, „а-ту яго!“ Всѣ пастухи кричатъ: „а-ту яго!“ Шедшій впереди пастушокъ съ кнутомъ звонко хлопаетъ имъ въ воздухѣ. Стадникъ“ продолжаетъ: „соль жну̀ въ вочи!“. и пастушокъ бросаетъ изъ горсти соль въ открытое поле. „Гылывня жну̀ у зубы!“ и пастушокъ бросаетъ въ ту же сторону горящую головню. Послѣ этого всѣ пастухи опускаются на землю и обѣдаютъ.

На пастушескій праздникъ приходятъ хозяева и любопытные, но участія въ процессіи никто кромѣ пастуховъ не принимаетъ.

Учитель 1-го Витебскаго Приходскаго училища Н. Я. Никифоровскій.

176

Ой выйду я на улечку, бычки бушуюць,
Юрья, Юрья, бычки бушуюць.
Бычки бушуюць, бо весну чуюць,
Юрья, Юрья, бо весну чуюць.
Зашумѣли рѣчки, леды поплыли.
Юрья, Юрья, леды поплыли.
Зачернѣла землица, бо поарали,
Юрья, Юрья, бо поарали.
Зазеленѣла бероза, бо попукаласе,
Юрья, Юрья, бо попукаласе.
Завеселѣла дубрава, пташки спѣваюць,
Юрья, Юрья, пташки спиваюць.
Зазеленѣла долина, клѣтки зацвѣли,
Юрья, Юрья, клѣтки зацвили.

Ой выду я, выду, клѣтки збираци,
Юрья, Юрья, клѣтки збираци.
Клѣтки збираци, вѣночки вици,
Юрья, Юрья, вѣночки вици
Вѣночки вици, Юрья спѣваци,
Юрья, Юрья, Юрья спѣваци!

177 *)

Разыграўсе Юрья коникъ.
Разбиў камень капыцейкомъ,
Ў томъ камени ядзерка нѣтъ,
Ў нашыхъ дзѣцюкаў праўденьки нѣтъ.
Разыграўся Юрья коникъ,
Разбиў орѣхъ капыцейкомъ,
Ў томъ орѣху ядзерко есць
Ў нашихъ дзѣвочокъ праўда есць,
(Обѣ изъ сборника Яна Чечота 1846 г).

Троицкія или духовскія пѣсни.

178

(*Быховскій у.*)

Ходзиця дзѣвачки ў лѣсъ гуляци,
Зялёныхъ вянкоў завиваци.
А мы ўжо вяночки завили
И горэлочку попили.
Закукуй, зязюля, закукуй!
Нямного табѣ куковаци,
Отъ Вяликодня до Питра,
Ды отъ чистаго чацверга.
(Зап. А. Ф. Лисовская.)

---

*) Въ иныхъ мѣстахъ эта пѣсня поется во время Петровокъ и начинается обыкновенно:

Пирадъ Пятромъ, пятымъ днемъ
Разыграуся (и т. д. безъ перемѣны).

179

(Тамъ же)

Ты зязюлячка, да ты боровая!
Ня вій гнизда ў лузѣ
При пуци при дорозѣ.
Туды будзя ѣхаць мой таточка.
Ни пужай яго коня,
Ни пужай вороного.
А мой таточка вельми старенькій,
Ёнъ ня здержа коника,
Ёнъ ня здержа вороного.

(Зап. тою же).

180

(Тамъ же)

Есць ў лузѣ калина малина;
Куда, ѣдзишь моя журавина?
— Ѣду, ѣду къ таточку ў госьци,
Ѣду, ѣду я къ родному ў госьци.
Хоць ня буду ни пици, ни ѣсьци —
Было ў татки за столикомъ сѣсьци.

(Зап. тою же.)

Въ Лепельскомъ уѣздѣ существуютъ слѣдующія повѣрья о русалкахъ:

Въ продолженіе цѣлой недѣли, предшествующей празднику Троицы или Св. Духа (русальной), старики не пускаютъ дѣтей купаться: „ня ходзице, дзѣтки, купаться, васъ русалки похопаюць. Яны сидзяць на древѣ волосатые и колышутся. Моя баба ихъ видзѣла и моя дзядзина ихъ видзѣла ў красномъ ручьѣ и яны крычали, хто у бору, хто у лѣсѣ: „хадзи ко мнѣ!“—Русалки показываются исключительно въ полдень. Онѣ купаются, смѣются на поверхности озеръ и болотъ, качаются на деревьяхъ. Крестьяне разсказываютъ, будто русалки появилися оттого, „что бываець, вѣдома, жонка спиць, ды приспиць рабенка и роббица русалка.

(Сообщ. гимназ. 7 кл. Пржисецкій.)

Въ Могилевской губ. Быховскаго уѣзда на русальной недѣлѣ дѣвки идутъ въ лѣсъ качаться на березкахъ и зазываютъ русалокъ слѣдующими словами на распѣвъ:

А Дарья, Марья,
Хадзи колыхацьца!
Гу-та, та!
Гу-ля, ля!
Ходзи колыхацца.

(Сообщ. А. Ф. Лисовская).

Толочанскія пѣсни.

Всѣ работы, производимыя по приглашенію хозяина и въ его пользу сообща нѣсколькими дворами или даже цѣлыми деревнями, пе изъ-за платы, а изъ любезности, за одно только приличное угощеніе—называются „толо́ками". Толока́—это тоже, что во внутреннихъ и приволжскихъ губерніяхъ; „по́мочь". Къ толокѣ прибѣгаютъ какъ крестьяне, такъ и помѣщики или управляющіе ихъ имѣніями, въ случаѣ работъ спѣшныхъ, нетерпящихъ отлагательства и неодолимыхъ для ограниченнаго количества рабочихъ рукъ.

Толока бываетъ двухъ родовъ: мужская и женская. На толоку съ вечера приглашаетъ самъ хозяинъ или его повѣренный, который выхваляетъ будущую толоку, обѣщаетъ до-сыта водки и хорошихъ кушаньевъ. Созываютъ въ толоку женщинъ для жатвы и выбора льну, а мужчинъ — для косьбы, свозки съ полей хлѣба и вывозки навоза. Толоки навозныя или „гнойныя"—самыя оживленныя, самыя многолюдныя. Тутъ, съ восхода солнца, крестьяне-сосѣди пріѣзжаютъ къ пригласившему ихъ хозяину съ лошадьми и цѣлыми семьями и, послѣ порядочной выпивки и закуски, принимаются дружно за работу. Взрослые мужчины выгребаютъ и накладываютъ на возъ, на телѣги; мальчики и недоростки отправляются въ качествѣ возчиковъ съ этими телѣгами въ поле; тамъ бабы и дѣвки разметываютъ по нивѣ привезенное удобреніе. И въ полѣ, и въ хлѣвахъ, и на дворахъ—шумъ, движеніе, оживленный говоръ, смѣхъ, пѣсни. На толокахъ готовятъ обыкновенно лучшія кушанья, а ужъ выпивкамъ нѣтъ конца. Горѣлку пьютъ не только за столомъ, но даже послѣ очистки навоза изъ каждаго хлѣва,

на нивѣ, на дворѣ, и если хозяинъ какъ-нибудь замѣшкается своимъ поднесеніемъ, то ему непремѣнно ужъ напомнятъ объ этомъ, укорительною, ѣдкою пѣсенькой. Мужчины сопровождаютъ свою работу большею частью разговорами, воспоминаніями, разсказами, а женщины—пѣснями.

Обычай работать толокою распространенъ, кромѣ Бѣлоруссіи и Польши, и въ Россіи (сѣверной), у Литовско-Латышскаго племени, у Финновъ. Слово „толока“ сохранилось почти у всѣхъ этихъ народовъ въ томъ же основномъ звуковомъ составѣ, видоизмѣняясь слегка, сообразно законамъ фонетики каждаго. По-литовски talka, по эстонски tlukas, по польски tluka и т. д. Лингвистическое объясненіе этого слова читатель можетъ найти въ статьѣ академика Я. К. Грота въ „Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики“, т. III, стр. 349.

181

(*Дисненскій у.*)

Слѣдующія пѣсни (10) поются толочанами и толочанками въ хлѣвѣ при накладываніи навоза и при другихъ работахъ толочныхъ, и на нивѣ. Содержаніе ихъ—напоминаніе о выпивкѣ, выхваленіе и порицаніе хозяевъ, смотря по тому, щедро или скупо подчуютъ.

„Ци наша доля такая,
„Наша господынька скупая,
„Ды што къ намъ на ниўку ня ходзиць,
„Ни сыру, ни масла ня носиць“.
Ды стали жоночки ей пиняци,
Дыкъ стала на ниўку ходзици,
Стала сыръ и масло носици.

(Сообщила г-жа Смигельская).

182

(*Тамъ же*)

Ды знаць наша доля худая,
Наша господынька скупая:
Сховала чарочку подъ хвартухъ,

На свайго милаго миргала:
А сховай, мой миленьки, бутэльку,
Попьюць толочанки ўсю горэлку.
(Сообщ. тою же).

183

(*Тамъ же*)

Ды бараньки чорненьки,
Ды на имъ воўна сучицца,
Намъ гарэлки хочицца,
Господару несци моркотна,
А намъ пици охвотно.
Господару несци моркотнѣй
А намъ пици охвотнѣй.

(Сообщ. тою же).

184

(*Тамъ же*)

Ци ня пчолка
Зазвинѣла звонко,
Зъ улля вылитая?
Тожъ ня пчолка,
А наша господынька
По двору ходзила,
Ключики носила,
Коморы одмыкала,
Кубки наливала (2),
Госцей угощала.
(Сообщ. тою же).

185

(*Тамъ же*)

Слава ни слава, паночекъ, твоя
Ни пьяна, ни пьяна, толока твоя.
Да ўчини, да ўчини, паночикъ, слава,
Ды ўпои, ды ўпои толоку свою.
Да ў хлѣви да ў дворѣ ўсѣ пьянюсенькіе,
На полѣ жоночки ўсѣ церазвюсинькіе.
Да ў хлѣви мужички, якъ свинни лижаць,
На полѣ жоночки, якъ щолки дзвиняць,
По селу мущинки набодзялися,
Да на ихъ собаки набрехалися.
Мяркуйся, мяркуйся, паночыкъ, зъ нами,
Плаци намъ, плаци намъ хоць талерами,
А своимъ лаптайкомъ хоць по рубельчику,
Своимъ копачамъ задай макрачами.
(Сообщ. тою же).

186

(*М. Чашники*)

Толочанки ня пяюць,
Имъ горѣлки ня даюць,
А на дворѣ да ня рана *).
Кабы горэлки дали,
Мы ужъ бы пѣяли.
Ў нашаго господара
Кудрявая голова.
Ёнъ кудрами потрасець,
Намъ горэлки принясець.
Ёнъ кудрами поколоциць,
Намъ гарэлку засолодзиць.
Господыня вутка,
Ворочайся хутка.
Вы горэлку дайця
И пѣсенъ вымогайця.
Дайця кашу на столъ,
И горщокъ киньця подъ столъ.

(Зап. мною отъ Коткевичовн.).

187

(*Тамъ же*)

Ў насъ сегодня толока,
Щука рыбу волокла.
А на дворѣ да ня рана **).
Господынка вутка,
Ворочайся хутка.
Господарь соловей,
Наварила буракоў,
Ворочайся живѣй.
Насыпала чирвякоў.
Наварила каши,
Насыпала сажи.
А на дворѣ да ня рана.

(Зап. тѣмъ-же).

188

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Ни слава, ни слава, господарь твоя,
Ни пьяна, ни пьяна толока твоя.
А ў хлѣви, ў хлѣви мущинки пьянюсиньки,
А ў поли, ў поли, жоночки цвиразюсиньки.
А ў хлѣви мущинки якъ жучки гудзяць,
На поли жоночки якъ пчолки звинящь,
Да ўчини, да ўчини славиньку свою:
Да ўпои, да ўпои толоку твою.

(Зап. Л. П. Скляренко).

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ,
**) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

189

(Тамъ же)

Ня слава, ня слава, Андрійка, твоя,
Ня пьяна, ня пьяна толока твоя.
Учинижь ты, Андрейка, славу свою,
Попои, попои толоку твою.
А учиниў жа Андрейка славу свою,
Попоиў, попоиў толоку свою.
Ў хлѣви мущинки покатомъ вижжацъ,
А на нивѣ жоночки якъ звонки звинящь,
Ў хлѣви мущинки бьюцца—дзеруцца,
А на нивѣ жоночки пяюць-смѣюцца.

(Зап. тамъ-же)

190

(Тамъ же)

Господарь, будзимъ говорипь,
Што почёмъ копачомъ,
Мы будзимъ плацить?
А старымъ копачомъ
Дадзимъ горбачомъ,
Молодымъ копачомъ
Хоць по талиру.
Ў хлѣви коники настоялися,
На поли жоночки надремалися.

(Зап. тѣмъ же.)

191

(Лепельскаго у., м. Чашники).

Дочь замѣчаетъ своей строгой подозрительной матери, что дѣвушекъ съ ума сводятъ и старятъ не гусли и не пѣсни, а несчастное замужство и семейныя заботы.

Коло мойго церема (2)
Битая дорожка.
Туды ишли молойцы
Ў гусильки играючи (2),
Пѣсенки спиваючи.
„Пусци, пусци, матынка!
„Гусиликъ послухаць (2)
„И пѣсиныкъ научицьца".
— Ня пущу, дзяцятка,
— Гусиликъ послухаць (2)
— И пѣсиныкъ научицьца.
— Тые цябе гусильки
— Молоду зъ ума звядуць,
— Тые цябе пѣсинки
— Молоду состаріюць.—
„Ня гусильки, матынька,
„Молоду зъ ума звядуць,
„Ня пѣсиньки, матынка,

„Молоду состаріюць,—
„Звядуць молоду зъ ума
„Лихоя замужейко,
„Состариюць молоду
„Малыя дзѣтоньки,
„Дробныя дзѣтоньки
„Ды ящё недостатоньки“.

(Зап. мною отъ М. Котвевичовни.)

192

(*Тамъ же*)

Разговоръ влюбленныхъ.– Сновидѣніе.

Стоицъ бярова при дорози, (2)
Зялина сярдынька, зялина
Жоўтымъ листкомъ дорожинька запала (2),
А я цябе, мой милиньки, цикала (2)
Я нямнога, мой милиньки, уснула, (2)
Уснула сярдынька уснула (2),
Я видзила, мой миленьки, дзиўны сонъ (2)
Вылитаицъ сизы голубъ со вольхи, (2)
Ци ня ты мой миленьки литаишь?
Ци ня другой голубки шукаишь?
Луччи мяне и найлѣпши ня знайдзишь (2),
Тольки мяне молодую утрацишь.

(Зап. тотъ же.)

193

(*Тамъ же*)

Отчаяніе дѣвушки, очутившейся одною въ утломъ челнокѣ среди моря вслѣдствіе дерзкой шутки трехъ парней.

На мори дзяўчина бѣль бялила (2),
А пришли до яе три молойцы молодые.
„Ой Богъ пòмочь, дзяучина, бѣль бялици!“
— На здороўе молойцы молодые!—
Ўпоили дзяўчину, ўпоили,
Ў чоўночку спаць ўложили,
Спихнули чоўночикъ зъ биражочку.
Опинуўся чоўночикъ сярёдъ моря,
Одчанулась дзяўчина дужа скора.
Ня маци дзяўчину выпраўляла,

Ня сястрицы скрыночки накладали,
Ня подружки косы расплятали,
Ня брацитки ўплёты развязали,—
Выпраўляли дзяўчину три молойцы,
Накладали скрыночку цёмны ночи,
Расплятали косынки буйны вѣтры,
Ўбирала ўплёты цёмная гроза,
Повянчала дзяўчину быстрая вода.

(Зап. тотъ же.)

194

(*Тамъ же*)

Возлюбленный рисуетъ своей любезной свои планы и надежды насчетъ воспитанія и женитьбы ихъ будущихъ дѣтей.

Якъ за рѣчушкой за ракой
Стояць людзи толокой,
Яны стоючи говоруць:
„Кабы рѣчку хто пирайшоў,
„Кабы хто кого пиравёў".
Пирайшоў дзятинушка, пирайшоў,
Пиравёў дзѣвушку, пиравёў,
Пиравёўши на биражку становиў,
Становиўши, тайны рѣчи говориў:
Ты родзи сына якъ и я,
А дочушку якъ сама.
Будзимъ сына письму учиць,
А дочушку шоўкомъ шиць.
Сына будзимъ жаниць
На вороныхъ лошадзяхъ,
Дочку будзимъ за мужъ отдаваць
За высокого церема,
За вяликого племяни,
За дубоваго столика.

(Зап. тотъ же.)

195

(*Лепельскій у., Ушачскій округъ*)

Самохвальство дѣвушки.

Ня стой верба надъ водою,
Горка вода подъ тобою.
Будуць дзѣўки воду брацъ,
Будуць цябе проклинаць:
Бодай гэта верба ссохла,
Якъ подъ ей вода горка.
Хорошо дзеревцо—лябядзинка,
Хорошая дзѣвушка чалядзинка.

(Зап. Н. С. Шимковичъ).

196

(*М. Чашники*)

Дунай, солнце, вѣтеръ, Богъ — объявляютъ себя заступниками за дѣвушку сироту противъ злыхъ замысловъ на нее моря и дождя.

Дунай зъ моремъ посиралися
А за дзѣвыньку сироциньку.
Мора кажиць: я яё утоплю
Гэту дзѣвыньку сироциньку.
Дунай кажиць: волной выкину
Гэту дзѣвыньку сироциньку.
Соўнца кажиць: я яё высушу
Гэту дзѣвыньку сироциньку.
Дожжъ кажиць: я яё оболлю
Гэту дзѣвыньку сироциньку.
Вѣциръ кажиць: я яё ободму
Гэту дзѣвыньку сироциньку.
А Богъ кажиць: я ёй долю дамъ
Гэтэй дзѣвынькѣ сироцинькѣ.

(Зап. мною отъ М. Котвевичовны.)

197

(*Тамъ же*)

Мысль о возможности выйти замужъ за старика приводитъ дѣвушку въ негодованіе и злобное настроеніе.

Посѣяли дзѣўки лёнъ
Ў чистымъ поли подъ дубомъ,
А выросли конопли,
Повадзилися солоўя́,
Соловушки дробные.
Пяюць пѣсни разные.
А мяне молоду мысли бяруць:
За стараго замужъ оддаюць,
А я за стараго ня пойду,
На смерць стараго ня люблю,

Стараго ня люблю,
Посцель яму ня посцялю,
И изголоўюшку яму ня кладу.
А хоць яму посцялю —
Ў три рады камення,
Ў чацвёрты радъ бярвення.

(Зап. тотъ же.)

198

(Лепельскій у.)

Сѣтованіе молодой женщины на свою горькую долю.

Ўси людзи добра живуць,
Одна я горую,
Ўси людзи жита сѣюць,
Одна я тоскую
Людзи Бога просюць,
Штобъ жита родзила,
А я Бога прошу,
Штобъ гора ня ўсходила.

199

(Чашники)

Ропотъ молодой женщины на своихъ родителей за то, что выдали ее замужъ за старика.

Богъ суддзя мойму бацюшку,
Государыни родной матушки:
Мяне матушка молодзёшиньку
Ни порой замужъ выдала,
Ни по обычаю дружка выбрала,
Ни по обычаю, ни по нарбву.
Кабы я знала про замужжа,
Про замужжа, про нясчастноя,
Сядзѣла бъ я вѣкъ ў дзѣўшкахъ,
Цисала бъ буйну голоўушку,
Плила бъ русу косынку,
Плиця, приговаривала:
Ты расци, расци, моя косынка,
До шоўкова до пояса,
А съ пояса до сафьяныхъ сапожокъ.
Ни подайся, руса косынка,
Ты ни старому и ни малому,
Ты подайся руса косынка
Гробовой доски ды жойтымъ пяскамъ.
(Зап. мною отъ Коткевичовны).

200

(Тамъ же)

Жена умоляетъ нелюбаго мужа не бить ея безъ вины, а что она къ нему не питаетъ нѣжныхъ чувствъ, это—вина не велика.

Чиразъ Дунай досочка
Тонка, гибка ляжала,
Ни хто по ней ня ходзиць,
На Дунай слёзы ня рòниць,
Съ милымъ дружкомъ ня говòриць.
Только я одна млада ходзила,
На Дунай слёзы ронила,
Съ милымъ дружкомъ говорила.
Ты ня би мяне бизъ вины,
Бизъ вяликой бизъ бяды.
Мой бацюшка далеча,
Мойго голосу ня услышиць,
Горячихъ моихъ слёзъ ня увидзиць.
Ты поби мяне за вину,
За вяликую за бяду.
Ўсеё моёй вины,
Што я ў горинку ня пошла,
Посцельку ня слала,
Съ милымъ спаць ня стала,
Крѣпко ня обнимала,
Сладка ня цаловала.

(Зап. тѣмъ же.)

201

(Лепельскій у., Ушачскій округъ)

Ропотъ молодой женщины на своихъ родителей, прельстившихся на богатство и отдавшихъ ее замужъ въ такую семью, гдѣ всѣ ее обижаютъ и гдѣ заступничество мужа безсильно.

Разлиўся горщокъ ў печи кипучи,
Звариўся свекорка на кўцѣ сидзючи,
А свякроў на полў помогаиць яму,
А золоўки-колотоўки подколачиваюць,

А дзеварки-соколки ни по томъ, ни по сёмъ,
А мой миленьки дружокъ по сѣнёмъ похажываиць,
Свойго татку пирапрашиваиць:
„А мой татулька родной! ня бей жаны молодой!"
„Ня бей жану цвярозую бѣлою бярозою.
„Бяроза бялюсинька, мнѣ жана милюсинька!"
—А мой таточка родной! на штожь мяне оддаваў,
—Ня што оддаваў и на во што уповаў?
—Ци на хату богатую, ци на кони вороныхъ?
—Ци на кони вороныхъ, ци на слугъ молодыхъ?
—А хоць хата богатая—мнѣ ня весяло жиць,
—А хоть и кони вороные—мнѣ ня ѣздзиць на нихъ,
—А хоць слуги молодые—ня загадывац мнѣ ими.—

(Зап. Н. С. Шимковичъ.)

202

(*Тамъ же*)

Мужъ бьетъ жену за пьянство.

Ня буду, ня буду горэлку пици.
Маниўся, маниўся мяне мужъ бици.
Ўчора ня биў, пужачки ня звиў,
Сегодня набьецъ, пужачку совьецъ.
Якъ-жа мнѣ ў яго попросицися?
Назваўши татулькомъ—грѣшно будзиць,
Назваўши брациткомъ—смѣшно будзиць,
Назваўши миленькимъ—утѣшно будзиць.

(Зап. тотъ же.)

203

(*Тамъ же*)

Казали ня мяне: поселушачка,
Я у свойго татульки на куцѣ сижу.
Казали ня мяне, што я пьяница,
Ў свойго татульки—я порадница.
А я пью, я пью, я и гуляю,
Якъ тая рыбинка сяродъ Дунаю.

Приплыўши къ беражку—я и встрахнуся,
Ўсимъ своимъ злостникамъ я наругнуся.
Приду я домоў, ажъ кіи стояць,
Кіи стояць, ўсё кіи дубовые,
На мои плечики па здоровце.
Ўси тые кіи поломалися,
А мои плечики ня боялися.

(Зап. тотъ же.)

204

(Чашники)

Молодая женщина отъ журбы свекора ищетъ себѣ утѣшенія въ гульбѣ по корчмамъ и корчамъ.

Ко́цицца зорнчка зъ неба,
Хочицца, хочицца бѣлаго хлѣба.
А хоць бы я молода пушны хлѣбъ ѣла,
Кабъ я отъ свякраточки журбы ня мѣла!
Якъ пойду я молода рано ў корчму,
Якъ выйду я молода позниняька зъ корчмы,
Якъ знайду я молода солоўя ў корчи.

(Зап. мною отъ Коткевичовны.)

205

(Лепельскій у.)

Жена готова всѣмъ угодить мужу, чтобъ онъ только ея не билъ.

Охъ, охця мнѣ!
Два вола ў гумнѣ,
Лимаши ў сырой зямлѣ.
Мой милы протомиўшиси,
Просиць пищи ня мыўшиси.
— Водзичка ў горнушачку,
Помыйся, мой душачка!
Рушничокъ на ко́личку,
Утрися, со́колнчку!
Гарэлочка ў бочнци
Напися, сколько хочицца.
Напися, проспися,
Только со мной ня бися.

(Зап. Ольга Котырло.)

206

(Тамъ же)

Нелюбая жена.

А бида на солоўя (2)
И што студзеная вода,
Ани яму гнязда звици,
Ани яму яйца знесци.
Звиўши гнязда—разовьéцца (2),
Знесши яйцо— разобьéцца.
А бида на молойца (2)
Што нялюбая жана (2),
Ани зъ ей ў пиръ пойци, (2)
Ани зъ ей дома быци (2)
Ў пиръ пойци — сварйцися,
Дома быўши—побицися.

(Зап. мною отъ Коткевичовны.)

207

(Лепельскій у., д. Дубровки)

За столомъ поютъ. Хозяинъ сокрушается о невеселости своихъ гостей.

А вы стóлики мои,
Вы цясовыи мои!
А чаго жъ вы стоицё
Ни застланы ў мяне?
А вы госцики мои,
А вы любые мои!
А чаго жъ вы сидзицё
Ни васелы у меня?
Ци мой хмѣль ни пьянъ?
Ци мой хлѣбъ пушонъ?
Коли хмѣль ни пьянъ—
Вялю хмѣлю задаць,
Коли хлѣбъ мой пушонъ—
Вялю выполоци.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

208

(Тамъ же)

Гости напоминаютъ хозяину о болѣе частомъ угощеніи ихъ водкою или пивомъ.

Коло мѣсяца, коло яснаго
Ўсё дробные звѣзды.
Ў нашаго господара коло столику
Ўсё любые госци.
А ты, Андрейка, ты, татулькинъ сынъ!
Приглидай жа госцей.
А ты, чарочка позлачоненька,
Да ходзишь ты часцѣй.

(Зап. тотъ же.)

209

(*Лепельскаго у.*, *Ушачскій округъ*)

Восхваленіе пьянства и гульни.

Вы мужо́ве панове!
Пейце пиво пьяноя,
Говорице мужскоя:
А у кого мамка стара —
Ў той хацѣ слаўна,
А чія жонка добра —
Ў той хацѣ што дзень гульня.
Ў кого жонка ліха —
Ў хацѣ ня ціха.

(Зап. Н. С. Шимковичъ.)

210

(*Тамъ же*)

Недовольство хозяиномъ.

А зазвали мяне ў пиръ,
Посадзили за столомъ.
Мнѣ и тутъ ни даюць,
И на кутъ ни зовуць.
А дайца-жъ мнѣ кожарочку—
Я й домоўки пойду:
Я гэтую бисѣдочку
И ў татульки знайду.

(Зап. тотъ же.)

Купальскія пѣсни *).

Въ приходской лѣтописи Петропавловской церкви (въ городѣ Суражѣ) за 1868 годъ читаемъ слѣдующее:

„Вечеромъ 23 іюня, за деревней складываютъ и зажигаютъ костры; молодежь обоего пола пляшетъ вокругъ нихъ, поётъ пѣсни и по-одиночкѣ, или держась за руки попарно, прыгаетъ черезъ огонь. Этотъ праздникъ считается у нихъ въ честь огня. Огонь и до сихъ поръ означаетъ у здѣшнихъ крестьянъ богатство и счастіе. Такъ, во время сватьбы, молодые, пріѣзжая уже въ домъ родителей жениха, должны переѣхать чрезъ огонь, зажженный въ воротахъ для того, чтобы имъ посчастливилось въ жизни. На другой день передъ разсвѣтомъ собираются смотрѣть, какъ солнце выходитъ изъ купальни. Ночь съ 23 по 24 іюня считается самою таинственною. Въ эту ночь, по народному повѣрью, разцвѣтаетъ папо-

*) Называются также; „купальныя“, „купалки“, „свентояньскія“.

ротникъ. Кто сорветъ цвѣтокъ этого растенія и будетъ носить при себѣ, тотъ будетъ счастливъ, богатъ и получитъ все, что ни пожелаетъ. Но достать его очень трудно, потому что въ самую полночь, когда онъ долженъ развернуться, происходитъ сильнѣйшая буря, сверкаетъ молнія, и дерзающему сорвать цвѣтокъ показываются разныя чудовища, старающіяся всячески помѣшать замысламъ человѣка. Тотъ, кому бы удалось сорвать цвѣтокъ, долженъ, не оглядываясь, идти домой и не обращать вниманія ни на угрозы, ни на заманчивыя обѣщанія, которыми вѣдьмы и дьяволъ стараются заставить человѣка посмотрѣть назадъ, и тогда цвѣтокъ мгновенно исчезаетъ. 24-го несутъ въ церковь для освященія собранныя травы и цвѣты, а придя домой, женщины вѣшаютъ ихъ по хлѣвамъ; коровамъ привязываютъ къ рогамъ немного соли и священаго воску (т. е. отъ горѣвшей и освященной въ церкви въ день Срѣтенья Господня свѣчи). Все это дѣлается отъ того, чтобы предохранить домъ отъ огня, а скотъ отъ падежа, и чтобы русалки, вѣдьмы, чаровницы не отнимали молока у коровъ."

211

(*Чашники*)

„Якъ лѣсъ зачнецъ зилянецъ, тогда мы зачинаимъ гукацца и припѣўки пѣць:

Авой боюсь, боюсь, агу я!
За олешики звалюсь, агу я!
А хто мяне подымецъ, агу я!
Тому руки отымецъ, агу я!

„Ўсё время до Ивана (24 іюня) пѣюцца пѣсни купальные, а на Ивана Купалу, якъ соўнушка за лѣсъ залѣзицъ, тогды пастухъ зáразъ домоў короў гоницъ. Хозяйка зъ хаты выходзицъ, бярецъ крапиву и дзядоўнику, пирадъ пирогомъ хлѣва разарвецъ и киницъ, кабъ вѣдзьма молока ни одбирала ў короў. Тогды угонюцъ короў ў хлѣў, сходзюцъ, подóюцъ ихъ и повячеріюцъ. Тутъ хозяйка смѣецца коло хозяина и говóритъ: „сыскивай горѣлки, а моя кулáга зварена." Тогды возьмуцъ колясо *), запалюцъ ў сяродцѣ мужики возьмуцъ, положацъ сабѣ высоко на плечи, а жонки ззадзи идуцъ, нясуцъ кулагу и пѣсни пѣюцъ. Идуцъ, идуцъ ў вокругъ

*) Колесо это, густо намазанное дегтемъ, вздѣваютъ на длинный шестъ.

жита и ўсё пѣсни пѣюць, а якъ зайдуць до мяжи, радомъ зъ мяжой другаго хозяина,—сядуць, пѣсни пѣюць, танцуюць, дудка играиць. Якъ тольки сядуць пѣюць гэту пѣсню:

Ни ходзи вѣдзьма ў наша жита,
Ни ходзи, а то будзишь бита,
Ци одрѣзаўши колосьямъ набьемъ,
Ци дубьёмъ соўсимъ забьемъ.

„Есць трава трепутникъ, на ее листъ доўги, круглы, расцець ни высоко. Вячерόмъ пирадъ Иваномъ дзѣўки ее выкопаюць принясуць домоў и на ночь покладаюць подъ голόвы. Хто соснйцца, той и будзиць мужъ. Якъ гэту траву дзѣўки копаюць, дакъ яны скажуць: „Ты бабочка, ты голубочка! Ты при дорозѣ сядзишь, ты ўсё чуишь и видзишь. Скажи мнѣ праўду, за кого я замужъ пойду?“—На Купалы-жа дзѣўки вянки пускаюць по водзѣ куда поплывець,—въ ту сторону замужъ выйдци.“

(Записано мною отъ М. Коткевичовны.)

212

Купальской ночи
Выпекли вѣдзьмы очи,
Кабъ въ ночи не ходзила,
Кабъ росы не збирала,
Кабъ въ печи не сушила,
Кабъ въ жернахъ не молола,
Кабъ каши не варила,
Кабъ дзѣцей не кормила,
Кабъ вѣдзьмятъ не плодзила.

(Изъ „матеріаловъ для географ. и статист. Россіи“ Гродненская губ., состав. П. Бобровскій, стр. 840-41.)

213

(*Лепельскій у.*, *Ушачскій округъ*)

Объ сумеркахъ (23 іюня) дѣвушки ходятъ вдоль улицы по деревнѣ и поютъ:

Хто ня выходзиць на Купалу—
Нихай ляжиць колодою,
Колодою дубовою,
А яго дзѣтки цильпучками,
Цильпучками ольховыми,
Кориньками яловыми.

(Сообщ. С. К. Шимковичъ.)

214

(*Чашники*)

Кого нѣту на вулицы,—
Положь яго колодою,
Колодою дубовою,
Дзѣтокъ яго цильпучками,

Цильпучками ольховыми,
Ляпокъ яго травицею,
Травицею павилицею:
Будзиць полоць—руки колоць,
Будзиць браци—руки драци.

(Записано мною отъ Коткевичовны.)

215

(*Лепельскій у.*)

Взойдя на гору, при горящемъ кострѣ, поютъ:

Мѣсяцъ яснюсеньки!
Взойдзи ранюсенька,
Освѣци виднюсинька.
Андрейка молодзеньки!
Ўстань же ранюсинько,
Ўмыйся бѣлюсинько,
Надзѣнь же ты боцики козловые,
Надзѣнь же ты шубочку бобровую,
Выйдзи жь ты на вулицу
Развядзи Купальнійка,
Дзѣвочкамъ гулянійка.
Дзѣвочки гулянь будуць,
Жоночки пѣяць будуць,
Андрéйку хвалиць будуць.
На Андрейку кошуля
Сто рублёў коштуиць.
Хтожь гэту кошулю ткаў,
Хтожь гэту кошулю праў?
Прала яе матулька,
Ткала яе сястрица,
А Марьпчка вышивала
И Андрейку дарувала,
На Купальнійка дарувала.

(Сообщ. С. К. Шимковичъ.)

216 **)

(*Тамъ же*).

Вечеромъ, наканунѣ 25 іюня, когда обираютъ траву для освященія въ церкви.

Наляцѣли журавли
Сѣли-пали на оралли,
Стали ораллю копаць,
И ў оралли пытаць:
Лѣпи сѣвба раняя,
Нячимъ тая поздная:
А на ранней пшаница,
А на поздней мяглица.
Лѣпи жонка первая,
Нячимъ тая другая,
Зъ первой жонкой дзяцей мѣў,
Зъ другой жонкой годоваў,

---

*) Съ этими и подобными пѣснями почти вся деревня отправляется за околицу, въ поле, на гору, холмы, пригорки, вообще на возвышенныя мѣста, если таковыя есть въ окрестности, и помѣстившись на травѣ, или между спѣющими нивами, на лугу, разводятъ изъ ращепленныхъ колесъ, бочекъ и домашнихъ сосудовъ костеръ.

**) Легенда о цвѣткѣ Иванъ-да-Марья или братъ и сестра.

А зъ треццей разгоняў:
Идзице дзѣти служици,
Чимъ мачихѣ угодзици.
А ў Полоцку на рынку
Пьець козачикъ горѣлку
Зъ молодой дзѣўчиной.
—Шинкарочка молода!
—Дай мнѣ мёду гарнца два.—
„Заставь-жа мнѣ свой жупанъ,
„Тогда мёду табѣ дамъ!“
—Нашто табѣ мой жупанъ,
—Коли у мяне грошей жбанъ?—
„Я за цябе дзѣўку отдамъ“.
Ў корчомци згукали,
А ў церкви обвѣнчали,
Ў посцели спаць клали.
Пытаицца дзѣцина:
—Откуль радомъ дзѣўчина?
„Я зъ села сялянка,
„Я зъ города мѣщанка,
„По прозвищу Карпанка“.
Пытаицца дзѣўчина:
„Откуль радомъ дзѣцина?“
—Я зъ сяла сялянинъ,
—Я зъ городу мѣщанинъ,
—По прозвищу Карпинъ сынъ.
—Еще жъ мяне Богъ сцерегъ,
—Што я зъ сястрой спаць ня лёгъ,
—Еще жъ мяне Богъ укрыў,
—Што я сястры ня накрыў.—
„А брацитка мой родной!
„Якъ мы будзимъ цяперъ жиць“.
—А сястрица родная!
—Пойдземъ мы горою (2)
—И разсѣемся травою.
—А на Ивана Купалу
—Пойдуць дзѣўки траву рвацъ (2)
—И насъ зъ тобой ўспоминаць:
—А вотъ тая травица,
—Што брацитка зъ сятрицей.—

(Сообщ. тѣмъ же).

217

(Чашники)

Ой ляцѣли журавы,
Сѣли-пали на ралли, (2)
Стали яны брукаци,
Объ оралли гукаци (2)
Лучши ралля рапая,
Чимъ тая поздная (2),
А на раннимъ пшаница,
А на позднимъ мятлица (2).
Лучши первая жона,
А чимъ тая другая (2),
Зъ первой жонкой дзяцей мѣць,
А зъ другой разогнаць (2).
А ў суботу позниньна,

Пошли дзѣтки розниньха (2).
Дзѣци мои милые,
Дзѣци мои дробные! (2)
Ци лѣпи людзёмъ служиць,
Ци вамъ мачиси годзиць? (2)
Лѣпи намъ людзёмъ служиць,
Чимъ се мачиси годзиць. (2)
Ў Полоцкў на рынку
Пьюць молойцы горѣлку. (2)
— Шинкарочка молода!
— Продай мёду гарнцы два (2). —
„Тогды табѣ мёду дамъ,
„Заставь-жа мнѣ синь кафтанъ“ (2)
— На што табѣ мой кафтанъ,
— Коли маю гроши жбанъ. (2) —
„Коли маишь гроши жбанъ,
„Я за цябе дочку отдамъ. (2)
Ў суботу звинчали,
Ў нядзѣли спаць клали (2).
Пытаицца дзяўчина:
— А скондъ роду дзяцина?—(2)
„А я роду мищанинъ,
„По бацюшкѣ купчанинъ“. (2)
Пытаицца дзяцина:
„А скондъ роду дзяўчина?“ (2)
— А я роду мищанка,
— По бацюшки купчанка. (2) —
„Богдай маци пропала,
„Брата съ сястрой звинчала. (2)
„А Богъ-жа жъ мяне сцярёгъ,
„Што зъ сястрой спаць ня легъ. (2)
„Ты сястрица милая,
„Пойдземъ мы ў поля. (2)
„Обярнемся травою,
„Што брацитка зъ сястрою (2).
„Зъ Купалы на Ивана
„Придуць дзѣўки краски рваць (2)

Будуць насъ успоминаць: (2)
„Гэта тая травица,
„Што брацiйка зъ сястрицей. (2)
„А на брату сини цвѣтъ,
„А на сястрѣ жоўты цвѣтъ“. (2)
(Зап. мною отъ мѣщанки Марьи Коткевичовны).

218

(*Суражскій у., м. Усвяты*)

Съ пыныдѣлка на вторыкъ (2)
Приѣхаў панъ съ Похомыкъ (2)
Ахъ мой моцный Боже! *)
Приѣхаўши на рыныкъ,
Пытается ў гыспыдахъ:
—А дѣ тая кирчемка,
Што млыдая шынкарка.
—Шынкарочка млыдая,
—Повѣрь же мнѣ мёду жбанъ.
„Я повѣрю мёду жбанъ.
„Ды за тябе цурку отдамъ“.
Мы ў костели звѣнчаны,
А на ложи спызнаны.
Стаў молодзецъ плакати,
Ў дявицы пытати:
—Скажи, скажи молодецъ:
—Откуль твоя родина?—
„Я и родомъ зъ Люблюва,
„Ёсь тамъ цурка Войтова“.
Стала дѣўка плакати,
А молодецъ пытати:
„Скажи, скажи дѣвица,
„Откуль твыя родина?“
—Я и родомъ зъ Люблюва,
—Пы батюшки Карпова.—
„Возьми, братя, вострый мечъ,
„Сними глову зъ бѣлыхъ плечъ.“
—Невинны наши гловы,
—Винны наши ойцовы.—
„Пойдемъ, братя, въ чисто поле
„Обернемся мы травою.
„Ты, братынька, синій цвѣтъ,
„Я, сестрица, желтый цвѣтъ.
„Придуть тыи дянёчки,
„Пятровыи святочки.
„Пойдуть дѣўки краски рвать
„А насъ съ тобой звяличать“.

(Зап. гимназистъ 6 класса Потоцкій).

219

(*Лепельскаго у., с. Апанасковичи*)

Ишла Купалка сялòмъ, сялòмъ,
Казала *) дзѣўкамъ чалòмъ, чалòмъ.
Дзѣўки Купалки ни увознали,

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, которые тоже повторяются.

*) Вар. давала

Горда Купалцы отказали:
„У цябе, Купалка, ёсь три дочўшки
„Перша дочўшка — бѣла-румяна,
„Друга дочушка—тонка-высока,
„Трецця дочушка—чорна-горбата.
„Бѣла-румяна—вышла зы пана,
„Тонка-высока—зы королевича,
„Чорна-горбата—зы поповича“.
Пызбиралиси зяци ў госьци.
Стали поповича знива́жици,
Ўмѣў поповичъ имъ отказаци:
„Бѣла-румяна — то змыицца,
„Тонка-высока — то злóмицца,
„Чорна-горбата—ина богата“.
(Записала воспитанница духовнаго училища Ольга Котырло.)

220

(*Чашники*)

Было ў Купалки три дочки,
Ў Купала на Ивана *).
Большая дочка — тонка-высока,
Другая дочка — бѣла-румяна,
Трецця дочка — чорна-горбата.
Тонку-высоку поповичъ взяў,
Бѣлу-румяну войтовичъ взяў.
Чорну-горбату кролевичъ взяў.
Стали зяци съѣзжацися
И коло кролевича смѣяцися:
„Ня было табѣ тонки-высоки,
„Ня было табѣ бѣлы-румяны,
„Взяў сабѣ чорну-горбату“.
Имъ королевичъ отвѣчаць:
— Тонка былинка завсегда гнецца,
— Бѣлая рѣчька завсёгда горка,
— А чорны мачекъ завсёгды смаченъ. —
(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

221

(*Лепельскій у.*)

Ишла Купалка сяломъ, сяломъ, (2)
Завѣсила вочки цябромъ, цябромъ, (2)
Стали людзи дзивицися, (2)
Стала Купалка сварицися: (2)
А што вы людзи задзивилися (2)
Ци вы на вулку ни ходзили?
Ци вы Купалки ни видали?
Ци вы вяночкоў ни звивали?
Ци вы ў таночки ни ходзили?

(Зап. писаремъ Смолянецкой волости въ 1869 году. Сообщилъ миров. посред. М. Ѳ. Сазоновъ.)

222

(*Тамъ же*)

Ишла Купалка сяломъ, сяломъ,
Давала дзѣўкамъ чаломъ, чаломъ.
А стали людзи дзивицися,
Стала Купалка сварицися:
И што гэто, людзи, вамъ за дзиво?
Я ни гэтакое дзиво видала:
И што щука рыба красенцы ткала,
Плѐточка скачиць, ниточки вяжиць,
Ежгуръ гуляиць, челнокъ кидаиць,
Окунекъ свищиць, поножій цѣсниць,
А ракъ нибаракъ цѣвочки сучиць.

(Сообщилъ С. К. Шимковичъ.)

223

(*Чашники*)

Ишла Купаленька по вулицы
Красками вочи завѣсиўши.
Стали людзи дзивицися,
И стала Купаленька сварицися:
— Што вы людзи за дзиўные!

— Ци вы на вулку ня ходзили?
— Ци вы Купаленки ня видзѣли?
— Ци вы вяночкоў ня вивали?
— Я ня такое дзиво видала:
— Щука рыба красна ткала,
— А ракъ нибаракъ цѣўки сучиў,
— Сучиў жа цѣўки чирвоные,.
— Яна ткала китайки зялёные
— И слала до матки родзёные:
— Вотъ табѣ, маци, китаечка
— Отъ твоей дочки коханочки,
— Вотъ табѣ, маци, зяленая
— Отъ твоей дочки родзёные,
— Вотъ табѣ, маци, урубочки,
— Отъ твоей дочки голубочки,
— Вотъ табѣ, маци, цясомочка,
— Отъ твоей до чки паненочки.—

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

224

(*Лепельскаго у., с. Апанасковичи*)

Я зёлки ў поли сбираю,
Ивана Купалку пираймаю
И ўсё гляжу ў цёменъ лѣсъ.
А ў цёмнымъ лѣси огонь горицъ,
Кылы огня Купалка сядзицъ,
Купалка сядзицъ и ў голосъ плачецъ:
„Чаго, чаго, Купалка, плачишь?
„Ти табѣ тутъ соўнинька мала?"
— Охъ, ни мала мнѣ яснаго соўнинька,
— Тутъ досиць мнѣ ўсяго, ўсяго!
— И плачу я того, того,
— Што мине людзи ни такъ пираймаюць,
— Только то й робяць
— Што огни раскладаюць.—

(Записала Ольга Котырло.)

225

(*Суражскій у., д. Козловичи*)

„Купаленька, цёмная ночка!
„Идзѣ твоя дочка?“
— Моя дочка ў городзѣ,
— Рожу полицъ, руки колицъ,
— Цвяточки рвецъ,
— Вяночки вьецъ,
— Звиўши вяночикъ,
— Пошла ў таночикъ.—

(Зап. В. П. Догель).

226

(*Витебскій у., д. Васьковичи*)

Купаленка (2)
Ночь маленька (2),
Да удаленька (2),
— Цёмная ночка! (2)
— Дзѣ твоя дочка?—
„Моя дочка (2)
„Ў садочку, (2)
„Рожу полицъ, (2)
„Руки колицъ,
„Крàсочки рвецъ,
„Вяночки вьецъ. (2)
„Ўсимъ дзѣвочкамъ (2)
„По вяночку (2),
„Молодушкамъ (2)
„По платочку, (2)
„А мальчикамъ (2)
„По брилечку, (2)
„Старымъ бабамъ (2)
„По кіечку“ (2).

(Зап. В. Ив. Безперчій).

227

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

На святого Ивана
Дзѣўки зелки збирали
И зелачикъ ни знали,
Да й до цара послали,
А царъ зелакъ ни спознаў,
До короля отослаў.
Гэта зелля Купалля:
Дзѣвоцкая умывання,
Дзѣцюцкая кохання.

(Зап. Л. П. Сцярепко).

228

(*Лепельскій у.*)

Ў горо̀дзѣ подъ тынкомъ,
Чирвона рожа, чирвона! *)
Дворанинъ зелля копаицъ.
Ёнъ копаицъ, самъ ня знаицъ
И дзѣўчоночикъ пытаицъ:
„Вы дзѣўчоночоки сястрицы!
„Да и не тожь гэто за зелля,
„Боровое кореннявя?
— Дворанище ты дурнище!
— Ты жъ копаишь, самъ ня знаишь,
— Ды ў дзѣвочикъ пытаишь.
— А гэто зелля купелля,
— Дзѣвоцкая умывання,
— Дзѣцинская воздыхання.
— Посохни дзѣцинки
— За гра̀дами сѣдзючи,
— На дзѣвочикъ гледзючи.—

(Сообщ. С. К. Шимковичъ).

229

(*Тамъ же*)

Гдзѣ жъ ты была Купаленка?
Купала на Ивана! **)
— Ў сялѣ была Иваничка.
Гдзѣ жь ты сядзѣла, Купалочка?
— А ў запечку, на припечку.
Што жь ты ѣла, Купалочка?
— Ѣла траву помѣтную.
Што жь ты пила, Купалочка?
— Пила воду болотную.
Гдзѣ жь ты Купалочка?
— Ў сялѣ, была Иваничка.
Гадѣ жь ты сядзѣла, Купалочка?
— На покуцѣ, на золоцѣ.
Што жь ты ѣла, Купалочка?
— Ѣла кашу рыжовую.
Што жь ты пила, Купалочка?
- Пила мёдъ, вино зялёное.

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ).

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.
**) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

230

(Суражскій у., д. Козловичи).

„Оролъ, Божжа птица!
„Высоко литаишь,
„Ў Бога бываишь,
„Што цуишь, што видзишь?“
— Я и цую и видаю,
— Што и самъ Господзь робиць.
— Самъ Богъ мёды сыциць,
— Илля пива вариць,
— Самъ Богъ сына жёниць,
— А Илля дочкў выдаець,
— Самъ Богъ ў радосци,
— А Илля ў жалосци.
— Якъ Илля сына жёниць,
— А Богъ дочку оддаець.
— Илля пива вариць,
— А Богъ вино куриць.—
„Татка ты мой родненьки,
„Татка жа добриньки,
„Пріѣдзь ко мнѣ ў госьци!“
— Я бъ радъ ў госьци быци,
— Мнѣ нельзя прибыци:
— Вясной за водами,
— Лѣтомъ за жарами,
— Зимой за снѣгами.—
„Татка ты мой родненьки!
„Якъ нибудзь придумай:
„Ў лѣцѣ — ў карецѣ,
„Вясной—ў чоўночку,
„Зимой—ў возочку“.

(Зап. В. П. Догель).

231

(Изъ мѣстностей придвинскихъ)

Звала Купалка Иллю на игрыща:
„Ходзи Иллища ко мнѣ на игрыща“.
— Ни маю часу, Купалачка,
— Гэту ўсю ночку мнѣ нада не спаци,
— Нада не спаци, жита пильноваци:
— Кабъ змія заломоў ни ломала,
— Ў жицѣ корення не копала,
— Ў короў молòки ни одбирала.
— Одбяры Божа тому ручки, ножки,
— Ручки, ножки, со лба вочки.

(Изъ сборника Яна Чечота 1846 г. стр. 33.)

232

Сегодня у насъ Купала... То! То! То!
Самъ Богъ огонь расклаў,
Ўсихъ святыхъ къ себѣ созваў.
Только нѣту Илли съ Пятромъ,
Пошоў Иллія коло жита.

(Изъ „Матеріаловъ для географ. и статист. Россіи", Гродн. г. состав. П. Бобровскій, стр. 840.)

233

(Изъ мѣстностей принѣманскихъ)

Сонейко, сонейко, Янъ съ Петромъ ходзець,
Сонейко, сонейко, да по межамъ ходзець,
Сонейко, сонейко, да жита гледзяць.
Сонейко, сонейко, да идучы говорыли:
Сонейко, сонейко, ўсё жито дóброе;
Сонейко, сонейко, Юрасово еще лѣпшое,
Сонейко, сонейко, Габрусёво еще найлѣпшое.
Сонейко, сонейко, ў трубу ўецце,
Сонейко, сонейко, Габрусёво ў стрыты кладзецце.

(Сборникъ Чечота, стр. 4)

234

(*Суражскій у.*)

Василь василёкъ, боровая земля,
Василёцикъ, боровиньки цвяточикъ.
Ў первымъ часу сорвала,
Ў другимъ часу вянокъ вила,
Ў трецпимъ часу на голову накладала,
Тогды на вулицу пошла.
На вулицы бѣлъ корогодъ.
Ў тымъ корогодзѣ мой брахорка,
Мой брахорка ў дудку играиць.
Мой вяноцекъ сохниць, вяниць.
Василь василёцикъ, боровеньки цвятоцикъ!

Ў першимъ часу сорвала,
Ў другимъ часу вянокъ вила,
Ў трещцимъ часу на голову накладала.
Тогды на вулицу пошла.
На вулицы бѣлъ корогодъ
Тамъ мой миленьки игранць,
Ды мой вянокъ расцвитаиць.

(Зап. В. П. Догель).

235

(*Витебскій у.*)

Копали дзѣўки студзеный колодзець,
Выкопали яны золоту яблоньку.
Ў садъ ўсходзили, садъ покрасили,
На дворъ ўсходзили, ўвесь ганокъ зломили,
Ў сѣни ўсходзили, сѣни покрасили,
Ў хату ўсходзили, столы насцилали,
Столы насцилали, кубки наливали,
Кубки наливали, боярамъ давали.
Хто кубокъ випьець, зъ хаты ня выйдзець,
А я два выпью, зъ хаты выйду.

(Зап. мною).

236

(Изъ мѣстностей принѣманскихъ)

Сóнейко, чему Янова ночка не величка
Сонейко, сонейко, бо ты рано ўсходзишь.
Сонейко, сонейко, рано ўсходзишь да играючи,
Сонейко, сонейко, играючи, Яна звеличаючи.
Сонейко, сонейко, дзѣвунька да невыспаласе.
Сонейко, сонейко, шнурé вязала,
Сонейко, сонейко, шоўковые,
Сонейко, сонейко, да едвабные.
Сонейко, сонейко, сему, тому продавала,
Сонейко, сонейко, свойму милому да даровала.
Сонейко, сонейко, сему, тому по три гроши
Сонейко, сонейко, свойму милому што найхорошы.

(Изъ сборника Яна Чечота 1846 г. стр. 4).

237

(*Лепельскій у. с. Апанасковичи*)

На мори вутка купалася,
Ны біражочку сушилася.
Млада Кулинка стужилася,
Што дары ни прадзины,
Хуць прадзины, дыкъ ня витыи,
Хуць витыи, дыкъ ня снованы,
Хуць снованы, дыкъ ня тканныи,
Хуць тканныи, дыкъ ня бѣлины,
Хуць бѣлины, дыкъ ни качаны,
Хуць качины, дыкъ ня рѣзаны,
Хуць рѣзыны, дыкъ ня дзѣланы.
Тому сяму по локцику,
А сужаньку—ня мѣручи,
Отъ того сяго по сто рублей,
Отъ сужаньки—ни шележки.

(Записала Ольга Котирло).

238

(*Чашники*)

На морѣ вутка купалася,
На бяражочку сушилася.
Я молодая ня вѣдала,
Ци было лѣто, ци ня было,
Мяне мацъ ня пускала,
Ўсё ў каморку замыкала.
Одчиню я кватэрочку
И погляжу я на вулочку:
Ци ўсѣ улочки подмяцены,
Ци ўсѣ дзѣвоньки поучосаны?
Одна вулица ня мяцена,
Одна дзѣвонька ня учосана.
Идзи дзѣвонька головоньку учашѝ

И вулочку подмяци.
Тамъ твой Панасъ зъ торгомъ стоиць.
Ёнъ тому сяму запродаець,
А своей Кацяринкѣ и даромъ даець.
Ёнъ тому сяму по локцику,
А своей Кацяринкѣ ня мѣручи;
Ёнъ даець ня мѣручи,
А яна бярець ня глядзючи.
Ёнъ жа даець ня жалуиць,
Яна бярець ня дзенкуиць.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

239

(Быховскій у.)

На мори вутка купалась,
На биражочку сушилась,
Яжъ молодзенка журилась.
Ци было лѣто, ци ня бывало.
Яжъ молодзенька ня угадала,
Мамка на вулку ня пускала,
А ў каморочку замыкала.
Выбью я выбью болоночку,
Гляну я, гляну на вулочку:
Ажъ-ну мой миленьки танокъ водзя,
Ды и зъ моей даўный подружинькой.
Дай табѣ, Божа, подружачка,
Етаго танка ня сводзпцп,
Етаго вянка ня сносици.

(Зав. Ал. Фр. Лисовская).

240

Братъ сестру хоче забити,
Вона жъ зачала просити,
Купала на Ивана! *)

*) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

— Мой батонька, голубочку!
— Не забивай мэне у лисочку.
— Дпўчатки йдуть—гвоздочки рвуть
— И мэне ўспоминають.
— Молодички йдуть—васильки рвуть
— И мэне ўспоминають.
— Хлопчики йдуть—стрилочки рвуть
— И мэне ўспоминають.

(Изъ ст. „О праздникѣ Купалы“ Вл. Быковскаго въ памятной книжкѣ виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г. отд. этногр. стр. 79.—Ср. Бѣлорусск. пѣсни П. Безсонова, стр. 43, № 78.)

241

(Чашники)

Купальная ночка маленькая,
Ня выспалась красная паненка,
Сучила шнуры шоўковыи,
Ткала китайки зялёныи,
Слала до матки родзёнои.
Ў горо́дзи гордовонька,
На гордовоньки зязюленька
Ня куковала, праўду казала:
Ня идзи замужъ за старо́го.
А ў старо́го дзѣцей много,
А ў молодого ни во́дного,
А ў старо́го хлѣбъ пикливаны,
А ў молодо́го кій насѣканы,
А ў старого подушечки,
А ў молодого полушечки.
А ў старо́го ў бородзѣ воши,
А ў молодо́го ў кишени гроши.
Лѣпѣй спаць на камўшечкахъ,
Чимъ на старо́го подушечкахъ,
Лѣпѣй вымаць зъ кишеня гроши,
Чимъ у стараго зъ бороды воши.

(Зап. мною отъ мѣщанки Коткевичовны).

242

(Витебскій у.)

Ў цемномъ лѣсѣ гомонило —
Сосна зъ еллю говорила:
Счастлива тая мацъ,
Ў которой дочакъ много.
Што субота—заручаньки,
Што нядзѣля—веселейки.

У цёмномъ лѣсѣ гомонило,
Сосна зъ еллю говорила:
Нисчастная тая мацъ,
У которой сыноў много:
Што субота—на судъ ходзюцъ,
Што нядзѣля—хохлы дзѣлюцъ.

(Зап. В. И. Безперчій).

243

(Лепельскій у., Ушачскій округъ)

А при дорози при широкой
Дзвѣ дзѣўчины лёнъ пололи.
А туды ишли два молодца.
„А Богъ ў помочъ двумъ дзѣўчинамъ!“
— А на здороўе двумъ молодцамъ.—
А худобочка промовила,
А богатая замолчала.
А пошли жъ яны гукаючи,
Одзинъ у одного пытаючи:
— Ня бяри, брацецъ, богатую,
— А бяри, брацецъ, худо́бочку.—
А худобочка зъ молодыми гукаецъ,
А богатая зацинаецъ.
А якъ зачула богатая:
Обрусы мои шоўковые!
А ци горы вами высцилаци?
Не гдзѣ мнѣ младзѣ подзѣваци.
Рушнички мои кружко́вые!
Ци дубы вами обвязаци?
Негдзѣ жъ мнѣ младзѣ подзѣваци.
Поясы мои жичковые!
Ци кони вами завожаци?

Негдзѣ жъ мнѣ младзѣ подзѣваци.
Пярсценьки мои золотые!
Ци кони вами подковаци?
Негдзѣ мнѣ младзѣ подзѣваци.
Карали мои дорогіе!
Ци кони вами понуздаци?
Негдзѣ мнѣ младзѣ подзѣваци.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

244

(Лепельскій у.)

Зялёны виноградъ
Ўдаўся ты на поглядъ.
Якъ Иванька поглядзѣў—
Такъ виноградъ поблѣднѣў,
Стаў виноградъ посыхаць,
А Иваньку проклинаць:
— Кабы ты зъ лица змѣниўся,
— Якъ я зъ цвѣту спусциўся.—

Чирвоны виноградъ!
Ўдаўся ты на поглядъ.
Якъ Андрейка поглядзѣў,
Такъ виноградъ покраснѣў.
Стаў виноградъ расцвѣтаць
И Андрейку выхваляць:
„Кабъ жа ты богатъ стаў,
„Якъ я на цвѣтъ красёнъ стаў“.

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ.)

245

(Лепельскій у.)

Ў городзѣ подъ либядою,
Купала на Ивана! *)
Стонць колодзезь зъ водою.
Тамъ дзѣўнька воду брала,
Пришли до яе два поповичи,
Стали зъ ею жартуваци,
Зъ вёдеръ воду выливаци.
„Поповичи молодые!

„Полно со мной жартуваци,
„Зъ вёдеръ воду выливаци,
„Ў мяне матулька ня своя,
„Будзиць мяне биць, караць“.
— Ты дзѣўчина молодая!
— Умѣй жа ей отказаци:
— Голубы были, воду пили,
— Воду пили, замуцили.—

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ).

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

246

(*М. Чашники*)

На морѣ, морѣ синему,
Тамъ дзѣвонька воду́ брала.
Плыли гуси шѣрые,
Яны водзицу замуцили.
Я молода постояла,
Покуль водзица свѣтла стала.
Тудыжь ишли два поповичи,
Стали зъ ей жартоваци.
„Ня своевольця, поповичи,
„У мяне маце ни родная
„Будзиць бпць и браниць".
— Умѣй дзѣука отказаци:
— Плыли гуси, гуси шѣрые,
— Яны воду́ замуцили.
— Я молода постояла,
— Покуль вода свѣтла стала,
— Я молода посядзѣла,
— Покуль вода посвѣтлѣла.—

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

247

(*Полотскій у.*)

Иванъ, Иванъ да Марья,
А на горѣ купальня,
А на купальнѣ царкоўка,
А на царкоўцѣ макоўка,
А на макоўцѣ кружолка *),
А на кружолцѣ ластоўка,
Яна сядзѣць высока,
Чуиць и видзиць далёка,
Што ў (Полоцку) дзѣвица:
Дзевяць паненакъ заручонныхъ,
А дзисятая повянчопная **).

(Зап. гимназистомъ 7-го кл. Пржисецкимъ).

248

(*Лепельскаго у., с. Апанасковичи*)

„Ай бору мой, бору мой!
„Што ты бору, ни шумёнъ?"
— Якъ я маю шумёнъ быци,
— Коли ў мине пташекъ нѣтъ?
— Одна была зязюля,.

---

*) Вар. „крижечикъ".

**) Дзевять дзѣвокъ вянчаюць,
А дзисятую заручаюць.

— Тую пташечки ўзяли,
— Соловейкамъ подали;
— А пташачкамъ на одзинъ дзень,
— Соловейкамъ на ўвесь вѣкъ.—
„Ай двору мой, двору мой!
„Чаму, двору, ни мяцёнъ?“
— Якъ я маю мяцёнъ быць,
— Коли ў мине дзѣвокъ нѣтъ?
— Одна была Маринка,
— Тую сваты ўзяли,
— Ды сужпньку подали,
— А сваточку на одзинъ дзень,
— А сужиньку на ўвесь вѣкъ!—

(Записала Ольга Котырло).

249

(*Дисненскій у.*)

„Ой бору, мой бору!
„Зачѣмъ ты ня зялёнъ?“
— Якъ я могу зялёнъ быць?
— Я птушачикъ ня маю,
— Шуметника ня знаю.
— Одна была пташычка
— Да шѣренькая зязюлька.
— Тую орлы споймали.—
„Ой двору, мой двору!
„Зачѣмъ ты, двору, ня мяцёнъ?“
— Якъ я маю мяцёнъ быць,
— Я дзѣвочикъ ня маю.
— Одна была дзѣвочка, молодая N,
— Тую сваты споймали,
— Ды суженькому подали,
— Ды сваточки на вечеръ,
— А суженькому на ўвесь вѣкъ.—

(Зап. г-жа Снигельская).

250

(Лепельскій у.)

„Ляци, ляци, стрѣлочка,
„А ў залёну дуброву,
„На дубову колоду!“
— Суха будзиць—полячу,
— Мокра будзиць—посяжу.—
„Оддай, Янычка, оддай
„Свою дочку Маланку!
„Оддаючи прикажи,
„Прикажучи пригрози:
„Жыви, жыви, дзицятко,
„Жыви (2), нябога!
„Для людзей и для Бога“.
— Добро будзиць—жыць буду,
— Худо будзиць—прочь пойду.
— Прочь пошоўши—ни слова,
— А ўсе тутъ жыць ни стану.—

(Записала Ольга Котирло).

251

(Чашники)

За горою, за крутою
Чатыры горо̂ды выгорожанныхъ:
Ў однымъ горо́дзѣ стоиць рожа,
Ў другимъ горо́дзѣ стоиць пыжма,
Ў трециимъ городзѣ стоиць рута,
Ў чатвертымъ горо̂дзѣ стоиць мята.
Хто пригожи—пильноваць рожи,
Хто пышны—пильноваць пыжмы,
Хто круты—пильноваць руты,
Хто богаты—пильноваць мяты,
Хто горбаты—грысци лопатой,
Хто горды—пирасыпаць бёрды,
Хто рабы—пасциць жабы,
Хто зъ Вильны—пасциць свинни,
Хто зъ Руси—пасциць гуси.
(Зап. мною отъ Марьи Коткевичовни.)

252

(Лепельскій у.)

А за горою за крутою
Три горо̂ды выгорожанныхъ,
Три заводы заложанныхъ:

Ў однымъ городзѣ чирвона рожа,
Ў другимъ городзѣ пахучая мята,
А ў треццимъ городзѣ зялёная рута.
Хто пригожи—пильновацъ тому рожи,
Хто богаты—пильновацъ тому мяты,
А хто лѣнивы—пильновацъ тому крапивы.
Кузьма пригожи—пильновацъ рожи,
Антось богаты—пильновацъ мяты,
Василь круты—пильновацъ руты,
Андрей лѣнивы—пильновацъ крапивы.

(Сообщено С. К. Шимковичемъ.)

253

(*Лепельскаго у., Ушачскій округъ*)

„Што ты, силязень, смуцёнъ ня вясёлъ?"
— А якъ жа мнѣ жицъ, вяселому быцъ?
— Ўчóра зъ вичора за вуточкой литаў,
— А сягодня рано вуточки нема:
— Ци застрѣляна, ци поляцѣла?
— Кабъ гдзѣ далеко—ня жаль бы было,
— А то отъ мяне ў треццимъ кусцѣ.
— Ў однымъ кусточкѣ вьецъ гнѣздзечко,
— На одной росѣ купаицца,
— Мяне силязеньку коруганцца.—
„Што ты Андрейка смуцёнъ, ня вяселъ?"
— А якъ жа мнѣ жицъ, вяселому быцъ?
— Ўчора зъ вичора зъ Марьичкой гуляў,
— А сягодня рано Марьички нема.
— Ўжо заручона, замужъ идзецъ.
— Ня жальжа мнѣ, што замужъ зашла,
— А ли жаль жа мнѣ, што за сусѣда,
— И што за сусѣда ў моемъ вокнѣ,
— Толька отъ мяне ў треццимъ дому.
— Чпразъ мой дворокъ по водзицу идзецъ,
— По водзицу идзецъ и коника вядзецъ,
— Коника пóицъ, мое сердце крóпицъ.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ.)

254

(*Тамъ же*)

У короля сърадъ двора
Божа жъ мой!
Тынокъ высокъ, дунай глубокъ
Божа жъ мой! *)
„Хто гэты тынокъ пираскочиць?
„Хто гэты дунай пираплывець?
„Королевночку за сябе возьмець?“
Обозваўся молодэй Мыкитка:
— Я гэты тынокъ пираскочу,
— Я гэты дунай пираплыву,
— Королевночку за сябе возьму. —
Якъ стаў скакаць—ня пираскочиў,
Якъ стаў плысци—ня пираплыў,
Королевночку за сябе на ўзяў. **)
Обозваўся молодэй Пилиппъ:
— Я гэты тынокъ пираскочу,
— Я гэты дунай пираплыву,
— Королевночку за сябе возьму. —
Якъ стаў скакаць—пираскочиў,
Якъ стаў плысци—дыкъ пираплыў,
Королевночку за себя ўзяў.

(Сообщ. тѣмъ же.)

255

(*Лепельскій у.*)

Ў городзѣ на бярёзѣ
Шѣра зязюля куковала.
Купала на Ивана! ***)
Ня куковала—праўду казала:
Ня будзиць зимы якъ лѣцичка,
Ня будзиць свекоръ якъ бациныка,

*) Повторяется послѣ каждаго стиха.
**) Тутъ повторяются первые пять стиховъ.
***) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Ня будзиць свякроў якъ матынка,
Ня будзиць дзевиръ якъ брацичка,
Ня будзиць золвица якъ сестрица.

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ.

256

(*Витебскій у.*)

Шла паненка церазъ боръ,
На ей сукенька ў дзевець полъ,
Стала тая сукенька шамреци,
Зелёна дуброва горѣци.
Пошли дзѣвочки тужици,
Золотыми кўбечками воду носици,
Кольки у кубечку воду ёсць;
Тольки у дзѣвочекъ праўды ёсць.
Ишла паненка церазъ боръ,
На ей сукенька ў дзевець полъ,
и т. д.
Пошли хлопцы тушици
Рѣшетами воду носици;
Кольки въ рѣшецѣ воды ёсць,
Тольки у хлопциў праўды ёсць.
Ишла паненка церазъ боръ,
и т. д.
Пошли жо́ночки тушици,
Чепцами воду носици,
Кольки ў чепцы воды ёсць,
Только у жоночекъ праўды ёсць.
Загорѣўся щиры боръ,
А ў томъ бору татка мой.
Мы пойдзёмъ боръ тушици,
Ушатомъ воду носици.
Загорѣўся щиры боръ,
А ў томъ бору свекоръ мой.
Мы пойдземъ боръ тушици,
Рашатомъ воду носици.
Загорѣўся щиры боръ,
А ў томъ бору свякроў моя.
Мы пойдзёмъ боръ тушици,
Цапцомъ воду носици.
Загорѣўся щиры боръ,
А ў томъ бору мамка моя,
Мы пойдзёмъ боръ тушици,
Катками воду носици.

(Зап. мною отъ мѣщанки Арины.)

257

(*Суражскій у., д. Козловичи*)

„Мядуница мядовая, молодзица молодая!
„Чаму няйдзешь на вулицу погуляць?“
— Якъ же мнѣ гуляць идци?
— Бѣлой пойциць—скажуць: торба,
— Цорной пойциць—скажуць: дурна.

— Свёкоръ скажиць: мядвѣдзица,
— Свякроў скажиць: пахмурница,
— Дзéвярь скажиць: зялипуха,
— Золовка скажиць: щикатуха,
— Мужикъ скажиць: молодуха.—
„Ты ня умѣишь отказаци:
„Мядвѣдьзица—ў цёмнымъ лѣси,
„Пахмурница—цемная ночинька,
„Зялипуха—траўка мураўка,
„Щикатуха—сорока щиботуха.“

(Зап. В. П. Догель.)

258

(*Суражскій у., м. Усвяты*)

Круто мое поля (2),
На ёмъ ягыдъ много (2),
Спѣлыхъ и зрѣлыхъ (2).
Я ягыдки брала (2),
Спѣлки въ рукавоцыкъ (2),
Зрѣлки въ пыдолоцыкъ (2),
Спѣлки родный мамки (2),
Зыляпушки свякроўки (2):
Ѣжь, мамка, живися, (2),
Свякроў, ѣжь давися (2),
Ѣжь, мамка, съ сытою, (2)
Свякроу съ пылатою.

(Зап. учен. 6 кл. гимназіи Потоцкимъ.)

259

(*Городокскій у.*)

Кругло мое поля,
На емъ ягодъ многа.
Пойду погуляю,
Ягодъ посбираю.
Зрѣлки ў рукавокъ,
А зялёпушки ў подолокъ.
Зрѣлки родной мамки,
А зялёпушки свякроўки.
„Ѣжь, моя мамка, живися,
„А свякроўка удавися.“
Мамка поживилась,
А свякроўка удавилась.

(Сообщ. Штатнымъ Смотрителемъ М. П. Сахаровымъ.)

260

(*Лепельскій у.*)

Божа жъ мой!
Ой ель моя зяленая,

Божа жъ мой! *)
Свякроў моя шаленая.
Загадала работочку:
Ў суботу рано хусты мыць,
Ў нядзѣльку жлукциць,
На лѣсѣ сушиць, на небѣ катаць,
На небѣ катаць, ў орѣшекъ складаць.
Ци я жидоўка—ў нядзѣльку жлукциць?
Ци я вуточка—на мори полоскаць?
Ци я ластоўка—на лѣси сушиць?
Ци я зорочка—на небѣ катаць?
Ци я орѣхаўка— ў орѣшекъ складаць?

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ.)

261

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

На мой лёнъ зилёнянькій
Роса пала спюдзёная.
Я молода ў дому ня была,
На торгу торговала,
Свекорка продавала,
Татульку выкупала.
За свекорка шелега ўзяла,
За татульку сто рублёў дала.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

262

(*Суражскій у., д. Козловичи*)

Выйду за вороты,
Выйду за цясовы,
Ўдару ў ладони.
Пярсни зазвянѣли,
Сукна зашумѣли.
Ўлякнуўся свякратка,
Што уборна нявѣхна,
Ня уликайся свякратка!
Ни ты мяке ўбраў,—
Ўбрала мяне мамка,
Сорудзиў мой татка,
За щиру работу,
За циху походку.

(Зап. В. П. Догель.)

*) Въ началѣ и въ концѣ каждаго стиха повторяется „Боже жъ мой".

263

(*Тамъ же*)

Якъ ўси мои подружки
На кирмашь гуляць пошли,
Да эхъ, вохъ—вохъ,
да вохци мнѣ! *)
А мяне молодую,
То й свёкоръ ня пусциў.
Заставиў мяне свёкоръ
Нову горенку мясци.
Я горенку подмяту
И вяничикъ растрасў,
На кирмашь гуляць пойду.
Якъ ўси мои подружки, и т. д.
А мяне молодую
Ужо свекрова ня пусцила,
Заставила свякроўка
Ткаць молоду красёнка.
Я бердоцку разобью,
А нитоцку разорву,
На кирмашъ гулядь пойду.
Якъ ўси мои подружки и т. д.
А мяне молодую,
Што золоўка ня пусцила.
Якъ заставила золоўка
Цесаць буйные голоўки.
Я щётоцку разобью,
Русы косы растраплю,
На кирмашь гуляць пойду.
Якъ ўси мои подружки и т. д.
А мяне молодую,
Што дзяверья ня пусцили.
Якъ заставили дзяверья
Собацекъ кормиць.
Я собацекъ накормлю,
На кирмашь гуляць пойду.
Якъ ўси мои подружки и т. д.
А мяне молодую
Нялюбы мужъ ня пусциў.
Якъ заставиў нялюбы мужъ
Ў воротахъ младу стояць,
За узду коня дзержаць.
Я уздэчку разорву,
Ворона коня пущу,
На кирмашь гуляць пойду.
Якъ ўси мои дзяверья
Со охвотошки идуць,
По звярусицки нясуць:
Хто лисицу, хто бобрйцу,
Хто заппку трасуна,
А нялюбы мужъ идзець,
Ў зубахъ мысинку нясець.
Ёнъ нясець и трасець,
Ў зубахъ мысинка пищиць.

(Зап. тотъ же.)

264

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Ды ў садочку на вишанцѣ
Куковала зязюленька.

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Ни куковала,—праўду казала:
Штой ня быць свекорку
Якъ родному татку.
Свекорка кажиць: разуваци,
А свякроўка кажиць: посцель слаци.
Я й свякорку угодзила—
Бѣл кошульку помыла,
Я й свякроўки угодзила—
Мягка посцель послала
Я й золоўкѣ угодзила —
Гладко голоўку учасала,
На кирмашъ выпраўляла.
(Зап. Л. П. Скляренко.)

265

(*Чашники*)

Стральцы бойцы Копцевляне
Застралили жабу ў водзѣ,
Мышъ на колодзѣ,
Свойму пану на похвалу,
Своей пани на обламѣ.

Стральцы бойцы Чашничане *)
Застралили лося ў лѣси,
Свойму пáну на похвалу,
Своей пани на обламѣ.

(Зап. мною.)

266

(*Лепельскій у.*)

Иванъ свищиць,
Коней ищиць
Купала на Ивана! **)
Хочиць ѣхаць
Ды за рѣчаньку,
За рѣчаньку
Ды по дзѣўньку,

За горыньку
Ды по ўдоўньку.
Дзяўку вязуць—
Скрыпки граюць,
Ўдову вязуць—
Дзѣци плачуць.

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ.)

*) Коптевичи и Чашники—два сосѣднихъ мѣстечка.
**) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

267

На Ивановъ день (въ Могилевской губерніи) бабы ходятъ въ лѣсъ вѣники рвать, причемъ приговариваютъ:

Пришоў Пятрокъ,
Оторваў листокъ,
Пришла Илля,
Оторвала два,
Пришоў Спасъ—
Ўсяму часъ,
Пришла Прачиста—
Ў поли чиста.

(Зап. Ал. Фр. Лисовская.)

268

(*Суражскій у.*)

На Ивана рано
Соўнца играло:
На жита урожай,
На ярину умолотъ.
Найдзы вѣдзьма
Ў моё жита:
Забью вѣдзьму кочаргою,
Спалю вѣдзьму голоўнею.

(Зап. В. П. Догель.)

Петровочныя пѣсни. *)

269

(*Дисненскій у.*)

Пятрова ночка ня вяличка,
Всю ночь ня спала, шнуры сучила,
Шнуры сучила шоўковые,
Тому сяму продавала,
А милому такъ даровала.

(Зап. г-жа Смигельская.)

270

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Пятрова ночка ни вяличка,
Я й молода ни доспала.
Вила вяночки ротвяны,
Пляла шнурочки ботвяны.
Тому-сяму я й продала,
Свойму милому дарма дала.

---

*) „Пятровочки“, „Пятроускія“.

Тому-сяму по моточку,
Свойму милому по пяточку,
Тому-сяму за грошики,
Свойму милому за словеньки,
Тому-сяму за мѣдныи,
Свойму милому за вѣрныи.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

271

(*Дисненскій у.*)

Ой дубе, мой дубе!
А што съ цябе, дубе, ни дровъ, ни лучины,
Ни дровъ, ни лучины, а ни цеплой лазни?
Ни топила лазни и топиць ня буду,
Ни любила блазна и любиць ня буду.
Ни топиўши лазни, вроши наѣдуцца,
Полюбиўши блазна, людзи насмѣюцца.
Да вытоплю лазню хоць одзинъ разочикъ,
Сполюблю я блазна хоць одзинъ годочикъ.

(Зап. г-жа Смигельская.)

272

(*Быховскій у.*)

На Пятра дзѣўки кумацца: дзвѣ дзѣўки мѣняюць одна зъ одной што нибудзь зъ одзѣжи и ўвесь годъ кумами зовуцца. При етымъ пьюць водку, ядуць ягоды и пѣюць пѣсни:

Ты кума моя, ты душа моя!
Мы съ тобой, кума, чиразъ тынъ живёмъ,
Чиразъ тынъ живёмъ, ды ня знаимся,
А цяперь, кума, распознáимся,
Распознаимся, покумаимся,
Покумаимся, поминяимся,
То на хустычки, то на хустычки,
На хустычки, на пярсценычки,
Кума моя, душа моя!
Паси моихъ гусынятычикъ.
А выпасишь, а выкормишь,
А дамъ табѣ кувалычикъ сала.

(Зап. Ал. Фр. Лисовская.)

Жниво.

(Обряды, обычаи, суевѣрья).

Жнивныя или жатвенныя пѣсни, по роду обработываемыхъ злаковъ, раздѣляются (по крайней мѣрѣ, въ Витебской губерніи) на два главные разряда: на *житныя*, распѣваемыя при жатвѣ ржи или жита, и *ярныя*, сопровождающія уборку яровыхъ хлѣбовъ. Первыя служатъ какъ бы продолженіемъ „Купальскихъ“ и „Петровскихъ“, послѣднія же приближаются къ осеннимъ, сватебнымъ, съ которыми онѣ видимо и сливаются по складу и содержанію. Оба эти разряда распадаются на два подраздѣленія: на *зажиночныя*, которыя поются при началѣ жатвы, на зажинкахъ. на собственно *жнивныя*, которыя поются на нивѣ впродолженіе всего рабочаго времени отъ зажинокъ до послѣдняго дня уборки, и наконецъ на *дожиночныя*, которыя составляютъ необходимую принадлежность празднованія дожинокъ, или окончательной уборки послѣднихъ сноповъ какого-либо хлѣба Онѣ поются и на нивѣ, и на хозяйскомъ дворѣ, и за столомъ во время угощенія. Всѣ эти пѣсни имѣютъ еще болѣе дробныя дѣленія, которыя будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Но прежде чѣмъ приведемъ самыя пѣсни, считаемъ необходимымъ сообщить, на сколько намъ удалось собрать, нѣкоторые обряды, обычаи, суевѣрія и примѣты, окружающіе чуть ли не каждый шагъ дѣйствій бѣлорусскаго крестьянина при культурномъ обрабатываніи имъ хлѣбныхъ растеній и служащіе живымъ, яснымъ отраженіемъ его опасеній и надеждъ, его религіозныхъ вѣрованій.

(Лепельскій у., Каменской вол. д. Бабчъ)

1) Кости, нарочно оставляемыя въ первый день Пасхи, отъ стола, отъ „свенцоннаго“ закапываютъ обыкновенно въ посѣвы ржи для предохраненія нивъ отъ града.

2) Въ день св. Юрія, вербу, которою выгоняютъ обыкновенно скотъ въ поле, утверждаютъ на нивѣ для той же цѣли.

3) Рожь здѣшніе крестьяне обыкновенно сѣютъ дней пять спустя послѣ первой четверти (молодзика) и вѣрятъ, что, при несоблюде-

нія этого срока, во время налива бѣлые черви подгрызутъ корни стеблей и окажется много пустыхъ колосьевъ.

4) Понедѣльникъ и Пятница считаются неблагопріятными для посѣвовъ днями, потому что рожь посѣянная въ эти дни непремѣнно будетъ источена червями, или же стебли не будутъ стоять ровно, а перепутаются другъ съ другомъ крестъ-на-крестъ.

5) Сѣялку или сѣвалку дѣлаетъ самъ хозяинъ и на заутренѣ въ Свѣтлое Воскресенье освящаетъ ее въ церкви вмѣстѣ съ свенцоннымъ, и затѣмъ прячетъ въ чистомъ углу закрома.

6) Вокругъ посѣвовъ ржи совершаются обыкновенно крестные ходы съ образомъ, взятымъ изъ церкви. Священникъ съ образомъ идетъ впереди толпы, за которой на пустыхъ возахъ ѣдутъ его паробки (работники). Когда крестный ходъ приближается къ деревнѣ, хозяева растилаютъ скатерти передъ своими домами и ставятъ на нихъ лубки (сѣялки) съ рожью или съ другими хлѣбными растеніями. Священникъ съ образомъ проходитъ по разостланнымъ скатертямъ, обходитъ вокругъ сѣялку, которую тотчасъ его паробки берутъ на свой возъ и, высыпавъ изъ нея хлѣбъ въ мѣшки, отдаютъ ее обратно хозяину.

(Сообщено уч. 7-го кл. Витебской гимназіи Влад. Пржисецкимъ).

(Оршанскій у.)

Приступая къ сѣву, иные крестьяне надъ первымъ мѣшкомъ съ хлѣбомъ, который откроютъ, дѣлаютъ крестное знаменіе просфорой, пріобрѣтенною на Благовѣщенье отъ освященія хлѣбовъ и тщательно прибереженною для этого случая.

(Сообщено уч. 7-го кл. Витебской гимназіи Протопоповымъ).

(Лепельскій у.)

8) Къ сѣялкѣ (въ началѣ сѣва) привязываютъ кусокъ хлѣба съ солью, оставшіеся отъ „свенцоннаго“.

(Сообщ. Влад. Пржисецкимъ).

Зажинки.

9) Когда рожь достаточно созрѣла,— изъ каждой крестьянской семьи, хозяйка съ двумя дочерьми, или невѣстками, или же снохами (вообще втроемъ) отправляется на ниву для зажинокъ или за-

жина, т. е. почина жатвы. Онѣ обыкновенно въ этотъ разъ нажнутъ лишь столько, сколько нужно на кашу для своей семьи. Нажатый снопъ ржи по заведенному обычаю обивается безъ помощи цѣпа.

(Могилевск. губ., Орш. у., около м. Любавичей. Сообщ. уч. 7-го кл. Витебской гимназіи Протопоповымъ).

10) Въ другихъ мѣстахъ той же губерніи и уѣзда, хозяйка съ другими жнейками, выходя въ поле на зажинки, беретъ съ собою краюшку хлѣба съ солью, сыръ и водку. Пришедши туда, всѣ крестятся на ниву, говоря: „Поможй намъ, Божа, нивку сжаць". Выбравъ мѣстечко, гдѣ рожь погуще, хозяйка нажнетъ „жмени" *) двѣ. Первый снопъ хозяйка ставитъ стоймя на землю, приговаривая: „стой, мой снопъ, на сто копъ, на тысячу бабокъ!" Нажавши еще одинъ снопъ, она беретъ оба, кладетъ ихъ крестъ-на-крестъ возлѣ краюшки принесеннаго хлѣба и, садясь на нихъ, подчуетъ всѣхъ водкой съ закуской. Первый, нажатый самою хозяйкой, снопъ, она уноситъ съ собой домой и ставитъ его за образъ, за Бога или за Боги (какъ говорятъ въ Суражск. у. и во многихъ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи), а оставшійся отъ завтрака хлѣбъ, какъ святыню какую, раздѣляетъ между членами семейства, не бывшими съ нею въ полѣ. Три дня этотъ снопъ постоитъ за образами (за Богами), на четвертый хозяинъ или хозяйка возьметъ и обмолотитъ его, а обмолоченныя зерна оставитъ до Спаса и тогда смѣшаетъ ихъ съ тою рожью, которая назначается для освященія на сѣвъ.

(Сообщ. А. П. Осмоловской).

11) Витебской губ. Леп. у. Каменск. волости въ д. Бабчѣ обрядъ зажинокъ, сходный въ общемъ съ вышеописаннымъ, отличается отъ него нѣкоторыми особыми чертами. Такъ, напримѣръ, хозяйка, отправляясь въ поле на зажинки, закуску непремѣнно завязываетъ въ скатерть, которою былъ накрытъ столъ на Свѣтлое Воскресенье.

Зажинки здѣсь дѣлаются обыкновенно въ субботу вечеромъ, а въ понедѣльникъ начинается ужъ настоящая жатва (или жниво). Впрочемъ, если рожь очень спѣла, то обрядъ этотъ совершается въ какой нибудь другой день, предшествующій празднику. Пока хозяйка занята срѣзываніемъ и связываніемъ своего снопа, дочери,

*) Жмень—сколько можно взять горстью.

или родственницы ея спѣшатъ поскорѣе нажать и связать по одному снопу. Затѣмъ каждая изъ нихъ ставитъ свой снопъ комлемъ на землю, внимательно наблюдая: въ какую сторону онъ упадаетъ? Туда, значитъ, ей и выходить замужъ.

Невѣстка, живущая замужемъ меньше года, нажавши снопъ, покрываетъ его кускомъ полотна, которое, по заведенному обычаю, свекровь беретъ себѣ.

12) Когда хозяинъ ѣдетъ въ поле за первымъ возомъ ржи, то онъ везетъ на колесахъ (родъ телѣги) навозъ, который и сбрасываетъ на сжатую ниву, а колёсы накладываетъ снопами. Передъ воротами пуни растилаютъ ту-же скатерть, которою былъ накрытъ столъ въ Свѣтлое Воскресенье, и по ней только онъ можетъ вво-зить туда возъ съ первыми снопами. Это, по мнѣнію здѣшнихъ крестьянъ, дѣлается для того, чтобы Богъ стерегъ добро отъ ударовъ молніи и мышей.

(Сообщ. уч. 7-го класса Витебской гимназіи Влад. Пржисецкимъ).

Дожинки.

13) Дожинки или обжинки, т. е. окончательная уборка съ полей ржанаго или яроваго хлѣба, сопровождаются нѣкоторыми довольно замѣчательными обрядами, обычаями и особенно пѣснями, миѳическая древность которыхъ, какъ намъ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Опасаясь дурной погоды, крестьяне на дожинки, большей частью, приглашаютъ *въ толоку* сосѣдокъ-жней, а частехонько и сосѣдей съ подводами, и рѣдко гдѣ дожинаютъ безъ *толоки*, безъ приглашенныхъ. Вечеромъ, по окончаніи работъ, хозяинъ щедро угощаетъ всю толоку водкой и сытнымъ ужиномъ. На дворѣ накрываются импровизованные столы (изъ бочекъ и досокъ), которые усердно уставляются разнородными яствами своей простой, незатѣйливой кухни. Къ столу подаютъ обыкновенно блины съ масломъ, медомъ, сытою,—жареннаго поросенка, яичницу и т. п. Ужинъ обыкновенно заключается густою кашей изъ новой ржи, для того, чтобы и посѣвы въ будущемъ году взошли также густы. За столомъ неумолкаемо поютъ пѣсни.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Могилевск. губ. по окончаніи стола каждая изъ участвовавшихъ жницъ ломаетъ свою ложку.

Борода.

Самый замѣчательный обрядъ на дожинкахъ—это завиванiе бороды изъ послѣднихъ, нарочно оставляемыхъ недожатыми, колосьевъ. Бороду завиваютъ исключительно при самомъ концѣ жатвы только ржи.

Передаемъ этотъ обрядъ подлинными словами пѣвицы Лепельскаго у. мѣщ. М. Коткевичовны:

„Коли жита дожинаюць, заўсягды остаўляюць на краю поля мѣсцечка найлучшаго жита на снопъ. Кругомъ гэтого мѣсцечка тры дзѣўки обжинаюць тры разы и остаўляюць нѣскольки сцеблёў, скольки можно ўзяць голою рукой ў жменю. Ўси дзѣўки усядуцца ў кругъ. Одна, выбранная, дзѣўка должна выполоць чисценька межу сцеблями, и ня голою рукой, а чиразъ рукаў,—ня то будзиць зямля гола, ничóго ни порóдзиць. На выполотое мѣсто дзѣўка гэта кладзець кусокъ хлѣба зъ соллю, возьмиць ў жменю сцебли, надломиць ихъ, закруциць ўмѣсци зъ краюшкой хлѣба зъ соллю и сверху яще прицисниць рукою къ зямлѣ, штобъ гэта ўсё дзаржалося крѣпка, ня распусцилась. Гэта и ёсць борода".

(Зап. мною).

Вянóкъ.

15) Послѣ описаннаго обряда, а чаще и во время его совершенiя, жницы собираются въ кружокъ около бороды, срѣзываютъ нѣсколько колосьевъ съ послѣдняго снопа и начинаютъ вить вѣнокъ, въ который вплетаютъ всѣ спорыши, нарочно сбереженные ими въ продолженiи всей жатвы для этой цѣли. Всѣ жницы, и впереди ихъ старшая или избранная, съ вѣнкомъ на головѣ и съ послѣднимъ снопомъ на рукахъ, отправляются медленною процессiей къ хозяйскому дому, распѣвая дорóгою *спорышовыя* пѣсни. Хозяинъ со всею семьей встрѣчаетъ ихъ у сѣней, или на крыльцѣ съ хлѣбомъ-солью и водкой. Избранная жница передаетъ ему послѣднiй снопъ и, снявъ съ своей головы вѣнокъ, надѣваетъ его на голову хозяйкѣ, а чаще хозяину.

Въ дополненiе къ сказанному приведемъ опять слова вышеназванной пѣвицы изъ Леп. уѣзда:

„Зъ обжатыхъ ўвокругъ бороды колосьеў ўюць вянокъ и нясуць къ хозяину ў во дворъ. Дли гэтого выбираюць дзѣўку честную, масцерицу пѣсню пѣяць и рацеи казаць. Яна ўпередзѣ ўсихъ нясець вянокъ ў руцѣ, либо на головѣ. Хозяйка выходзиць на ганокъ имъ наўстрѣчу зъ хлѣбомъ зъ соллю. Старшая дзѣўка виншуиць хлѣбъ соль (гэта значиць: яна кладзець вянокъ на хлѣбъ соль и говориць рацею). Хресцляне, коли виншуюць, дыкъ надзѣюць вянокъ на голову панамъ, ў насъ ў мѣщаныхъ гэтаго ня бываиць. Посли рацей хозяйка, либо старшая дзѣўка ўнясець хлѣбъ соль зъ вянкомъ ў хату и положиць на столъ. На Макаўя (св. Макавея 1 августа) хозяинъ возьмиць вянокъ, понясець ў церкву, либо ў косцелъ. Тамъ попъ или ксёндзъ посвянциць яго. Хозяинъ тогды положиць гэтотъ вянокъ ў засикъ. Тамъ ёнъ ляжиць до налѣцця, покуль новы ня принясуць. Бываець, што ёнъ попадзецця ў свенцонного жита на посѣў“.

(Зап. мною).

Зажиночныя пѣсни.

273

(*Суражскаго у., м. Усвяты*)

Народи, Божа, жита (2)
И густа, и велика (2),
Кыласомъ выласиста (2),
Ядромъ идряниста (2)!
Народи, Божа, яра (2)
И циста, вятиста (2),
Ядромъ идряниста (2)!

(Зап. учен. Витебской гимназіи Потоцкій, въ м. Усвятѣ.)

274

(*Суражскаго у., д. Козловичи*)

У насъ сянни зажиначки:
Дадуць жонкамъ гарэлочки
И сыръ на тарелочки.
Будзимъ, сёстры, жита жаць.
И ў жици Бога искаць.
Нашли Бога за барылачкой,
Зъ красной гарэлочкой.
Будзимъ, сёстры, жита жаць,
И ў жици сову искаць.
— А намъ сова ня нада,
А нада намъ кугакалка,
Якъ придзёмъ домоў,—
Кабъ хозяйка зпужалася,
Зпужалася и заплакала.

(Зап. В. П. Догель.)

275

(*Чашники*)

„Жниця, жоночки, жниця!
„Знайдзиця сову ў жици.“
— А намъ сова ня нада,
— А нада намъ кугакалка,
— Штобъ часценька заплакала,
— А мы бъ яго сколыхнули,
— И сярадзинка бъ оддыхнула.—

„Жниця, дзѣвочки, жниця!
„Знайдзиця Бога ў жици,
„Бога ў жици зъ барылкую,
„Зъ горкую горэлкую:
„Мы погуляимъ
„И гарэлочку попиванмъ.“

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

276

(*Суражскаго у., д. Козловичи*)

Жниця, жонки, жита,
Ци ня знайдзиця кого ў жици:
Ци коника вороного,
Ци молойца молодого?
На коники погарцуимъ,
А зъ молойцомъ пожартуимъ.

(Зап. В. П. Догель.)

Жнивныя пѣсни.

(Жатварки)

277

(*Городокскій у.*)

Безжалостное отношеніе хозяйки къ своей работницѣ — свидѣтельствуется солнцемъ.

„А ты соўнце, соўнійко!
„Ня бывала ты ў наймѣ,
„Ня погадуешь жа по мнѣ;
„Кабъ ты ў наймѣ побывала,
„Тогды бы мяне гадувала.
„Ты бъ поздненько восходзила
„И ранюсенько заходзила.“

— Ты, дзяўчина, сироцина!
— А ци я жъ ў томъ винно?—
— Винна твоя господыня:
— Хоць я поздно взойду,
— Уже на ниўкѣ цябе знайду,
— Хоць я раненька зайду,
— На ниўкѣ ящо цябе кину.—

(Сообщ. Штатнымъ Смотрителемъ М. П. Сахаровымъ.)

278

(*Суражскій у.*)

Вёдро хотя желательно для жатвы, но и ненастье не дурно для жницъ.— Онѣ отдохнутъ.

Дай, Божа, погоданьку,
На нашу работаньку.
Ёсь погода—ёсь работа:
Я ў погоду пожинаю,
А ў нинасцця отдыхаю.

(Зап. В. П. Догель.)

279

(*Лепельскаю у., с. Коптевичи*)

Не паны, а *пригонятые* мучатъ жницъ излишней работой.

А добры паны, добры,
Пригонятые лихи:
Домоў рано ня пущаюць,
За постаци загоняюць,
А мы постаци сожнёмъ,
Пригонятые рожномъ.

(Зап. учителемъ народнаго училища Преображенскимъ.)

280

(*Городокскій у.*)

Совѣтъ косцу неплакаться на свою глупую жену, а поучить ее.

За ракой косець косиць,
Ёнъ и косиць и голосиць,
Што яго коса тупа,
А жана яго глупа.
Коса тупа—точиць будземъ,
Жана глупа—учиць будземъ.

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

281

(*Лепельскаю у., с. Апанасковичи*)

Негодованіе дѣвушки на князя за его неловкое къ ней обращеніе.

Циразъ гай зилёненьки,
Бяжиць конь вороненьки,
А за имъ ў погоню гониць
Иванька молодзеньки.
А дзѣвочка воду брала,
На коника поглидала.
— А дзѣвочка ягодочка!
— Пирайми мойго коня вороного,
— Мяне, князя молодо́го.—
„Иваничка, душа моя!
„А ци я ў бору росла?
„А ци я ў мяжѣ цвила?
„Да я росла ў татулички,
„Кохалася ў мамулички.
„Я ў мамулички кохалася,
„А табѣ, Иваничка, досталася."

(Записала Ольга Котырло.)

282

(*Тамъ же*)

Ды ў зялененькимъ лузи
Дворанинъ коня пасець,
Дзяўчина воду нясець.
— Дзяўчинника ягодзинка!
— Напои мойго коня.—
„Дворанища дурнища!
„Якая жъ я ягодзинка?
„Ды ци ў бору росла?
„Ци я подъ мяжой цвила?
„А я и росла ў мамухны,
„Годовалась ў татухны.“

(Зап. Скляренко.)

283

(*Тамъ же*)

Молитва дѣвицъ о счастливомъ замужствѣ и довольномъ житьѣ-бытьѣ.

„А траўка-мураўка!
„А чаму жъ ты ни зялена?“
— Якъ жа мнѣ зяленой быць?
— Мяне дзѣўки стоптали,
— До церкоўки ходзючи,
— Пана Бога пробсючи:
— „Дай, Божа, доленьку,
— „А дай, Божа, счасцика,
— „Свёкорку богатаго,
— „А свякороўку ласковаю,
— „Ды кабъ упила, уѣла,
— „Ды добра уходзила:
— „Будзинь дзень подъ дудкою,
— „Святый дзень подъ скрып-
ками,
— „Ў ксамици ячмень жаци,
— „А ў золоци пановаци.“—

(Зап. тотъ же.)

284

(*Того же у., с. Апанасковича*)

„А траўка-мураўка!
„Чаму ты ня зялёная?“
— Якъ жа маю зялёной быць?
— Мяне дзѣўки стоптали,
— До косцёлу ходзючи,
— Пана Бога пробсючи:
— „Дай, Божа, намъ доличку!
— „Свёкарку богатаго,
— „Свякровочку ласкаваю.
— „Кабъ мы ў ихъ пили, ѣли,
— „Кабъ хороши ходзили,
— „Какъ чаровички носили.“—

(Записала Ольга Котырло.)

285

(*Коптевичи*)

Пойду млада бóромъ, боромъ,
Гукаючи зъ Богомъ зъ Богомъ:
Дай мнѣ, Божа, мужа купчика!
Кабъ ёнъ умѣў купчеваци,
А я за имъ пануваци:
Будзень дзень ў атласѣ,
Ў святой дзень ў чорномъ шоўку,
Дзѣтки мои ў золоцѣ,
Ў атласѣ жита жаци,
Ў чорнымъ шоўку святкуваци.

(Зап. учителемъ народнаго училища Преображенскимъ.)

286

(*Лепельскаго у., д. Бабчъ*)

Напоминанье о полудникѣ

Полуднячки загудзѣли,
Полудниваць захоцѣли.
Принясиця одзинъ горшокъ каши,
А два сырокваши.

(Зап. гимн. 7-го кл. Влад. Пржисецкій.)

287

(*Тамъ же*)

Когда сожнутъ полосу и переходятъ на другую, поютъ:

Ниўка, ниўка!
Оддай мою силку
На другую ниўку.
А я жь цябе жала
И силку споцеряла.
Наши жнейки молодые,
Ихъ сярпы золотые.

(Зап. тотъ же.)

288

(*Чашники*)

Просьба дѣвушки къ милому, чтобъ онъ напрасно ее не смущалъ.

Ня ходзи, ясноя соўнца,
Ко мнѣ ў вȯконца,
Ни запикай моё цѣло бѣло,
Лицо румяноя,
Ни задавай смутки жалóсци
Моей молодóсци.
Коли буду я ў Бога годна,
Дыкъ ня буду голодна.

(Зап. мною).

289

(Чашники)

Отецъ, вмѣсто позволенія сыну жениться, совѣтуетъ ему послужить въ королевскомъ войскѣ.

Ой на тынку на тыночку
Сядзѣла голубычка,
Золотая головачка.
Туды ѣхаў дзяцинка,
Сняў съ тыну голубычку
И повёзъ яе до бацьки.
„Позволь, бацька, жанициця!“
— Ѣдзь до круля, наймися
— И розуму набярися,
— Розуму королеўскаго
— И поѣзду паненскаго:
— Зъ разумомъ крулевацъ будзишь,
-- Ў поѣздзѣ кановацъ будзишь.—

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

290

(Городокскій у.)

Упрекъ зориньки жениху.

Поѣхаў Паўлюшки жаницьца,
Забыў зориньки клоницьца.
— А я жъ табѣ зара свяцила,
— Якъ цябе маменька родзила,
— Ходзила маменька якъ пава,
— И родзила цябе якъ пана.—

(Сообщ. штатнымъ смотрителемъ М. П. Сахаровымъ).

291

(Лепельскаго у. с. Дубровки)

Сокрушеніе молодца сироты о томъ, что онъ женится на бѣдной.

Зялёноя орѣхоўя
Циразъ тынъ разлигаиць,
А съ-подъ того орѣхоўя
Сивы конь выбигаиць,
А за имъ сугонъ погонъ
Нашъ N съ уздечкой.
Да стой, кося, ня брой, ня брой,
Копытомъ зямли ня крой.
Моё й такъ серца кроиць,
Што ни татухна жениць,
Ни богатую бярець,
Ни коника, ни волика,
Ни добрая челядница.

(Зап. Л. П. Скляренко).

292

(*Тамъ же*)

Перекоры тещи съ зятемъ.

Хвалилася цеща зяцемъ,
Што мой зяць господарный:
Людзи ходзюць ў поля жаць,
А мой зяць сохи робиць;
Людзи ѣдуць борновацъ,
А мой зяць бороны биць;
Людзи ѣдуць сѣна косиць,
А мой зяць косы іистриць;
Людзи ѣдуць сѣна грабиць,
А мой зяць грабли правиць.
— Ни хвалися, цеща, мною,
— Похвалися ты дочкою:
— Што семъ годъ красны ткала,
— Ў зямлю ставы ўвогнала.
— Поножи подъ лаўкою
— Заросли мураўкою,
— А чаўнокъ вѣтромъ свищиць,
— По ўсяму свѣту утку ищиць.—

(Зап. тотъ же).

293

(*Чашники*)

Жизнь въ домѣ свекрови губитъ всѣ силы молодой женщины.

Ты калинка, ты калинка,
Ня стой надъ водою,
Ня раўнўйся со мною.
Было тогды раўнувацца,
Якъ я ў татки была,
Якъ я ў матыньки была,
Якъ рожа ў саду цвила.
А цяперь я ў свякратки,
Ни ў родного татки;
Стала тонка, якъ былинка,
А блѣдная, якъ липинка,
Якъ былинка сушённая,
А липинка луплённая.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

294

(*Лепельскій у.*)

За отлыниванье отъ работы свёкоръ наказываетъ невѣстку слегка, а жену болѣе чувствительно.

Я жала до вечера,
Заболѣла сярeдзина.
Мой свёкорка догадливы,
Выцясаў мнѣ лозинку,
Вырѣзаў бярозинку,
Попариў мнѣ сяредзинку:
Мяне младу вярхушачкой,
А свякроў комлоцечкой.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

295

(*Суражскій у.*)

Жалоба молодой о жестокомъ обращеніи съ нею въ домѣ свекрови.

Силязень мой (2)—касатые крылля,
Силязень мой (2)—завитые кудры.
Ты ляцитка, силязень, на мою сторонў (2)
Къ мойму родному бацюшку,
Къ моёй родной матушки,
Разскажи, разскажи-ка, силязень,
Што мяне младзёшаньку весь вечеръ бранили,
Поутру ранюсенька больно прибили.

(Зап. мною).

296

(*Того же у.*)

Дочь утѣшаетъ отца, печалящагося о своей горькой доли въ домѣ мужа: это Богъ ей такъ далъ, а не онъ.

Закуриўся дробны дождживъ
По чистому полю,
Зажуриўся мой родны татка
По моёй горкой долѣ.
Ня курися, дробны дождживъ,
По чистому полю!
Ня тужись, мой родны татка,
По моёй горькой долѣ.
Ня ты мнѣ даў гэдакую долю
Ахъ даў-жа мнѣ Богъ лихого мужа,
Лихого мужа ды худоя замужжа
Ахъ даў-жа мнѣ Богъ!

(Зап. В. П. Догель).

297

(*Чашники*)

Молодая жница мечтаетъ о возвратѣ въ домъ отца и готова промѣнять его неволю на нѣгу свекрови.

Якъ пойду я лугомъ бирагомъ
Калиновымъ мостомъ,
Якъ приду я цихонько, лягонько
Къ татку подъ воконца:
„Татка! татка!
„Ты подай мнѣ чисовы вядзерцы
„Шоўковые почопки!“
— Донька, ты донька
— Чаго рано ходзишь,
— Мяне побужаишь?—
„Татка, татка!
„Свякроўкина нѣга
„Хужа твоёй няволи“.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

298

(*Суражскій у.*)

Звѣрское обращеніе свекрови и деверя съ ребенкомъ невѣстки.

За боромъ я жита жала
И дзиця унимала.
Прибѣгла два воўка,
Прибѣгла два шѣрыхъ
Мойго дзиця забаўляць.
Забаўляли и разорвали:
Одзинъ воўкъ—свякратка,
А другой—дзиварютка,
Яны обоя—гады.

(Зап. В. П. Догель).

299

(*Того же уѣзда*)

Мылодица мылыдая
Ў щирымъ бору жито жала,
Мала дитя кылыхала.
А пришло къ ей да три вовки,
Да три шѣрыи.
Одинъ кажиць: пызыбаю,
Другей кажиць: пызыбавлю,
Третій кажиць: пыцалую.
Цылували, миловали—
И мала дитя разырвали.
Стала ина тужиць, плакыць,
Бѣлы руки лымаючи,
Дробныи слезки рыняючи.

(Зап. учителемъ приходскаго училища г. Никифоровскимъ).

300

По возвращеніи молодой жницы домой съ далекаго поля и утомительной работы, свекровь тотчасъ посылаетъ ее за водой съ единственною цѣлью ее помучить.

Сцюдзеная роса пала,
Пусци мяне домоў, пане,
Моѐ домы далекіе,
Пераходы вяликіе,
А семъ миль боромъ ици,
А восьмая—долинай,
Дзивятая къ свикратку ў дворъ.
А свикратокъ нераймаиць
Съ цисовыми вядзерками,
Съ шоўковыми почопками.
А шлець мяне молодзицу
Ў Дунай по водзицу.
А свикратокъ мой татанька,
Ни воды жь ты жидаешь,
Мяне съ свѣта збываешь;
Ты жъ съ свѣта збудзешь,
Ўсё табѣ одно будзець.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 36).

Приводимъ варіантъ, записанный г-жею Ольгою Котырло въ селѣ Апанасковичахъ:

Наши домы далекіи,
Наши мамки ня рōдныи,
Ў вороцехъ пираймаюць
По водзицу посылаюць и т. д.

— — — — —

Другой варіантъ записанъ г-жею Смигельскою Виленской губерніи, Дисненскаго уѣзда:

Ды хто ка́жиць: „домоў, домоу!“
Ў мине дома нѣтъ никого.
Тольки одна свекровочка
Въ вороточкахъ перайманць,
По водзицу посылаиць
Съ еловыми вядзерками,
Съ шелковыми почопками.
И шлець яна по водзицу
Ў щирый боръ ў крыницу.
Ни водзицы желаючи,
Мине молодую со свѣту збываючи.
Я молода сцерагуся,
На беражку становлюся,
Прынясу я воды ноччи:
Зали сабѣ водою вочи.
Ды ни хочу, молодзицы,
Нѣтъ на яе погибели,
Ани воўкоў, ни медзвѣдзей,
Ни злого человѣка.
Я воўкоў ни боюся,
А медзвѣдзей сцерегуся,
Отъ человѣка отпрошуся.

301

(*Лепельскаго уѣзда, с. Дубровки*)

Закацися соўнька
Ды за лѣсъ за дуброўку,
За высокую горку.
Мнѣ молодзѣ домоў ицци,
Циразъ щирые боры,
Циразъ цёмные лясы.
Ў мяне дома ни мамухна,
А лихая свякрованька,
Посылаиць по водзицу
Ў щиры боръ, ў крыницу.
Прянясу я воды ночвы:
Зали сабѣ, свякроў, вочи.

(Зап. Л. П. Скляренко).

302

(*Лепельскій у., д. Бабчъ*)

Хоть и не близокъ домъ и переходы трудны, но за то отецъ выйдетъ къ своимъ дочкамъ навстрѣчу съ сердечнымъ привѣтомъ.

За боръ, соўненько, за боръ.
Пусци насъ, панечка, домоў.
Наши домы далёкіе,
Пяраходы широкіе.

А семъ годзинъ боромъ ици,
А восьмую водой плысци,
Дзивятую дубровой,
А дзисятую къ таткѣ на дворъ.
А насъ жа татка пяраймець,
Вороцики одчиняиць:
Ходзиця жъ; мои работницы,
Ходзиця жъ, мои нявольницы.

(Зап. ученикомъ 7-го класса Витебской гимназіи Влад. Пржисецкимъ).

303

(*Лепельскій у.*)

Радость жницы объ окончаніи дневной мучительной работы и горе объ ожидающихъ ее дома воркотни и безсердечіи свекрови.

Рада, рада я младзенька,
Што дзянёкъ пройшоў,
Што вячерокъ зайшоў.
Надоѣла мнѣ жаркая пякóта,
Жаркая пякота и цяжкая работа.
А мой-жа мужъ наровисты
И свякроў лихая.
Якъ приду домоўки,
Возьмусь за работу,
А свякроў за воркоту.
Ня пытаиць:
А ци болящь плечки?
А ци болящь ручки?
А пытаиць:
А ци много сжала,
А ци много нажала?
А я сжала гору и долину
И круглую ниву,
Я жъ нажала
Гдзѣ логъ—тамъ стогъ,
Гдзѣ гора—тамъ копа.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

304

(*Городокскаго у., Куксинская волость*)

Жницы-невольницы позже всѣхъ рабочихъ членовъ семейства возвращаются домой со страды.

А на дворѣ смяркаицца (2),
Сямья ў избу збираицца (2),
Тольки нима пригонницы (2)
Пригонницы, нявольницы (2)
А ў пригони много няволи (2),
Заболяць руки отъ работы (2),
Сярдзечухна отъ пякоты (2),
Голоўхна отъ жароты (2).

(Сообщ. штатнымъ смотрителемъ М. П. Сахаровнмъ).

305

(*Лепельскій у. д. Дубровки*)

Злорадство невѣстки о паденіи свекрови и желаніе ей смерти.

Ай пани мой, король, король,
Пусци мяне домоў порой.
Ў мяне дома бида стала:
Звалилася свякроў съ тыну

Ды ў зяленую крапиву.
Ни жаль-жа мнѣ свякровеньки,
Ды жаль-жа мнѣ крапивеньки:
Крапива моя зяленая,
Свякроу моя шалёная,
Крапиўка моя жигучая,
Свякроўка моя сипучая,
Крапиўка на нивоньку,
А свякроуку ў могилку,
А крапиўку пахаць буду,
По свякроўцѣ скакаць буду.

(Зап. Л. П. Скляренко).

306

Панъ, разъѣзжая по полю, подгоняетъ жницъ къ усиленной работѣ.

Да ўжо вечеръ вечерее,
Нашъ панъ веселѣе,
На постацахъ поѣзджае,
Своé жнейки пригоняе:
Жнейце по постаци, жнейце,
Самы себе не пожнеце,
Мойго коня вороного,
Мене пана молодого,
Мойго коня строкатого,
Мене пана богатого.

(Изъ сборн. Чечота).

307

Радость пана о спѣшномъ ходѣ полевыхъ работъ.

Да ўжо вечеръ вечерее,
Наша пани веселѣе,
По постаци походзае,
На погоду заглядае.
Дзякуй Богу за погоду,
Што моé женце ў полю,
Косце моé на болоцѣ,
Ўсѣ людзе на рабоцѣ.

(Изъ сборн. Чечота).

308

Панъ извѣщается о спорой работѣ жницъ на нивѣ.

Да что у полю гудзець?
Да весёлъ посолъ идзець,
Веселые вѣсци несець,
Да на слаўнаго пана:
Хоць немного пожали,
Але много нажали,
Да сто копъ до обѣду,
Другую до полудня,
А трецію до вечеры.
То для нашего пана добрая слава.

(Изъ сборн. Чечота, стр. 11).

809

(*Городокскій у.*)

Неспоръ въ работѣ не только лѣнивыхъ, но и проворыхъ—прилежныхъ.

Лѣнивые пожалися,
Проворые осталися,
А ў лѣнивыхъ серпы брижжаць,
А ў проворыхъ дзѣци кричаць,
Лѣнивые — гули,
А проворые — люли,
Лянивые за сумку,
А проворые за люльку.

(Сообщ. шт. смотр. М. П. Сахаровымъ).

810

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

На боль спины отъ работы не смѣй жаловаться: свекоръ отдубаситъ.

Жала, жала до вечера,
Болиць моя сяредзина.
Я й жала ни лижала,
За дзень копы ни нажала,
Я й думала три копы,
Оглянуўся — отъ три снопы.

(Зап. Л. П. Скляренко).

811

(*Лепельскій у.*)

А жала бъ до вечера,
Дакъ болиць моя сирѐдзинка,
А свекорка—ни татынька
Ня вытопиць ёнъ лàзеньки,
Ни попариць сирадзинки,
А выросциць ёнъ дубинку,
На мою бѣдную спинку.

(Зап. уч. 7 кл. гимн. Пржисецкимъ).

812

(*Тамъ же*)

Грусть вдовы за вечерей.

Зазвинѣла пчолачка,
По бору лятаючи,
Солодки медъ сбираючи,
Заплакала ўдовочка,
Вячерю готуючи.
Зварила, поставила,
Сама сѣла заплакала:
„Страўка моя сахарная!
„Съ кимъ я буду вячераци?
„Дзѣтки моѐ дробненькіе!
„Съ кимъ васъ буду годоваци?“
— А съ Богомъ, ўдовочка,
— Горитная й соловочка.

(Зап. Л. П. Скляренко).

313

(*Чашники*)

Разговоръ поля со жницами: отчетъ о результатѣ ихъ работъ, прилежаніи, объ ихъ пищи въ теченіе дня. Когда вечеромъ идутъ съ поля домой:

Ай добра́ ночь!
Широкоя поля,
Жито ядреноя,
Ай добра ночь!
На здороўя
Жнейки молодые,
Сярпы золотые,
На здороўя!
Приходзяця
Заўтра раненька,
Якъ соўнейка взойдзяць,
Приходзиця!
Приносиця
Одзинъ горщокъ каши,
А другой саракваша,
Приносиця!
Вы сожниця
Широкоя поля,
Жито ядреноя,
Да сожниця!
Постаўляйця
Ў поли копами,
А ў лузѣ стогами,
Постаўляйця!
А мы сжали,
И поля нажали,
И постаўляли
Ў поли копами.
Ў поли копами,
А ў гумнѣ стогами
Постаўляли.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

314

(*Село Дубровки*)

Иносказательный намекъ на потерю невинности.

Пора, жонки, домоў идци!
Згубила зара ключи,
Коло постаци идучи
И зъ панами танцуючи,
Съ казаками жартуючи.
А хто тые ключи знайдзиць,
Тотъ сёлѣта замужъ зайдзиць,
А N ключи знайшла,
И сёлѣта замужъ зайшла.

(Зап. Л. П. Скляренко).

315

(*Того же у.*)

Пора, жоночки, домоў идци!
Поцирала зара ключи,
Коло постаци идучи,
Постаць роўнуючи,
Съ мѣсяцемы гуляючи.
Хто тые ключи знайдзиць —
За короля замужъ зайдзиць.
Ходоска ключи знайшла,
За короля замужъ зайшла.

(Сооб. С. П. Шимковичемъ).

316

(*Тамъ же*)

Молодая жница, возвращаясь вечеромъ съ поля домой, съ ребенкомъ на рукахъ, ищетъ утѣшенья въ пѣньѣ, въ увѣренности, что отецъ ее услышитъ и пожалѣетъ.

Сама пойду дорогою,
Голосъ пущу дубравою,
Нихай голосъ голосуиць,
Нихай мой татулька чуиць:
Коли мое дзиця нясець—
Нихай яна красуицца,
Коли жъ моя нявѣстухна, —
Нихай яна шануицца.
Дзиця плачиць ў колубели,
Лихи мужъ на посцели.
Ни свариса свекорка,
Ды ня родны татухна:
Я й дзитятка проколышу,
Я й милаго пирапрошу.

(Зап. Л. П. Скляренко).

317

(*Тамъ же*)

Молодая жница предпочитаетъ остаться въ полѣ ночевать, чѣмъ воротиться ненавистному мужу, въ его семью. Тутъ на волѣ она можетъ ихъ проклинать. — Мечтаніе о замужствѣ за дворянина.

Ни пойду домоў,
А тутъ заночую,
Журбы ни почую
Ни пойду домоў.
Буду ночаваць
Ды подъ стороною,
А подъ зиляною
Буду ночаваць.
Буду куковаць
Да шѣрой зязюлей,

А шарусанькой
Буду проклинаць:
Уби, Божа,
Мужа пирунами,
Свякроў кочаргами,
Уби, Божа!
Уби, Божа,
Свякорку ня пячи
Кулакомъ ў плячи,
Уби, Божа!
А я жъ, молода,
За другого бъ зайшла
Ды за дворанина,
А я жъ молода.
Ёнъ умѣиць
И читаць и писаць,
Добро ў скрыпачку играць
Ёнъ умѣиць.
А я жъ молода
На припѣўки годна,
Бязъ горэлки ни дня —
А яжъ молода.

(Зап. Л. П. Скляренко).

318

(*Тою же у.*)

Жоночка домоў,
А я тутъ заночую,
Журбы ня почую.
Лягу я, лягу
Подъ калиною,
А подъ зялёною.
Буду жъ я буду
Цяжаленько ўздыхаци,
Свякроў проклинаци:
Ўбя, Божа, уби, Божа,
Мужа ў дорози,
Свякроў на порози.
Уби, Божа, уби, Божа
Мужа пирунами,
Свякроў качаргами
Ўби, Божа, уби, Божа
Свякроў на пячи,
Каменнямъ ў плячи.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

319

(*Лепельскій у.*)

Порицаніе жнеекъ сосѣда и похвала своихъ.

Чіи жъ гэто жоночки,
Якъ чорные вороночки?
Сами яны якъ вороны,
Ихъ голо́вы, якъ помёлы,
Сами жнейки старые,
Ихъ сярпы липовые.
По мѣсяцу жали,
Сярпы поломали.
Которая нашла,
Тая домоў пошла,
Ў которой нѣту,
Тая ищець до свѣту.

А чіи жъ гэто жоночки,
Якъ бѣлыя лябёдочки?
Вировскіе *) жоночки—
Якъ бѣлыя лябедочки,
Сами яны якъ лябёдки,
Ихъ голоўки якъ макоўки.
По сонійку жали,
Сярпы позлочáли.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

320

(*Чашники*)

Чіи гэто жнеи
Домоў поляцѣли
Яны чорны якъ ворóны
И голóвы якъ борóны?
Поляцѣли, поляцѣли,
На колли посѣли.
Янковы жнеи
Домоў поляцѣли,
Яны чорны якъ ворòны,
И головы якъ борóны.

(Записано мною).

321

(*Тамъ же*)

Ляцѣў рой дорогой,
Дорогою широкою,
Ляци жъ ты роечикъ
Чиразъ пански дворочикъ,
Тамъ столики засланы,
И госьцики созваны.
И идуць мои жоночки,
Якъ бѣлые лябёдочки,
А идуць мои дзѣвочки,
Якъ снѣжные паненычки.

(Зап. тѣмъ же).

Ярныя пѣсни.

322

(*Чашники*)

Иносказательный намекъ о замужствѣ съ суженнымъ.

За новой святлицей
Стоиць верба съ росицей.
Кому тую вербу ломаци?
Кому тую росу браци?
Сужаньку вербу ломаци,
А дзѣвынькѣ росу браци,
Вербою коня бици,
А зъ росицы вѣнчикъ вици,
На конику гарцоваци,
А ў вѣнчику танцоваци.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

*) Сосѣдняя мѣстность.

323

(*Тамъ же*)

Мысль о жизни замужемъ въ нелюбой семьѣ преслѣдуетъ дѣвушку и во время сѣянья любимаго цвѣтка.

Воколо болоцичка
Ходзила молóдочка,
Сѣяла росу красу,
И сѣючи говорила:
Росци моя роса краса,
Тонкая высокая,
И корнемъ глубокая.
Коли ў батыньки буду,
Поливаци цябе буду̑,
Якъ стану ў свякратки,
Ня ў родные матки,
Зъ корнемъ цябе вырву
И за плотъ цябе кину:
Нихай цябе свинни зъяду̑ць,
Нихай цябе кони топчуць.
Кони топчуць копытками,
Молойчики чаботками,
Нихай кони топчуць гарцуючи,
Молойчики танцуючи.

(Зап. тотъ же.)

324

(*Тамъ же*)

Дѣвушка проклинаетъ своихъ клеветниковъ.

„Поши, дзѣвынька, широкіе рукáвы,
„Штобъ было идзѣ класци нявинной славы.“
— Посѣю я три лёшки цибули,
— Кабъ мои осуднички судзили да поснули.
— Посажу я тры коливы бóбу,
— Кабъ мои осуднички ня выжили гóду.
— Посѣю я тры лёшки шалвея,
— Кабъ мои осуднички ўси пошалѣли.
— Богъ дай тому трылѣтняя трасца,
— Хто судзиць и говóрыць объ чужоя счасцця.
— Богъ дай тому тры лѣты хворѣци,
— Хто судзиць и говóрыць объ чужіи дзѣци.—

(Зап. тотъ же.)

325

(*Тамъ же*)

Совѣтъ дѣвушки выйти скорѣе замужъ для прекращенія злыхъ людскихъ толковъ на ея счетъ.

Дóсець калинѣ,
Досець малинѣ
Ў лузѣ стояци,
Вже калину,
Вже малину
Пташки обклевали.
Ня такъ пти́шачки,
Ня такъ дрóбныи,
Якъ тыи соловейки.
Дóсець, дзѣвонца,
Дóсець, душинька,
Ў бациньки быци,
Вже, дѣвонца,
Вже, душинька
Ўси людзи обсудзили.
Ня такъ жа людзи,
Якъ яе подружки,
Якъ яе подружаньки,
Што вялй подъ рýчаньки,
Зъ ею пили, ѣли
И яе обсудзили.

(Зап. тотъ же).

326

(*Тамъ же*)

Дѣвушка, отказавшаяся отъ замужства, осенью обвѣнчалась съ суженнымъ, что и удивляетъ ея подругъ; онѣ приписываютъ это чарамъ.

Няпраўдзивая калина казала:
Цвѣсць ня буду,
Бѣлаго цвѣту ня пущу,
Чирвонныхъ ягодокъ ня урожу.
Якъ, виснà пришла—зацвила.
На ей цвѣточикъ бѣленьки,
На ей ягодъ поўненько.
Няпраўдзивая дзѣвица казала:
Замужъ ня пойду.
Якъ вóсинь пришла—дакъ пошла.
Ина жаниха́ ўзлюбила
Ци ў слядокъ яго ступала,
Ци хлѣба яго спутала
Што ина яго молодого сподобала?

(Зап. тотъ же.)

327

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Дѣвушкѣ подруги предрекаютъ скорый конецъ ея вольной дѣвичьей жизни. Скоро сваты пріѣдутъ.

Пирапёлка! (2)
Ня вій ты гняздечка
Близко дли дорожки—
Пиранёлка! (2)
Пастухи погонюць,
Гняздечка попоруць—

Пирапёлка! (2)
Суви ты гнѣздзечка
На зяленымъ дубу—
Пирапёлка! (2]
Станнць вѣциръ навивацъ,
Твоихъ дзяцей колыхаць—
Пирапёлка! (2)
Ты дзѣвынька (2)
А ня вій вяночка!
Восень нидалечка—
Ты дзѣвынька! (2)
Сваточки прiѣдуць
Цябе съ собою возьмуць—
Ты дзѣвынька!

(Зап. Л. П. Скляренко.)

328

(*Тамъ же*)

Дочь утѣшаетъ мать, сокрушающуюся о скорой разлукѣ съ нею—тѣмъ, что она ее не забудетъ и весной не замедлитъ ее навѣстить.

Бярозка зъ листомъ
Ўсю восень шумѣла.
Моя бярозка, моя бѣлая!
Якъ мы разстанемся?
Ты мой листочикъ,
Ты мой зялёны,
Тàкъ мы разстанемся:
Вѣтры повѣюць—
Цябе обвѣюць,
А я застануся.
Моя бярозка, моя бѣлая!
Яжъ цябе ни забуду,
На вясну къ табѣ буду.
Дочўшка зъ мамкой
Ўсю ночку гукала:
Моя матулька, моя родная!
Якъ мы разстанемся?
Сваты прiѣдуць, цябе возмуць,
А я застануся.
Моя й матулька, моя й милая!
Яжъ цябе не забуду.
Ни тужи родная—ни забуду,
Заразъ ў госцики буду.

(Зап. тѣмъ же.)

Вотъ варiантъ къ № 328, записанный, М. П. Сахаровымъ въ Городокскомъ уѣздѣ:

Бяроза зъ листкомъ
Ўсё лѣго шумѣла:
Листочикъ мой зялены!
Ты мине кидаць будзешь.
Бяроза моя бѣлая, ня бойся.
Я цибе кидаць ня буду,
Вясной къ табѣ буду
И шумѣць зъ тобой буду.
Дочушка зъ мамкой
Ўсю ночку говорила:
Аўдотка дочушка!
Ты мине кидаць будзишь.
Ня бось, мамка, ня бось!
Я къ табѣ ў гости ходзиць буду
И про горя говорицъ
Я зъ тобою буду,
Про твое буду расправшивацъ,
Про свое буду разсказывацъ

329

(*Тамъ же*)

Дочь утѣшаетъ свою мать, плачущую о скоромъ ея выходѣ замужъ, тѣмъ что она будетъ жить близко и имъ легко можно будетъ вдвоемъ поплакать.

А ни плачь, ни плачь,
Моя й матухна
Ты по мнѣ!
Я й зойду замужъ
Нидалёко
Отъ цябе.
А ты пойдзешь
На синя мора
Плацця мыць,
А я пойду
Ў цемные боры
Ягодъ брацъ.
А й тамъ наши
Голосочки
Сойдуцца,
Ды тамъ наши
Родные слёзки
Скбпцюцца.

(Зап. тѣмъ же).

330

(*Чашники*)

Отчаяніе дѣвушки при мысли о несчастной, трудной долѣ, ее ожидающей въ предстоящемъ замужествѣ. Она изображаетъ свое будущее положеніе въ домѣ свекрови.

Чаго ты, лося,
Чаго ты, дзики,
Къ сялу прилигаишь?
Ци ты, лося,
Ци ты, дзики,
Лиху зиму чуишь?
Хуць-жа лихую,
Хуць ня лихую,
Ня будзиць якъ лѣтычка.
Чаго жъ ты, дзѣвынька,
Чаго ты, душинька,
Такъ сильно плачишь?
Ци ты, дзѣвынька,
Ци ты, душинька,
Лихую свякроў чуишь?
Хуць-жа лихую,
Хуць ня лихую,
Ня будзиць якъ матынька:
Мяне молодў
Пошлюць по водў,
Сами сядуць вячерыць.
Принясу воды,
На сябе бяды,
Кажному пиць подаць:
Подай старому,
Подай малому,
И суженьку молодому.
Ло́жиньки бразнуць,
Слёзочки капнуць,—
Ўсё моя вячеринка
Возьму кусочикъ,
Пойду ў куточикъ:
Ты моя вячеринка.

(Зап. мною отъ Коткевичовны).

331

(*Тамъ же*)

Сравненіе жизни дѣвушки въ своей семьѣ у матульки съ жизнію замужемъ въ домѣ свекрови.

Ай ў бору цицярюкъ болбочиць,
А ёнъ зъ бору ляцѣци ня хочиць,
Ай ў бору ягóдки солóдки,
Ў крыницы водзица студзёна.
Гапулька отъ матки ици ня хочиць.
Ў матульки позднее ўставання,
Ў матульки раннее ўкладання,
А ў матульки гладкая чесання,
Ў матульки бѣло умываиня,
Ў матулки раннее снѣдання.
Ў свикратки такого ня будзиць:
Ў свикратки позднее ўкладання,
Ў свикратки раннее ўставання,
Ў свикратки ня бѣло умывання,
Ў свикратки ня гладка часання,
Ў свикратки позднее снѣдання.

(Зап. тотъ-же)

332

(*Тамъ же*)

Дочь заявляетъ, что въ какую даль ее ни отдавали бы замужъ, она съумѣетъ преодолѣть всякія естественныя препятствія, чтобы побывать въ гостяхъ у матери.

Тогда была добрая годзина,
Якъ мяне матынька родзила.
А родзила мяне ў долины,
А купала мяне ў калины,
Сповивала мяне ў ширины,
Спаць клала ў пярины,
Сколыхнула мяне высоко,
Оддѣцала мяне далёко,
Чиразъ три пущи дремўщи.
Чиразъ тыи ручѣйки цякущи.
Коли къ матцѣ ў госьци захочу,
Я тыи борóчки порублю,
Цемныи лясóчки выполю,
Синіи озера намощу,
А ў своей матыньки погощу.

(Зап. тѣмъ же).

333

(Тамъ же)

Всѣ украшенія дѣвушки переходятъ къ коню суженаго. (Поютъ и на сватьбѣ, когда росплетаютъ косу).

Коханка дзвѣвонька, коханка,
А ў ей косынка кованка,
Ня было ковалю—расковаць,
Ня было гребенцоў расчесаць,
Были ковалй ў дорѐзи,
А были гребенцы ў вози.
Пріѣхали ковалй
Зъ чужой стороны,
Дзѣвицы косынки расковàли
А суженьки коника подковали.
Были ў дѣвицы истўжки —
То яго коника подпружки,
Были ў яе молоды персьцёнки,
То яго коника подкоўки.

(Зап. тотъ же).

334

(Тамъ же)

Плачъ дѣвушки по косѣ.

Разлійся водзица
А по лугу, по долинѣ,
А по жоўтому пясочку.
Расплачься Гапулька
По роду, по племяни,
А по русой косйцѣ.
Ў мяне жъ была
Ци ня косынка?
Ў мяне жъ была
Ци ня русая?
Чирнымъ шоўкомъ
Пираплецена,
А золотомъ
Пиравязана?
Якъ наѣхали госци
Зъ чужія волдсци, —
Чорны шоўкъ попорвали,
А золото разобрали
А Гапульку сабѣ ўзяли.

(Зап. тотъ же).

335

(Лепельскаго у., Ушачскій округъ)

Невѣста, на упреки своихъ подругъ, зачѣмъ она не сильно плачетъ, отвѣчаетъ, что музыка и шумъ бояръ заглушаютъ ея голосъ.

„Боровая зязюленька!
„Што ня звонко кукуишь?“
— Хуць звонко кукую,
— Ды ня чуць за борами (2),

— За ясными соколами. *)
„Молодая Ходоська!
„Што ня жалосно плачишь?“
— А хуць я и жалосно плачу,
— Ня чуць мяне за сватàми (2),
— За скрипками, цимбалами (2),
— За пышными боярами. **)

(Сообщ. С. К. Шимковичъ.)

336

(*Чашники*)

Сожалѣніе подругъ о невѣстѣ-сиротѣ.

Зялёны дубочикъ!
А што ў цябе дубья много,
Зялёнаго да ня вòдного,
А тросточки ни зъ вòдного?
Молодая дзѣвица!
Што ў цябе бацекъ много,
А рòднаго ни вòдного,
Порадочки ни зъ вòдного?
Ёсь кому пйци, ѣсьци,
А не кому порàдыньку весьци,
Ёсь кому покорйцися,
А не кому хлопоцйцися,
Ёсь кому пиць гуляци,
А не кому порадочку даци.

(Зап. мною отъ Котхевичовны).

337

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Грусть отца по дочери, вышедшей замужъ.

Ходзиў-походзиў
Ясенъ мѣсяць по небу,
Личиў-поличиў
Зораночки на неби.
Ни доличиўся
Одной зораньки вячерній,
А Богъ знаиць, Богъ вѣдаиць
Гдзѣ яна?
Кому яна, кому яна
Гэту ночаньку свяцила?
Да ци яна, да ци яна
Ў поўночь зъ мѣсяцимъ ходзила?
Ходзиў-походзиў
Андрейка по хацѣ,
Личиў-поличиў
Семеичку ды свою,
Ни доличиўся (2)
Одной Гапульки своей.
Ахъ Богъ знаиць, Богъ вѣданць,
Кому яна, кому яна

---

*) Вар. Ды за звонкими солоуями.

**) Вар. За дудками, за скрыпками, за звонкими цимбалами.

(*Витебск. губ. и у.*)

Гэту ночиньку служила?
Ды ци яна, ды ци яна
Ў поўночь съ миленькимъ ходзила?

(Зап. Л. П. Скляренко).

338

(*Тамъ же*)

Переговоры милаго съ милой черезъ рѣчку. Дѣвушка тогда только соглашается отдаться ему, когда онъ самъ бросается за ней.

Ходзила дзѣвенька
Коли рѣчиньки,
Крикнула, гукнула
Пиравозничку.
Одкликнуўся, одгукнуўся
Яе миленьки:
„Яжъ къ табѣ, милая,
„Чоўнокомъ плыву."
— На твоимъ чоўночку
— Я ни плавала. —
„Яжъ табѣ, милая,
„Мосты мощу."
— По твоимъ мосточкамъ
— Я ни ходзила.—
„Яжъ табѣ, милая,
„Коникоў пошлю."
— На твоихъ коникахъ
— Я ня ѣздзила.—
„Яжъ табѣ, милая,
„Бояроў пошлю."
— Съ твоими боярами
— Я ни знаюся.—
„Яжъ къ табѣ, милая,
„Соколомъ ляту".
— Яжъ къ табѣ, милы мой,
— Пирапелочкой. —

(Зап. тотъ же).

339

(*Тамъ же*)

Дѣвушка отказываетъ своему суженькѣ въ его просьбѣ перейти къ нему черезъ рѣчку, опасаясь провалиться на тонкой перекладинѣ.

За рикою ў церкоўки
Свѣча цеплюцца,
Тама-ка Марутка
Богу молицца.
Якъ пришоў сужинька
Ды зовець домоў:
„Марутка, серца мое!
„Ды пойдземъ со мной."
— Милы мой, милы мой,
— Ни пойду съ тобой:
— Кладочка гибкая,
— Я проломлюся,
— Рѣчинька быстрая,
— Я ўтоплюся. —

(Зап. тотъ же).

340

(Чашники)

Страстное желаніе любящихся повидаться другъ съ другомъ. Дѣвушка опасается злыхъ людей, ее подстерегающихъ.

Ў борку, ў борку, ў приборкў,
Тамъ виситъ колыська на шоўку;
А ў тэй колысьцѣ Сципанька,
Коло тэй колыськи бояры.
А бояры мои милые!
Сколыхницяі мяне высоко,
Штобъ я увидзиў далёка,
Гдзѣ моя дзѣвица вянкй ўець,
До мяне молодого послы шлець.
Писала-бъ листы—ня ўмѣю,
Послала-бъ послы—ня смѣю,
Сама бы пошла—боюся,
Съ чистаго поля вярнуся.
А ў чистымъ поли бяро́за,
Подъ бярозою сторо́жа.
Тая мяне сторожа поймаиць,
По русѣ косѣ спознаиць,
По рутниўкому вяночку
И по золотымъ пярсценёчку.

(Зап. мною отъ Коткевичовны).

341

(Лепельскій у., с. Дубровки)

Сожалѣніе молодца о ранней женитьбѣ.

Да кабъ я молодзеньки
Якъ бы й вѣкъ ни жаниўся,
Молойчикомъ волочиўся,
Кудзерками опусциўся,
Ды й чисаў бы кудзерки
Частымъ густымъ грибяшечкомъ.
Ды й пущаў бы кудзерки,
Ды на цихи Дунаечекъ.
Ды й плывице кудзерки
Вы на цихимъ Дунаечку.
А тамъ дзѣўка воду брала.
Ды учарпнула кудзерки
Ды ў чисовые вядзерки.

(Зап. Л. П. Скляренко).

342

(Чашники)

Дѣвушка сознается милому, что она хотя и нравилась панычамъ, но пренебрегла ими, любя его.

На мори, на синемъ озёри,
Тамъ Иванъ бѣлыхъ либядзей страляиць,
Ёнъ дзѣвонькѣ правымъ вокомъ миргаиць.

— Ци ўдавалися, моя дзѣвица, до цябе,
— Ўдавалися нижанатые панычи.—
„Я зъ тыми панычами гордзѣла,
„За цябе мого Ваничку хоцѣла.“
(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

343

(*Тамъ же*)

Ропотъ молодца на мать, заставившую его жениться на богатой. Сравненіе достоинствъ богатой и бѣдной невѣсты.

На кого ты мой миленьки злўишь?
А што ты твое сердынько трўишь?
А я злую на матку старўю,
Што ня велѣла худо́быньку браци,
Тольки вялѣла богатую шука́ци.
Богатая—куды къ чорту пышна,
Моя худобынька якъ ў саду вишня,
Богатая по вулицы ходзиць,
Моя худо́бынька што во́зьмиць, то зро́биць,
Богатэй сукни адамашки,
А ў моёй худобыньки сѣрые сермяжки,
Ў богатэй волы да коровы,
А ў моей худобыньки чорные бровы,
Ў богатэй волы, коровы поздыхаюць,
А ў моёй худобыньки брови ня злиняюць.
(Зап. тотъ же.)

344

(*Тамъ же*)

Счастливое настроеніе влюбленныхъ.

Сядзиць голубъ на пираплёцѣ,
Бобъ клюець,
А длѣ яго жа голубка—
Пшаничку.
Ой клюй, поклюй, моя голубка,
Длѣ мяне,
Прилягаицъ мое сердынько
До цябе.

Сядзиць молодзецъ за столикомъ,
Мядокъ пьецъ,
А длѣ яго дзѣўнька
Сыцицу.
Ой пи, попи, моя дзѣўнька,
Длѣ мяне,
Прилягаицъ мое сердынько
До цябе.

(Зап. тотъ же.)

345

(*Тамъ же*)

Видоизмѣненіе настроенія чувствъ влюбленнаго жениха, ѣдущаго за невѣстой. Поется часто и на свадьбахъ.

Ў дорози молодзецъ, ў дорози!
Прявязаў коника къ бярози,
Выризаў зъ бярозки три розги,
Сиkануў коника подъ ножки.
Ступай, мой кося, широко,
Ящё моя дзѣвица далека,
Ступай, мой кося, вўзенька,
Вже моя дзѣвица близсенька,
Ступай, мой кося, ступянькомъ,
Вже моя дзѣвица подъ вянкомъ,
Ступай, мой кося, ступою,
Вже моя дзѣвица со мною.

(Зап. тотъ же.)

346

(*Тамъ же*)

Женихъ не даетъ невѣстѣ докончить ея любимой работы и уводитъ ее подъ вѣнецъ. Она нехотя разстается съ матерью.

Новая комора звинѣла,
Тамъ наша дзѣўшка сядзѣла,
Тонкіе обрусы тыкала,
Тыкаўши обрусы плакала.
Наѣхаў сўжинька самъ дзесяць,
Напусциў коникоў поўны садъ,
Ня даў мнѣ обрусы доткаци,
Казаў мнѣ до шлюба ступаци.
Поѣзжджай дзѣвынька до шлюба.
Нашто матынька я табѣ ня люба?

(Зап. тотъ же.)

347

(*Тамъ же*)

Женихъ утѣшаетъ свою невѣсту надеждой, что убытки нанесенные его дружиной, скоро восполнятся и объ этомъ ей нечего тужить.

Королева дочка дзѣвынька,
А ў яе городзи пшаница,
А ў вороцикахъ криница.
Наѣхаў сужинька самъ дзесицъ,
Напусциў коникоў повенъ садъ
Ў зяленую пшаницу вы траву,
Студзёную водзицу выпоиў.
Затужилася дзѣвынька
По тэй холодной водзицы,

Зачаў тая сужинька:
Ня тужи, ня бядуй дзѣвынька
Зяленая пшаница отросцéць,
Холодная водзица нацячець.
Мы зъ тобою дзѣвынька жиць будзимъ,
Холодную водзицу пиць будзимъ,
Мы зъ тобою дзѣвынька жиць будзимъ.

(Зап. тотъ же).

348

(*Тамъ же*)

Богатая влюбленная невѣста проситъ своего жениха не тужить о шубѣ, разорванной его конемъ: она ему справитъ лучшую дорогую.

Ў бору, бору подъ еллю
Спаў сужаны зъ похмѣллю,
Хмѣль яму голоўку разобраў,
Конь на имъ шубу поподраў.
Затужиўся сужанька, затужиўся:
Ни зъ чаго шубоньку пошици (2).
Зачула яго дзѣванька:
Ня тужи, ня бядуй, сужинька!
Ёсь ў мойго батыньки сорокъ соболёў,
Сорокъ соболёў рóбленныхъ,
А чатыры бобры кýпленныхъ.
Сыщимъ краўчійка со двóру:
Поши имъ шубоньку до долу:
Коло ворота золота,
Коло подола чорны шоўкъ.
Носи, миленьки, ты здороў!

(Зап. тотъ же).

349

(*Тамъ же*)

Парень выбираетъ себѣ невѣсту по сердцу.

Полятаў соловей
Коло саду,
Пытаўся ў зязюли:
Куды ў садъ ляцѣць?
Ци ў цябе, соловей,
Дурны рóзумъ?

Подними вѣшачку,
Ляци ў садъ,
Ляци ў садъ
На рабину сядзь.
Ёсь ў мяне ў садзѣ
Пташекъ много,
Выбирай, выглядай
Которую хочишь.
Я ни хочу, я ня люблю
А ни ѐдной.
Тольки хочу, тольки люблю
Цябе шѣрую.
Поѣзжджаў Иванъ
Коло двору,
Пытаўся у дзѣвоньки:
Куды ў дворъ ѣхаць?
Ци ў цябе молодзецъ
Дурны рѐзумъ?
Одчини вороты,
Ўзъѣдзь на дворъ.
Ёсь ў мяне ў цираму
Дзѣвочикъ много,
Выглядай, выбирай
Которую хочишь.
Я ня хочу, я ня люблю
А ни ѐдной,
Тольки хочу, тольки люблю
Цябе молодую.

(Зап. тотъ же).

350

(*Тамъ же*)

Мачиха хулитъ свою падчерицу, а дочку выхваляетъ.

Ў борку, ў борку, ў приборку
Рубиў сужинька коморку,
Прійшла до яго дзѣўнька:
Божа табѣ поможи, сужанька!
Руби коморку щитнюсинька,
Присикай воконце низюсинька,
Какъ къ намъ солоўи литали,
Кабъ насъ молодыхъ побужали.
А ў мяне матынька не своя,
Ня будзиць рана будзици,
Выйдзиць на вулку судзици:
Моя нявѣста не годзяй,—
Бѣлъ кужаль прала — дримала,
По воду пошла—облилася,
По цяпло пошла—обожглася,
Ложки мыла—ўсё выла,
Хату мела—ўсё пляла,
Посцель слала—ўсё пѣяла.
Ёсь у мяне дочўшка мезѐнка:
Пойдзець—воды принясець,
Цяпла принесець—ўзодмець,
Ложки бялѐнько помыиць,
Хату чисценько подмяцець,
Посцель сцелиць—ўсё плачиць.

(Зап. тотъ же).

351

(*Тамъ же*)

Дѣвушка, попавшая замужъ въ злую семью, замѣчаетъ своимъ подругамъ, тужащимъ о ея участи, что она надѣется со всѣми справиться.

Ай упала ластоўка, упала,
Ў тоя дзѣдоўе колкоя,

Ай ў тую мокрицу травицу.
Ай по ей жа пташки тужили.
Ня тужиця пташки вы по мнѣ!
Я тоя дзѣдоўе поломаю,
Я тую мокрицу травицу покошу.
Ай упала Гапулька, упала
Ай ў тоя дзеверья лихоя,
Ай ў тыи золоўки чачотки.
А по ей жа дзѣўки тужили.
Ня тужице жъ дзѣвочки вы по мнѣ:
Я тоя дзѣдоўе пожсню
А золовокъ чачотокъ поотдаю.
А лихіе дзеверья ў сусѣдзи,
А золоўки чачотки ў госцины.
(Зап. тотъ же).

352

(*Тамъ же*)

Молодая жница возвращаясь вечеромъ домой дорогою поетъ: свекоръ изъ этого выводитъ заключеніе о ея лѣности въ полѣ, отецъ же ея принимаетъ это за признакъ самодовольства по совершенномъ трудѣ.

Якъ пойду я молода по полю,
Якъ пущу я голосокъ до дому,
Кто жъ то мой голосокъ пираймецъ?
Пираймецъ голосокъ свякорка:
Гэто мое зѣвайло зѣваицъ,
Узиньки постаци займаицъ,
Рѣдкая снопо́вья стаўляицъ,
Низиньки снопо́чки складаицъ.
Якъ пойду молода по полю,
Якъ пущу голосокъ до дому.
А хто жъ мой голосокъ пираймецъ?
Пираймецъ мой голосокъ бацинька:
Гэто мое дзицятко спѣваицъ,
Широки постаци займаицъ,
Густые сноповье стаўляицъ,
Высокіе копочки складаицъ.
(Зап. тотъ же).

Дожиночныя пѣсни *).

353

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

А ў насъ сегодня дожонъ, дожонъ,
Пригонятыхъ рожонъ, рожонъ.
А ў насъ сегодня обжиночки,
А напьемся мы горэлачки,
Горэлачки солодзюсенькой,
А для пани молодзюсенькой.
(Зап. Л. П. Скляренко.)

354

(*Суражскій у.*)

Когда завиваютъ бороду.

Сядзиць козёлъ на мяжѣ,
Дзивуицца бородзѣ: *)
Ай чіяжь гэта борода
Ўся дзёгцемъ улита,
И бяростый увита?
Змитрокова борода
Ўся дзегцемъ улита
И бяростый увита.
Цяцяночка ня ляжи,
Ўсё бороду лижи.
Я и такъ ни ляжў,
Ўсё бороду лижу.
Бородушку облизала
И бородушку обобрала.

Сядзиць козелъ на мяжѣ,
Дзивуицца бородзѣ:
Ай чіяжь гэта борода
Ўся мёдымъ улита,
Бѣлымъ шоўкомъ увита?
Турилкина борода
Ўся медомъ улита,
Бѣлымъ шоўкомъ увита,
Ты, Машутка, ня ляжи,
Ўсё бороду лижи,
Я и такъ ляжу,
Бороду ўсё лижу.
Бородушку облизала,
Бѣлы шоукъ обобрала.
(Зап. В. П. Догель.)

---

*) Называются также „обжиночныя“.

*) Въ Лепельскомъ у. въ иныхъ мѣстностяхъ послѣ каждаго двустишія прибавляютъ припѣвъ: „Гей борода.“

355

(*Лепельскій у., с. Дубровки*)

Когда, надѣвши на голову избранной дѣвушкѣ вѣнокъ, отправляются къ хозяину:

Повѣйця вѣтры
Рано, рано *)!
По чистымъ полю
Нясиця вѣсци
Нашому пану,
Што яго жнейки
Жита пожали (2),
Ў копы поклали.

Ой часта, густа
На небѣ звѣзды,
Ой часцѣй, гусцѣй
На поли копахъ.
Ой широкъ, высокъ
На неби мѣсяцъ,
Ой шири, выши
Ў гумна скирта!

(Зап. Л. П. Скляренко.)

356

(*Дисненскій у.*)

Повѣйце вѣтры по чистомъ поли,
Нясице вѣсци нашему пану,
Што яго жнейки жита дожали,
Жито дожали, поле низмяроноя,
Наклали копы низличоные.

Часты, густы звѣзды на небѣ.
Часты, густы копки ў поли,
Широкъ, высокъ мѣсяцъ на небѣ,
Ширэй, высшей спирты ў гумнѣ.

(Зап. г-жею Смигельскою.)

Спорышовыя пѣсни.

(Дорогою и на хозяйскомъ дворѣ)

357

(*Чашники*)

Ходзиў Спорышъ по вулицѣ,
По вулицѣ по широкой,
По мураўцѣ по зяленой,
А нихто Спорыша ў дворъ ня зовецъ.

---

*) Послѣ каждаго стиха.

Вышла, выѣхала Хвядориха:
Ходзи, Спорышъ, ко мнѣ на дворъ,
Ко мнѣ на дворъ, на чисовы столъ,
Ў мяне столы позасцилавы,
Виномъ кубки поналиваны,
Ў мяне пирогоў понапечана,
Ў мяне мёду понасычапа,
Ў мяне каша наварена.
Сядзь, Спорышъ, на покуцѣ,
На покуцѣ да на збlоцѣ.
Пи, Спорышъ, зялено вино.
Споры, Божа, ў моемъ гумнѣ,
Ў моемъ гумнѣ, ў моемъ дворѣ:
На току вмолотъ, а въ дзяжи подходъ,
А въ печи ростъ, а на столѣ сыццё.
(Зап. мною отъ Котковичовпи.)

358

(*Лепельскій у.*)

Пошло добро дорогою,
Дорогою широкою.
А хто добро пирайнецъ,
Къ сабѣ ў гумно завернецъ?
Андрейка добро пираняў,
Къ сабѣ ў гумно завернуў:
Ко мнѣ, добро, ў мое гумно!
Мое гумно вяликоя,
Пираплеты высокіе.

(Зап. свящ. Н. К. Шимковичъ.)

359

(*Лепельскаго у., село Апанасковичи*)

Ишоў Раёкъ дорогою
Рано, рано! *)
Дорогою широкою.
Нихто Раю ня просицъ,
Просицъ яго мой Потапочка:
Мое гумно вяликоя,
Пираплоты высокіе,
Ёсь гдзѣ Богу посядзѣци,
Мойго добра поглядзѣци:
Одного житнаго,
А другого ярычнаго,
А трецяго пшаничнаго.
(Записала ученица Витебскаго Духовнаго училища Ольга Котирло.)

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

360

(*Дисненскій у.*)

Приближаясь къ панскому крыльцу съ вѣнкомъ, жнейки поютъ:

Ходзиў Раёкъ по улицѣ,
Нихто Райка ў дворъ ни зовець.
Отозваўся къ намъ паночикъ:
Ходзи Раекъ ко мнѣ ў дворъ,
Мои дворы мяценые,
Мои столы цисовые,
Мои обрусы бялевые,
Мои хлѣбы сытовые,
Мои страўки сахарные,
Мои кубки золотые,
Мои вина зялёные.

(Зап. г-жею Смигельскою.)

361

(*Лепельскій у., Ушачскій округъ*)

Ходзиў Рай по вулицѣ,
Нихто Раю ў хату ня просиць;
Просиць Раю Андрейка:
А прошу жъ, Раю, къ сабѣ ў хату!
А ў мяне ў хацѣ ўсё приберено:
Цясовые столы позасцилаӥы,
Золотые кубки поналиваны —
Жнеечикъ частоваци.

(Зап. Н. С. Шимковичъ.)

362

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Ходзиў Раю коли двору,
Нихто Раю ў дворъ не зовець.
Обозваўся нашъ паночикъ:
Ходзи Раю ко мнѣ ў дворъ,
Мое́ дворы мяценые,
Мое́ обрусы шоўковые,
Мое́ кубки золотые,
Виномъ мёдомъ налитые.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

363

(*Дисненскій у.*)

Здѣсь эту пѣсню поютъ во время плетенія вѣнка.

Ишоў Богъ дорогою,
А за нимъ нашъ панъ идзець,
Ў рукахъ шапочку нясець
И до сябе Бога просиць:
Да ко мнѣ, Божа, да ко мнѣ,
Да зъ густыми снопами,
Да зъ частыми копами.
Ў мяне гумно вяликоя,
Перапхоты высокіе,
Ёсь гдзѣ снопы стаўляци,
Ёсь гдзѣ скирты класци.

(Зап. г-жею Смигельскою.)

Когда отдають хозяину вѣнокъ, говорять въ Дисненскомъ уѣздѣ такую рацею:

„Лѣтось посажена, селѣта уврощена на буйныхъ вѣтрахъ, на дробныхъ дожджахъ. Пиранёсъ жа Богъ чиразъ золотой сярпокъ, пираняси жа, Божа, чиразъ легиньки душокъ, ў току умолоть, ў дзяжи — подходомъ, а на столѣ—сыцію. Прошу пану вянокъ, а намъ пицы мядокъ“.

(Зап. г-жею Смигельскою.)

Въ мѣстечкѣ Чашникахъ записана мною слѣдующая рацея:

„Якъ дзѣўка хлѣбъ вiншуець. Благослови, Божа, ў каморы, ў оборы и ў поли и ў гумнѣ и дай уродзай зямли, дожжу; суши, грады, чары, наеылання, ўси чартоўскіе дзѣла оддаляй, а зробь добра и милосць отъ Бога. Виншую васъ новымъ годымъ, новымъ счасцемъ. Дай, Божа, гэты годъ провесць ў корысцы, ў радосци и ў добрымъ здороўѣ“.

364

(*Изъ мѣстностей придвинскихъ*)

Паночыкъ, паночыкъ
Перайми нашъ вяночыкъ,
Запали, пане, свѣчку,
Да выдзи на сустрѣчку.
Паночыкъ, паночыкъ,
Перайми нашъ вяночыкъ.

Вяночыкъ пераймаиць,
Золото даваиць
И съ хлѣбомъ съ солью
И съ добраго здороўя надзяляиць.
А мы жали, силу поцеряли
И на гэто заробляли.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 35.)

365

(*Тамъ же*)

Виншую паноў вянкомъ,
Паны мяне мядкомъ.
Перанесъ Богъ церазъ серпокъ,
Пераняси, Боже, церазъ душокъ,
Церазъ осетку матку,
Церазъ легки духъ.
Судзиў же Боже пожаць,
Судзи жъ Боже спожиць

Ў корысцы, ў радосци.
Дай же, Боже, панóмъ зъ гэтаго добра
Пива варицъ, паноў жаницъ,
Горелку гнацъ, паненокъ замужъ выдавацъ,
Дай же паномъ зъ добрыми дзѣтками
На жицьё на богасе,
На доўги вѣкъ и добры совѣтъ.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 37.)

366

(Себежскаго у., Езерская волость)

Ходзилъ Богъ по полю,
Поцерялъ корону.
Ваши жнейки жали,
Корону подняли,
Корону подняли
Хозяину на руки подали.
Судзилъ Богъ пожаци,
Судзи, Боже, споживаци
Ў корысци, ў радосци
И ў добромъ здоровьи.
Дай же, Боже, ў гумнѣ стогами,
Ў дзѣжи подходомъ,
А ў печи ростомъ,
За столомъ сыцью.
Судзи, Боже, осени дождаци,
Дочерей замужъ отдаци,
Сыновъ пожeници,
Пива навариции
И намъ погуляци.

(Записано священникомъ о. Ивановскимъ отъ панцырныхъ бояръ.)

367

(Лепельскаго у., Ушачскій округъ)

Разгорися вячерняя зорка
Пирадъ раней,
Расходзися наша господынька
Пирадъ жнейками,
Кажи выносицъ цисовые столы
На чистые дворы,
Бяри золотые ключи
Зъ-подъ пояса,
Одмыкай-жа золотыми ключьми
Зялёную скрыню,
Выбирай ў зялёной скрыни
Бялёвыи обрусы.
Засцилай наша господыня
Цясовые столы,
Наливай-жа наша господыня
Золотые кубки,
А частуй-жа старшую жнейку,
Постацяночку:
Будь здорова, старшая жнейка
Постацяночка!
На здароўя, моя господыночка,
Сенаторочка!

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ.)

368

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Разгорися вячернія зорька
Пирадъ ранней разгорися!
Расходзися наша господынька
Пирадъ жнейками расходзися!
Одмыкай-жа высокіе цирамы
Золотыми ключьми одмыкай-жа.
Выбирай-жа тонкіе обрусы
Голандскіе выбирай-жа.
Засцилай-жа тонкими обрусми
Чисовые столы засцилай-жа.
Наливай-жа зяленымъ виномъ
Золотые кубки наливай-жа.
Да й витай-жа першую жнейку
Постацяночку да й витай-жа!
Выпи, выпи першая жнейка
Постацяночка выпи, выпи!

(Зап. Л. П. Скляренко.)

369

(*Городокскій у.*)

Выходзила господынка на ниўку,
Выводзила нявѣсточекъ-лябедочикъ,
Дочикъ-пирапелочикъ.
Ай вы жниця нявѣстки-лябёдки,
Дочки-пирапёлки!
А я жъ ни могу кола постаци стояци,
Колосокъ махаци,
Тольки могу за столомъ сядзѣци,
Чары наливаци, госьцей частуваци.
Чары золотыя, госьци дорогія!

(Сообщ. Шт. Смотр. М. П. Сахаровимъ.)

370

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Да ци вышла цёмная тучка
Съ-подъ цемнаго лѣсу, да ци вышла?
Ды ня вышла наша господынька
Къ жнеичкамъ на ниўку, ды ня вышла.
Ды выслала семь сынoў соколоў,
Дочку пирапёлку да выслала.
Жниця, жниця, мои милы жнейки

Ды по холодочку жниця, жниця!
Выкачу вамъ дзевяць бочикъ пива,
Дзисятую мёду, выкачу вамъ.
Вынясу вамъ по тоненькимъ пирожку,
По бѣленькимъ сыру, вынясу вамъ.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

371

(Изъ мѣстностей придвинскихъ)

Ци вышла цёмная туча
Зъ-за цёмнаго лѣсу?
Ня вышла цемная туча
Зъ-за цёмнаго лѣсу,
Только выслала буйнаго вѣтру,
Дробнаго дождзу.
Ци вышла наша добродзѣйка
Перадъ жнейками?
Не вышла наша добродзѣйка
Перадъ жнейками,
Только выслала сынкоў соколкоў
И дочекъ перепёлокъ:
Пытае ци много нажали?
Мы жали поле незмярное,
Копы незличоные.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 36.)

372

(Изъ мѣстностей придвинскихъ)

Паночыкъ, паночыкъ, рахуйся зъ нами,
Плаци жъ, плаци жъ хоць талерами!
Да мы жъ твою ниўки зжинали,
Да мы свою силу споцеряли.
Слава да и слава, паночыкъ, твоя!
Да учиниў, учиниў, паночыкъ, славу,
Попоиў, попоиў толоку свою.
Щакотала сорока на тыченцѣ сюдзючы,
На тыченцѣ сѣдзючы, на хмѣлинку гледзючы.
Похвалиў ее паночыкъ съ панею сѣдзючы,
Попоиў жнеечекъ зъ дубовой бочачки,
Зъ дубовой бочачки, зъ золотой чарочки.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 37—8.)

Застольныя пѣсни

(на хозяйскомъ дворѣ)

373

(*Витебскаго у., м. Усвяты*)

Говорила и рожь и пшеница,
На нивушки стоя, говорила:
Я и не могу на нивкѣ стояти,
Кылысомъ мыхати, я и не могу.
Тольки могу ў стыгахъ стояти,
Ў клыдахъ лижати тольки могу.
Ци поўна ў орѣховымъ кустѣ,
Орѣхова ядра ци поўно?
Ци поўна и ў нашаго пана
Стогоў настаўляна ци поўна?
Поўнымъ-поўна ў орѣховымъ кустѣ
Орѣхова ядра—поўнымъ-поўна,
Поўнымъ-поўна ў нашаго пана
Стогоў постаўляна—поўнымъ-поўна,
Што и ня можно ни пѣшимъ пройти,
Ни коннымъ проѣхать, што и ня можно,
Тольки и можно птицы пролетѣть,
Добро поглядѣть толька и можно.
Литала ды ярыя пцёлка
По щирому бору литала,
Ды социла ды ярые пцёлка,
Мидовой саденка, ды социла.
Ни знышла ды ярые пцёлка
Мидовой саденка ды ни знышла.
Тольки знышла ды ярые пцелка,
Гнилую колоду тольки знышла.
Ды ходила ды красная дѣўка
Пы цисому полю ды ходила,
Ды социла ды красная дѣўка

И родныго татка ды социла.
И ня знышла ды красная дѣўка
И родныго татка и ня знышла,
Тольки и знышла красна дѣўка
Ды лютыго свёкра тольки и знышла.

(Зап. уч. 6-го кл. Витебской гимназіи Потоцкимъ.)

374 а)

(Витебскаго у., д. Васьковичи)

Чи поўна орѣхова чара
Ядромъ наливана?
Чи поўна хозяиноў гўмно,
Добромъ навезено?
Поўна, поўна орѣхова чара
Ядромъ наливана,
Поўна, поўна хозяиноў гўмно
Добромъ навезёно,
И ня можно ни пѣшу процицъ
И ня конну проѣхацъ,
Только можно соколу пролецѣцъ,
Да добра поглядзѣцъ.

(Зап. В. И. Безперчій.)

374 б)

(Чашники)

А чи поўна орѣхова чаша
Ядромъ налитая?
А такъ поўна—ни колыхнѐцца
И ни проллецца.
А чи поўна господара гўмно
Добромъ навезёна?
А такъ поўна—ни съ конемъ уѣхацъ,
Ни пяхотою уйци.
Тольки можно соколу ўзлецѣцъ,
Добро поглядзѣцъ.

(Запис. мною отъ М. Коткевичовны.)

375

(Городокскій у.)

Ярая пшаница говорила ў поли стоя,
Што ни могу ў поли стояци, колосомъ махаци,
Тольки я могу ў гумнѣ стогами,

Ў поли копнами.
Гдзѣ логъ—тамъ стогъ,
Гдзѣ гора—тамъ копна.
Говорила господыня свойму мужу:
Што я ни могу жнеекъ водзици,
Тольки я могу съ ключамъ по двору ходзици,
Амбары одмыкаци, столы задвигаци,
И скацерци расцилаци, кубки наливаци
И жнеякъ привитаци,
Зялёно вино пици
И зъ милымъ говорици—гэто я могу.
(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

376

(*Чашники*)

Чій жа гэта дворъ, дворъ,
Ды три колы ўбиты?
Чій жа гэта дворъ, дворъ?
Янкоў жа дворъ,
Ды три колы ўбиты
И кариной накрыты.
Чій жа гэта сынъ, сынъ
Ды по двору ходзиць,
Одтопки носиць?
Янкоў жа сынъ, сынъ
Ды по двору ходзиць,
Одтопки волочиць.

Чій жа гэта дворъ, дворъ?
Золоты тынъ, тынъ,
Сяребраны вороты?
Чій жа гэто сынъ, сынъ
По двору ходзиць, ключики носиць?
Ахремоў сынъ ключики носиць.
Я жъ ни могу по двору ходзици,
Ключики носици,
Тольки могу дли столу стояци,
Госьцей частоваци
Тольки могу.
(Зап. мною.)

377

(*Тамъ же*)

Казала бочичка
Ў винницы стоючи:
Коли мяне ня выпьиця,—
Я сама разоллюся,

По винницы покачуся.
Хвалилася дзявица
Своимъ богатымъ родомъ:
Коли мяне ня выдасця,

Я сама отъ васъ уѣду.
Выпраўляй маци скоро
Зъ самаго вечора.
Добра ночь, маци,
И бывай здороў!
Дожидай ў госьци,
Покуль пріѣду знова.

(Зап. тотъ же.

378

(*Тамъ же*)

Ў нашаго пана
Горэлачка купа,
Даець жнеямъ скупа,
По одной чарочки
И ня наволиць.
Спасибо ямбсци,
Што позваў ў госьци.
Ў нашаго господара
Кудрава голова,
Кудзерычки потрасець,
Горэлачки напрасець,
Кудзерычкамъ поколоциць—
Горэлачку посолодзиць.
Намъ трёмъ чатырёмъ
Горэлочки лапурёмъ.

(Зап. тотъ же.)

379

(*Тамъ же*)

Ў насъ сягодня война была
Ўсё поля звонвали,
Ўсё жита попожали
И ў копы поклали,
Судзи, Божа, споживаць
Ў корысць и радосць.

(Зап. тотъ же.)

380

(*Лепельскій у.*)

Ў насъ сягодня война была:
Ўсё поля звонвали,
Ўсё жита пожали,
Ў копочки поскладали,
Ни москали, ни жоўнеры,
А ўсё Андрейковы жнеи
Змяли поля мяцёлкой,
Ждуць домоў съ вяселкой.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ.)

381

(*Городокскій у.*)

Зялёнъ нашъ боръ, зяленъ
Надъ ўсими борами,
Што ў яго дубья много
И бярезничка молодого.

Богатъ нашъ панъ, богатъ
Надъ ўсими панами,
Што ў яго добра много:
И яроваго и ржанаго,
И яричнаго и пшаничнаго.

(Сообщ. М. П. Сахаровъ.)

382

(*Тамъ же*)

Ай зяленъ нашъ садъ, зяленъ
Зилянѣй ўсихъ садоў.
Ай богатъ нашъ панъ, богатъ,
Богацѣй ўсихъ паноў.
Якъ выкациў бочку пива,
Другую—горэлки:
Пиця, моя жнеички,
Мои жнеи удалые!
Ихъ сярпочки золотые.
По мѣсяцу жали
И сярпочки поломали.

(Сообщ. тотъ же.)

383

(*Чашники*)

Зялёнъ нашъ боръ, 'зялёнъ
Надъ ўсими борами,
А хвалёнъ нашъ панъ, хвалёнъ
Надъ ўсими панами.
А за чимъ жа ёнъ хвалёнъ
Надъ ўсими панами?
Кола яго панятуньки,
Ды ўси яго чалядуньки,
Якъ рой высыпаиць (2),
Якъ макъ зацвитаиць.

(Зап. мною).

384

(*Лепельскаго у., д. Дубровка*)

Ды зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ
Надъ ўсими борами,
Ды богатъ нашъ, панъ, богатъ
Надъ ўсими панами.
Ды кола яго двору
Цячецъ три ручаёчки:
Перши ручаёчикъ —
То зялёноя вино,
Други ручаёчикъ —
То солодки мядокъ,
Трецци ручаечикъ —
То пшаничноя пиво.
Ды зялёноя й вино —
То дли самого яго,
А солодки мядокъ —
То дли дзѣточикъ яго,
А пшаничноя пиво —
То дли жнеичекъ яго.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

385

А зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ
Надъ ўсими борами.
А за што жъ ёнъ зялёнъ?
Поўна красачакъ по нимъ.
Славёнъ нашъ панъ, славёнъ
Надъ ўсими панами.
А за штожъ ёнъ славёнъ?
Поўна гумно жита нажаў,
А другое—ярынечки.
А выкациў бочку пива,
А другую—горелачки:
Пийце, жоночки, пива,
А дзѣвочки горелачку.
А дзива жъ намъ дзива,
Што пшаничное пиво.
Чаго тому дзивитися,
Што можно напицися?

(Изъ Сборн. Я. Чечота, стр. 38.)

386

Во время стрижки овецъ.

Да бараночка черненьки, черненьки,
На нимъ волна сучица, сучица, —
Намъ горэлочки хочица, хочица.
Мы бараночку стрычь будземъ, стрычь будземъ,
Мы горэлочку пицъ будземъ, пицъ будземъ.
Мы бараночку острыжомъ, острыжомъ,
Мы горэлочку всю попьемъ, всю попьемъ.
На ихъ волночка коротка, коротка,
Намъ водычка солодка́, солодка́.
На ихъ волница ровненька, ровненька,
Нясуцъ намъ бутэльки поўненьки, поўненьки.
Да нашъ-паночикъ ў вобрѣ, ў вобрѣ,
Наша пани ў лисахъ, ў лисахъ,
Нясецъ намъ закуски ў мисахъ, ў мисахъ.

(Зап. г-жею Смигельскою.)

Бесѣдныя пѣсни.

(Дѣвичья жизнь).

387

(Чашники)

Пѣюць во всякое время, кали саберуцца.

Галубка ў галубничку забита лижала,
А миленька по миленьким̃
Голоўку звязала.
Звязала голо́вуньку
Чарнюсиньким̃ шоўком̃,
Послала по милога
Своим̃ жи́ным̃ толком̃:
Идзиця, привядзиця
Вы мойго мило́га,
Развяжиця, развяжиця
Вы мою голоўку.
Иду водою, иду горою,
Пясок̃ ножки рѣжиць,
Нямилыя и нялюбыя
Ко мнѣ ў вочки лѣзуць.
Як̃ пойду я молодая
По чисто́му полю,
Сѣя, разсѣвая
Свою горку долю.
Взыйдзи, взыйдзи моя доля
Густыми кустами.
Разцвѣци ты горка доля
Разными цвитами.
Нихто ня цвиў (2)
Одзин̃ василёчик̃,
Нихто ня мил̃ (2)
Одзин̃ мил̃ дружочик̃,
Сядзиць сабѣ за столиком̃
Як̃ сиз̃ голубочик̃,
На им̃ сукенка квяциста,
Пояс̃ позлацисты,
На им̃ шапочка з̃ орлами,
Да галоўка з̃ кудрами (2),
На им̃ штоники замшёвы,
Боцики козловы.

(Записано мною).

388

(Там̃-же)

За лютыми морозами
Моя рута ня ўсходзиць,
За люцкими языками
Мой милы ня ходзиць,
Ўзайдзи (2) ты моя рута,
Ўзайдзи, хоць покажися,
Придзи (2) мой миленьки
Людзём̃ наругнися.
На вулицѣ на широкой
Дзяўчина гуляиць,

Радъ бы я яё зацапиць,
Будзиць маци лаиць.
Матулинька, сардулинька,
Ня поглядай скрива!
Няпраўдынька твоя будзиць,
Штобъ насъ разлучила,
Разлучиць насъ зямля и вода
И смерць нясчастная.
Ты умри су вечера,
А я умру зъ-ранку,
Ты сховай насъ, матулинька,
Хоць ў водну ямку.
Любилися, кохалися,
Насъ маци ня знала,
А цяперъ намъ разстацися,
Якъ тёмная хмара.

(Зап. тотъ-же).

389

(Тамъ-же)

Головынька моя бѣдная,
Чаго скора склопоцилася?
Вы вочки мои свѣтленькіе,
Чаго вы скоро змутусилися?
Ручки вы мои бѣленьки,
Чаго скоро опусцилися?
Ножки мои бягучія,
Чаго скоро подломилися?
Подломились ноженьки
Отъ доўгой походыньки,
Опусцилися ручиньки
Отъ цяжкой работыньки,
Склопоцылася головынька
Отъ цяжкаго ўздыханьика,
Змутусилися вочиньки
Отъ слезнаго проливаньика.

(Зап. тотъ-же).

390

(Тамъ-же)

Чарвоная калининка
Ўся на Дунай схилилася,
Я малада журилася,
Што отъ роду отбилася,
Отъ роду отъ родочку.
Цяжка мойму живаточку,
Цяжка мнѣ жици, быци,
Зъ чужиной говорици,
Якъ пойду я молодая
Ўсе по чистому полю,
Шукая свою долю.
Откликнулась мнѣ доля
Ажно на тымъ боку мора.
Коли ты моя доля,
Плыви ты водою,
А я заразъ за тобою;
Приплывемъ мы ко кусточку,
А выщипнимъ по листочку,
А напишимъ по письмочку,
Пошлемъ до ойцоў, до матокъ,
Абы насъ призываюць,
Абы сами прибываюць,
Горкія доли отвѣдаюць.

(Зап. тотъ же.)

391

(*Тамъ-же*)

Дѣвушка проситъ отъѣзжающаго милаго проститься съ ней подружески. (Раскольничья).

Проти новенькихъ,
Проти воротикъ
Расцець траўнька
Ўся зяленая,
На той траўньцѣ
Коничекъ ходиць (2),
Миленьки пасциць.
Я знаю маладая, разумѣю,
Што мой миленьки
Прочь отъѣзжаець.
Ты постой троху
Мой миленьки
Позову я ўсю родзину
Ўсю родзину на расходзину.
Якъ мы зъ тобой сходзились,
Наши вустынькп злипались
Отъ меда отъ вина
Отъ зялёнага.
Якъ мы съ тобою расходзилися,
Наши вустыньки пощипалися
Отъ смаги, отъ бяды
Отъ вяликiя.

(Зап. тотъ-же).

392

(*Тамъ-же*)

Милый женится на другой; она перебираетъ въ умѣ, кого любить, и рѣшаетъ, что лучше—никого. (Раскольничья).

Ў лугахъ, ў лугахъ
Ў зялененькихъ
Тамъ ходзиў, гуляў,
Добры молодецъ (2),
Мой любезны другъ.
Ў мойго дружка
Ёсь примѣточка:
Кудри цемныя,
Брови черныя,
На галоўньки
Пухова шляпа,
И на шеюшки
Едвабный платокъ,
И на молодцу
Мой бумажный плащъ.
Не жаль мнѣ,
Што плащъ носицца,
Толька жаль мнѣ,
Што милъ женицца,
Со мной сердзицца,
Съ другой женицца,
Ў вароцехъ стоиць зъ подарками
Два ста пряникаў
И сорокъ яблокоў.
Мнѣ сягоднишняя ночь
На думахъ пройшла:
Думаць нечего,
Любиць некого;

Любила бъ холдстога —
Скоро жeницца,
А женатаго—
Жонка сердицца;
А кого нибудзь
Я сама ня хочу;
Сямярыхъ любиць—
Голова болиць.
Пущай думаць нечега
Любиць некога.

(Зап. тотъ-же).

393

(*Тамъ-же*)

Якъ сяду я подъ вакошичкомъ прасци,
Кину я валаконца за оконца,
Якъ пойду я куды издаўна ходзила,
Ци ня увижу кого вѣрна любила,
Хоць ня яго, дыкъ товарища яго?
Попытаю объ здороўикѣ яго,
Ци ня болѣла голоўнька ў яго.
Хоць болѣла я, ня буду казаци,
Бо ты, молодзиньки, будишъ тошноваци.
Чиразъ мой дворъ цяцера ляцѣла —
Ня судзиў мянѣ Богъ кого я хоцѣла,
Ци Богъ ня судзиў ци злыя людзи—
Богъ знаиць, Богъ вѣдаиць.
Дзѣ мой милы начиваць будзиць,
Ци дома (2), ци ёнъ ў дорози—
Богъ знаиць, Богъ вѣдаиць,
Ци на бѣлинькой ложи.

(Зап. тотъ-же).

394

(*Тамъ-же*)

Дѣвушка сирота жалуется на свою долю.

Ци ў сяло идци
Нейдзѣ воды напицися,
Якъ мнѣ, бѣдной сироцѣ,
Не къ кому прихилицися.
Прихилюся я ко дубочку,
Мнѣ дубочикъ—ня бацинька,
Вѣциръ вѣець, вѣцеръ вѣиць
И листокъ прогоняець,
Зелень ня промоўляиць.
Ци ў сяло идци (2)
Нейдзѣ воды ды напицися,
А мнѣ бѣдной сироцѣ

Не къ кому прихилицися.
Прихилюся я къ барозѣ,
Мнѣ бяроза ня матынька
Вѣциръ вѣець, вѣцеръ вѣицъ,
Лисцикъ маець
Бѣлая бярёза ня промоўляицъ.
Иду лугомъ пѣсню пяю—
Ўси луги разлигаюцца,
А сяломъ иду сильна плачу—
Ўси враги упишаюцца,
Зовуць мяне (2),
Зовуць мяне приволо́каю,
Кажуць мнѣ рѣчку брисць,
Широкую, глубокую.
Ци мнѣ плысци,
Ци мнѣ брисци,
Ци мнѣ яе полынуци,
А придзецца сироцини
На чужбинѣ загинуци.
Добро табѣ мой брацитка
На коника поѣзжаючи,
А мнѣ бѣдной сироцѣ
На чужбинѣ погибаючи.

(Зап. тотъ же).

395

(*Тамъ-же*)

Пѣсня—загадка.

Ай го́ра, го́ра!
Шаўцова доля
Што дзѣўки ня любяць.
Одна любила
И загадала
Чаравичинки шици.
Пошій жа ты мнѣ
Чаровичиньки
Зъ комаровой скурки.
Кали я буду
Чаровички шици
Зъ комаровой скурки,
Напрадзи жа мнѣ
Тониньвой дратоўки (2)
Тонѣй паўцинки.
Кали я буду
Дратоўки спради
Тонѣй паўцинки.
А сошій жа мнѣ
Тонку кошульку (2)
Бязъ нитки, бязъ иголки.
Коли я буду
Кошульки шици
Бязъ нитки, бязъ иголки,
А улови ты мнѣ
Бѣлу рыбинку
Бязъ сѣци, бязъ чаўночка.
Кали я буду рыбку ловици
Бязъ сѣци, бязъ чаўночку,
А сготуй ты мнѣ бѣлу рыбыньку
Штобъ ена была живусинька.
Кали я буду рыбку варици
Штобъ ена была живусинька,
А бяры жъ ты бѣлу рыбу
Штобъ ена была цалюсинька.

(Зап. тотъ-же).

396

(*Невельскаго у., д. Зувруя*)

Страданіе душевное дѣвушки по отсутствующемъ другѣ.

Ня пройдциць было дзѣвушкѣ по вулушкѣ
Ня ўзглянуць было на милаго въ акошечка,
На тыимъ жа вакошечкѣ ўсё гбра-бѣда моё,
Ня бѣда моя—гбра сухотка больша:
Што ссушиў, сокрушиў мяне маладзёшиньку,
Самъ отправиўся, мой милы, во пуць во дороженьку,
Хуць ня ў дальнюю, дружокъ, во печальную.
Сямнадцати лѣтъ дзяўчонка я была глупёшенька,
Отпраўляўши я дружка, я яму наказывала:
Поѣдзишь, мой милой, во пуць во дороженьку,
Вороцись назадъ поскорёшиньку,
Ня вароцисся, я дзѣўшка съ тоски помру
Со тоски, отъ тоски, со большой отъ досадушки.

(Зап. Ап. Бинкевичъ.)

397

(*Чашники*)

Сягодни я тута
А заўтри поѣду,
А ты будзишъ, моя мила,
Припадаци къ слѣду.
Ня буду, ня буду,
Ей Богу, ня буду,
Я при цябѣ горевала,
И безъ цябе буду.
Ёсь у поли ячмень,
А ў долини жита,
Пришли вѣсци отъ милбга,
Што милый убиты.
Енъ убиты, убиты,
Брошенъ ў жита,
Чарвоною китайкой
Личика покрыта.
Пришла дзяўчиночка,
Пришла молодая,
Подняла китаичку
И поцалавала.
Ци ты милиньки ўпиўся,
Ци зъ коня зваливўся?
Ци ты моя радосць дорогая
Больна зажуриўся?
Я ня ўпиўся, ня ўпиўся,
Зъ коня ня зваливўся.
Я о табѣ моя мила
Больна зажуриўся.

(Зап. мною.)

398

(*Тамъ же*)

Дай, Божа, долю счастливу годзйну,
Кабы я увидзиў хорошу дзяўчину.
Кабы я увидзиў—ня тужиў,
Сердынька своё ня нудзиў,
Зъѣздзиў я коня, зъѣздзиў воронога.
— Ты скажи, дзяўчина, ци будзешь за мною?—
„Ци буду твая, ци ня,—
„Ня тужи, сердце, обо мнѣ..
„Я табѣ казала и твайму роду,
„Штобъ ў насъ ня было зъ тобою зводу.
„Я за цябе ня пайду, бо я посаги ня маю.“
— Мнѣ твой посагъ ни троху ня треба.
— Нéхъ нагрóдзиць панъ Богъ зъ высокого неба.
— Ты у мяне посагъ сама, якъ на неби ясная зара.—
„Цяперь же ты кажешь: зорунька ясная!
„А после скажешь: доля безсчастная!
„Хоць ня ты скажешь, такъ твоя мати,
„Лѣпши мнѣ цябе не знаци.“
— Ня уважай, дзяўчина, што матулька скажиць,
— Ня будзиць разлуки, якъ попъ руки звяжыць.
— Звяжиць попъ руки стулою,
— Ня будзиць разлуки зъ тобою.
— Пойдзимъ до косцёла, будзимъ шлюбоваци,
— Будзимъ шлюбоваци, Богу присягаци.
— Я присягну Богу и табѣ,
— А ты присягни щира мнѣ.—
„Цяперь жа ты бярёшь здорову и хорошу,
„Здорову и хорошу, бѣлу пригожу,
„Вронь Боже—якія туги,
„Ня заглядывайся на другихъ.“
— Поби мяне, Божа, на гладкой дорóзѣ,
— Коли я забуду объ цябѣ, пябоже!
— Поби мяне, Боже, хоць идзѣ,
— Кали я забуду на цябѣ. —

(Зап. тотъ же.)

399

(*Тамъ же*)

Вѣтеръ вѣиць,
Сонца грѣиць,
Былинку калышиць,
А мой милы чернабривы
Што дзень листы пишиць,
Пишиць листы, пишиць листы:
Ў тугў ня ўдавайся,
Къ другой жа нядзѣланцѣ
Мяне сподзѣвайся.

Здаецца я, мой милиньки,
Ў тугу ня ўдаюся,
Якъ выйду я на вулицу,
Отъ вѣтру валюся.
Здаецца, мой миленьки,
Ни тужу, ни плачу,
Якъ выйду за вороты,
Стежиньку ни бачу.

(Зап. тотъ же.)

400

(*Городокскій у.*)

Любезный разсердился на любезную и уѣхалъ, не простившись съ ней.

Болиць мое сердца,
Болиць и душа.
Идзѣ милъ подзѣўся,
Куды поляцѣў?
Ѣдзиць милы за мора,
Сизъ голубцикъ мой,
Ў вобраннымъ суднѣ,
Судно голубое,
Приукрасны наборъ.
Мой милы хороши,
Прекрасны такой.
Сустрикая милы
Здороў ни даў,
Отъѣзжаў милы
Рўки не подаў.
Побй цябе Божа
Нясчастнай судзьбой!
Покинуў младзешеньку
Горкай сиротой.
Смѣйся варваръ,
С..... с... надо мной.
Покинуў младзешеньку
Горкой сиротой.
Заѣдзиў я на нивушку
Коня воронà.
Ня вижу я, дзѣвушка,
Ў цябѣ я пуця.

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ).

401

(*Чашники*)

Ў чистымъ поли при дорози
Тамъ цыгани пьюць, гуляюць,

Одзинъ цыганъ ня пьецъ, ня гуляицъ,
На цыганку поглядаицъ.
Ты цыганка ты моя коханка! (2)
Возьми-ка ключи волотыя, (2)
Одомкни-тка скрыню скарбовую,
Ты возьми-тка денигъ сорокъ тысичъ,
Ты купи-тка коня вороно̀га,
Для цыгана парня молодо́га. (2)

(Зап. мною.)

402

(Тамъ же)

Отказъ въ рукѣ офицеру.

Якъ ў нашаго Романа
Дочь прекрасная Марьяна.
Ахъ, ахъ Марьянушка,
Жисць прекрасная душа!
Пашла Марьянушка
Ў мельницу по муку́,
Яе ахвицеръ за руку́:

„Скажи, Марьянушка,
„Ци любишь мяне?
„Ци любишь мяне,
„Ци пайдешъ за мяне?"
— Я цябе ня люблю,
— За цябе ня пойду.

(Зап. тотъ же.

403

(Тамъ же)

Дѣвушка отказываетъ козаку въ своей рукѣ.

А ў поли гатоўенька *)
Зъ вѣтромъ говорила,
Нихай по мнѣ трава ра̀сцецъ,
Штобъ я ня чарнѣла.
Расци, расци гатоўенька,
Расци зялиная;
Гуляй, гуляй дзяўчонычка,
Гуляй молодая.
Гуляла я гэта лѣта,

Буду гулящь зиму,
На̀ люцкую пирасуду
Буду збирацъ силу.
Цикла вода зъ винограду
Зъ чарнецкаго саду,
Кличицъ казакъ дзяўчиночку
Къ сабѣ на пора̀ду
— Пора̀й, пора̀й дзяўчиначка,
— Якъ родная маци:

*) Трава.

— Ци цяперь мнѣ жаницися
— Ци восини ждаци?—
„А я табѣ, казачиньку,
„И раю и ни раю,
„Я зъ табою вечеръ стаю,
„А другога маю.“
— А бодай дзяўчиначка
— Той часъ замужъ зайшла,
— Якъ у млыня на камини
— Пшаничинька взыйшла.—

„А бодай казачинька
„Той часъ ожаниўся,
„Якъ бо ў лѣси на вяреси
„Куколь ўродзиўся,
„Состариўся якъ собака,
„Ящё ня жаниўся.
„Ў млыня на камини
„Пшаничка ўзайшла̀,
„А ўже твоя дзяўчиночка
„Замужъ даўно вышла.“

(Зап. тотъ же.)

404

(*Тамъ же*)

Сестра даритъ брата кошулею съ узорами, съ пожеланіемъ жениться скоро.

Сястра брату кошуленьку шила,
Ня нашила, да три узора ўшила.
Первый узоръ—ясненьки мѣсицъ,
Други узоръ—ўсё ясное соўнце,
Трецп узоръ—ўсё дробныя пташки.
Поѣдзиць мой братецъ ў вяликую дорогу,
Якъ станиць жа станиць мойму брату зимна,
Ясное солнца яго обогрѣецъ;
Якъ станиць жа станиць мойму брату цёмна,
Ясенъ мѣсицъ дорожку засвѣциць;
Якъ станиць жа станиць мойму брату тошна,
Дробныя пташки тошноту разводюць.
Пришлешь мнѣ, братицъ, три подарунки:
Первы подарунокъ—залаты персцянекъ,
Другой подарунокъ—перловый вѣночекъ,
Трецій подарунокъ—шоўковый платочекъ.
Залатый персценекъ—то на мѣняння,
Перловый вѣночекъ—то на вѣнчанння,
Шоўковый платочекъ слезы—на утиранння.
(Зап. тотъ же.)

405

(*Витебскій у., д. Васьковичи*)

Грусть о томъ, что милый женится.

По лугамъ, лугамъ по зелененькимъ
Тамъ ходиў-гуляў
Добрый молодзецъ (2)
Мой сердечный другъ.
Почему дѣўка́
Узнае́шь дружка?
Узнаю дружка
По примѣтушкѣ:
Ў мойго дружка
Есть примѣтушка —
Кудри русые,
Брови черные,
На яго кудряхъ
Пухова шляпа,
На яго шляпѣ
Мой тальянскій платъ.
Мнѣ не жаль платка,
Что платъ носится,
А мнѣ жаль дружка,
Что другъ женится,
Со мной любится,
Съ другей женится;
А мнѣ молодѣ
Да й не хочется,
Семерыхъ любить
Голова болить,
Одного любить
Такъ и долгъ велитъ.

(Зап. В. Безперчій.)

406

(*Чашники*)

Негодованіе на рѣку, утопившую милаго.

Якъ мнѣ тошненько,
Якъ мнѣ бѣдненько,
Самъ не знаю отъ чаго.
Призасталася моя милая
Самъ не знаю я кому:
А ци брату, а ци свату
Ци товарищу мойму.
Коли брату мойму—
На здороўе яму,
А сосѣду мойму—
На пожитокъ яму,
А товаришу мойму—
Такъ на безгалоўе яму,
Чирезъ рѣченьку, чирезъ быструю
Тонка кладочка ляжиць,
Тая кладочка угибнулась
А мой милый утонуў.
А бодай той рѣчушкѣ
Трускомъ, ляскомъ заросла,
Якъ-жа милаго чернабриваго
На тихій Дунай знясло.
А я рѣчуньку, а я быструю
Тычу, перетычу,
А я милаго, чернобриваго
Кличу, переkличу.

(Зап. мною.)

407

(*Невельскаго у., д. Зуеруя*)

Ревность и ссора влюбленныхъ дворовыхъ.

Якъ ў саду, ў садочку
Было много комарочкоў,
Я сама тому дивила,
Што ихъ много уродило.
Нельзя ў садочекъ пройтить,
Въ саду разгуляться,
Якъ со вечеру, со полночи
Прилетаў голубчикъ
На мой терямочекъ·
Съ терямочка опускаўся
На краснò окошко;
По окошку голубь ходить,
Со голубкою вуркуить.
Не съ голубочкой вуркуить
Самъ дѣвочку будить:
Ўстань, дѣўшка, ўстань,
Со сна пробудися.
Дѣўшка ўставала,
Личико ўмывала,
Лицо бѣлое ўмывала,
Сухо вытирала (2),
Друўжка увидала,
Ўзяла дружка за ручку,
Повела ў спальню
За дубовый столъ сажала,
Чаемъ угощала,
Чаемъ-кохвіемъ поила,
Разныимъ напиткамъ:
Пей, миленькій, пей,
Пьянымъ не упивайся,
Если будешь упиваться,
Я буду смѣяться.
Ўдариў миленькій объ столикъ,
Стаў съ дѣўшкой вздорить.
Пошоў стухать, пошоў грюхать
По ўсёй новой спальни.
Сударыня услыхала,
Служаночку послала:
Служаночка вѣрна,
Бяги поскорѣй,
Кажи вѣрнѣй.
Служаночка побѣжала,
Правды не сказала:
Сударыня, барыня!
Кошечка зброддлива
На столикъ вскочила,
Блюдечко разбила.

(Зап. Аппол. Бинкевичъ.)

408

(*Витебскаго у., с. Лужесни*)

Дѣвушка въ отчаяніи, что милый ей измѣнилъ.

Рысця, мой рысця,
Ны орѣховомъ цвяцѣ
Нѣтъ гарчѣйшей доли,
Якъ моя на свѣци.
Ни отдавала мени матка,
Ни отдаваў мени бацька,
А сама я полюбила,
Не на кого жалковаць.

Хожу я пы каморѣ,
Якъ солнышко ў кругѣ:
Доля моя нещасная,
Во вѣкъ вѣчный серце ў тугѣ.
Хажу я пы каморѣ,
Якъ заблудная овечка,
Не съ кѣмъ сѣсць промолвиць
Вѣрнаго словечка.
Ци ты, моя матулинька,
Ў край Дунаю ня ходзила?
Чаму миня, матулинька,
Ў тихій Дунай ня утопила?
— Утопила бъ, дзицяцинка,
Ды боялась Бога,
Я не знала, дзицяцинка,
Что твоя горкая доля.
Молодзенькій дзяцинушка
Рыбочку ловиць,
Яго дзѣвушка заручна
По беряжку ходзиць.
Маладзенькій дзяцинушка
Ў Дунянай *) пытаицъ,
Яго хрустынька вышивана
Наверхъ ўсплываицъ.
Ни жаль мини ни хустыньки,
Да й ни вышивання,
Тольки жалка малойчика
Яго залицання.
Якъ залицаўся,
Тогды трациўся,
Казау: моя будзишь,
Уложиў мысли ў мое серце,
Что па вѣкъ не забудзешь.
Ни плачь дѣўка,
Ни плачь красна,
Я еще холостъ, ни жинатъ,
Коли буду жаницися,
Прошу пива напицися.
То пиво мнѣ не дзиво,
Только дзиво твое слово.

(Зап. учен. Г. В. Безперчій отъ бабы Устиньи.)

409

(Витебскаго у., д. Васьковичи)

Дѣвушка хочетъ отравить брата, ей это не удается.

По лузямъ, лузямъ
По зеленькимъ,
Тамъ ходзиў, гуляў
Добрый молодецъ.
Онъ стругаў стружкі
Съ кленовой доски,
Дѣвка брала ихъ
Да въ огонь клала̀.
На огни лежитъ
Змѣя лютая,
Тая вѣдьма
Подколодная.
Я ў той змѣи
Сердце вынула,
Да съ того сердца
Зелье здѣлала,
Ни ли друга,
Ни ли милаго,
А ли брата
Ли родимаго.

---

*) Въ Дунаѣ.

Приѣхаў братъ
Со дороженьки.
— Выпей братецъ
Стаканъ водочки,
Ты приѣхау
Со дорожечки,

Ай братъ же не пиў,
Коню гриву облиў,
Ў коня грива
Загорѣлася,
Ў брата сердце
Скалыхнулося.

(Зап. В. Безперчій).

410

(Чашники)

Дѣвушка отравляетъ невѣрнаго милого.

На што, Боже, вовсе кохання,
Когды ня судишъ намъ зъ ею побрання (2)?
Когды ня судишъ, такъ насъ разлучишъ,
На што жъ насъ, Боже, надаремня мучишъ?
Любилися здаўна, зъ поўтора póку,
Якъ довѣдали и переговорили,
Бодай жа яны счасця ня мѣли.
Ты жа ня знаишь, дзѣ я мѣшкаю,
Моя хатыня зъ самаго краю.
Зъ-надъ моей хатыни плывець криница,
До мяне ходзяць на вичарницу,
На вичарницу дзѣўки чароўницы,
Котора дзяўчина чирнобривая,
Тая чароўница спрывядливая,
Котора дзяўчина бровями фарбуе,
Тая же Грицона смерць счаруе:
Ў нядзѣлю рана зелля копала,
А ў понядзѣльникъ яна яго мыла,
Ў ўторникъ зелля варила,
А ў сéриду Грицона отруила,
Ў чатвергъ помёръ жа Грица,
А ў пятницу поховали Грица,
Ў субботу дзѣўка топновала,
Напіто Грица зъ свѣту збаўляла,
Ў нядзѣлю матка дочку била:
На што ты, шельма, Грица отруила.

Маци, маци, жалю уваги ня маю,
Нихай жа Грица иныхъ ня кахая,
Во—табѣ Грица цѣлая заплата,
Гробовая доска—вѣчная хата.
Нашто табѣ было мяне зазнаваци,
Коли захоцѣла зъ свѣту збаўляци,
Луччи мнѣ было цябе ня знаци,
Якъ захоцѣла зъ свѣту збаўляци.

(Зап. мною.)

411

(*Тамъ же*)

Отецъ думаетъ о трудной участи его дочери въ замкѣ.

Висока, висока
Клёнъ-дзерева отъ мора,
Хоцъ яно висока,
Лисця, вѣтьця опадзецъ
И ў край мора заплывецъ.
Ай далёка, далёка
Мой бацинька отъ мяне,
Хоцъ жа ёнъ далека,
Ёнъ мяне ўспомянѐцъ (2)
И цяжинька ўздыхнецъ:
Якъ моё дзицятка
На чужой сторонѣ,
Яна рана ўстаецъ
И позна кладзецца,
Яна ўсихъ боицца.

(Зап. тотъ-же)

412

(*Тамъ же*)

Толкованіе о трудной жизни въ домѣ мужа.

Охъ матынка, матынка,
Что я за сонъ видзѣла!
За столикомъ, матынка,
Котóчекъ ворклйвенькій,
Длѣ печи матынка
Гусочка гагаўка
Середъ хаты, матынка,
Ластоўка косатыя,
А за печью, матынка,
Двѣ гóлубки бѣленькихъ.
Дочушка, дочушка,
Я твой сонъ разгадаю:
Коточекъ ворклйвенькій—
Свекоръ журлйвенькій
Гусочка гагаўка—
Свякроўка ягаўка *)
Ластоўки касатыя—
Золоўки щекатыя,
Двѣ голубки бѣленькихъ—
Двѣ невѣсты бѣдненькихъ.

(Зап. тотъ-же).

*) Сучка.

413

(*Витебскаго у., Королевицкая волость*)

Жалоба молодой женщины на участь свою горькую въ семьѣ мужа.

Проплакала Машинька
Ўси дорожки, ўси лужки,
Ўси круты бярежки.
Зъ-подъ крутого бярежка
Тячецъ рѣчка не шумѣа,
Пы камушкамъ не стуча.
За тэй за рѣчинькой,
За тэй, за быстринькой
Стояў садикъ зиляный
А ў тымъ садику,
Ў тымъ зилянымъ
Соловей пяецъ,
Ня пой, солоўюшка,
Ў моимъ зялянымъ саду,
Ня давай зазнобушки
Мойму сердцу жалосци;
Мое сирдзечинька
Яна вынила во мнѣ
На чужый сторонѣ,
На чужый сторонушкѣ,
Ў чужова батюшки,
Ў свякровушки-матушки.
Пыбужаюць Машиньку
До бѣленькой до зари,
Пысылаюць Машиньку
Ў ключь рано за водой.
Одморозила поженьки
Ў ключь за водой идя.
Зазнобила рученьки
Съ ключа черпая воду.
Увидала матушка
Зъ высокаго тирима,
Зовецъ миня матушка
На высокой цирямокъ,
Ды на батюшкинъ дворокъ.
Хуцъ клицъ, ня клицъ, матушка,
Цяперъ воля ны твоя,
Ўжо я мужняя жана,
Минулась ўся гульня,
Прыпала ўся красота.

(Зап. учен. гимназіи Копецкій.)

414

(*Борисовскій у.*)

Ты дубочекъ еловатый,
Мой панъ ойцецъ виноватый:
Оддаў мяне замужъ далёко,
И самъ ў госцяхъ не бывае,
И брацишкоў не пущае.
Живу годокъ, живу другі,
Пріѣзжаюць браты ў госци
И зъ коникоў не зсядали,
Свою сяструзапытали:
Ци здорова сястра наша?
Ой ци будзе конямъ паша?
Конямъ паша, намъ госцина,
Чи всимъ сястра ўгодзила.
Ўсимъ, брацики, ўгодзила:
Свякроўцѣ посцель стлала,
А свекратку разувала,

Дзѣверямъ кони поила,
Золовицамъ воду носила.
Зсѣдайце, братцы, зъ коникоў,
Идзице, братцы, до хаты
Не садзицися, братцы, на куцѣ,
Сядзьце, братцы, противъ печи,
Я пойду ў коморочку,
Да й побужу свякровочку:
Ўстань, свякровочка!
Пріѣхали до насъ госци,
Мои браты, ваши сваты.
Одступися, невѣсточка,
Негодны твои слова,
Немилы твои браты.
Сядайця, братцы, на кони,
Ѣдзьце, брацитки, до дому,
Увезиця мою долю
И посѣйця ў ровнымъ полю,
Ў ровнымъ полю на цвирочку:
Кабъ красочка не родзилась,
Кабъ дѣвочки не сбирали,
Кабъ вяночкоў не вивали,
На голоўкахъ не носили,
Кабъ и замужъ не ходзили.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

415

(*Сѣнинскаго у., с. Каховчинъ*)

Братья посѣщают сестру, несчастную въ замужествѣ.

Ай утру ў бясѣдзы
Двое братцы говорили,
Говорили, раду брали,
Сяструꙇ замужъ отдавали,
Ў сястры ў гостёхъ не бывали.
Сидлай, братецъ, пару коній,
Паѣдземъ къ сястрѣ ў госци.
Ѣдзимъ поля и другоя
На трецьціе ўзънжжаемъ,
Одзинъ ў другого пытаимъ:
Якъ намъ сястру загукаци,
Ци ў свисціолы васвистаци,
Ци голосомъ загукаци?
Пріижжаимъ кы воротамъ
Ажъ воротички отчиниты
И замочки отомкниты.
Пріижжаемъ кы ганочку, —
Наша сястра сѣни мяцецъ,
Сѣни мяцецъ, сильно плачецъ:
— Здароў (2) сястра наша!
Ци ў доми симья ваша?
— Свекоръ бацька на торжочку,
Свякроў матка ў бясѣдзи,
Дзивярочки ў лясочку
Золовейки на супраткахъ,
А мой милый ў каморы,
Ў каморы ў бѣлой ложи.
Пойду я голосици,
Свойго милаго будзици:
— Ўстань (2) мой миленькій,
А пріѣхали къ намъ госци,
Твои швагры, мои братцы.
— Отступъ (2) прочь, нелюба,
Сама жъ ты мяня знилюбила,
Родня твоя спастылѣла.
— Пойду голосици:

Съ своими братцами говорици:
Ѣдзьця поѣдзьця, мои братцы,
Ў сястры ў гостёхъ побывали,
И съ коникоў ли злѣзали
Съ струменъ ножики не вымали,
За столикомъ ни бывали,
Хлѣба соли ни ідали.
Выйду я зы ворота,
Якъ гляну пыдъ болоты,
Мои браццы ў лѣсъ ўижжаюць,
Только шабильки милькаюць.

(Зап. учен. гимназіи Копецкій.)

416

Оддаў мяне татка замужъ далёка,
Замужъ далёка ў вяликоя гора,
Приказаў мнѣ, штобъ я ў госци ня бывала.
Ня ѣду годокъ, ня ѣду другй,
На треци годочикъ къ татку ў госци захацѣла,
Якъ позычу, позычу ў зязюленьки крыля,
Ў салаўя голосочку, ў стрегнотки три слоўцы;
Якъ полячу, полячу къ матынцы ў госци
Якъ сяду, я сяду ў садзѣ надъ окошкомъ,
Запяю я, запяю сильна жалосна.
Моя матынька ходзиць сыноў пабужаиць:
Ўстаньця, сыночки, паглядзиця ў садочку;
Што жъ гэта за зязюля ўсю траву постаптала, (2)
Ўсѣ вѣтцы позламала?
Большй сынъ кажиць: шѣра зязюля,
Середній сынъ кажиць: наша сястрица.
Коли шера зязюля—ляци ў щирый боръ,
Коли наша сястрица,—идзи къ намъ у дворъ,
Коли шѣра зязюля—пшаницы клювацъ,
Коли наша сястрица—идзи къ намъ гулянь.

417

Замужняя дочь въ гостяхъ у матери горюетъ о томъ, что негдѣ будетъ гостить, когда не будетъ матери.

Ай бярозка, бярозка
Ня стой при дорозѣ,
При вяликимъ гастинцу.
Якъ я пойду до мамухны, —
Ўси кореньки потопчу,
Ўси сучиньки поломлю,
Ўси лисциньки пасмаргаю.
Подойду до мамухны,

Пасыплю на столику,
Сама сяду за столикъ
И заплачу жалосненька:
„Мамухна моя родная!
„Мамухна моя милая!
„До кого госциць буду,
„Якъ мамухны ня будзиць?“
— Госци, моя дзицятухна,
— Покуль моя голоўенька;
— Дзѣ тады госциць будзишъ,
— Якъ мяне ня будзиць?
— Заросцець дорожинька
— Траўкою мураўкою,
— Ельничкомъ и сосонничкомъ
— И бѣлымъ бярезничкомъ.—

418

(*Чашники*)

Зъ-подъ лѣсу, лѣсу цёмнаго,
Изъ подъ садзика зялёного,
Узнималась туча грозная,
Снѣговая, нипогодливая,
Со дождями, со морозами,
Со витрами, со нятихими.
Дочка̀ ў госци прибиралася
На ломаной циляжоночки
И на худой кобылёнушкѣ.
Кобылёнушка ўтомилася,
А циляжоночка зламилася,
Сярёдъ лѣсу становилася,
Кы дубочку прихилилася (2).
На тымъ дубчики соловеюшка (2):
„Ты ляци, ляци соловеюшка
„Ў маей матушки сторонушку,
„Ты няси, няси соловеюшка,
„Моей матушки низкій уклонъ,
„Сястрамъ моимъ ўсё подарушки (2),
„Ўсё солодзиньки попранички,
„Матцѣ моей подарушки,
„Шоўковы ўсё китаюшки.“

(Зап. мною.)

419

(*Витебскій у., д. Васьковичи*)

Рабина, рабинушка,
Рабина моя!
Чему ты рабинушка
Рано отцвѣла.
Дзѣўчина, дзѣўчинушка,
Дзѣўчинка моя!
Чему ты дзѣўчинушка
Засмуцилася?
Мяне матка ў злую пору
На свѣтъ родзила,
Не собраўши разума •
Замужъ отдала.
Живу я годочикъ,
Живу я другой,
На трецій годочекъ
Зажурилася,
Къ маточкѣ ў госцики
Захоцѣлося.
Обернулася молодая
Сизою зязюлей.
Полячу я, полячу,
Къ маточкѣ ў госьци,

Ой сяду я, паду
Ў вишнёвомъ саду.
Запою я пѣсенку
Жалостную, громку:
Я думала, думала,
Што маточка спиць,
Ажно моя маточка
По сянях ходзиць,
Невѣсточекъ ласточекъ
Обуждаючи:
Ўстаньце невѣстушки
Ласточки мои!
Посмотрите, што за пташка
Ў садочку пѣе.
Коли наше дзѣцятко—
Леци къ намъ на дворъ,
Коли сивая зязюля—
Леци въ щиры боръ.
Полечу, я полечу
Зъ туги да на луги,
Лугами лецѣла,
Луги затопила,
Борами лецѣла,
Боры засушила,
Ой сяду я паду
На сухимъ на древѣ,
Чаму табѣ древушко
Богъ листоў не даў?
Чаму мнѣ молодзенькой
Богъ доли не даў?

(Зап. В. Ив. Безперчій).

420

(Тамъ же)

Великорусская.

Изъ-подъ лѣсу, лѣсу темнаго
Выходила туча грозная,
Со снѣгами, со морозами.
Въ тую пору, тое времячко
Дочь ко матери соряжалася.
Ена ѣхала, не доѣхала,
Ее лошадь притомилася,
Середь лѣсу становилася,
Ко дубенкѣ привалилася,
На дубенкѣ да три птицушки,
Да три птицушки соловеюшки:
Вы лятите-ка, соловеюшки,
Во родимую мою сторону,
Да скажите мойму батюшкѣ,
Да сговорите родной матушкѣ,
„Якъ и ѣхала ваша дочеря,
Ена ѣхала, не доѣхала,
У ее лошадь притомилася,
Середь лѣсу становилася,
Ко дубенкѣ привалилася.
—Сыночекъ мой миленькій!
Запряги ты кобыленочку,
Подъѣдь ты подъ дѣвчоночку.
—Маменька моя милая,
Маменька моя родимая!
Запрягу я всю троечку,
Да подъѣду подъ дѣвчоночку,
Подъ ро́дную сястрицу,
Подъ маткину дочушечку,
Подъ горькую горюшечку.

(Зап. тотъ же).

421

(Тамъ же)

Татуличка ты мой рóдниньки!
Кола мойго вокна ходзишъ,
Ко мнѣ ў хату ня заходзишъ.
Татуличка ты мой родниньки!
Кола моихъ воротъ ѣздишъ,
Ко мнѣ ня заѣдзишъ.
Чада маё дорогое!
Якъ я ѣду—дыкъ ты рада,
Одъѣзжаю—дыкъ ты плачишъ,
Якъ я тольки за возокъ,
Дыкъ ты ў голосокъ,
Якъ за возжи—ты ў слёзи,
Якъ за дугу—ты ў тугу.

(Зап. тотъ же).

422

(Тамъ же)

На горѣ дубьё виловатое,
Мои братухны виноватые,
Оддали сястру замужъ далёка,
Оддали сястру, да ня отвѣдали.
Ня было годокъ, ня было другй,
На трéци годокъ ѣздиць братицъ мой,
Малы миленькй,
Глупы, глупинькй,
На дворъ ня ѣздзиць.
Зъ коня ня злѣзиць,
За воротами сястру пытаиць:
Ци живешъ сястра?
Да ци горуешъ?
Живу братицъ мой,
Живу, горую,
А ўзъѣдзь, братицъ мой,
Ды на новый дворъ,
Разлóжъ, братицъ мой,
На дворѣ огонь,
Якъ огонь къ лицу приникаецца,
Дакъ мнѣ маладзѣ
На чужой сторонѣ,
Да и жиць бязь раднй
Дакъ скушна, нудна;
Якъ рыбки бизъ воды,
Дакъ мнѣ молодзѣ
Жици бизъ родни.
Ахъ ѣдзь, братицъ мой,
Къ матухны родной,
Отвезь, братицъ мой,
Про мяне маладу,
Што я ня живу,
А гóра горую.

(Зап. тотъ же).

423

(Тамъ же)

Ахъ ты моё горушка, гореваница моё,
Ай да пацирала я ўдругъ здороўица своё,
Ай да за раўнивымъ человѣкомъ живучи,

Ай да на сярдзечки печаль-гóра диржучи
Пасцель слаўши цяжалёхонька ўздахну,
Пасцель слаўши слизами заллюся.
Пайду, выйду на высоки на крылецъ,
Ай да посматру ўдоль па улицы ў канецъ,
Куды мой милиньки слѣдъ проложиў.
А мой милы ўдоль по улицѣ пройшоў,
Ай да къ сусѣдушку ў бясѣдушку взойшоў,
Ай да съ сосѣдкай тайны рѣчи говориў,
Ай да за праву руку сусѣдушку диржаў,
Златы персцинь сусѣдушки подариў.
Ай да стыдна, стыдна ў бясѣдушки ходицъ,
Ай да стыдна, стыдна тайны рѣчи говори́цъ,
Ай да стыдна, стыдна за праву руку диржацъ,
Ай да стыдна, стыдна златы пирсцянёкъ дарицъ.

(Зап. тотъ же).

424

(*Тамъ же*)

Ночное посѣщеніе влюбленнаго—чужой жены. Ревность. Предложеніе обмѣна колецъ на память.

Налетѣли всѣ дробныя пташки,
Сѣли ёны пали на бѣлой березѣ,
Сѣвши, павши, стали говорити:
Скучно, грусно да кто кого любить,
Скучнѣе, груснѣе съ кѣмъ разстается.
Разстается милый со милой,
Стучитъ, грючитъ ў новы вороты,
Здорово! чаломъ ты, моя милая!
Коли жъ ты спишь, такъ ты спи здорово,
Коли ня спишь, говори со мною.
— Яжъ бы и рада съ тобой говорити,
Рявнивый мужъ збоку ляжить,
Лютый свякоръ по горенкѣ хóдить,
Лихая свякровь ўсе горенку тóпить,
А мой милый коника сядлаеть

Осѣдлавши поѣдеть ў поле,
Енъ и возьметь милую съ собою.
Теперь милый съ табой наживемся,
На золоты перстни съ тобой разминёмся.

(Зап. тотъ же).

425

(*Суражскій у., м. Яновичи*)

Мой бацюшка цвѣтъ—
Завязаў жа мнѣ свѣтъ,
Моя маци зара—
Мяне замужъ дала,
Ў чужую сторону,
Ды ў вялику сямью.
А вяликая сямья
Ды садзицца обѣдаць,
А мяне молоду
Посылаюць по воду.
Я по воду пошла,
Ни наплакалася,
Я съ водою пришла,
Ни послухалася.
Стары свякоръ на мяпе,
И свякрова на мяне
И ўся симья на мяне,
Хочуць биц мяне.
А мой милы сядзиць,
Мяне биць ни вялиць.
„За што, тату, яе биць?
Минѣ треба зъ ею жиць.
Судзяць мяне ў субботу,
За ўсяку работу,
Судзяць мяне ў нядзѣлю,
Што ничога ня ўмѣю.

(Зап. А. Журавскимъ).

426

(*Чашники*)

Пи, мати, того пива,
Што я наварила,
Люби, мати, того зяця,
Што я полюбила.
— Я ня буду пиць пива,
Буду проливаци,
Я ня буду любиць зяця,
Буду проклинаци.
— Прокляни ты матуличка
Мою душу, цѣло,
Чимъ ты маишь проклинаци
Мойго пріяцéля?
Ёсь ў поли быстра рѣчка
Пойду перескачу,
Отдай мяне матуничка
За кого я хочу.
Отдала мяне матулька
За кого хоцѣла.
Шумиць, шумиць нагаечка
Около мойго цѣла.
Якъ пойду я молодая
До цёмнаго лѣса,
Жалко моей молодóсци,
Што за такимъ бѣсомъ,

Жалко моей молодосци,
Высокого роста,
Я пойду утоплюся
Зъ высокаго моста.
Ня топися, ня валися,
Идзи похмялися,
Свою душиньку загубишь,
И ў раю ня будзишь,
Перво тую душу сгубишь,
Кого ты любишь.
Дѣвица, красавица
По саду гуляець,
Яна ростомъ не величка,
Лицомъ кругленичка.
Якъ я выйду на вулицу,
Посыплю я карты,
И вже мои минающця
Дзявоцкія жарты.
Якъ я выйду на вулицу,
Посыплю игрушки,
А вже мои минающця
Дзѣвоцкія гулюшки.
Якъ выйду я на вулицу,
Посыплю я голки,
И вже мои минающця
Дзявоцки размоўки.
Якъ выйду я на вулицу,
Посыплю я шпильки,
А вже минающця
Дзявоцкія ўчинки.

(Зап. мною отъ Марьи Коткевичовны.)

Бесѣдныя пѣсни.

Замужняя жизнь.

427

(*Чашники*)

Ахъ вы госци мои,
Вы любоўнинькія!
А чаго вы сядзиця,
Ня васёлинькія?
А ци хлѣбъ мой пушанъ?
А ци хмѣль мой ня пьянъ?
Коли хлѣбъ мой пушанъ, (2)
То я выпылаю, (2)
Коли хмѣль мой ня пьянъ,
То я подсоложу.
Мужиковы наровы,
Ўсп я вывидаю,
Янотывы соболи
На засѣчкахъ висяць,
Мужиковы наровы
Ўсё на плечкахъ ляжаць.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

428

(Тамъ же)

„Добры вечеръ вамъ, вамъ!
„Ци рады вы намъ, намъ?“
— Хоць рады, хоць ня рады,
— Добры вечиръ вамъ!—
Паню господару!
Ты зъ Божьяго дару
Даешъ хлѣба-соли
Ўсяго довóли;
Господыня гладка!
А ты наша матка,
Приглядай госцей,
Штобъ ходзили чосцей,
Няситка курицу,
Яще паляндвицу,
Индыкъ надзѣваны
И пирогъ карпаны.
Добра ў госцёхъ быци:
Даюць ѣсци и пици,
Тольки тое ня добра,
Што своё насици.
Добры-бъ намъ было,
Штобъ одзѣння дали,
Мыжъ бы до дому
Да ня подумали.

(Зап. тотъ же).

429

(Борисовскій у.)

Бярёза, бярёза кудрявпстая!
Засталася я мужу норовистому,
Покуль я норовы да й развѣдала,
Не разъ я слезами пообѣдала,
Свякровка лихая шле ў полночь по воду.
Плакала молодочка по воду идучи,
Якъ зачулъ мой миленькій кони пасучи:
„Я и кони напасу и воды принясу“.
Напійся, маточка, зъ полнаго ведра
Шануй нявѣсточку, бо яна одна.

(Зап. Н. А. Руберовскій).

430

(Тамъ же)

Ахъ оддали мяне,
Позабыли мяне
Ў чужую сторону,
Не ў веселую сторону.
Сами сядуць вечеряци,
Меня пошлюць по воду.

Я водицу несу
Не отдыхаючи,
Подъ оконцемъ стою
Прислухаючи.
Ўся семья говориць,
Моему мужу норовиць:
„Чаму женки не бьешь,
„На што поталю даешь?“
— А за што яе биць,
— Яна ўмѣе ўсё робиць,
— Яна позненько ляже,
— Яна раненько встане.—
А я того не слухала,
Прямо ў хату вошла:
„Коли я вамъ не годная,
„Одпраўляйте мяне
„Ажъ до мамочки,
„Буду жиць, буду быць,
„Не буду по васъ тужиць“.

(Зап. тотъ же).

431

(Чашники)

Жалоба о раннемъ несчастномъ замужествѣ и тоска по миломъ.

Бѣлая бярозынька водою замуцила,
Нясчастная моя доля замужъ покруцила.
Ни я упила, ни я уѣла, ни добра уходзила,
Тольки свои я молодые годы потрацила:
Ёсь ў мойго татулиньки кони вороные,
Я поѣду догоняци лѣты молодые!
„Ня ѣдзь, ня ѣдзь, дзицятынька, ня ѣдзь дорогоя!
„Ўсихъ коней пирагонишъ—лѣты ня догонишъ.“
Ёсь у мойго татулиньки щира вѣрна праўда,
Я коникоў пирагнала—лѣты ня догнала.
Покачу я два талира по битый дорози,
Знаю, знаю, што мой милы ў вяликой тривози.
Одзинъ талиръ покациўся, други пазастаўся.
Знаю, знаю, што мой милы зъ другой ўкохаўся.
(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

432

(*Борисовскій у.*)

Ой ель моя зеленая!
Свекроўка моя шалёная!
Загадала мнѣ работку робиць,
Загадала мнѣ одежку мочиць:
Ў субботку мочиць,
Ў нядзѣльку жлукциць,

На мори бѣлиць,
Ў верхъ лѣсу сушиць,
По небѣ катаць
Ў орѣшки складаць.
Я ни татарка —
Ў субботку мочиць,
Я ни жидоўка —
Ў нядзѣльку жлукциць,
Я не рыбочка —
На мори бѣлиць,
Я не соўненько —
Ў верхъ лѣсу сушиць,
Я не зорочка —
Па небѣ кациць,
Я не щурочка —
Въ орѣшки складаць.

(Зап. Н. А. Руберовскій).

483

(*Чаґиники*)

Жалоба на мужа пьяницу.

Штобъ я знала, штобъ я вѣдала
Своё горкая замужійка,
Своё нялюба подружійка,
Вѣкъ бы до вѣку замужъ бы нейшла,
Жила бы я ўсё ў батюшки,
Годавалася ў матушки,
Што ў субботу ўмывалася бъ,
Што ў нядзѣлю учасалася бъ,
Ў каморынцѣ прибиралася бъ,
Ў святолонцѣ я чисалася бъ,
Чисаўшись приговаривала:
Коса моя, коса русая!
Кому жъ ты призастанишся:
Ци годному, ци нягодному,
А ци тому шельму пьяницу,
А ци тому да недбалицу?
Што ў корчемцы запиваецца,
Многа часу зацираецца,
А мнѣ молодзѣ ня хочицца,
Кола пьяницы ворочицца,
Ручки мои да бѣлинькія,
Пярсцёнычки да залаценькія,—
Ручки мои помараюцца,
Пярсцёнычки поламаюцца.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

434

(Тамъ же)

Сѣтованіе на мужа пьяницу и вспоминаніе дѣвичьей жизни.

На горѣ жита, ня ярица,
Казали—мой мужъ ня пьяница:
Пропиў коника, ня хвалицца,
Пропиў коника варанòго,
Пришоў домоў по другòга:
„Возьми жонка трубку зъ намёткою,
„Выкупь коника зъ оброткою,
„Коли выкупишъ—домоў вядзи,
„А ня выкупишъ—сама няйдзи.
„Коли выкупишъ—люблю цябе,
„А ня выкупишъ—побью цябе."
А мнѣ молодзѣ ня первы разъ
Ў вокошичка ўцякаць,
Солвейчкамъ щибитаць.
Соловей ў лозѣ: ча-чу, ча-чу,
А я молода плачу, плачу,
Соловеюшка на радосци,
А я молода по жалосци,
Соловеюшка зъ охвотушки,
А я молода зъ няволюшки.
Няволя моя жанòцкая,
Красота моя дзявòцкая:
Нямножка жила-пожила,
Нямножка пила-попила.

(Зап. тотъ же.)

435

(Тамъ же)

Нелюбый мужъ.

Подъ дубомъ, дубомъ ячмень молочу,
Выши дубочка соломка ляциць,
Подъ тымъ дубочкамъ быстра рѣчка идзець.
Ў тэй быстрай рацѣ чаўночикъ плывець,

Ў тымъ жа чаўночку бѣлъ молодъ сядзиць,
Чешиць кудзирки рыбьимъ грыбушкомъ,
Пущаиць кудры ўнизъ водою:
Плывиця кудры ўнизъ водою!
Тамъ моя жана будзиць воду браць,
Будзиць зъ вами кудры, кудры размоўляць.
Ня кажиця кудры, што я жаниўся,
А кажиця кудры, што я утапиўся.
Нихай сабѣ то́пицца—ня жа́ль мнѣ яго,
Ёнъ зъ моихъ бѣлыхъ плечъ поло́сы драў,
Ёнъ зъ моихъ быстрыхъ вочъ рѣчиньку пускаў,
Ёнъ на моемъ живоцѣ камення качаў,
Енъ на моимъ бѣлымъ лицѣ огонь раскладаў.
Жана нялюбая! няпраўда твоя:
Драў я полосы зъ липпяго лута,
Пущаў я рѣчушки ўнизъ водою,
Раскладаў я огонь ў щирымъ бору,
Качаў я камення зъ горы ў долину.
(Зап. тотъ же.)

436

(*Городокъ*)

Якъ за рѣченькой рѣкой (2),
Да й за матушкой Невой,
Тамъ два братитки аруць,
Ены пѣсенки пѣюць.
Охъ и трещи же братецъ,
Трещи братецъ не арецъ
И пѣсенекъ не пѣецъ.
„Охъ мой братитка родной (2)
„Што-жъ ты, братецъ, не арешь
„И пѣсенекъ не пѣешь?“
— Охъ, изъѣла мене жена,
— Да какъ лютая змѣя (2)
— Съ-подъ ракитова куста.—
„Ай не я же цябе зъѣла (2),
„Зъѣла цябе корчомка (2),
„Чужа дальняя сторонка.“

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ. Зап. учен. Вл. Куксинскій.)

437

(*Витебскаго у., с. Лужники*)

Жалоба коня на своего хозяина пьяницу, забывшаго его.

Зялёный лясочикъ
Къ зямлѣ приклониўся,
А што-жъ ты парнишка
Холостъ, не жаниўся?

Радъ бы я жаницца,
Дзѣвушки малыя (2)
Дзѣвушки малыя,
Ўдоўки старыя (2).
Якъ пошоў парнишка
Да въ нову конюшню (2),
Якъ стаў-жа-жь парнишка
Съ косей говориць (2):
А што ты мой кося
Голоўку повѣсиў? (2)
Ци табѣ, мой кося,
Цяжка упражка? (2)
Ни цяжка мнѣ упражка,
Шибка поѣздўшка (2),
Дзѣвушикъ посодишь,
Шибка погоняишь (2),
Въ частыя карчёмки
Вó всѣ заѣзжаишь (2).
Якъ табѣ парнишкѣ
Мёдъ вино ня пьецца (2),
А также мнѣ косѣ
Сѣна не кладецца (2).
Мои копытóчки
Ко льду примирзаюць (2)
Кляновы возочикъ
Мяцель заметаиць (2).

(Зап. отъ дворовой.)

498

(*Чашники*)

Жалоба коня на пьяницу у хозяина.

„Ой сынку мой сынку,
„Жди колядъ Васильку."
— Ой маци, ой маци,
— Нѣколи ждаци.
— Я посѣяў жита—
— Некому жаци.
— Придець тёмна ночька
— Ня съ кѣмъ погукаци.—
„Сынку мой, сынку,
„Въ дорожку поѣдзешь (2),
„Съ конемъ поговóришь:
„Ой косю, мой косю,
„Што-жь ты ня веселъ (2),
„Галоўку повѣсиў.
„Ци я табѣ цяжекъ,
„Ци я табѣ важекъ?"
— Ни ты мнѣ ня цяжекъ,
— Ни ты мнѣ ня важекъ,
— Тольки мнѣ тяжки
— Доўгія похóдки (2),
— Частыя корчемки.
— Ты идзешь ў корчемку,
— Мяне къ плоту вяжешь,
— Ты пьешь зялено вино,
— А мнѣ водицы нѣтъ,
Ты яси сахарный кусъ,
— А мнѣ соломинки нѣтъ,
— Ты спишь ў полóзѣ
— А я на морозѣ.—

(Зап. мною).

439

(*Тамъ же*)

Жена пьяница убаюкиваетъ мужа, а онъ готовитъ ей нагайку.

Ночинька моя, ночка цёмная!
Глупа, глупа няразумная дзяўчёнка!
Ня ўзлюбила молойчика молодóга,
Спулюбила ды казачинку старóга.
Велà яго изъ карчёминки пьянóга,
Клала спаци на цясовинкой кроваци;
Сама пошла ў зелёный садъ гуляци.
Стала яна соловеиньку просици:
„Соловеика, ты добрая пташинька!
„Ня щибячи ранюшинька ў далини,
„Ня будзи мойго милóга ў пыряни.
„Я молодзинька тому радзинька, што ёнъ спиць,
„Што ёнъ моей головыньки ня журиць“.
А ёнъ ня спиць, а ўсё гэта ёнъ чуиць,
Ёнъ на мяне нагаичку гатуиць.
Я думала, што нагаичка зъ папéри,
Ажна ина зъ праклятага раменя,
Я думала, што нагаичка ня балиць,
Буду дзѣлаць, што милы мнѣ повялиць.

(Зап. тотъ же.)

440

(*Тамъ же*)

Жалоба на жену пьяницу.

За рѣчинькой за ракой,
За быстрыю водой,
Тамъ три брацилки идуць,
Яны пѣсинки пяюць.
Тольки одзинъ брацицъ
Пѣсню ни пяець.
Тыя ў яго пыталися;
„Ахъ ты брацицъ, брацицъ!
„Што пѣсинъ ня пяешъ?
„Аль твоя соха ня орецъ?
„Аль твое ручки ня имуцъ?
„Али ножиньки ня идуцъ?“
— Мое ручиньки имуцъ,
— Мое ножиньки идуцъ,
— Мой и коничикъ идзецъ,
— Моя и сошинька орецъ,

— А съѣла мяне жана змія,
— Зъ-подъ орѣхова куста.—
„Ахъ мой брацицъ, брацицъ!
„Съѣла цябе ня жана змія,
„Цябе съѣли корчёмычки,
„Мядовые чарычки,
„Пиўные шклянычки,
„Поўна наливаны,
„Да дна выпиваны.“

(Зап. тотъ же.)

441

(*Тамъ же*)

Ня шумъ шумиць—зялёная доброўка,
А болиць, болиць ў бѣлъ молойца голоўка,
А жениць, жениць мяне татухна зъ няволи,
А бярець-жа мнѣ нялюбую жонычку.
Нялюбый жаны вячѐринька ня смашна,
Нялюбый жаны пасцѣлинька ня мягка,
Нялюбый жаны обмниманники ня цѣсны.
Нялюбый жаны цилаванники ня уцѣшны.
Ня шумъ шумиць—зялёная доброўка,
А болиць, болиць ў бѣлъ молыйца голоўка,
А жениць, жениць мяне татухна зъ охвотки,
А бярець мнѣ любую жонычку.
Любый жаны вячѐринька смашнинька,
Милый жаны обниманнійка цѣснињьки,
Милый жаны цалованійка уцѣшнинька.

(Зап. тотъ же.)

442

(*Тамъ же*)

Нелюбая жена.

Ў надзѣлю рана соўнійка играла,
Жана мужа пропытала:
„Куды ты поѣдзишъ,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ моей видамо́сци?“
— Туды я поѣду,
— Куды кони пойдуць.
— Отступъ, жана нялюбая.—
„Дзѣ жа начуишъ,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ маей видамо́сци?“
— Дзѣ ночка обоймець,
— Тамъ я ночую.
„На чимъ ляжишъ спаць,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ маихъ подушикъ?“

— Ў мяне подушка—
— Крутая горушка.
— Отступъ, жана нялюбая?—
„Чимъ ты накрыишься,
„Мой милы дружочикъ,
„Куды ты поѣдзишъ,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ моихъ дзяружикъ?“
— У мяне дяружки —
— Сирмяжка и кожушки,
— Отступъ, жана нялюбая! —
„Чимъ ты умыишься
„Мой милы дружочикъ!
„Бизъ моей водзицы?“
— Ў мяне водзица —
— Халодна росица.
— Отступъ, жана нялюбая!—
„Чимъ-жа ты утрешься,
„Мой мылы дружочикъ,
„А бизъ мойго рушничёчка?“
— У мяне рушничёчикъ
— Тонки рукавочикъ.
— Отступъ, жана нялюбая?—

(Зап. тотъ же.)

443

(Тамъ же)

Негодованіе дѣтей на отца.

Да ў чистымъ поли корчомка стоиць;
Дума мая дума, дума надъ думай! *)
А ў той корчемцы три брацитки пѣюць:
Старши брацитка коника пропиў,
Другій брацитка сто рублёў пропиў,
Треци брацитка жонучку пропиў.
Што коня пропиў—вышоўши гайкнуў;
Што гроши пропиў—вышоўши свиснуў;
Што жонку пропиў—ручиньки сщапиў.
Пришоў до хатки—дзѣтыньки плачуць,
Дзѣтыньки плачуць, ѣсциньки хочуць,
„Ай татка, татка, дзѣ наша матка?“
— Ай дзѣтки, дзѣтки! ваша матка
— Пашла по воду—утопилася.
— Ня плачця, дзѣтки! привязу матку,
— Привязу матку молодзюсиньку,
— Постаўлю хатку новюсиньку.—
„Пропадзи хатка зъ молодой жаной,
„Згори татка зъ новинькой хаткой.“

(Зап. тотъ же.)

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

444

(*Тамъ же*)

Невѣрность жены.

Ня ўдалося молойцу,
Ня ўдалося удалому
Ў нядзѣльку рана ўстаць
И кони подавацъ,
Подаваўши напоиць,
Напоиўши заложиць,
Заложиўши поѣхаць.
Ѣду поля, ѣду другоя,
На трецiя поля ўзъѣзджаю—
Склаииў мяне вельмы сонъ,
Званиў мяне сивый конь.
Пущу коня па траву,
Самъ я лягу на горѣ.
Ахъ ты сивы буланы!
Знаць ты молойчикъ удалы.
Сплю годзину. другую,
На треццiю очхнуўся,
Очхнуўся—коня нѣтъ.
Приду домоў—жаны нѣтъ.
Якъ пойду, гуляю,
Своей жаны шукаю.
Ажъ моя милая
На тымъ боку Дуная. (2)
Съ ахвицеромъ гуляиць,
Шоўковымъ хустомъ махаиць
И яблычкомъ швыраиць:
„Ня ѣдзь, ня ѣдзь милы мой,
„Ня сироци дзѣтычикъ.
„Коника утрацишъ,
„Мяне молоды ня убачишъ,
„И коника ня во́зьмишъ,
„И голоўкой паложишъ,
„А мяне млады ня возьмишъ."
— А и коня ня утрачу,
— Цябе младу убачу,
— И голоўкой ня положу,
— Цябе младу возьму.—

(Зап. тотъ же.)

445

(*Тамъ же*)

Будзимъ банюшку топиць,
Будзимъ Ванюшку жаниць.
Я ня буду зъ жаной жиць,
Буду мѣскую любиць,
На жану смерци просиць.
Ахъ ты смерць моя смерётка!
Ўмори мою жану.
Ня поспѣў я сказаць,
Начала жана конаць.
Накрыў вочи палатномъ,
Ўдариў сверху кулакомъ,
Самъ на вулицу пошоў,
Короводъ дзѣвокъ нашоў.
Ўсѣ дзѣўки разкрасаўки
Яны ўси пѣсинки пяюць,
Ў церимъ голосъ подаюць.
Одна дзѣўка разкрасаўка,
Ина пѣсинъ ня пяець,
Ў церимъ голосъ не даець,
Прозаплаканы глаза,
Растрёпана коса,
Моей жанѣ родна сястра.

(Зап. тотъ же.)

446

(*Чашники*)

Козакъ топитъ жену, которая упрекаетъ его зачѣмъ онъ женился рано.

Ийшоў казакъ черезъ байдакъ,
Байдакъ пахилиўся,
На казака ўся пригода,
Ёнъ зъ ей ня нажиўся
Ўзяў нядалўжную,
Ёнъ зъ ей разлучиўся,
Ўзяў жонку за бѣлу ручку,
Повёў ў быстру рѣчку.

(Зап. тотъ же.)

447

(*Тамъ же*)

Еще жонка не утонула (2),
Яна яму промовила:
Ня сячи, ня рубай
Молодый, кудрявый
Да зеленыя ели.
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў?
Табѣ людзи не вялѣли.
Ня сячи, ня рубай
Молодый, кудрявый
Зяленыя елки.
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў,
Невда́лая дѣўка.
Ня сячи, ня рубай
Молодой, кудрявый
Да зяленаго дубу,
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў,
Со мной молодой шлюбу.
Ня сячи, ня рубай
Молодый, кудрявый
Да зяленыя тросци.
На что жь ты браў?
Ци ты мяне не знаў?
Ня три моей молодосци.
Ня сячи, ня рубай
Молодой, кудрявый
Бѣлыя брезы.
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў,
Не пьяный, тверезый.

(Зап. тотъ же).

448

(*Динабургскаго у., д. Казакова*)

Загудзѣла пчолынька,
По бору литаючи,
Мядочикъ збираючи:
Горки жъ ты мой мядочикъ,
Безъ слонечки збираючи.
Заплакала ўдовенька,
По дворючику ходючи,
Тресеньки збираючи,
Обѣдачикъ готуючи:
Горки жъ ты мой обѣдачикъ,
Безъ миленькаго обѣдаючи.

(Зап. учен. Витебской гимн. С. Яновскій).

449

(*Тамъ же*)

Ой бярезка, березка!
Ци ня трудненько жъ табѣ
Ў чистомъ полѣ стояци,
Къ цёмному лѣсу поглядаци?
Молодая ўдовенька!
Ци ня трудненько жъ табѣ
За лихова мужа жици,
А за добрымъ поглядаци?

(Зап. тотъ же).

450

(*Чашники*)

Вдова жалуется на свою участь.

Зялёная дубровенька
Не горицъ, тольки курица,
Молодая ўдовенька
Не живецъ, тольки журицца.
Кабъ мяне подпалили,
Лучше бы я загорѣлася,
Кабжа мнѣ добро было,
Жилабъ я не журилася.
За рѣчиньку, за быструю
Братъ сястрѣ уклоняецца,
Сястра къ брату листы пишецъ
Слёзками обливаецца:
Якóго табѣ, мой братецъ,
На чужбинѣ поживаецца?
Зовуцъ мяне на чужбинѣ
Пьяницей, заволокою.
Веляцъ же рѣчку плыцъ,
Тою рѣченьку глубокую.
Ци жь мнѣ яе пяреплысцъ,
Ци жь мнѣ яе перекинуци?
Видно мнѣ сироцѣ на чужбинѣ погинуци.

(Зап. мною.)

451

Бруяла пчалинка (2)
По щирамъ борамъ летая (2),
Салодкій медъ собирая,
А плакала ўдовушка (2)

По царему будуючи (2),
Горьки обѣдъ готуючи:
Горьки (2) мой обѣдъ
Безъ мила дружочка,
Сама сяду за столикомъ,
А дзѣци за столбикомъ,
Сама ѣмъ съ тарелочки,
А дзѣци съ черепочки.

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

452

(*Чашники*)

О вдовѣ, пустившей своихъ дѣтей на Дунай, какая-то легенда.

На горкѣ на горѣ,
На высокой на крутой,
Живець младая ўдова,
Чернобрива хороша.
Породзила двухъ сыноў,
Въ китаечку сповила,
На тихій Дунай знесла.
„Ахъ ты тихій мой Дунай,
„Колыши моихъ дзѣцей.
„Ахъ ты, горьки соловей,
„Не буди моихъ дзѣцей!
На одинадцатомъ году
Пошла ўдова по воду,
Одзинъ книжку читаець,
Други ўдовы пытаиць.
За одного сама пойду,
За другого дочь отдамъ..
Моя дочь Павочка (Павлина)
Различная кралечка.
Бодай маци пропала,
Брата съ сястрой звѣнчала.
А что цяперь за свѣтъ сталъ,
Что сынъ зъ маткой повѣнчанъ.
А Богъ же мяне сцерегъ,
Што съ сястрой спаць не легъ.

(Зап. мною.)

453

(*Тамъ же*)

Ай ў Тлуцку на рынку
Хвалилися два браццы (2)
Своей сястрой.
Ёсь у насъ сястрица (2)
За тридзевиць замками, (3)
За тримя сторожами.
Отозваўся поповичъ, (2)
Изъ-за мора раковичъ:
Ни хвалицися братцы
Ды вашей сястрой.
Я ў вашей сястры быў,
Три ночи начиваў,
Три вечери вячериў,
Три обѣды обѣдаў.
Братъ зъ братомъ раду браў:
Пойдземъ ў вишневы садъ
И звіёмъ вяночикъ.
Панясемъ къ сястрицы,
Кинимъ сястрѣ ў воконца,
Што намъ сястра промовиць?

Отозвалась сястрица:
Ня брюй, ня брюй попович,
Изъ-за мора раковичъ.
Ой братъ зъ братомъ раду браў: (2)
Возьмемъ мы востры мечъ (2)
Снимимъ сястрѣ головуньку зъ плечъ.
Ня сымицця ў субботу
А снимицця ў нядзѣлю,
Якъ дзѣвовьки зъ утрыни идуць,
Стары бабы зъ обѣдни,
Дзѣвонькамъ на покояння.
Ни ховайця ў косцёли,
Ў косцёли три сцяны,
А ховайця при дорози,
Идзѣ поповичь кони пасецъ,
Ёнъ жа мяне вспомянецъ,
И цяжинька ўздыхнецъ.

(Зап. тотъ же).

454

(*Тамъ же*)

Служиў Ванюша ў цара,
А выслужиў послуги.
Ахъ, ахъ, ахъ
Коня зъ сядломъ, (2)
И Натальюшку зъ вянцомъ (2),
Самъ поѣхаў на мора (2)
Ў кораблёхъ гандливаць,
Ў однымъ кораблю—
Чиста золата,
Ў другимъ кораблю —
Ванюша братицъ мой.
„Ты, Натальюшка сястра!
„Ци сама сюды пришла,
„Ци татары привяли?“
— Мяне мацъ пропила
— На салодкимъ мяду
— Данилушку купцу.
Пришоў Ванюша домоў
Да и къ матушки родной:
„Ахъ ты матушка родна!
„Дзѣ Натальюшка сястра?“
— Ты Ванюша, сынокъ мой,
— За тобой скора умерла.
„Ахъ ты матушка родна
„Дзѣ магила яе?
— Ты Ванюша, сынокъ мой, (2)
— Мураўкою заросла. (2) —
„Ахъ ты матушка родна! (2)
„Дзѣ мураўка тоя?“
— Ты Ванюша, сынокъ мой
— Короўшка ходзила,
— Мураўшку скусила.—
„Ахъ ты матушка родна!
„Ўсё ниправда твоя. (2)
„Ты Натальюшку сястру
„Прапила на мяду
„Ўсё Данилушку купцу.
„Было пиць, прогуляць,
„Мойго коня воронца, (2)
„Абы мяне молойца.
„Конь воронецъ ёнъ бы выслужиўся,
„Ябъ молодзецъ я бы выкупиўся
„Натальюшка сястра
„Ей ня выслужицца и ня выкупицца“.

(Зап. тотъ же).

455

(*Суражскаго у., м. Яновичи*)

Якъ на мори на подоли
Дзѣўка съ туркомъ ў карты грала,
До матули листъ писала:
„А ты моя матулинька
„Выкупъ мяне съ няволюшки,
„Съ цяжёлинькой работушки.“
Матка турку—сталёнъ городъ,
Турокъ городъ ни прiймаиць,
Дзѣўку съ замка ни пускаиць.
Якъ на мори на подоли и т. д.
До татули листъ писала:
„Ахъ ты мой татулинька
„Выкупъ мяне съ няволюшки,
„Съ цяжёлинькай работушки.“
Бацька турку—ворона коня;
Турокъ коня ни прiймаиць,
Дзѣўку съ замка ни пускаиць.
Якъ на мори на подоли и т. д.
До милого листъ писала:
„Ахъ ты мой милёшиньки,
„Выкупъ мяне съ няволюшки,
„Съ цяжёлинькой работушки.“
Милы турку—золотъ персцень,
Турокъ персцень прiймаиць
Дзѣўку съ замка выпускаиць.

(Зап. А. Журавскимъ.)

456

(*Чашники*)

Погнала дзяўчинка
Овечикъ ў поля,
Згубила дзяўчинка
Ягнятка малóго.
„Якъ пойду гукаючи,
„Ягнятыньку шукаючи,
„Тамъ ци ня найду?“
Ня знайшла дзяўчиночка.
Ягнятка маладóга,
Тольки знайшла дзяўчиночка,
Ксиндза маладога.
„Ци ня видзиў, мосци ксенжа,
„Ягнятка малóга?“
— Я ня видзиў дзяўчиночка
— Малога ягнёнка,
— А пойдземъ, дзяўчиненка,
— Ў долину шукаци,
— Пойдземъ мы, дзяўчиненка,
— Пойдземъ мы, рыбчиночка,
— Ў долину шукаци.—
Звёу ксендзъ дзяўчиночку
Зъ горы на долину:
— Люблю цябе, дзяўчиночка.
— Да вѣку ня кину. —
Пришла домоў дзяўчинка—
Да вѣку ня кину.
Пришла домоў дзяўчиночка,
Маць стала бици.
„Дзѣ цябѣ, шельма,
„По пустому ходзици?
— Матулинька, сярдулинька!
— Зла пригода стала,
— За горой зъ ксяндзомъ
— Худа погуляла.

(Зап. мною.)

Разгульныя пѣсни.

(Застольныя, припѣвки, плясовыя и шутливыя).

Застольныя.

(Поются за столомъ, на пирахъ, при попойкахъ,—дома и въ корчмѣ).

Въ слѣдующихъ 13 пѣсняхъ наглядно характеризуется пьянство обоихъ половъ въ средѣ бѣлорусскихъ крестьянъ, ихъ понятіе объ этомъ порокѣ и ихъ отношеніе къ корчмѣ,—безпощадное самообличеніе. Эти мотивы еще полнѣе и ярче выражаются въ *плясовыхъ* и *скоморошныхъ*.

457

(Лепельскаго у., с. Дубровки)

А ты жъ моя горэлочка!
Якъ я жъ цябе люблю!
А хто жъ цябе будзиць пици,
Якъ я млада помру?
Будуць пици и гуляци
Сосѣдочки мое,
Будуць яны ўспоминаци
Пивушачку мяне:
„А гдзѣ жъ тая пивушачка,
„Што зъ нами пила?
„А ўжо жъ тая пивушачка
„Ў зямлю схоронёна.
„А намъ молодымъ горэлочка
„Ни заборонена."
А какъ же жъ я, молодзенька,
Пивушачкой была,
Я жъ ба свою худобоньку
Ўсю за дзень пропила.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

458

(Тамъ же)

Чара моя ты, мѣдзяное дно!
Постаўлю посиродъ на столѣ,
Сама сяду за столомъ на куцѣ.
Ня одна я—ўся родзина моя,
Буду пиць ажъ до самого дня.

(Зап. тотъ же).

459

(Тамъ же)

Ай ня буду свойго мужа судзиць,
Што ёнъ мяне ня раненька будзиць.
А я й пойду на токъ молоцици,
А ёнъ пойдзиць ў корчомку пици;
А я приду зъ тока молоциўши,
А ёнъ прийдзиць зъ карчомочки пиўши;
А я яму обѣдаць готую,

А ёнъ мяне жўрицъ молодую;
А я яму кошуличку шыю,
А ёнъ мяне кудакомъ ў шыю.
А я яму посцелиньку сцялю,
А ёнъ мяне головой объ сцяну.

(Зап. тотъ же).

460

(*Витебскій у.*)

„Добрый вечеръ, хорошая моя!
„Чи здорова семеюшка твоя?“
— Ня пытай ты о семеюшкѣ моей,
— А пытай удалого молойца:
— Я яму рыбку съ перцемъ,
— Ёнъ мяне ўсѣмъ сердцемъ;
— Я яму кошулицу на шею,
— А ёнъ мяне ў шею.

(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ).

461

(*Чашники*)

А Божа мой, ня пи, ня пи,
Будзиць табѣ лѣпи, лѣпи.
А якъ будзишь упиванца,
Будзиць табѣ злѣ здаванца.

Моя мацъ доброхвоча—
Выпиць кварту да ящё хоча.
Мой бацька добры быў—
По три кварты ў дзень пиў,

(Зап. мною отъ Котковичовны).

462

(*Тамъ же*)

Пи, да ня лй,
Люби жонку да ня бій!
Коли будзишь мяне бицъ,
Я пойду ў коршму пицъ:

Побяру клубóчки,
Сяду для бочки.
А ты, мой миленьки,
Ходзи безъ сорочки.

(Зап. тотъ же).

463

(*Тамъ же*)

Гуляй, да гуляй, нагуляйся,
А пришоўши домоў, ошукайся,
Ни подушечки, ни дзярушечки,
А ни тэй рѣчи, съ кимъ спаць легчи.

(Зап. тотъ-же)

464.

(*Витебскій у., Старое Село*)

Якъ пошоў Апанасъ
По горэлочку дли насъ,
Зачапиўся за пень,
Простояў цѣлый дзень.
Жонка яго отпоила
И потылицу набила:
„Идзи, дурень, до дóму,
„Ни кажись ты ни кому“.

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи С. Станевскимъ).

465

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Добро тому, а хто ожаниўся,
А мнѣ лѣпи, што я й ни жаниўся.
Чужихъ мужоў жоны пьюць, гуляюць,
Гусарынька на ночь подморгаюць:
„Пріѣдзь, пріѣдзь гусаръ су поўночи.“
— А ци дома твоя худодоля? —
„Дома, дома и спаць ни ложиўся.“
— Пойду присплю яй дзиця малого,
— Пойду присплю яй чорта старого. —
Бутэличка къ рукамъ примирзаиць,
А чарочка къ вуснамъ пристываиць.

(Зап. Л. П. Скляренко).

466

(*Тамъ же*)

Ў мяне дома дзѣла много:
Ды три дзяжи расчиненныхъ,
А замѣсу—ни жменичка,
Троя красенъ основаныхъ,
Утку ў мяне—ни цѣвочки.
Добрыи мои сусѣдзички
Идуць, нясуць цо жменицдѣ,
Добрыи мои сусѣдзички
Идуць, нясуць по цѣвоцдѣ.

(Зап. тотъ же).

467

(*Борисовскій у.*)

Ой на горѣ ў тройку
Согнулася хвойка.
Разгулялась, распилась
Микиткова жонка.
Якъ пье, такъ пье, —
Дома не бывае,
Хто же ў яе молодой
Дзѣло поробляе?

474

(*Тамъ же*)

Ходзи дзѣўка чорнобрыўка
Смѣла ў скокъ!
Прищурися и возьмися
Смѣла ў бокъ!

(Зап. тотъ же.)

475

(*Тамъ же*)

На вулицы три курицы
И пявунъ,
Люби мяне чорноброва,—
Я жъ Наумъ!

(Зап. тотъ же).

476

(*Лепельскій у., с. Дубровки*)

А ня буду рѣдзьки сѣиць
Кажуць людзи—горка,
А ня буду жаницися,
Будзиць бици жонка.
А на што мнѣ жаницися,
А на што мнѣ жонка?
Ёсь ў мяне сусѣдочка,
Добра пріяцёлка.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

477

(*Тамъ же*)

А на горѣ жарави,
На долини гуси,
А ни ходзи, шельма, ты
До моей Маруси.
Я й нямножко походзиў—
Сорому набраўся.
Я й коника привязаў—
Коникъ оторваўся.

(Зап. тотъ же).

478

(*Борисовскій у.*)

Пошоў Янка ў грыбы,
А Тацяна ў опёнки,
Споткалися, обнялися
Якъ малы дзѣцёнки;
А за ними Хилимонъ
Гудзе якъ церкоўный звонъ.
Ай Боже жъ, мой Боже!
Якъ же жъ я окпиўся,
Якъ собака состарѣўся,
А доселѣ ня жениўся.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

479

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Ишоў жа я дорожкою,
Ды ў ямку ўпаў,
Любиў жа я хорошаю,
Ды поганку ўзяў.

Я ѣў жа я соломкою
Ды покопаўся,
А на гэту няго́дницу
Я поквапиўся.

И капуста моя,
И разсада моя,
Хорошая дзяўчининька
Ты досада моя.

(Зап. Л. П. Скляренко).

480

(*Чашники*)

Ци то ў дожжъ, ци ў погоду —
Веселъ иду на работу,
Жадна бѣда мнѣ ня скучицца,
Коли мяне зъ Гапкой злучицца.

(Зап. мною отъ М. Котькевичовны.)

Слѣдующія 6 пѣсень припѣваются къ 6 любимымъ танцамъ бѣлоруссовъ: *тоўкачики*, *мяцелица*, *подушечка*, *бычокъ*, *лявониха*. Описаніе большей части изъ нихъ можно найти въ ст. А. Киркора: „Этнограф. взглядъ на Виленскую губернію", помѣщ. въ Этнограф. Сборн. Импер. Рус. Геогр. Общ., выпускъ III, 1858. Первый же танецъ „тоўкачики" танцуютъ такъ: кладутъ крестъ-на́-крестъ два толкача, двѣ палки, или колышки, даже лучинки, смотря по обстоятельствамъ, что̀ окажется ближе подъ рукой и, подъ пѣніе: „гей, гей тоўкачики!" и т. д., стараются выдѣлывать ногами разные *па* въ углахъ креста, не задѣвая и не трогая съ мѣста палокъ. Для этого танца поютъ и: „магеръ, магеръ, магера!" (смотр. дѣтск.). И самый этотъ танецъ во многихъ мѣстахъ называется: *магерой*. Его охотно танцуютъ и дѣти.

481

(*Витебскаго у.*, *д. Вороново*)

Гэй, гэй тоўкачики!
Гэй, гэй дубовые!
На работы готовые.
Надо пана послухаци,
Тоўкачами постукаци.
Семъ лѣтъ валялися,
Покуль пану попалися.

(Зап. мною).

482

(*Тамъ же*)

„Мяцелица, мяцелица!
„Чаму дзѣўки ня целяцца?"
— А якъ жа намъ цялицьца?
— Будуць людзи дзивицися. —

(Зап. тотъ же).

483

(*Тамъ же*)

Ай на вулици мяцелица мяцець,
Подъ мяцелицей мой миленькій идзець,
Подъ полой стаканъ мёду нясець.
Ой ни рада я ни мёду, ни чаму,
Тольки рада я дружочку свойму.

(Зап. тотъ же).

484

(*Тамъ же*)

Подушечка, подушечка, ты жа пуховая,
Молодзичка, молодзичка, ты жа молодая.
Кого люблю, кого люблю, того поцалую,
Подушечка, подушечка—тому подарую.

(Зап. тотъ же).

485

(*Лепельскій у.*)

Жиў-быў ў дзѣдушки бѣленькій бычокъ.
Ай люли бычокъ, ай люли бычокъ! *)
Захоцѣлося бычочку погулящь на лужочку.
Ай люли, на лужочку.
Да й зловили бычочка злые жиды,
Да й зарѣзали бычочка злые жиды,
Да й продали бычочка добрымъ людзямъ,
Да й зъѣли бычочка добрые людзи,
Да й плакаў по бычочку дзѣдка старичокъ:
Да й пропаў же, пропаў мой бѣлый бычокъ,
Ай люли бычокъ, ай люли бычокъ!

(Зап. Н. А. Руберовскимъ).

486

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

А Лявониха, Лявониха моя!
А кабъ жа я Лявониху любиў,
Ябъ Лявониси катонку купиў.

Лявониха моя жонка была,
Нямитую рубашонку дала.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

---

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ вмѣстѣ съ послѣднимъ словомъ втораго стиха.

487

(*Чашники*)

Дзяўчининька серца моё!
Сподобаў я личка твоё,
Ня такъ личка, якъ вочиньки—
Ня спаў бы тры ночиньки.
Якъ я сяду дли цябе,
Мнѣ здаецца, што я ў неби.
Якъ я цябе поцалую,
Тры дни ў губахъ сахаръ чую,
(Зап. мною отъ Коткевичовны).

488

(*Тамъ же*)

Дзяўчининька ягóда,
Любиў цябе я два года,
Буду любиць хоць пяць,
Нихай людзи зъ насъ ня кпяць.
А дзѣвонька вишенька,
Будзиць табѣ лишенька,
Будзиць лиха и бида,
Няйдзи замужъ никогда.
(Зап. тотъ же.)

489

(*Тамъ же*)

„Дзяўчиночка люблю цябе,
„Ня ѣжъ хлѣба—возьму цябе.“
— Дзяўчиночка услыхала,
— Три дни хлѣба ня пытала. —
(Зап. тотъ же.)

490

(*Тамъ же*)

Коло рѣчки ходзила,
Ўловила лина
Ня зъ кѣмъ сѣсьци,
Лина зъѣсьци.
Бязсчастна годзина,
Ў кого малая родзина;
Ў кого чоренъ вусокъ—
Тому лина кусокъ,
Ў кого руда борода—
Тому подливка шкодà.
(Зап. тотъ же.)

491

(*Тамъ же*)

Придзи, придзи опонтанный,
Цяперь жа мой бацька пьяны.
Бацька пьяны, а маць ў мѣсци,
Придзи, придзи рыбки ѣсци.
(Зап. тотъ же.)

492

(*Витебскій у.*)

Панъ хорошенькій!
Твой станъ пригоженьки,
Тонокъ и высокъ,
Твой и чорненьки вусòкъ.
Чаму цябе ня любиць,
Коли ўмѣишь голубиць?
(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ.)

493

(*Тамъ же*)

Подъ круцинькомъ бережкомъ
Ѣла рыба краску;
Поцирала дзяўчоночка
Молойчика ласку.
Што за ласка была!
Што за ўцѣха была!
Самъ бялявы
Вусъ кудрявы,—
Я якъ ягода цвѣла.

(Зап. тотъ же.)

494

(*Чашники*)

Дрень, дрень—ня курчаты,
Сыплю крупы—ня бяруць.
Дурни, дурни, ня молойцы,
Мнѣ спокою ня даюць.

(Зап. мною отъ Коткевичовны.)

495

(*Тамъ же*)

Што за госць, што за госць,
Што по ночи ходзишь!
Мяне молоду якъ ягоду
Зъ разуму зводзишь.
А ня ходзи по ночй,
Придзи, якъ ўстану.
А я добраго лица
И хорошаго стану.
А ня ходзи по грязй:
По колѣни увязнишь;
А ци возьмишь, ци ня возьмишь,
Мяне тольки дразнишь.

(Зап. тотъ же.)

496

(*Тамъ же*)

Якъ я была мала,
Колыхала мяне мама,
Якъ я стала подростаць,
Стали хлопцы колыхаць.
Колыхали мяне хлопцы,
То ў лукошки, то ў коробцѣ.

(Зап. тотъ же.)

497

(*Тамъ же*)

Ў городзи рѣпка—
Больша нацынка,
Нихто замужъ ня бярець,
Што я сироцинька.
А хто мяне возьмицъ
Богу руки ўзоймець
Чатыры подушки,
Исподничка ў кружки,
И кубелъ бялизны,
И цицки вялизны.

(Зап. тотъ же.)

498

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Пойду я кароў доиць,
За мною Давыдъ бяжиць.
Я яго доёнкою,
Ёнъ мяне валёнкою.
Кабъ цябе кадукъ порваў,
Якъ ты мой хвартукъ подраў.
Гэтожъ мнѣ татусь купиў,
Кабъ мяне Пятрусь любиў,
Маци шнуроўку купила,
Кабъ мяне шляхта любила.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

499

(*Витебскій у.*)

Запашу я лёнъ, лёнъ,
А ўродзицца конопелька,
Прилетали пташки,
А ўсё вирабейки.
А одному вирабью
Коломъ ногу пирабью,
А на ту ножку
Вывяжу панчошку,
А на тое цѣльце
Вытку полоценца.

(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ).

500

(*Чашники*)

Кацилися колы зъ горы
А ў долины стали.
Любилися, кохалися
А ўже пирастали.
Дайця воды напицися,
Ци ня будзимъ любицися?

(Запис. мною отъ М. Коткевичовны.)

501

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Кацилися цялежиньки
Ды ў долини стали,
Любилися, кохалися
Ды ўжо [illegible]растали.
Любилися, кохалися
Якъ ластоўки ў стрѣси,
Разойшлися, раскацились
Якъ ягодки ў лѣси.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

502

(*Витебскаго у., Старое Село*)

Настушка, Настушка попова!
Што робила Настушка?—Полола.
Полола я моркоўку, пустарнакъ,
Забила я ножухну за буракъ.
Ищице мнѣ дохтура казака:
Ня вылѣчиць ноженьки зъ бурака.

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи С. Станевскимъ.)

503

(*Лепельскій у.*)

Жаль коваля,
Нядоля моя!
Наковаў лимашоў,
А самъ къ чорту пошоў.

(Зап. мною)

504

(*Витебскій у.*)

Дочушка моя Марья!
Ты вчера была
Якъ рожа цвила,
А сягодня стала
Якъ мята свяла.

(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ.)

505

(*Чашники*)

Никому такъ ня ўдалося
Якъ мнѣ бѣдной сироцѣ:
Зъѣла курку зъ ножачками,
Трапечицца ў живоцѣ.

(Зап. мною.)

506

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Ў горо́дзи на лясѣ
Два качаны ўюцца,
А за мяне молодў
Два молойца бьюцца.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

507

(*Борисовскій у.*)

На вулицѣ курта бреше,
А до мяне милый чеше.
Ой чи чеше, чи не чеше,
Да не даромъ курта бреше.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ).

508

„Кацярина, Кацяринушка!
„А гдзѣ твоя живоцинушка?"
— Коровухны коло ровухны,
— А свинухна коло нивухны,
— А козыньки коло лозыхны,
— А овеченьки коло рѣченьки.—

509

(*Витебскаго у., Старое Село*)

Ци вѣдаишь, Марья,
Свое горевання?
Сама идзешь пяшкомъ,
А воду нясешь горшкомъ.
Горшокъ разобьецца,
Вода разольецца,
Тогды твоя головонька
Бяды набярецца.

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи С. Станевскимъ.)

510

(*Тамъ-же*)

„Чирвоная рожа,
„Боишься ли морозоў?“
— Я морозу ня боюся,
— Подъ снѣгъ подсцялюся.—
„Молода дзѣвынька
„Боишься ли свекратки?“
— Я свекратки ня боюсь,
— Низко въ ноги поклонюсь.—

(Зап. тотъ-же).

511

(*Тамъ-же*)

Ай чужъ мнѣ мужъ
Ни нажицьца зъ имъ,
А свой постылъ
Волочицьца зъ имъ.
Чужу мужу—поросяцинька,
Свойму мужу—пирасадынка.

(Зап. тотъ-же).

512

(*Тамъ-же*)

Было ў мяне 70 поросятъ,
А ўсё ў мяне чужи мужъ пираѣў;
Чужу мужу—поросяцинька,
Свойму мужу—коцяцинька.

(Зап. тотъ-же).

513

На бокъ хлопцы, на бокъ ўсѣ,
Бо чортъ мужа принясе.
Якъ увидзиць мяне зъ вами,
Красивыми молойцами,
Яго трасца затрасе
Якъ осиновы листокъ,
А я зъ вами погуляю
Хоць малюсиньки часокъ.

514

(*Витебскій у.*)

Я на рынку была,
Я горэлку пила,
Я разсадки купила,
Семъ градъ насадзила.
Якъ удаўся качанъ:
Ёнъ на ноги высокъ,
И на лисццѣ широкъ,
Жоўты боты на ногахъ,
Бараслеты на рукахъ,
Шапка—магерка,
Поясъ—цясемка.

(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовнмъ.)

515

(*Витебскаго у., Старое Село*)

Василиха Василя
Полойникомъ зацила.
Василь пошоў плача,
Василиха скача.

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи С. Станевскимъ.)

516

(*Тамъ-же*)

Якъ я была молода,
Дыкъ я была рѣзва:
Чиразъ плотъ ў городъ
Сама пиралѣзла.

(Зап. тотъ же.)

517

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

По вулицы питушокъ:
Ды кудахъ, ды кудахъ!
Пытаицца ў курицы:
Ды ци такъ, ды ци такъ?
Коли ў цябе, жонка,
Ды питухъ пропадзець,
Тогды табѣ, жонка,
Ў ноци ни сядзѣць,
Коли ў цябе, жонка,
Ды питухъ здохниць,
Тогды табѣ, жонка,
Галова опохниць.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

518

(*Тамъ-же*)

По дорозѣ жукъ, жукъ, по дорозѣ чорный,
Ды ёнъ рыиць норки а до чужой жонки,
А чужая жонка якъ осина горка,
Своя молодзенька якъ мёдъ солодзенька.

(Зап. тотъ же).

519

(*Чашники*)

И я братъ, и ты братъ—будзимъ жонки миняць:
Моя тонка, высока—пираломицца,
Твоя груба, косовока—да работница.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

520

(*Тамъ же*)

Чія хата на горѣ?
Ци ня тещи мое?
Нихай ее парунъ спалиць
Зъ дочушкой ее.
Чія хата на горѣ
Ци ня свекра мойго?
Нихай яго парунъ спалиць
Ды съ сыночкомъ яго.

(Зап. тотъ-же).

521

(*Тамъ-же*)

Тоя время становицца—
Жана мужа ня боицца.
Якъ мужъ жану ударицъ,
Яго черци задавюць.

(Зап. тотъ-же).

522

(*Лепельскій у.*)

Побилася шеўчиха съ шеўцомъ,
Ды й выбила три зубы чапцомъ.
Это табѣ шеўчику за тоя,
Ня сучи дратоўки ў троя,
Бо ня будзиць боли муки,
Якъ попасцца шеўцу ў руки:
Шиломъ колиць, дратвой вяжиць,
До поўночи спаць ня лажиць.

(Сообщ. мир. поср. М. Ѳ. Созоновымъ).

523

(*Чашники*)

Ковалишенька,
Моя вишенька!
Ци ня чортъ цябе нёсъ
На дыравый мостъ?
— Мяне ковали вяли,
—Три денежки дали.—

(Зап. мною отъ Коткевичовны).

524

(*Тамъ же*)

Чачу, чачу, чачу,
За поповича хочу.
За якого за поповича?
За Романывича.
А въ Романовича
Трое кони вороныхъ,
Трое шлеўцёў золотыхъ,
Якъ ўсядуся жъ я,
Якъ поѣду жъ я
На Соломкинъ дворъ.
Тамъ бьюцца, дзяруцца:
Комаръ пищиць,
Муха балбачиць,
Блины волочиць.
А Хилимонъ водоносъ
Наругаицца.
Подъ колодой вода
Собираицца.

(Зап. тотъ же.)

Плясовыя.

525

(Витебскаго у., д. Васьковичи)

Брови мои чорненькіи,
Бида мнѣ зъ вами!
Нельзя выйциць на вулицу
За злыми врагами.
Ўси враги спаць полягуць,
А я погуляю,
Якъ бѣлая лябедочка
По цихимъ Дунаю.
Лябедочка стряпенулась,
Дунай сколыхнуўся.
Сходзилися тучки ў кучки,
Ўси хмарочки грозно.
Пріѣдзь, пріѣдзь, мой миленькій,
Ни рано, ни позно;
Ни раненько, ни позненько
Ко мнѣ на вячѣру.
Я милаго дожидала,
Столы засцилала,
Два кубочка серебраныхъ,
Виномъ наливала.
Не съ кѣмъ сѣсци, вина пици,
Рѣчи говорици.
Посцель бѣла, сцяна нѣма,
Не съ кѣмъ говорици.
Не рубаць было, мой миленьки,
Зяленаго гаю,
Не браць было, мой миленьки,
Мяне съ чужаго краю.
Не рваць было, мой миленьки,
Пахучую мяту,
Не браць было, мой миленьки,
Што я не богата.
Не рваць было, мой миленьки,
Червоную рожу,
Не браць было, мой миленьки,
Што я не пригожа.
Не рваць было, мой миленьки,
Ў горо́дзѣ тычки,
Не браць было, мой миленьки,
Што я ня величка.

(Зап. В. И. Безперчій.)

526

Люлька моя червоная!
Я ўчора курила,
Положила на полйцу,
Курица звалила.
Звалилася, разбилася,
Не во што курици.
Треба ѣхаць до Кіева
Люлечку купици.
Стоиць люлька на дорозѣ,
Не съ кѣмъ торговаци,
А тамочки три паночки,
Яны тамъ стояли.
Яны мнѣ молодому
Люльку сторговали:
За люлечку копѣечку,
А за цыбушо́къ—грошъ.
Кури, кури, мой милёньки,
Кури, не закурайся!
Про мяне, молодую,
Ты не забывайся.

Якъ засѣў до дзѣвочекъ
Люлечку курицъ,
Собирались мужики,
Хоцѣли набицъ.
А я добрый хлопецъ быў,
Што я догадаўся:
Якъ ўдариў палкой,
Я ня испугаўся,
Я ўскочиў на порóжекъ
И ў бóки ўперся
Поглядзице, красны дзѣўки,
Яки я высоки,
Ня глядзице красны дѣўки,
Што я оборваўся.
Мой бацька таки быў,
И я ў яго ўдаўся,
Мойго бацьку повѣсили,
А я оторваўся.

(Зап. мною отъ бывшей дворовой.)

527

(*Витебскаю у., д. Васьковичи*)

Ня сидзи для мяне
Да ни братовайся,
За рученьки не дзержи
Да не радовайся.
Якъ увидзицъ матуленька,
Што ты мяне дрáзнишь,
Отойшоўши отъ мяне
Червонами бразнишь.
Чернобрывая сукá!
Обманила дзѣцюка,
Обманила такóго,
Што ня ймѣицъ ничóго.
Тольки куртка да жупанъ,
А я думала, што панъ.
А дли боку густо,
А ў карманъ пусто.
Тольки тыи шаровары,
Што дзѣвчонки дарували.

(Зап. В. И. Безперчій.)

528

(*Лепельскаю у., Смолянецкая в.*)

Якъ пошоў жа нашъ коваль, нашъ коваль,
Съ ковалихою на балъ, да й на балъ;
Да марудна жъ ёнъ идзе, ёнъ идзе,
Да й дорожки не найдзе, не найдзе.
Ня пошоў жа тамъ идзѣ бродъ, идзѣ бродъ,
Да полѣзъ ёнъ тамъ идзѣ ледъ, идзѣ ледъ.
Ёнъ ня бордзы на ходу, на ходу,
Зморозиў яе на ляду, на ляду.
Богдай того коваля, коваля,

Мяцелица замела, замела,
Што ёнъ яе молоду, молоду
Да зморозиў на ляду, на ляду.

(Сообщ. миров. посредникомъ М. Ѳ. Сазоновымъ.)

529

(*Витебская г.*)

Якъ пойду я по-за Дунаўю,
Я сама сабѣ подумаю:
Што короўки ня дóины,
Што цилятки ня пóины.
Якъ вярнуся я зъ - за Дунаўя,
Я сама сабѣ подумаю,
И коровокъ подою,
И цилятокъ напою.
Я молода догадалася,
А кудзелька заваляхлася,
Нихай яе медзвѣдзь прадзець,
А я буду ў корчмѣ сядзець.

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи Вл. Новицкимъ.)

530

(*Городокскій у.*)

Ўси мужи добры,
Покупали жанамъ бобры.
А мой мужичокъ дурачокъ
Купиў мнѣ коровушку
На мою буйную головушку.
Мнѣ короўки доиць ня хочецца
И доеночки мыць ня можецца.
Якъ погонимъ мы коровушку на росў.
А гдзѣ браўся мядзвѣдзь на лясу,
А мядзвѣдзюшка бацюшка!
Да заби мою коровушку,
Обузволь мою буйну головушку.
Я короўку доиць ня буду
И доеночку да мыць ня буду.

(Сообщ. штатнымъ смотрителемъ М. П. Сахаровымъ.)

531

(Чашники)

Мой мужъ ня дужъ
Ляжиць ў запечку.
Вохъ! крохъ! кабы здохъ,
Поставила бъ свѣчку!
Жпў-быў—ня любила,
И умеръ—ня тужила.
И на лаўцѣ ляжиць,
Я ня буду тужиць.
Тогды троху потужу,
Якъ ў труну ўложу.
Я руками прокопала,
Я ногами протоптала,
Нациснула каменёмъ,
Сама пошла ходунёмъ,
Зъ лозы лыка заломала,
Волкомъ выци загадала.
Волки выли, голосили,
Жиды жалобы носили.
(Зап. мною отъ М. Котковичовны).

532

(Борисовскій у.)

Жиў-быў—ня тужила,
Померъ—ня тужила.
Ёнъ на лаўцѣ ляжиць,
Я ня думаю тужиць.
Чиразъ яму, яму, яму,
На другую гляну, гляну, гляну;
И кивну и моргну
И до сердца пригарну.
(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

533

(Витебскій у.)

Казали мой мужъ
Ня пьяница:
Пропиў коничка
Съ оброточкой,
Пришёўши домоў
Жану набиў.
Возьми трубочку
Съ обметочкой,
Выкупи коня
Съ оброточкой.
Коли выкупишь—
Люблю цябе,
Коли ня выкупишь—
Набью цябе.
А мнѣ ня первы разъ
Въ оконце ўскакаць,
Подъ стрѣшенькой ночевадь,
Зъ виробейками щекотаць.
Виробейки—чачу, чачу!
А я молода плачу, плачу.
Виробейки съ охвотушки,
А я молода зъ няволюшки.
(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ.)

534

(*Борисовскій у.*)

Чи я ў лузѣ ня калина,
Чи я ў матки ня дзѣўчина?
Коску мою зцерли, зняли,
За нялюбаго оддали.
„Мужу мой, негодзяю,
„Пусць на вулку, погуляю."
— Коли я ў це негодзяю,
— Одъ няволи сядзи дома, ня пущаю.—
„Мужу мой, коханочекъ,
„Пусць на вулку на таночекъ!"
— Коли я ў це коханочекъ,
— Машь червонецъ на таночекъ, бо такъ треба.—

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

535

(*Тамъ же*)

Помри, помри старый!
За молодого выйду,
Лѣпшу долю знайду.
Померъ, померъ старый,
За молодого пошла,
Горшу долю знайшла.
По могилѣ хóдзиць,
Стараго бýдзиць:
Ўстань, старый, ўстань!
Обачь мойго цѣла.
Да вже жъ мое цѣло
Кровью накипѣло.
Якъ была я за тобою—
Ѣла обаранки,
А якъ вышла за младого—
Чорные нагайки.

(Зап. тѣмъ же.)

536

(*Чашники*)

Чаберъ, чаберъ на полицы,
Што за красныя дзѣвицы?
Чаю, чаю, чернобровка.
Чiимъ личикомъ бѣленька,
Чiимъ станомъ пригоженька.
Пѣець пташечка ў саду,
Я и послухаю пойду,
Пѣець маленьки шпачёкъ,

Васелицца мужичокъ:
Я й до коникоў конюхъ,
Я й до стадочекъ настухъ,
Я й до уточекъ стрѣлецъ,
Я й до дзѣвочекъ молодзецъ.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

537

(*Борисовскій у.*)

И магерка трасецца,
Просто ў корчму нясецца.
Видзишь, пане, якъ горую:
Зъ одной корчмы да й ў другую!
И при боку калита
Полна грошей набита.
Видзишь, пане, якъ горую:
Зъ одной корчмы да й ў другую!
Сорокоўка, пятьдзесятка,
Золотоўка и дзесятка,
Гейце дробныхъ трохи маю,
Пойду и тые прогуляю.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

538

(*Тамъ же*)

Ой заѣхаў я ў корчомку
Люльку запалици,
Здерли зъ мяне кожушенку
Да й хоцѣли бици.
Во заѣхаў до другой,
Показали сѣсци,
Поставили бараболю
Съ шалупайми ѣсци.
Я на тую бараболю
Скриво поглядаю,
На полицы вареницы
Я надзѣю маю;
А поѣўши вареники,
Вареники, вареницы,
Повернуў маркоточку
Въ сѣняхъ на полицы.
Бывай, бывай здрава,
Моя мила Насця,
Кабъ ня мяне молодого
Не было напасци.

(Зап. тотъ же.)

539

(*Тамъ-же*)

Ой поѣхаў Хилимонъ
Рано поле ораци,
А забыўся Хилимонъ
Хлѣба-соли взяци.
Ой чужіи жонки
Обѣдаць нясуць,
А моей же жъ жонки
Ня видаць, ня чуць.
Якъ я тольки на порогъ
Моя жонка цупъ до ногъ:

А мой же ты милый!
Да ня бей же жъ мяне.
Я ў бесѣдзѣ была,
Я горѣлку пила,
Одну румку за цябе,
А другую за сябе.
(Зап. тотъ же.)

Скоморошнія (юмористическія).

540

(*Лепельскаю у., с. Дубровки*)

А пиў я понядзѣлокъ,
Пропиў я мошну дзенегъ
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў жа я оўторокъ,
Пропиў я волоў сорокъ,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў жа я сраду,
Пропиў я чёреду,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў жа я ў чецвергъ,
Пропиў жа вола чецьверць,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў я и пятницу,
Пропиў и остатницу,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў жа я суботу,
Пропиў ўсю работу,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
Ахъ пиў жа я ў нядзѣлю.
Пропиў ўсю надзѣю,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
(Зап. Л. П. Скляренко.)

541

(*Оршанскій у.*)

Пропиў мужикъ жирабцà
Мужикова жонка—
Кобылу жирабёнка.
Ци ня досець ўжо намъ пиць?
Ци ня досець ўжо намъ гуляць?
Пойдземъ домоў покаимся,
Пойдземъ домоў пораимся:
Ци нима чаго пропиць?
Ци нима чаго прогулять?
Пропиў мужикъ вола,

Мужикова жонка—
Кобылу и цяленка,
Ци на досець и т. д.
Пропиў мужикъ козла,
Мужикова жонка—
Козла и козленка
Ци ня досець... и т. д.
Пропиў мужикъ порсюка,
Мужикова жонка—
Свинню поросенка.
Ци ня досець... и т. д.
Пропиў мужикъ барана,
Мужикова жонка—
Оўцу и ягненка.
Ци ня досыць... и т. д.
Пропиў мужикъ гусака́,
Мужикова жонка—.
Гусыню и гусёнка.
Ци ня досыць... и т. д.
Пропиў мужикъ индыка̀,
Мужикова жонка—
Индыка и индычёнка.
Ци ня досыць... и т. д.
Пропиў мужикъ силезня,
Мужикова жонка—
Вутку и вучёнка.
Ци ня досыць... и т. д
Пропиў мужикъ питуха,
Мужикова жонка—
Курицу и писклёнка.
Ци ня досыць... и т. д.
Пропиў мужикъ собаку,
Мужикова жонка—
Сучку и щаненка.
Ци ня досыць... и т. д.
Пропиў мужикъ ситы,
Пропиў и рашоты
И ўси свои заботы,
Мужикова жонка—
Миски и латушки
И ўси хлопотушки.
Ци ня досыць... и т. д.
Пропиў мужикъ чапялу́,
Пропиў сковародзёнку,
Мужикова жонка—
Лапци и оборы
И ўси свои заборы.

(Зап. г-жею Лубою.)

542

(*Чашники*)

Пили, пили ў панядзѣлокъ,
А пропили сорокъ дзѣвокъ.
Пили, пили ў оўторокъ,
А пропили жонокъ сорокъ.
Пили, пили ў се́реду,
А пропили ўсё че́реду.
Пили, пили у чатвергъ,
А такъ помню якъ цяперъ.
Пили, пили ў пятницу,
А пропили остатницу.
Пили, пили ў субботу,
А пропили ўсю работу.
Пили, пили ў нядзѣлю,
А пропили ўсю надзѣю.

(Зап. мною).

543

(*Тамъ же*)

Ишоў Тодоръ зъ Тодорою,
Нашли лапоць зъ оборою:
А ты Тодоръ, я Тодора,
Табѣ лапоць, а мнѣ обора.
Ишоў пастухъ зъ пастушкою,
Знайшли коснікъ зъ истушкою:
А ты пастухъ, я пастушка,
Табѣ косникъ, а мнѣ истушка.
Ишоў панычъ зъ паненкою,
Знайшли мыску зъ тарелкою:
Ты панычъ, я паненка,
Табѣ мыска, а мнѣ тарелка.
Ишоў Сашка зъ Пашкою,
Знайшли мыску зъ кашкою:
Ты Сашка, я Пашка,
Табѣ мыска, а мнѣ кашка.
Ишоў мужъ зъ жаною,
Знайшли мѣхъ съ пшаною:
Ты мой мужъ, а я жана,
Табѣ мѣхъ, а мнѣ пшана.
Ишоў попъ съ дзячихой,
Знайшли мѣхъ съ гречихой:
Ты попъ, я дзячиха,
Табѣ мѣхъ, а мнѣ гречиха.

(Зап. тотъ-же).

544

(*Борисовскій у.*)

Ѣхаў ляшекъ морковяный,
Коникъ бураковый,
На нимъ шапка зъ пустарнаку,
Жупанъ лопуховый,
Чебоцяты зъ рѣпы,
А шпоры зъ фасоли.
Пистолеты зъ качана,
Кули зъ бараболи.
Обступили ляха свинни,
Зачаў ляхъ стрѣляци.
Свинни кули похопали,
Нечѣмъ воеваци.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

545

(*Чашники*)

Мой милиньки захворѣў,
Ёнъ кисялю захоцѣў.
Ахъ маци кисель,
Государиня кисель! *)
Якъ пойду я по сялу
Достоваць кисялю,
А достала оўсу.
Якъ пошла я молоць
Ў лубяные жароны,
Змолола я муку —

---

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

И тонюсинька и мякусинька.
Ўчинила я кисель
Ў новымъ большимъ горшку,
Поставила я кисель
Ў добрымъ мѣсци подъ столомъ.
Эй, кисни кисель,
Поўтораста надзѣль!

Ужо кисель кисниць,
А милóга чортъ цисниць.
Ящё кисель ня зварйуся,
А милы мой ужё скончиўся.
Сховаю яго подъ жорнàми
И накрыю яго дзвирами.

(Записано мною).

Свадебный обрядъ и пѣсни въ Витебскомъ (б. Суражскомъ) уѣздѣ.

Священникъ о. Шаровскій сообщилъ намъ изъ церковной лѣтописи заштатнаго города Суража слѣдующія свѣдѣнія о свадебномъ обрядѣ:

„Если свадьба совершается по обоюдному согласію съ сыномъ родителей, тогда относительно выбора невѣсты исполняются разнаго рода мѣстныя обыкновенія и условія. Еще заблаговременно родители просятъ своихъ знакомыхъ сватать или „раиць“ имъ хорошую трудолюбивую дѣвицу. Прежде всего бываютъ: „допытки“, „запойны“. Это обыкновенно бываетъ такъ: ближайшіе родственники жениха, которые поопытнѣе и умѣютъ говорить побойчѣе, отправляются къ намѣченной невѣстѣ въ „сваты“, съ цѣлью въ точности узнать, согласны ли родители невѣсты выдать свою дочь за предлагаемаго ими жениха и желаетъ ли невѣста выйти за него? Взявши небольшую булку хлѣба фунта въ 2—3 и нѣсколько бутылокъ пива, сваты отправляются къ родителямъ невѣсты. Пришедши туда, они начинаютъ вести рѣчь обиняками, загадочно, въ родѣ слѣдующаго: „что вотъ, молъ, у нихъ есть гусакъ, а нѣтъ гуски может быть—послѣдняя найдется здѣсь; въ такомъ случаѣ нельзя ли будетъ ихъ соединить въ одну пару“? Или же: „не прибилась ли къ нимъ ихняя уточка или овечка?“ Сватовъ упрашиваютъ сѣсть. „Спасибо, говорятъ они: сидѣли, ничего не высидѣли, а чтó будетъ, если еще сидѣть будемъ?“ Этимъ сваты намекаютъ невѣстамъ, чтобы онѣ не засиживались дома въ дѣвушкахъ. Въ дру-

гихъ мѣстахъ сваты не входятъ прямо въ домъ невѣсты, а являются подъ окошко въ видѣ „подорожныхъ“ и просятся на ночь. Домашніе невѣсты конечно понимаютъ въ чемъ дѣло; сначала немного торгуются, отнѣкиваются, говорятъ, что мѣста нѣтъ, и потомъ все-таки соглашаются пустить прохожихъ въ домъ. Тамъ съ согласія хозяевъ они располагаются обыкновенно возлѣ стола и сейчасъ начинаютъ вести рѣчь. Одинъ изъ нихъ половчѣе говоритъ, что они „купцы“ и слышали, якобы въ этомъ домѣ хорошій „товаръ“, почему и зашли посмотрѣть его и купить. Въ концѣ концовъ купцы эти, въ поясненіе своей рѣчи, прибавляютъ: „у васъ есть молодая, а у насъ молодой, мы хочемъ, чтобы была одна пара“. Если родители соглашаются, то начинается малое угощеніе: пьютъ первую горѣлку. Этимъ и оканчивается собственно: „добытіе“, „запоины“. Когда родители невѣсты дадутъ окончательно свое согласіе, тогда въ первое воскресенье отецъ жениха спѣшитъ ѣхать въ церковь „на первую заповѣдь (оглашеніе)“. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ къ запоинамъ приготовляютъ нарочно калачи, — небольшія въ два-три фунта булки хлѣба. Во время печенія этихъ калачей стараются предугадать будущее счастіе жениха по слѣдующимъ примѣтамъ: одну изъ сырыхъ еще булокъ называютъ именемъ жениха. Если въ печи калачь Степана или Ивана потрескается, значитъ и счастье жениха будетъ непрочно, непостоянно. Въ противномъ случаѣ, можно быть спокойнымъ относительно его будущности. Въ настоящее же время *) большею частію дѣлаютъ такъ: сватъ съ женихомъ входятъ въ домъ невѣсты, крестятся къ иконамъ, „здравствуются“ и говорятъ: „мы гости присланы, чтобы столы были застланы“. Хозяева отвѣчаютъ: „а мы гостей принимаемъ и столъ застилаемъ“. Наконецъ садятся невѣста около жениха и продолжается угощеніе. По окончаніи всего, гости встаютъ, благодарятъ Бога, хозяевъ и расходятся. Невѣста беретъ одну изъ бутылокъ, въ которой женихъ приносилъ водку, насыпаетъ ее сполна рожью, обвиваетъ ее утиральникомъ, краснымъ поясомъ и подаетъ свату или дружку жениха. Этимъ она заявляетъ свою любовь и жениху и гостямъ и желаніе, чтобы у нихъ всего было полно, въ изобиліи. Женщины при этомъ поютъ: „Солнышко за-

*) Писано въ 1868 г.

хмару заходить, молодая N молодаго приводить". Женихъ приэтомъ даритъ невѣсту деньгами.

„Наканунѣ свадьбы обыкновенно бываетъ „сборный вечеръ". Это уже, какъ выражаются крестьяне, начало „веселля". Къ этому времени родители, еще дня за два, посылаютъ просить на свадьбу своихъ пріятелей. Посланное лицо обыкновенно приходитъ въ знакомый домъ и говоритъ: „Прошу на веселле, просиў Иванька N бацько, маци и я прошу. Прошу на хлѣбъ на соль, на што Богъ даў." Сама невѣста въ это время тоже не сидитъ дома. Она ходитъ по всѣмъ домамъ родныхъ, сосѣдей, знакомыхъ. Войдя въ домъ, она кланяется хозяину, хозяйкѣ и, если эти послѣдніе уже почтенныхъ лѣтъ, то цѣлуетъ у нихъ руки. Тотъ, кому она кланяется, долженъ перекрестить ее, приговаривая: „дай Богъ счастливо"; старики говорятъ такъ: „нехай цябе, дзѣтка, Богъ благословиць". Въ сборную субботу вечеромъ въ домѣ невѣсты ставится посреди хаты столъ, накрытый скатертью, на немъ ставятъ кушанья, водку, пиво. Прежде всего собираются къ невѣстѣ званыя дѣвушки, потомъ сосѣди, знакомые и родственники. Женихъ съ своей „дружиной" обыкновенно не спѣшитъ своимъ пріѣздомъ. Дѣвицы вьютъ вѣнки и поютъ пѣсни. Наконецъ пріѣзжаетъ и женихъ въ сопровожденіи своего отца, дружка, маршалка и другихъ. Его встрѣчаютъ съ почетомъ. Онъ не входитъ въ общую комнату, но останавливается на нѣкоторое время въ сѣняхъ. „Маршалокъ" подаетъ подарки невѣстѣ, и вводитъ жениха въ хату. Невѣста дѣлаетъ глубокій поклонъ отцу жениха и принимаетъ подарки. Жениху пришпиливаютъ къ шапкѣ вѣнокъ изъ руты или изъ лентъ, за что онъ дѣлаетъ поклонъ родителямъ невѣсты и свахѣ. По окончаніи этой церемоніи начинается другая. Прежде чѣмъ усядутся за столъ, молодые должны еще обойти кругомъ его. Жениху нужно взять невѣсту, но ее окружаютъ дружки, боярки и не пускаютъ. Женихъ выкупаетъ у дружекъ невѣсту, оставляя имъ по нѣскольку копѣекъ. Тогда оба маршалки (жениха и невѣсты) подаютъ молодымъ два бѣлыхъ платка, за концы которыхъ берутся женихъ съ невѣстой и обходятъ три раза кругомъ стола. За каждымъ обходомъ кланяются всему роду и получаютъ благословеніе. При этомъ играетъ музыка и поютъ свадебныя пѣсни. Совершивъ обхожденіе,

маршалокъ указываетъ молодымъ первыя мѣста и самъ садится съ ними. Угощеніе продолжается до полуночи. Зная, что молодой четѣ еще нужно приготовляться къ вѣнцу, маршалокъ молодаго встаетъ изъ за стола и говоритъ: „дзянькуемъ отцу, матери сватови и сватовѣ же всѣ пожитки", и съ женихомъ отправляется домой.

„Настаетъ воскресенье — день бракосочетанія. Передъ этимъ начинается еще довольно сложный обрядъ печенія коровая. Коровай мѣсятъ, пекутъ, выносятъ въ гумно и опять вносятъ въ домъ и у жениха и невѣсты, съ пѣснями и музыкою. Мать невѣсты въ полушубкѣ, вывороченномъ вверхъ шерстью, съ хлѣбомъ, солью и водкой встрѣчаетъ его; выпивъ сама немного, подаетъ рюмку жениху, который выливаетъ ее за себя, а другую или третью выпиваетъ. Это называется „перепой". Братъ или близкій родственникъ разчесываетъ невѣстѣ косу, которую замужняя родственница обыкновенно поджигаетъ двумя свѣчами на крестъ сложенными. Послѣ этой церемоніи она кладетъ невѣстѣ на голову наметку. Тутъ пойдутъ подарки невѣстѣ: кто даритъ деньги, кто скотъ. Староста громко провозглашаетъ все, что кто подарилъ, прибавляя всякій разъ: „молодому князю и молодой княгинѣ". Во время этой церемоніи свахи поютъ: „остань же, роде богатый, даруй же станокъ рогатый. А вы, мѣщаночки, даруйця суконочки". Затѣмъ подаютъ ужинъ для дружины жениха, который сидитъ рядомъ съ невѣстой и ѣстъ съ нею одною ложкою. Послѣ ужина поютъ прощальныя пѣсни. Невѣста прощается съ родителями и подругами. Женихъ беретъ ее уже въ свой домъ. Во время отъѣзда поютъ дружки и коровайницы, а дорогой поютъ сваты. При домѣ жениха у воротъ разводятъ огонь, чрезъ который женихъ съ невѣстой должны переѣхать. Мать жениха, какъ прежде мать невѣсты, встрѣчаетъ ихъ въ вывороченномъ полушубкѣ съ хлѣбомъ, солью, съ водкой и съ мёдомъ. Вся дружина входитъ въ хату, садится за столъ и послѣ закуски сваты напоминаютъ, что уже пора отдыхать молодымъ. Ихъ провожаютъ въ гумно или въ клѣть, гдѣ свахи застилаютъ постель и уходятъ. Послѣ отдыха, женихъ съ невѣстой, держась за концы полотенца, идутъ въ избу, обходятъ вокругъ стола и садятся. Пѣсни при этомъ поютъ неумолкаемо.

По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ начинается самый разгаръ свадьбы: танцы и попойка продолжаются нѣсколько дней“.

Заручины.

Заручили дзѣўку
Проциў понядзѣлку.
Богъ намъ даў!
Попили горэлку
За красную дзѣўку.
Богъ намъ даў!

—

По отъѣздѣ жениха сватья поетъ:

Хоць мы ночку ня спали,
Добраго чилядзина достали,
Хоць другую ня доспали,
Добраго чилядзина привезли,
Статну пригляднипу,
Сямьи привѣтницу.

—

Въ воскресенье рано женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ и, послѣ долгихъ церемоній, братъ невѣсты сажаетъ ее на дѣжу, поставленную среди хаты и расплетаетъ ей косу, за что ему и платятъ. Невѣста въ это время голоситъ:

Кóсынька моя русая!
Я цябе ў нядзѣльку раненька часала,
А ў суботу поздниньк умывала.

Обращаясь къ брату:

На што галовушку заяданишь?
На што мою косыньку расплитаишь?
Ци яна грибеничку поломала?
Ци яна цябе пасочку поцирала?
На што ты мои шоўковы ўплёты выплитаишь?

—

По окончаніи обряда расплетенія косы, женихъ выходитъ изъ-за стола, подходитъ къ дѣжѣ, беретъ невѣсту за руку и ведетъ къ столу; мать невѣсты, стоя на *кутю*, благословляетъ свою дочь образомъ и обходитъ всѣхъ кругомъ и кланяется. Собравшись, всѣ отправляются на подводахъ въ церковь, дорогой плачутъ, но пѣсенъ не поютъ.

Выходя изъ церкви, молодые держатся за руки. Подружки поютъ:

Ой радъ-радзеникъ Мироньна,
Што ў новой церкоўки побываў,

На новымъ ручничку постояў,
Дзѣвыньку за ручку подзержаў,
Золотые персцяньки помѣняў.

Молодой поютъ:

Стояла Гопынька подъ вянцёмъ,
Часала косыньку гребяньцомъ,
Подкинула грибянецъ подъ вянецъ
Подай, Василька, грибянецъ!
Яжъ табѣ, Гопынька, да ня молодзецъ.
Найми сабѣ молодца съ городца,
Подась грибянецъ съ-подъ вянца,
Русую косыньку расчасаць.
Ци ня было грибянцоў ў вóзи,
Ци ня было ковалёў ў дорóзи,
Русую косыньку расковаць,
Частымъ грибянцомъ расчасаць?

Молодому:

А ў садзи, а ў виноградзи,
Тамъ стоиць кроватка цясовая,
Тамъ ляжиць пярина пуховая.
На тэй пярини Василинька,
А душа его Гопынька ў голоўкахъ сядзиць,
Винную чарочку ў рукахъ дзяржиць,
Садовый яблучекъ да за пазушкой..
Ты ўстань, Василька, проснися!
На табѣ водзици, ты умыйся,
Шоўковой хусточкой вотрися,
Винной чарочкой похмялися,
Сахарнымъ кусочкомъ поживися.
Сахарный кусочекъ по душѣ пошоў,
А сладкій мядочикъ да по вустынькамъ.
Молодая Гопынька по обычаю пошла,
А душа моя Гопынька догадалася
Што зъ маей мамухной спозналася.

—

Потомъ женихъ съ своей дружиной и другіе гости мужчины садятся на коней. Молодой ѣдетъ въ свой домъ, а молодая въ свой. Когда молодая въѣзжаетъ на дворъ, то мать ея выходитъ изъ хаты ей на встрѣчу съ образомъ, со свѣчей и съ хлѣбомъ и солью. Подружки молодой въ это время поютъ:

Запали, мамухна, свѣчку,
Выйдзи дочкѣ на сустрѣчку!

—

Нѣсколько часовъ спустя, часто даже на разсвѣтѣ, молодой пріѣзжаетъ къ своей женѣ, чтобы взять ее съ собою. Мать молодой встрѣчаетъ своего зятя съ водкой. Молодую ведутъ изъ хаты, на порогѣ она встрѣчается съ мужемъ. Сватья и подруги при этомъ поютъ:

Хмѣль зъ оусомъ сыплпца,
А Гопынька съ Василькомъ сыйдуцца,
Отъ сахарнага дзéреўца
Добрые отростки,
Отъ вумнаго бацюшки,
Отъ разумной мамухны
Вумны дзицятка.
Молодэй Васплька!
Мы ня успѣли пѣсни спѣць,
А ёнъ намъ подарки шлець:
Пернички, баранычки,
Солодкіе попраничкп.

—

Што ў куци за зарево?
Василька ў купп зарева.
Съ правага рукаўка роры сыплюцца,
А съ лѣвага свѣчи цеплюцца
Чимъ тоя зарева мы тушиць будзимъ
То пивомъ, то виномъ,
То горэлачкай.

Тоже самое поютъ и невѣстѣ:

По бору стежички да дорожички,
Тамъ ишла сустрѣча вяликая:
Сустрѣла Гопынька Василиньку,
Сѣли яны на горушечку,

Стали загадки загадывваць:
Ци вѣдаишь, Василинька, што я вѣдаю?
Што объ Рождствѣ объ свяцѣ рожа цвѣла?
Хто тамъ быў Гопынька той и вѣдаиць.
Я тамъ была и вянокъ вила,
Я ў тымъ вяночку винчалася
И табѣ молойцу засталася.
По бору стежички да дорожички,
Тамъ ишла сустрѣча вяликая:
Сустрѣў Василька Гапульку свою,
Сѣли яны на горушечки,
Стали загадки загадывваць:
Ци вѣдаишь, Гапулька, што я вѣдаю?
Што объ Пятрѣ о святцѣ Дунай замерзъ?
Хто тамъ быў Василька, той и вѣдаиць.
Я тамъ быў и коня пои́ў.
Мой конь пиў, копытомъ ледъ биў.

—

Когда мѣсятъ коровай:

А ў поли калина, калина!
Якъ собралася Гопынькина родзина
А привязли семь пудъ муки да на коровай
Хула *) табѣ, Божа! (2)
Солинъ будзиць нашъ коровай
А ў поли калина, калина!
Якъ собралася Гопынькина родзина
А привязли семь пудъ масла да на коровай
Хула табѣ, Божа! (2)
Жиринъ будзиць нашъ коровай.
А ў поли калина, калина!
Якъ собралася Гопынькина родзина
А привязли семь пудъ соли да на коровай
Хула табѣ Божа! (2)
Солинъ будиць нашъ коровай.

*) Хвала.

А ў поли калина, калина!
Якъ собралася Гопынькина родзина
А привязли сёмь копъ яецъ да на каровай
Хула табѣ Божа (2)
Жовитъ будзицъ нашъ каровай.

—

Подъ конецъ свадьбы сватъ взлѣзаетъ на столбъ около печи. Ему туда подаютъ два пирога и рюмку водки, и сидя на столбѣ, онъ поетъ:

Домъ священный, пиръ вяселый!
Ёсць ў енымъ домѣ оцецъ и маци,
Сёстры и брацця.
Госцики созваные, собранные!
Дальніе пріѣзжіе,
Ближніе прихожіе:
Кого кобылка вязла,
Кого матка нисла,
Кого Богъ прилучиў.
Благословици моладэй
Ў скрыпочку заиграць
И пѣсенки запѣць,
Семь годъ подъ грибомъ сидзѣў
И на ету свадьбу глядзѣў.

—

Сиротѣ-невѣстѣ поютъ:

Палагейкина мамухна
Просилася ў Бога,
Ў Духа Святога:
— А спусци мяне, Божухна,
— По золотымъ пруточку,
— По шоўковымъ шнурочку
— Съ неба на землю —
— Поглядзѣци дзицяци:
— Ци хараша яна прибрана?
— Ци на куцѣ яна посажена?—
Гдзѣ ўзялися три янгельки:
„Ня пущай яе, Божухна, съ неба на землю
„По шаўковымъ шнурочку,
„По золотымъ пруточку.
„Мы ўчара тамъ были,
„Подъ воконочкомъ стояли,
„И ў воконко глядзѣли:
„Яна ўбярена, какъ панёнка,
„На куцѣ посажена,
„Якъ сиротка благословена.“

(Всѣ эти пѣсни записаны ученикомъ Витебской гимназіи Влад. Новицкимъ, въ 1868 г.)

Свадебныя пѣсни Витебскаго уѣзда (съ обрядомъ).

546

(*Старое Село*)

Когда пріѣдуть на дворъ сваты:

Што за панове,
Што за сватове на дворъ?
По русску ходзюць,
По польску мовюць,
Гапульку просюць до сябе:
— Выйдзи, Гапулька,
— Выйдзи, дзицятка,
— Къ намъ на дворъ.
— Скажи, Гапулька,
— Скажи, дзицятка:
— Которы твой? —
„А хто въ атласѣ,
„Ў жоўтымъ поясѣ,
„Той сватъ мой.
„Конь вороненьки,
„Самъ молодзеньки Иванька“.

(Зап. ученикъ Витебской гимназіи С. Станевскій.)

547

(*Тамъ же*)

Когда ѣдутъ выбирать невѣсту.

„Ай вы гуси мои шѣрые!
„Вы далека литали,
„Што вы чули, видзили?“
— Ай мы чули видзили:
— Шѣру вутку на мори.
— Якъ ина скора на мори,
— Такъ за ей трасникъ гонетца
— Пирадъ ей вода ллецца. —
„Ахъ вы сваты сватове!
„Вы далёка ѣздзили,
„Што вы чули, видзили?“
— Гапульки ў церими.
— Якъ ина скора съ церима,
— Тыкъ подъ ёй мосты гнуцца,
— Пирадъ ёй кубки ллюцца,
— А на ей вянки зіяюць
— А за ёй гусли играюць. —

(Зап. тотъ же).

548

(*Тамъ же*)

Когда засватають невѣсту.

Ня дзиви Гапулька ни на кого!
Пріучила Иваньку молодого
Своими цихими походами,
Своими низкими уклонами.

—

Сястрицы подружиньки?
Вы придзицика ко мнѣ,
Просиця ў бацюшки
Меня ў госцики къ сабѣ
Ў восударыни матушки
Во зялёны садъ погулядь.
Скучна, грусна молодой
Ў зялёномъ саду одной.
Якъ пойду я молода
И ў горницу на кровадь,
Якъ ударусь молода
Бѣлой грудзью о кровадь,
Якъ ўстану я молода,
Буду тосковаци.
Буду плакадь тосковадь,
Покуль милый ни ўзойдзедь.
А якъ соўнышка ўзойдзедь,
Тогды милый другъ придзедь.

—

Што ў цябе, цяцерка, ножки коротки?
Якъ табѣ, цяцерка, по горамъ ходзици?
— Я на гору лётмя, а съ горы котмя.—
Якъ табѣ, Гапулька, съ чужимъ таткой жици?
— Я ўстану молода ранёсенька,
— Ўмыюсь молода бѣлёсенька,
— Ўклонюсь свекратку низёсенька.—

(Зап. тотъ же).

549

(*Тамъ же*)

Заручины.

Молодая Марынька
По городу ходила,
Съ красками говорила:
Милые мои краски
Я садзила, поливала,
Вянками звивала.
Одзинъ было звила,
И той ня зносила, (2)
Сястрамъ подарила:
Нихай сёстры носюдь,
За мяне Бога просюдь.
Хорошъ быў ўдаўся,
Сестрамъ остаўся. —

—

Лужкомъ биражкомъ
Рѣчка ишла,
Красная Марынька горою,
Говорила ина зъ водою:
Водзица моя вуница!
Якъ я ў дзѣўшкахъ бывала,
Чистую водзицу бирала,
Бѣлоя личика мывала,
Цяперъ ня буду бираци,
Бѣла личика мываци.

(Зап. тотъ же.)

550

(*Тамъ же*)

Когда сватъ даритъ сватьѣ:

Сплёў сватъ свацци лапци съ тоўстыхъ лыкъ,
А самъ ходзиць спусциўши носъ, якъ индыкъ,
А на мяне мой мужъ ворчиць:
А што ў мяне хвартухъ торчиць.
Ня дзивися, господару!
Гэта ў мяне отъ крухмалу.

Когда сватамъ даютъ ручники:

Выбичайця сватóчки,
Што коротки платочки,
Наша дзѣўка драшлива,
А поля ня уродлива.

Послѣ просватанья невѣсты.

Ай вумная, разумная Гапулька!
Ни угадала што зъ радосци чиниць,
Заставила щиры боры ораци,
Сама стала чорны мачикъ пахати:
Расци, чорны мачикъ, красны цвѣтъ,
И то моимъ и то любымъ госцёмъ на привѣтъ.

—

А я молодзенька заручона
А за того нидороста оддàдзина.
А и гдзѣ жъ бы мнѣ нидороста подзѣць?
Повяду я нидороста ў чиста поля,
Привяжу я нидороста ко бярёзѣ,
Положу я нидоросту сѣна вязку,
А постаўлю нидоросту воды ражку.
Ни глядзѣла нидороста семъ нядзѣлякъ,
А на восьмой нядзѣли поглядзѣла:
Сѣна вязка ляжиць ўся цалёхонька,
Воды ражка стоиць ўся поўнёхонька.
Погляжу я на бярёзу ни лисцинки,
Погляжу я ў нидороста ни душинки.
Облилася бярёза ўся корою,
Ахъ и я молодзёшинька слязою.

(Зап. тотъ же).

551

(*Тамъ же*)

Въ субботу передъ свадьбой, сватъ взбирается на столбъ передъ печкой, держа въ рукахъ пару пироговъ, которыми онъ ударяетъ въ тактъ другъ о друга, произнося слѣдующую пѣсню или рацею:

Госцики собраны, созваны!
Кого кобылка привизла,
Кого матка принисла,
Позвольця намъ пѣсиньку начаць,
Ў скрыпки, ў дудки заиграць.
А Святы Кузьма Дзимянъ,
Скуй намъ свадзибку!
Солучи, Божа, гэтыхъ дзѣтыкъ:
Однаго роженаго,
Другога суженаго.

—

Сватьѣ.

А свацюхна чубаха
А нямытая рубаха,
А ў корыци промыла,
Надъ цапухай сушила,
На свадзибку спяшила.

—

Свату.

Ай сваця, мой сваця,
Шкода табѣ дружкомъ быци,
Звиць табѣ лычную пугу
Выгоняць свинней зъ лугу.

(Зап. тотъ же.)

552

(*Тамъ же*)

— Ой вечиръ, вечиръ ни вичарись!
— Ѣдзь, мой миленьки, и ни казнись.
— Твоя вячора пыломъ запала,
— Пыломъ запала, зайшла за пана. —
„Жонычки мои ня праўда ваша:
„Моя вячора подъ накрышкой спала,
„Моя нявѣста ня йзашла за пана.
„Свяцй моя зоринька до свѣту,
„Покуль я къ нявѣсци заѣду.“
Тогда жь я табѣ, Данилка, свяцила,
Кали цябе мамухна радзила,
Хадзила по хаци, якъ пава,
Зродзила цябе якъ пана.

(Зап. мною отъ мѣщанки.)

553

(Тамъ же)

Жениху.

Рана рана соўнышка играла,
Ай раньши того я ўставаў,
Рана уставаў, коня сядлаў,
Коня сядлаў, сильна плакаў,
Ня такъ сильна плакаў,
Сильнѣй Бога просиў:
Ахъ Божа, Божа прошу на вяселля
На вяселля, на благаславення!
— Я́ самъ ня пойду, Анёла пошлю.—

(Зап. учен. Витебской гимназіи С. Станевскій.)

554

(Д. Васьковичи)

Поютъ жениху.

Дорожка широкая,
По той по дорожкѣ
Жоўты пясочки,
На тыхъ пясочкахъ
Три сады зялёныхъ.
А ў першимъ садзи
Цвяты зацвитали,
Ў другимъ же садзи
Пташки спивали,
А ў трецџимъ садзи
Сынъ съ маткой говорицъ:
Сынокъ ты мой, сынокъ!
Кого табѣ жалчѣй:
Ци матки, ци жонки,
И ци твоей цещи?
А и цеща умрець —
Бязь цещи обойдуся,
А и жонка умрець —
Съ другой ожанюся,
А матка умрець —
Слезами заллюся.

(Зап. В. Ив. Безперчій.)

555

(Старое Село)

Когда пріѣдутъ въ гости къ свату.

Ў нашего свата
Да цясовая хата.
Вокругъ избы зелля,
А въ серодкѣ веселля,

Приѣхали гốсци
Да изъ чужой волốсци.
Стали яны медъ, вино пиць,
Кубки объ столъ биць.

(Зап. учен. Витебской гимназіи С. Станевскій.)

556

(*Тамъ же*)

Невѣстѣ сиротѣ.

Чаго сядзишь ў посадзи?
Твойго татульки
Ў посадзи нѣтъ.
Твой татулька
За трима замками.
Первы замочикъ—
Жоўтъ пясочикъ,
Вторы замочикъ—
Зялёнъ дзярночикъ,
Треци замочикъ—
Сосновы доски.
Радъ бы я ўстаци
Порадыкъ даци,
Жоўтъ пясочикъ
Засыпаў вочки,
Зялёнъ дзярночикъ
Закрыў воконца,
Сосновыя доски
Сциснули мнѣ ножки,
Ня могу устаци.

До пріѣзда жениха.

А чаго ты, Гапулька, змаринѣла?
Ци ў цябе голоўка заболѣла?
Ў мяне болиць голоўка треци дзень,
Ня видзила Иваньки семъ нядзѣль.
А бы вы мнѣ голоўку звяжиця,
А бы вы мнѣ Иваньку покажиця.

Когда братъ расплетаетъ сестрѣ косу.

Расплящи косў,
Чирвоны ростокъ
Пусци подъ мостокъ,
Чирвоная калинка Маринка.

—

А братъ сястрѣ татаринъ
Оддаець сястру даромъ,
А русую косыньку за пятакъ,
А бѣлое личинько пошло и такъ.

(Зап. тотъ-же).

557

(*Тамъ же*)

Когда невѣста сидитъ въ клѣти.

Пракракнула шѣра вутынька
Ў трысничку сидзя:

Ай змёрзла жъ я, ай окрѣпла жъ я
Ў трысничку сидзя,
На синяя мора глядзя.
Ай Божа жь мой,
Ай мощны мой
Коли гэта лѣта будзиць?
Проплакала Гапулюхна
Ў клѣтухны сидзя,
На бѣла ложа глядзя:
Ай Божа жь мой,
Ай мощны мой!
Коли гэта госци будуць?

Когда невѣсту приготовляютъ къ вѣнцу.

Куковала зязюля обнимая дзерева,
Тонкая, высокая, лиспикомъ широкая
Плакала Гапулька, обнимая мамухну:
Мамухна моя родная!
Ты жь казала: ня отдамъ.
На што жь ты пива варишь?
На што жь ты горэлку гонишь?
— Яжъ цябе подманивала,
Штобъ ты ня плакала
Голоўки ня трудзила,
Ясныхъ вочь ня сляпила
Бѣлыхъ рукъ ня ломала.

Когда женихъ ѣдетъ за невѣстой.

Ўзвиўся рой, полящѣць хочиць
Ў щиръ боръ, ў солодки мёдъ.
Зладзиўся Иванька, ѣхать хочиць
А ў тую дорожку топтаную,
По свою Гапульку коханую,
А ў тую дорожку убойную,
По свою Гапульку любоўную.

(Зап. тотъ же).

558

(Тамъ же)

Цимошка воинъ быў,
Ѣздиць ёнъ поля воюя,
Другоя ѣздиць хорабруя,
Ня трецця Сципана дворъ
Ажъ вороцики замкнуты,
А сторожинька заснула.
Выхвациў молодзецъ востры мечь,
Начаў по замку—замокъ прочь.
Ня воюй, Цимошка, ня воюй,
Мы жь твою дзѣвыньку выдадзимъ,
За правую ручку вывидзимъ.

(Зап. тотъ же.)

559

(Тамъ же)

Ай бѣлиньки, кудравиньки Иванька!
А хто жъ яго бялёшинька умываў?
А хто жъ яго бѣлы кудзирки расчисаў?
Ўмывали бялёсинька сястрицы,
Расчасали бѣлы кудзирки брацитки.
А ў субботу ў вéчири ўмывали,
А ў нядзѣлю ранёшинька часали,
И ў нядзѣлю ў вéчири послали:
А и ѣдзь жа ты, Иваничка, да ня баўся!
Скрозь цемную, скрозь ночушку пробивайся,
И до своей Гапулюхны добивайся.

(Зап. тотъ же).

560

(Тамъ же)

Когда женихъ ѣдетъ въ церковь къ вѣнцу.

А за лѣсымъ соўнійка играець,
Иванька коника сидлаиць,
А ў яго мамухна пытаиць:
На што ты коника сидлаишь?
А што табѣ до того?
Сидлаю я коника ни твойго,
Сидлаю я коника самъ свойго,
Поѣду я ў ночухну ночную,
По свою Гапульку вячную.

—

Подъ лѣсымъ соўнышка играиць,
Иванъ коника сидлаиць,
А выломиў три розги
И спябнуў коника подъ ножки:
А ступай, моя кося, широка *),
Ещё моя дзѣвынька далёка.
(Зап. тотъ-же).

561

(*Витебскъ*)

Ой попе, попе бацька нашъ,
Отчини церкви, звинчай насъ;
А ня попе то насъ винчаиць,
Добрая годзина злучаиць.
(Зап. мною.)

562

(*Старое Село*)

По пріѣздѣ изъ церкви въ домъ невѣсты.

Напѣемъ (2) мы дзень до вечера,
Мы свою Гапульку ня разжалимъ.
Ты вырви, Гапулька, горку цыбульку,
Ты натри, Гапулька, сабѣ вочухны,
Ци ня пойдуць тогды слёзухны?
Гапулька цыбульку сыпсувала,
Дробныхъ слёзъ намъ ня показала.

—

Когда женихъ танцуетъ послѣ вѣнца, въ домѣ невѣсты.

А ўси госци хороши,
А ўси госци пригожи,
Луччи нѣту Иваньки:
Ў яго боцики козловы,
Ў яго панчёшки бялѣвые,
Ў яго подвязки шоўковы.
Ёнъ ботъ объ ботъ щоўкаиць,
Ко Марусиньки приступаць,
Штобъ боцика ни скривиць,
Штобъ панчёшекъ ни змарапь,
Штобъ подвязокъ ни поцирапь.

—

Когда невѣсту везутъ къ свекрови.

Ёлка и сосёнка зиму и лѣта зиляненьки,
Гапулькина мамка ўсю нядзѣльку смутненька
И кукобила и лялѣяла,—службки нима.
Дась Богъ лѣцца, народзиць Богъ жицца—
Не съ кимъ жаць.

---

*) Скоро.

Ёлка и сосёнка зиму и лѣта зиляненьки
А Иванухны мамка ўсю нядзѣльку висяленька,
Ни кукобила, ни лялѣяла,—служка ёсь.
Дасъ Богъ лѣцца, народзиць Богъ жицца—
Ёсь съ кимъ жаць.

—

На другой день послѣ свадьбы.

Клянова лисцинька,
Куды цябе вѣтры вѣюць:
Чи ў даль далину,
Чи опяць на клянину?
Гапулька дзицятка,
Куды цябе татка даець:
Чи ў даль далину,
Чи ў чужіе людзи?
А я люду ня боюся,
Кажному поклонюся,
И старому и малому
Свойму князю молодому.

—

Когда женихъ везетъ невѣсту къ себѣ домой.

Шумъ по дубравѣ,
Што и за пылъ по дорози?
Иванька вожицца,
Мамухна дзивуицца.
Ня дзивуйся мамухна,
Я ня самъ вожуся,
Воронъ конь подо мною
Господзь Богъ надо мною.

Когда гости ѣдутъ домой.

Поѣздзимъ домоў, поѣдзимъ,
Коли свою Мартуську прикажимъ,
Прикажимъ Мартуську сужиньку:
Ня би жа ты яе дубцами,
Научай жа ты и слоўцами,
Отъ дубцоў ина дурнѣиць,
Отъ слоўцоў ина разумнѣиць.

—

Вумная разумная Мартусинька
Ставила старожиньку на броду,
Сама стала надъ вишинькой ў саду:
Откуль (2) красное соўнца ўзыйдзець,
Откуль (2) моя родынька ўзъѣдзиць,
Тогды мои убориньки привязуць,
Тогды мою голоўньку ўбяруць,
Тогды мяне молодзенькой назовуць.

—

Литаў солоўей кола саду,
Пытаў ў зязюли куды ў садъ ляцѣць.
Ты глупы солоўей, ниразумны,
Пыдними вѣтычку—ўляци ў садокъ;
Подними и другую—ко мнѣ ў гнѣздо.
Ѣхаў сужинька кола двора,
Пытаў ў дзѣвиньки куды ў дворъ ѣхаць.
Ты глупы сужинька, молодэй разумъ:
Одчини вороты—ўзъѣдзь на дворъ
Одчини другіе—ко мнѣ ў царёмъ.
Ўзъѣхаў сужинька, по двору поѣзжаиць,
Къ вокошичку коника подворачиваиць.
Ци ѣхаць, дзѣўнька, ци ждаць цябе?
Ты ня ѣдзь, сужинька, подажзди мяне.
Нашто моя мамухна разсердилась?
Ня даець пологa бялёвога,
Ня даець скацирци крупчастыя.
Ты ходзи, дзѣўнька, мы поѣдзимъ,
Пираспимъ цёмную ночь бизъ полога,
Обѣдаимъ святы дзень бизъ скацирки,
Напьемся зиляна вина бизъ кубочка.

Когда молодую ведутъ изъ клѣти.

Ў насъ сягодня новинà,
А ў клѣци калина расцвила,
Пусцила квѣци по клѣци,
Чирвоный ростокъ подъ мостокъ.

Въ понедѣльникъ молодая обыкновенно идетъ по воду и тогда ей поютъ:

А ў понедзѣльникъ рано
Сине мора играла,
Гапулька воду брала,
Ў свой бокъ поглядала:
Ци ня ѣдзиць мой татка
И зъ родною маткой.

—

На другой день послѣ свадьбы.

Иваничка, оцецки сынъ, дай сыра!
Ай сватыньки лябедычки, ни маю,

Тольки маю два яблычка ў кишени,
Што моей Гапулюхны со похмѣлля,
Штобъ ня болѣла голоўхна зъ вяселля.

—

Когда зять съ молодой ѣдетъ къ тещѣ.

Цеща зяця ждала,
Кунами дворъ слала.
А колибъ моя змога,
Послала бъ я многа
А штобъ моя сила,
Ябъ яго позолоцила.

Когда невѣсту отправляютъ къ жениху послѣ вѣнчанья.

Стукнула, грукнула на дворѣ—
Поглядзи, мамухна, чи ня на мнѣ?
По табѣ, дочушка, по табѣ.
Готуй, маминька, коблучки,
И складай, мама, скриночки,
Добра ноцъ, мамка, добра ноцъ!
Я ужь, мамухна, ня твоя.

—

Ня слухай звонкихъ звонкоў, —
То цябе гусильки подманываюць,
Къ чужому, къ лихому примоўляюць
Отъ татки, отъ матки.
(Зап. тотъ же).

Приводимъ описаніе свадебнаго обряда *) въ Витебскомъ уѣздѣ (въ деревняхъ, ближайшихъ къ Витебску):

Свадьба главнымъ образомъ состоитъ изъ двухъ частей: сватовства и *веселля*. Еще задолго до свадьбы, невѣста съ женихомъ уговариваются между собою и признаются одинъ другому въ своей любви; женихъ спрашиваетъ невѣсту позволенія—можноли прислать сватовъ—и, если невѣста согласна, женихъ немедленно ихъ присылаетъ. Эти сговоры обыкновенно происходятъ на кирмашѣ **). Недѣли за 2 и даже иногда и болѣе женихъ присылаетъ къ невѣстѣ сватовъ, людей пожилыхъ, которые, переступая порогъ, крестятся и, поклонясь всѣмъ въ домѣ живущимъ, садятся въ уголъ подъ образа. Потомъ старшій сватъ начинаетъ своё привѣтствіе:

*) Свадьба бываетъ большею частью осенью.

**) Кирмашъ значитъ маленькая ярмарка во время храмоваго праздника.

„А, сваточки, пропала, пропала у насъ цялушка, ѣздзили мы и днемъ и ночью по селамъ и по городамъ и не можемъ допытацьца цялушки, пріѣхали къ табѣ: не заблудзилась ли яна къ вамъ. Были мы у однаго хозяина, тотъ сказаў, што въ другой дзеревнѣ, наконецъ пріѣхали къ табѣ". Если сватъ разговорчивъ, то онъ отъ себя прибавляетъ разные каламбуры. „А, сватъ, не мели пустого, а спроси то, за чѣмъ вы пріѣхали, потому што скоро будетъ свѣтъ." „Мы приговорились къ одному концу: у насъ ёсць купецъ, а у васъ товаръ, покажи его".

По окончаніи этого разговора, мать идетъ искать невѣсту, которая прячется гдѣ нибудь на сѣновалѣ, отыскиваетъ ее, одѣваетъ и приводитъ въ хату; здѣсь у нея спрашиваютъ: „ти пристала душа къ Василію Петровичу". Невѣста на это ничего не отвѣчаетъ и проситъ сватовъ пріѣхать въ другой разъ и такимъ образомъ водитъ ихъ нѣсколько разъ за носъ, наконецъ, она соглашается. Сію же минуту послѣ соглашенія, мать печетъ яишницу и надѣваетъ сватамъ на шею ручники. Въ этотъ день сваты между собою условливаются о днѣ свадьбы и разныхъ расходахъ: условясь, они отправляются (когда были крѣпостные) упрашивать своего пана, потомъ къ попу—узнать цѣну за вѣнчаніе.

За недѣлю до свадьбы, бываютъ заручины, на которыхъ поютъ пѣсни, ѣдятъ баранки и пряники, всѣ безъ исключенія, малый и старый. Въ то же время дѣвушки поютъ пѣсни.

Въ субботу передъ свадьбой опять гуляютъ цѣлую ночь, къ этому времени пріѣзжаютъ сваты, т. е. родня жениха, два свата и двѣ сватьи и подкняжій, со стороны жениха. Съ самаго начала этого вечера пьютъ за здоровье жениха и всѣхъ родныхъ, послѣ чего невѣста даетъ ручники сватамъ и подкняжему. Сваты съ своей стороны даютъ водку; положивши на рюмку пряникъ, подаютъ невѣстѣ; та, взявъ пряникъ, прикушиваетъ водки. Женихъ впродолженіе этого времени сидитъ за столомъ; сваты выводятъ его изъ-за стола и подводятъ къ невѣстѣ, которой онъ подноситъ водку, бросивъ въ рюмку серебряную монету. Невѣста отпиваетъ нѣсколько капель и ставитъ рюмку на столъ. Старшая боярка подходитъ, выливаетъ водку на разостланный подъ столомъ платокъ такимъ образомъ, что монета остается въ платкѣ. Въ этотъ день невѣста даритъ жениху: штаны, рубашку и поясъ, женихъ съ своей стороны даритъ

ей черевики и чулки, и всё это кладутъ на *веку* *). Потомъ гуляютъ далеко за полночь, при чемъ поютъ пѣсни.

Ѣхаў Василь по мосту,
Выскочиў заинька зъ хворосту.
Стаў ў его Василь стрѣляци,
А ў яго заинька пытаци:
Зашто, Василь, мяне стрѣляшь?
Ци я табѣ дорожку пирабѣгъ?
Ци я табѣ коникоў потраў?
Ци я табѣ дзѣўку погубиў?
Перебѣгъ дорогу сѣрый волкъ,
Попужаў коникоў жарабецъ,
Погубили дзѣўку молойцы.
На штобъ яны погубили?
Сами за себя хоцѣли.

Гости разъѣзжаются только поздно ночью. Въ воскресенье поутру выѣзжаютъ: женихъ съ дружками и невѣста съ боярками изъ своихъ хатъ въ церковь. Послѣ вѣнца женихъ ѣдетъ верхомъ, дорогой обѣдаютъ въ корчмѣ; пообѣдавши продолжаютъ путь. Дорогою поютъ пѣсни:

Хвала табѣ, Божа,
Что попа обманили (2).
А дзешево заплатили: (2)
За нашу паненочку (2)
Мѣдную копѣечку, (2)
А за вашаго молодца (2)
Полтора золотца (2).

На ро̀зстани невѣста съ женихомъ разстается и отправляются по своимъ дворамъ. Молодую дома отецъ встрѣчаетъ съ образомъ и хлѣбомъ съ солью, ее сажаютъ за столъ и подаютъ кушанье.

Мяцица улуньку (2)
Съ конца до конца (2),
А наша Аленка ѣдетъ съ-подъ вѣнца.

---

*) Крышка отъ кубла, кадки, куда кладутъ крестьяне запасную одежду.

Молодой въ это время возвращается съ противоположнаго конца и стучитъ въ окно. Тесть встрѣчаетъ его съ образомъ, хлѣбомъ и солью, одѣтый въ вывороченную шубу, при чемъ спрашиваетъ у него: „Съ кѣмъ пріѣхалъ зятюшка?"—„Съ вѣчнымъ подаркомъ".

А на дворѣ дождикъ каплиць (2)
Иваньки шапка мякниць (2)
Попытайся ў яго:
Ци ня любиць ёнъ кого?
Ай ёнъ любиць (2)
Рыбку красноперку,
Дзѣвоньку чернобрыўку.
А идётъ же вячера (2),
Передъ кажнымъ—пяченье (2),
А не такъ передъ кажнымъ (2)—
Передъ нашей Маруткой (2)

Послѣ этого садятъ молодого за столъ и начинають пить водку. Черезъ нѣсколько времени женихъ обращается къ невѣстѣ съ словами: „Марья Ивановна, прошу до себе. Коли ты жалѣишь и любишь мяне, придзи ко мнѣ." И это повторяется до 3-хъ разъ. Женихъ подходитъ къ столу и хочетъ взять её за руку, она отвѣчаетъ: „Чтожь ты мяне бярешь зъ голыми руками." Въ эту минуту сватъ набрасываетъ сзади на жениха и на плечо невѣсты шубу; молодые подаютъ одинъ другому руки и поютъ пѣсни.

На кимъ на кимъ пуховая шапка
Ой лялю *)
Ай на Ванюшкѣ пуховая шапка (2).
Чи ня Богъ яму даў? (2)
Ци ни царъ дароваў? (2)
Яго татка богатъ (2)
Яму шапку купиў (2).

—

А казали сваты богаты,
А и сваточки голыши,
По шуметнику ходзили,
Всё по дзенежкѣ сбирали,
Ай боярочкамъ давали.

*) Стихъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Когда боярочки угощаютъ сватовъ и дружку, и если они мало даютъ, то поютъ слѣдующія пѣсни:

Дружка голы,
Ёнъ не богаты,
Больши не имѣетъ денегъ,
Одзинъ грошокъ ў мошнѣ.
А купи сабѣ мыла,
Памый своё рыла,
Кабъ жёнка любила,
Кабъ дзѣтки увознали,
Бацькай назвали.

—

А не нашъ дружко,
Съ ненашаго боку,
Обручами голова сбита,
Мочалами борода сшита.
Боярки дружку били,
Подъ печь подсадзили,
Ступами заколоцили,
Дошкамъ заставили
Кошками затравили.
Тю, тю, мои кошечки,
Съѣшця дружку до крошечки.
Кочергами копали,
Бороду ободрали,
Вѣцеръ повѣваицъ,
Барадой махаицъ.
А кто идецъ смяецца,
Бородатый трясецца.

Скоро потомъ они ѣдутъ къ свекру. Дорогой поютъ пѣсни. Молодой сажаетъ самъ невѣсту въ телѣгу и садится съ нею рядомъ. По пріѣздѣ молодой высаживаетъ молодую и ведетъ её подъ руку. На порогѣ ихъ встрѣчаетъ свекровь и спрашиваетъ своего сына: „Съ чѣмъ ты пріѣхалъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „съ добрымъ здоровьемъ и веселымъ пожитьемъ.“ Здѣсь тоже пьютъ и гуляютъ и всё это сопровождается пѣснями. Молодыхъ отправляютъ спать почти всегда на разсвѣтѣ. Въ понедѣльникъ, около полудни пріѣзжаютъ къ свекру крестные отецъ и мать молодой. Молодыхъ поднимаютъ съ постели и приводятъ въ хату. На порогѣ ихъ встрѣчаютъ различно: съ привѣтомъ и пѣснями хорошаго, веселаго содержанія, если молодая оказалась честною; въ противномъ же случаѣ—ругательными, неприличными. Тогда ставятъ на порогѣ борону, и какъ только мать ее переступитъ, ей тотчасъ накидываютъ на шею хомутъ, продолжая пѣть тѣже пѣсни.

Весь этотъ день гуляютъ у свекра и пьютъ водку, горькую или сладкую, обращая вниманіе на честность дѣвушки. Отъ свекра посылаютъ водку и брачную рубашку въ домъ отца молодой, гдѣ

ея старшая сестра беретъ рубашку и разсматриваетъ ее; если на ней слѣды невинности, тогда сестра вскакиваетъ на скамейку, положивъ рубашку на правую руку, пляшетъ и поетъ пѣсни тѣ, что̀ поютъ въ домѣ жениха, въ честь дѣвушки честной:

Аленка добраго рода,
Снежниважила намъ роду.
Ай покрасила два двора:
Одзинъ дворочикъ свекраткинъ,
А другій дварокъ таткинъ.

—

Калинка наша Аленка!
Подъ калиной сядзѣла,
Ручкамъ калинку драгнула,
А на ее калинка канула,
На яе бѣлую кошулю.

—

Казали намъ Семенька гультай, —
Золотую сошеньку направляў,
Черную облогу раздзираў. (2)

—

Послѣ обѣда, а иногда и до обѣда повязываютъ молодую платкомъ и поютъ пѣсню.

Скурвывъ сынъ понедзѣльникъ
Отлучиў М. отъ дзѣвокъ,
А добрый нашъ вторыкъ
Посадиў М. нижи женокъ.
А въ понядзѣлыкъ рана
Плакала молодая,
Галоўка ня убрана
А няжалостлива мамка
Ня шлетъ гостей рано.
А повяжемъ молодку
Якъ бѣлу лебедку,
А ктожъ кого любиць,
Тый таго поцалуиць,
Ванька М. поцалуиць.

При послѣднихъ стихахъ молодые дѣйствительно цѣлуются. Повязанную невѣсту садятъ на кубель, покрываютъ большимъ платкомъ, ставятъ ей въ колѣни миску съ медомъ, которымъ мажутъ ей губы и потомъ ее цѣлуютъ всѣ присутствующіе и кладутъ ей въ передникъ деньги. Гуляютъ далеко за полночь. Во вторникъ во время обѣда ѣдятъ коровай.

Этимъ полагается конецъ веселью. Въ четвергъ бываетъ перезовъ, т. е. свекоръ зоветъ къ себѣ мать и отца молодой, а потомъ отецъ молодой къ себѣ всю родню молодого.

Зап. ученикомъ Витебской Гимназіи П. Антиповымъ, въ 1867 году.

Свадебный обрядъ въ деревнѣ Бабчахъ. *)

Сватовство.

Отецъ парня, высмотрѣвши дѣвушку, подходящую подъ его мысли, совѣтуетъ сыну на ней жениться. Если эта дѣвушка понравилась и „Иванькѣ“, то отецъ сейчасъ же обращается къ кому-либо изъ своихъ пріятелей съ просьбой, чтобы тотъ взялъ на себя обязанность быть сватомъ. Если же невѣста сыну не нравится, то отецъ старается его уговорить, и если наконецъ Иванька и его убѣжденій не слушаетъ, то онъ предоставляетъ ему полную свободу въ выборѣ жены, но за то послѣ, при малѣйшихъ непріятностяхъ въ супружескихъ отношеніяхъ молодой четы, отецъ постоянно будетъ журить сына: зачѣмъ, дескать, его не послушалъ и не женился на дѣвушкѣ, которую онъ ему выбралъ.

Запасшись водкой, сватъ отправляется въ домъ къ родителямъ избранной дѣвушки. Тамъ его просятъ садиться. Завязывается разговоръ. Сватъ объявляетъ, что, молъ: „я пришоў ни бязъ дзѣла, хочу отобрацъ отъ васъ работницу Машу за Иваньку“. Отецъ и мать невѣсты говорятъ попеременно, обращаясь къ свату: „што жъ братокъ, и ня зачѣмъ, и житца ня дужа вяликая уродзила“ Сватъ: „Ды ня граши, братокъ, Богу. Чи мы ни одного Бога людзи? Чи ня ни на однымъ полѣ живемъ?“ Отецъ: „Што жъ? треба, братокъ, и зъ бабой погукацъ, дый чи сагласна и *яна*? гэта-жъ яе вѣкъ, гэта-жъ треба ей вѣкъ жицъ; ня вѣдаю, якъ яна.“ Отецъ дочери: „Ну што-жъ, чи думаешь сёлѣта кидацъ татку, матку, чи пойдзешь ў людзи“. Дочь, ничего не говоря, убѣгаетъ въ „истопку“. Нѣсколько минутъ молчаніе; потомъ сватъ обращается къ родителямъ съ вопросомъ: „Ну гдзѣ-жъ ваша Маша подзѣлася“? Тогда мать отправляется къ дочери и начинаетъ ей говорить: „што-жъ, дочушка, трапляюцца табѣ людзи; коли думаешь ищи—дзяцюкъ ладный и близка, и мы объ табѣ будземъ вѣдацъ и ты объ насъ“. Все это время отецъ молча сидитъ с сватомъ. Сватъ опять спрашиваетъ у отца: „гдзѣ-жъ наша Маша дзѣлася“? Отецъ: „ды тутъ негдзѣ.“ Уходитъ къ дочери и гово-

*) Лепельскаго уѣзда, Каменской волости, Бабчанскаго общества.

рить ей: „ну што-жь, дочушка, чи ты обдумала, чи не? Бо, вѣдома, здаецца можа ищи: яго и бацька добрый, и дзяды добрые, мы съ ними ни разу не ваводзилися; ну зачимъ-жи табѣ останоўка? Ў цябе ёсць кожушокъ и сирмяжка, и падушка и дзярушка, (одѣяло изъ „потрепья“; сшивается въ родѣ большаго мѣшка, и этимъ ночью накрывается мужъ съ женою) и кубелъ новый, и полаценце и ручнички“. Сватъ, обождавши приблизительно около четверти часа, входитъ тоже въ истопку и говоритъ: „а нехай-же васъ, я ужо жду, гдзѣ вы, гдзѣ вы! ну што-жь, чи нагукались вы, чи нарадзилисъ?“ Мать: „ды такъ хто-жь вѣдаець, и сами не знаемъ, дзяцитка наша любоя: и ўсё стоўчець, и ўсе смелець, и будзиць не нада, и молоциць пойдець на токъ, а мои ручки перейманець. Ну, што-жь мы знаемъ, тутъ-же пара родная! Ванька ёнъ-же ладный, сами вѣдаемъ, яце? ганьбы не маемъ николи. Не, сватокъ, яна еще маладая, нехай на живецца, пара́ будзець гэтаго хлѣба, пара́ будзець замужества. Але ужо коли людзи найшлися, коли и ты, сватокъ, уже такъ накасаўся на нашу дзицял, нихай сабѣ ужо съ Богомъ“. Всѣ встаютъ и хозяинъ проситъ свата въ свѣтлицу: „ну, сватокъ, прошу цябе ў татову хату“. Тамъ проситъ его сѣсть за столъ въ углу, а женѣ: „ты, баба, свое знай“. Она сейчасъ-же принимается за яичницу. За яичницею сватъ вынимаетъ изъ кармана водку и подчуетъ отца, мать и дочь. Потомъ проситъ руки у дочери для Иваньки, та протягиваетъ руку въ знакъ своего согласія.

Чрезъ нѣсколько дней родители спрашиваютъ свата: „што-жь, сватокъ, а Иванька чи хочець? Добра, што бацька яго просиў, але ёнъ-жа чи хочець“? На что сватъ отвѣчаетъ: „ды мяне-жь прасили и бацька, и матка, и Иванька“. Затѣмъ отецъ невѣсты проситъ свата придти чрезъ нѣсколько дней съ женихомъ. Между тѣмъ мать жениха обращается къ мужу со словами: „чаму-жь ты гэтому дзицятцѣ порадку не даешь, што ты ужо думаешь?“ (т. е. зачѣмъ не обручаешь). Отецъ жениха отправляется къ свату, сватъ объявляетъ ему, что ужё все готово, и говоритъ, чтобы онъ послалъ сына къ родителямъ невѣсты. Отецъ возвращается домой, разсказываетъ все женѣ и спрашиваетъ сына: „ну што-жь, дзицятка, чи хочешъ-жа ты Машу ўзяць“? Сынъ: „а што-жь, таточка, яна слаўная дзѣвка, и коли нами людзи не го́рдуюць, чаго-жъ и

намъ гордовацъ“. И отправляется со сватомъ къ невѣстѣ. Тамъ отецъ невѣсты спрашиваетъ его, желаетъ-ли онъ жениться на его дочери. Женихъ, давши утвердительный отвѣтъ, называетъ уже отца невѣсты своимъ отцомъ, а мать ея—матерью. Его сажаютъ за столъ и назначаютъ день свадьбы. Обыкновенно это бываетъ въ субботу. Послѣ этого отправляются къ священнику съ пѣтухомъ и просятъ его, чтобы онъ въ воскресенье обвѣнчалъ молодыхъ людей.

„Заручены“.

Пріѣзжаютъ отецъ жениха, женихъ и сватъ къ родителямъ невѣсты и привозятъ булку хлѣба, пирогъ, жареную баранью „печенку“ и водку и все это ставятъ въ мѣшкѣ подъ образами. Отецъ невѣсты принимаетъ всѣхъ своихъ родственниковъ, сватовъ, кумовъ и пріятелей. Невѣста съ дѣвушками отправляется въ истопку и тамъ одѣваются. Женихъ долженъ пріѣхать съ музыкантами верхомъ, съ набросанными на плечи сермягами, которыя тянутся по землѣ. Музыканты настраиваютъ скрыпки еще за домомъ невѣсты и, лишь только въѣдутъ на дворъ, начинаютъ играть и очень сильно „гóйкацъ“. Мать и отецъ невѣсты выходятъ на крыльцо, причемъ мать съ зажженною лучиною. Женихъ кланяется отцу и матери невѣсты въ поясъ и входитъ въ свѣтлицу, гдѣ также кланяется всѣмъ и старому и малому. Ему поютъ: „Намъ сягодня ды заручины Богъ даў“. Между тѣмъ вводятъ невѣсту и поютъ:

Ляцѣли пташечки
На три стáдочки
Зязюля на передзѣ,
Пташечки сѣли,
Пѣсню запѣли,
А зязюля закуковала.
Ишли дзѣўки
Чиразъ сѣначки,
Маша на перадзѣ;
Дзѣвочки сѣли,
Пѣсню запѣли,
Маша заплакала...

Отецъ невѣсты садится за столъ, около себя сажаетъ жениха, а сватъ садится по другой сторонѣ жениха. Всѣ гости дѣлаютъ тоже, мать же невѣсты ходитъ по избѣ. Когда всѣ усядутся, хозяйка ставитъ на столъ мису. Отецъ невѣсты беретъ бутылку съ водкой и выливаетъ въ мису; тоже дѣлаетъ и отецъ жениха, съ тою только разницею, что долженъ налить въ 3 и 4 раза больше. Всѣмъ подаются ковши, которыми черпаютъ и пьютъ водку. Женихъ наполнивши свой ковшъ водкой, кладетъ въ него нѣсколько серебряныхъ монетъ и подаетъ его невѣстѣ; она немного отпиваетъ, оставленную водку выливаетъ на столъ и беретъ деньги, а другую съ платкомъ протягиваетъ въ сторону. Женихъ беретъ платокъ и сжимаетъ нѣсколько руку невѣсты. Затѣмъ невѣста съ дѣвками и парнями начинаетъ плясать. Немного спустя присоединяется къ танцующимъ и женихъ. А старики сидя за столомъ ѣдятъ и пьютъ цѣлую ночь. Хозяйка ставитъ на столъ уху изъ бураковаго разсолу или „ращины“, морковь съ говядиной и яичную кашу. Всѣ гости-старики садятся за большой столъ, а невѣста съ дружками садится за столъ, поставленный у печи. Пиръ продолжается часовъ 8. Къ концу ужина подаютъ отцу невѣсты ковшъ съ водой. Онъ встаетъ, кланяется гостямъ, ставитъ ковшъ съ водой и говоритъ: „на гэто-жь и васъ просили, а цяперь прошу васъ на пива!“ Тогда всѣ принимаются за ковшъ съ водою, пьютъ и разъѣзжаются, причемъ поютъ:

Заручили дзѣўку противў панядзѣлку,
Богъ намъ даў.

Свадьба.

Въ субботу бываетъ дѣвичій вечеръ, на который сзываются всѣ родственники. На немъ цѣлый вечеръ танцуютъ, потомъ ужинаютъ и немножко отдыхаютъ. Но лишь только запоютъ первые пѣтухи, хозяинъ будитъ гостей и дружки начинаютъ одѣвать невѣсту. Одѣваютъ ее въ бѣлую рубашку, бѣлую юбку и все это прикрываютъ „катанкою“. Женихъ пріѣзжаетъ очень рано. На немъ бѣлая рубашка, новый кожухъ и бѣлая свитка; на шапкѣ красная ленточка. Его дружина вся верхомъ. За столъ сажаютъ его вмѣстѣ съ невѣстой. Онъ остается въ шапкѣ. Всѣ ѣдятъ, кромѣ нареченныхъ, которые должны отправиться къ

вѣнцу на-тощакъ. Музыканты, нанятые отцомъ невѣсты, играютъ въ концѣ стола. Потомъ какой-нибудь свѣдущій въ благословеніи крестьянинъ лѣзетъ на печь, держа въ одной рукѣ продолговатый пирогъ, а въ другой булочку хлѣба. Всѣ встаютъ, кромѣ нареченныхъ. Музыка перестаетъ играть. Водворяется тишина. Съ печи раздаются удары булки о булку и слова:

Счастливо дреўце,
На которомъ пташки сѣдаюць;
Счастливо то дзѣтатко,
Которога матка, бацька благослоўляецъ.
Всѣ вмѣстѣ: Богъ, Богъ, Богъ!
Голосъ съ печи: Которые ёсць бобылки
И ни маюць своей кобылки,
На плечахъ дроўцы носюць
И ў Бога доли просюць.
Бобылки: Богъ, Богъ, Богъ, Богъ!

На столѣ лежитъ большая булка хлѣба, а на ней маленькая и до нихъ впродолженіе всей свадьбы никто не имѣетъ права дотрогиваться. На свадебный пиръ каждый изъ гостей приноситъ не менѣе двухъ булокъ хлѣба. Передъ выѣздомъ къ вѣнцу отецъ беретъ кусокъ хлѣба, мать посыпаетъ его солью и, перекрестивши дочь, кладутъ противъ нареченныхъ и говорятъ имъ: „Благаслаўляю цябе, дочушка, хлѣбомъ-солью и добрымъ здороўемъ“. Всѣ женщины впродолженіе всего пира сидятъ за отдѣльнымъ столомъ у печи. Двое братьевъ невѣсты или, если ихъ нѣтъ, двое ея родственниковъ, неженатыхъ, помѣщаются на лавкѣ позади ея и расплетаютъ ей косы, причемъ они бываютъ только въ однихъ рубашкахъ. Невѣста обѣими руками держитъ свою голову и не позволяетъ расплетать волосъ. Расплетши косы, братья должны прыгать чрезъ столъ на полъ, и въ то время сватъ бьетъ ихъ кнутомъ. По окончаніи этой церемоніи, всѣ встаютъ и поютъ:

До дубу, зязюля, до дубу,
Часъ табѣ, Машинька, до шлюбу,
Чи ты своей мамульцѣ не люба —
Мяконька посцельки не слала,
Щиринька голоўку ни чисала.

Всѣ выходятъ изъ-за стола; нареченные кланяются всѣмъ въ поясъ, и имъ въ это время поютъ:

Корыся, Машинька, корыся,
Низинька ў ножки клонися.
И старóга и малóга не минай,
И ў Бога долючки добывай,
Старóга, малóга не минешь
И ў Бога долючки добудзешь.

Невѣста, выходя изъ дому, поверхъ катанки надѣваетъ теплый платокъ, голову же оставляетъ непокрытою. Она ѣдетъ къ вѣнцу на парѣ лошадей съ двумя дружками, а родственникъ ея правитъ лошадьми. За нею ѣдутъ 2 „откосника" верхомъ, а за ними тоже верхомъ женихъ съ дружиною. Когда невѣста выѣзжаетъ со двора, оставшіяся дома женщины поютъ ей:

Ай свѣтъ свитаець,
А зара занимаець,
Нашая Машинька съ двора зъѣзжаець.

Дорогой дружки невѣсты поютъ:

На горѣ царкоўка,
А ў ней свѣчки цеплюцца,
Тамъ наша Маша Богу молицца.

Сначала ѣдутъ всѣ къ священнику; онъ спрашиваетъ: знаютъ-ли они молитвы и потомъ вѣнчаетъ. Отъ вѣнца молодая съ дружками и родственниками ѣдетъ къ своимъ родителямъ, а женихъ—съ дружиной--къ своимъ. Лишь только отъѣдутъ отъ церкви, дружки поютъ молодой:

Мы попа ошукали,
Дзёшева шлюбъ ўзяли.
А ня ў попа мы были,
А мы были ў Бога—
Да ў Духа Святóга.
Да молися Богу,
Да и Духу Святому.

(Ср. въ свадебн. Витеб. у.)

Отецъ и мать встрѣчаютъ молодую съ хлѣбомъ-солью и разстилаютъ передъ ней кожухъ. Дочь кланяется имъ и входитъ въ свѣтлицу. Ее сажаютъ на почетномъ мѣстѣ подъ образами, и начинается пирушка. Послѣ обѣда пляшутъ. Между тѣмъ женихъ съ дружиною пируютъ въ своемъ домѣ, а послѣ обѣда онъ съ дружиною и музыкантами „самъ девять" собирается ѣхать за молодою. Предъ отъѣздомъ всѣ идутъ въ истопку и становятся въ рядъ. Бабы поютъ имъ:

До раду, сватъ, до раду,
Собирайцесь ў одну громаду.

Потомъ возвращаются въ свѣтлицу, садятся за столъ и начинають давать подарки жениху, причемъ кто-нибудь, взлѣзши на печь съ булками, благословляетъ его и невѣсту. Отправляются всѣ почти верхомъ. Отецъ молодаго не ѣдетъ: его мѣсто заступаетъ крестный отецъ. Въ одну телѣгу запряжена пара лошадей и на ней ѣдетъ сватъ со сватьею, чтобы привезти молодую; другая же телѣга идетъ пустая за „кубломъ“ молодой. Когда всѣ уже сядутъ на лошадей, отецъ молодаго выходитъ съ ковшомъ овса и посыпаетъ имъ всѣхъ лошадей и людей. Наконецъ уѣзжаютъ очень быстро. Во время ихъ отсутствія къ отцамъ новобрачныхъ собираются старыя женщины и начинается церемонія печенія короваяа

При печеніи коровая присутствуютъ всѣ бабы и принимаютъ дѣятельное участіе. Самая же главная мастерица, надѣвъ чистый передникъ и засучивъ рукава, затягиваетъ пѣсню:

Сама жь я ни знаю,
Што ў гетымъ коровяю:
Сями поль пшеничуенька,
Сями рѣкъ водзиченька,
Дзисяци короў масла,
Да яецъ полтораста.
Старшіе коровайници,
Залатые зарукаўницы!
Коровайницы пьяны,
Ўсё цѣсто покрали,
Ў кишени поховали.
Тамъ-же-шь имъ на бяду пойшло,
Ў кишани цѣста подойшло.

Ту же самую пѣсню поютъ при печеніи коровая и у невѣсты. Ваня долго, долго ожидаетъ у воротъ Маши, потому что ворота всѣ хозяинъ запираетъ. У калитки разряженная сноха. Ванька поетъ:

Ай сватку нашъ, сватку!
Пусцьжь насъ ў хатку,
А ужъ жъ мы помёрзли,
Да на лютымъ морози,
Да ў доўгой дорози.

Послѣ этой пѣсни отецъ Маши отворяетъ ворота и впускаетъ гостей. Между тѣмъ дружки Маши поютъ:

Сватъ ў хату лѣзиць,
Да ў печь поглядаиць:
Чи густа капуста?
Чи вяликъ горшекъ каши?
Чи поѣдаюць наши?

Ваня со своими входитъ въ свѣтлицу, сватъ его впереди. Всѣ останавливаются на порогѣ свѣтлицы и сватъ говоритъ:

Прiѣхали жь мы на тую квѣтку,
Што видзѣли мы на печи ў лѣтку.

Послѣ этой рѣчи свата, сноха подходитъ къ Машѣ и цѣлуетъ ее. Ванька въ это время кланяется всѣмъ. Тутъ заиграетъ музыка, и начинается пляска. Немножко спустя подаютъ закуску, Машу съ Ваней сажаютъ въ почетномъ углу. За столомъ Ванька сидитъ въ фуражкѣ опущенной на глаза, Маша плачетъ. Закуска для бабъ подается на особомъ столѣ у печи. Онѣ ѣдятъ вареные кочаны капусты и потомъ разрѣзанные на 4 части и толокно; только нѣкоторыя блюда подаютъ имъ изъ-за общаго стола. Бабы за столомъ поютъ:

Хвала жь табѣ Божа
Што шаша удалося,
Пивамъ, медамъ ўзялося.
А горэлица сыцыцею,
А Маша молодзицею.

Къ концу закуски вносятъ „кубелъ" Машинъ, ея мать открываетъ его, вынимаетъ оттуда холстъ и рѣжетъ его для свата и „откосниковъ" полотенца „упиральники", которые они сейчасъ завязываютъ чрезъ плечо. На крышку кубла всѣ кладутъ подарки Машѣ и поютъ:

Сястрицы боярочки,
Кладзица подарочки
Дзяцюки молойчики,
Кладзицяя чирвончики.
Дзяцючки молодые!
Кладзица золотые.
Жоночки лябёдочки!
Кладзица намёточки.
Дзядзечки лябедзечки!
Кладзица копеечки.

Всѣ приближаются къ сидящей за столомъ Машѣ и черезъ столъ кладутъ ей на крышку подарки, приговарывая:

Ты, Машенька, на гэта не ўважай,
Раненька ўставай,
Да й мужа разбужай.

Маша все плачетъ и вмѣстѣ съ Ванькою всѣмъ кланяется, сидя за столомъ. Потомъ всѣ встаютъ изъ-за общаго стола и 3 раза обходятъ тотъ столъ, за которымъ сидѣли бабы.

Затѣмъ всѣ садятся за столъ и „приданки" поютъ:

По загорью синіе краски цвяцѣли,
А по застолью любые госци сядзѣли.
Цвѣўши, цвѣўши синіи краски спадуць,
Пиўши, ѣўши любыи госци поѣдуць.

Потомъ всѣ встаютъ изъ-за стола. Маша вмѣстѣ съ Ванькою прощаются съ родителями, причемъ кланяются въ поясъ и цѣлуютъ ихъ въ руки и лицо. Маша голоситъ:

А ў бору зязюлька кукуиць,
Маша мамульцѣ дзянькуиць:
Дзянькую, мамулька, за хлѣбъ за соль!
Ни пойду больше за твой столъ,
А хоць же буду ў госцину.
Навяжу ў хусту госциня.

Машѣ поютъ:

Бяроза зъ листкомъ
Ўсю восень говорила,
Маша съ мамкой
Ўсю ночку говорила.
Ня бось, бярозка,
Я цябе ни покину,
Ня бось, матулька, ня бось, родная,
Я цябе ни покину,
Я на цябе на забуду,
Я къ табѣ ў госци буду,
Я съ табой сядзѣць буду,
Я съ табой говориць буду.

Дружки поютъ: *)

Маша отъѣзжаиць,
Матульку покидаець,
Старую, надужую
Съ дзѣтками дробненьками,
Съ служками вѣрненькамп.

Когда невѣста съѣзжаетъ со двора.

Якъ табѣ, зораночка,
Съ соўнійкомъ разстацися,
Зъ мѣсяцемъ спознацися?
— А я такъ разстануся,
А я сякъ спознаюся:
Тучками обоўюся,
Дождзами оболлюся.
— Якъ табѣ, матухна,
Зъ матухной разстацися,
Съ свякровой спознацися?
— А я такъ разстануся,
А я сякъ спознаюся:
Косками опущуся,
Слезками оболлюся.

---

*) Лучшій варіантъ этой пѣсни см. въ „жнивныхъ-ярныхъ“.

Дорогой приданки поютъ:

Играй дудочка съ сёлъ до сёлъ,
Кабъ мой миленьки быў вясёлъ.
Играй дудочка отъ села до села,
Кабъ моя Маша была вясяла.

Когда молодые въѣзжаютъ на дворъ Ваньки, приданки поютъ:

Приданки на дворъ ѣдуць,
Курочки подъ печь бягуць,
Ня бойцися, курки, ня многа васъ треба:
Семь на снидання, а восьмая на вячеру,
Дзевятую на прощання,
А дзисятую на отъѣзжання.
Одчини, мамулька, воконца!
Мы вяземъ табѣ нявѣстку якъ слонца.
Одчини, мамулька, новый дворъ!
Вяземъ табѣ нявѣстку якъ яворъ.
Одчини мамулька вяршочакъ!
Вязёмъ табѣ нявѣстку съ кормочакъ.
Одчини, мамулька, новый тынъ!
Вязёмъ табѣ нявѣстку якъ твой сынъ.

Молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью и проводятъ ихъ чрезъ кожухъ, разостланный на порогѣ дома. Маша даетъ свекрови полотенце. Затѣмъ садятся за столъ, молодые на почетномъ мѣстѣ. Въ отсутствіи Ваньки коровай выносятъ изъ печи въ амбаръ, причемъ крестьяне стучатъ топоромъ объ косякъ двери, чтобы сдѣлать дверь шире, потому, что коровай не можетъ вылѣзти и поютъ:

Ахъ, мой Божа, да вяликъ дужа-жь нашъ коровай.

За столомъ приданки поютъ:

Приданки запоцѣли,
Гуляць захоцѣли.

Тогда начинается пляска. У отца Ваньки приданки стаются цѣлыя сутки. Утромъ на другой день онѣ молодыхъ ведутъ къ колодцу и поютъ:

Павядземъ молодую на воду,
Паглядзимъ на ходу:
Чи ни крывыя ножки,
Чи ни косые воченьки?

И тутъ же обливаютъ молодыхъ водою, держа надъ ихъ головами кусокъ холсту. Потомъ всѣ возвращаются домой и приданки поютъ:

Приданки отъѣжджаюць,
Машеньку покидаюць.
Прожу жъ цябе, мой сваточакъ, съ поваги,
Кабъ ня было нашей Машиньки зниваги.
Кабъ ня была вячерочка подъ окномъ,
Кабъ ня была посцеличка подъ угломъ,
Кабъ ня были ей слезачки за воду,
Кабъ ня бÿу ей рукавокъ за ручничокъ.

Родня Ваньки отвѣчаетъ приданкамъ:

Нихай же яна хатку подмяцець,
Нихай же яна на вулку шумы ни нясець.
Нихай же яна на дворъ нясець
И ножками притопчиць.

Приданки поютъ:

Ай по новинькой святлицы
Разходзилися сястрыцы,
Лѣпшь намъ было, сястрица, ни родзицца,
Чимъ цяперь съ тобой расхадзицца.
Ня бійцяжъ яе дубцомъ,
А научайцежъ яе слоÿцомъ.
Отъ дубца дурнѣиць
Отъ слоÿца разумнѣиць.

—

Поѣдзимъ же, домовочки,
Съ гэтай няволячки:
Намъ дома лѣпшь будзиць,
Для коня оброкъ будзиць,
А для свата мядокъ будзиць,
А для свацци горэлочка,
А для брата паненочка.

Послѣ этого приданки уѣзжаютъ домой. Пріѣзжая къ отцу Маши, онѣ поютъ:

Якова табѣ мамонька безъ дочки?
Нарастуть на золавочкахъ козлячки.

Собранныя на свадьбу старухи прощаются съ хозяевами и поютъ:

А на што-жь на вяселля звали?
Кабъ я вѣдала—не пойшла.
Чи ябъ дома работки ни знайшла?
Чи ябъ воўначку ни скубала?
Чи ябъ рукоядочку ни спрала?

После чего расходятся по домамъ.

563

А сватъ съ сваціяй
Поплеў лапци
Съ тоўстыхъ лыкъ.
Ходзиць, топчиць,
Храбруиць якъ индыкъ.

564

Соловейка на вылёци,
Сѣў жа-жь ёнъ на вороци,
Стаў жа ёнъ щабетаци (2),
Крылками махаци (2);
Крылками махаючи (2)
Пташичикъ сзываючи:
Пташачки ко мнѣ, ко мнѣ (2),
Паляту я съ вами
Съ добрыми солоўями.
Иваничка на выѣздзи (2)
Сѣў жа ёнъ за столикомъ (2)
Стаў жа ёнъ говорици, (2)
Хусточкой махаючи (2),
Брацяткоў ўзываючи:
Брацятки, ко мнѣ, ко мнѣ!
Поѣду я съ вами (2)
Съ родными брацятками.

565

Ляци, поляци, ясенъ соколъ ў чистый боръ.
А хоць поляту, хоць ни поляту—ни дбаю,
Мижъ ўсихъ лябядзёў свою пташку спознаю.
А ѣдзь, поѣдзь молодзый Иванька къ цясцятку.
А хоць поѣду ни поѣду,—ни дбаю,
Мижъ ўсихъ дзѣвачакъ свою Машеньку спознаю.

566

Ходзила лисочка по бору, (2)
Ды просилася ў соболя: (2)
А ты такій жа сякій соболю!
А выведзь жа мяне су бору,

А ужо мнѣ ў бору доѣла (2)
Объ шишки ножки поколола, (2)
Объ вересъ вочки высцебала,
Росицай хвосцикъ смочила.
Ходзила Машенька по двору (2),
Ды просилася ў Ваньки (2),
Ды сякій жа ты такой Ваничка, (2)
А вывезъ мяне отъ татки, (2)
А мнѣ ўже ў татки доѣла, (2)
На высокихъ ганкахъ ходзючи,
Золотые ключи носючи.

567

Ай восень, восень!
Кому на восимъ,
А ко мнѣ ни воднаго.
Стукнула, грукнула на дворѣ.
Поглядзи мамулька,
Чи ни по мнѣ?

568

Ай боромъ, боромъ, боромъ,
Лижала дорожка шнуромъ —
Ѣхало казакоў семъ полкоў,
На пирадочку Иванька.
Ёнъ назадъ хусточкой махаецъ,
Ёнъ свою дружинку сцихаицъ.
Ай цихо, братцы, моўчице-шь,
Ни зязюлька ў бору кукуиць,
Ни соловей ў лозѣ щабечиць,
То моя дзѣвонька спиваиць,
Тонкую кошульку спиваець,
Да при цёмной ночи, при свѣчи,
При ясной зарѣ на дворѣ.

569

Лётало стадо куропатъ по полю,
Вяли зязюлечку съ собою,
Ды приляцѣли къ зяленому садочку:
А тутъ табѣ, наша шѣрая зязюлька, остацися,
Съ намъ пташкамъ куропаткамъ растацися.
Шло-пошло короводъ дзѣвокъ зъ коморы,
Вяли-повяли молодую съ собою,
Ды повели къ часо́вому столо́чку:
Знаць табѣ тутъ, Машухна, растацися,
И съ намъ дзѣўкамъ бояркамъ растацися.

570

Лётаў, лётаў соловейка вокола сада,
Пытаўся ў зязюли якъ ў садъ ляцѣць.
— Дурненькій соловейка, ниразумненькій!
Подыйми вѣшачку и ляци ў садъ,
Ляци ў садъ и клюй виноградъ
Сердцавиной до одной вѣточки,
Клюй со мной одну ягоду,
Пей со мной одну пѣсеньку.
Ѣздиў мальчишка коло воротъ,
Пытаўся у дзяўчонки куды на дворъ ўзъѣзжаць
— Дурнэй мальчишка, ниразумненькій:
Одними вороты ды ўзъѣздзь на дворъ,
Ўзъѣздзь на дворъ, съ коня долоў,
Съ коня долоў, ды цясцю здороў,
Цясцю здороў, а къ ей ў церомъ,
Сядзь со мной на одной лавочкѣ,
Ѣшь со мной одной ложачкой,
Говори со мной ў одно слоўцо.

Записалъ обрядъ и пѣсни ученикъ 7 класса Витебской гимназіи
Владиславъ Пржисецкій.

Свадебныя пѣсни въ с. Дубровкахъ *)

571

На заручинахъ.

Ды ў мѣсяца два рожочьки востренькихъ:
Одзинъ рожочикъ зялину воду освяциў
Другій рожочикъ на небѣ звѣзды суличиў.
Ды ў Андрейка два брацитки родненькихъ:
Одзинъ брацитка яму коника сидлаиць,
Другій брацитка яго молодого навучаиць:
Якъ поѣдзимъ мой брацитка жаницьца,
Посадзюць табѣ три паненки на выборъ:

*) Лепельскаго уѣзда.

Одну паненку ў золоци—раненька,
А другую ў серабрѣ—раненька,
А трецціо ў разуми — раненька.
Ни бяри тую што ў золоцѣ—раненька
Ни бяри тую што ў серабрѣ — раненька,
А бяри тую што ў разумѣ—раненька,
Мы на яе свое золото ўзложимъ,
А мы же ей свайго разума ня ўложимъ:

572

На заручинахъ.

А ни хилися, а ни ламися калинка,
Ни валикая ў Халимонки дружинка,
Семсотъ козакоў, а прочь полякоў дли яго,
Ёнъ полемъ ѣдзиць, ажъ поля дрыжиць отъ яго,
Ёнъ лѣсомъ ѣдзиць, лѣсъ разлигаиць отъ яго,
Богъ тому даець кто дочку отдаець за яго.

573

А куды жъ ты млада Гапулька глядзѣла,
Што за такого непригожаго хоцѣла?
—Я глядзѣла ў шкляноя воконцо,
—А ёнъ ѣхау на чорнымъ кони якъ сонцо.

574

Когда невѣсту сажаютъ на посадъ.

Ляцѣла шѣра зязюля цираз садъ
Ахъ рана раненька циразъ садъ,
А часъ табѣ Гапулька на посадъ,
Ахъ рана раненька на посадъ.
А штошъ табѣ зязюля до того?
Ахъ рана раненька до того.

Есць ў мамы ..... на тоя
Ахъ рана раненька на тоя,
Скажиць яна сѣсци я сяду,
Ахъ рана раненька я сяду,
Скажиць мнѣ склонициса, склонюся
Ахъ рана раненька, склонюся.

575

Сядзь жа, сядзь саловейка,
Обмыслися.
Ци ўсѣ ў твоимъ садочьку
Красачки ёсць.

Усѣ ў моимъ садочьку
Красачьки ёсць,
Тольки нѣтъ однаго
Божжа дзереўцо,

Сядзь жа, сядзь Гапулька,
Обмыслися:
Ци ўся ў твоей бясѣдзи
Сямейка ёсць?
Ўся ў моей бясѣдзи
Сямейка ёсць.
Тольки нѣтъ, тольки нѣтъ
Моей матухны.
Некаму жъ, некаму
На посадъ сядзиць,
Некаму жъ, некаму
Бога славиць.
Посадзиць на посадъ
Цябе матухна,
Богасловиць, богасловиць
Самъ Господзь Богъ.

576

Рада Божжа пролецила
Циразъ гэту рыдзельку ўмяценую,
Циразъ гэту бясѣду вяселую.
Радовайся сердзеченька....
Спраўляючи васеллійка....
Тогды мое сердзечко радовалося,
Якъ мое дзицяця годовалося,
Тагды мое сердзечко ўлякнулося,
Якъ мое дзицяця склонилося.

577

Когда невѣста сидитъ въ клѣти и женихъ съ дружиной подъѣзжаетъ къ дому.

Якъ застучели куты колесы
На двори,
Якъ заплакала млада Гапулька
Ў камори
Выйдзи, выйдзи моя родная
Откажи.
Якъ я маю мое дзицяци
Отказаци.
Поѣхали князи бояры
Кабъ ўзяци.

578

Што за панове, што за сватове на двори?
По польску мовюць, Гапульку просюць до сябе.
Ай выйдзи, выйдзи млада Гапулька ты до насъ,
Ци спознаишъ своего суженьку мижи насъ?
А хоць я выйду, хоць я ня выйду, ёнъ тутъ ёсь.
А што ў въ атласѣ, ў жоўтымъ поясѣ—дзевирка.
А што ў синимъ, на кони сивымъ—старшій сватъ.
А што ў злоци, ў козловымъ боци—суженька.

579

Ды ходзили два стрѣльчика по бору,
Ды забили сивого коня ў ламу.
Якъ зачула сива лосица ў бирагу,
Якъ ударила крутые роги объ дороги:

Нихай гэты крутые роги пропадуць,
Нихай жа мнѣ сиваго лося отдадуць.
Замкнулась млада Гапулька ў комори,
Застучели кутые колы на двори.
Якъ зачула родная мамка ў клѣци,
Якъ ударила золотые ключи объ скрыню:
Нихай гэты золотые ключи пропадуць,
Нихай яны мойго дзяцяци ни бяруць.

580

Когда расплетаютъ косу.

Да ни жарка горицъ калинка,
Да ни жалка плачиць Гапулька,
Ни жалѣиць своей матульки,
Да жалѣиць своей косаньки,
Косанька моя русая!
Ня одно раныйко спирала,
Русую косаньку чисала,
Ўчосы мое гладкіе,
Уплёты мое густые.

581

Якъ пошоў виноградъ по загорійку,
Сцелючи лисцики по коренійку.
Якъ пошла Гапулька по застолійку,
Сцелючи обрусы тоненькія,
Ломючи рученьки бяленькіе,
Ронючи слёзачки дробненькіе.

582

Сядзимъ, мамка, повячерамъ,
Тогды, мамка, подзѣлимся:
Табѣ, мамка, хатка каморка,
А мнѣ, малодзенькой, кубилъ, короўка.

583

Наткосничикъ ни вяличикъ
Поцалуй сястрѣ ў чиравичикъ.
— Якъ я маю цаловаци,
— Коли ня ўмѣю шановаци. —

584

Передъ отъѣздомъ въ церковь. Въ домѣ невѣсти:

За саньми, саньми
Три сады зяленыхъ.
Ай рана, рана—три сады зяленыхъ *).
Ў первымъ садочьку
Зязюля кукуицъ,
Ў другимъ садочку
Солоўи щабечуць,
Ў трецщимъ садочьку
Гапулька плачиць.
Зязюля кукуиць
Ў гаи летучи,
Солоўи щабечуць
Ў сады летучи,
Гапулька плачиць
Отъ мамульки идучи.

585

Чаго сядзишъ,
Што думаишъ, Андрейка,
Хтожъ за табой
Наткосничкомъ поѣдзиць?
Твой брацитка,
Твой родненькій ня хочиць.
Якъ пойду я
Сама яго просици,
Якъ стану я
Дробные слезки роници.
А ѣць, поѣць
Мой брацитко ня ткажи,
Хоць ни за мною,
Дыкъ за русою косою.

586

А нѣтъ горшаго ката
Надъ родного брата,
Ёнъ косаньку звоицъ,
Голоўку збузуиць.

587

Зародзи, Божа, братняго жита
По полю, по колосочьку,
Растрипаў мое русые коски
По плечь какъ по волосочьку.

588

Если невѣста сирота:

Лятуць, лятуць
Шѣрые гуси циразъ садъ.
Вядуць, вядуць сироточку на посадъ.
Сироточка по садочку ходзила,
Черную спежку ўсю слезками змочила,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, съ повтореніемъ послѣдняго.

Ды слоўцами ўсё мамухну будзила:
Ахъ ўстань, ўстань, моя матухна, ня ляжи,
А хоць-же-шъ одну мнѣ ноченьку поможи.
Радабъ я ўстаци къ свойму дзицяци,
Пораданьку даци;
Грабовы доски сциснули ножки—
Ни магу повярнуцца,
Жоўтый пясочекъ засыпаў носочикъ—
Ни магу продыхнуци,
Траўкой-мураўкой заросли вочьки—
Ни могу проглянуци.

589

Въ домѣ жениха:

За лѣсомъ, лѣсомъ
Соўнiйка играицъ,
Ай рана, рана
Соўнiйка играицъ,
А тамъ Андрейка
Коника сидлаицъ,
Ай рана, рана
Коника сидлаицъ.
Ни такъ сидлаицъ,
Якъ сильна плачицъ,
Ай рана, рана,
Якъ сильна плачицъ.
Пришла матулька
Яго пытаицъ.
Ай рана, рана
Яго пытаицъ:
Чаго мой сынку
Такъ сильно плачешь?
Ай рана, рана,
Такъ сильно плачешъ?
Якже матулька,
Якъ мнѣ ни плакаць?
Ай рана, рана
Якъ мнѣ ни плакаць.
Ўзяў навѣсту
Повышы сябѣ,
Повышы сябѣ,
Пониже Бога.
Якъ шасницъ глазами,
Яжъ сулякнуся.
Ай рана, рана
Яжъ сулякнуся.
Якъ бразницъ ключьми,
Съ коня валюся,
Ай рана, рана
Съ коня валюся.
Ни плачь, мой сынку,
Ни плачь молодзенькiй,
Ай рана, рана
Ни плачь молодзенькiй.
Ў насъ побудзицъ,
Гэтого ня будзицъ,

Ай рана, рана
Гэтого ня будзиць
Тоўчучи мелючи,
Шаты ѳободзяиць.
Ай рана, рана
Шаты ѳободзяиць.
По воду ходзючи,
Ключи погубляиць,
Ай рана, рана
Ключи погубляиць.

590

Сядзиць зайка подъ ёлочкой вочки трець,
Идзець туды Андрейко зайку бьець.
За што про што, молодъ Андрейка, зайку бьешъ?
Ци я табѣ дороженьку пирабѣгъ,
Ци я табѣ ворона коня отпудзиў,
Ци я табѣ младу Гапульку отпудзиў?
Пирабѣгли дороженьки бигунцы,
Отпудзили младу Гапульку молойцы.

591

Ды ня конь копытомъ позвониў
.... по сянёмъ походзиў,
Роднаго брацитку побудзиў:
А ўстань, брацитка родненькій,
Выбирай коникоў ўпаристыхъ,
Выбирай сваточкоў мовистыхъ,
Выбирай дудачку игрулью,
Выбирай свацицу ня голлю,
Ды й тамъ чужая стброна
Какъ намъ не было сбромa.
Играй дудачка съ сёлъ до селъ
Кабъ мой брацитка быў васёлъ.

592

Передъ отъѣздомъ въ церковь.

Колясомъ, соўника, колясомъ!
Обсѣй, мамухна, насъ оўсомъ.

По возвращеніи изъ церкви—дорогою.

Мы для Бога были,
Мы Богу молилпсь,
Ды хвала жъ табѣ, Божа!
Што наша удалося,
Што попа ошукали,
Нядорого за шлюбъ дали.
Ай попе, попе, бацька нашъ,
Повѣнчай же насъ ў добрый часъ!
Ци попъ, ци ня попъ винчаиць,
Святый Антоній злучаиць.

593

Въ домѣ молодой, передъ тѣмъ какъ ее увезутъ къ свекрови. Поютъ молодой.

Ды поѣдзимъ,
Мой брацитка, домоўки,
Ды повяземъ
Нявольницу зъ нявольки.
Пусцимъ мы яё
Ў своей хатанцѣ по воли,
А станимъ мы
Ўсѣ на яё глядзѣци:
Ци будзиць яна
Нашей хатанцѣ радзѣци?
Ци будзиць яна
Нашу матухну шановаць.
Чисцинька пойду,
Скажуць: нявѣстка хваслива,
Циханька пойду,
Скажуць: нявѣстка лянива.

594

Поютъ молодой.

А свѣтъ свитаиць,
Зара займаиць,
Ахъ рана, рана—зара займаиць,
Млада Гапулька
Зъ двора зъизжаиць,
Ахъ рана, рана—зъ двора зьизжаиць.
Ў яё матулька
Ключи питаиць,
Ай рана, рана—ключи пытаиць.
Я й ни клюшница,
Я й ни вярница,
Ай рана, рана—яй ни вярница.
А я клюшница
Своему свекру,
Ай рана, рана—своему свекру.
Ды я вярница
Своей свякроуки,
Ахъ рана, рана—своей свякроўки.

595

Ни приданки ѣдуць—міщанки
Ни обрусы сцелюць—китайки,
Снимайци потрепничьки,
Сцялиця кужельничьки.
А гуляка наша свацица гуляка!
Заѣхала яна ў чужоя сяло гуляци,
Ды й не кого за ей молодой позваци.

596

Ай свату мой, свату!
Проси свацию у хату.
А сваця ня вѣдала,
Ў хлѣў заѣхала,
Быку руку дала,
Съ казломъ виталася,
Ў барана пыталася:
Ци густа капуста?
Ци вяликъ горшокъ каши?
Ци поідаюць госци наши?

597

Ўдалые приданые,
Прошу васъ.
Ахъ пійця жъ вы,
Гуляйця жъ вы,
Якъ мы ў васъ!
Ды ёсць ў насъ
Бочичка вина,
Ўсё дли васъ.
Выпьимъ мы тую,
Знайдзимъ другую,
Ўсё дли васъ.

598

Ды вумная, разумная дзѣванька!
Поставила стороженьку на броду,
Сама сѣла подъ вишенькой ў саду.
Откуль, откуль ясноя сонца ўзойдзиць,
Оттуль, оттуль моя мамухна ўзъѣдзиць.

599

На другой день утромъ.

Пріѣхала мацi
Глядзици дзиццяци:
Ды ци хорошо спала?
Ды ци весело ўстала?
Спала яна хорошусенько,
Ўстала яна висялюсенька.

—

Братъ сяструу домоў зовець:

Ѣдзв, брацитко, дзинъ здороў!
Мнѣй тутъ добра будзиць,
Нашимъ конямъ оброкъ будзиць!

—

Кациўся хмѣль подъ варотъ,
Часъ вамъ госця за вороты.
Ни пускайце госцей,
Ни давайци воли.

Нашп бочьки ня ўдовачьки,
Гвоздомъ точуць, вядромъ носюць.
Ни пущайци госцей,
Ни давайци воли.

—

Кацилася шапка съ столу долоў,
Ѣцця, сваты, къ чорту домоў!

600

Да ни дамъ калинки ни кому,
Повязу калинку съ собою
Ды ў свекоркову комору,
Кину калинку ў пяринку,
Тутъ табѣ, калинка, развицьца,
А мнѣ, молодзѣ, разжицьца.
Тутъ табѣ, калинка, пропадаць,
А мнѣ, молодзѣ, вѣкъ віковаць.
Ды што гэта приданные блудзили,
Ды ў чистымъ поли дорожиньку згубили,
Да згубили сивого коня подкову.
Ни жаль жа намъ сивого коня подковы,
Да жаль жа намъ своей сястрицы размовы,
Яна жъ ў насъ разумница бывала
И съ панами королями моўляла.

Зап. Л. П. Скляренко.

Свадебный обрядъ въ м. Чашникахъ *).

Свадебный обрядъ **) обнимаетъ періодъ времени отъ трехъ до четырехъ недѣль и распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) Заручины, 2) Вянокъ, 3) Шлюбовины, 4) Калинки и 5) Перезоўки.

*) Лепельскаго уѣзда.

**) Эти замѣтки о подробностяхъ этого обряда основаны на устномъ разсказѣ пѣвицы и по возможности удержаны ея тонъ рѣчи и образъ выраженія, съ устраненіемъ лишь бѣлорусскаго говора. Только первый отдѣлъ: заручины и заключенія распространены и измѣнены мною для большей ясности.

Заручины (или запоины).

Очень часто случается, что молодой человѣкъ (молойдзецъ, дзѣцюкъ) ужь за полгода до заручинъ коротко знакомъ съ своей будущей невѣстой и пользуется ея добрымъ расположеніемъ. Это разумѣется рѣдко ускользаетъ отъ наблюдательнаго глаза родителей, которые не торопясь подъ рукою собираютъ нужныя свѣдѣнія о характерѣ дѣвушки, о ея роднѣ, а главное о выгодности этой связи для ихъ сына, и если послѣ зрѣлаго размышленія рѣшатъ въ пользу послѣдняго обстоятельства, то назначаютъ день, берутъ съ собою молодца и отправляются въ домъ его суженой для рѣшительныхъ переговоровъ. Но если женихъ круглый сирота или имѣетъ только мать, то онъ самъ беретъ починъ въ этомъ дѣлѣ и дѣлаетъ этотъ важный для него визитъ въ сопутствіи крестной матери и двухъ женатыхъ людей изъ круга родныхъ или добрыхъ знакомыхъ, нарочно приглашенныхъ имъ для этой цѣли. Если родители невѣсты, или (въ случаѣ сиротства) ея родственники согласны на этотъ бракъ, то отецъ ея и отецъ жениха даютъ другъ другу руки, невѣста и женихъ кладутъ свои руки на ихъ руки крестъ-на-крестъ, а невѣстина мать своей рукой обхватываетъ всѣ руки. Затѣмъ молодые обмѣняются перстнями, и родители невѣсты, а если она сирота, то близкіе ея родные „кланяются Богу“, а за ними и молодые (они становятся пере ъ обр зами не на голой землѣ, а на подостланномъ платкѣ). Потомъ пьютъ водку (которую долженъ принести съ собой женихъ) и закусываютъ колбасой домашняго изготовленія. Послѣ закуски отправляются къ священнику „погодзиць церкву“. Священникъ пишетъ „заповѣдь“ для оповѣщенія въ церкви и назначаетъ день свадьбы, примѣрно черезъ три недѣли.

Вянокъ.

На третьей недѣлѣ, въ четвергъ или въ субботу назначается вечерина или „Вянокъ“. Наканунѣ вечерины (вянка) приходитъ „маршалокъ“ въ домъ невѣсты и приноситъ для нея галунъ (галёнъ) и вѣнокъ золотой на тарелкѣ, покрытый платкомъ и передаетъ ихъ ея матери, за что и получаетъ отъ нея въ подарокъ платочекъ. Въ самый же день вѣнка утромъ „боярка“ (дѣвица) по-

друга невѣсты) убираетъ голову послѣдней подаренными галуномъ и вѣнкомъ и отправляется вмѣстѣ съ нею по мѣстечку просить къ себѣ на вечеръ всѣхъ своихъ сродственниковъ. Кто имѣетъ сыновей (молойцевъ) и дочекъ взрослыхъ, отправляетъ ихъ къ невѣстѣ, гдѣ ихъ щедро угощаютъ. Часа въ два или въ три „вечерники“ (неженатые молодые люди) отправляются по мѣстечку и снова приглашаютъ тѣхъ же самыхъ гостей. Передъ вечеромъ гости собираются опять и замужнія женщины „разчиняютъ“ коровай. Неженатыхъ оставляютъ ужинать. Потомъ ихъ отсылаютъ домой съ музыкантами. Жены остаются тутъ и начитаютъ мѣсить коровай изъ пшеничной муки. Изъ тѣста онѣ выкатываютъ разныя фигурки, напримѣръ: утокъ, гусей, лебедей, боченки; дѣлаютъ изъ того же тѣста большой обручъ и кладутъ его на дно изъ тѣста же, а по срединѣ натыкаютъ эти фигурки,—выходитъ коровай рогатый. Затѣмъ вытопятъ печь, часто за полночь, и испекутъ коровай. Тутъ приходятъ два свата съ княземъ и музыкантами. Сватовъ и жениха сажаютъ за „кутъ“, а молодую противъ печки. Дружко жениха (маршалокъ) беретъ панчохи (чулки) и башмаки, платокъ и нѣсколько серебряныхъ денегъ, кладетъ все это вмѣстѣ на тарелку и покрываетъ платкомъ. Затѣмъ всѣ отправляются домой, а молодой остается тутъ ночевать.

Шлюбовины (день свадьбы).

Назавтра княгиня встаетъ рано и вмѣстѣ съ бояркой отправляется къ знакомымъ звать ихъ „на шлюбъ“. Всѣ собираются въ домъ невѣсты. Тамъ ставятъ среди хаты дежу (квашню). Невѣста становится на колѣни передъ дежой, облокотясь на неё. Въ это время ей расплетаютъ косу. Начинаетъ это дѣло меньшой братъ невѣсты или вечерникъ. Потомъ сажаютъ невѣсту за столъ. Она плачетъ. Передъ ней ставится тарелка, куда всѣ гости кладутъ деньги. Затѣмъ отецъ и мать благословляютъ её деньгами, серебромъ или бумажками, а не мѣдью.

Надъ нею читаетъ (умѣлый) рацею. Собранные деньги берутъ ея подружки; а сама со всѣми гостями идетъ въ церковь. За ней вслѣдъ идетъ сватъ съ короваемъ. Послѣ вѣнчанья невѣста съ подругами и гостями отправляется въ свой домъ, а женихъ въ свой. Часъ или два спустя, молодой со сватами и со всей своей

компаніей идетъ къ невѣстѣ. Передъ дверями они останавливаются, чтобы выкупить невѣсту, и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока въ домѣ не посадятъ княгиню съ подружками за столъ и не дадутъ имъ объ этомъ знать. Тогда маршалокъ входитъ въ хату, даритъ боярокъ за выкупъ невѣсты и выпихиваетъ всѣхъ дѣвокъ поодиночкѣ къ жениху, стоящему за дверью, все спрашивая: „ци ваша?“ „Ня, ня наша!“ Напослѣдокъ выпихиваетъ къ нему невѣсту. Она проситъ всѣхъ въ хату.

Тутъ невѣстинъ отецъ беретъ жениха и невѣсту и садитъ ихъ на кутъ. За ними садятся всѣ. Ихъ угощаютъ водкой и поютъ пѣсни. Затѣмъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда мать невѣсты беретъ образъ и благословляетъ молодыхъ. Вскорѣ пріѣзжаетъ и родня жениха, беретъ его, невѣсту и ея постель и садятъ её въ повозку и увозятъ въ домъ молодого, гдѣ его мать встрѣчаетъ ее съ хлѣбомъ и солью. Вслѣдъ за тѣмъ привозятъ ея сундукъ съ приданымъ. Молодая вынимаетъ изъ сундука скатерти и стелетъ ихъ по столамъ, а по стѣнамъ вѣшаетъ рушники. Гости садятся за столъ и ужинаютъ. За ужиномъ молодую уводятъ въ коморку или клѣть и тамъ надѣваютъ на неё сѣтку. Гости попируютъ, погуляютъ и разъѣдутся.

Сестра или мать молодого постелетъ постель чистой простыней и положитъ для молодой чистую бѣлую рубашку.

Калинки *).

На другой день приходитъ маршалокъ съ музыкантами. Онъ уходитъ въ клѣть и подымаетъ молодыхъ. Если молодая оказалась честною, то сватья (сестра жениха) беретъ ея рубашку, сверты-

---

*) Почему этотъ обрядъ называется „калиною“ или „калинками“, т. е. какое отношеніе онъ имѣетъ къ ягодѣ калинѣ, я никакъ не могъ добиться отъ своей, впрочемъ, много-знающей пѣвицы. Она въ отвѣтъ на это твердила мнѣ только: „чаму я вѣдаю?“ Тогда я ухватился за словарь бѣлорусскаго языка г. Носовича, недавно изданный Академіей Наукъ — тамъ и помину нѣтъ объ этомъ мѣстномъ исключительномъ значеніи этого слова на Бѣлой Руси. Я обратился наконецъ къ незамѣнимому ни чѣмъ въ подобныхъ случаяхъ словарю Даля и вотъ, что я нашелъ тамъ во 2-мъ томѣ подъ словомъ калина:

„*Калину ломать*, свадебный обычай: на столѣ у молодыхъ окорокъ и штофъ вина, заткнутый пучкомъ калины съ алой лентой; молодыхъ поднимаютъ и идетъ подчиваніе, обходятъ по домамъ родителей невѣсты, родичей, поѣзжанъ, а во-

вает въ комокъ и пришпиливаетъ къ ней красную ленту. Молодая беретъ ручники, навязываетъ ихъ черезъ плечо двумъ подружкамъ. При выходѣ изъ клѣти, изъ родни жениха дѣвушки подбрасываютъ подъ ноги молодой (шумъ) соръ. Она даетъ деньги за очистку этого сора. Входя въ хату, она должна поклониться отцу и матери молодого въ ноги. Тутъ молодой съ маршалкомъ беретъ сладкую водку, отправляется къ тестю, гдѣ его съ кампаніей „частуюць обѣдомъ“.

Перезоўки.

Весь рядъ свадебныхъ пиршествъ оканчивается на четвертый день „перезоўками“. Они заключаются въ томъ, что родители молодого отправляютъ къ родителямъ молодой кого нибудь, обыкновенно двухъ, съ приглашеніемъ на обѣдъ. Тѣ приходятъ или пріѣзжаютъ, если невѣста взята изъ другого мѣстечка или села, отобѣдаютъ, посидятъ, погуторятъ и уйдутъ, пригласивъ въ свою очередь къ себѣ молодыхъ со всей ихъ родней. На слѣдующій за тѣмъ день трудовая жизнь сроднившихся семействъ входитъ въ обыкновенную свою колею.

601

До сватовства.

Ходзила лисынька по бору,
А просилася ў соболя:
Ты таки, ты сяки, соболю!
Вывидзи мяне сы бору,
А вже жь мнѣ ў бору доѣла,
Шишички голоўки отбили,
Росица вочиньки выѣла.

Ходзила дзѣвынька по сянёхъ
А просилася ў сужиньки:
Ты таки, ты сяки сужинька!
Вывидзи мяне отъ бациньки,
А вже мнѣ у бациньки доѣла:
Зъ клѣци до клѣци ходзючи,
Золотые ключики носючи.

602

Заручины.

За ракóй живецъ тамъ кума моя,
А ў кумы дзяўчина-та душа моя,

ротясь, дружка рушитъ окорокъ и, расщипавъ калину, разноситъ вино“. Вѣроятно отъ калиноваго пучка первоначально въ Бѣлоруссіи названъ и этотъ обрядовый день свадьбы. Можетъ быть, этотъ обычай и до сихъ поръ еще существуетъ и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи именно такъ, какъ описанъ Далемъ. Жаль, что нашъ почтенный лексикографъ не указалъ мѣстности. Къ этому нужно еще прибавить, что если молодая оказалась нечестною, то „калинокъ“ не празднуютъ.

Отдамъ я попу пшаницы копу,
Кабы попъ новинчаў зъ куминой дзѣўкой.
Я ншонки ня жала и шлюбу ня брала,
Бодай на ця, попинка, трасца напала,
Штобъ трасла поўтора го̀да,
Якъ я дзѣўка сяжу моло̀да,
Штобъ трасла поўтора ро́ка,
Пущай табѣ, попинка, вылизиць во́ка!..

603

Затужила дзѣвынька,
Што рана зименька настала,
Сняжкомъ рутынька запала.
Но зъ чаго молодзѣ винка̀ звиць.
Зачаў жа тоя сужинька:
Ня тужи, ня бядуй, дзѣвынька!
Я ўчора на торгу побываў,
Я табѣ вяночикъ зторговаў,
Зъ рўты зъ мяты зъ шалфею,
Зъ чирвоные калины,
Зъ солодкія малины.
Чирвона калинка—сужинька
Солодка малина—дзѣвынька.

604

Зялёная рутынька жоўты цвѣтъ!
Коли замужъ ня отдадуць пойду ў свѣтъ
Зялёная рутынька зилянѣиць,
Хто мяне ня возьмиць—сжалѣиць,
Зяленая рутынька руциццa
Хто мяне ня возьмиць—скруциццa.

605

Ў насъ сягодни заручиньки
Богъ намъ даў!
Золотые перспни на ручиньки,
Богъ намъ даў!
Бѣлые сыры колупаць будзимъ,
Богъ намъ даў!
Молодого зяця честовaць будзимъ,
Богъ намъ даў!
Ножъ уломiйся
Зяць проявиўся,
Богъ намъ даў.

606

Знаць по вутынцѣ,
Знаць по шѣренькой
Што ина подстрѣлина:
Якъ полимъ ляцидь, (2)
Такъ ина низюсинька,
Ў кусточку сядзиць, (2)
Такъ ина цихусинька.

Знаць по дзѣвынцѣ,
Знаць по душиньцѣ,
Што ина сироцинька:
По хаци ходзиць,
Такъ ина цихусинька,
За столомъ сядзиць,
Такъ ина смутнюсинька.

607

Што за пташинька
Ўсё поля вылитала,
Крыльцомъ ни ўзмахнула
И пярца ни ўзронила?
Молодая дзѣвынька весь вечеръ сядзѣла.

Голоўеньки ни склонила
И слёзыньки ни ўзронила,
Слёзыньки ни ўзронила
И матыньки ни ўжалила.

608

Шѣрая зюзюлинька!
Вже твоё минаецца
Полевое полеванійка
И лѣсовое кукованійка.

Молодая дзѣвынька!
Вже твоё минаецца
Дзявоцкоя погулянійка
Молодоя красованійка.

(Всѣ 8 зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

609

Цемная ночинька ўже идзець
Молода дзѣвынька сватоў ждзець.
Богатый ня ѣдзиць.
А бидначёкъ худачёкъ ня смѣиць
Осмѣлься, худачёкъ, осмѣлься!
Богатому дураку насмѣйся.
Дамъ тебѣ, худачёкъ, рудничёкъ
Богатому дураку скулля ў бокъ.

(Зап. мною отъ той же.)

610

(М. Чашники)

Коровайныя.

Благослови маци
Свойму дзицяци
Короваю начаци!
Чія-то мятулька
По вулицы ходзиць
Сусѣдокъ просиць:
Сусѣдочки мое,
Ходзицежъ вы ко мнѣ,
Къ моему дзицяци
Короваю начаци!
Ручками бѣленькими,
Перстнями золотненькими.
На золоцѣ начали,
На серебрѣ сажали,
Шелковымъ помеломъ месци,
Золотой лопаткой несци.

611

Самъ Богъ коровай мѣсиць,
Прачистая свѣциць,
Ангели Божіи воду носюць
И ў Бога доли просюць:
Дай, Боже, долю
Нашему челядзину,
Счастливу годзину!
А съ субботы до нядзѣли годзина
Собралася нявѣсцина ўся родзина,
Сняли связли семъ копъ яецъ,
Семъ копъ яецъ да на коровай.
Съ субботы до нядзѣли годзина,
Собралася нявѣсцина ўся родзина,
Снясли связли семь фасокъ масла
Да на коровай.

612

Зъ сями поль пшеничанька,
Зъ восьми криницъ водзиченька,
Дзевяци короў масло,
А яецъ поўтораста,
Я и рогатъ и богатъ,
Ў малую дверь ня ўлѣзу,
Ў вяликую .....

613

(М. Коптевичи)

Ўдайся, ўдайся коровай!
Чамужъ яму ня удацьца?
Богатые ўчинили,
Пригожіе качали,
Пузатые сажали,
Росци, росци коровай!
Выше печи золотой
Выше столба мѣдзянаго,
Выше жениха молодого.

(Зап. учит. народн. училища г. Преображенскимъ.)

614

(*Чашники*)

Коровай мой румяны!
Ци боги цябе малевали?
Малевали мяне жонушки,
А качали мяне дзѣвычки,
А хорошіе ўчиняли,
А пригожіе мясили,
А богатые качали,
А пузатые сажали:

Росци, росци коровай,
Выше князя молодого!
Дайця мнѣ посошокъ подпирацца
А до клѣци добирацца.
А рогатъ я богатъ!
А ў малые дзвери ня ўлѣзу
А ў вяликіе, якъ шію.

—

Я была коровайничка,
Славная мѣщаночка,
Я ўмѣла коровай печи,
Штобъ яго ня поджегчи.

На злоцѣ качаци,
На серабрѣ сажаци,
Шоўковымъ помеломъ месци,
Золотой лопаткой несци.

615

Я была на короваи,
Тамъ мяне честовали:
Виномъ зиляненькимъ,
Мядомъ солодзенькимъ.

Пшеничка моя,
Непогодынька твоя!
При дорозѣ стояла,
Погодыньки ждала.

(Обѣ зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

616

(*М. Коптевичи*)

Зъ Могилева купцы ѣдуць,
Золотый обручь везуць (2),
На нашъ коровай кладуць
Семь фунтовъ шафрану,
Къ короваю приправу,
Ящё жъ къ тому дрожжей,

Кабъ ходзиў коровай бордзѣй.
Три сыры скрышили,
Коровай покрасили,
Намъ горѣлку давали,
Сырыми честовали.

(Зап. учит. народн. училища г. Преображенскимъ.)

617

(Чашники)

Въ день вѣнка. Поютъ сиротѣ.

Куковала зязюля ў садочку,
Приклаўши голоўку къ листочку,
Чагожъ ты, зязюля, кукуишь?
Ци ў цябе, зязюля, дзѣтыкъ нима?
Плакала нявѣста ў святлицы,
Приклаўши голоўку къ скамьицы:
Чагожъ ты зязюля такъ плачишь:
Ци ў цябѣ нявѣста бацьки нима?
Быў ў мяне бацинька — цяперъ нима.

618

— Ўчора рѣчинька быстрая шла,
— Сягодни рѣчинька цихо идзешь?
„Якъ жа мнѣ рѣчиньцѣ быстро ици,
„Коли на мяне калина схилилася,
„На Дунай вѣцiйки спусцила?“
— Ўчора дзѣвынька весила была,
— Сягодни дзѣвынька смутненька?—
„Якъ жа мнѣ дзѣвынцѣ вясёлою быць?
„Обсѣла мяне дружина,
„Ўся сужинаго родзйна,
„Зъ праваго боку сужинька,
„Зъ лѣваго боку свацинька,
„Напроциў мяне дружина,
„Ўся сужинькова родзина.“

619

Зъ бору цёмная туча идзець,
Молода дзѣвынька пшёнку жнець,
Ци ни боишся ты, дзѣвынька,
Гэтые цёмныя тучиньки!
Ды чаго жъ я маю бояцьца,
Ў гэтой тучинцѣ ўесь мой родъ:
Родная матынька напяродъ,
Ни водою мяне оболлець,
Долей-счасцимъ обошлець,
Ни водою мяне обмочиць,
Долей-счасцимъ обносиць.

620

Дѣвушки, отправляясь отъ невѣсты домой, дорогой поютъ:

Ў цябе кришталю пытаю:
Кого ты любишь, нихай бы я знала.

А я люблю оцецкую дочку.
А што ина ходзиць ў рутвяномъ вяночку.
На кого ты мой миленьки злучишь?
Што ты свою звонкую кобзынку псуешь?
А я злую на матку старую,
Што ня вялѣла худобыньки браци,
Тольки вялѣла богатэй шукаци.
Богатая по вулицы ходзиць,
Моя худобынька што возмиць, то зробиць.
Ў богатой волы ды коровы,
Ў моей худобыньки чёрнинькія крови,
Ў богатой волы поздыхаюць,
Ў моей худобыньки бровн ня злинаюць.
Ў нашей дзѣвыньки широкіе рукавы,
Штобы было гдзѣ класць нявинные славы.

621

Шлюбовины.

Когда садятъ молодую на посадъ:

Ляцѣли гусыньки чиразъ садъ,
Звали княгиню на посадъ.
Благослови бацинька мнѣ сѣсци
На счастливымъ мѣсци!
Благослови сѣсци—я сяду,
Благослови ици—я пойду,
Ваше благословенство возьму,
Хоць бы ни дзеньгами,
Добрыми словами.

622

Вечернички панычи!
Чаго ходзиця по ночи:
Ци за русою косою?
Ци за родною сястрою?
Ни за русою косою,
Да за родною сястрою.

623

Вичарничикъ ни вяличикъ!
Поцалуй сястрѣ ў чиравичикъ.
Якъ я маю цѣловаць,
Ня умѣла сястра шануваць,
Бѣлу кошульку ня мыла,
Мягку посцельку ня слала;
А вичарничикъ чирноброў!
Поцираў сястру между дроў,
Ёнъ искаў на зпайшоў,
Заплакаўши да пошоў.

(Обѣ зап. мною отъ той же.)

624

Когда расплетають косу.

Куковала зязюля на росѣ,
Плакала дзѣвынька по косѣ:
А косица моя русая!
Погуляння моё ранноя!
Ня одна ранейка гуляла,
Русыю косыньку чесала,
Бѣлоя личика умывала.
Чесала косыньку гребянцомъ,
Кинула гребенецъ подъ вянецъ,
Русую косыньку подъ чапецъ.

625

Поють сиротѣ.

Чія то матынка
Да просилася ў Бога:
Пусци мяне Божа
Зъ неба на землю
Дзицяци поглядзѣци
Ци хорошо приберена,
Ци высоко посажена.
Приберена якъ понятунька.
А посажена якъ сиротынька.
Станьцяжъ бояры ўси ў радъ!
Пойдзиць княгиня на выглядъ.
Ўси радочки обыйшла,
Нейдзѣ своей матыньки ня знайшла.
Яё головенька ў квѣцѣ,
Нима яё матки на свѣцѣ,
Яё голоўка ў вянку,
Нима яё матыньки ў танку.

626

Казала сорока: чи, чи, чи!
Сѣла ў дзѣвынки на плечи.
Гэта табѣ дзѣвынька за тоя:
Ня пляци косыньку ў троя,
Пляци косыньку ў чатыры рады
Живи ў бациньки чатыры годы.
Я ня буду плесць ни ра́ду,
Ня буду жиць ў бацьки ни го́ду.

Заиграла скрыпочка, дудычка,
Ўзяла нашу дзѣвыньку думычка,
Што нихто для яё ни сядзиць,
А ни брацитка, ни сястра,
Тольки одзинъ сужинька холойстрá.

627

Когда ѣдутъ послѣ шлюба къ молодой.

Сужинька зориньку попросиў:
Сяци моя зоринька до свѣту,
Покуль я къ тещи заѣду.
Тогды я табѣ сужинька свяцила,
Якъ цябе матинька родзила,
По цясовымъ сѣнямъ ходзила,
Ходзила ина, якъ пава,
Родзила цябе, якъ пана.

628

Пышинъ дружка нышинъ!
По нямѣцку прибраўся,
Путымъ подпиразаўся,
Обручомъ голова збита,
Лыкомъ голова спита,
Шапка соболля,
Шубка короўя,
А боцики поросяччи.
Шапка брахнéць,
Шубка раўнéць,
А боцики заскрогочуць,
Якъ ѣсци захочуць.

(Всѣ 10 зап. мною отъ М. Коткевичовны).

629

(*М. Коптевичи*)

Матка сына родзила,
Мѣсицемъ обгородзила,
Зоркою подпиразала,
Дорожку указала:
Ѣдзь моё дзяцятко
По свою сужиную,
По мою родзёную!
Привязи нявѣсту дольную,
Съ натурою доброю.
Ўзяла норовы ў рукавы,
Кинула норовы за хлявы,
Добрую натуру ў рукавы.

(Зап. учит. народн. училища г. Преображенскимъ.)

630

(*М. Чашники*)

Когда приѣдутъ за молодой.

До дому, сваты, до дому!
Кони поѣли солому,
Ды кола тыну крапивы,
Ды ўсю ячную мякину.
А ты матухна загребай жаръ,
Коли табѣ дочухны твоей жаль.
Выграбай матухна вонъ попилъ,
Мы твою дочку ўхопимъ,
Ды кидай матухна ў печь дрови,
Вы бывайця ўсѣ здоровы.

631

Когда женихъ ѣдетъ къ молодой.

Ў дорози сужинька ў дорози,
Привязаў коника къ бярёзи,
Вырізаў зъ бярозы три розги,
Сцибануў коника подъ ножки.
Ступай мой кося широко—
Еще моя дзѣвынька далёко,
Ступай мой кося вузинько,
Ўже мая дзѣвынька близинька,
Ступай мой кося ступинькамъ,
Ўже мая дзѣвынька подъ вянкомъ.
Ступай мой кося ступою,
Вже моя дзѣвынька со мною.

Заразъ послѣ шлюбу нявѣсту вядуць ў домъ яе радзицилей: заплитаць косу. Госци выпьюць по чарцѣ горэлки и разойдуцца по дворамъ. Чиразъ часъ либа два пріѣзжаиць сюды жанихъ со сватами и сваццями. Ихъ угощаюць обѣдымъ. Тутъ молодые должны ѣсць поочародна зъ одной ложки. Послѣ обѣда яны ўси отпраўляюцца ў дворъ къ жениху.

632

Когда пріѣдутъ за молодой послѣ шлюба.

Цёмна, цёмна на дворѣ,
Цямнѣй того за дворомъ.
Бояры вороты обняли,
Шапками золота нясучи,
Молодую дзѣваньку красючи.
Мнѣ молодзѣ однякова,
Моимъ дзѣткамъ ўсякога,
Мнѣ молодзѣ сахарный кусъ,
Моимъ дзѣткамъ капусты нѣтъ.

(Всѣ 3 зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

633

(Тяпинская волость)

Политали два соловейки,
Ободвы рабиньки,
Побужали молоду Рипйнку
Зъ бѣлой ложи:
Ўстань, ўстань молода Рипйнка
Зъ бѣлой ложи,
Ўжо твой стары
На дворъ ўзъѣзжаиць,
На дворъ ўзъѣзжаиць,
Зъ коника зсидаиць.
Я старого зъ-малку ня любила,
Золой накормила,
Смолой напоила,
Кіимъ проводзила.
Кола новаго церима
Поросла трава зилина
А`на тэй травѣ
Конь воронэй.
Для того коня
Молойчикъ молодой.
Росицей яго умываиць
Ў яго праўдыньки питаиць:

А ци маишь, косю,
Ў ножкахъ моць?
Я поѣду зъ тобой
На ўсю ноць.
Эхъ ты молойчикъ молодой,
Накорми мяне оброкомъ,
Напои мяне водою,
Поѣду на ўсю ночь зъ тобою,
Копытомъ дорожку пишучи,
Вочками мѣста свѣцючи,
Гриўкою дворъ покрашу,
Силкою дзѣвыньку привяжу.

(Зап. волостнымъ писаремъ г. Шимковичемъ. Сообщ. мир. поср. М. Ѳ. Сазоновымъ.)

634

Когда молодую отправляютъ къ свекрови.

Дзякую матынька за хлѣбъ-соль,
Ни пойду боли за твой столъ.
А хуць жа приду ў госцины,
Што мяне матынька роесцила,
Ў чужіе людзи пусцила.

635

Дзѣвынька зъ двора зъѣзжала,
Вяршокъ бярозки сорвала.
Стой моя бяроза безъ верха,
Живи моя матынька бизъ мяне.
Ци такъ жа будзиць якъ при мнѣ?
При мнѣ была хатычка мецина,
При мнѣ были ложнчки мытые,
При мнѣ была посцелька заслана,
При мнѣ было ў хаци прибрано.

636

Зарзали коники на бро́ду,
Чули яны на сябѣ приго́ду,
Што братъ за сястрой гоницца,
Вострою шабилькой грозицца.
Ты стой, швагеръ, ня уѣзжай,
Ты моёй сястрицы ни увози!
Дамъ табѣ коника вронца,
Вярни мою сястрицу зъ-подъ вінца.
Дамъ табѣ шабильку ў зло́ци,
Вярни мою сястрицу при уноци,
Дамъ табѣ хустучку ў шоўку,

Вярни мою сястрицу ў вянку.
Мнѣ на твоемъ конику ня ѣзжаць,
Мнѣ зъ твоей сястрицей выковаць,
Мнѣ твоей хусточки ня носиць,
Мнѣ зъ твоей сястрицей вѣкъ жиць.

(Всѣ 3 зап. мною отъ М. Коткевичовни.)

637

(*Тяпинская волость*)

Ходзила стада уточекъ по полю,
Вяли яны нирапелучку за собою,
Привяли яё къ вишнему садочку

. . . .

Тутъ табѣ пирапёлочка остацьця,
И зъ сизинькимъ голубочкомъ спознаться.
Ходзиў хороводъ дзѣвыкъ по двору,
Вяли яны къ цясовому столику

. . . .

Тутъ табѣ Марьичка остацьця
Зъ дзѣўками зъ товаришками разстацьця.
Зъ молодымъ Михейкомъ спознацьця.

(Зап. волостнымъ писаремъ Шимковичемъ. Сообщ. мир. поср. М. Ѳ. Сазоновымъ.)

638

Мать жениха въ ожиданіи его поётъ:

Хоць я ночиньку ня спала,
Я сабѣ нявѣстыньку дождала,
Хоць я другую ня буду,
Я сабѣ нявѣстку добуду.
Одчини, матынька, новы дворъ!
Вязу табѣ нявѣсту, якъ яворъ,
Одчини, матынька, воконца!
Вязу табѣ нявѣсту, якъ соўнца.
Попалила свѣчки огарки,
Дождалась нявѣсты коханки.

639

Когда молодую привезутъ къ свекрови сестра жениха поетъ:

Одчини матынька новы дворъ!
Вязу табѣ нявѣсту якъ яворъ,
Одчини матынька новую клѣць.
Вязу табѣ нявѣсту якъ мядзвѣдзь,
Одчини матынька воконца
Вязу табѣ нявѣсту, якъ соўнца.

640

Когда родня привезетъ сундукъ невѣсти, то родня жениха поетъ, принимая подарокъ.

Приданики на дворъ ѣдуць,
Куры подъ печь лѣзуць,
А ня бойцися куры и т. д.

641

Приданки пріѣхали:

У нашаго свата соломинна хата,
Ни клѣци, ни повѣци,
Нейдзѣ рукъ погрѣци.
А мы же помёрзли
На лютымъ морози, (2)
У доўгай дорози.
Запалимъ мы сани,
Погрѣимся сами,
Запалимъ мы сѣни,
Погрѣимъ колѣни.

642

Когда приданокъ принимаютъ.

Приданочки милы!
Пріѣхали за три мили:
Ня кудзелички прасци,
Ня пачиночки вици, (2)
Ди горэлычку пици.

643

Поютъ сватамъ и сватьямъ.

Вы сваточки, вы голубочки,
Ѣдзьця домоў,
Ци ня черци васъ
Привязали ў насъ?
Ѣдзьця домоў!

644

Тѣ отвѣчаютъ:

Привязали черци
Къ калиновой жердзи.
— Ни поѣдзимъ!

645

или:

Ня сягодни домоў, ня сягодни!
У сéреду раниньна ўстаўши,
По рукѣ воўны счесаўши,
По починочку напраўши.
Господыня гороху наварыць,
А господаръ дорогу поважиць.
Вотъ табѣ, свацiйка, дорога!
Ѣдзь ты, свацiйка, здорова.
Пріѣзжай, свацiйка, знова!

646

Если сватья молчитъ:

Нѣма сваця, нѣма!
Грѣцкую муку ѣла.
Грѣцкая мука сопка,
Пирасѣла свацци глотка,
Дайця свацци кочана,
Штобъ яна пѣсню зачала.

647

Она отвѣчаетъ:

Што ваша за слава,
Што ня солина страва?
Ўчиниця славу
Посолиця страву.

648

Ды чаму ты свацiйка ня пае́шь? (2)
Ды ня пае́цца мнѣ на животцѣ,
Чужая кошуля на храбцѣ.
Якъ прiѣду я домоў
Чужую кошулю шусць долоў;
Чужую добрую за печки,
А свои рызiйки на плечки.
Ды чаму ты свацiйка ня паешь? (2)
Ды ня паецца мнѣ на душѣ,
Што я ў чужомъ кожусѣ,
Ды пришоўши домоў скинь долоў (2),
Ды скинуўши зъ плечь лѣзь на печь,
Ды своё рызiйка надзивай.

649

Въ домѣ молодаго послѣ шлюба:

Плакала молодая,
Ў свой бокъ поглядая:
Ў моей сторонѣ
И горы низкiе,
Тутъ горы высокiе
И воды далекiе.
Свякроў унимала,
Словами унимала:
Ня плачъ, молодая,
Мы горы понижiимъ
И воды поближiимъ.

650

Въ винномъ да колодзезѣ
Дзѣвонька воду брала,
Ды ў свой бокъ поглядала:
Ци ня выйдзиць моя родная,
Ци ня выйдзиць моя матынька?
Я тутъ ни съ кимъ ня знаюся,

Ўсякому уклоняюся,
И старому и малому,
И суженьку молодому.
За новою свѣтлицею
Стоиць верба зъ росицею.
Кому тую вербу ломаци?
Кому тую росу браци?
Суженьку вербу ломаци,
А дзѣвыньки росу браци.
Вербою коня бици,
А изъ росицы вѣнчикъ вици.
На конику гарцуючи,
А ў вѣнчику танцуючи.

651

Когда привезуть молодую въ домъ свекрови.

Дурны, сваты, дурны!
А заѣхали ў гумны,
Яны думали вороты,
Ажно стали пираплоты,
Яны думали, што дзѣўка,—
Рыиць свиння бѣлка.
Яны думали ребятки,
Ажно стали поросятки.

Сватья отвѣчаеть:

А вы сучки ня брашиця!
Объ уголъ языкъ почашиця.

652

Дѣвки продолжають пѣть:

Пышна сваццця, пышна,
На ёй шуба лисся.
Ў понадзѣлыкъ лису ловили,
Ў вторникъ лупили,
Ў сираду ў квасъ клали,
А ў чацверъ выймали,
Ў пятницу сушили,
А ў субботу пошили,
Ў нядзѣлю надзѣла
На свадьбу поспѣла.

653

Прiѣхала сваццця на бо́рову,
Привязала сову на го́лову,
Сова кудры подрала,
А сваццця дзѣўку украла.
А вы жонычки, вы лябедычки!
Чаломъ вамъ!
Ци ня приляцѣла наша курычка
Вечёръ къ вамъ?
Хоць приляцѣла, хоць ие приляцѣла
Ня скажимъ.
А мы яе между курычикъ

Посадзимъ.
Наша курочка рабушечка
Зъ хохломъ.
Ахъ вы жонычки вы лябёдычки,
Чаломъ вамъ!
Ци ня привезина наша дзѣвынька
Вячёръ къ вамъ?
Хочь привезина, хочь ня привезина
Ня скажимъ,
Мы яе между дзѣвычикъ
Посадзимъ.
Наша молодая дзѣвынька
Значнюсинька и зъ вянкомъ.

Калинка.

654

Когда подымаютъ молодыхъ (если невѣста честная).

Добрые наши морозы!
Не зморозили намъ рожи.
Пусцили квѣты по клѣци,
А зялёны листокъ подъ мостокъ,
Чирвону калину въ подолокъ.
Тутъ табѣ калина развицьца,
А мнѣ молодзѣ разжицьца.
Тутъ табѣ калина зъ вѣтками,
А мнѣ молодзѣ зъ дзѣтками.

655

Покраса наша дзѣвынька!
Покрасила три дворы:
Первый жа дворъ бацинькоў,
Другэй же дворъ свякраткинъ,
А трецци дворъ—дружину,
Ўсю суженаго родзину.

656

Калинка, дзѣвынька, калинка!
Подъ калинкою стояла,
Ручками калинку ломала,
А за ён молойцы ходзили,
Ў яе калинки просили.
— А ня дамъ калинки никому,
Понясу калинку до дому *)
Ў свякраткину комору.
Тутъ табѣ, калина, развицьца,
Мнѣ молодзѣ разжицьца,
Тутъ табѣ калинка зъ вѣтками,
А мнѣ молодзѣ съ дзѣтками, **)
Тутъ табѣ, калинка, зимовацъ,
А мнѣ молодзѣ вѣковать.

(Всѣ 20 зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

---

*) Вар. Понясу калинку зъ собою.

**) Вар. Тутъ табѣ, калинка, пропадаць,
А мнѣ молодзѣ вѣкъ віковаць. (Дубровки.)

657

Если нечестная:

Подъ ёлкой росла,
Ня дзѣўкою пришла,
Подъ ёлкою спала,
Ня дзѣўкою стала,
Зъ ёлки звалилась,
На сукъ пробилась.

658

А бреду, бреду
По колѣни ў воду,
Кабъ жа мнѣ пирабрацьци
На тую сторону.
А на тэй сторонѣ
Сподобилася мнѣ
Молодая нявѣста.
А стоиць бѣлъ шацёръ
Китайкою ўкрытъ,
Чернымъ идвабомъ
По краямъ ўшитъ.
Вѣциръ повѣиць,
Китайка зашумиць,
Соўнца пригрѣиць,
Макоўка зазвиниць.

659

Понясла нявѣста
Питуха на мѣста.
„На што мяне продаешь?
„Чаму рано ня пяешь?
„Буду табѣ рано пѣць
„Няси мяне ў нову клѣць,
„Посадзи на кровазь
. . . .
. . . .
А ў клѣци, клѣци.
Ды на новымъ мосту
Ляжиць холо́сты,
Якъ собака безхвосты.
Ў головахъ кульбака,
При боку собака.
А ў клѣци, клѣци
Ды на бѣлой ложи
Ляжиць женаты,
Якъ панъ богаты,
Ў головахъ подушка,
При боку женушка.

(Всѣ 3 зап. учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ.)

660

На перезовкахъ, когда гости въѣзжаютъ на дворъ:

Ѣхали перезовочки
Да калановымъ мостомъ,
Калинку ломали,
Подъ шапочку клали,
Кабы ихъ людзи знали,
Перезоўками звали.

661

Перезовочки сестры!
А ў ихъ носки (носы) востры
Перезовочки милы!
Пріѣхали за три мили
Ни кудзелечки прасци
Ни починочки вици,
Да горэлочку пици.

(Обѣ записаны мною отъ М. Котковичовны.)

662

(*Могилевской г.*)

Когда расплетаютъ косу.

Кукувала зязюля ў гаечку,
Приложиўши голоўку къ листочку,
А къ ней птушишки прилитали
Ў ие зязюльки пытали:
„Чаго ты, зязюля, кукуишь,
„Чаго ты, сѣрая, гаруишь?"
— Свила я гняздзечко ў ляску,
— Снисла я яечки ў кустку,
— А хто жъ мое гняздзечко разорваў,
— А хто жъ мои яечки попобраў.
— Разорвали гняздзечко пастушки,
— Побрали яечки конюшки. —
Ой плакала Гапулька ў коморкѣ,
Приложиўши голоўку къ болонкѣ:
— Купиў мнѣ станочикъ татынька,
— Спляли мнѣ вяночикъ дзѣвыньки,
— А хто жъ мой станочикъ поломаў?
— А хто жъ мой вяночикъ разорваў?
— Разломали станочикъ брацютки,
— Разорваў вяночикъ Иванька.—
(Сообщ. Е. Вл. Бржезовскою.)

663

(*Витебскаго у., д. Вороново*)

Кукуець зязюля ў гаёчку,
Ой рано, раненько ў гаёчку,
Прилoжа голоўку къ листочку,
Ой рано, раненько къ листочку:
Хто мое яечки побярець?
Ой рано, раненько побярець,

Хто мое гнѣздзечко порыецъ?
Ой рано, раненько порыецъ.
Побяруцъ яечки пастушики,
Ой рано, раненько пастушики,
Порыецъ гнѣздзечка конюшка,
Ой рано, раненько пастушики.
Плакала дзѣвынька ў святлицы,
О рано раненько ў святлицы,
Приложа голоўку къ (о)кенницы,
Ой рано, раненько къ кенницы:
Хто мою косыньку распляцецъ?
Ой рано, раненько распляцецъ?
Хто мои ўплёты прыбярецъ?
Ой рано, раненько прыбярецъ.
Расплетуцъ косынку брацитыки,
Ой рано, раненько брацитыки,
Прибяруцъ ўплёты сястрицы,
Ой рано, раненько сястрицы.

(Зап. мною.)

Свадебный обрядъ и пѣсни въ Борисовскомъ уѣздѣ. *)

Сваты пріѣзжаютъ съ водкой въ домъ невѣсты и уговариваются съ ея родителями. Въ это время невѣста, обыкновенно, скрывается. Если родители соглашаются на предложеніе сватовъ, тогда приглашаютъ дочь и, только ради приличія, спрашиваютъ ея согласія. Она всегда покорна ихъ волѣ. Вотъ обыкновенный отвѣтъ почти всѣхъ невѣстъ: „кали бацька и маци хочуць — дакъ пойду". Получивъ согласіе, сваты угощаютъ всѣхъ водкой, начиная съ невѣсты. На мѣстномъ нарѣчіи, этотъ обычай называется „дзѣвку запить". Если же, послѣ запоинъ, свадьба почему нибудь разстроится, родители невѣсты обязаны заплатить за водку. Наканунѣ „веселля" (свадьбы), которое почти всегда начинается въ воскресный день,—въ субботу къ невѣстѣ и жениху собираются гости. Одна изъ пѣсней показываетъ отношеніе невѣсты къ подругамъ: она кланяется въ ноги всѣмъ, не минуя ни стараго, ни малаго. Въ сборный вечеръ, девять дѣвицъ избираются въ коровайницы, между которыми одна получаетъ названіе старшей мастерицы. Въ это время, онѣ только дѣлаютъ растворъ изъ муки для коровая, ко-

---

*) Свадебные обычаи весьма различны. Въ одной и той же губерніи они совершаются не одинаково. Разскажу здѣсь коротко свои наблюденія.

торый печется въ отсутствіи молодыхъ, когда они уѣзжаютъ въ церковь. Приступая къ дѣлу, старшая коровайница запѣваетъ:

Стаўце дзежу десовую,
Несице воду криничную
Сыпьце муку пшеничную!

Прежде всего, ставится среди пола корзина, наполненная рожью; корзина покрывается шубой, а на шубу уже ставится квашня или дзежа. Муку просѣваютъ поочередно всѣ коровайницы; всѣ также должны сыпать ее въ квашню и лить воду для раствора. Разумѣется, больше другихъ тутъ участвуетъ старшая коровайница. Когда работа приходитъ къ концу, дѣвицы и парни становятся въ ряды около квашни и, какъ только старшая коровайница скажетъ: „да хвала табѣ Боже, что работу зробили коравай расчинили“ и возьметъ квашню, чтобы переставить ее въ другое мѣсто,—всѣ бросаются взять корзину. Завязывается упорная борьба: парни стараются отнять ее у дѣвицъ, чтобы забросить на печь, послѣднія употребляютъ всѣ усилія, чтобы не допустить этого и завладѣть ею самимъ, чтобы выкинуть за порогъ. Споръ оканчивается очень часто тѣмъ, что корзину разрываютъ на нѣсколько частей. Такой обычай установился вслѣдствіе понятія, что если парнямъ удастся забросить корзину на печь, дѣвицы не выйдутъ въ томъ году замужъ, и наоборотъ. Изъ приготовленнаго, такимъ образомъ, тѣста печется одинъ коровай, и чѣмъ онъ больше, тѣмъ лучше. Нарочно для него берется такое количество тѣста, чтобы едва можно было просунуть его черезъ устье печи, а вынимать назадъ только посредствомъ выломки нѣсколькихъ кирпичей изъ устья. Добрый коровай: „около зъ сыромъ, зъ масломъ, ў середзинѣ зъ добрымъ счасцьемъ“. Удачное испеченіе коровая предвѣщаетъ хорошее будущее хозяйство молодыхъ. На другой или на третій день послѣ свадьбы, коровай разрѣзаютъ на куски и молодые обдѣляютъ имъ всѣхъ знакомыхъ, получая отъ нихъ за это деньги.

Сборный вечеръ проводится вообще довольно весело. Не рѣдко можно встрѣтить здѣсь и доморощеннаго музыканта-скрипача. Пѣсни и пляски продолжаются иногда цѣлую ночь. Чувства матери и дочери, передъ выходомъ послѣдней замужъ, весьма хорошо выражены въ двухъ нижеслѣдующихъ пѣсняхъ. Дочь свила себѣ изъ руты вѣнокъ и покатила его по столу, приговаривая: „катися, вѣночикъ, катися,

матульцѣ въ руки ввалися! прими, матушка, вѣночекъ.....“ — „Я теперь, дитятко, не приму, отъ жалости ручекъ не вадыму, а за слезамъ не увижу“, отвѣчаетъ растроганная мать. Вставши рано, въ день свадьбы, невѣста будитъ свою мать и проситъ собрать всю ея дружину: мужиковъ-игроковъ, дзѣвачекъ-спѣвачекъ и женщинъ-щебетухъ,—чтобы они разжалили ея сердце, чтобы она молодая дѣвчинка заплакала.

Въ Воскресенье довольно рано тоже собираются гости и, дѣйствительно, стараются разжалобить невѣсту. Если она сирота, то поютъ ей пѣсни содержанія подходящаго. Сама молодая никогда не принимаетъ участія въ пѣніи.

Самыя тяжелыя чувства испытываетъ невѣста въ то время, когда сажаютъ ее на пасадзѣ и расплетаютъ косу. Здѣсь опять ставятъ среди пола дзежу, съ тою только разницею, что въ нее кладутъ ржаной хлѣбъ съ солью, а поверхъ разстилаютъ шубу. Обычай этотъ соблюдается лишь тогда, если невѣста была безукоризненнаго поведенія, въ чемъ она всегда сознается; въ противномъ случаѣ, ее сажаютъ въ покуцѣ на платкѣ. Братъ выводитъ ее изъ другой комнаты, причемъ дружки поютъ:

„Повстанце, бояре, ўсѣ въ радъ
Садзяцъ маладую на посадъ“.

Потомъ отъ лица молодой, продолжаютъ:

„Низенько голоўку клонючи,
Мижи бояръ пана ойца ищучи.
Я ўсѣ бояры перейшла,
Свойго пана ойца не знайшла.
Кинуся, падуся объ скамью,
Свою головоньку разобью,
Свои слезочки разолью,
Свою родзинку разжалю,
Бѣдная моя голоўка ў вяночку—
Нѣтъ мойго пана ойца ў радочку,
Бѣдная мая галоўка ў цвѣвѣ —
Нѣтъ мойго пана ойца на свѣцѣ.

Расплетаетъ невѣстѣ косу также братъ, а потомъ дружка и подружка поджигаютъ ей волосы со всѣхъ четырехъ сторонъ. Дружка держитъ свѣчу, а подруга, черезъ кольцо, продѣваетъ небольшія пряди волосъ и подставляетъ ихъ къ огню. Остальное не представляетъ ничего особеннаго. Невѣсту съ пѣснями усаживаютъ въ повозку и отправляютъ въ церковь. Послѣ брака, свадебный поѣздъ чаще отправляется въ домъ жениха.

Здѣсь представляется уже совершенно другая картина. Вторая половина свадебнаго обряда имѣетъ характеръ болѣе веселый. Невѣста уже не плачетъ,—напротивъ, является расторопною, бойкою личностію. Если приходится ѣхать около поля своей новой родни, она сыплетъ изъ стакана рожь, заранѣе взятую еще передъ отъѣздомъ въ церковь; потомъ, по прiѣздѣ къ дому жениха, выбрасываетъ на дворъ пять *обаранковъ*, связанныхъ красной ленточкой, тоже запасныхъ. Мать жениха разстилаетъ холстъ отъ стола до самаго крыльца и встрѣчаетъ молодую съ хлѣбомъ-солью. Войдя въ домъ невѣста снова разбрасываетъ рожь во всѣ стороны, обвязываетъ сватовъ полотенцемъ и садится за столъ, а за нею и всѣ гости. По окончанiи ужина, сватъ, который открывалъ запоины, выкупаетъ невѣсту деньгами и квартой водки: деньги даются дружкамъ, а водка свахѣ. Только уже послѣ этого выкупа женихъ можетъ сѣсть рядомъ съ своей невѣстой, но опять не просто: онъ долженъ перепрыгнуть съ своего мѣста черезъ столъ, и притомъ съ условiемъ—не задѣть ногами посуды. Гулянье оканчивается довольно интересно. На молодую надѣваютъ мётку (головной уборъ замужней женщины) и сейчасъ же, послѣ этого, всѣ начинаютъ прыгать кругомъ стола по лавкамъ и скамейкамъ, взявшись руками за длинное полотенце — женихъ и невѣста впереди всѣхъ. Такой своеобразный танецъ совершается три раза. На другой день утромъ, отецъ жениха угощаетъ гостей на гумнѣ. Среди тока ставится столъ съ водкой и закуской. Попойка, пѣсни, музыка и пляска продолжаются здѣсь долго.

664

Тамъ мижи горъ да коморочка
Тамъ свяцила ясна зорачка;
Тамъ не зорочка свяцила,
Молода дзѣвчина ходзила,
Зъ золотыми ключами,
Зъ восковыми свѣчами, —
Скрыночки одмыкала,
Подарочки выбирала,

А за ею молодою
Яе мамочка зъ сястрою:
Моя дочкà, моя рóдная!
Да не выбирай ўсѣ подарочки, (2)
Да й заставляй мнѣйшей сястрѣ.
Мамочка, моя рóдная!
Покуль сястру подгодуеце (2)
Иншихъ подарочковъ наготуеце.

665

Да обсѣли, обсѣли
Нашую власцяночку,
Да грыби чащавики,
Старые моховики,
По бóру бадзялися,
Да до насъ добралися;
Да въ бору черви вили,
Да ў насъ за столомъ сѣли,

666

Да сваточки голубики прошу васъ:
Пійце, гуляйце, весёлые будзьце ў насъ!
Да ёсць ў мяне боченка меду для васъ, —
Мёду ни станець, пива достанець для васъ.

667

Да соколъ вылетаиць,
Сваточки выѣзжаюць;
Соколъ на колочку,
Сваточки на конёчку.
Да татулька родненькій,
Пераѣдзь дорожачку,
Битую, топтаную,
Двѣцяци коханому.

668

По загорейку ўсѣ красачки твицѣли
За столикомъ ўсѣ сваточки сядзѣли;
На сёмъ на томъ шапочка якъ одна,
На молодзенькомъ съ щираго соболя.
Яго матулька сорокъ ночекъ не спала,
Покуль гэтую шапку згадала;
Яго матулька сорокъ свѣчекъ спалила,
Покуль гэтую шапочку пошила.
То мѣсяцемъ, то золотомъ садзила,
Кабъ яму ўсю дорожку свѣцила.

669

Ой, выбѣгла молода дзѣвчинка зъ каморы,
Пала яна свой матульцѣ на ноги:
— Моя матулька, моя родная не давай!....—
„Моё дзѣцятко, мое родное: якъ не дацъ?
„Понаѣхали твое сваточки цябе ўзяць."

670

Да сваццы-голубицы прошу васъ:
Остаецца мое дзѣцятко тутъ ў васъ,—
Хоць вы яё тоўчи, молоць застаўце,
Яна ў насъ тоўчи, молоць ўмѣець,
Тольки Яна ў госци просиць не смѣець.
Вы сваццы-голубицы, моўчице;
Лѣпѣй яё цихонька навучице,
Кабъ яна ў насъ ранењко ўстала
Хату сѣны заметала,
Кабъ яна ў насъ на улицу смецця не несла.
Ёсць ў насъ рабая курочка разносиць,
Ёсць ў насъ благая сусѣдка развозиць.

—

Да берешь, блазне, берешь, да умѣй шановаци,
Ни давай ни старому, ни малому обижаци,
Кабъ не была цёмная ночка подъ окномъ,
Кабъ не ўкрываў бѣлыхъ ножекъ подольцомъ
Кабъ не ўцирала слезокъ рукаўцомъ,
Кабъ не была повѣтка за хатку
Кабъ яна не была сусѣдка за матку.

671

Сборная суббота настала,
Дзѣвчинка дзѣвочекъ збирала:
Да въ одинъ радочекъ ставляла.
Ой, станьце, дзѣвочки ўсѣ въ радъ,
А я, молодзенька, мижи васъ,
Склоню я голоўку нижей васъ.
Корися, дзѣвчинка, корися,
Низенька ў ножки клонися,
Старого малого не минай
Низкіе поклоны ўсѣмъ давай.

672

Братъ сястру на посадъ вядзе,
Самъ сильненько плаче:
Тутъ моей сястрѣ сѣсци,
Тутъ моей родной сѣсци,
Да на гэтомъ мѣсцѣ,
Тутъ моя сястра сядзе,
Тутъ моя родная сядзе
Да на гэтомъ пасадзѣ.

673

Чуй, Боже, чуй,
Што сиротонька плаче,
Ци по бацьку, ци по матцѣ,
Ци по своей горкой долѣ?
Чуй, Боже, чуй!
Плачь, молода, плачь!
Плачь, не ўнимайся,
На таточку не сподзѣвайся.
Плачь, молода, плачь!
Плачь, молода, плачь.
Што не таточка выдае,
Ня вяликій пасагъ дае.
Плачь, молода, плачь!
Плачь, молода, плачь,
Што ёсць кому пици ѣсцы,
Да нѣтъ кому порадочку весци,
Плачь, молода, плачь!

674

Ой, зъ суботки зъ вечера
Свила дзѣвчинка вѣночекъ
Зъ руты зъ мяты твяточекъ,
Да покацила по столѣ,
По новянькомъ обрусѣ:
Кацися, вяночекъ, кацися,
Матульцѣ ў ручки ввалися!
Пріими, матулька, вяночекъ
Зъ зеленой руты твяточекъ!
Я цяперь, дзѣцатко, не прыйму,
Зъ жалости ручки не вздыму,
А за слезами не увижду.—

675

Ты, калинка, развивайся,
Ты, дзѣвчинка, размысляйся!
Да уже жъ моё размыслёно,
Да уже-жъ моё раздумёно:
На украйну одъѣзжаю,
Ойца матку покидаю.
Коли жалка—дакъ вярнися,
Ойцу матцѣ поклонися.
Рада бъ была вернуцися,
Ня верницца мой вяночекъ.
Будземъ ѣхаць близко мѣста,
Купимъ вянокъ позлацистый.
Да хоць же ёнъ позлацистый,
Ня вернецца мой рутьяный,
Да хоць же ёнъ зъ щира злота,
Ня вернецца моя цнота.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ).

Примѣчаніе пѣвицы.

„Ѣдзецъ малицъ на кирмашъ, увидзицъ дзѣўку. Дакъ ёнъ яё пытаецъ: ци пойдзешь ты за мяне. Яна яму отвичаицъ: дакъ я попытаю ў таты, ў мамы, коли тата скажецъ, дакъ пойду. Сватъ приходзицъ ў домъ яё родзицелей и пытаецъ: мы чули ў цябе ёсть птушка: отдай намъ яё. А бацька кажицъ: коли ваша, дакъ брице собѣ. А што ты думаишь? (на дзѣўку) дай руки коли думаешь. Дакъ я не знаю, якъ тата. Гэто не мое дзѣло, якъ сабѣ хочешь, отвѣчаецъ тата. Сватъ! да скольки-жа мнѣ горэлки ўзяцъ? Возьми, сватъ, вядро. Ну, жонка! кого мы будземъ звацъ? Ўсю родню. Приносяцъ горэлку, собираецца родня. Молодая поклонница ў ноги матки, татки, ўсимъ. Бацька: што-жь цяперъ, сватъ, надо попа годзицъ. Сватъ бярецъ пітуха и кварту горѣлки, вязецъ попу, тамъ погодзицъ попа. Чиразъ двѣ нядѣли ў субботу вечиромъ просяцъ къ сабѣ жонокъ коровай расчиницъ. Тутъ поставяцъ сяродъ хаты дзежу, замѣсяцъ хлѣбъ, причемъ каждая баба должна рукой помѣшацъ. Въ гэто время пѣюцъ:

676

Старшая коровайница,
Золотая зарукаўница!
Ня стыдно жъ ей дацъ
Коровай ўчинянцъ.
Дай Богъ нашему короваю
Ў дзежѣ споръ,
А ў печи подходъ.

677

До свѣта въ эту же ночь собираюцца дзѣўки, возьмуцъ нявѣсту, посадзяцъ на дзежу, а яна заплачицъ:

Дзѣвочки сястрицы!
Ци были-жъ вы ў Бога?
Ци позволиў вамъ Богъ
Щеточку дзержацъ,
Мнѣ голоўку чесацъ,
Русу косу ўплетацъ?

678

Дзѣвочки ей отказываюцъ:

Мы были ў Бога,
Ў Духа Святого,
Позволиў намъ Богъ
Щеточку дзержацъ,
Табѣ голоўку чесацъ,
Русу косу ўплетацъ.

679

Яна:

Дзѣвочки, сястрицы!
Я сама ўчашуся,
Я сама ўплятуся.
Дзѣвочки сястрицы,
Ўся непраўда моя:
Ня чесаць голоўки,
Ня ўплетаць мнѣ косы.
Дзѣвочки, сястрицы!
Чашице слизенько,
Пляцице туженько.
Кабъ мой брацецъ родный,
Постояў надо мной,
Надо мной молодой,
Да надъ русою косой.
Брацетко родненькій!

Да не рушьце мяне,
Ни голоўки моей,
Да ни русой косы,
Ни дзѣвецкой красы.
Волоска не вырвице,
Голоску не утоніце.
А мой же голосокъ,
Ёнъ и тонокъ и высокъ,
Ёнъ къ небу пошоў,
Ў Бога доли просиць.
Коли жъ доля моя,
Дакъ хвала жъ табѣ, Боже,
А бездоля моя,
Ни дай же мнѣ, Боже!

680

Невѣста проситъ благословенія у родни:

Святая недзѣлька,
Сырая земелька!
Благослови жъ мяне
На первомъ порозѣ,
Въ доўгой дорозѣ.
Первый ступочекъ
Ў Божій домочекъ, (2)

Подъ звонкій звоночекъ,
Подъ ясною свѣчкой,
На коберцѣ стаци,
Попа просици:
Попочекъ голубочекъ!
Надо табѣ дли коберца стати,
Пора дзѣтокъ звѣнчати.

681

Невѣста къ маткѣ:

Ня стой длѣ печи,
Надзѣвай кожушокъ,
Идзи зяця витаць,
И витаць и пытаць
Чи ня пьяница ёнъ?

Чи не шишъ *) ёнъ?
Коли жъ ёнъ пьяница,
За одну ночку пропьецъ,
Коли ёнъ шишъ,
На дорожкѣ забьецъ.

*) Разбойникъ.

Маменька родная,
Скоморохи идуць (2)
И медзвѣдзя вядуць,
А гэтый медвѣдзь.

Маменька родная!
Чужанинъ на дворѣ.
А гэтый чужанинъ—
Ёнъ мнѣ родны,

Маменька родная!
Да добра ночь табѣ,
А не той же добра ночь,
Што на одну ночь,
А той же добра ночь,
Што на ўвесь вѣкъ.
Маменька родная,
Не забывай мяне!
Коли жъ худа была,
Проклинай-жа мяне,

682

Ёнъ же якъ глянець,
Такъ мое сердце извянець,
Ёнъ же якъ роўнець,
Мое серце улекнець.

683

А яго рученька
Жарчѣй отъ огня,
Ў яго ноженьки
Цяжелѣй отъ каменя.

684

Коли добра была,
Вспоминай-жа мяне.
Маменька родная!
Я цябе просила,
Якъ Бога молила:
Ня отдавай мяне далеко
Ў большую семью.
Ты мяне соўсимъ не слыхала,
Отдала мяне ў вяликую сямью
Ў дринную хату.

685

Матка ей отказываетъ:

Дочушка моя!
Я чинила твою волю,
Будзець висѣць ногаичка
Надъ твоею головою,
Ногаечка дротованочка
Съ крюка не сбивая,
Шелковую хусточку
Отъ слезъ не усыхая.

686

Когда прiѣдутъ за молодой:

Ў дорозѣ Ехремка ў дорозѣ,
Подъ еллю стоючи.
Елка моя зяленая,
Голоўка моя бѣдная!
Што мои коники такъ стояць,
Ня пьюць, ня ѣдуць,
Тольки ржуць?
Зачула тоя Олинька:

Ня тужи, ня бѣдуй, Охремка!
Я твоихъ коникоў напою,
На ранней росѣ ў оўсѣ напасу,
На цихимъ Дунаѣ напою,
Ў садъ виноградъ погоню,
Ў новую стаенку заведу,
Червонымъ сукномъ покрыю,
Вѣцистымъ оўсомъ обсыплю,
Накладў сѣно по колѣно:
Ѣсцце, мои коники, сѣно, брокъ
Вядице мяне, коники, ў свой бокъ.

687

Зъ горы, зъ горушки,
Ня растрясици подушки!
А ў тэй подушки звѣрюшка,
Намъ тая звѣрюшка знадобна,
Ў зимнюю зимушку плацця працъ
Ў цеплое лѣцичко жито жаць.

688

Чаго ты, Химочка, змарнѣла?
Ци ў цябе голоўка болѣла?
Болѣла голоўка ўвесь дзень
Ня видѣла Халимона семь недзѣль.
Ци вы мнѣ голоўку свяжице,
Ци вы мнѣ Халимона покажице.
Связала голоўку рушличкомъ
Показала Халимонку подъ вянцомъ.

(Зап. мною отъ мѣщ. корчемницы.)

Свадебныя пѣсни и рацеи въ Дисненскомъ уѣздѣ.

689

Когда невѣсту сажаютъ на посадъ и всѣ родственники и гости дарятъ ее деньгами или холстомъ и пр.

Радуйся сердзечка мамчены
Справляя веселля Марилки.
— Тогда мое сердзечка радовалося,
Якъ мое дзицятко народзилося.
Цяперъ мое сердзечка уляknулося,
Якъ мое дзицятка поклонилося.

690

Поютъ жениху.

Князь Хведорка коня сѣдлаиць,
Коня сѣдлаиць, такъ цихо плачець
Пришла матулька ды ў яго пытаецца:
Чаго Хведорка такъ сильно плачешь?
Мая матулька, моя родная!
Нашто пытаешь, коли не знаешь?
Бяру дзѣвочку повыше сябе,
На дворъ ўзъѣдзиць—шаты зашумяць,
На гоначекъ ступиць—черавички стукнуць,
Ў сѣни ўвойдзець—ключиками бразнець.
Ня бойся, Хведорко, ня бойся, дзицятка!
Я шаты ў яё пожичу.
Ў насъ походзиць—черавички зносиць,
Ў насъ побудзиць—ключики згубиць.

691

Поютъ сиротѣ.

Ды ў насъ сягодня воскресеніе,
Зачинаецца сиротское вяселля,
Сироточка по могилкѣ ходзила,
Чиразъ могилки черную сцежку убила.
Яна свою родную матульку будзила:
Ўстань, ўстань, родная матулька, до мяне!
Ня вѣкъ будзишь ты со мною вѣковаць
Да поможи ты гэтую ночку слуговаць.
—Рада-бы я уйци къ своему дзицяци.
Гробовые цвѣчки сциснули плечки,
Сырая земелька грудцы залегла,
Жолтые пясочки засыпали вочки.

692

Женихъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты со сватами и приданными. Его встрѣчаютъ пѣснями.

Ды выйдземъ мы ды послухаемъ:
Чы не чуваць, чы не гойкаюць?
Ды чуваць, чуваць, сваты!

Зялезные колы звинящь,
Ды сивы кони иржаць.
Ды ўзъѣхаў Хведорка самъ дзесяць на дворъ,
Ды ўзышоў мѣсяць надъ избой,
Ды узвёзъ зораночку за собой,
Ды ня знаць мѣсяца за звѣздами,
Тольки знаць мѣсяцъ по заранцѣ.
Ды ня знаць Хведорки за сватами,
Ды знаць Хведорку по шапочцѣ.
На имъ шапочка, какъ жаръ горищь,
За нимъ сваточки, якъ макъ цвицищь.

—

Молодой входить въ хату, впереди его идеть сватъ и говоритъ:
„Напроць Пана Бога и Духа Святаго, якъ насъ Панъ Богъ створиў, а якже створиў, такъ и приоздобіў. Солнце мѣсіόнце: гвэзда зоранка, также нашего молодого золотыми вѣнками, молодыми сватами. Якъ ваша воевода млода въ чистомъ полѣ ленъ слала, чрезъ цемный лѣсъ голосъ подавала; якъ тольки нашъ князь услыхаў, двѣнадцать кони закладаў, питнацаць особъ подсылаў“.

Сватъ отъ молодой отвѣчаетъ:

„А наша воевода вашихъ коній не потребовала, а на своихъ волахъ поѣзжала“.

Сватъ молодого!

„Также нашъ князь млодый купиў вянокъ дрогій, ў Вильнѣ куплинъ, ў Вилійцѣ позлащенъ, ў Дзиснѣ ў косцёлѣ посвящонъ, до вашей воеводы младой присыланъ; а нашъ князь младый ни самъ подаваець, але намѣсьничка маець. Хоцѣў бы сглядзѣць, гдзѣ ваша воевода млода сидзиць. А ў печь позираиць, чы великъ горщокъ капусту и каши: чы поідаюць сваты наши? Ня могу я згадаци, до кого гэтотъ вѣнокъ подаци; ажъ маешь на оку, якъ тую сороку, хоцѣў бы познаци, съ того мѣста младую ўзяци; также, мой сваце коханы, пріяцелю богданы, сядзишь сабѣ на куцѣ, дзержишъ персцинь на руцѣ и также вусамъ киваишъ, гдѣ добрыи мысли маишъ“.

Сватъ отъ молодой отвѣчаетъ:

„По што, сватъ, пріѣзжаешь, по дровы, чы по лучину?“

Сватъ отъ молодого:

„Я пріѣхаў на тую квѣтку, што видзіу на кирмашу ў лѣтку, слава Богу маю ѣшки и одзѣшки и чатыры капусты дзешки и пятую буракоў".

Сватъ отъ молодой:

„Наша воевода млода ходзила по садахъ виноградахъ. Разные квѣты щипала, вянки ўплитала, горы, долины копала и сребра шукала и свою голоўку ўшпиляла, вашихъ вѣнкоў не потребовала.

(Тутъ въ рукописи недостаетъ листка).

693

Вышоў N за воротушки,
Поклонпўся своему татульку ў ножки:
Благослови мяне, татулька, до шлюбу выѣзжаю!
— Зъ Богомъ, зъ Богомъ, дзитятка!
Зъ Богомъ дзицятка съ ўсими святыми!
Тогды дорожка блаславлёна
И церковка отчинёна.
Церковка отчиненная,
И коплану назбераные.

694

Ў дорозѣ Хведорка, ў дорозѣ!
Некованный коникъ ў возѣ,
Ёсць у мяне ковальки ў дорозѣ,
Да подкуюць коника ў возѣ.
Ёсць ў моей дзѣвочки коральки,
Будуць моимъ коникамъ угнальки,
Ёсць ў моей дзѣвочки персцёнки,
Будуць моимъ коникамъ угнальки,
Есць ў моей дзѣвочки истушки,
Будуць моимъ коникамъ подушки.

695

Ды затужиўся Хведорка
Ў полдорожки ѣдучи,
Ды подъ бярозкой стоючи,
Што яго коники ня вязуць,

Ды задраўши голоўки тольки ржуць.
Ды ня тужи, Хведорка, я твоихъ коникоў напою,
Криничной водой напою,
До стаенки довяду,
Сѣна оброка поднясу.

696

По возвращеніи изъ церкви.

Отчиняй, мамка, новый дворъ,
Вязуць нявѣстку на выбо́ръ,
Отчиняй, мамка, клѣцечку,
Вязуць нявѣсту цвѣточку.
Отчиняй, мамка, вяршочекъ,
Вязуць нявѣсту съ варчочекъ,
Ды вязуць потво́ръ на дворъ.
И што съ этого потвора будзиць,
Яна на цябе болотомъ кидать будзиць.

697

Въ домѣ молодого. Молодая кланяется всѣмъ. Садятся за столъ. Всѣ родные дарятъ невѣстѣ деньги и проч. При этомъ сватъ каждый разъ провозглашаетъ слѣдующее:

Близкіе, далекія
Чужіе свои родные
Ды дарыце!
Татулька, матулька
Соли зъ хлѣбомъ
И долю и счаццемъ.
Цёцечки по рубельчику,
Дзядзечки по чирвончику,
Брацечки по талерчики.
Казали ў Хведорки родныхъ много,
Якъ пици, гуляци—ёсць кому,
А якъ дарици—дыкъ некому.

(Сообщ. г-жею Смигельскою).

Похороны (хаутуры) и дзяды.

(*Витебскій у.*)

Когда въ деревнѣ кто-нибудь умретъ, то родственники умершаго просятъ сосѣдей и родныхъ помочь имъ сдѣлать досчатый гробъ, выкопать могилу и молиться по усопшемъ. Тѣло умершаго кладутъ на лавкѣ противъ дверей; при выносѣ тѣла изъ дому, на гробъ бросаютъ зерна ржи, а на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, кладутъ хлѣбъ и соль. Это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы умершій оставилъ своихъ домашнихъ съ хлѣбомъ-солью и въ подземельномъ мірѣ всегда молилъ бы Бога, да благословитъ онъ довольствомъ тотъ домъ, гдѣ онъ кончилъ земное свое существованіе. Когда провожаютъ тѣло на кладбище, всѣ жители выходятъ изъ хатъ и, остановясь въ воротахъ, крестятся. На поминки и въ домѣ самого бѣднаго пекутъ какіе нибудь блины, хоть изъ плохой муки. При этомъ главнымъ обрядомъ имѣется въ виду паръ, который обозначаетъ душу умершаго, возносящуюся на небо. Похороны называются литовскимъ (?) словомъ „хаўтуры“. Похороны сопровождаются всегда голошеніемъ. Трудно представитъ образцы голошенія. Для примѣра приведемъ нѣсколько таковыхъ. Надо замѣтить, что слово „заводить голошеніе“ какъ нельзя лучше выражаетъ напѣвъ ихъ, прерывающійся послѣ каждаго стиха всхлипываніемъ.

698

Плачъ по матери:

А моя жъ ты матушка!
А моя жъ ты зязюлечка!
Чаму жъ ты, чаму помёрла,
Свою дочку осироцила?
А кабъ ты видзила, знала,
И кая мяне доля споткала,
Ахъ ўстала жъ бы ты ўстала,
Радзиньку совѣтъ бѣдной бы дала;
Ахъ некому жъ мяне пожалѣци
Я й ў хаци, я й ў клѣци,
Слёзками, слезами плачу,
Ахъ счасцця доли да не бачу.

Въ концѣ припѣваютъ:

Чаму жъ ты со мной да не погукаишь?
Своей дочки да не разпытаешь?
Якъ яна живець да горуець? и т. д.
Ахъ трудненька жъ мнѣ трудненька будзець.
Ў чужой хаци жиць,
Ў чужой матушки быць.

699

Голошеніе по отцѣ:

Ахъ! татулька нашъ,
Ахъ сизый голубь насъ,
Ты жъ насъ годоваў,
Ты жъ насъ спогодаў,
А цяперъ покидаешь,
Ци ты жъ жалосци не маешь?
Хто жъ ў насъ цяперъ порадокъ завядзець,
Хто жъ насъ' цяперъ да присцяражець.

700

Голошеніе матери надъ дочкою:

А моя жъ ты квѣточка, а моя жъ ты пташечка:
Куды жъ гэта я цябе наражаю?
Куды жъ гэта я цябе выпраўляю?
Ахъ ни ў церковку ни подъ вянецъ законенькій.
Ахъ на могилочку ў пясокъ сыренькій,
Хто жъ будзиць старосци моей пильноваць?
Ахъ цымъ гэта табѣ першъ умираци?
Ахъ цымъ гэта цябе мнѣ надо ховаци?

(Изъ лѣтописи приходской Петро-Павловской церкви заштатнаго города Суража за 1868 г. Сообщ. священникъ о. Шаровскій.)

701

(*Чашники*)

По матери:

Ахъ матынька ты моя родная,
Матынька моя милая!
Куды жъ ты прибралася ў якую дороженьку?
Коли мнѣ цябе дожидаци?
А хто жъ мнѣ бизъ цябе цяперъ порадзѣиць?
А съ кимъ мнѣ цяперъ поговорици?
Поклонься тамъ мойму батыньку,
Нихай ёнъ па мяне ня забываиць.
Моя матынька родная!
Откуль мнѣ цябе поглядзѣци?

Ци ты соўнійкомъ ўзыйдзешь?
Ци ты вутынькой проплывешь?
Ци ты птушечкой пролецишь?
Ня маю я надзѣи, штобъ я цябе увидзѣла.
(Зап. мною отъ Котгевичовны.)

702

(*Тамъ же*)

По сынѣ:

Синочикъ мой маленьки!
Куды жа выражаешся? ў якую дороженьку?
Къ якой же дзѣвонькѣ ѣдзешь ў сваты?
А твоя жъ веселля не веселая,
А твоя сватьба не пріятная.
Скажи жъ мой сыночекъ:
Чимъ мнѣ цябе благословляць?
Ци цябе хлѣбомъ, ци цябе соллю?
Ци цябе счасццемъ, ци цябе долею?
Ци цябе вобразомъ, ци цябе грошми?
А тябѣ жъ гэто ничего тамъ не нада,
Тольки треба чатыре доски,
Чатыре доски да сажень земли.
(Зап. тотъ же.)

Похороны крестьянъ Станиславской волости Лепельскаго уѣзда.

Если умирающій оставляетъ послѣ себя семью и другого хозяина въ домѣ, то послѣдній благословляетъ хлѣбомъ-солью наслѣдника, а потомъ другихъ родственниковъ. По смерти, тѣло покойника, послѣ благословленія кладутъ въ досчатый гробъ, который ставятъ въ почетномъ углу избы и по обѣимъ сторонамъ его зажигаютъ восковыя свѣчи. Родственники, особенно женщины плачутъ, голосятъ надъ покойникомъ, высказывая при этомъ всѣ достоинства покойника, какъ имъ было легко жить на свѣтѣ, пока онъ былъ живъ и чего они опасаются теперь, чего должны ожидать оставшись безъ него. Тѣло умершаго, не далѣе, какъ на другой день послѣ смерти, ве-

зутъ для погребенія на ближайшее кладбище. Для этого закладываютъ лошадь въ телѣгу, кладутъ на ней гробъ съ покойникомъ и здѣсь родственники и сосѣди снова прощаются съ нимъ, цѣлуя его въ лицо, а хозяинъ, остающійся въ домѣ, цѣлуетъ копыта запряженной и другимъ своимъ лошадямъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ подобныхъ случаяхъ даже и прочему скоту цѣлуютъ копыта. Послѣ похоронъ гости и родственники приглашаются на поминки по умершемъ. Здѣсь сперва ѣдятъ кутью, приготовленную изъ ячменя съ медомъ, кашицу изъ гречневыхъ крупъ и пьютъ водку. Затѣмъ всѣ расходятся по домамъ.

(Зап. волостнымъ писаремъ Тишецкимъ. Сообщ. мировымъ посредникомъ М. Ѳ. Сазоновымъ.)

Примѣчаніе приходскаго учителя Н. Я. Никифоровскаго.

Повсемѣстно въ Витебской губерніи, лошадь, которая отвозитъ „нябощика" на кладбище, пользуется почетомъ и уваженіемъ, которое сказывается въ томъ, что ее ведутъ не за поводья, нарочно на эту пору отвязываемыя, а за полотенце, или поясъ, которые замѣняютъ поводья.

Въ Себежскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Рѣжицкимъ, этой лошади кланяются до земли.

Замѣчательно также, что подъ „нябощика" впрягаютъ именно ту лошадь, которую онъ преимущественно предъ другими любилъ при жизни.

Въ Себежскомъ и другихъ пограничныхъ съ нимъ уѣздахъ, во время проводовъ покойника на кладбище и именно, когда священникъ проходитъ ворота, послѣдняго осыпаютъ зернами непремѣнно овса или ячменя, чтобы больше никто изъ этого дому не умиралъ.

Въ теченіе шести недѣль въ окно, передъ которымъ лежалъ покойникъ, вывѣшивается полотенце для того, во первыхъ чтобы покойникъ, являясь иногда въ это время къ своему дому, могъ утереться, а во вторыхъ, какъ знакъ того, что объ немъ помнятъ. Это полотенце служитъ также примѣтой траура дома.

(*Витебскій у., бывш. Суражскій*).

Дзяды.

Празднество, посвященное воспоминанію усопшихъ предковъ, называется „дзядами" или „дзѣдами", и началомъ своимъ, быть можетъ, восходитъ къ язычеству. Въ настоящее же время оно выражаетъ прекрасную черту простолюдиновъ и служитъ признакомъ вѣры ихъ въ будущую судьбу загробной жизни. Дзяды, празднуемые осенью извѣстны подъ названіемъ Осянины и Змитроўка. Они празднуются обыкновенно въ субботу, по истеченіи трехъ недѣль Покрова Пресвятыя Богородицы. Начало вечера есть и начало празднества.

Предшествующій этому празднику день проходитъ въ заботахъ объ опрятности жилища и въ приготовленіи кушаньевъ. Обиліе вкусныхъ яствъ и тщательная опрятность въ домашней обстановкѣ душамъ отшедшихъ дзядовъ, говорятъ, доставляютъ особенное удовольствіе. Лишь только настанетъ вечеръ и все прибрано и готово, семейство и приглашенные гости, родственники или сосѣди, собираются въ жилую избу. Старикъ, глава семейства, зажигаетъ свѣчу, прикрѣпляетъ ее къ углу на кутѣ въ кіотѣ предъ иконою и начинаетъ молитву. По окончаніи ея, всѣ садятся около стола, уставленнаго кушаньями, посрединѣ котораго находится вино и пиво. Тотъ, кто читалъ молитву, при всеобщемъ вниманіи произноситъ слѣдующія слова:

Святые дзяды зовемъ васъ: ходзице до насъ!
Ёсць тутъ ўсё, што Богъ даў,
Чимъ тольки хата богата,
Просимъ васъ: лящице до насъ!..

За симъ онъ наливаетъ рюмку водки, такъ, чтобы изъ нея пролилось на скатерть (это для дзядоў) и выпиваетъ; всѣ, старшіе и взрослые, пьютъ также, немного проливая. Ѣсть не начинаютъ до тѣхъ поръ, пока отъ каждаго кушанья не отольютъ и не отложатъ понемногу въ отдѣльный сосудъ, который затѣмъ и ставятъ на окошко. Приготовивши такимъ образомъ для дзядовъ, домашніе и приглашенные сами начинаютъ ѣсть и пить, но бесѣда не оживляется веселостью. Кажется, что какая-то грусть наполняетъ сердце каждаго. Старики, стоящіе сами на краю смерти, понятно,

бываютъ въ это время чувствительнѣе прочихъ. Разговоръ идетъ самый вялый, состоящій изъ однѣхъ лишь замѣчаній, то о несомнѣнномъ присутствіи отшедшихъ, то о ихъ житьѣ-бытьѣ и о настоящемъ, болѣе счастливомъ и покойномъ бытѣ. „Наши дзяды, говорятъ иногда старики, ня знали бяды, а ўнуки набралися муки". „Што-жъ робиць?" замѣчаетъ при этомъ хозяйка: „ня оттого зголѣли, што сладко пили и ѣли, а такъ Богъ даў". „Нада жиць, дзѣтки, продолжаетъ старикъ, якъ набяжиць". По окончаніи ужина встаютъ изъ-за стола, молятся Богу и расходятся, приговаривая: „Святые дзяды, лящице цяперъ до неба". Дѣти отвѣчаютъ: „Аминь".

(Изъ лѣтописи приходской Петро-Павловской церкви заштатнаго города Суража за 1868 г. Сообщ. священникомъ о. Шаровскимъ.)

Дѣды.

Подъ названіемъ „дѣды" почти повсемѣстно въ Витебской губерніи извѣстны праздники, уставленные въ память умершихъ. Свято почитая прочіе праздничные дни, крестьяне Витебской губерніи чтутъ въ особенности „дѣды". Эти праздники, между прочимъ, имѣютъ ту особенность, что они входятъ въ составъ дней, по которымъ составляется годичное распредѣленіе времени у Бѣлоруссa. Выраженія „ета було ў першіи дѣды", „ни далёко ды Пятровскихъ дядовъ" часто слышатся при хронологическихъ разсказахъ. Какъ во всѣ дни поминовенія, такъ и въ „дѣды", въ каждомъ крестьянскомъ семействѣ непремѣнно приготовляются слѣдующія кушанья: а) „кутьтя" съ медовою сотою, б) блины, в) „сочни" (тонкія лепешки изъ хлѣбнаго тѣста), г) „кисель" и д) „каша". Всѣ эти кушанья, или покрайней мѣрѣ значительная ихъ часть, подаются за вечернимъ столомъ, составляющимъ все значеніе „дѣдовъ". Когда, послѣ молитвы и поминанія умершихъ родныхъ, вся семья усѣлась за столъ, хозяинъ беретъ чистую миску и отъ всякаго кушанья отдѣляетъ въ нее небольшую частицу и притомъ по стольку, сколько есть поминальныхъ родныхъ, произнося при этомъ имя каждаго порознь. „Пымяни, Госпыди, дзятьку Ивана! пошли ему́, Госпыди, ча́рства нибесныя й рай присвѣтлый!" говоритъ хозяинъ—и вся семья набожно крестится. Наложивъ всѣхъ кушаньевъ въ „миску" (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставивъ туда же и рюмку водки), хозяинъ ставитъ „миску" за окно, на нарочно

устроенный подоконникъ и, обращаясь къ семьѣ, говоритъ: „нихай яны су святыми пыживаютъ, а намъ зы наша добро хлѣба соли засылаютъ!“ Послѣ этого пьютъ водку и ужинаютъ. Замѣчательно, что остатки кушаньевъ отъ такого поминальнаго стола тщательно собираются, а не оставляются на ночь, какъ это дѣлается въ коляды. На столѣ, покрытомъ скатертью, только оставляется на ночь хлѣбъ и соль. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мнѣ приходилось слышать увѣреніе крестьянъ, что въ „дѣды“ за вечéрею, равно какъ и за обѣдомъ при погребеніи „нябощика“, можно видѣть всѣхъ своихъ умершихъ родственниковъ, если смотрѣть на столъ, вынувши дверной косякъ изъ избы и затворивши при этомъ дверь. Но такое любопытство иногда стоитъ очень дорого. Если покойникъ при жизни имѣлъ какое либо неудовольствіе на наблюдателя, если и самъ наблюдатель во время смотра сдѣлаетъ какое нибудь движеніе (даже моргнетъ глазомъ), то одинъ изъ сидящихъ за столомъ покойниковъ, или же всѣ схватываютъ со стола чашку съ горячимъ кушаньемъ и заливаютъ имъ глаза неосторожному наблюдателю; послѣ чего онъ остается навсегда слѣпымъ. Быть можетъ, для избѣжанія такого несчастья для наблюдателя всѣ вечернія кушанья въ „дѣды“ подаются на столъ холодными.

Учитель Витебскаго приходскаго училища Н. Я. Никифоровскій.

(*Лепельскаго у., д. Бабчъ*)

Дзяды.

„Дзяды“ у крестьянъ нашей мѣстности празднуются очень часто, но самые главные дзяды, дмитроўскіе—осенью. Въ субботу подъ вечеръ все семейство, въ которомъ празднуется „дзяды“, отправляется въ баню. Возвратившись домой, накрываютъ столъ скатертью и всѣ начинаютъ креститься передъ образомъ. За каждымъ крестнымъ знаменіемъ складываютъ вмѣстѣ руки на груди крестъ-накрестъ, причемъ ладони подкладываютъ подъ мышки, выпрямляя свой станъ, и такимъ образомъ начинаютъ молитву за усопшихъ—обыкновенно: anioł Pański. Затѣмъ хозяйка ставитъ на столъ *куцию*, т. е. кашу изъ ячной крупы, блины, сыръ, клёцки, уху съ говядиной, яичницу, пироги, масло, медъ. Хозяинъ первый беретъ ложку куцци и опрокидываетъ на столъ: „гэта нашимъ дзядамъ“

говоритъ онъ и только затѣмъ всѣ начинаютъ ѣсть. По окончаніи ужина хозяинъ наливаетъ водки въ ковшики и ставитъ ихъ на окно, говоря опять: „гэта нашимъ дзядамъ“..

(Сообщ. ученикомъ Витебской гимназіи В. Пржисецкимъ.)

Рекрутскія пѣсни.

703

(*Лепельскаго у., м. Коптевичи*)

А за рѣчкой за Бойцомъ
Стаиць дзѣўка зъ молойцомъ,
Чешиць кудри гребянцомъ.
За новыми воротами
Стояць столы засланы,
А за тыми за столами
Сидзяць паны радами,
Пишуць письмы перами,
Бяруць раду словами:
„Будзимъ-жа раду брацъ,
„Кого ў рекруты отдаць:
„Ў кого сыноў шесць,
„Тому ўси пошли заўчесць,
„Ў кого сыноў пяць,
„Тамъ ни водного не ўзяць,
„Ў кого сыны чатыры,
„Тамъ ня вышли аршины,
„Ў кого сыноў тры,
„Тамъ зъ хаты ўси пошли,
„А гдзѣ сыноў два,
„Тамъ ў хацѣ надобна.
„А ёсць ўдоўкинъ одзинъ сынъ,
„Хорошъ пригожъ курвинъ сынъ“.
Тамъ сястрица стояла,
Пошла брату сказала,
Братъ на тоя ня ўповаў
А съ дзѣвицей ночеваў,
Зъ ночь сапожекъ ня здзѣваў.
Ў нядзѣльку поранку,
Присылаюць хурманку,
Стукалъ грукалъ по двору,
Бѣлъ молойчикъ на гору,
Яго соцкій за ногу.
Скоры ноженьки скували,
Бѣлы рученьки звязали,
Зъѣхали со ганка—
Прощай, милая коханка!

(Зап. учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ).

704

(*Городокскаго у., Куксинская в.*)

А гдзѣ пяць, тамъ ни ўзяць?
Гдзѣ чатыре—не веляць (2)
А гдзѣ тры—уцякли (2).
А гдзѣ два—дома нѣтъ (2)
А ў ўдовки одзинъ (2)
И тотъ подходзиць подъ аршинъ.

Сестра ето дознала,
Брату вѣсци давала.
А братъ сястру ня ўважаў,
Съ красавицей ночеваў.
Пришли, яго поймали,
Назадъ ручки связали, (2)
Бѣлы ножки сковали (2).
Ўставили ў ставéцъ,
Бѣлъ ўдалый молодецъ.
Стали яго раздѣвàць
Яго сердце занываць,
А послали за мыломъ,
Яго сердце заныло,
Якъ сказали: „забрый лобъ!"
Ёнъ объ земельку, якъ снопъ.
Безъ племени безъ роду (2)
Якъ бѣлъ камень ў воду (2).
Безъ матушки, безъ отца,
Якъ заблудшая оўца.

(Сообщ. М. П. Сахóровымъ).

705

(*Чашники*)

Ў нашего короля
Появилась новина;
Зовуць войта до двора.
На большую пораду.
„Порадзь, порадзь войтокъ
„Ты мой сизый голубокъ,
„Кого ў рекрута ўзяць?"
— Гдзѣ пяць—тамъ неўзяць,
— Гдзѣ чатыре—убѣжаць,
— Гдзѣ и тры—тамъ не брацъ,
— Гдзѣ два—не веляць.
— Ёсь за рѣчкой слободка
— На слабодзѣ дзѣўка,
— А ў дѣўшки одзинъ сынъ,
— Той ў рекруты знадабинъ.—
Якъ малойца ўзяли
И рученьки звязали,
Поставили ў ставецъ,
Ёнъ хорошій молодзецъ.

(Зап. мною отъ М. Котвевичовны).

706

(*Борисовскій у.*)

Ой ў лузѣ, ў лузѣ стояла калина,
Стояла, стояла, стоючи завяла,
Ўсимъ нашимъ молойцамъ перемѣна дана,
А мнѣ молодому служицн самòму.
Ўзяли, ўзяли рученьки звязали
Ножки оковали, ў полицыю подàли,
А зъ полици до цемницы,
А зъ цемницы до дзѣвицы:
Ахъ ты дзѣвица, ты моя зрадница!

Зрадзила мяне, мяне молодого;
Спацеряў коня, коня вороного,
Спацеряў сѣдло, сѣдло золотоя,
Спацеряў нагайку черную, якъ галку,
Спацеряў платочекъ зъ зеленаго шелку,
Я самъ молодзенькій зъ россійскаго полку.
(Зап. Н. А. Руберовскій).

707

(*Тамъ же*)

Ой ўзяли молойца
Да отъ матки отъ ойца,
Назадъ руки завязали,
По фурманушку послали.
Вядуць яго до пріему,
Ёнъ думае што до дому;
Вядуць яго до аршину,
Ёнъ думае за старшину.
Ой, якъ засну, дыкъ забуду
Якъ прочнуся, слезьми ллюся...
(Зап. тотъ же).

708

(*Чашники*)

Около сада зялёнаго
Дорожка ляжала,
А при тэй-жа при дорозцѣ
Кузенка стояла.
А ў тэй-жа ў кузенцѣ
Ковалй ковали,
Яны куюць и гартуюць,
Чи штабы жалѣзы.
Приводзюць-жа дзѣцину
Парня молодого.
„Вы ковалй слесари
„Закуйця мальчишку".
Яму ноженьки зковали
И рученьки звязали.
Ты прощай матушка родна.
Хрестъ на сябѣ ўзложиў,
И сторонушку забыў.
(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

709

(*Витебскій у.*)

Ўставай, мая матушка, раненька,
Ой, топи-жь ты свѣцёлочку цеплинька,
Выпраўляй ты сыночка милинька.
Ой, ня плачь, мая матушка,
Не тужи-жь ты по мнѣ!
Якъ посадзюць мяне, матушка, на скамеечку,

Якъ и станують мои русы волосы бросаць
Ой ня плачь и т. д.
Якъ и стануць мяне обмундироваць,
Якъ стануць ружьёмъ надзѣляць,
Ой ня плачь и т. д.
Якъ и стануць мяне, матушка, ў полкъ опредѣляць,
Якъ и стануць мяне, матушка, съ полкомъ выпраўляць.
Ой, заплачь мая матушка,
Потужи-жь ты по мнѣ.
Якъ пайдземъ ў зелены луги,
А ўси луга поскошены, а твои заблажены.
Ой заплачь и т. д.
Якъ и пойдзешь ў чисто поле гулящь,
А ўси поля пооранымъ, паскарожены а твои заблажены.
Ой, заплачъ, мая матушка,
Потужи-жъ ты па мнѣ!
(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи В. Новицкимъ).

710

(*Борисовскій у.*)

Ой ў гаю, гаю цёмнымъ,
Зъ-подъ березничку зяленаго,
Тамъ мосты ўсе мощены,
Ўсе мощены ды покощены;
По тыхъ мостахъ охвицеры йдуць,
Охвицеры йдуць барабанючи,
За ними сиротки сильно плачучи.
Были ў бацьки три сыны, три сыны Васили;
Которому сыну ў солдаты исци:
Чи бо́льшему, чи среднему,
Чи самому опаслѣднему?
Ў бо́льшаго сына дзѣтки дробны,
Ў средняго жена молодая,
Ў послѣдняго—заручеая.
Бо́льшему сыну ў солдаты пойсци,—
Да по нимъ жена занудзилася,
Занудзилася, затужилася,

Дзѣтки дробные заплакали.
— Ня тужи, ня плачъ жана молодая,
Я свои дзѣтки по полка́хъ разошлю,
Цябе, молодзенькую, съ собой возьму.
Чи я ў цябе, бацька, ня косиў, ня ораў,
Што ты мяне, бацька, ў солдаты оддаў?

(Зап. Н. А. Руберовскимъ).

Солдатскія пѣсни.

711

(*Чашники*)

Посыхай калининка, тойчасъ морозъ будзиць.
Я морозу ня боюся, тойчасъ усыхнуся.
Ўбирайся молодой солдатъ, тойчасъ походъ будзиць.
Я походу не боюся, тойчасъ убяруся,
Въѣхаўши на вулицу усѣмъ уклонюся,
Хоць я молодъ солдатъ, о томъ не журуся,
Прощайце мои людзишки съ кѣмъ посвариўся,
Прикрапице дороженьку, штобъ яна ня пылила,
Развяжайце мою матушку, и штобъ яна ня тужила,
Хоць кропице ни кропице—ўсе пылиць будзиць,
Развяжайце, ня развозжайце—ўсе тужиць будзиць.

(Зап. мною отъ Коткевичовны).

712

(*Тамъ же*)

Развивайся бѣлая борозка,
Заўтра морозъ будзиць,
Прибирайся ўдоўчинъ сынъ,
Заўтра наборъ будзиць,
Я й набору ни боюся,
Скажуць—прибяруся,
Скажуць на коня садзицца,
Яжъ ужо сажуся

Поливай дожъ дороженьку
Кабъ ды ни курила,
Разводзиця матуленьку
Кабъ ды ни тужила.
Поливаў дожъ дороженьку,
Дороженька курыць,
Разводили матуленьку,
Матуленька тужиць.

Коли коли, сынуленьку,
Ко мнѣ ў госци будзишь?
Тогды тогды, матуленька,
Къ табѣ ў госци буду,
Якъ ў прудзи на камяни
Пшаниченька выросциць.
Росла росла пшаниченька,
Стала посыхаци,
Ждала ждала маци сына,
Стала покидаци.

(Зап. тотъ же).

713

(*Витебскаго у., с. Мишково*)

Межъ горъ да межъ горами
Прилежала дороженька
Очень широкая.
Што по той по дороженьки
Ишли ишли солдаты,
Парни молодые,
Ни женаты, холостые.
Выходзила матушка
Сынка переймаци.
Ходзи мой сынокъ,
Я цябе помыю
Буйную голоўку,
Расчешу кудзерку
Частымъ грыбешкомъ.
Помой головушку
Кому маци хочешь,
Расчеши кудзерку
Кого больше знаешь;
Помыецъ головушку
Въ полѣ буйный дожжикъ,
Расчешуць кудзерочки
Сильны вѣцерочки,
Мнѣ мягка посцеля
Сыра маць земéля.
Цёпло одзѣялушко
Сѣрая шинелюшка;
Крутоя изголовушко
Въ бѣломъ полѣ камушекъ
На буйной головушкѣ
Клынъ зъ облесками,
На бѣлой грудзинушкѣ
Ремни со ремнями,
Обліюся молодзецъ
Горючьми слезами.

(Зап. В. И. Безперчій).

714

(*Витебскаго у., с. Лужники*)

Рабина, рабина, рабина кудрявая,
Подъ той рабиной маць сына родзила,
Маць сына родзила, на войньку пусцила.
Ахъ маць мая матушка, маць мая родзимая,
Дай жа мнѣ матушка чатыре трубы мѣдзяные,
Въ одну трубу затрублю, зъ матушкой прощаюсь,
Ў другую затрублю сиродъ поля уѣхамши,
Ў треццю затрублю подъ войско уѣзжаючи,

Ў чатвертую затрублю сиродъ войска стоючи.
Ахъ ты мацъ мая, матушка, болящь мои ножиньки,
Болящь мои ножиньки отъ скорой походыньки,
Болящь мои плечики отъ цяжкаго ружейчика,
Болящь мои вочиньки отъ синяго пороху.

(Зап. мною отъ бывшей дворовой).

715

(*Тамъ же*)

Ў Москвѣ, ў Москвѣ на столицѣ
Часты барабаны барабанюць:
На выходъ солдатъ выбираюць.
Женатые идуць—сильно плачуць,
Холостые идуць—пѣсенки паюць.
„А цыцъ братцы ўсё ня плачьця!"
А якъ жа намъ ўсё ня плакаць?
Остались ў насъ жоны молодые,
Остались ў насъ дзѣтушки дробные,
Остались ў насъ хоромы новые,
Остались ў насъ кони вороные,
Остались ў насъ земли боровые.
Остались ў насъ луги зеляные.
Лугамъ зелянымъ косцы будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць
Зямлямъ боровымъ пахи будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць,
Конямъ воронымъ поѣзды будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць,
Хоромамъ новымъ жильцы будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць,
Жонамъ молодымъ мужья будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць,
Жоны молодыя, пьюць, гуляюць,
Дзѣтушки дробныя слезы упираюць,
Жоны молодыя по застолью,
Дзѣтушки дробныя по заугоддя.

(Зап. тотъ же.)

716

(*Борисовскій у.*)

Засвистали поляченьки
Ў походъ ступаючи,
Заплакала Марусенька
Своимъ яснымъ вокомъ.
Не плачь, не плачь, Марусенька,
Мы возмемъ зъ собою,
Перевяземъ Дунай рѣчиньку,
Назовемъ сястрою,
Не сястрою, не родною—
Солдатской женою.
Маци сына выправўляла
Ў вялику дорогу:
„О, ѣдзь, о, ѣдзь, мой сыночекъ,
Да не забавляйся
За чатыре недзѣлечки
Домой ворочайся"...
Богъ вѣдаицъ, матулечка,
Якъ мнѣ повернуцься,
Мой конь добрый вороненькій
Ў воротахъ споткнуўся,
Гадуй мою Марусеньку
За рóдную дочку.
Ой не тая, мой сыночекъ,
Годзина повстала,
Кабъ чужая чуженица
За родную ўстала,
Шли шляхта на три трахта,
Москаль на чатыре,
Пыталися дорожечки
До мѣста Кракова,
А зъ Кракова да Яркова
Шаленые мили,
Лежацъ польскіе жоўнеры
По три, по чатыре,
Ляжицъ, ляжицъ панъ Косцюшко,
А жъ подъ бѣлымъ стогомъ;
Прійхожала, пріѣзжала
Жана молодая,
Китаечку подымала,
Лицо цѣловала:
„Ўстань, ўстань, панъ Косцюшко,
Полно воеваци,
Валикую силу маюцъ,
Намъ яе не ўзяци."

(Зап. Н. А. Руберовскимъ).

Духовныя пѣсни.

Слѣдующія духовныя пѣсни, какъ и пѣсни Велижскихъ братчиковъ, далеко не въ такой степени какъ предыдущія относятся къ произведеніямъ чисто-народной, безъискусственной поэзіи: онѣ почти всѣ возникли, сложились и обработались въ дошедшей до насъ формѣ подъ сильнымъ вліяніемъ богословской книжности церквей православной, уніатской и отчасти даже католической, — но тѣмъ не менѣе онѣ могутъ служить весьма важнымъ подспорьемъ при всестороннемъ изученіи внутренней, духовной, такъ сказать церковной жизни бѣлорусскаго народа. Ихъ отсутствіе въ сборникѣ образовало бы весьма замѣтный пробѣлъ.

Слѣдующее примѣчаніе, написанное по нашей просьбѣ бывшимъ профессоромъ Полотской семинаріи, старожиломъ здѣшней мѣстности, многоуважаемымъ сотрудникомъ нашимъ Семеномъ Кипріановичемъ Шимковичемъ, на судъ котораго представили означенныя пѣсни, достаточно можетъ, кажется, убѣдить читателя въ ихъ религіозно-битовомъ значеніи въ средѣ бѣлорусовъ народа въ весьма недавнемъ прошломъ.

„Прочитавъ тетрадь съ духовными пѣснями и стихотвореніями, я вспомнилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ часто приходилось слышать въ молодости моей, лѣтъ двадцать пять, тридцать тому назадъ, въ мѣстечкахъ Бѣшенковичи, Чашники (Витебской губерніи) и Смолянахъ (Могилевской губерніи); таковы: „Ахъ, мой Боже, вѣру табѣ“ и „Ишли три паненки Христа шукаци“. Пѣніе этихъ двухъ пѣсенъ, особенно первой, было очень употребительно въ народѣ (до возсоединенія уніатовъ съ православными) въ уніатскихъ церквахъ городовъ, мѣстечекъ и селъ; по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ её часто можно было слышать: послѣ обѣдни и вечерни всѣ присутствовавшіе во храмѣ мущины и женщины становились на колѣна и общимъ хоромъ пѣли ее. Эта пѣснь была припечатываема въ нѣкоторыхъ служебныхъ книгахъ уніатскихъ, но въ народномъ употребленіи подвергалась разнымъ измѣненіямъ, впрочемъ, незначительнымъ. Вторая была въ ходу, особенно у мѣщанъ и преимущественно у набожныхъ мѣщанокъ, которыя распѣвали её дома при благоговѣйномъ душевномъ настроеніи, особенно въ великопостные дни; извѣстна она была и многимъ крестьянамъ, или вѣрнѣе сказать крестьянкамъ. Напѣвъ этихъ пѣсенъ мнѣ и теперь помнится. Не знаю, поются ли онѣ обѣ и въ настоящее время гдѣ-нибудь, но первую изъ нихъ, лѣтъ 8 назадъ, я слышалъ въ м. Сиротино, во время храмоваго праздника отъ нищихъ, которые пѣли ее вмѣстѣ съ Лазаремъ, сидя при дорогѣ, и не очень

давно въ м. Приджуйскѣ, тоже отъ нищихъ при костелѣ. Пѣсни: „Ишли три паненки“ (болѣе употребительный варіантъ) и „А ў го́родзи Іерусалими стоиць косьцёлъ мурованый“, мнѣ случалось видѣть въ молодости переписанными (славянскимъ шрифтомъ) у нѣкоторыхъ грамотныхъ мѣщанокъ м. Бѣшенковичъ, вмѣстѣ со сномъ Пресвятой Богородицы, въ одну книжечку, которая хранилась бережно, какъ святыня; такія книжечки пріобрѣтались, впрочемъ, и нѣкоторыми неграмотными, какъ нѣкій талисманъ. Пѣсни: „Ишли жидове громадны“ я слышалъ отъ одного изъ моихъ товарищей, который любилъ передразнивать пѣніе велижскихъ мѣщанъ уніатовъ. Онъ же нерѣдко декламировалъ выдержки изъ помѣщенныхъ у васъ духовныхъ стихотвореній, слышанныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ.

„Мнѣ кажется, что эти стихотворенія въ настоящее время очень рѣдко, гдѣ можно слышать. Заботливость православныхъ священниковъ объ очищеніи религіозныхъ вѣрованій въ средѣ Бѣлорусовъ отъ разныхъ постороннихъ примѣсей и искаженій священно-историческихъ фактовъ замѣтно охладила въ немъ расположеніе къ этимъ благочестивымъ измышленіямъ досужей фантазіи.

„Собраніе пѣсенъ Велижскихъ братчиковъ у васъ довольно полное. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, въ коихъ прославляется Рождество Христово, пѣлись или произносились, послѣ пѣнія собственно церковныхъ праздничныхъ пѣснопѣній, людьми, избранными изъ среды сопутствовавшихъ звѣздамъ. Эти звѣздоносцы ночью въ первый день Рождественскаго праздника имѣли обыкновеніе вносить звѣзду свою въ дома или, по крайней мѣрѣ, подносить къ домамъ христіанскимъ во всѣхъ почти городахъ и мѣстечкахъ Витебской губерніи. (Обыкновеніе это не очень давно уничтожено): волхвы сопутники „звѣзды“ нерѣдко перепивались и сокрушали самую звѣзду, особенно, если они въ такомъ веселомъ настроеніи сталкивались съ волхвами сопутниками звѣзды другого прихода. Жаль, что въ вашей тетради не помѣщена одна интересная пѣсня, въ которой изображается печальная участь виѳлеемскихъ младенцевъ, злоба Ирода и гибель послѣдняго. Она пѣвалась и какъ при ношеніи звѣзды, такъ и при ношеніи вертепа. Я не могу её припомнить, но думаю, что нѣкоторые изъ Витебскихъ мѣщанъ её знаютъ, потому

что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ мѣщанинъ, не старикъ еще, пропѣлъ её мнѣ речитативомъ".

717

(*Городокскій у.*)

Якъ ў недзѣльку раненько
Ходзиў Богъ слѣдуючи,
Насъ грѣшныхъ спробуючи.
Ишла двѣўка, воду несла,
Спросиў Богъ руки, ноги умыць.
Дзѣўка Бога не узнала,
Гордо Богу отказала:
„Моя вода нячистая,
„Древомъ листомъ западала."
— Сама дзѣўка нячистая!
— Чаму воду ня очищала? —
Тогды дзѣўка Бога узнала,
Ў святые Его ноги упала.
— Полно дзѣўка ня уклоняйся,
— Идзи къ ўсимъ ксендзамъ сповѣдайся,
— Въ ўсихъ грѣхахъ признавайся. —
Душа въ цѣлѣ завихацься
Косци съ цѣломъ разставацься,
Ўси святые зъ мертвыхъ ўстали,
Косци съ цѣломъ собирали,
До гроба складали.
Мацъ наша родзима!
На што ты насъ породзила,
На Дунаѣ утопила?
Сабѣ грѣху прикупила.

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

718

(*Лепельскій у.*)

Ишоў Господзь дорогою,
Дорогою широкаю,
Пришоў Господзь къ колодзисю,
Къ колодзисю глубокому,
А тамъ дзѣўка воду брала, (2)
Грѣшны души пробовала. (2)
Богъ ў дзѣўки воды просиў: (2)
„Ты дай, дзѣўка, Богу воды." (2)

Дзѣўка Бога ни ўзнала,
Дзѣўка грубо отказала:
— Гэта вода нячистая.
— Зъ дуба стріла вылитала.
— Ў колодзись попадала.—
„Сама дзѣўка нячистая!
„Ты имъ сыноў породзила,
„Ўсихъ сюды потопила".
Дзѣўка Бога спужалася,
Пирадъ Богамъ крыжамъ пала.
„А ўстань, дзѣўка, ни пужайся,
„Идзи домоў прибираўся,
„Съ отцомъ зъ мацій распрощайся,
„Идзи ў церкву сповидайся."
Стала дзѣўка сповидацьца
Стала цѣла распадацьца.
„Вотъ табѣ мамка нахуваннійка,
„Якъ намъ была годуваннійка."

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

719

(*Быховскій у.*)

Ишоў жа ишоў сиротынька,
Ишоў жа ишоў малинички,
Сустрѣў яго самъ Сусъ Христосъ.
„Куды жъ ты идзешь сиротынька,
„Куды жъ ты идзешь малинички?"
— Я иду, иду родной матушки шукаць.—
„Твоя мамка ў косцёли,
„Ляжиць яна на пристоли,
„Пилиною накрытая,
„Золотымъ гвоздомъ прибитая.
„Ти идзи, сынокъ, къ своей мачихи,
„Тамъ ў мачихи блины пякуць."
— Яны пякуць, дый мнѣ ня дадуць
— Обуваюць,—прибиваюць,
— Рубашку даюць проклинаюць:
— Богдай цѣла ня сносила
— Другей рубахи ня сносила. —
„Штошъ ты сынокъ будзишь ѣсци?"
— Росцець, мамка, полынь траўка,
— Буду, мамка, корень грысци.—
„Штошъ ты, сынокъ, будзишь пици?"
— Будуць, мамка, дожжи ици,
— Будуць, мамка, стрѣхи капаци,

— Буду мамка ету воду пици.—
„Идѣ-жъ ты, сынокъ, спацьки ляжишь?“
— А ў косцёлѣ на присцѣнѣ. —

(Зап. А.-Фр. Лисовская).

720

(Тамъ же)

Якъ ў городзѣ Ерусалимѣ, Господзи помилуй!
Туды ишли пройшли три чарнушечки, алилуія!
Туды ишли пройшли три чарнушечки, Господзи помилуй!
Першая идзець—три свячи нясець,
Другая идзець—книжичку нясець,
Трецція идзець—золотъ хростъ нясець.
На ўстрѣчу имъ ды й самъ Господзь Богъ.
„Милые мои три чарнушечки!
„А идзѣ-жъ вы былц, а идзѣ-жъ пробывали.“
— Были-жъ мы были да й ў городзѣ,
— Мы ў городзѣ ў Ерусалимѣ.—
„Што вы тамъ чули, што вы тамъ видзѣли?“
— Чули мы, чули, видзѣли,
— Якъ душа съ цѣломъ раставалася,
— Раставалася ўсё спиралася:
— Ай цѣла, на што рана ѣла?
— Ай ты душа чаму ня цярпѣла?
— Ай ў субботу до ўсходу сонца,
— Ай ў нядзѣльку до Божій службы,
— Ай табѣ цѣла ў зямлѣ ляжаци,
— Ай мнѣ душѣ пирадъ Богомъ стояци,
— Пирадъ Богомъ стояци грѣхи отказаци.—

(Зап. тою же.)

721

(Городокскій у.)

Процикала рѣка отъ самаго Христа
А по той-та рѣкѣ плыли плыли корабельки
А ў тыхъ-та корабелькахъ янгальки, апостальки.
„Гдѣ жъ вы были пробывали?“
— А мы жъ были, пробывали

„Гдѣ душа съ бялымъ цѣломъ разставалася,
„И разстаўшись душа не просцилася,
„И пройшоўши душа спокупилася,
„Ко бялому цѣлу воропилася.“
Ты просци цѣло бѣлоя мое,
Вотъ табѣ цѣло бѣлоя мое,
Жоўтыи пяски и гробовые доски,
А яжъ-то душа Богу согрѣшила,
И мнѣжъ-то, душѣ, идци туды,
Гдзѣ горацъ огни няугаспмые,
Гдзѣ горпцъ смола неутолимая.
Вотъ и яжъ-то душа Богу согрѣшила,
Я подъ окошечкомъ подслухпвала,
Мужа зъ жаной развѣнчивала.
Во й той-та грѣхъ, безконечный грѣхъ!
И по игрищамъ я похажпвала,
Ў ладушецки похлопывала,
Во й тую сатану ўзвиселивала.
Во й той-та грѣхъ, безконечный грѣхъ!
Ў чревы я дзяцей замаривала.
Вотъ той-то грѣхъ, безконечный грѣхъ!
И коровокъ, п бурёшекъ я сзызовывала,
Молоко ў нихъ отбиривала.
Подъ бѣлу березу подливовала,
Корни яё усушивала.
Во й той-та грѣхъ, безконечный грѣхъ!
А яжъ-то душа хорошо ня ўсходзила,
Хорошо ня ўсходзила, смашно ня уѣла,
Во й той та грѣхъ, безконечный грѣхъ!

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

722

(*Тамъ же*)

Шли пастыри изъ Ерусалима,
Отъ поўночи до Максима.
Максимъ старый бородатый
Якъ спугаўся,—выскочиў зъ хаты.

Што вамъ дѣци за прокуда
Огонь горидь—вяликоя цудо,
И янгальки спиваюць
На тулейкахъ мудро играюць.
Людзи кажуць, што панъ Христосъ народзиўся,
Христосъ народзиўся и пастухамъ объявиўся.
Побяжимъ до яго, привитаемъ маленькаго.
Прачистая поглядаиць,
Ажно идуць два лицвина,
И нясуць горшокъ боцвиння.
Ахъ вы дураки два лицвина!
Нашъ Христосъ ня ѣсь боцвиння,
Прпнясиця кашки зъ масломъ,
Чи блинчикоў на медовомъ сочку.
Съ одной стороны сопиць быча,
Съ другой быкъ и ослица.
Стоиць Гришка подъ вокномъ
Дяржиць горшокъ съ толокномъ.
(Сообщ. тотъ же.)

723

(*Тамъ же*)

Шли жидо́ве громадо́ве,
Взяли Христа новородове,
Яны били и плевали
И на крыжъ распинали,
Копьемъ сердце доставали,
Горючу кровь разливали.
Яго мацъ зъ Ерусалима,
Подъ крыжомъ стояла,
Слезьми Христа обмывала,
Его мацъ и умлѣла:
Сынку мой прелюбезный,
Сердцу мойму приболѣзный!
Церпѣў Христосъ вельки раны,
Што мы яго христіане.
(Сообщ. тотъ же.)

724

(*Тамъ же*)

Ишла паненька на круту гору —
Ой Езу, мой Езу, на круту гору!
Стрѣла паненка трое жидове:
Ти ня вы, жидове, Христа мучили?

Ой ня мы, паненка, Христа мучили, наши ойцове
На крижѣ распинали, гвоздзямъ руки прибивали,
Копьемъ сердце доставали, горючу кровь разливали.
Ўзышоўши паненка на круту гору.
Глянула паненка подъ ясну зару:
Подъ ясной зарой бѣлъ косцелъ стоиць,
Ў бѣлымъ косцёлѣ три гроба стоящь.
Ў первымъ же гробѣ Господзь Богъ лежиць,
Ў вторымъ же гробѣ Іисусъ Христосъ,
Ў треццимъ же гробѣ Свента Марія.
Пирадъ Господомъ Богомъ ангели співаюць,
Пирадъ Іисусомъ Христомъ свѣчи пылаюць,
Пирадъ свентой Марьей рожа разцвѣла,
Разцвѣўши рожа до неба пошла,
Зъ неба жъ бѣлъ птахъ злецѣў, (2)
На бѣлъ косцель стаў,
Стаўши бѣлъ птахъ, сами звоны зазвонили,
Сами свѣчи запалились,
Сама яму служба услужилась,
И людзи уклонились.

(Сообщ. тотъ же.)

725

(*Витебскъ*)

Ишли три паненки
Христа шукаци,
Ой Езу, мой, Езу!
Христа шукаци.
Сустрѣла паненка
Да трехъ жидовёў,
Ой Езу мой, Езу!
Да трехъ жидовьёў.
„Ци ня вы жидове
Христа мучили?
Ой Езу мой, Езу!
Христа мучили.

— Ой ня мы паненки,—
Наши ойцоўя,
Ой Езу мой, Езу!
Наши ойцоўя.
Ты ўзыйдзи паненка
На круту гору,
Ой Езу мой, Езу!
На круту гору.
Ты ўзглянь паненька
Подъ ясну зару,
Ой Езу мой, Езу!
Подъ ясну зару.

А подъ ясной ли зарой
Бѣлъ косцелъ стоицъ,
Ой Езу мой, Езу!
Бѣлъ косцелъ стоицъ.
А ў тымъ косцелѣ
Три гробы стояцъ,
Ой Езу мой, Езу!
Три гробы стояцъ.
А ў першимъ гробѣ
Панъ Езусъ ляжицъ,
Ой Езу мой, Езу!
Панъ Езусъ ляжицъ.
А ў другимъ жа гробѣ
Анёлки Яго,
Ой Езу мой, Езу!
Анёлки Яго.
А ў трецщимъ жа гробѣ
Свента Марія,
Ой Езу мой, Езу!
Свента Марія.
А пирадъ Езусомъ
Свѣчи пылаюць,
Ой Езу мой, Езу!
Свѣчи пылаюць.
А пирадъ анёлкомъ
Пташки співаюць,
Ой Езу мой, Езу!
Пташки спиваюць.
А пирадъ Маріей
Рожа расцвіла,
Ой Езу мой, Езу!
Рожа разцвіла.
А выляцѣў жа зъ рожи
Бѣлюсеньки птахъ,
Ой Езу мой, Езу!
Бѣлюсеньки птахъ.
Само яму чарство
Растварилася,
Ой Езу мой, Езу!
Растварилася.
Само яму небо
Расчиналася,
Ой Езу мой, Езу!
Расчиналася.

(Зап. мною въ 1867 г. отъ бившей дворовой (безграмотной) 60-ти лѣтней старухи.)

726

(*Витебскій у.*)

Взойдзи паненка
На круту гору,
А Езу мой, Езу
На круту гору.
А ўзглянь жежь, паненка
Подъ ясну зару,
А Езу мой Езу
Подъ ясну зару.
А подъ ясной зарой
Бѣлъ косцелъ стоицъ,
А Езу мой Езу
Бѣлъ косцелъ стоицъ.
А ў тымъ косцели
Три гробы стояцъ,
А Езу мой, Езу
Три гробы стояцъ.
Ў першимъ жа гробѣ
Свента Марія ляжицъ,
А Езу мой, Езу
Свента Марія ляжицъ.

А ў другимъ-жа гроби
А Iезу мой, Iезу,
Тамъ Христосъ ляжиць
А ў трецьцимъ гроби
Анёлы яго,
А Iезу мой, Iезу.
Анёлы яго.
Пирàдъ Свентой Марiей
Ксяндзы спѣваюць.
А Iезу мой, Iезу,
Ксяндзы спѣваюць,
Пирадъ Iсусомъ Христомъ
Свѣчи пылаюць,
А Iезу мой, Iезу
Свѣча пылаюць.
Пирадъ Анёлкамъ
Роза разцвiла,
А Iезу мой, Iезу
Роза разцвiла.
Якъ вылящѣлъ зъ розы
Бѣлехонькiй птахъ,
А Iезу мой, Iезу,
Бѣлехонькiй птахъ.
Полящѣу же той птахъ
До неба высоко,
А Iезу мой, Iезу,
До неба высоко.
Само жъ яму
Небо растворилось
А Iезу мой, Iезу,
Небо растворилось.
Сами звоны зазвонилися
А Iезу мой, Iезу
Сами звоны зазвонились.
Сами церкви отворились,
Сами яму свѣчи зацеплились.
А Iезу мой, Iезу
Сами жъ книги разложились
А Iезу мой, Iезу,
Сами жъ яму попы
На службу ўветали
А Iезу мой, Iезу,
А грѣшные же людзи.
Яму—низко уклонились,
А Iезу мой, Iезу
Яму низко уклонились.
А ня ёсць же то птахъ,
А ёсць Сынъ Божiй
А Iезу мой, Iезу
Ёсць Сынъ Божiй.

(Зап. учителемъ народнаго училища г. Коробовымъ.)

727

(*Тамъ же*)

А ў городзи въ Русалимѣ
Стоиць косцелъ мурованый,
Мурованый, побѣляный.
А ў тымъ косцёлѣ стоиць престолъ,
А на престолѣ ляжиць Христосъ.
Пирадъ Христомъ Свента Марiя,
Свента Марiя сильна плачець,
Сильна плачець, цяжко ўздыхаець

А яе святцы пытаюцца:
„Чаго Свента Марія плачешь?"
Ой якъ же мнѣ не плакаци
Што Ісусъ Христосъ ў мертвыхъ ляжиць
Сами свѣчу загасплися,
Сами двери зачинилися.
А ў городзи въ Русалимѣ
Стоиць косцёлъ мурованый,
Мурованый, побѣляный,
А ў тымъ касцёлѣ престолъ стоиць,
На престолѣ Христосъ ляжиць,
Пврадъ Христосъ Свента Марія,
Свента Марія дужа рада.
А ея святцы пытаюцца:
„Чаго Свента Марія рада?"
О якъ же мнѣ радой не быць?
Што Ісусъ Христосъ зъ мертвыхъ ўстаў:
Сами свѣчи запалилиси,
Сами церкви расчинилиси,
Сами звоны зазвонили.
(Записана мною.)

728

(*Тамъ же*)

А ў городзи ў Ерусалимѣ
Стоиць косцёлъ мурованый.
А ў тымъ косцелѣ три престола,
На престолахъ три гроба стояць,
Ў першимъ гробѣ панъ Езусъ ляжиць,
Ў другимъ гроби — матка его,
Ў треццимъ гроби—анёлы яго.
Ў ея анёлы пыталиси:
Чаго матка сильна плачешь?
Якъ же мнѣ не плакаци?
Мойго сына распинали,
На кржестъ яго возвышали.
Яё анёлы пытаюць:
Чаго матка радуешьси?
Якъ же мнѣ не радой быци?
Самъ сынъ Христосъ
Зъ мертвыхъ повстаў,
А на престолѣ стаў,
Ёнъ стоючи размоўляець,
Петра и Паўла призываець!
Петра и Паўла, возьми ключи,
Возьми ключи замчистыя,
Отмкни пекло нявгасимоя,

Выпусць души нявинныя;
Одну душу не выпущай,
Которая согрѣшила,
Ойца съ матерью побранила,
Брата съ сястрой скровавила.
Ёсць же въ пеклѣ бритвы востры,
Ня выкупиць ни братъ, сестры.

(Зап. тотъ же).

729

(*Тамъ же*)

Ахъ, мой Боже, вѣру табѣ!
А ўсе вѣру, што длѣ цябе,
Ўсю надзѣю Табѣ маю
За ўсе Бога выхваляю
Ты сотвориў, Ты откупиў,
Єынъ Божій посвяциў.
Ахъ мой, Боже згрѣшиў Табѣ,
Скрось грѣхъ достаў пекло сабѣ.
Ахъ, мой Боже, ўсе каюся,
Пусци грѣхи, поправляюся.
Жиць, умирадь велю табѣ.
Што ты ёсь добрый самъ сабѣ.
Для твоего сподобання,
Хочу ховаць приказання.
Слезы наши выливаны
Щирымъ сердцемъ пререкаьы,
О, Марія матка Божа,
Пресвятая райска рожа!
Молися Богу за нами
Негодными грѣшниками!
Ўси святые зглянъце зъ неба!
Ваша ласка намъ потреба.
Ручки вочки къ нему взносимъ,
Отпущення грѣхоў просимъ.
Ўси святые зглянъце зъ неба,
Ваша ласка намъ потреба!
Цѣлуючи твои раны,
Спасицелю нашъ коханый!
Поколь будземъ за людьми жици,
Ня будземъ Бога грѣшици.
Слава Отцу и Сыну
И святому Духови.

(Зап. тотъ же).

730

(*Городокскій у.*)

Ой, Боже, вѣру Табѣ
И все вѣру ли и цябе
И все надѣюсь на цябе:
И за все выхваляю цябе;
Ты сотвориў, откупиў,
Ты насъ Божинька просвѣциў.
Чпразъ грѣхъ пекла достаў сабѣ;
Жаль мнѣ, Боже, согрѣшиў табѣ!
Гдзѣ ёсть людзи—нихай чесць и хвала будзи.

Табѣ, Божинька, клонюся,
Просци грѣхи, поправлюся.
То разъ велю умираци,
На грѣхъ долѣ не дозволю,
Ли твоего подобання.
Хочу хувацъ приказання.
Жиць и умираци велю табѣ,
Што ты ёсць добрый самъ сабѣ.
Цалую раны, спасицелю нашъ пане;
Ручки вочки къ небу ўзносимъ,
Отпущенья грѣхоў просимъ.
(Сообщ. М. П. Сахаровымъ).

Нижеслѣдующія 20 пѣсенъ записаны въ Велижѣ учителемъ Велижскаго уѣзднаго училища г. Обухомъ. Эти пѣсни пѣлись братчиками (членами церковнаго братства) во время хожденія ихъ на Святки по городу съ вертепомъ и въ другіе праздники. Какъ замѣтитъ читатель, происхожденія онѣ чисто-книжнаго, риторическаго.

731

Днесь Христосъ рождается,
Отъ Дѣвы пеленами повивается,
Во яслехъ полагается;
Пастыріе чудо проповѣдуютъ:
Видятъ Христа рожденнаго,
Во яслехъ положеннаго.
Ангели со человѣки ликуютъ:
Видятъ Христа рожденнаго,
Царя и Бога небеснаго.
Волсви Персіи Цари его познали:
Даютъ хвалу Богу нашему,
Во яслехъ положенному.
Призналъ его при яслехъ волъ и осёлъ,
Падши на землю на колѣна;
Чудна была та новина.
Веселися ты Христіанскій роде,
Йжъ Богъ на земли родися,
Сущимъ во тмѣ просвѣтися. Аминь.

782

Христосъ Спаситель,
Всѣмъ намъ вѣрнымъ просвѣтитель,
На земли нынѣ намъ рожденный,
Во яслехъ нынѣ намъ положенный,
Ему звѣзда послѣдовала,
Вертепъ мѣсто ему уготовало,
Отъ востока и до запада.
Три цари принесли ему дары:
Ливанъ, смирну, дающе злато ему.
Пришедши поклонишася Ему,
Яко Богу и предвѣчному Царю.
Вселенная вся веселится о томъ
Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

783

Ангелъ пастыремъ предсталъ,
Нову радость намъ вѣщалъ.
Виѳлеемъ градъ блаженъ есть премного,
Въ немъ родися убого
Царь всея державы.
Сколь Господь хвалы высокъ,
Столь въ смиренствѣ щедръ, глубокъ.
На земли вмѣсто царскаго чертога
Избралъ вертепъ отъ мраза строга,
Вседержитель міра.
Чуденъ рождествомъ Твоимъ—
Достойно Тя блажимъ:
Дѣва ради перворожденна,
Свела въ міръ преждереченна,
Дѣвство сохранивши.
Всё сіе теперь сбылось,
Что въ пророчествѣ чулось.
Аароновъ жезлъ вѣтвь прозябаетъ,
Чудно здѣ процвѣтаетъ,
Плодъ велій приноситъ.
Бога Отца чтемъ гласъ,

Яко научаеть насъ.
Сей свѣтъ оболюбленный отъ вѣка
Посланъ для человѣка—
Вѣчную дать свободу. Аминь.

734

Горы сладости да каплють,
Се бо пришелъ еси отъ Юга.
Языцы побѣждайте и радуйтеся пророцы.
Патріарси играйте; человѣцы восплещите руками,
Крѣпкій, крѣпкій и великій князь,
Христосъ рождается отъ Дѣвы,
Христосъ Богъ нашъ. Аминь.

735

Видѣ Богъ, видѣ Творецъ,
Же міръ погибаетъ,
Архангела Гавріила
Въ Назаретъ посылаетъ.
Благовѣствуй въ Назаретѣ:
Слово стало во вертепѣ.
О прекрасный градѣ Виѳлееме!
Отверзе врата Эдема.
Незаходимое солнце изъ дѣвическихъ ложеснъ
Грядетъ, грядетъ, возсіяетъ и просвѣщаетъ міръ весь.
Звѣзда ясна возсіяла.
Путь царемъ тремъ показала.
Отъ востока тріе цари
Принесли Христу дары:
Ливанъ, смирну и злато ему принесоша
И пришедше въ храмину на колѣна упадоша.
Иродъ зѣло засмутися,
Же Христосъ царь народися.
Слуги своя посылаетъ—
Христа убити шукаетъ
Четыренадесять тысячъ дѣтей маленькихъ побилъ;
О Ироде проклятый, Сына Божія не пощадилъ!

Маленькія казалъ дѣти бити, потубити.
Праведные Финики
И. процвѣтутъ на вѣки.
Не плачь, Рахиль, по дѣтяхъ!
Перестань
Азъ-бо печальная мати.
Мушу я по нихъ рыдати.
Сердце по немъ унываетъ,
Иродъ дѣтей забпваетъ;
Азъ-бо печальная мати
Имѣю рыдати.
Не плачь, не плачь и не рыдай по чадахъ маленькихъ!
Узришь, узришь своя сыны
Въ Сіонѣ праведныхъ.
Иродъ пойде ажъ до ада,
Къ люцыферу на пораду.
Мы же съ того веселимся,
Христу Богу поклонимся. Ампнь.

736

Пѣснь объ изгнаніи Адама изъ рая.

Вопль бысть презѣльный во предрайстей странѣ:
Плакася Адамъ изъ рая изгнанный.
О раю, раю сличная крайна!
Ахъ! бѣдна мнѣ нынѣ безъ тебя година!
О жено, жено, что еси сдѣла́ла!
Ты сама власно мя изъ рая изгнала.
Адамъ же сидѣ умильно плака́ше,
О раю прекрасный. отечество наше!
Гдѣ твоя одежда, Богомъ бывшая да́на?
Въ ра́ю всечестномъ лежитъ вся подрана.
Господь же пришедъ Адама глашаетъ:
Гдѣ еси Адаме? Къ себѣ призываетъ.
Адамъ же скрыся отъ наготы стыда.
Листіемъ прикрыся, не являше вида.
Господь глаголетъ: кто тебѣ возвестй?

Адамъ-же рѣче: змій мя прельсти.
Господь прокля змія врага бытія;
Тогда змій началъ на чревѣ ходити.
Адаму повелѣно: въ потѣ хлѣбъ снѣдати.
Тогда Адамъ началъ землю работáти.
Не во вѣки вражда Адаму Творца
Многомилостиве Боже и до конца. Аминь.

787

О покаяніи Адама.

Ахъ мнѣ окаянной жизни отчаянной!
Души моей бѣдной, во грѣсѣхъ упадлой!
Не знаю, что чинити, чѣмъ-же боронити?
Токмо молитвáми, падши со слезами.
Къ Цáрю и Богу припадши подъ ногу,
Сице глаголáти, милости прошати.
Помилуй мя, Боже, Отче всего свѣта.
Ты еси мой Творче, Ты еси создавый мя, Ты и помилуй мя.
Вырви мя изъ ада къ пресвѣтлому раю;
Ты самъ знаешь, Боже, же азъ Тя желаю.
Хвалятъ Тя вси небеса со Ангеловъ лики,
Со Отцомъ и Сыномъ на вѣчныя вѣки.

788

О страшномъ судѣ.

Придетъ часъ и Господь на облацѣхъ славно
Придетъ всѣхъ судити со славою явно.
Съ войскомъ Ангелъ и Архангелъ безчисленныхъ,
Святыхъ соборъ прославленныхъ.
Вострубитъ Архангелъ и мертвыи возстанутъ,
А предъ сýдомъ страшнымъ нагіи повстанутъ.
Тамъ убогій и скарбъ многій,
Тамъ владыки и калѣки —
Вси равно станутъ.
Царіе и князи безъ слугъ, безъ одежды,
Безъ скарбовъ, безъ помпы, безъ жадной надежды;

Не задавай большій жаль,
Возми меня въ свою печаль. Ахъ, ахъ, ахъ!
Знашли ризы и сударь. Ахъ, ахъ, ахъ!
Въ нихъ-же былъ безсмертный царь. Ахъ, ахъ, ахъ!
Чудо Логвинъ дознаетъ,
Христа паки познаетъ. Ахъ, ахъ, ахъ. Аминь!

741

Пѣснь къ Богородицѣ.

Все упованіе мое
На милосердіе Твое,
Мати Дѣво, возлагаю,
Во всемъ къ Тебѣ прибѣгаю.
Ибо къ Тебѣ прибѣгаю,
Надѣю въ Тя покладаю,
Скорую Тя помощницу,
Познаемъ предстательницу.
Нѣстъ на земли человѣка
Отъ созданія вѣка,
Дабы, прося Тя помощь,
Отошелъ отъ Тебѣ тощь.
Азъ-же недостойный рабъ твой
Къ Тебѣ возсылаю гласъ свой;
Не презри мя Тя хваляща,
Помощи Твоей просяща.
Ты бо въ бѣдахъ помощница,
О грѣшныхъ предстательница,
Крѣпкое упованіе, надѣющимся спасеніе.
Къ кому иному проструся,
Къ кому прибѣгши спасуся?
Токмо къ Тебѣ, Бога-Мати,
Ты власть имѣешь спасати.
Кая ми въ печали радость,
Кая ми горесть и сладость?
Аще не отъ Тя спасуся,
Въ градъ темный скоро вселюся.

На Тя токмо уповаю
И въ Тебѣ надѣю маю.
На Тя токмо надѣюся,
Въ Тебѣ единой хвалюся.
Кто-жъ насъ покрыетъ,
Аще не Ты амофоромъ.
Покрый крыломъ своимъ, Мати,
Даннымъ въ небѣ царствовати. Аминь.

742

Пѣснь Покрову Богородицы.

Склонитеся вѣки,
И со человѣки
Росейской державы,
А восточной славы!
Сущимъ нынѣ
Во благостынѣ.
Се бо отъ востока
Заря безъ порока,
Ахтирская дѣво
Во образи живо
На престолѣ славы стало.
Во храмѣ Покровскомъ,
На тронѣ Сіонскомъ
Въ нынѣшніе вѣки
Съ небесными лики
У Бога мѣсто свято, и чисто,
Здѣ молися Сыну
Въ день и нощь выну,
Слѣпымъ даетъ зроки,
Бѣсовъ гонитъ мраки,
Хромыхъ, больныхъ
Творитъ свободныхъ.
Чудо даетъ вскори,
На земли и мори
Крыетъ омофоромъ
Со Архангельскимъ хоромъ
Ей служащихъ,
Слово славящихъ.
Молится о всѣхъ распятый.
Міра благодати,
Простираетъ руки,
Да избавитъ муки,
Всѣхъ вѣрныхъ въ Него.

743

Пѣснь Богородицѣ.

О всепѣтая Мати,
Пучина благодати,
Родшая всѣхъ святыхъ.
Святѣйшее Слово,
Грѣшнымъ спасеніе у нея готово.
О всепѣтая Мати,
Умильно Тя звати,

Нынѣшнее пріемли приношеніе:
Прилежное исполни наше прошеніе.
О всепѣтая Мати!
Со слезами Тя звати;
Отъ всякія насъ избави напасти,
Недопусти во гіенну впасти.
О всепѣтая Мати,
Отъ бѣдъ насъ избавляти
И грядущаго изми насъ мученія,
Преставленнымъ рабомъ, со времяни разлученія.
О всепѣтая Мати,
Даждь Сына познати,
О Тебѣ вопіющихъ пѣснь безпрестанно:
Непрестанно молися Христу Богу.
О всепѣтая Мати,
Не престань ублажати
Вопіющихъ пѣснь Ангельскую!
О всепѣтая Мати
Умильно Ти звати: Аллилуя, аллилуя, аллилуя!

744

Пѣснь Богородицѣ.

Вселенный свѣте! людемъ страннымъ
Совокупившеся всѣмъ христіаномъ
Челомъ низко ударяйте,
Сердцемъ, устами выхваляйте
Матерь, Царицу и Владычицу,
На Почаевской застаешь гòрѣ,
Тамъ людемъ вѣрнымъ даешь вскорѣ,
Источникъ ласки творенной,
Православнымъ не временной, во времени данной чудами славно.
Царіе, Князіе великой славы,
Покорне свои кланяютъ главы,
Предъ образомъ монархинѣ,
Иже въ великой краинѣ
Насъ сохраняешь и выхваляешь.

Дала документъ, источникъ воды,
Же въ православномъ иже народѣ
Хотѣлъ помоцъ свою взяти
Надъ тымъ міромъ, Дѣво Мати,
Ратунекъ дала,
На той часъ стала
Кто не признаетъ и не даетъ вѣры,
Же въ Почаевскомъ есть монастырѣ
Пречистая Дѣво Мати
Сокровище благодати
Своей иконой,
Якъ войскомъ брани.
Гды на высокихъ, въ небѣ—крайнѣ;
Господа Отца славимъ во Сынѣ,
Бога Отца единаго, во Троицы Святой
Славимаго на вѣки вѣковъ. Аминь.

745

Пѣснь Святителю Николаю.

Кто хочетъ мѣти себѣ за патрона,
Тому на пути певная оброна
Николай.
На мори ратунекъ во скори, не дастъ утопати во глубину впасти морскую.
Ангелы пришествію Твоему дивятся
И человѣцы грѣшны завше молятся.
Помогай, помогай христіанскимъ царямъ и всѣмъ господаремъ враговъ побѣдити,
Христіаномъ жити въ покою.
Помогай бѣсовскія полки разорити,
А насъ отъ напастей завше боронити,
Молимъ Тя, просимъ Тя со слезами.
Просимъ и руцы подносимъ
Избави злой руки,
Отъ вѣчныя заховай муки.
Василію Великому, Николае, дружка Іоанну Златоусту:
Молимъ Васъ, просимъ Васъ трехъ, Васъ чудотворцы!

Вашими молитвами побѣдимъ ногами Арія и Несторія.
Мрачныя страсти пречь оттоняешь,
Мечемъ плевелы прелесть посѣкаешь.
Отъ насъ отгоняешь бѣсовскія полки,
Ядущіе на вѣру нашу волки.
При второмъ пришествіи стой намъ за патрона,
Тогда на пути буди намъ оброна.
Предъ Богомъ, предъ Христомъ,
А мы заспѣваймо, честь хвалу отдаймо,
Якъ своему патрону,
Просяще оброну, на вѣки вѣковъ. Аминь.

746

Пѣснь Святителю Николаю.

Дивный во дѣлѣхъ Святитель Великій,
Явися міру предстатель толикій,
Николае Свѣтлѣйшій!
Во чудѐсѣхъ славнѣйшій,
Богъ Тя избравый!
Отъ сосецъ матернихъ Святитель теплѣйшій
Явися міру предстатель свѣтлѣйшій,
Вся-бо просящему на земли и мори
Да примемъ помощника и бѣ во скори!
Дивенъ во юности цвѣтуща прекрасно
Поемъ, поемъ непрестанно пѣснь велегласно.
Влей намъ Христова винограда
Для избавленія отъ ада.
Господь пріемлетъ помощника къ себѣ въ стадо,
Прими отъ насъ пѣніе смиренно молимся.
Да причтены стаду Твоему явимся.
Царіе и князи, патріарховъ лики
Непрестанно воспѣваютъ со человѣки.
Гроздь еси зрѣлый Христова винограда
Сочини насъ живущихъ духовнаго стада.

747

Пѣснь Святителю Николаю.

А кто, кто Николая любитъ,
А кто, кто Николаю служитъ,
Тому Святый Николай
На всякій часъ помогай. Николае!
А кто, кто къ нему прибѣгаетъ
На помощь къ себѣ призываетъ,
Той не будетъ ошуканъ
И грѣховъ не возметъ раны. Николае!
А кто, кто живетъ въ его дворѣ,
Николай на земли и мори
Изметъ его отъ напасти,
Не дастъ ему злѣ пропасти. Николае!
Пастыре словеснаго стада!
Изми насъ варваренннаго ада,
Хотящи насъ поглотити
И въ пещерахъ заградити. Николае!
Николай имя знаменито,
Побѣждай—тезоименито.
Побѣждаетъ Агарянъ,
Утѣшаетъ Христіанъ. Николае!
Побѣждаетъ враговъ нашихъ всюды,
Помощникъ намъ буди!
Мы Тя будемъ прославлять,
Имя Твое выхвалять. Николае!

748

Пѣснь Св. Мученику Стефану.

Страданія Мученика Стефана прославляймо!
Во тымпанѣхъ доброгласныхъ пѣснь ему воспѣваймо!
То о вѣрѣ съ фарисеемъ начаше ихъ стязати,
Они ему не можаху противъ мудрости стати.
Емше его, восхитивше приведоша на сонмище,
Ложные тамо свидѣтели сташа на соборище.
Аще убо разоритъ мѣсто сіе Назорей,

Даждь намъ отвѣтъ, о Стефане, рече Архіерей.
Фарисеи, садукеи воззрѣвше пань сидяще,
Видѣша лице его, яко солнце свѣтяще.
На высокимъ мѣстѣ Святый Стефанъ
Стояше отъ Авраама даже до Христа подробно повидоше.
Еще славно въ немъ на тронѣ Бога Отца сидяща.
Видѣвше-же лице его Якъ Ангела свѣтяща (2).
Ярахуся аки львове и зубамъ скрежетаху.
Окрутнымъ каменіемъ на Стефана метаху
Доколѣ вы, о Іудеи во дни слѣпы ходите
Богъ явися, воплотися, вы его не видите (2).
И здѣ Павелъ рызы своя юноши приношаху,
Горько зѣло каменіемъ на Стефана метаху.
Отпусти имъ, Боже Отче, рече архидіаконъ.
Поими духъ мой, Царю Христе, въ руцы на вѣки вѣковъ.

749

Пѣснь о Св. Великомученицѣ Варварѣ.

О коль благодати,
Агнице имати Варваро прекрасная (2).
Мучима за Христа,
Создателя иста
И мукъ не ужаснеся.
Бога въ Тройцы познала,
Три окна создала.
Отецъ не возлюбивъ (2).
Хотя запретити,
Муками страшити
Отъ Отца небеснаго (2).
Гласъ бысть тебѣ съ небесъ,
Дерзай, Варваро, днесь!
Врага побѣдиши.
Се женихъ твой грядетъ,
Мученицу зоветъ —
Христу возлюбленная.
Варваро днесь дерзай,
Бога въ Тройцы познай —
Въ чертогъ введенная.

Діогноръ проклятый,
Во адъ будетъ взятый,
На вѣчныя муки (2).
Гора разступися,
Мученица скрыся,
Онъ стыду наполнися.
Скоро тя достиже,
На землю поверже,
Ногами попташе (2).
Въ темницу введоша,
Стражемъ дадоша
Варвару прекрасную (2).
Изъ темницы взяша,
Къ столпу привязаше,
Ногтьми тѣло твое драша.
По земли влачи́ма,
За Христа мучи́ма,
Варваро прекрасная.
Биша твое ли́це,
Святая мучени́це,
За власы терзаша (2).
Сосцы отрѣза̀ху,
Свѣщами паляху,
Палицами біяху (2).
Отсѣчена глава,
Правовѣрныхъ слава,
За насъ помолися.
Царствуй тамъ со лики,
Со Христомъ на вѣки,
Варваро прекрасная. Аминь.

750

Пречистая Дѣво, Мати Русскаго краю!
На небеси и на земли Тя величаю,
Ты грѣшниковъ зъ тяжкой муки
Черезъ Твои спасаешь руки
Не дай пропасць!

Тебѣ вси Святые служать, Родице Бога,
И мы Тя грѣшніи славимъ яко мо́га,
Цѣлымъ сердцемъ нехай мило
Тебѣ служитъ наше тѣло
Мати чистая!
Ктожъ невденченъ ласки Твоей, скажи который?
Зъ подкаменя для збавеня идеть до горы,
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ
Очищаешь тамъ притомныхъ
Прошу жъ и мяне!
Май въ бачно́сти и въ милости вѣрнаго слугу,
Не давай мнѣ упадати вь великую тугу,
Скажи теперь: якъ бы знати
Что зъ грѣшникомъ будишь дѣлати?
Паня ласка̀ва!
Утекающихся къ Тебѣ во всякой потребѣ
Знаю, утвердишь всѣхъ насъ вѣрныхъ якъ въ небѣ,
Не выпускай жа на вѣки
Зъ Твоей Пресвятой опеки!
Мене грѣшнаго!
Подай руку въ тяжкой бѣдѣ и утрапеню,
Даруй мнѣ ласку просящу ко избавеню
Буди всѣмъ намъ оборона,
Просимъ Тя, Русска корона,
Яко царицу!
Зъ сыномъ Твоимъ возлюбленнымъ буди ласка̀ва,
Которому со Отцомъ, Духомъ да честь и слава
Во вѣкъ вѣковъ не престане
Доколѣ всего свѣта стапе
Отъ всѣхъ слугъ Твоихъ!

751

(Лепельскій у.)

Пречистая Діво, Мати Русскаго краю!
На небесехъ и на земли Тя величаю
Ты грѣшниковъ съ тяжкой муки
Черезъ Свои збавь насъ руки

Не дай пропасти!
Тебѣ вси Святые служать Богородица
И мы грѣшные Тебѣ хвалимъ вси чистымъ сердцемъ
Мати Дѣво.
Вручаемъ Ти душу и тѣло
Мы всѣ грѣшные.
Ктожъ не вдячень ласки Твоей, скажи который?
Зъ подкаменя для збавеня идеть до горы
Темнымъ, хорымъ и уломнымъ
Очищаешь тамъ притомнымъ
Прошу и мяне!
Утекающихся до Тебе во всякой потреби,
Знаю, что Ты насъ грѣшныхъ утвердишь въ вѣрѣ
Яко въ небѣ!
Не выпущай жа на вѣки
Зъ Твоей пресвятой опеки
Мяне грѣшнаго!
Подай руку въ тяжкой бѣды и утрапеню,
Даруй ласку просящему мене къ избавеню,
Буди намъ всимъ оборопа!
Просимъ Тя, Польска корона,
Яко царицу!
Зъ сыномъ Твоимъ намъ любимымъ буди ласкàва
Которому нехъ съ Тобою вся честь и слава
Во вѣки вѣковъ непрѐстанно
Поки всего свита стане
Отъ всихъ ихъ Твоихъ. Аминь.

(Зап. Гавріиломъ Преображенскимъ, учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища).

752

Къ Пресвятѣй Дѣвѣ Богородицѣ.
Пречистая Дѣво, Мати Русскаго кра́ю,
Якъ на небѣ, такъ и на земли, Тя величаю,
Ты грѣшниковъ зъ тяжкой муки,
Чрезъ Твои спасаешь руки́
Не давай пропасти.

Тебѣ вси святыи служать, о Мати Бога!
Тебе и мы грѣшніи славимъ всѝ, яко мóга,
Цѣлымъ сердцемъ пяйже мило
Тебѣ служать душа и тѣло,
Мати чистая.
Ктожъ не вдяченъ ласки Твоей, скажи который?
Зъ подкаменя для збавленя идутъ до горы:
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ
Очищаешь тамо притомныхъ,
Прошу мене́.
Ма́й въ бачности и милости вѣрнаго слугу,
Не давай мнѣ упадаци въ велику тугу.
Скажи теперь абы зна́ти
Что съ грѣшникомъ будешь дѣлати,
Пане ласкава?
Утекающихся къ Тебѣ во всякой потребѣ,
Ты утвердишь всѣхъ насъ вѣрныхъ, поставишь въ небѣ,
Не выпускай же на вѣки
Зъ Твоей Пресвятой опеки
Мене и грѣшнаго,
Подай руку въ тяжкой бѣдѣ и утрапленю,
Даруй ласку мнѣ просящу ко избавленю,
Буди и всѣмъ намъ оборона.
Проситъ Тя царска коро́на
Яко Царицу.
Съ сыномъ Твоимъ возлюбленнымъ буди ласкава,
Которому съ Отцомъ, Духомъ всегда честь, слава
Во вѣкъ вѣковъ непрестанѣ,
Доколь всего свѣта станѣ
Отъ всѣхъ слугъ Твоихъ!
(Изъ „Молитвослова мірскаго“ Львовъ. 1864 года).

Г. А. Гезенъ въ своей статьѣ: „Русскія церковныя пѣсни, употреблявшіяся у римскихъ католиковъ въ половинѣ XVIII вѣка,*) сообщилъ публикѣ нѣсколько довольно занимательныхъ данныхъ касательно исторіи первообраза этой пѣсни, случайно имъ откры-

*) Напечат. въ „Современной Лѣтописи, № 13, 5 Апрѣля 1870 года.

той. Такъ какъ эта статья, по улетучивающемуся свойству газетнаго листка, могла ускользнуть отъ вниманія многихъ читателей, то мы считаемъ не лишнимъ передать здѣсь вкратцѣ ея содержаніе. Въ старомъ церковномъ календарѣ (такъ назыв. рубрицеллѣ) для римско-католическаго духовенства Могилевской епархіи на 1827 годъ, принадлежавшемъ, какъ сказано, настоятелю Моздокской церкви, монаху Войшвиллу, г. Гезенъ нашелъ вложенный осьмушечной листокъ бумаги довольно толстой (какая употребляется до 20 годовъ нашего столѣтія), на коемъ рукою того монаха была написана слѣдующая пѣсня:

Пречистая Дѣво, Мати Русскаго краю,
На небесахъ и на земли Тя величаю;
Ты грѣшниковъ съ тяжкой муки
Избавляешъ черезъ Твои руки,
Не дай пропасти!
Тебѣ всё Святые служутъ съ сердца радости
И мы грѣшни Тебе славимъ по возможности,
Душа, тѣло, наши силы
Тебе только возлюбилы
Мати чистая!
Полная есть чудесъ твоихъ вся вселенна,
Въ Острихъ Вратахъ града Вильно Богоявленна!
Слѣпыхъ, хромыхъ и всѣхъ больныхъ
Изцѣляешь тамъ притомныхъ,
Прашу и мене!
Защищаешь отъ пожаровъ, утопленія,
Отъ смертнаго изъ высоты упаденія
На всѣхъ войнахъ приключенныхъ
Хранишь своихъ возлюбленныхъ
Храни и мене!
Всѣмъ прибѣгающимъ къ Тебѣ во всякой потребѣ,
Помогаешь молитвами, владычица въ Небѣ,
Не выпускай же на вѣки
Съ пресвятой Твоей опеки
Меня грѣшнаго!
Подай руку въ тяжкой бѣдѣ и гоненіи,
Тожь приведи душу мою ко спасенію,

Буди намъ всѣмъ оборона,
Проситъ Тя Руская корона
Яко Царицы!
Съ сыномъ твоимъ Христомъ Богомъ будь намъ ласкава,
Коему съ Отцомъ и Духомъ вся честь и слава
Во вѣкъ вѣковъ не престанетъ,
Пока всего свѣта станетъ,
Отъ всѣмъ слугъ Твоихъ.
Аминь.

Не имѣвши ни какихъ данныхъ, которыя бы указали на распространеніе этой пѣсни, г. Гезенъ сначала счёлъ ее за произведеніе какого нибудь благочестиваго русскаго католика, не очень грамотнаго и написавшаго её для себя. — „Но намъ посчастливилось“, продолжаетъ г. Гезенъ, „найти ту же пѣсню ещё въ другомъ сборникѣ *) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Pieśni o najświętszey Maryi Pannie, które się spiewają przed Jej Cudownym Obrazem, koronami Watykańskiemi ukoronowanym od Ojca Ś. Benedykta XIII, w roku 1827 dnia 15 Serpnia u W. W. OO. Dominikanow, na Swiętey Górze Różancowey, nad miastem Podkamieniem Cetnerowskim. We Lwowie, w drukarni SSS. Trójcy. R. 1752. Городокъ Подкаменье находится въ Галиціи, сборникъ изданъ во Львовѣ въ 1752 году. Онъ содержитъ въ началѣ пять пѣсней въ честь Богородицы на польскомъ языкѣ, а затѣмъ нашу подъ названіемъ: Пѣснь шестая, о той же Пресвятой Маріи Дѣвѣ, русскимъ текстомъ сложенная нѣкіимъ благочестивымъ человѣкомъ **). Итакъ, эта пѣснь во всякомъ случаѣ должна быть древнѣе 1752 года, и вѣроятно сохранилась въ народѣ, если она была извѣстна моздокскому священнику въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія ***). Для сравненія считаемъ не лишнимъ привести и печатный текстъ, переложивъ его на русскій шрифтъ:

*) Въ Императорской публичной библіотекѣ при разборѣ нѣкоторыхъ польскихъ церковныхъ старинныхъ пѣсенъ, шкафъ LVII, полка I, № 150.

**) Piesn szósta, o teyze Najswietszey Maryi Pannie, Russkim textem od pewnego naboznego zlozona.

***) Наши варіанты, кажется, вполнѣ подтверждаютъ предположеніе г. Гезена и даютъ право думать, что эта пѣсня до сихъ поръ поется и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи.

Пречистая Дѣво, Мати русскаго краю,
На небеси и на земли Тя величаю,
Ты грѣшника з тяжкой муки
Черезъ твои збавляешь руки,
Не дай пропасти!
Тебѣ всѣ святыи служать, Родице Бога,
И мы грѣшны хвалимъ Тебе всѣ яко мога
Цѣлымъ сердцемъ нехай мило
Тебѣ служить наше тѣло,
Мати чистая!
Ктожъ не вдячный *) ласки твои скажи которы
Съ Ченстоховы **) для збавленія идуть до горы,
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ
Очищаешь тамъ притомныхъ,
Прошу и мине.
Май въ бачности ***) и въ милости вѣрнаго слугу,
Не дай мене управляти въ велику тугу,
Сказы теперь кóлибъ знати,
Що съ грѣшнымъ будешь дѣлати,
Пани ласкава!
Утекающимся къ Тебѣ во всякой потребѣ,
Знаю що утвердишь насъ всѣхъ яко въ Небѣ,
Не выпускай же на вѣки
Зъ Твоей пресвятой опеки
Мене грѣшнаго.
Подай руку въ тяжкой бѣдѣ и утрапленью ****)
Даруй ласку просящому мнѣ ко збавленью,
Буди всѣхъ насъ оборона
Проситъ Тя польска корона
Яко царицы.
Съ сыномъ Твоимъ возлюбленнымъ буди ласкава,
Которому нехъ съ Тобою вся честь и слава
Во вѣкъ вѣковъ не престане.
Поки всего свѣта стане
Отъ всѣхъ слугъ Твоихъ.

---

*) Не благодарный.
**) Въ другой: съ Подаменья.
***) Бачить — глядѣть, блюсти. Бачность — блюденіе.
****) Гоненіе.

Сказки, сказанія и анекдоты.

753

(*Быховскій у.*)

Жила была сабѣ разъ одна мачиха; была у нихъ своя дочка и падчерица. Свою дочку ина дужа любила, а падчерицу била-пробивала, на цяжкую работу посылала. Проснулася разъ мачиха объ поўночи, проснулася, да и пиць захоцѣла: давай падчерицу биць будзиць--„ты такая, ды ты гэтакая, бяри ведры, идзи ў криницу, приняси мнѣ чистыя водзицы". Ўскочила падчерица бѣдненькая, схапила ведры и побѣгла ў лѣсъ за водою. Пришла къ криницѣ, тольки нагнулася воды зачерпнуць, ажно якъ выскочиць оттуль косматый, рогатый, съ длиннымъ хвостомъ чортъ. Бѣдная дзѣўка такъ и обомлѣла, а чортъ прамёхонько къ ней: „Дзѣўка, дзѣўчина ци хочешь за мяне замужъ ицци." — „Якъ жа мнѣ за цябе замужъ ицци, коли ў мяне тонкой кошули нѣтъ." Чортъ нырнуў ў колодзезь, ды й нясяць оттуль тонкую ды бѣлую, якъ снѣгъ, сорочку. „Ну дзѣўка дзѣўчина, ци хочешь за мяне замужъ ицци?" — „Якъ жа мнѣ за цябе замужъ ицци, коли у мяне красиный сподницы нѣту". Чортъ зноў ныръ ў колодзець, глядзь цягниць красную мачину споднипу. „Ну, дзѣўка, дзѣўчина, ци пойдзешь за мяне замужъ?" — „Якъ-жа мнѣ замужъ ицци за цябе, коли ў мяне ни шнуроўки, ни хвартуха нѣту." „Ну, кажиць чортъ, за гэтымъ дзѣло ня станиць." Опяць ў воду, ды й нясець ясную, якъ соўнца, шнуроўку, жоўтый, заленый зъ витами хвартухъ. „Цяперъ дзѣўка дзѣўчина! ци ўсё, ци пойдзешь за мяне замужъ?" — „Якъ-жа мнѣ за цябе замужъ ицци, коли ў мяне ни панчохъ, ни черявикоў нѣту." Нячаго робиць, опяць чортъ ў воду лѣзиць, нясець бялёшенькіе панчошки, чорнёшенькіе козловые чиравички. „А цяперъ дзѣўка, дзѣўчина, ци пойдзешь за мяне замужъ?" — „Якъ-жа мнѣ за цябе ицци, коли у мяне хустки ни бѣлаго, ни носова́ нѣту." Яще чортъ ў колодзець ныръ, яще нясець тонкую носовую красную хустку. „Ну цяперъ, дзѣўка, дзѣўчина, ци пойдзешь за мяне замужъ?" — „Якъ-жа мнѣ за цябе ицци, коли у мяне грошеў нѣту, ня съ чимъ свадьбу съиграць". Полѣзъ яще чортъ ў колодзезь, ды й цягниць мошёнку поўнехунькую золотыхъ и сирабранныхъ грошей. Тымъ часомъ, покуль ёнъ зъ колодзезя ды ў колодзезь лазиў, поўночь даўно прийшла, на свѣтокъ забирацъ

стало, а дзѣўка и запѣла: „Пѣйце куры рано, што мнѣ споткала, рогатая, бодатая, на гроши богатая, чуръ мнѣ, чуръ!“ А тутъ откуль были пѣтухи ў дзяреўни и запѣли. Чортъ якъ стояў, такъ и чубурдыхнуўся ў воду, ажно вода закипѣла, такъ и провалиўся. Дзѣўка схопила уборы да й гроши зъ мошной и побѣгла домоў ня оглядаючися, ажъ про ведры забыла. А ў хацѣ мачиха ждзець воды ня дождзецця, со злосци ажно спаць ня ложицця, устала ды й ўздула лучину. Тольки падчерица на порогъ, якъ кинецця ина къ ей съ полѣномъ: „Ахъ ты такая, ды ты гэтакая! идзѣ ты была, ды идзѣ до сихъ поръ ходзила?“ Тутъ стала падчерица разсказываць такъ и такъ, ды уборы и гроши показываць. Мачиха такъ и ахнула, увидзіўши красные, ды ясные, ды гроши золотые и биць забыла, ходзиць ды думаиць, якъ-бы тутъ ўсяго того хорошаго пригожаго для своей дочки достаць; ўвесь дзень якъ ня своя ходзила, насилу ночки дождалася; якъ тольки объ поўночи, разбудзила свою дочку, дала ей ведры ў руки, навучила, якъ чаго просиць, да й послала ў лѣсъ къ колодзезю. Пришла дзѣўка къ водзѣ, нагнулася—чортъ, якъ тутъ быў. „Дзѣўка, дзѣўчина, ци хочешь ты за мяне замужъ ицци“?—„Якъ-жа мнѣ за цябѣ ицци, коли ў мяне ни кошульки, ни сподницы, ни хвартуха, ни хустки нѣту, ни гроши на свадьбу? Такъ усё заразъ возьми ды й скажи.“ Чортъ скорёхонько ў воду ўскочиў, скорёхонько и оттуль лѣзиць. Лѣзиць, ажно пыхциць, стольки добра нясець. Вынесъ ўсё, пирядъ дзѣўкой положиў. „Ну, дзѣўка, дзѣўчина, ци пойдзешь за мяне замужъ? а яна стоиць, якъ дура и ня знаиць, што яму говориць: матка чаго просиць навучила, а якъ отъ чорта отчурацьця, ня сказала. Чортъ подождаў нямного ды згрёбъ дзѣўку за косу и поцягнуў къ сабѣ ў колодзезь. Такъ яна тамъ и пропала бизъ вѣсци.

(Зап. А. Фр. Лисовская).

754

(*Витебскій у.*)

Быў разъ дзѣдъ, а ў того дзѣда баранъ, вотъ и захоцѣў тытъ дзѣдъ зарѣзыць свойго барана; тольки што пычаў рѣзыць, трошки бокъ обыдраў, ажну баранъ ускочиў ды уцёкъ и схуваўся лисицы ў нору. Пришла лисица ў свою нору, ажны тамъ нѣхто сядзиць, спужалыся лисица и пытаицца: „хто тамъ“. А баранъ ей: „я баранъ,

бокъ обыдранъ, чатыри ноги, два роги, якъ дамъ рогами, дыкъ ты къ верху ногами". Лисица спужалася и пышла воўка просиць: „а воўчинька ты мой, а кумочикъ мой, ходзи, помоги моей бядзѣ, поглядзи, хто это ў мины ў норы сядзиць." Послухаў воўкъ лису, пошоў зъ ей у нору выганяць барана; пришоў ды сарпъ, сарпъ, носымъ нюхаиць: „хто тамъ?" „Я тутъ баранъ, бокъ обыдранъ, чатыри ногй, два рогй, якъ дамъ рыгами, дыкъ ты кверху ныгами." Воўкъ спужаўся и уцёкъ; пошли яны съ лисицей ды къ мядзьвѣдзю, стали мядзьвѣдзя просиць: „мядзьвѣдзинька, бацинька, ходзи пымоги нашей бядзѣ, поглядзи, хто ў лисициной норы сядзиць". Послухаў мядьзвѣдзь, пошоў зъ ими къ норы, пришоў и пытаицца: „хто тамъ". А баранъ яму: „я баранъ, бокъ ободранъ" и т. д. Мядзьвѣдзь спужаўся и уцёкъ. Идуць яны, идуць кыла саду и видзюць ляцяць пщолка; дывай яны ету пщолку просиць: „пщолычка, душычка, ходзи, поглядзи; хто ў лисициной норы сядзиць." Полицѣла съ ими пщолка, прилицѣла и пытаиць: „хто тамъ"? А баранъ ей: „я баранъ, бокъ ободранъ" и т. д., а пщолка, якъ ўлицѣла ў нору, якъ усѣла па барана, ды дывай яго кусаць за обыдранный бокъ, баранъ выскочиў и побѣгъ ўцикаць.

(Зап. тою же).

755

(*Минская г.*)

Да пошоў же-жъ сынокъ
Ў чужіе города;
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ;
Ажъ тамъ людзи
Бобъ молоцили.
Ёнъ прадъ ними стаўши,
Да шапочку зняўши:
„Дай же вамъ, Боже,
„Гэта добра много,—
„Три бочки мякины
„Да рѣшето бобу".
Яны яго били
Якъ не забили...

Сястра его Макрина,
Маци Василиха,
Научили сынка
На ўселяко лихо:
Сынку Мартынку,
Да чему ты дурный,
Чаму не разумный?
Треба было стаци,
Да шапочку зняци:
„Дай же вамъ, Боже,
„Гэта добра много,
„Кабъ не перенесци,
„Кабъ не перевезци,
„Возы поломици,
„Кони потомици“.
Да пошоў же-жъ сынокъ
Ў чужіе города,
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ.
Ажъ тамъ везуць
Мертвеца ховаци,
Ёнъ прадъ ними стаўши
Да шапочку зняўши:
„Дай же вамъ, Боже,
„Гэта добра много,
„Кабъ не перенесци,
„Кабъ не перевезци,
„Возы поломици
„Кони потомици“.
Яны яго били,
Якъ не забили...
Сястра яго Макрина
Маци Василиха,
Научили сынка
На ўселяко лихо:
Сынку Мартынку!
Да чаму ты дурный,

Чаму не разумный?
Треба было стаци,
Да шапочку зняци:
„Вѣчный вамъ покуй,
„Вѣчное одпочнене,
„И души збавенне!“

Да пошоў же-жъ сынокъ,
Ў чужіе города,—
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ.
Ажъ тамъ ѣдуць
Молоды до шлюбу.
Ёнъ прадъ ними стаўши,
Да шапочку зняўши:
„Вѣчный вамъ покуй
„Вѣчне одпочнене
„И души збавенне.“
Яны яго били,
Якъ не забили.

Сястра яго Макрина,
Маци Василиха
Научили сынка
На ўселяко лихо:
Сынку Мартынку!
Да чаму ты дурный,
Чаму не разумный?
Треба было стаци,
Да шапочку зняци:
„Дай же вамъ, Боже
„Счастливу годзину
„Вѣкъ вамъ долгій
„И долю вамъ добру.

Да пошоў же-жъ сынокъ.
Ў чужіе города,
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ.
Ажъ тамъ бяжиць

Гаńь сабачая,
Ёнъ прадъ ними стаўши,
Да шапочку зняўши:
„Дай же-жъ вамъ, Боже,
„Счастливу годзину,
„Вѣкъ вамъ долгій
„И долю вамъ добру".
Яны яго грызли,
Якъ не загрызли...

Сястра яго Макрина,
Маци Василиха
Научили сынка
На ўселяко лихо:
Сынку Мартынку
Да чаму ты дурный,
Чаму не разумный?
Треба было кій ўзяць
Того сяго по зубамъ:
„Ня ходзице по ночамъ,
„Ня страшице людзей!"

Да пошоў же-жъ сынокъ
Ў чужіе города,
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ.
Ажъ тамъ идуць
Ксендзы съ дьяками.
Ёнъ кій ў руки ўзявши,
Того сяго по зубамъ:
„Ня ходзице по ночамъ,
„Ня страшице людзей!"
Яны яго били,
На смерть и забили.

(Зап. Н. А. Руберовскій).

Ср. въ нашей книгѣ: „Русскія народныя пѣсни" стр. 279, № 34 *пропѣтый* намъ въ Твери хоромъ городскихъ извощиковъ, и у Кирши Данилова: «Древнія Россійск. стихотворенія» изд. 1818 г., стр. 390, пѣсни подъ заглавіемъ; Дурень.— Есть вар. и въ сказкахъ Аѳанасьева. Въ бѣлорусской формѣ эта сказка намъ

знакома еще въ двухъ варіантахъ: одинъ напечатанъ въ книжкѣ М. А. Дмитріева: „Опытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ сѣверо-западнаго края." Гродно 1869 г., стр. 143—49; другой записанный нами отъ М. Коткевичовны (Чашники). Послѣдній считаемъ нелишнимъ приложить здѣсь въ сокращенномъ видѣ:

Была ў мяне сестра Марина
А маць Василиха,
Научила мяне на ўсякая лиха.
Якъ пошоў сынъ Косьмилька
До Кіёва града,
Три сякиры за поясъ
И топоръ ў рукахъ.
Пришоў сынка Косьмилька
Къ попу на токъ,
Поповы паробки
Тамъ бобъ молоцюць:
„Дай жа вамъ Божа
Вялики умолотъ,
Семъ бочакъ мякины
И рашато́ бобу".
Тамъ яго били,
Якъ ня забили.
„Чаму ты дурень,
Чаму няразуменъ?
Табѣ было стаўши,
Ды шапочку зняўши:
„Дай жа вамъ Божа
Вялики умолотъ;
Ни звесци, ни снесци."
Пошоў сынка Косьмилька
До Кіёва града и т. д.
Вязуць нябощика хороницъ.
Ёнъ тамъ стаўши,
Ды шапочку зняўши:
„Дай жа вамъ Божа
Вялики умолотъ
Ни звесци, ни снесци,
Кони потомици
И возы поломици".
Тамъ яго били,
Якъ ня забили.

По возвращеніи злополучнаго домой, мать и сестра его поучаютъ, что ему слѣдовало вотъ какъ сказать въ этомъ случаѣ:

Дай жа вамъ Божа
Вѣчнаго одпочнення,
Няхай ёнъ со святыми почиваицъ,
А намъ хлѣба соли засылаицъ.
Пошоў сынка Косьмилька и т. д.
Ажъ вязуць молодыхъ винчацъ.
Ёнъ тамъ стаўши и т. д.

Онъ опять домой, тамъ получаетъ такого рода наставленіе, что слѣдуетъ сказать въ такомъ случаѣ:

„Дай жа вамъ Божа
Долю и счасцця
Годзину счастливу
Кабы вы вѣкъ жили
Ды ня смуцились.

Касьминька опять отправляется въ путь, ему встрѣчаются охотники съ гончими, онъ со всей вѣжливостью и брякнулъ:

Дай вамъ Божа
Долю и счасця
Кабъ счастливы были
Ни чаго ни зловили.

Его бьютъ,—онъ къ матери, та опять: тебѣ бы слѣдовало сказать:

Дай жа вамъ Божа счасця!
Кабы вы поймали,
Возами возили.

Далѣе этотъ вар. сходится съ Минскимъ; въ иныхъ мѣстахъ эти qui proquo продолжаютъ до громадныхъ размѣровъ. Интересно совпаденіе именъ лицъ и мѣста дѣйствія приведеннаго сейчасъ разночтенія со спискомъ М. А. Дмитріева, начинающаго такъ:

Якъ пошоў Касьминка,
Пошоў веселинка
До города Кіева
Три сякиры за поясъ и т. д.

Далѣе:

Сестра его Макрина,
Маци Василиха и т. д.

756

(*Витебскій, б. Суражскій*)

Сидзѣла разъ позна ў пятницу баба пыдъ вокномъ и прала. Чуиць-нехто ў вокно стукаицця, отхутала ина вокно, глядзицъ: баба старынькая, сморщеная, якъ сучокъ стоицъ и пытаицця у яе: „Што ты, молодзицця, такъ позна прадзешь?“—„Якъ жа мнѣ не прасць, коли ў мяне дзѣтки малыи ни пособюць—самэй нада“.—„Ну, коли жъ ты такая пильная, на жъ табѣ сто вирацёнъ, кабъ жа ты мнѣ ихъ къ заўтраму ўси напрала“. Якъ сказала гэто баба, такъ и подзѣлася нивись куды, якъ скрозь донную провалилась. Спужалася молодзиця, видзицъ, што нѣшто неладно, думала, думала, што ей дзѣлаць? ды й придумала, ни стала рунчёў прасць, а ўзяла, ды по однэй ниточки на кажныи вирицяно намотала, такъ ўси сто вирацёнъ до дня и замотала. До свѣту зноў старуха приходзиць и пытаицца: „а што, молодзиця, чи позапрала мнѣ мои вирацёны?“ Молодзиця показала ей вирацёны и сказала ей ста-

руха: Разумная ты, молодзиця, што такъ сдѣлаць догадалася, ня сдѣлай ты гэтого, а отдай мнѣ голы и вирацёны, ябъ цибе самую якъ голая вирицяно скруцила ды ссушила. Я святая пятница. Глядзи, борони цибе Боже, ни разу ў пятницу ни прадзи.

(Зап. А. Фр. Лисовская.)

757

(*Тамъ же*)

Послаў разъ Богъ святыхъ угодничкоў своихъ Пятницу ды Субботу поглядзѣць, што на свѣцѣ робицця ды дзѣицця. Вотъ и пошли святые угодники рано ранёхонька, ище сонца куды ня ўсходзила. Идуць яны, идуць, ажно имъ на дорозѣ дзирявушка попалася; заглянули яны ў першую хату, ажно, глянь, дзѣўка большая, пригожая, здоровая .ужу и ўстала и помылася и почесалася и Богу помолилася и короў подоила, хату подмела̂, печку затопила ды й, покуль горшки варуцця, сѣла на пирадку и прадзець. Подзивилися угоднички на працавитую дзѣўку и пошли дальши, прошли дзяреўню, вышли на поле, ў поли яще пусцёхонька, ни души, тольки на однэй ниўки молодзець молодэй, пригожій, ужо знаць, даўно орець, зъ яго и зъ коня ажно ужо потъ ліецца; подзивилися зноў угоднички на молойца. „И коли ета ёнъ тольки успѣў выспацьца и уже стольки наораў?“ Подзивилися, подзивилися ды й пошли дальше. Ишли яны ишли, ужо и сонца узыйшло, по дорогѣ стали людзи попадацьця, то съ сохами, то съ боронами, глядзяць, зноў дзяревушка стоиць. Стали яны ў хаты заглядываць, да ужо мало идзѣ людзи видны, развѣ старухи. Мужики на поляхъ, бабы на городы, тольки глядзяць, ў водной хаткѣ дзѣўка большая, тоўстая, тольки што ище вочи продзёрла, сядзиць на полу ды зиваиць, ды поцягиваицця, коса ўся ў перій, ажно глядзѣць проциўно. Поглядзѣли святые угоднички, подзивувалися ды й пошли дальше. Прошли дзяреўню и вышли на поля, глядзяць подъ кустомъ ляжиць молодзець, ляжиць ды й спиць, ажно храпиць на ўсю гылову. Коля яго кобылка ў сохѣ стоиць, траўку щиплець, знаць якъ выхали. такъ ничого и ня робили и ниўка ня почината. Поглядзѣли, поглядзѣли святые угоднички, плюнули ды й пошли дальше. Пришли яны къ Господу Богу, и спрашиваиць у ихъ Богъ: „ну, што, мои угоднички, Пятница ды Суббота, што вы тамъ добраго на зямли ви-

дзѣли, што чуяли?“ И стали угодничи разсказывацъ про дзѣвокъ ды про молойцеў и говоруць Господу: „вотъ, Боже, по нашему, жаниць ды добраго молойца ды й съ добрэй дзѣўкой, а ляниваго съ лянивэй: были бы дзвѣ пары якъ разъ, одзинъ ў одного.“ А Господзь, возьми, ды й скажи имъ такъ: „дураки вы дураки, якъ я погляжу, коли бъ я такъ дзѣлаў, ды й такъ злучаў, якъ вы говорицця, людзи и про мяне и про васъ бы забыли. Рыбацяги бъ ўсё сами поподзѣлали и Богъ бы имъ николи ня понадобиўся, а лянивый ды глупый и подаўна на Бога ня ўспомнюць, а вотъ якъ злучу я разумнаго зъ глупей, а глупую ды й зъ разумнымъ и пойдуць яны у мяне божкаць ды божкаць. Поглядзиць, поглядзиць разумный мужикъ на глупую жонку, во и скажиць: „Божинька мой Божинька, лучше бъ я ци утопиўся, ци удавиўся, чымъ я зъ тобой ожениўся. Прибьеця разумный мужикъ глупую жонку, станиць ина плакаць ды причитывапь: „послухай-ка якъ Божинька, ды Божинька, што слоўцо скажець и Божиньку успомянець и святыхъ угодничкоў назовець, а сдзѣлай я по вашему, по глупому, людзямъ бы ня Богъ, ня Святыи ня нада были.“ Вотъ за етымъ-то за самымъ и ня годзицця прасць ў пятницу, а то, няроўный часъ, нагды Пятница подгадзиць и дасць прадзёхи дурака мужика.

(Зап. тою же.)

758

(*Витебскаго у.*, *д. Вымно*)

Три брата кладъ нашли и поровну раздѣлили.

Разъ троя браттиў выкопали дужа большой кладъ. Во якъ увидили яны дужа многа грошій, дыкъ ўсякыму хочицца зувлудаць кладымъ; али ня можно. Тогды кажутъ браття, што „надо бъ було выпить“ и пыслали меньшиго братеника ў корчму зы горѣлкый. Во й пошевъ ёнъ зы горѣлкый. Ўзявъ ёнъ горѣлки ды й идетъ. А браття тымъ часымъ сгыворились яго забить. Дыкъ ёнъ жа ня тоя: ўзявъ ды въ горѣлку отрўты пылаживъ. Якъ принесъ ёнъ горѣлку, браттики и забили яго; тогды стали яны тую горѣлку пить. Якъ выпили, дыкъ и самы пыотрутились. А кладымъ ни водинъ ни зувлыдавъ...

(Зап. учитель нар. училища Н. Я. Никифоровскій.)

759

(*Тамъ же*)

Мать и три дочери.

Здаецца, што годовъ семъ... нпѣ! тогды... тогды й було мнѣ семъ годовъ!.. якъ разъ семъ!.. Матка нябощица кызала, якъ ета одна мыладуха ишла съ трыймя дочушкыми... Ти то, нѣ: шесь, шесь годовъ тогды мнѣ було!.. Во кали шесь!.. Дыкъ прійшла ина ко ряки; а ни мосту, а ни кымяли! тольки кладычка черизъ рѣчку. Ўзила ина перши-на-перши „быльмачку" ды й пынисла. Тольки й кажить: „а ти будишь ты носить минё такъ стариньку, якъ я тибе ношу сяньни, малинькую?"—„Буду, мамычка, буду!"—„Лгешь!.." ды й чибурахъ іё ў водў и утопила!.. Тогды й сиредній тоя самыя кажить. „Авой, мамычка, буду!"—„Илгешь!" бувтыхъ и іё ў водў... Якъ узилажъ жъ ина третьтію точкў, ды якъ скызала ина: „ти будишь ты носить мине такъ стариньхыю, якъ я тибе ношу сяньни малиньхыю?" дыкъ ина ўсю правду рыскызала. „Нѣ, мамухна! й ди мнѣ носить тибе стариньхыю: ў мине свои дзѣтки будуть; мнѣ надо будить ихъ носить!" „Якъ скызала ина ўсю правду, дыкъ матка ничего ей й ня здѣлыла, й пиринисла пы кладки...

(Зап. тотъ же.)

760

(*Тамъ же*)

Разсказъ о сотвореніи болотъ.

Пе́рши-на́-перши була́ одна тольки выда; на ей кой-колй ходзивъ Богъ. Вотъ тольки разъ ёнъ идзетъ ажны видить: плуветь выдынэй пузыръ. Во й кажить Богъ: „стой!" Пузыръ остановився. Кажить Богъ: „лопни!" Пузыръ лопнувъ, зъ яго выскычивъ чертъ и кажить: „што табѣ па́до, Божухна?" Тогды Богъ кажить: „на́да бъ було здѣлыть што пытвирдѣй, а то нявдо́ба ходить". Во и ставъ Богъ съ чертымъ міркувацца, якъ ета зробить на́до. Тады ўзду-мывъ Богъ, што ў водзи ляжить кувалыкъ зямли и кажить черту: „дыстанька ты тую зямлю!" Чертъ. якъ бувтыхнить! ажны черизъ три дны прыскочивъ; ныбравъ чертъ по́лынъ по́дылъ зямли ды й ще зы щаку ныпихавъ. Тады Богъ ставъ раскидывыть тую землю пы водзѣ. Куды ни сыпнеть станить зимля, и разсыпывъ ўсю землю

съ пыдылá. А што зылаживъ чертъ зы щаку́, про тоя змовчивъ Богу ни скызавъ. Тогды Богъ кажить: „што бъ пы зямлѣ пырасли дзярёвы и трыва“. Во якъ стали ростить пы зямлѣ дзярёвы и трывы и у черта зы щакой стали рось дьяревы и трава. Раздула черту ротъ ня можно яму́ ни пить, ни ѣсь. Однача довга кряпився чертъ. Тогды видитъ, што ни въ мыгату... а тутъ и Богъ идетъ... Пустився чертъ убiгать,—ды якъ плыванеть, ды якъ кирханеть—такъ усё и повыкырхавъ зъ ро́ту. Куды тольки пливавъ чертъ тамъ и стала выдиная земля съ диривями и травой. Дыкъ во якъ болоты!..

(Зап. тотъ же.)

761

(*Витебскій, б. Суражскій у.*)

Якъ сотвориў Господзь Богъ нашъ свѣтъ, дыкъ ўся вода была ў водномъ мѣсци; вотъ и собраў Господзь ўсихъ птушекъ и сказаў имъ: „Птушечки мое, работнички мое! соберицеся вы ўси на ўси и рознясиця вы воду гэту ды й по ўсяму свѣту, разоллиця вы яе ў рѣчки бягучiи, въ озири стоючiи, ў криници холодныи. И собралиси ўси птушки и стали носиць воду: носили, носили, покуль ўсю разносили. Одна тольки каня ня послухалася Господа Бога, ня носила воды, за то и прокляў Господзь каню, сказаў ей такъ: „Ты воды ня носила, ня могишь и напицьца, ни ў рѣчки бягучей, ня ў возиру стоючимъ, ня ў криницы холоднэй и ждзи ты развѣ дожджя мойго залиўного“. И стала съ тыхъ поръ просиць каня пиць: хочу пиць, пиць, пиць и ждаць дождж‍ю. Напицця же дыкъ ни ў якэй водзѣ ня можецъ, а тольки якъ дождж идзецъ, дыкъ яна разинецъ ротъ и словиць капли.

(Зап. А. Фр. Лисовская.)

762

(*Чашники*)

Панъ. Гэй, мужикъ! Зъ якого ты сяла?

Мужикъ. Зъ някрытага, паночекъ!

П. Хто твое сяло дзержиць?

М. Круки, ды лотаки.

П. Дуракъ ты, мужикъ. А хто ў твоемъ сялѣ бо́льшiй?

М. Паночекъ! Ёсь у насъ Аўдзей, бо́льшiй зъ ўсихъ людзей.

П. Дуракъ, мужикъ! Кого вы боицеся?

М. Паночекъ! Ёсь у пана собака, якъ идземъ, ўси кiи бяремъ.

П. Мужикъ! Чи много у васъ такихъ дуракоў?

М. Три кадзи буракоў, а чатвертая капусты.

П. Мужикъ! Ты дурень.

М. Паночекъ! разумныхъ по разумныхъ послали, а мяне по цябе.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

763

(*Витебскiй у., б. Суражскiй*)

Ѣхаў разъ панъ богатый чиразъ дзяреўню, сустрѣў мужика и пытаицъ ў яго:

„Чiя гэта дзяреўня?"

— Божжая, ды мiрская. —

„А кто у васъ тутъ набóльшiй?"

— А вонъ ель дли церкви, ина ў насъ найбольшая: зъ ўсяго околодку видна.—

„А хто жъ у васъ наистаршiй?"

— А ёсь ў насъ баба, дыкъ ей скоро сто годоў будзицъ.—

„Ай, мужикъ, нешто ты дужа разуменъ, глядзи, кабъ ня сунуў я табѣ ў зубы."

— За што жъ такъ ў зубы, якъ собаку, лучши жъ ў руку, якъ чаловѣку и выставиў руку.—

Панъ ўзяў, ды й насыпаў яму цѣлую руку гроши.

(Зап. А. Фр. Лисовская.)

764

Па дорозѣ ѣхаў панъ, на ўстрѣчу яму мужикъ. Ёнъ яму и говорйцъ: на бокъ, длинный носъ! (мужикъ отвороцпў рукой носъ на сторону). Поѣзжай, панъ!

Панъ. Чiй ты?

Мужикъ. Бацькинъ и маткинъ.

П. Я ня то спрашиваю, а хто ў васъ бóльшiй?

М. Есь ў нашей дзереўнѣ дзѣўка Маланья, та ўсихъ насъ больше.

П. Ды я о не томъ спрашиваю, а хто такiй, кого вы боицеся?

М. Есь ў дворѣ на ланцугѣ мядзвѣцъ, таго ўси мы боимся.

П. Ня о томъ спрашиваю, кого вы слухаеце.

М. Ў нашей дзереўнѣ Сидоръ играицъ на дудзѣ: якъ заграицъ, дыкъ мы ўси яго слухаимъ.

П. Скажи ты мнѣ: коли у васъ Вялнкъ дзень?

М. Васной, коли хлѣба нема, тады дужа вялнкъ дзень.

И такъ яны разъѣхались. Назаутра зноў устракаюцца. Мужикъ вязецъ дрова, панъ яго пытаиць: Што ты вязешь? „Солому, моспаня!" „Икая жъ гэта салома, гэта жъ дровы."—„А на што пытаишь, коли самъ знаишь?

П. Дыкъ ты гэта вѣрно вчерашній!

М. Якой вчерашній! Матка казала, што мнѣ уже годъ двадцать.

(Сообщ. г-жею Догель.)

765

(*Чашники*)

Пришоў самъ Богъ къ жиду. Ёнъ кажиць, чаго ты человѣкъ пришоў?—„Я ня человѣкъ, яжъ Богъ." „Ахъ! на, це, це Богъ! Коли ты Богъ, дыкъ одгадай, што ў мяне подъ загнетомъ, подъ корытомъ. — Свиння съ поросятами! — На! узнаў Богъ, вотъ ты Богъ! Жидъ открыў корыта, а зъ подъ яго поросяты. — Жохъ, жохъ! а свиння — чухъ, чухъ! тогды жидъ увѣрыў и паў крыжемъ пирадъ имъ.

766

(*Тамъ же*)

Разъ Іезусъ Кристусъ ишоў по вулицы и захоцѣлося яму дужа пиць, ёнъ ўзяў ды й зайшоў къ жиду ў хату и просиць ў яго напицьца. Увидзіў жидъ Іезуса и думаиць: дывай-ка по(г)лядзжу, ци праўду гэта людзи кажуць, што ёнъ ўсе ўпяродъ вѣдаиць, што зъ человѣкомъ коли будзиць? ўзяў ёнъ посадзиў подъ корыто свою Рохлю зъ дзѣтками, а самъ пытаитцца у Іезуса: Панъ Іезусе! ци ня вѣдаишь хто гэта тамъ ляжиць подъ корытомъ? А Іезусъ яму кажиць: свиння зъ поросятками „Не! кажиць жидъ, ня праўду ты сказаў". А Іезусъ яму кажиць: „открый карыто ды й по(г)лядзи самъ". Тольки жидъ открыў корыто, глядзь — а тамъ и зыпраўду ляжиць свиння зъ поросятыми. Зъ той поры жиды свинины и ня ядуць.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

ДОПОЛНЕНІЯ

Хресцины.

(*Лепельскаго у., д. Бабчъ*)

Отецъ новорожденнаго приглашаетъ гостей на крестины. Гости приносятъ блины, кашу, говядину жареную и идутъ прямо къ родильницѣ, которая обыкновенно изъ каждаго кушанья понемножку попробуетъ или по крайней мѣрѣ прикоснется къ нимъ губами и затѣмъ отсылаетъ все къ хозяину. Въ церковь младенца не повезутъ раньше 4-го или 5-го часа послѣ обѣда, т. е. до вечерень. Предъ выѣздомъ въ церковь всѣ садятся за столъ и обѣдаютъ. Во время обѣда повивальная бабка у кровати больной завертываетъ въ рубашку отца младенца, подноситъ его матери, которая, поцѣловавъ и перекрестивъ его, передаетъ обратно бабкѣ, а та кумѣ, кума куму, а послѣдній опять повивальной бабкѣ, которая ужъ выноситъ его на дворъ и передаетъ наконецъ кумѣ, которая вмѣстѣ съ кумомъ везутъ его въ церковь. Изъ церкви возвращаются обыкновенно ужъ вечеромъ. Тутъ наступаетъ новый періодъ *хресцинъ*. Лишь только послышатъ, что кумъ уже возвращается, они немедленно выходятъ за двери и спрашиваютъ: какое имя получилъ младенецъ? Кума съ кумомъ входятъ въ свѣтлицу, прямо къ родильницѣ и отдаютъ ей младенца со словами:

Нихай жа Богъ годуиць
И долю готуиць.

Затѣмъ всѣ гости отправляются въ истопку. Тамъ повивальная бабка ихъ встрѣчаетъ, держа въ одной рукѣ ряжку съ водой, а въ другой вѣничекъ, и плещетъ всѣмъ въ глаза воду. Кумъ обыкновенно бросаетъ ей тутъ въ ряжку нѣсколько копѣекъ. Потомъ всѣ садятся за столъ—кумъ и кума подъ образами. Бабка пьетъ къ больной, которая, отпивъ немного, передаетъ рюмку кумѣ; послѣдняя *припиваетъ* тоже къ родильницѣ и передаетъ рюмку куму. Тотъ, выпивши за здоровье родильницы, бросаетъ въ рюмку полтин-

никъ или нѣсколько серебряныхъ монетъ, и наливши ее снова водкой подноситъ ее послѣдней. Она выливаетъ водку и прячетъ деньги и въ свою очередь отрѣзываетъ кусокъ холста куму, на штаны. Затѣмъ всѣ принимаются за обѣдъ. Во время стола поютъ пѣсни:

Ў нашего Ваньки виноградъ на дворѣ,
Виноградъ на дворѣ, хресбинки ў хацѣ,
Посадзиў кумочку ды на самомъ куцѣ,
Частуиць, вяльбуиць ня людзёмъ—сабѣ.
Пи же, моя кумочка, ды ня ўсе выпивай,
Къ заўтраму горэлку на похмѣлля остаўляй.

Ту же самую пѣсню поютъ и куму, замѣняя толька слова кумѣ, кумка къ кумочку, кумъ.

—

Другая:

А хто гэта ды по сѣночкамъ ходзиць?
Иванька свою жоночку кличиць:
Ходзи, ходзи ко мнѣ, моя Ганочка, ко мнѣ!
А ў мяне ды посцелька бѣлинькая.

—

А ў нядзѣлечку поранюсенька што ў неби зазвинѣла
А ў неби звинящь, а ў неби звинящь,
А ў неби звинящь, Самъ Богъ идзець,
Господь Богъ идзець и долячку нясець,
Долячку нясець гэтому дзицяцѣ.
И пытаиццја ў Прачистой,
Што яму за долю даць:
Чи збажовую, чи грошовую
Чи тую вѣнчастую?
И збожовую, и грошовую,
И тую вѣнчастую.

—

Ай кумъ кумѣ радъ
Ды повёў куму ў садъ.

Ай кумицися и любицися
И любиця жъ мяне.

—

А коси кумокъ мяту
Ды накрый бабѣ хату,

А коси кумокъ сѣна
Ды накрый кумѣ сѣна.

—

Ишоў по гȍродзѣ,
А кума вулицой:
Кумъ обярнуўся пятухомъ,
А кума курицей.

—

На другой день, на похмѣлье, опять собираются гости. Ихъ подчуютъ обѣдомъ. Они пьютъ, ѣдятъ и поютъ снова пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

Ўчора, бабка, учора, любка,
На хресбинкахъ была;
Сягодня бабка, сягодня любка
На хмяльки пришла.

—

Послѣ обѣда повивальную бабку обвиваютъ холстомъ или ситцемъ и даютъ ей медовую водку, и она, проплясавъ нѣсколько, подчуетъ ею всѣхъ гостей. Затѣмъ мужчины вносятъ борону, и посадивъ на нее бабку, тащатъ ее въ кабакъ, гдѣ она должна подчивать всѣхъ водкой.

Въ то время, когда бабку обвертываютъ въ холстъ или ситецъ, ей поютъ:

Чи хорошо, бабка,
Чи хорошо, любка?
Приходзила къ ўнучцѣ своей.
Чи ходзила часта,
Чи носила сладца
Ды ўнучцѣ своей?
Ахъ ты бабка, ахъ ты любка!
Тоўчи, молȍдць ня дужа,
А на номёточки досужа.
Тоўчи, молодць—хухъ ця мнѣ,
А на номёточки дыкъ дайця мнѣ.

—

Третій день хресбинъ называется „Муравинками“. Приглашаютъ повивальную бабку. Она моетъ младенца и воду выливаетъ подъ печь, гдѣ куры сидятъ. Если же младенецъ очень плачетъ, то она беретъ его на руки и подноситъ къ кочерыжнику, т. е. къ тому углу хаты, гдѣ стоятъ ухваты, лопаты, помело, кочерга и, набравъ въ ротъ воды, обливаетъ плачущаго. Бабку опять подчуютъ водкой. Гости пируютъ еще, посидятъ, погомонятъ и наконецъ побредутъ во-свояси.

(Зап. ученикомъ 7-го класса Витебской гимназіи В. Пржисецкимъ).

Къ № 193

(*Витебскаго у., д. Вороново*)

Вар. къ толочанскимъ.

Ой на морэ дзѣвынька бѣль бѣлила,
Ой на морэ красная бѣль бѣлила.
Приплывала къ дзѣвынцѣ два чалоночка,
Приплывала къ красной два чалоночка.
А ў тыхъ чалоночкахъ два козака (2).
Ай Богъ помочь дзѣвынька бѣль-бѣлици,
Ай Богъ помочъ красная бѣль-бѣлици!
Ай споили дзѣвыньку, споили,
Ай споили красную, споили,
Ў лотычки спатиньки положили (2),
Лоточку отъ бережку отпыхнули (2).
Очнулася дзѣвынька сяродъ моря,
Очнулася красная сяродъ моря,
Заплакала дзѣвынька сильнюшенька
Заплакала красная сильнюшенька:
Ой ни мамка дзѣвыньку выдавала,
Ой ни мамка красную выдавала.
Ай ни татка дзѣвыньку благослоўляў,
Ай ни татка красную благослоўляў,
Ни сястрычки ў боярычкахъ сидзѣли, (2)
Ни брацитки косыньку расплятали, (2)
Ни цётычки ў поѣздъ поѣзджали, (2)
Выдавала дзѣвыньку цёмная ночка, (2)
Выдавала красную цёмная ночка, (2)
Благослоўляў дзѣвыньку ясёнъ мѣсяцъ, (2)
Благослоўляў красную ясёнъ мѣсяцъ, (2).
Сидзѣли ў боярках дробны звѣзды, (2)
Расплятали косыньку буйны вятры (2),
Поѣзжала ў поѣздзѣ красна сонце (2)

(Зап. мною отъ дворовой).

Купальская.

(*Борисовскій у.*)

Сегодня ў насъ Купала!
То, то, то! *)
Самъ Богъ огонь раскладаў,
То, то, то!
Ўсѣхъ святыхъ къ сабѣ зваў,
То, то, то!
Толька нѣту Илли съ Пятромъ,
То, то, то!
Пошоў Илля кола жита
То, то, то!

Чьё жита хорошое?
То, то, то!
Апанаса найлѣпшое.
То, то, то!
Панасъ будзе пива варыць,
То, то, то!
Панасъ будзе горэлку гнаць,
То, то, то!
Дочку замужъ оддавацъ
То, то, то!

(Зап. Марцинкевичемъ).

Канунъ Ивана Купа́ла. 23 іюня.

Обряды, обычаи и суевѣрія, относящіяся къ празднованію Купалы, изложены въ книгѣ г. Безсонова: „Бѣлорусскія пѣсни" (стр. 61 — 68). Намъ только остается пополнить его статью нѣкоторыми данными, до него недошедшими.

Мѣстомъ для празднованія Купалы и въ Витебской губерніи Леп. у. выбираютъ преимущественно около ржаннаго поля, на межѣ, *житную зміьну.* На Купалу выходятъ всѣ, дома остаются только очень ста́рые старики, малыя ребята да хворые. Въ этотъ день хозяйки съ утра заготовляютъ разныя кушанья для закуски вечеромъ въ чистомъ полѣ, варятъ кулагу, непремѣнное лакомство купальскаго пиршества. Какъ только солнышко закатится за лѣсъ и пастухъ пригонитъ домой стадо, хозяйка тотчасъ выходитъ изъ хаты, взявъ съ собой нѣсколько пучковъ крапивы и дѣдовника, разорветъ ихъ и кинетъ передъ порогомъ хлѣва, для того, чтобы вѣдьма не отнимала молока у коровъ, и затѣмъ только впускаютъ ихъ въ хлѣвъ.

*) Поразительно тожество этого припѣва съ припѣвомъ исторической нѣмецкой свято-Ивановской пѣсни:

Herrn Sanct Johann,
To, to,
Frisch und froh,
Herrn Sanct Johann!

(См. Uhlands Schriften 3 Band, стр. 399—401).

Въ Могилевской губерніи этотъ обрядъ совершаютъ нѣсколько иначе въ пучокъ дѣдовника ввязываютъ *громничную свѣчу* и прикрѣпляютъ его къ верхней перекладинѣ воротъ и на другой день освидѣтельствуютъ этотъ пучокъ. Если свѣча сгрызена—значитъ *змѣя* *) была, если же она цѣла—значитъ змѣя прошла мимо. Подоивши коровъ хозяйки съ своими семьями повечеряютъ. Тотчасъ послѣ вечера начинаются сборы въ поле. Хозяйка, подтрунивая надъ мужемъ, говоритъ: „сыскивай горэлки, а моя кулага зварена". Вся деревня высыпаетъ на улицу. Ловкіе *молойцы* (парни) возьмутъ заранѣе приготовленныя густо-обмазанныя дегтемъ или смолою, колеса, зажигаютъ ихъ въ срединѣ, въ ступицѣ, и вздѣваютъ на длинные шесты; взваливши эти шесты высоко на плечо, они открываютъ шествіе. За ними шумною ватагой идутъ дѣвушки съ узелками, коробами, горшками, бабы съ кулагою, мужчины съ нужнымъ запасомъ горѣлки. Дорогой поютъ пѣсни. Пришедши въ поле къ назначенному, съ утру обгороженному мѣсту, вся процессія обходитъ вокругъ ржанаго поля, все не переставая пѣть, а какъ дойдутъ до межи другого хозяина, такъ усядутся на травкѣ. *Колесоносцы* втыкаютъ свои шесты, увѣнчанные огненными колесами крѣпко въ землю и живо зажигаютъ, уже заблаговременно сложенные пастухами костры. Тутъ-то начинается скаканіе, плясаніе молодежи вокругъ этихъ горящихъ костровъ, прыганье черезъ нихъ попарно: дзяцюкъ (молойдзецъ) съ дзѣукой. Въ иныхъ мѣстахъ молойцы перескакиваютъ черезъ огонь верхами на жеребцахъ, для предохраненія ихъ и всего табуна деревени отъ порчи и преслѣдованія злаго духа. Часто на межѣ сходится населеніе нѣсколькихъ деревень. Тогда шумъ и веселье увеличивается, образуются цѣлыя группы шестовъ съ горящими колесами вокругъ здѣсь-и-тамъ пылающихъ костровъ. Мужчины и бабы сидятъ кучками, калякаютъ, любуются затѣями, веселостью, играми и пѣснями молодежи, подпѣваютъ и сами, да потягиваютъ гарэлочки. Дѣвушки же, напрыгавшись и наплясавшись до упаду подъ звуки дуды и скрыпки, разсыпаются по лѣсу или полю для отысканія вѣщихъ, цѣлительныхъ травъ, которыя на другой день освящаютъ въ церкви или костелѣ. Обыкновенно этихъ травъ набираютъ до 9-ти сортовъ,

*) Вѣдьма.

какъ напр: *мядуницы*, *купелля* или *купальницы*, *росички*, *буковицы*, *братки* (*Иванъ да Марья*), *расходника*, *звонца*, *васильковъ*, *пижмы*. Въ теченіе года ихъ берегутъ какъ святыню. Ими обкуриваютъ дѣтей отъ болѣзни и призора, т. е. дурнаго глаза, онѣ спасаютъ отъ грозы и другихъ напастей. Въ иныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи дѣвушки дѣлаютъ изъ травъ и полевыхъ цвѣтковъ вѣнки и пускаютъ ихъ по рѣкѣ: куда вѣнокъ поплыветъ, въ ту сторону значитъ выйти замужъ. Гадаютъ дѣвушки по свято-янскимъ травамъ и на другой ладъ. „Ёсць трава *трепутникъ* (придорожникъ, Polygonum aviculare, спорьмъ. (Слов. Даля), разсказывала мнѣ пѣвица Лепельск. у., на ей листъ доўгой, круглой, расцець ня высоко, Яе ўси дзѣўки копаюць. Якъ яе принясуць домоў, дакъ кладуць на ночь подъ головы: хто сосницца, тотъ и мужъ. Коли трепутникъ копаюць, дзѣўки скажуць:

Ты бабочка, ты голубочка!
Ты при дорозѣ сидзишь,
Ты ўсё чуишь и видзишь,
Скажи мнѣ праўду,
За кого яжъ замужъ пойду?

Разсказъ о томъ, какъ солдатъ проучилъ смерть.

...Разговоръ нашъ, между прочимъ, зашелъ и объ оспѣ, отъ которой во многихъ мѣстностяхъ (въ Полотскомъ уѣздѣ по преимуществу) нашей губерніи перемерла чуть-ли не большая половина малолѣтокъ за одно лишь первое полугодіе 1868 года. Одинъ изъ собесѣдниковъ, Халимонъ Ивановъ, замѣтилъ, что въ данной мѣстности, пока что, про оспу не слышно, и что она придетъ погостить сюда развѣ въ „прибудущемъ“ году. Высказавши такую новость, онъ улыбнулся и добавилъ: „смерть гуляетъ теперь по бѣлу свѣту да губитъ народъ, пока какой-нибудь смѣлый солдатъ не засадитъ ее въ табакерку съ табакомъ, какъ это было сдѣлалъ уже одинъ“. . . . Я попросилъ Халимона Иванова разсказать мнѣ эту забавную продѣлку солдата, и разказчикъ началъ:

„Однажды умеръ солдатъ . . . еще при жизни онъ такъ честно и вѣрно служилъ, что, будучи извѣстенъ Государю, почти всегда стоялъ у него на часахъ. Когда этотъ солдатъ явился „на тотъ свѣтъ", Богъ велѣлъ поставить его у Себя на часахъ. И вотъ вѣрный часовой никого не пропускалъ прямо къ Богу, а всегда самъ докладывалъ Ему о нуждахъ приходящихъ.

„Между прочими просителями приходитъ однажды смерть и, по обыкновенію, хочетъ прямо пройти къ Богу, но часовой остановилъ ее и сказалъ, что „нонича" не тѣ времена, когда приходящіе могли безпокоить Бога; скажи мнѣ, что̀ тебѣ нужно, а я передамъ твои слова Богу . . . — Скажи, служивый, Богу, что я теперь гуляю и попроси у Него работы для меня, говоритъ смерть.

„Отправился часовой къ Богу и доложилъ Ему о смерти.— Скажи ей, отвѣчаетъ Богъ, пусть идетъ въ міръ на 3 года морить середовой народъ! — Возвратившись къ смерти солдатъ передаетъ ей Божіе приказаніе уже въ слѣдующемъ видѣ: „ступай въ міръ на 3 года глодать середовой дубъ — это значитъ средняго роста. . . ." Удивилась смерть такому распоряженію; но ослушаться не могла, потому что оно Божіе—и отправилась на работу.

„Ровно 3 года трудилась смерть надъ несподручною ей работой, по окончаніи которой тощая, измученная приходитъ къ Богу и, по прежнему, хочетъ прямо пробраться къ Нему. Солдатъ загородилъ ей ружьемъ дорогу. — Самъ, говоритъ, пойду къ Богу и скажу, что̀ тебѣ нужно! —

— „Попроси ты, служивый, Господа: пусть дастъ мнѣ работу полегче; отъ этой-то я сильно измучилась".

„Хорошо, сказалъ солдатъ и пошелъ къ Богу съ докладомъ.— Пусть смерть опять идетъ въ міръ на 3 года морить малыхъ дѣтей; да пусть получше моритъ, а то вотъ за 3 года она ничего не сдѣлала: вѣрно разбаловалась, добавилъ Богъ и выправилъ солдата.

„Возвратившись къ смерти, солдатъ сказалъ ей: Богъ сердитъ на тебя, что такъ мало грызла середовой дубъ и прощаетъ твою лѣность только потому, что ты стара. Теперь же снова посылаетъ тебя въ міръ на 3 года глодать малый дубокъ.

„Три года со всѣмъ усердіемъ грызла смерть молодой дубъ и отъ такой работы, чуть живая, едва передвигая ноги, является къ Богу. Не смотря на настойчивое запрещеніе солдата, смерть начала ломиться въ дверь и при этомъ подняла такой визгъ и вой, что заслышалъ Самъ Богъ и поспѣшилъ на шумъ. Завидѣвши смерть, Богъ напустился на нее за то, что въ 6 лѣтъ въ мірѣ не было ни одного мертвеца. Но когда послѣдняя представила Ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ,

То виноватъ
Сталъ солдатъ,—

и Богъ обратилъ на него весь свой гнѣвъ. — „За то, что ты не исполнялъ въ точности моихъ приказаній, за то, что напрасно мучилъ смерть столько времени — будешь носить ее теперь на своихъ плечахъ по міру ровно 3 года: пусть она моритъ народъ“— сказалъ Богъ.

„Покорился несчастный своей участи: взвалилъ на плеча вонючія кости и пошелъ разносить по бѣлу свѣту лютую смерть.... Привыкши „заживать табачекъ“, солдатъ часто вынималъ изъ кармана рожекъ съ тертухой и этими порошками услаждалъ горечь своего положенія....

„Долго присматривалась смерть къ тому, что̀ дѣлалъ солдатъ, а наконецъ не вытерпѣла и спросила: — „что̀ это ты, служивый, дѣлаешь?“

„—А что жъ?! Мнѣ придется носить тебя 3 года. Вотъ я и нюхаю этотъ порошокъ для того, чтобы подкрѣплять себя и набирать силы“—отвѣтилъ солдатъ.

„—Служивенькій! Не въ службу — а въ дружбу: дай мнѣ понюхать этого самаго порошка. Ты видишь, что я чуть жива — авось-либо и я поправлюсь отъ него“, взмолилась смерть.

— „Оно точно — тебѣ нужно нюхать этотъ порошокъ и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Но только не скоро будетъ тебѣ польза, если ты будешь нюхать его такъ, какъ нюхаю я. Коли хочешь скоро поправиться, такъ полѣзай лучше въ рожокъ—тамъ вдоволь нанюхаешься и чрезъ 3 дня будешь здоровехонька. Я, пожалуй, готовъ тебѣ помочь!..“ сказалъ солдатъ.

„Скрючившись, сжавшись, полѣзла смерть въ рожокъ съ табакомъ и, какъ только совершенно убралась туда, солдатъ заткнулъ

рожекъ . . . и 3 года носилъ въ немъ смерть!... Когда, наконецъ, солдатъ открылъ рожокъ, то нашелъ смерть при последнемъ издыханіи, такъ что она сама не могла вылѣзти изъ рожка и только щепочками солдатъ ее вытащилъ...

„Такъ вотъ какъ проучилъ смерть вѣрный солдатъ!.. и теперь вотъ она будетъ гулять, пока не отыщется подобный ему смѣльчакъ, который запретъ ее въ рожокъ съ табакомъ!“... закончилъ разказчикъ.

1868 г. Іюля 21 дня, Воск.

Разсказалъ Халимонъ Ивановъ, староста Веляшковской церкви деревни Цыколово, Витебскаго уѣзда. Записалъ Никифоровскій.

Лѣченье отъ зубной боли.

I.

Принимаясь лѣчить себя нижеуказаннымъ средствомъ, нужно какъ можно тщательнѣе скрыть отъ всѣхъ даже свое намѣреніе,— это прежде всего. Затѣмъ, рано, до восхода солнца, подойти къ рябинѣ и отломить сучекъ съ листьями, но такъ, чтобы его потомъ можно было бы приложить къ прежнему мѣсту. Отломаннымъ сучкомъ нужно ковырять около больнаго зуба, послѣ чего сучекъ нужно приставить къ отломанному мѣсту и сказать. „рябинушка кудрявая! не буду я тебя ни ломать, ни рубить, ни кроить: пусть только будетъ такъ нѣмъ мой зубъ, какъ нѣма ты!“ Все это нужно, дѣлать осторожно, чтобы никто не видалъ и словъ не слышалъ.

Разсказъ старухи изъ деревни Заборовье, Полотскаго уѣзда, 1868 г. февраля 29 д. Записалъ Никифоровскій.

II.

Нужно идти въ лѣсъ до солнечнаго всхода; и на пути позаботиться о томъ, чтобы ни съ кѣмъ не встрѣчаться; но если нѣтъ возможности избѣжать встрѣчи, то, по крайней мѣрѣ, нужно стараться, чтобы съ встрѣчнымъ не сказать ни одного слова и даже не смотрѣть на него.—Въ лѣсу нужно отыскать такое рябиновое дерево, первый сучекъ котораго касался бы верхней части головы

въ томъ случаѣ, если больной сталъ къ дереву полнымъ своимъ ростомъ. Когда такое дерево отыскано, слѣдуетъ стать къ нему спиною, и, черезъ голову, рукою, сломать этотъ сучекъ, ни на одно мгновеніе не мѣняя своего положенія, ковырять отломанною частью около больнаго зуба. Покончивши, сохраняя въ то же время прежнее положеніе, отломанный сучекъ слѣдуетъ приложить по возможности аккуратно къ тому мѣсту, отъ котораго онъ отломанъ и подержать нѣкоторое время; наконецъ, отнявъ сучекъ бросить его въ ближайшую и непремѣнно бѣгучую воду.

Запис. Никифоровскій. 7 іюня 1870 г. въ Дриссенскомъ уѣздѣ.

Бѣлорусскія примѣты.

(Витебск. г.)

I.

«Въ сороки»—память 40 мучениковъ—9 марта.

Съ 9 марта до лѣта должно пройти непремѣнно 40 морозовъ. Въ „сороки" приготовляютъ 40 хлѣбныхъ шариковъ и, съѣдая по одному въ каждый морозъ, вычисляютъ такимъ образомъ время наступленія лѣта.

II.

«Въ сороки» же.

Чтобы лѣтомъ счастливо находить птичьи гнѣзда, нужно до разсвѣта взять съ сосѣдняго двора нѣсколько щепъ, но такъ, что бы этого никто не видалъ и не зналъ о намѣреніи даже.

III.

Въ Великій Четвергъ.

Для той же цѣли, т. е. чтобы лѣтомъ счастливо находить птичьи гнѣзда, нужно до разсвѣта вымести комнату и вынести соръ непремѣнно съ зажмуренными глазами.

IV.

При хлѣбѣ.

Если хлѣбный мякишъ пристаетъ къ ножу въ то время, когда имъ разрѣзывается хлѣбъ, то въ наступающее лѣто нужно ожидать урожая; если же на оборотъ—неурожая.

V.

При хлѣбѣ же.

Хлѣбъ, растрескавшійся во время печенья, неизбѣжно предвѣщаетъ въ домѣ покойника.

VI.

При хлѣбѣ же.

Тотъ кусокъ хлѣба, которымъ мы приманиваемъ къ себѣ собаку не нужно ѣсть, а непремѣнно слѣдуетъ отдать собакѣ, потому что отъ этого хлѣба выростаетъ въ горлѣ вередъ.

VII.

Относительно вшей.

Наибольшее число вшей, находящееся въ передней части головы, означаетъ, что горе этого человѣка еще впереди; на затылкѣ — горе уже прожито, на маковкѣ — горе переживается въ данное время.

VIII.

При пѣніи курицы.

Когда курица поетъ, т. е. растягиваетъ свой голосъ, на подобіе пѣтушьяго пѣнья, то это предвѣщаетъ въ домѣ какое-нибудь большое несчастье, или даже смерть одного изъ членовъ семейства.— Чтобы узнать приблизительно родъ могущаго послѣдовать несчастья, курицею измѣриваютъ разстояніе отъ кутнаго мѣста до порога, nереворачивая послѣднюю, какъ аршинъ или другую единицу мѣры. Когда къ порогу останется голова — послѣдуетъ въ домѣ смерть, если же хвостъ—другое несчастье, въ родѣ, разумѣется, смерти. Однако—приходится ли къ порогу хвостъ или голова, на томъ же порогѣ отрубаютъ топоромъ или то или другое.

IX.

Относительно крысъ.

Появленіе въ домѣ крысъ въ большомъ количествѣ предвѣщаетъ что живущіе въ немъ скоро выйдутъ. Въ иныхъ случаяхъ примѣчаютъ, что должна послѣдовать смерть одного изъ жильцовъ.

X.

Когда собака вырываетъ въ разныхъ мѣстахъ двора небольшія ямы и при этомъ иногда воетъ, дому обѣщается покойникъ и чѣмъ больше ямочекъ и воя, тѣмъ скорѣе.

XI.

Во время ли щипанья лучины, или же когда лучина горитъ, часто отскакиваютъ небольшія тросочки отъ лучины. Если въ одинъ вечеръ такихъ тросочекъ отдѣлится до десяти, то это значитъ, что изъ семейства придется отдѣлиться какому нибудь члену. Но если двѣ тросочки падутъ одна на другую крестообразно, то неизбѣжно одинъ членъ отдѣлится отъ семейства смертію.

Всѣ 11 №№ записаны учителемъ Витебскаго приходскаго училища Н. Я. Никифоровскимъ.

—

Кто въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье уснетъ не разувшись, того ни гады, ни змѣи кусать не будутъ.

—

Когда мышь поѣстъ свенцоннаго, то она обращается въ летучую.

—

Когда во время топки печи слышится трескъ дровъ, то это значитъ, что разорвало одного злостника рода человѣческаго (колдуна).

—

Когда имѣешь при себѣ деньги въ то время, когда кукушка закукуетъ въ первый разъ, то будешь имѣть ихъ во весь годъ.

—

Если въ домѣ заведется много мышей — знакъ какого-либо несчастья.

Кошка сидитъ передъ зеркаломъ—свадьба.

—

Если свадебному поѣзду дорогу перебѣжитъ заяцъ, кошка или перейдетъ женщина, то супружество будетъ неблагопріятное.

—

Въ день вѣнчанія ясная погода—счастливая жизнь, дождь - богатство, громъ—несчастіе.

—

У кого. меньше сгоритъ вѣнчальная свѣча, тотъ будетъ долговѣчнѣе.

—

Упавшее во время обмѣна вѣнчальное кольцо предвѣщаетъ смерть.

—

Если мущина нечаянно наступитъ женщинѣ на ноги—кумовство.

Всѣ записаны въ Витебскомъ уѣздѣ учителемъ народной школы г. Коробовымъ.

Крестинная.

1

(Полотскій у.)

Якъ пріѣдуць кумы и посадзимъ за столъ першій разъ, поставимъ хлѣба-соли и поемъ имъ:

Кумка на куцѣ сѣла,
Три пѣсеньки спѣла:
Одну родзинную,
А другую хразьбинную,
А трецію вясельную.
А дай же намъ, Боже,
Гэтаго дзицяци,
Хрезьбинки соскакаци,
И вясельля дожидаци.
Судзиў Боже подъ хрястомъ,
Судзи жъ Боже и подъ вянцомъ

(Зап. со словъ старухи А. Як. Зейнъ).

На новый годъ.

2

(Слуцкій у.)

Ой лѣсѣ, лѣсѣ
На вересѣ

Тамъ слышенъ:
Панычекъ, панычёкъ.
Панычекъ Ланычёкъ
Коникъ пасе,
Зъ конемъ говдрицъ:
Да ѣшь, конь,
Шелковую траву,
Да пей, конь,
Студзенную воду:
Поѣдзишь конь
На полеване,
На сохволянне,
Своей дзвоцѣ
На залицанне.
Ой тому добро,
Чей-то сынъ ѣдзе,
Тому наилѣпше
Чей-то зять будзе.
Чрезъ мѣсто ѣдзе,
Мѣсто дзивуе,
Черезъ село ѣдзе,
Село чапкуе.
О тожь тебѣ, Левичекъ пѣсенка!
Спѣли на ново лѣто,
На ново лѣто,
На буйно жито,
Да съ колосочка,
Да жито бочка.
Коштарици,
Кожнаго дарици,
Не многа треба:
Съ поўзолотого.

[redacted] 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23

(Зап. И. П. Татлинымъ).

3

(*Лепельскій у.*)

Ня курь, ня вѣй мяцелица — Колядо!
Ни завѣвай сцежки дорожки — Колядо!
Я къ таткѣ госци ѣду — Колядо!
Ды вяночки ую — Колядо!
Отъ татки ѣду ды развиваю — Колядо!
Што по красочцѣ раскидаю — Колядо!
Што красочка, то слезочка — Колядо!

(Зап. ученикомъ 7 кл. Витебской гимназіи Вл. Пржисецкимъ).

4

(*Тамъ же*)

Ишла свиння по ляду,
Разсыпала Коляду.
Ты, Праскоўка, ни ляжи,
Идзи Коляду побяри.
Доля наша доля!
Ни такая якъ людская.
Людзи пьюць и гуляюць,
Яны хорошо ходзюць,
А мы ня пьемъ, ня гуляимъ
И ни чого ни маимъ.

(Зап. тотъ же).

5

(*Бобруйскій у.*)

Щёдеръ, щёдеръ! чи дома?
— Дома, дома, самъ на куцѣ сидзиць.
Ёнъ сидзиць въ сапожкахъ козловыхъ,
Въ шапочкѣ замшовой.
На яго шапочкѣ три китайки,
Три китайки золотыи,
Двѣ паненки молодыи,
Будзимъ пиць и гулять,
Будзимъ дзѣвокъ вѣнчать.

(Зап. А. В. Вахрамѣевою).

6

(*Тамъ же*)

Святый вечоръ добрымъ людзямъ!
Щедрую, щедрую, Коляду чую.
На дворѣ медвѣдзя коромина,
Дзѣвичча цыцка якъ смородзина.
— Возьму чичу (?), отрѣжу цыцу,
Повѣшу цыцу на крутой горѣ.
Собаки брешуть прилегаючи,
А вороны кричать налетаючи,
Дзѣўка плачиць, прилегаючи.

(Зап. тою же).

7

(*Тамъ же*)

Въ лѣску, въ лѣску
На жолтымъ песку,
Тамъ стояла церкоўка, —
Святый вечоръ!
Съ четырмя вуглами,
А съ петермя вокнами, —
Святый вечоръ!
Въ той церкоўцѣ
Ясенъ мѣсяцъ, —
Святый вечоръ!
Енъ съ своей жаной,
Съ ясной зарой, —
Святый вечоръ!
Ясныи звѣздочки,
То яго дзѣточки, —
Святый вечоръ.

На святкахъ, накануне Новаго года, въ то время, когда въ Сѣверо-Западномъ Краѣ большею частью бываетъ страшная грязь, такъ какъ зима еще не окончательно установилась, небольшая кучка людей идетъ вдоль деревни, направляясь къ жилищу своего пана. Тамъ у пана докладываютъ, что пришла „Коза“. Дѣти, если они есть въ домѣ, чрезвычайно рады появленію деревенскихъ ряженныхъ, извѣстныхъ подъ этимъ именемъ, и просятъ скорѣе ихъ впустить. Входитъ въ залу нѣсколько человѣкъ въ обыкновенныхъ своихъ костюмахъ, т. е. овчинныхъ кожухахъ, одинъ или двое изъ нихъ со скрипкой, а иногда и съ барабаномъ. Но самую „Козу“ едва ли можно было бы назвать такъ, если бы заранѣе ее не окрестили этимъ именемъ. Она въ такомъ же ко-

жухѣ, только вывороченномъ на изнанку. Во все время представленія коза ходитъ на четверинкахъ. Къ ея головѣ, закутанной и прикрытой незатѣйливою маской, приставлены коровьи рога. Заиграетъ музыка—и вся честная компанія начинаетъ пѣть „Козу“, при чемъ *Коза* переминается съ ноги на ногу, будто пляшетъ. По окончаніи пѣсни, *Козѣ* дарятъ деньги, и она со всею своею свитой отправляется дальше къ другимъ панамъ, если они есть въ сосѣдствѣ, или же къ своимъ зажиточнымъ односельчанамъ, чтобы снова пѣть, плясать и получать гостинцы.

(Зап. тою же).

8

(Тамъ же)

„Ого, го коза,
„Ого, го сѣрà!
„Гдзѣ ты бувалá?“
— Въ Турецкой землѣ.—
„Што ты робила?“
— Ягодки брала.—
„Кому дáвала?“
— Жоўнерамъ, жоўнерамъ,
— Злодзѣямъ, злодзѣямъ.—
„Чимъ цябе били?“
— Дубцами, дубцами.—
„Якими?“ — Березовыми.—
„Куда й ты уцекала?“
— Березниками.—*)
„Якъ ты плакала?“
— Я уцекала березниками,
— А все плакала, мигагала.
— Березниками уцекала.
— Черезъ то сельцо перебѣгала.
— Я и голодомъ перемирала.
— А ў томъ сельцѣ
— Лихіе стрѣльце
— Собиралися,
— Раховалися:
— Козыньку убиць,
— Шкуру злупиць
— И дуду пошиць. —

(Зап. тою же).

Эта колядная забава какъ и сама пѣсня очень древняго происхожденія и была, по всему видимому, весьма распространена на Бѣлой Руси. Она до сихъ поръ, какъ намъ извѣстно, еще существуетъ, кромѣ Минской, и въ Могилевской губерніи, и вѣроятно, и въ другихъ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ. Вотъ что говоритъ объ этой забавѣ Ромуальдъ Зенкевичъ въ своей книгѣ: „Piosenki gminne ludu Pinskiego“, Kowno 1851 г., стр. 37—44:

---

*) Вар.: берозенкою.

„Утромъ, въ день Новаго года, когда еще не утихли подъ окнами колядныя, продолжавшіяся во всю ночь, пѣсни, является тутъ колядная коза. П. М. Вишневскій въ своей „Исторіи польской литературы“ въ 1-мъ томѣ на 275 стр., говоря о баснѣ и апологѣ, доказываетъ, что Поляки, Словаки и Сербы, со временъ глубокой древности, въ образѣ ободранной до половины козы, посредствомъ хитрости съѣденной волкомъ, изображали нищету угнетенныхъ простолюдиновъ. Очень можетъ быть, что современная намъ колядная коза уже не знаетъ объ этой аллегоріи и что она является въ дома совершенно съ иною цѣлью, но это для насъ все равно; наше дѣло только сказать, что одинъ изъ деревенскихъ парней, который побойче и ловче, передѣвается козой, убранною лентами и колокольчиками, и во главѣ пѣсенниковъ и музыкантовъ, подходитъ къ дверямъ и окнамъ домовъ, комическою пляской привѣтствуетъ хозяевъ и уморительными жестами ловко поддѣлывается подъ смыслъ слѣдующей пѣсни, которую при этомъ крестьяне поютъ съ аккомпаниментомъ скрипки:

Го го го, Ко́зынька,
Го го го, сѣра,
Го го го, бѣла,
Ой, разходися,
Розвеселися,
По всему дому,
По весёлому!
Ой, поклонися
Сему господарю
И женѣ его,
И дѣткомъ его, и т. д. *).

Въ иныхъ мѣстахъ Руси ходятъ съ козой не во время святокъ, а на масляницѣ.

„Въ русскихъ поселеніяхъ Подляскаго воеводства по берегамъ Буга,“ пишетъ К. Вл. Войцицкій, въ своемъ сборникѣ: Piesni ludu Biało-Chrobatów, Mazurów i Rusi znad Bugu etc. Warszawa 1836. Tom 1, стр. 260—261, „подъ конецъ масляницы одинъ изъ рѣзвѣйшихъ парней наряжается козою и, сопутствуемый товарищами,

*) Продолженіе этой пѣсни см. въ книгѣ: «Бѣлорусскія пѣсни» (стр. 78 № 124), изданной г. Бессоновымъ, перепечатавшимъ ее изъ названнаго у насъ въ текстѣ сборника, безъ явныхъ указаній на источникъ. Ибо какъ № (35-й), подставленный подъ этой пѣснею,—какъ и другіе №№ подъ другими,—хотя правда намекаютъ на что-то, но пока остаются для читателя таинственными іероглифами, разоблаченія которыхъ неизвѣстно гдѣ искать. Въ предисловіи издатель не предупреждаетъ возможности недоумѣнія читателя на этотъ счетъ.

переодѣтыми стариками, цыганами и жидами, отправляется по селу потѣшать народъ и заходитъ на панскій дворъ. Въ то время, когда парень, прыгая, представляетъ козу, спутники его поютъ хоромъ:

Го! го! го! го!
Козо небого!
Вельможны панъ тебе,
Панъ проси до себе.
А дае тиби червоны золоти,
Хоць на чоботы.

***

А козо скачы,
Покиль тва сила:
Шобы сія коза неокозила!
А коза скаче
По пустыхъ борахъ
И по езёрахъ.
И по тыхъ печахъ по маловаяыхъ,
И по подлогахъ по мурованыхъ,
Спозри на грады,
Чи не ма здрады?
— Ой! есть тамъ здрада,
Старая баба:
Пироги пече,
Солому сѣче,
А сино смажы,
Пироги мажы.

Гаданья на Колядкахъ.

1) Бяруць напярстокъ соли, напярстокъ муки и напярстокъ воды и пякуць пирапялку (якъ блинъ круглый); одну половину зъядуць, другу кладуць подъ головы. Хто приснацца, той и будзець мужъ.

2) Первый блинъ, якой мацъ зпячецъ на *Богату Коляду*, на Василля (т. е. наканунѣ Новаго года), дочка возьмиць, поидзиць на крыжевую дорогу, тамъ яго зъѣсць и слухаиць, гдзѣ собаки забрешуць: ў тую сторонў выйдци замужъ.

3) Вымяцуць хату и вынясуць шумъ смяцця—соръ—на крыжевую дорогу и слухаюць, гдзѣ собаки забрешуць?

4) Ў вячоръ пирадъ Рождествомъ (наканунѣ Рождества) дзѣўки тынъ личуць *), приговаривая: „ци тынъ, ци тыница, ци тынъ, ци тынища.“ Коли выйдзець цотъ,—то замужъ выйдци, коли лишка (нѐчотъ), такъ нѣтъ.

5) Якъ нарождаицца мѣсиць, дзѣвица увидзѣў яго ў первый разъ, дакъ зъ подъ пяты зъ подъ правой возьмиць земли и говориць:

Молодзикъ молодой,
Твой рогъ золотой!
Соснися мнѣ той,
Хто будзець мой.

И увяжець гэту зямлю ў рукаў или платокъ, и когды спаць кладзецца, положиць яе подъ подушку.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь кстати дословную выписку изъ письма одного молодаго крестьянина Дисненскаго уѣзда (окончившаго курсъ ученія въ сельскомъ училищѣ) къ священнику У., къ которому мы обратились съ просьбой о сообщеніи намъ этнографическихъ данныхъ его уѣзда:

„Мнѣ еще извѣстно: предъ крещеніемъ, на кутью всякой хозяинъ долженъ вечеромъ взять всякаго сбожжа на полмисокъ, ходя крестить меломъ увесь свой домъ, и когда сядутъ ужинать, прежде начинаетъ хозяинъ, беретъ кутью ложкой три раза, положитъ на окно и говоритъ:

Морозъ, морозъ, ходзи кутью ѣсць!
По межахъ не ходзи,
Гороховъ не морози
И бобоў не морози.

Тогда зоветъ другой разъ:

Морозъ, морозъ, князю!
Ходзи кутью ѣсць разомъ.

„Назавтра встанутъ рано утромъ, дѣлаетъ хозяинъ кресты: кто идетъ куда первый разъ, хотя бы въ амбаръ — несетъ крестъ и положитъ его въ амбарѣ.

---

*) т. е. считаютъ колья въ плетнѣ.

„И когда сѣно беретъ на кутью къ столу, то даетъ только овечкамъ и коровамъ. Почему нельзя давать всѣмъ?—Потому что, говорятъ въ народѣ, овечка и корова, когда родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пришли къ яслямъ, отдали честь, т. е. не рушали Христа, а лошадь и прочіе выбросили нашего Господа вонъ зъ яслевъ.“

Волочебники.

(*Слуцкій у.*)

9

Да была ў бабки
Куръ коробушка.
Христосъ воскресе, Сынъ Божій *).
Да нанесли куры
Коробецъ яецъ,
Да пришли до бабы
Не ў годъ госци,
Да кукольнички
Своевольнички.
Подавала бабка
Да ўсѣмъ по яечку,
А бѣдной сироцѣ
Ячную лусту.
Тые пошли
Подскакиваючи,
А бѣдная сирота
Поплакиваючи.
Да вернися, сирота,
Тебя панъ кличе,
Да даруе ёнъ тобѣ
Коня воронаго.
Сирота бере,
Да не дзякуе.
Да вернися, сирота,
Тебе панъ кличе,
Да даруе ёнъ тобѣ
Сѣдло золотое.
Сирота бере,
Да не дзякуе.

10

Гдзѣ же мы ходзили,
Гдзѣ же мы бывали,
Христосъ воскресе, Сынъ Божій.
Да такого чуда
Нигдзѣ не видали.
Какъ ў нашего пана,
Нашего господара,
Посеродъ двора
Высокая гора.
Да на той горѣ
Садъ-виноградъ,
Налецѣли на садъ

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Райскіи пташки.
Сходзилася шура
Да буря
Садъ-виноградъ
Да поломала,
Райскіи пташки
Да отогнала,
Да зажуриўся
Панъ-господаръ;
Да яго жена,
Да разважквала:
Да не журися,
Пане-господара,
Садъ-виноградъ
Поприсаживаймо,
Райскіи пташки
Попринаживаемо,
На здоров і е
Пана-господара
И съ жаною
И съ дзѣтками.

(Сообщ. И. П. Татлинымъ).

11

(*Бобруйскій у.*)

Шли гули волочовнички *)
Волочовнички добрые молойцы,
Шли яны да дорогою,
Сустрѣкали яны Господа Бога,
Яны сустрѣли и ўклонилися. (2)
Господу Богу помолиўшися
Зашли яны къ бабцѣ старушки,
Яны зашли ўклонилися.
Дарила ихъ бабка по яичку,
Одной сироцѣ не зосталося,
Дае́ яму бабка курку рабушку.
Сирота не бере́ и зъ хаты нейдзе́.
Дае́ яму бабка пирогъ хлѣба,
Пирогъ хлѣба и кварту горэлки.
А сирота не бере́ и зъ хаты нейдзе́.
Дала ему ба́бка красную панну,
Сирота пошоў подскакуючи
Подскакуючи, подвякуючи.

(Зап. А. В. Вахрамѣева).

Слѣдующій варіантъ поётся дѣвушкамъ и молодымъ людямъ:

*) За всякимъ стихомъ повторяется: „Христосъ воскресъ Сыне Божій.“

12

(*Тамъ же*)

Шли гули волочовнички,
Шли яны да дорогою,
Пыталися славнаго сёла,
Честнаго двора.
Зайшли яны къ честному мужу:
Чи дома, дома, честный мужъ?
Ёнъ дома, дома, да не кажецца,
Въ червонны боты обуваецца,
До церкоўки собираецца,
Черезъ яго дворъ да Дунай цечé,
На этомъ Дунаѣ да биты пали,
Все дубовые, все дубовые,
У яго вороты мулеваные,
А подворотнички яго рыбьи косточки.
Черезъ гэтотъ мостъ
Ѣхала карета мулеваная,
А въ гэтой карецѣ красная панна,
А въ гэтой карецѣ сидзиць
Красная панна съ паничами,
А мы думали, што спдѳжа,
Ажъ Матка Божжа,
Яна сустрѣкала волочовникоў,
Волочовникоў добрыхъ молойцоў.
А въ лѣсѣ, въ лѣсѣ да на вересѣ,
Тамъ Иванька да коники пасé,
Яму дзѣвочка обѣдъ несé:
Сядземъ мы Иванька пообѣдаимъ,
Скажу тобѣ дзивное дзиво,
Што въ Святомъ Рожствѣ
Да рожа цвѣла.
Я-жъ тамъ сама была,
Все ее щипала,
И щипала вѣнки вила,
Вѣнки вила, на голоўку клала,

На голоўку клала,
Злóтничкамъ давала:
Вы злóтнички, вы работнички!
Скуйце мнѣ три надобычки,
Первый надобокъ—золотый кубокъ,
А другой надобокъ—шелковая хуста,
Трецци надобокъ—золотый персцень.
Въ золотымъ кубку—умывацися,
Шелковой хустой—уцирацися
Серебряный перстень—вѣнчацися.
А въ лѣсѣ, въ лѣсѣ да на вересѣ
Тамъ дзѣвочка да вóлы пасé,
А ей Ванька да обѣдъ несé:
Сядзь! мы, дзѣвочка, пообѣдаемъ,
А скажу тобѣ дзивное дзиво:
А въ Святомъ Петрѣ да Дунай замерзъ,
Я-жъ самъ тамъ быў да коня поиў
Конь воду пиў, копытомъ лёдъ биў.

(Зап. та же).

Свадебныя пѣсни Городокскаго уѣзда.

Заручины.

12

Зялёна по лугамъ трава,
Хуцъ ина зялена,
Косицъ будзимъ
На коняхъ на сиўцахъ
Возицъ будзимъ,
Ў пуню ў трисцень
Валицъ будзимъ.

Молодзенька княгинька ў бацьки.
Хоць ина молодзенька,
Будзимъ заручацъ,
Горкой горэлкой
Будзимъ запивацъ,
Звонкими гуслями
Будзимъ заигривацъ!

14

Чарочка моя!
Мидзяная моя!
По стоду чарочка
Похаживала,
Ўсихъ госцей
Припаивала,
Одного госцёчка
Ни упаивала.
Ня пьецъ ёнъ вина
Бизъ солодкаго мядочка.

15

Полящѣли пчолки на бродъ на мёдъ
Ли яго!
Ай пчолки идуцъ—мядокъ нясуцъ
Ли яго!
Будзимъ мы горэлку сыцицъ,
Будзимъ женишка поицъ.

16

Вышла княгинька за новы воротки,
Жалобно заплакала,
Ў ей матухна, ў ей рóдная
Выпыталася:
Дочўшка моя, родная моя,
Чаго жь ты заплакала?
Матухна моя, родная моя,
Якъ жа мнѣ не плакаци?
Ты мяне замужъ даешь,
Про долю ня вѣдаешь.
Якъ дасцъ Богъ долю,
Якъ дасцъ Богъ счасцца —
Хула тябѣ Божа!
Ни дасцъ Богъ доли,
Ни дасцъ Богъ счасцця.
Ой Божа мой, Божа!
Нихто мнѣ ни поможицъ,
И ручикъ ни подложицъ,
Поможицъ-ни поможицъ,
Ранняя ўставанійка,
Поздняя ўкладанійка.

17

Ў суботу на надзѣлю
Голубы налящѣли.
Княгинька ни ўвознала,
Ў мамки попытала:
„Мамухна моя, родная моя!
Штожь гэта за гóлубы,
Штожь гэта за сизые?
Бѣлъ кужыль повлычали,
Горошикъ разсыпали.
Дочухна моя, родная моя!
Ище жь ты дурненька!
Бѣлъ кужыль—косы твои,
Горошикъ—слёзы твои,
Голубы—сваты твои!

18

Бярозка зъ листкомъ
Ўсё лѣто шумѣла:
Лисційко моё, вѣцційко моё!
Ты мяне покидаешь.
Бярозка моя, бѣлая моя!
Я цябе ни покину,
Ў восинь спаду—
На вясну опяць буду,
Вѣццийкомъ махаць буду.
Княгинька зъ матухной
Ўсю ночку ни спали,
Ўсю ночку говорили:
Дочушка моя, родная моя!
Ты мяне покидаешь.
Мамухна моя, родная моя!
Я цябе ни покину,
Хоць замужъ зайду.
А ў госци ѣздзиць буду,
Съ тобой говориць буду!

(Сравн. въ живн. ярнихъ).

19

А хто жъ тамъ на конику
Ў бѣлинькимъ носо́вику,
По двору поѣзжаиць,
Княгиньку выкликаиць:
Княгинька, душа мая!
Прохутай вокошичка
Трошачку, нямножечка,
Покажи лицо свое,
Бѣлоя румяноя,
Красное бумажное!

20

Ишла княгинька горой, горой,
Логомъ садъ садзила,
Зъ родной мамкой говорила:
А мамухна моя, родная!
Поливай мой зялёный садъ.
Ни поливай садъ водой,
Поливай мой садъ сытой!
Отъ водзицы садъ блѣднѣиць,
Отъ сытицы зилянѣиць.
„Дзиця моё княгинька!
Коли удасца жиллё твоё
Призабудзишь на зялёный садъ
А ни удасца жиллё твоё,
Сама поллешь зялёный садъ
То тоскою, то бядою
То горючимъ слезамъ!

21

Досыць калина, досыць малина,
Ў лбзи стоящи.
И такъ калину, и такъ малину
Пташки обклювали.
Ни такъ жа пташки —
Якъ соловейки,
Ни такъ жа соловейки —
Якъ шѣры зязюльки.
Ни такъ зязюльки—
Якъ виробейки,
Ни такъ виробейки —
Якъ синіе синицы.

Досыць княгинька, досыць лябёдка,
У дзѣўкахъ сядзѣци,
Итакъ княгиньку, итакъ лябёдку
Уси людзи обсудзили.
Ни такъ людзи—
Якъ ближніе сусѣдзи,
Ни такъ сусѣдзи—
Якъ же подружки,
Ни такъ подружки —
Якъ родные сяструшки!

22

Хвалилася рабининка за ракой:
„Нихто мяне ня высикиць за водой.“
Похвалиўся на рабининку лютъ морозъ:
„Ой я цябе рабининка зморожу,
Твоё суччійко, твоё вѣцційко обломлю,
Твои красные ягóды обсыплю!“
Хвалилася княгинька ў татки:
„Нихто мяне отъ мамухны ни отымиць!“
Похвалиўся женишокъ на княгиньку:
„А я цябе, княгинька, отманю,
Таткину волю, мамкину нѣгу отгоню!“

23

Лящѣў соколя
Чиразъ три боры,
Ў чацвёртымъ борочку
Сѣў на дубочку.
А ў яго зязюля
Пыталася:
„Што табѣ, соколя,
Ўподобила:
Ци дубьё, ци яллё,
Ци бѣлая бяроза?“
Ничого, соколя,
Ни уподобила,
Ни дубьё ни яллё,
Ни бѣла бяроза,
Ўподобила соколю,
Шѣра зязюля.
Ѣхаў женишокъ
Чиразъ три сялы,
Ў чацвёртымѣ сялочку
Стаў на дворôчку,
А ў яго дзѣвычки
Пыталися:
Што табѣ, жанишокъ,
Ўподобила:
Ци е пиўцо, ци винцо,
Ци солодкій медъ?
Ништо мнѣ молойцу
Ни уподобила,
Ўподобила мнѣ молойцу
Молодая княгинька.

24

Ой вумная разумная княгинька
Ня вѣдала, што зъ вумнóсци дзѣлаци,

Заставила щиры боры копати,
А сама пошла чёрный мачикъ пахаци.
„О дай Божа штобъ мой мачикъ красинъ быў!
Ой дай Божа штобъ мой жанишокъ вясёлъ быў.“

25

Ягода зъ ягодой по бору росли,
Росли яны сокацилися,
Скоцюцца—не раскоцюцца.
Женишокъ съ княгинькой
По домамъ росли;
Росли яны, соходзилися,
Сыйдуцца—не разыйдуцца.

26

Передъ шлюбомъ, когда садятъ на посадъ.

Гдзѣ княгинька сядзиць,
Тамо луны ходзюць;
Отъ золота сцѣны щепуцца,
Отъ сирабра лаўки ломяцца,
Отъ ботъ яе мостъ горпць.

27

Послѣ заручинъ, на вечери.

Ни дзиви, княгинька, ни на кого,
Привучила жинишка молодого:
Своей рожею пригожею,
Своей красатой дзявоцкою,
Цихими своими походами,
Низкими своими поклонами,
Цихими походами ў таночку,
Низкими поклонами ў цирамочку
Своимъ сирдзечкомъ покорнымъ!

28

Ходзила козынька по ламу,
За ёй шѣрый воўкъ ў сляду:
Постой козынька хуць ходзи—ни ходзи,
Быць табѣ козынька зъѣдзяной,
Валяцьца рогамъ по лугамъ,
Цигацьца кишкамъ по пяскамъ...
Ходзила княгинька по саду,
А за ей женишокъ ў сляду...
Хуць ходзи-ни ходзи, княгинька,
Быць табѣ, княгинька, за мной!...
Цигацьца винкамъ подъ лаўкамъ,
Валяцьца истушкамъ подъ подушкамъ.

29

Послѣ шлюба, когда женихъ ѣдетъ съ поѣздомъ въ домъ къ молодой.

Ѣхаў женишокъ на кони,
Якъ яму на ўстрѣчу заинька:
„Дайця мнѣ стралў, я яго забью!“
Постой женишокъ, ни страляй!
Ни я табѣ дорожку пирабиў,
Ни я твоихъ коникоў попўдзиў,
Ни я твою княгиньку погудзиў;
Пирабиў дорожку сивы воўкъ,
Попудзили коникоў мядзвѣдзи,
Погудзили княгиньку сусѣдзи!

30

На дворѣ невѣсты.

Ўзыйшоў мѣсицъ надъ избой,
Ўзвеў зориньку за собой:
„Вотъ табѣ Божинька полуно щница,
А мнѣ, мѣсицу, полусвѣтница!
Ўзъѣхаў жанишокъ на бацькинъ дворъ,
Ёнъ ўзвёзъ княгиньку за собой:
„Вотъ табѣ, татынька, разувальница,
Вотъ табѣ, мамухна, посцельница,
Табѣ, брацицъ, жартоўница,
А вамъ, сястрицы, косоплётница,
А мнѣ, молойцу, молода жена!

31

Бояры пышные, гарные вы мои!
Чуиця видзиця—да ни кажиця,
Што моя разлука по полю ѣдзиць.
Бояры пышные, гарные вы мои!
Чуиця видзиця—ды ни кажиця,
Што моя разлука ў хату лѣзиць.

32

Въ домѣ невѣсты.

Боярычки подманычки вы мои
Зрадзили подманили вы мане,
Казали—пойдземъ ў зялёный садъ гуляци,
Казали—будзимъ цвятки щипаци;
Сабѣ звили зъ руты, зъ мяты, зъ лилеи,
А мнѣ звили зъ колкаго ялёнцу.
Ялёнецъ косицъ,
Голоўку клоницъ
Божа мой!...

33

Ой зима моя, ой холодная!
Чаго рана настава̀ла?
Што жъ я за рано, што жъ я за поздно,
Коли моя пора прійшла!
Листочикъ падзецъ, травицу кладзецъ.
А ўжа жъ лихая пора прійшла.
А ты, княгинька, а ты молода!
Чаго рано замужъ пойшла.
„Што жъ я за рано, што жъ я за поздно?
Коли моя пора прійшла!
Татухна даецъ, жанишокъ бярецъ
Ўжо моя пора прійшла!“

34

Когда выкупаютъ невѣсту.

Раниньк̀а соўнійка ўсходзила,
Княгинька бацькины клѣтки отмыкала,
Чистое сярабро вынимала.
„Княгинька дзитятка, ня ўсё бяри!“
Татухна мой родниинькій, многа надо,
Я пойду ў хату богатую, ў сямью великую,
Мнѣ надо дзивяроў пожаниць,

Мнѣ надо золовокъ повыдаць;
Дзивяроў пожаню—симья будзиць,
Золовокъ повыдамъ—госци будуць.
То моя сямейка
Госцйки мои любимые!
Мнѣ жь молодзѣ честь, слава!

35

Куды, куды, солоўюшка, поляцишь?
„Полячу я чиразъ поля ў садокъ,
Тамъ мяне ўси пташки ўлюбили,
Промежъ сябе ў сирадочку садзили,
И красными ягодами кормили,
Солодкой сыцицей поили,
И шѣрую зязюльку ўдарили.“
„Куды, куды, женишокъ, поѣдзишь?“
Я поѣду чиразъ городъ да й ў сяло,
А тамъ мяне ўси дзѣвачки ўлюбили,
Промижъ сябе ў сяродку садзили,
И пьяными напитками поили,
Сахарными закусками кормили,
И красную княгинику ўдарили?

36

Княгинька по городу ходзила,
Съ краскамъ говорила:
А милые мои краски!
Мнѣ васъ ни щипаци,
Вяночки ни звиваци.
Одзинъ была звила
И того ни зносила.
Повѣшала ў новой клѣци,
На жалѣзнымъ пробои,
На таткинымъ походзи,
На мамкинымъ поглядзи.
А мой татка пойдзиць,
На мой вѣнчикъ глянинь,
Про мяне ўспомянець,
Моя мамка глянинь,
Слезнинька заплачиць.
Ай Божа мой, Божа!
Гдзѣ жъ моё дзитятка?
Ци ў бору ў брусницахъ,
Ци ў лозы ў калини?
— Кали ў бору ў брусницахъ,
Дыкъ бы борочки шумѣли,
А ў лози у калини,
Дыкъ бы лясочки звинѣли!

37

Стояла князинька подъ вянцомъ,
Чисала голоўку грибянцомъ.
Ўронила грибянецъ подъ вянецъ.
„Подай женишокъ грибянецъ!"
А якъ табѣ, князинька, ни молодзецъ,
Ёсць ў цябе коло боку подружка,
Подасць грибянець ў руки.

38

Въ домѣ невѣсты за столомъ.

Ляцѣли гусыньки да ни гогали,
Только одна гусынька ды й загогала...
Чуиць ина зимухну студзёную,
Чуиць ина морозы траскучіе,
Чуиць ина замяцѣли поўзучіе...
Сядзѣли дзѣвыньки ды ни плакали,
Только одна князинька заплакала...
Чуиць ина свикратка журавливаго,
Чуиць ина свякроўку ворчливую,
Чуиць ина дзивяроў пирасмѣшникоў,
Чуиць ина золовокъ колотовокъ.

39

А ўчора рѣчинька быстра ишла,
Сягодни рѣчинька циха идзешь.
„Осѣў жа мяне бѣлый снѣгъ,
Повярху наросъ—лютъ морозъ."
Ўчора князинька васёла была,
А сягодни циханька?
Чагожъ ина циханька?
Затымъ ина циханька,
Што кола ие чужйна,
Женихова дружйна!

40

Когда невѣсту ведутъ въ домъ жениха.

Якъ ў городзи на черназеми
Выросла канаплинка,
На той коноплинцы
Зязюля куковала.
Князинькина мамка
Ранинька ўставала,
Бѣлинька ўмывалася,
Сухонька ўциралася,
На ганокъ выходзила
Зязюлю слухала,
Шѣрую проклинала:
Богдай зязюля,
Богдай шѣрая
Вѣкъ вякомъ ни кукувала!
Откукувала, отщибитала
Мнѣ вѣрную службу,
Родную дочушку,
Раннію ўставанійцу,
Позднюю ўкладанійцу.

Якъ у горбдзи на чирназеми
Выросла конопелька,
На тэй конопельцы
Зязюля куковала.
Женишкова мамка
Ранинька ўставала,
Бѣлинька ўмывалася,
На ганокъ выходзила,
Зязюлю выслухáла,
Шѣрую поздраўляла:
Богдай, зязюля,
Богдай, шѣрая,
Вѣкъ вякомъ кукувала!
Прикукувала, прищибитала
Мнѣ вѣрную службу
Князиньку нявѣхну,
Раннюю ўставанійцу
Позднюю ўкладанійцу!

41

Кланялася дуброўка
Зялёному дубу:
„Спасибо дубочикъ
За стоянійка!
Я ў цябе, дубочикъ,
Настоялася,
Суччійкамъ, вѣцційкамъ
Намахалася!“

Кланилася князинька
Родному татку:
„Спасибо татухна
За гулляннійка!
Я ў цябе, мой татухна,
Нагулялася,
Ў будзинъ дзень ў сирабры
Ў святый дзень ў золоци!

42

Со двора князинька зъѣзжала,
Вярхушку ў бярозки сорвала!
Стой, моя бярозка, бизъ макушки,
Живи, моя матухна, бизъ дочўшки.

Мы будзимъ, матухна, вячерыць,
Повячеряўши дзялиција:
Табѣ, матухна, кўблочки
А мнѣ, матухна, трўбочки.
Пошла матухна ў хату—дочки нѣтъ!
Пошла матухна ў клѣць—кубла нѣтъ!
Вышла за вороты—только слѣдъ!
Гдзѣ сивые коники заржали,
Туды мою дочўшку помчали,
Куды гэта травухна прилажóна
Туды моя дочушка повязёна!

43

Цёмная мгла
Къ зямлѣ прилигла,
Наша княгинька
Ракóй працикла.
За ей брахалка
Сцежкамъ, дорожкамъ,
Крутымъ биражкамъ.
„Постой сястрица,
Поговоримъ съ тобой!“

— Некoли мнѣ стояць,
Неколи говорицъ;
Коника ни ўдзиржаць,
Жинишка ни ўеднáць.—
Постой, брахалка,
Постой, роднинькій,
Поговоримъ съ тобой!
Коника ўдзиржала,
Женишка ўеднáла!

44

На двори дожжокъ каплицъ,
А ў женишка шапка мякницъ,
Попытай-ка ў яго:
Ци ня любицъ ёнъ кого?
Ой любицъ, ёнъ любицъ
Рыбку краснокрылку,
Княгиньку чирнобрыўку.

45

Скрипучая дзираўцо
Жанишокъ ў татки!
Приѣхаў къ воротамъ,
Стукнуў ботомъ:

Отопри, татухна, вороцики!
Ўжо жъ мои коники
Пирабѣгалися,
А ўжо жъ моя княгинька

Пираплакалася,
А я молодзецъ
Пиразабся!
Моя дудочка
Пирайгралася,
Маи свацціюхны
Пирапѣлися!

46

Шѣрый гусь ляцить-кричиць.
„Ни кричи, шѣрый гусь, нидалёка уляцишь
На чужое возеро къ чужимъ лябёдкамъ,
Чужіе лябёдки—яны и бьюць, и клююць,
Воды пиць ни дающь, зъ возира вонъ гонюць!“
Ай ни плачъ княгинька, нидалёка идаешь,
Къ чужому бацюшки, къ чужой матушки,
Чужій бацюшка ни жалѣиць,
Чужая матушка немилослива!

47

Когда невѣсту вводятъ въ домъ жениха.

Ци ня цесанъ цярёмъ, ци ня цёсанъ?
Ня цёсанъ царемъ, ня цёсанъ,
Тольки хорошо намощенъ.
Ни хорошъ, ни пригожъ жанишокъ,
Тольки хорашо суражóнъ.
Ци ня стыдно табѣ, женишекъ,
Ў поли стояци бязъ стрѣлки,
На цясцёвоимъ дворѣ бязъ дудки?
Дайця мнѣ стралу каляную,
Пробью я сцяну, дзирвянýю,
Повяду княгиньку зъ цирамў,
Постаўлю зъ сабой ў раду!

48

Поѣзжане домоў ѣдуць,
Княгиньку тутъ кидаюць,
Женишку ў прикази:
Ня бійця дубцами,
Навучайця слоўцами,
Ня бійця вяровками,
Навучайця говорками,
Отъ дубцоў дурнѣиць,
Отъ слоўцоў разумнѣиць!

49

Ў панадзѣлыкъ рана
Заплакала молодая,
Што свякроўка лихая:
Якъ мнѣ къ ней пристаць
И работки попытаць?
Пойду я на рынокъ,
Куплю стаканъ мёду,
Свякроў привитаю,
Работки попытаю:
Свякроўка моя мамка!
Покажи мнѣ работку
Ўсю свою заботку!

50

А што жъ то за зелійка,
Синее коренійка
Ў горо́дзи расло, расло.
Чиразъ тынъ хилилася,
Вѣточки зносилися,
Ягодка скацилася,
Ў бороздку завалилася.
Што жъ то за дзѣтухна,
Княгинька ў татки?
А ў татки расла, расла,
А ў мамки кохалася,
Жанишку досталася!
Жанишокъ вяликъ, вяликъ,
Княгинька малёшинька.
Съ женишкомъ, роднёшинька!

51

Ай звонка, звонка сосонка!
Ни яжъ то звонка—стрыженъ мой.
Я боромъ ишла шумѣла,
Я дорогой ишла звинѣла,
Ай славенъ, славенъ женишокъ!
Ни яжъ то славенъ—татка мой,
Пусцнў славухну на ўвесь свѣтъ,
Ожаниў молойца на ўвесь вѣкъ!

52

На другой день, когда поднимають молодыхъ.

Добрая пора настала,
Княгинька по мамку прислала.
Чирвонная рожухна—жоўтый цвѣтъ,
А штожъ моей матухны доўга нѣтъ?
Послалабъ послоў—ня смѣю,
Послалабъ письмо—ня ўмѣю,
Ябъ сама пойшла—боюся.
Ў поли сто́рожа стояла,
Тая бъ мяне сторожа поймала,
По русой косынькѣ спознала.
Была гэта косынька подъ вянцомъ,
Стояла гэта косынька надъ вянцомъ.

53

А ў садзи ў винаградзи
Тамъ цясовая кроватка стоиць,
Тамъ жанишокъ съ пахмѣлля ляжиць,
Пирадъ имъ княгинька стоиць,
Винную чарку ў рукахъ дзяржиць,
Садовой яблочекъ на тарелочкѣ,
Ўстань, жанишокъ, пробудзися!
Ты выпій чарочку, похмялися!
Садовой яблочекъ на закусочку;
Кабъ твоя голоўка ни болѣла,
Рециво сярдзечка ни злобила?

54

Казали ни хорошъ, ни пригожъ,
Ажнуль ёнъ пригожухонякъ и хорошухонякъ,
Тольки бъ яму при гóрадзи жици,
Тольки бъ яму суды судзици,
Жанѣ яго пирасўживаци,
Дзѣткамъ яго пирапйсываци
Слугамъ яго пирачитываци!

55

Сваты ў хату лѣзуць,
Куры падъ клѣць лѣзуць.
Ня бойцися, курки,
Нямножко васъ надо:
Семъ соть на вячеру
А восьмая на пячення,
Дзивятая на снидання
Дзисятая на отъѣзжання,
А гуська на закуску,
Индычка на затычку.

(Записаны всѣ Н. К. Шимковичемъ и сообщ. С. К. Шимковичемъ).

Свадебныя пѣсни Городокскаго у., Езерищинской и Куксинской волостей.

56

(Заручины).

Съ-подъ высокога циряма
Росла травынька зялена,
На той травоньки конь воронэй,
А на конику сидзѣльца,
На сидзѣльцу Сопронька
И ёнъ зъ коникомъ говориў:
„Завязи мяне на гору
Ко высокаму циряму,
Гдзѣ бояре мяды пьюць,
Тамъ боярочны вянки вьюць,
Молоды свацюхны пѣсни пѣюць,
Тамъ намъ Гапульку отдадуць“.

57

Раниньва соўнинька ўсходзило,
А ранѣе того Гапулька ўставала,
Ближнимъ сосѣдзямъ докучала,
Ситы, рашоты доставала,
Мамкину волю разсiвала,
Свякровину няволю къ сабѣ брала.
Мамкина волинька минуицца,
Свякроўкина няволя со мной будзиць.

58

Ляцѣў соколъ чаразъ три луга,
Ляцѣў ды сѣў на дубу.
А ў яго зязюля пыталаси:
„Штошъ табѣ, соколе, спадобалося?
„Ци дубъ, ци яллё, ци бѣлая барёза?“
— Ничого соколю не сподобалося,

— Сподобалася́ тольки шѣрая зязюлька.—
Ѣхаў Сопронька чиразъ три сялы,
На чатвертымъ сялѣ стаў на дворѣ,
А ў яго бояре пытаюцця:
„Што табѣ, Сопронька сподобалося:
„Ци пиво, ци вино, ци солодкій мёдъ?“
— Ничего Сопроньку ня сподобалося.
— Сподобалася Сопроньку молодая Гапулька.—
(Всѣ 3 зап. св. Н. К. Шимковичемъ и сооб. С. К. Шимковичемъ. Дальше всѣ пѣсни безъ подписи изъ этого же источника).

59

(Куксинская волость)

Зъ чистаго поля вѣтры вѣюць,
Зъ Новаго города госци ѣдуць.
Ай выйдзи Елисаветка перейми госцей:
Гэто твои госци любимыи.
Ай возьми коника за броточку,
Ай ведзи коника ў стаинку,
Дай конику сѣна, броку.
Ай возьми Сцепаньку за рученьку,
Ведзи Сцепаньку за цесовый столъ,
Дай ўсе Сцепаньки вина зелена.
Конь воронэй не ѣсць, не пьець,
Князь маладэй не покушаиць.
Конь воронэй дорожку чуиць,
Князь молодэй жениццяя.

60

Хто тамъ ў насъ ў церами цихо говориць?
Систра брата навучаиць:
Поѣдзишь ты брахалька жаницися,
Ѣдзь, ты ѣдзь Сопронька, ня стой!
Ў цябе конючикъ чужій, ня свой.
Ня станови коника подъ рабиной,
Рабина дзерево ня счасливая:
Зъ-подъ комля рабину водой мыиць,

Посиродъ рабины черви точуць,
А зъ макушки рабины птицы клююць.
Останови конична подъ ягорой,
Ягоро дзеревцо счасливоя,
Зъ-подъ комля ягора сытой мыиць,
Посеродъ ягора пчолки бруюць,
А зъ макушки солоўи пяюць.

61

(*Тамъ же*)

Тонка, тонка сосенка!
За то я тонка, што ў бору.
Служиў Иванюшка ў короля
И выслужиў коня, якъ орла,
Сѣў на коня, якъ жоўнеръ,
Ўзяў Сцяпутку за коўнеръ.
„Стой, Сцяпутка, ня дрожи“.
— Ня ў тыи руки попала
— Штобъ я дрожала,
— А ў тыи руки попала,
— Штобъ цихохонько стояла.—

62

Черазъ боръ зелениньки
Бѣжиць коникъ вороненьки,
А за нимъ погонь бѣжиць—
Молодзеньки Якубка.
„Тацюшинька, душа моя!
„Перейми коня мойго,
„Коня мойго вороного,
„Мяне князя молодого“.
— Я-жъ-бы рада перенянь,
— Да боюся отца и маць,
— Будуць людзи гукаць.—
„Тацюшинька, душа моя!
„Ты ня бойся никого,
„Ты ня бойся никого,
„Оприч Господа Бога,
„Оприч Господа Бога,
„Меня князя моладога“.

(Обѣ сообщ. Шт. Смотр. М. П. Сахаровымъ).

63

Въ домѣ невѣсты передъ пріѣздомъ жениха.

Соколъ, соколъ на вылёци,
Красно соўнце на выкаци,
Андрейка на выѣздзи,
Сестры яго проводзили
И зъ имъ говорили:
Андрейка, нашъ брацецъ!
Поѣдзишь жанишися

Кола саду зяленаго,
Кола пиру васелаго,
Выйдзиць къ табѣ танокъ дзѣвокъ,
Выйдзиць и други танокъ:
Одзинъ танокъ ў золоци,
Други танокъ ў серебри.
Ты на золото ня гаься
А на сирабро ня квапься.
Твоя дзѣўка знакомая,
На ей сукня зяленая,
На голоўки пярловъ вѣнчикъ,
На ручиньки золотъ пярсцень.
Подумай, Ганутка, сама сабѣ:
Ци будзиць волюхна, якъ ў татки была?
Ци будзиць нѣгухна, якъ ў мамки была?
Ци будзиць Андрейка гулядь пускаць,
Хоць пусциць да не раннинька,
Дасць погуляць да нямножечка,
Нада успѣваць посцельку слаць
Съ Андрейкомъ, съ Андрейкомъ спаць.

64

Когда невѣста сидитъ въ клѣти.

Дзиўная бяроза на пригорку стояла
И ўсихъ пташечекъ собрала.
Мижи тыхъ пташечекъ зязюлька
Слезно жалосно кукуиць,
Ажны зяленая траўка къ зямлѣ прилегаиць,
Разовыи цвяточки ў поли разцвѣтаюць.
Дзиўная комора серодъ рыночку стояла,
Ўсихъ дзѣвочекъ собрала.
Мижи тыхъ дзѣвочекъ Гапулька
Сильна жалосна плачиць.
Хоць жа плачь, ня плачь, Гапулька,
Быць табѣ, Гапулька, за мною,
Слыць табѣ, Гапулька,
Вѣкъ моей жаною!

69

После вѣнца, въ домѣ молодой.

Ня мѣла Гапулька вѣраньки:
Ци мой, ци ня мой Сопронька?
Тогды яна вѣраньку понела,
Якъ Сопроньку за ручку ўзяла,
За таткинъ столокъ завела,
Посадзила яго на куцѣ,
Якъ золоты пярсцень на руцѣ,
Якъ золотому пярсценьку змѣны нѣтъ,
Дыкъ молодому Сопроньку зганы нѣтъ.

70

Въ домѣ молодаго.

(*Куксинская волость*)

Не куй, Сцепанька, ножичекъ,
Подкуй, Сцепанька, коника,
Ня полемъ поѣдзешь, а дорожкаю,
Дорожкай будуць борочки шумѣць,
Ай выйдуць людзи глядзѣць:
Панъ ѣдзиць Сцепанька,
Ти паню везець Елизаветку?
Ай панъ нашъ ѣдзиць Сцепанька
И паню вязець Елизаветку.

71

Сянни рѣчинька быстра ишла,
На завтра рѣченька смутненька,
Прициснуў яе лютъ морозъ.
Сянни Тацюшка весела была,
На завтра Тацюшка смутненька,
Обнела яё чужина,
А ўся Якубкина родзина.

72

А хто ў насъ хороши, а хто ў насъ пригожи?
Ай люли, люли, ай люлешиньки *)!
Якубка хороши, Якубка пригожи,
Ёнъ коники имаець, а коникъ играець;
На коня садзиццця, коникъ веселиццця,
Ёнъ по лугамъ ѣдзиць—луга зеленѣюць
Ёнъ кола саду ѣдзиць, а садъ разцвѣтаиць,
По вулицѣ ѣдзиць, а вулица стогнець,
На дворъ ўзъѣзжаиць, Тацюшичка выбѣгаиць:
Ай панъ мой хороши, ай панъ мой пригожи!
А я цябе ждала, посцеленьку клала,
Посцеленька бѣленька, а я молодзенька.

73

Ѣхаў Якубка чиразъ боръ,
Яго кудзерки чиразъ дворъ.
Людзи кажуць „сынъ попоў!"
А Тацюшка кажиць: „соколъ мой!
Прилетай-жа ко мнѣ ў мой дворъ,
На мою вечерку сладкую,
На мою перину мягкую,
Вечеря смашная ў пѐчи,
А перина мягкая ў клѣци."

(Всѣ 3 сообщ. Шт. Смотр. М. П. Сахаровнмъ).

74

Когда молодая съѣзжаетъ со двора.

Зъ двору Гапулька зъѣзжала,
Вярхушку бярозы сорвала.
— Росци, моя бяроза, безъ вярхушки,
— Живи, моя мамухна, безъ дочўшки.
— Ци такъ табѣ будзиць, мамухна, безъ мяне?
— Ци будуць сватови ѣзжаци?
— Ци будуць медъ вино возици?
— Ци будуць цябе, мамухна, поици?—

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

75

Гдзѣ родзилася, ня была,
Туды мяне мамухна отдала.
„Ѣдзь, моя дочушка, бязъ кýбла,
„Ты мою кудзельку ня скубла.“
— Чему жъ мяне, мамухна, ня будзила
— Ябъ твою кудзельку скруцила,
— Напрялабъ просцень зъ бирясцень,
— Намотала бъ ўюшку зъ кадушку.—
Пошла матка ў клѣць — кубла нѣтъ,
Пошла матка ў хату—дочки нѣтъ,
Выйшла за ворóты — тольки слѣдъ.
„Куды гэта травушка приложóна,
„Туды моя дочýшка увязёна;
„Куды сивы конички заржали,
„Туды мою дочушку умчали“.

76

На другой день, въ домѣ молодой.

Выкацили, выкацили дубовую бочку,
Выманили, выманили отцовскую дочку,
Лихо матки ў грудзи, отдала дочку ў людзи,
Кольнуло матки ў пятки, некому вымесци хатки.

77

Свадебныя припѣвки во время танцевъ.

А ў печи перапечи,
На припечку жаръ, жаръ,
Любилися, кохалися,
Разстацися жаль, жаль!

78

А гдзѣ жъ тая крыничинька,
Што голубъ купаўся?
А гдзѣ жъ тая дзяўчиночка,
Што я залицаўся?
А ўжожъ тая крыниченька
Даўно замуцона,
А ужо-жъ тая дзяўчиночка
Даўно заручона.

79

А што ў цябе дзяйчиночка,
Якъ ў вýтки носокъ?
Кола рѣчки ходзила,
Жировала пясокъ.

80

Цячець, цячець ручаечикъ
Зъ зяленаго саду,
Бяжиць, бяжиць мальчишичка
Къ дзѣўцѣ на пораду:
„Порай, порай, дзяўчиначка,
Якъ родная маци:
Ци мнѣ цяперь жаницися,
Ци восени ждаци?“
— Я жъ табѣ, мальчишичка,
И раю, и ни раю,
Бо я зъ табой пью, гуляю,
А другога маю.

81

Ты думаишь, мальчишичка,
Што я табѣ рада?
А я табѣ, мальчишичка,
Валикая здрада.
Ты думаишь, мальчишичка,
Што я цябе люблю,
А я цябе, мальчишичка,
Ды на вѣкъ згублю.

82

Хуць я худа, хуць я худа,
Дыкъ мой бацька богатъ:
Якъ купиў мнѣ башмачочки,
Дыкъ запятки скрыпяць.
Якъ я выйду на вулицу,
Ўсе мальчишки глядзяць.
А глядзице, ня глядзице,
Ды ня вы мнѣ купили,
Мнѣ татулька купиў,
Кабъ Пятрулька любиў.

83

Во время танцевъ молодежи, старухи, сидя за столомъ, поютъ.

А ў нашего свата
Богатая хата,
Три колы убито,
Хворостомъ накрыто.
А за хатой рожа,
А ў хацѣ пригожа,
за хатой мята,
А хата богата:
Зъ пирогоў печки збиты,
Блинами покрыты,
Залатое подстрѣшишка,
Въ сяредзинѣ вяселика!
А у нашей свацци
Дзиўное вяселле:
Пятухъ ѣсци варицъ,
Гусакъ отливаицъ,
Индыкъ на столъ носицъ,
Силязéнь госцей просицъ:
Ой сватку, мой сватку!
Ходзи ко мнѣ ў хатку,
Попивай мойго пива,
Поглядзи мойго дзива.
Мнѣ пива ня дзива,
Горѣлка ня зварина.

84

Пѣсни на привозъ невѣсты къ свекрови.

Отчини, свякроўка, вoконца
Вязуць табѣ нявѣсту якъ соўнца.
Ой выдзи, мамухна, поглядзи!
Кого мы табѣ привязли?
Привязли скрыни, пярины
И молодую киннягиню.

85

А нявѣстухна моя!
Пирамѣнухна моя!
А туды-сюды пошлю,
Напиродъ сама пойду,
А нявѣста за мною,
Якъ громъ за молоньею.

86

А госцики любовыи просимъ васъ:
И пійце вы и гуляйце, якъ мы у васъ!
А ваша зязюля тутъ ў насъ.
Хоць вы яе тоўчи, молоць загадайце,
Тольки яе ў крыўдоньку ни ўдайце,
Хоць вы яе за водзицей пошлице,
Да тольки жъ ей ўсю праўду кажице.

87

А свацціюхна лябедухна, ня тужи!
А мыжъ яе ня ў наймитки наймали.
Якъ будзиць нашу хатаньку помитаць,
Ня нада нашей шуманьки раскидаць,
Да нада за угломъ ножанькой притаптаць.

88

Ѣдзь, ѣдзь, Сопронька, да ня стой!
Ў цибе конючикъ чужій, ня свой.
Ня станови коника подъ рабиной:
Рабина—дзеревцо несчастливоя;
Зъ-подъ комля рабину водой мыець,
Посеродъ рабины черви точуць,
А зъ макушки рабины птицы клююць.
Останови конечка подъ ягорой,
Ягора—дзеревцо счастливоя:

Зъ-подъ комля ягора сытой мнецъ,
Посеродъ ягоры пчелки бруюць
А зъ макушки солоўи пяюць.

89

Кони мои, кони вороные!
Надзѣйцесь на силу,
Ти привязеце кинягиню?
Мы надзѣемся на силу,
Привяземъ кинягиню
Подъ тую гору крутую,
Подъ тую церкоў святую.
„Попе, попе, бацько нашъ,
Вѣнчай свадебку ў добрый часъ!"
Ня попъ свадьбу вѣнчаець,
Добрая годзина злучаець.

90

Куковала зязюлька ў борочку,
Прихинуўши голоўку къ листочку,
Куковаўши казала: „Боже мой, Боже!
Кто мои яечки поберець?
А кто мое гнѣздечко разрыець?
Поберуць яечки конюшки,
Разрыюць гнѣздечко пастушки".
Плакала Марьюшка за столомъ сѣдзя,
На подружекъ гледзя.
Ахъ, хто мою косыньку расплецець?
Расплетуць косыньку браценьки.

91

А хто тамъ за сянѐмъ постукаиць,
Андрейка коника тамъ сидлаиць,
Андрейка коника навучаиць.
Кося мой вороненькій, ня выдай мяне,
Ня выдай мяне на чужой сторонѣ,
Пирискочь чиразъ трое воротъ.
Первыя вороты отъ роднаго татки,
Другія вороты ў чистое поле,
Трецци вороты къ цясцю на дворъ.

Цещухна мамухна по сѣнямъ ходзиць,
Бѣлаго лебидзя на рукахъ носиць,
Красную ягодку ў кубочку,
Бѣленькій лебидзекъ—Андреюхна.
Красная ягодка—Ганухна.

92

Поцише вы, сваты, зъ горы!
Не растресице перины,
Не выпусцице звѣрины.
Ўсю ночь безъ шапокъ стояли,
Покўль гэту звѣрину поймали.
Отломиў три розги бярозки,
Сиканyў коня подъ ножки,
Бѣгиць конь мой рысь-рысью,
Къ мойму татки съ корысью,
А къ мамкѣ съ радостью.

(Всѣ записаны учителемъ народнаго училища г. Коробовымъ).

Свадебныя пѣсни Себежскаго уѣзда.

93

На заручинахъ.—Когда невѣста пьетъ за здоровье будущихъ родственниковъ, подружки поютъ:

Сватки любимые!
Насъ поглядзиця,
Сами сябе покажиця.
Наша нявѣста
Ня кривая, ня хромая,
Тонка, прама,
Звонка ткала
Бѣла бялела,
Вамъ дары спраўляла.
Погосциця, мои госцики!
Погосцице побясѣдуйця!
Ў моего бацюшки пива варена,
Зялена вина понакурена,
Да вы пиця зяляно вино,
Пиця пиво пьяноя.

94

Отправляясь въ поле съ двумя подругами, невѣста поетъ:

А мы пойдземъ, сястрицы, ўдоль по улушки,
Мы походзимъ погуляимъ, покрасуимся.
Накрасуйся, моя буйная головынька,
Находзицесь, мои скоры ножиньки,
Примахайцесь, мои бѣлыи руценьки.

Мы пройдземъ далече во чиста поля,
Мы крикнимце, сястрицы, громкимъ голосомъ,
Пусцимъ гулы по зяленымъ лісамъ,
Отголосоцки по подзямельямъ.

95

Возвращаясь съ поля.

Ворóцимщесь, сястрицы, со цяста поля,
Оттуль вѣюць вѣтры буйные, холодные,
Сорываюць со головушки золотъ вянецъ,
Накладываюць на голоўшку заботушку,
На рацивó сердзецушка зазнобушку.
Была одна коса, да дзвѣ волюшки,
А цяперь двѣ косы ды одна волюшка,
Одна волюшка ды и тая нявольная.
Вы идзице, сястрицы, цюхохонька,
Ўкладзице ўсё слядóчки поцясцехонька,
А я буду поливаць ихъ горяцымъ слезамъ,
Ўкрываць злой крупынушкой.
Ци ня судзиць Богъ идци къ майму бацюшку,
Къ тому, кого нѣтъ въ живыхъ.
Ґэтому дзиву дзивоваўся:
Кали гэта краса красовалася,
На родзимой сторонушки осталася.

96

Въ деревнѣ, подходя къ первому дому.

Вы ня гницесь, сяни новыи,
Пиракладоцки дубовыи,
Ни княгиня тутъ идзе, ни боярыня,
Тутъ идзе бѣдная горюша съ горацимъ слизамъ.
Пошибая свои бѣлыи руценьки,
Прижимая къ рециву сердзецушку.
Отопритка, моя родзимая цетанька,
Ня томи мяне горюшу молодзелиньку.
И такъ я, горюша, утомилася.
Ты хваци мяне за буйную голоўшку,

Науци мяне горюшу уму разуму,
Ума разума многа нада:
Ицци мнѣ ў чужи людзи.

97

Приглашая на свадьбу.

Приходзице мои сусѣдзи приближённыя.
Приходзице на смиренную бясѣдушку!
Ни я васъ прошу, просиць бацюшка
Ко мнѣ молодой на кручинушку.

98

Когда дружко обуетъ невѣсту.

Спасибо табѣ, друженька,
Вѣрны служинька,
Што прибулъ горюшу
Цѣлехонька —
На Божи свѣтъ ступиць,
Къ Божжиму дому,
Къ золотому красту пойци,
Къ вянцу суженому.

99

Передъ вѣнцомъ. Причитанье невѣсты.

Пирайми мяне, жалобная мамонька,
Обхваци мяне за буйную голоўшку,
Да прицисни къ рециbому сярдзечку!
Навуци мяне горюшу уму разуму,
Много нада горюшѣ ума разума.
Ня дали горюшѣ подняцьца на скоры ноги,
Ня дали собраццa со ўсею силою.

100

Ня сядзи-тка, мой разумный татанька,
Подъ косятымъ подъ вокошеўкомъ,
Бяри-тка оганецку Божжу искру,
Затапи-тка свяцу воску ярога—
Помолицьца мнѣ Присвятой Богародзицы
Ды святому Христову Воскресеньицу.
Цымъ Господзь надзѣля, цымъ обрадуя?
Бослави-тка, мой кормилицъ, родный татанька,
Выйци мнѣ на широкую вулицку,

Походзиць мнѣ, погуляць, покрасовацьца
Со сястрицамъ со лябедушкамъ,
Съ милымъ подружкамъ.
Бославице, мои братци соловеинки,
На широкую выцци мнѣ вулицу!

101

Обращаясь къ будущей свекрови:

Ты прощай, моя милая,
Прощай, дорогая!
Я тогды съ тобой прощуся,
Коли розойдуся,
Якъ заря ў поли погасниць,
Ўси людзи позаснуць,
А я одна бѣдная бяднёшенька остаюсь,
Слизами оболлюсь.
Запущу я алу ленту
За красная воконца,
Хто за ленту подзернець,
А я догадаюсь,
Къ воконцу бросаюсь.

102

Во время надѣла жениха родителями.

Ягода на бору росла,
Другая на другомъ росла,
Ягода съ ягодой сокацилися,
Иванъ съ Аннушкой сохвацилися.
Ванюша ў Аннушки стаў спрашивацъ:
— Анюта, душа моя, дзѣ ты была?—
„Ванюша, милый мой, ў саду была.“
— Анюта, душа моя, што ты тамъ дзѣлала?—
„Ванюша, милый мой, ягоды збирала.“
— Анюта, душа моя, ў што ты збирала?—
„Ванюша, милый мой, ў твою шапочку.“
— Анюта, душа моя, ты кому брала?—
„Ванюша, милый мой, твойму бацюшку.“

103

Послѣ надѣла.

Соўнышка цёплоя по залѣсью шло,
Аннушка по застоллю шла,
Стукнула-брякнула золотымъ кольцомъ.
— Татынька родный мой,
— Я ня служка табѣ!
— Маманька родная,
— Я ня едная табѣ!
— Служенька едная
— Чужой матушки,
— Чужу бацюшку. —

104

Когда молодая въѣзжаетъ на дворѣ свекрови.

Кацицца-валицца молода на дворъ,
И съ кубломъ и съ добромъ со ўсимъ поѣздомъ.
— Выходзи свякроў горбатая,
— Пираймай нявѣсту богатую,
— Выходзи свякроў сопливая,
— Пираймай нявѣсту счасливую. —

—

Спасиба мой радзимый татанька,
За твои за вяликія надзѣлы!
Мнѣ ня дорого твоё злато-серебро,
А дорого твоё благословеньице.

(Всѣ записаны учителемъ народнаго училища г. Коробовымъ).

Объясненіе непонятныхъ словъ встрѣчающихся въ сборникѣ *).

А.

Абы — союзъ желат.: лишь бы, только бы. Сл. г. Носов. стр. 1. Нужно прибавить: дабы, чтобы. Слово весьма древнее, употреб. и въ Супр. рукоп. и въ Сл. о П. И.

Адамашка, и. с. ж.—шелковая матерія съ узорами. Сл. г. Носов. стр. 3. — Ср. польск. adamaszek, малор. — едамашка.

Ажъ — союзъ 1) а, но, вотъ, 2) даже Слов. г. Носов. стр. 3.

Ай—союзъ раздѣлит.: или, аль.

Аксамитъ, у, с. м.—бархатъ. Ср. польск. aksamit и axamit. Это слово весьма древнее и встрѣчается уже въ Словѣ о П. Игоревомъ.

Але,—союзъ: но, же. Ср. польск. alè и лит. alè въ томъ же знач.

Альбо—союзъ: или.

* **Алясѣй**, — день Алексѣя Человѣка Божія 17-го Марта.

* **Анёлъ**, с. м.—ангелъ (съ польск.)

Ани — союзъ 1) при отрицаніи: даже и, 2) при повтореніи: ни, ниже. Слов. г. Носов. стр. 6. Польск. ani употребляется въ тѣхъ же знач.

Апанасъ, а, с. м. - имя отъ крещенія — Аѳанасій. Слов. г. Носов. стр. 6.

* **Аракъ**,—с. м. умен.—арачекъ—ракъ, рачекъ.

Арудъ (тъ), с. м. — хлѣбный закромъ. засѣка. Слов. г. Носов. стр. 8. Ср. Литовск. arodas и arudas — дощанная перегородка.

Аўгиння, и, с. ж. соб. отъ крещенія **Евгенія**. Слов. г. Носов. стр. 2, только подъ сл. **Авгиння**.

Аўдокей (Авдокей), день св. муч. Евдокія 1-го марта.

Аўдотка (Авдотка) — умен. Авдоцця (Аўдоцця—Евдокія), Дуня, Дуняшка.

Б.

Бабка, и, с. ж. — десятокъ или болѣе хлѣбныхъ или льняныхъ сноповъ, поставленныхъ въ кучу, а иногда покрытыхъ однимъ изъ нихъ, колосьями внизъ. Слов. г. Носов. стр. 10. Почти въ одинаковомъ значеніи

*) Пособіями при составленіи этого словарика мнѣ служили: а) Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія И. Носовича; б) Бѣлорусскія пѣсни П. Безсонова, (изданіе Общества Любителей Россійской Словесности); в) Толковый Словарь Даля; г) Словарь Польск. Линде; д) Словарь Церковно-Славянскаго языка Востокова; е) словарь польско-россійскій Бартошевича; ж) слово о Полку Игоревомъ, съ объясненіями Дубенскаго, изд. Имп. Общества Исторіи и Древностей при Моск. университетѣ; з) *Глоссарь* Шлейхера, приложенный къ его «Litaüsches Lesebuch,» Prag. 1857.

слово это употребляется въ Костромской и Тверской губерніяхъ, съ тою только разницей, что въ первой подъ сл. *бабка* подразумѣвается только восемь сноповъ льна, приставленныхъ на полосѣ къ такому же числу, для сушки. См. Опытъ област. словаря Академіи.

Бавиць, бавлю, бавишь—гл. д.—задерживать, въ ожиданіи. Слов. г. Носов. стр. 11.—Ср. польск. bawic, bawic sie, и малор. бавити.

Бавицьца, бавлюся.—гл. возв.—медлить, мѣшкать. Тамъ же.

Бавэлна, ы. с. ж. — хлопчатая бумага вата. Въ Слов. г. Носов. стр. 11 это слово значится въ формѣ: бàволна.— Ср. польск. bawelna, нѣм. baumwolle, лат. bombax.

Бавэлняный—прил. хлопчатобумажный, ваточный.

Бадзяцьца, гл. общ. - 1) бродить, волочиться, 2) вертѣться. Слов. г. Носов. стр. 11.

* **Байдакъ,** с. м.—особаго устройства барка на Днѣпрѣ.

Бараболя, и, с. ж. - картофель.

* **Бардзо** и барзо—скоро. Ср. ц. слав. *бързо*, брзый — скорый, быстрый: «всядемъ братіе на своя брзыя комони.» Сл. о П. Игоревѣ. Апост. XIV в. Іак. I. 19—«борзъ на оуслышание». Отсюда безъ сомнѣнія и наши современныя слова: борзописецъ и *борзая* (собака).

Барждзѣй (и просто: бардзѣй), нарѣч. сравн. ст. - поскорѣй, ни мало не медля. Слов. г. Носов. стр. 15.

Барылка (барылица), с. ж. умен. отъ барыла—порядочный боченокъ.—Ср. польск.: baryla, barela, barelka. Линде.

Бачиць, гл. д.—видѣть.

Безголоўя (е), я (и безголовье) с. ср. 1) бѣда, несчастье, 2) болѣзнь, смерть.

Бервено, а, с. ср.—мн. бервення—бревно.

Бизунъ, а, с. м. 1) бичь, ременная плеть, 2) голякъ, бѣднякъ. Слов. г. Носов. стр. 25.—Ср. польск.: bizon, bizun.

Биросцень (т. е. берестень), еня—с. м.— большой горшокъ, оплетенный берестою.

Блазенъ, зна, с. м. 1) малолѣтній, 2) глупый, дуракъ. Слов. г. Носов. стр. 26.—Ср. польск. blazen.

Бо—союзъ: потому что, ибо.

Богатыръ, с. м.—богатый и уважаемый человѣкъ. Слов. г. Носов. стр. 28.

Богдай и бодай, 1) межд. (дай Богъ) о, чтобъ!.. 2) союзъ желат. — чтобы, лучше бы.

Боженька с. м. уменьш. и ласк. слово: Богъ.

Божкаць, гл. ср. — плакать и стонать, съ частымъ призываніемъ Бога. Слов. г. Носов. стр. 29.

Божухна, я, с. м. употреб. въ зват. пад.— Боже!

Болбочыць гл. ср.—бормотать.

Болонка, и, с. ж. (умен.—болоночка)— стекло въ оконной рамѣ. Ср. польск.: blona, blonka, bloneczka.

Борисъ, с. м.—день св. муч. Бориса и Глѣба, 2-го мая.

Боскій, прил. сокр. отъ *божескій*.

Боханъ, бохонецъ, с. м. 1) Коровай, 2) коврига. Ср. польск. bochen — cbna, bochenek, bochonok — szczególney chleb okrągly agruby; морав.—bochnu, bochynek, чешск.—bochnjk, obchnjcék. Линде Слов.

Боярка, и, с. ж. — *поднев[ѣ]стница*, т. е. подружка, избираемая невѣстою для присутствованія при брачномъ пиршествѣ. Слов. Носов. стр. 444.

Бразнуць (брязнуць), однокр. гл. ср. — брязкаць, кромѣ общаго: 1) удариться, упасть, 2) треснуть, ударить.

Бразь (брязь) отгл. частица, означ.: 1) мгновенное паденіе со звукомъ, 2) мгновенный ударъ по чему либо или чѣмъ либо звонкимъ.

* **Братки,** с. соб. м.—цвѣтокъ, извѣстный на Руси подъ именемъ *Иванъ да Марья*, имѣющ. на одномъ стеблѣ два цвѣта, фіолетовый и желтый. Въ Слов. г. Носов. подъ сл.: братъ-сестра, стр. 33. — Ср. польск. *brat siostra.*

Братовая, вой—въ знач. с.—Жена брата. Слов. г. Носов. стр. 32.

Братухна, ы. с. м. увелич., говорится при укорѣ брату или равному.

Брахорна, с. ласк.—отъ сл. братъ.

Брехаць, шу, брешишь, гл. ср.—лаять, ругаться, лгать, клеветать. Слов. г. Носов. стр. 33.

Броваръ, с. м.—пивоваръ.

Броварня, и, с. ж.—пивоварня. Ср. нѣм.: brauen, brauer, brauerei.

Броиць, сов. озброиць, гл. ср.—шалить, неприлично поступать. Слов. г. Носов. стр. 34.

Бронiць, гл. д.—оборонять, избавлять: бронь Боже!

Брылёкъ, лька; умен. отъ брыль.

Брылечка, и, с. ж. въ Слов. г. Носов. стр. 36: брыль, я, с. м. — Круглая шляпа съ широкими полями.

Брысць, брысци, гл. ср.—брести.

Будовацъ, дую, сов. збудовацъ, гл. д.—строить. Слов. г. Носов. стр. 37.

Буйный, прил. — роскошный, крупный, изобильный, тучный.

На ново лѣто,
На *буйно* жито!—Ср. польск. bujno въ этомъ же значеніи.

Букота, уменьш. *букотка,* с. ж.—печенный хлѣбъ. Слов. г. Носов. стр. 38.

Булка, и, с. ж.—въ Слов. г. Носов. стр. 38 объясняется такъ: «ржаной хлѣбъ небольшой» *).

Бѣль, с. ж.—суровыя нитки.

В.

Вага, и, с. ж.—1) уваженіе, сила, важность. Слов. г. Носов. стр. 42.

Вага, и, с. ж. — 1) вѣсъ, 2) ловкость. Тамъ же.

Важицъ, гл. д. — вѣсить, опредѣлить, смѣть. Тамъ же.

Важкій,—прил.—тяжкій. Тамъ же.

Вандриваць, рую и **мандровацъ,** гл. ср.—странствовать, бродить.—Ср. польск. wandrować, нѣмецк. wandern.

Ваша, и, мѣст. личн., 2-го л. ед. ч.; говорится изъ вѣжливости одному лицу—ты, твоя милость. Слов. г. Носов. стр. 44.

Вже, нар.—уже. Тоже и по малор.

Ве(я)лизный, прилаг.—великій.

Великодне, я, с, ср.—праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Слов. г. Носов. стр. 48.

Великодній, прил. относящійся къ великодню. Тамъ же.

Ве(я)ликъ - дзень, велика-дня (прочіе падежи имѣютъ какъ Великодне) с. м.—первый день праздника Воскрес. Христова. Слов. г. Носов. стр. 48.

Ве(я)личко, а, с. ср. умен. слово Великодне. Придзецъ святое величко съ краснымъ яичкомъ. Тамъ же.

Ве(я)льбицъ, бю; гл. д. хвалить, величать.

Вельми, нар.—весьма, очень.

Ве(я)селля(е), я, с. ср.—сватьба, умен.—*веселлико.*

Ве(я)сельный, прил.—свадебный.

(На) **вересѣ,** напр.: у лѣсѣ на вересѣ—на вьрсѣ, на пригоркѣ. (Бѣлорусск. пѣсни г. Безсон. стр. 19).

Ве(я)ршокъ, шка, с. м. умен. сл. верхъ—оконце, прорубленное подъ потолкомъ для выпуска чада.

Вершъ, а, с. м.—стихъ. Ср. польск. wiersz, лат. versus.

* **Ве(я)черникъ** и умен. **вечерничекъ,** с. м.—меньшой братъ невѣсты. Вечеромъ наканунѣ свадьбы онъ долженъ первый начать дѣло расплетенія косы сестрѣ.

Ве(я)чера, ы, с. ж.—ужинъ.

Ве(я)черацъ, гл. ср.—ужинать.

Видэлка, и, с. ж.—вилка.

Винный, прил. виноватый.

Виншовацъ, виншую, сов. повиншовацъ, гл. д.—поздравлять съ чѣмъ, высказать благожеланія кому. Ср. польск. winszowac, нѣм. wünschen.

Витацъ, сов. привитацъ, гл. д. привѣтствовать.

Витацьца, гл. вз. — кланяться, здороваться съ кѣмъ. Слов. г. Носов. стр. 58.

Власно, нар. 1) славно, какъ бы, 2) только, единственно, собственно.

Власцянка, с. ж. крестьянка.

Выбачацъ, сов. выбачицъ, гл. д. 1) прощать, 2) въ знач. ср — извинять. Слов. г. Носов. стр. 72.

Вызволицъ, г. д. освободить, выручить, помочь въ бѣдѣ.

Вырай, я, с. м., въ Слов. г. Носов. стр. 93: «вырый, я, с. м. (отъ вырь—поворотъ, 1) перелетная птица, возвращающаяся изъ теплыхъ краевъ въ началѣ весны; 2) Мѣста южныя, теплыя, куда перелетныя птицы стремятся, предчувствуя зиму.»

Вырь и **вирь,** у, с. м. 1) водоворотъ въ рѣкѣ или въ озерѣ, 2) быстрота рѣ-

---

*) Но, насколько намъ извѣстно, этимъ словомъ по всей Витебской губерніи обозначаютъ вообще всякій испеченный кругообразный хлѣбъ, именно то, что на общепринятомъ русскомъ языкѣ называется *короваемъ.* Послѣднимъ же словомъ витебскіе и даже могилевскіе и минскіе бѣлоруссы чествуютъ исключительно тотъ изукрашенный разными затѣями пшеничный хлѣбъ, который наканунѣ вѣнчанія съ разными церемоніями и пѣснями печется въ честь и усладу бракосочетающихся въ ихъ же домахъ. Достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить не малое количество пѣсенъ и обрядовъ, напечатанныхъ въ предлежащемъ сборникѣ.

ки и т. д. Слов. г. Носов. стр. 58.

Вогнище *), а, с. ср —огнище, пепелище.

Войтъ, а, с. м.—Староста деревенскій. Ср. нѣм. vogt. По мнѣнію Магера послѣднее слово взято съ латинск. advocatus.

Войтокъ, с. м.—умен. отъ сл. войтъ.

Войтовичъ, с. м.—сынъ войта.

Войтовна, с. ж.—дочь войта.

* **Волна**, с. ж.—шерсть.

Волоцуга, с. общ.—бродяга.

Волочебникъ, волочобникъ и волочовникъ,

* **Вронъ**, с. м.—воронъ.

* **Вусны**, с. ср. мн.—уста, ротъ.

Вѣкъ-вѣкомъ, въ знач. нарѣч.—всегда, безконечно. (Слов. г. Носов. стр. 105), а при отрицаніи—никогда.

Вѣко, а, с. ср.—крышка отъ деревяннаго сосуда, какъ напр, отъ кубла, квашни. Слов. г. Носов. стр. 105.

Вѣшачка, с. ж.—вѣточка.

Вязь, и, с. ж. 1) болото, топь. Слов. г. Носов. стр. 106. 2) связь.

Вякаць, сов. завякаць, однокр. вякаць, гл. ср.—болтать, хныкать, докучать. Слов. г. Носов. стр. 106.

Г.

Гагаўка, и, с. ж.—щекотуха, трещотка.

Гагаць, гл. ср.—гоготать.

Гаекъ и гаечекъ, чка, с. м. умен. отъ сл. гай.

Гай, ю, с. м.—чаща, роща; въ томъ же значеніи это слово употребл. и въ малор. Ср. польск. gaj, нѣм. hain.

Гайкнуць, однокр., сов.: гайкаць, гл. ср.—вдохнуть, охнуть.

* **Галинка**, и, с. ж. — вѣтвь, сукъ, отрасль, отпрыскъ. Ср. польск. gałązka.

Галицьца, сов. вгалицьца, погалицьца, гл. взвр.—съ алчностью желать, стремиться къ чему, льститься, зариться на что. Слов. г. Носов. стр. 108. Ср. польск. galic na co.

Гандлеваць, гл. ср.—торговать.

Ганна, ы, с. 1) имя отъ крещенія: Анна, 2) во мн. Ганны—праздникъ Успенія св. Анны, Матери Пресвятой Богородицы, 25 іюля. Слов. г. Носов. стр. 109. Въ значен. праздника употребл. въ Витебск. и въ ин. губ. и въ ед. ч.

Ганокъ, (въ эт. сл. г произносится какъ g), с. м.—крыльцо. Ср. польск. ganek, ganeczek, нѣм. gang.

Ганьба, ы, с. ж.—поношеніе.

Гапечка, Гапуля, Гопынка, умен. имя отъ крещенія, умен. отъ и. *Агафія*.

Гартоваць, ую, гл. д.—калить. Слов. г. Носов. стр. 111. Ср. польск. hart—закалъ, закалка, hartowac, нѣм. härten, hart machen.

Гаўрилка, умен. соб. им. отъ крещен. Гаврила, Гаврилка.

Гейцы, указ. мѣст. мн.—эти.

Годзина, с. ж.—часъ.

Годзиць, жу, дзишь, гл. д. 1) Мирить двѣ противныя стороны, 2) склонять къ миру, 3) сов. — згодзиць, догодзиць, погодзиць — договаривать.(Слов. г. Носов. стр. 115), заключать условіе съ кѣмъ либо.

Годоваць, дую, гл. д.—кормить, воспитывать.

Голосоваць, суешь, гл. ср.—причитывать по покойнику, выть, вопить.

Голосно, нар.—громко.

* **Горбачъ**, с. м.—шестъ для поднятія навоза.

* **Гордзѣць** (съ кѣмъ), гл. ср. — пренебрегать.

Гордовонька и гордовица, с. ж. По объясненію г. Безсонова (Бѣлор. пѣсни стр. 27): гибкое, тростниковое растеніе, которое идетъ на чубуки (горда, орда).

Горнушечка, с. ж. и горнушечекъ, чка— с. м.—горшокъ, горшечекъ.

Горо̂дъ, с. м.—огородъ.

---

*) Бѣлорусское нарѣчіе весьма любитъ почти безъ исключенія ставить придыханіе *в*: а) передъ всѣми тѣми словами, которыя начинаются какою либо твердою гласною: *а*, *о*, *у*, напр.: в-ангелъ, в-окно, в-око, в-олово, в-осень в-отруби и т. д.; в-ужинъ, в-улица, в-ухо и т. д.; б) для избѣжанія hiatus'а, какъ въ началѣ, такъ и въ срединѣ слова, напр.: ни в-одного, на-в-учиць и проч.; г) и наоборотъ: подчасъ замѣнять эту придыхательную букву—сродственною гласною *у* въ началѣ словъ, какъ-то: у-дова, у-нукъ, у-стаць и предлогъ *въ* у садъ, у садзѣ, у хацѣ. Такъ какъ всѣ слова такого рода значеніемъ своимъ нисколько не отличаются отъ великорусскихъ, то мы сочли излишнимъ (за исключеніемъ весьма немногихъ) ихъ приводить и объяснять.

Горытница, горетница, с. ж. (отъ сл. горы(е)тникъ), горестница, горемыка, несчастная.

Горытный, прил. — горестный, несчастный.

Господарный, прил.—хозяйливый, распорядительный.

Господаръ, с. м. — владѣтель, властитель, хозяинъ вообще.

Господыня, с. ж. — хозяйка, домоправительница.

* **Готоўенька,** с. ж.—по словарю Даля: готовики — жимолостная ягода.

А ў поли готоўенька
Зъ вѣтромъ говорила:
Нихай по мнѣ трава расцець,
Штобъ я ня чарнѣла. № 403.

* **Грабиць,** гл. д. загребать, сгребать.

Грацъ, гл. д.—играть.

Громница, (по слов. г. Носовича только во мн. *громницы:* праздникъ Срѣтенія Господня.

Громничный, прилаг. — относящійся къ празднику Громницы.

Грошы, ей, с. м., употребл. во мн. — деньги.

Груба, ы, с. ж. — большая комнатная печь, особенно топимая изъ сѣней.

Грубка, и, с. ж., умен. слова: *груба — голандская печь.*

Гукаць, гл. д.—1) кликать, 2) ср. говорить.

Гукъ, с. м. 1) гулъ, стукъ, 2) говоръ.

Гультай, с. м.—лѣнтяй.

Д.

Да *) союзъ 1) и, 2) но.

Дакъ и дыкъ,—союзъ—то, такъ.

Дали Богъ, божба: ей Богу.

Для, предл. видоизмѣняющійся такъ: длѣ, дли, ля, лѣ, ли, возлѣ, подлѣ.

Дахъ, с. м. — кровля, крышка. Ср. польск. dach, нѣм. dach.

Дбаць, гл. ср. — бдѣть, бодрствовать, обращать вниманіе, думать. Слов. г. Носов. стр. 127.

Дзеньковаць, кую, гл. ср.—благодарить. Ср. польск. dziękować, нѣм. danken, лит. dėkà—благодарность и dėkavoju.

Дзеруга, и, с. ж. умен.: дзеружка—покрывало изъ толстой ткани.

Дзявятушка, с. ж. и дзевятникъ с. м.—девятая недѣля по Пасхѣ, особенно Пятница этой недѣли. Слов. г. Носовича, стр. 129.

Дзѣвоцкій, прил.—дѣвическій, дѣвичій.

Дзѣдоўе и дзѣдовникъ, с. м. (отъ дзида колючка), растеніе cardaus, репейникъ. Слов. г. Носов. стр. 133.

Дзѣўка, с. ж. - дѣвка.

Дз(ѣ)яцюкъ, с. м. 1) молодой парень, дѣтина, 2) работникъ. Слов. г. Носов. стр. 133.

Добродзѣй, с. м.—добродзѣйка с. ж.— благодѣтельница.

Добродзѣйство, с. ср.—1) благодѣяніе, 2)—собир.—честнóе собраніе. Слов. г. Носов. стр. 135.

Долеваць, гл. ср.—имѣть долю, пользоваться долей, участью.

Домоў, нар.—домой.

* **Доня, донька,** умен. отъ сл. дочкà.

Доступиць,—сов. доступаць, гл. ср. — касаться до чего.

Досыць и досиць, нар.—довольно, будеть.

Дочка, с. ж.—дóчка.

Дочухна, с. ж., умен. сл. дочкà, говорится болѣе укорительно.

Дружина, с. ж. — (на свадьбахъ) поѣздъ или свита жениха или невѣсты.

Дуже, нар.—крѣпко, очень.

Душокъ, шка, шку, с. м. умен. слово: духъ, въ значеніи.

Е.

Едвабный, прил.—шелковый, отъ сущ. едвабъ, перешедш. цѣликомъ съ польск. jedwab; ср. чешск. hedwabj. Линде Слов.

Еднаць, сов. поеднаць, гл. д.—мирить.

Ёнъ, мѣстоим.—онъ, ж. яна, ена и ина, ср.—яно, (о въ концѣ произн. какъ а), мн.—яны и ены.

Ёўня, ёвня, с. ж.—овинъ. Ср. лит jáuje.

Ежгуръ, с. м.—какая-то рыба, по объясненію однихъ—ежъ, по увѣренію другихъ—пискарь (?).

Ж.

Жадный, мѣстоим.—1) каждый; 2) при отрицаніи—ни одинъ.

Жарота и жаркота, с. ж.—жара.

Жартъ, у, с. м.—шутка.

---

*) Часто это слово принимаетъ за собой *й* и перемѣняетъ свою гласную на *ы*, т. е. *дай* и *дый.*

Жартоваць, тую, гл. ср. 1) играть между собою, шалить, 2) неприлично шалить. Слов. г. Носов. стр. 153.
Жбанъ, с. м.—кувшинъ глиняный или мѣдный, съ довольно широкимъ горломъ. Тамъ же.
Жебровацъ, рую, гл. д.—просить милостыни, особенно съ просительнымъ письмомъ. Тамъ же.
Женоцкій, прил. 1) свойственный женщинѣ, 2) относящійся къ женѣ.
Жилле, с. ср.—житье.
Жироваць, рую, гл. д.—кормить до сыта, откармливать. Слов. г. Носов. стр. 156.
Жито, с. ср.—рожь вообще въ колосѣ и въ зернѣ.
Жичливый, прил. — усердный, доброжелательный. Слов. г. Носов. стр. 157.
Жлукциць и злукциць, чу, сов. пожлукциць — бучить, **золить**. По объясненію г. Безсонова это слово произошло отъ соед. словъ **зъ и лужъ**, нѣм. lauge.
Жменя, и, с. ж. (начало: жати, жьмя)—горсть; умен.—жменька.
Жнея, и, с. ж.—жница.
Жнивный, прил. — жатвенный, относящійся къ жатвѣ.
Жниво и жнивò, а, с. ср.—жатва и время жатвы.
Жоўнеръ, с. м.—солдатъ (съ польск.)
Жупанъ, с. м.—кафтанъ изъ цвѣтнаго сукна.
Журавиночка, с. ж. умен. отъ сл. журавина—клюковка.
Журицьца, гл. общ. — скорбѣть, предаваться печали. Слов. г. Носов. стр. 158.

З.

* **Заблонный**, прил. (отъ сл. облога или заблога—запущенная нива), къ запущенной нивѣ относящійся.
* **Забротаць**, (т. е. заобротаць), гл. д.—зануздать.
* **Завше**—нар. всегда.
Завихацьца, сов. отъ гл. возвр. вихацьца — заколебаться. Слов. г. Носов. стр. 162.
Загадываць (кѣмъ) сов. загадаць: **повелѣвать, управлять.** Тамъ же, стр. 163.
Задуноуя(е), я, с. ж.—часть города Витебска, за рѣчкой Дунайкой — **Задуновье.**
Заживать, сов. зажить, гл. д.—употреблять.
Закурицьца, гл. д.—завертѣться, закружиться.
Залицацьца, гл. общ.—дѣлать любезности, стараться понравиться дѣвицѣ, лично присватоваться. Слов. г. Носов. стр. 173.
Замужжа(е), а, с. ср. — замужье, умен. **замужжико.**
Замчистый (напр. ключь), прилаг.—устроенный съ надежнымъ огражденіемъ. Слов. г. Носов. стр. 176.
Замѣсъ, у, с. м. — замѣшиваніе хлѣбнаго тѣста.
Занудзицьца, джуся, дзишься, сов. отъ гл. возвр. нудзицьца — печалиться, горевать, тосковать. Слов. г. Носов. стр. 342.
Запалиць, гл. д.—зажигать. Слов. г. Носовича стр. 179.
Зарукаўница, с. ж.—женщина, у которой рукава обшиты золотомъ, т. е. позументами.
Заручины, инъ, с. ж. употребл. во мн. ч.—обрученіе, рукобитье.
Заставацьца, гл. общ.—оставаться.
Зацинаць, сов. зацяць, гл. д. 1) зарубать, 2) часто сѣчь розгами. Слов. г. Носов. стр. 192.
* **Защепочка**, с. ж.—задвижечка, крючечекъ.
Збожже, с. ср.—всякій хлѣбъ въ зернахъ и въ посѣвѣ.
* **Звонъ**, с. м.—колоколъ.
Звонецъ, нца, с. м.- растеніе въ родѣ бубенчиковъ. Слов. г. Носов. стр. 199.
Зводзиць, жу, дзишь, гл. ср. 1) сплетничать, клеветать, 2) въ знач. д. — совращать съ пути. Слов. г. Носов. стр. 199.
Зволиць, гл. ср. — соизволять, давать согласіе. Тамъ же.
Здаецца, гл. безл.—кажется, сдается.
Здрада, с. ж.—измѣна.
Зе(я)лепуха, с. ж.—недозрѣлая ягода.
Зёлка, и, с. ж.—трава и цвѣтокъ.
Зёлки, локъ, с. ж., употребляется во множ.—связка разныхъ травъ съ кореньями и цвѣтами, приносимыми въ церковь для освященія.
Зелѣзо и залѣзо, с. ср. - **железо.**
Зернуць и зырнуць, однократн. гл. **зерць**—посматривать.
* **Злеваць**, злую, злуешь; гл. ср.—злиться. «На кого ты миленькій злуешь?»
Злотникъ, с. м. золотыхъ дѣлъ мастеръ.
Змицёръ, д. Св. Дмитрія 26-го октября.
Змога, с. ж.—возможность, сила.
Змѣя, и, с. ж.—колдунья, вѣдьма.
Зневага, и, с. ж.—поношеніе, безславіе

Зневажаць, сов. зневажиць, гл. д.—поносить, ругать.
* **Золокъ,** с. м.—разсвѣтъ.
Золотоўка и золотовка, с. ж. — монета въ 15 к. с. Слов. г. Носов. стр. 218.
Зорочка, с. ж. смягч. сл. — заря.
Зрѣлка, с. ж.—зрѣлая ягода, противоп. — зеленуха.
Зубиць, гл. д.—острить, точить серпъ.
Зубковаць, гл. д.—вышивать рубчиками.
Зъ предл. 1) изъ, 2) съ, когда стоитъ передъ мягкими, 3) съ род. пад. Слов. г. Носов. стр. 220.
Зязюля, умен. зязюлька, с. ж. — кукушка.

И.

Идзѣ, послѣ гласной предыдущаго слова—йдзѣ, нарѣч.—гдѣ.
Илля 1) имя отъ крещенія Илья, 2) день св. пророка Ильи, празднуемый 20-го іюля. Слов. г. Носов., стр. 224.
Имаць, гл. д.—брать.
Што пѣсенъ ня пяешь?
Аль твоя соха ня орець?
Аль твое руки ня имуць?
Иншій, прл.—иный, другій.
Имосць (форма вѣжливости относящ. къ особѣ ж. пола)—ея милость, здоровье.
Истопка и стопка, с. ж.—изба, избушка. Слов. г. Носов. стр. 616.
Истужка, стужка, с. ж.—стяжка, лента.
Исци, гл. ср.—идти.

К.

Кабъ, кабы и кобъ, союзъ 1) когда бы, если-бы; 2) чтобы, 3) пусть-бы. Слов. г. Носов. стр. 226.
Кадзь, с. ж.—кадка.
Кадукъ, с. м. 1) черная немощь, утинъ, родимецъ, падучая, 2) чортъ, бѣсъ, дьяволъ, пострѣлъ. См. объясненіе этого слова въ книгѣ «Бѣлорусскія пѣсни» ч. I, стр. 59.
Казаць, гл. д.—говорить.
Казуся, умен. им. отъ крещенія — Казиміръ.
Калита, с. ж.—кожаная, четвероугольная сума съ крышкою, перевѣшиваемая черезъ плечо и особенно употребляемая при сватовствѣ. Слов. г. Носов. стр. 228.
Канаць, кончаться, умереть.
Канунъ и канонъ, с. м. — кутья, разведенная водою съ медомъ, употребляемая при поминовеніи. Слов. г. Носов. стр. 229.
***Каня,** (канюхъ) м. полевой коршунъ (не городской), который болѣе питается гадами, Milvus; онъ же **канюкъ.** Слов. Даля.
***Каплонъ и каплунъ,** с. м.—кладенный, холощенный пѣтухъ. Слов. Даля.
Карпанный, прл. начиненный, напр., пирогъ.
Катанка и котанка, с. ж.—душегрѣйка, фуфайка, подложенная кошечьимъ или заячьимъ мѣхомъ, употребляемая еврейками. Слов. г. Носов. стр. 249. Изъ многихъ мѣстъ нашего сборника однако видно, что эта одежда въ сильномъ ходу и у крестьянокъ.
Катъ, с. м. 1) палачъ, мучитель, кровопійца, 2) чортъ, дьяволъ.
Каука, с. ж.—птица: сивая ворона.
Кватэрочка, с. ж. — 1) оконное стекло, 2) форточка.
Квапицьца, гл. общ.—съ завистью смотрѣть на что, желать воспользоваться чужимъ.
Квѣтъ и квятъ, с. м. — цвѣтъ, умен. **квѣтки, квѣточки.**
Келишекъ, с. м. — рюмка. Ср. польск. kielich, kieliszek и верх.—нѣм. kelich, отъ лат. calix. Сл. Линде.
Кіекъ, с. умен. отъ сл. **кій.**
Кій, с. м.—палка.
Кирмашъ, с. м. — ярмарка, храмовой праздникъ и сходка къ нему. Ср. польск. kiermasz, передѣланное съ областн. нѣм. kirmess и kermess; послѣднее — есть искаженіе общеупотребит. нѣм. kirchmesse, сложившееся съ двухъ словъ: kirche (церковь) и messe (обѣдня).
Клычиць, сов. **склычиць,** гл. д. 1) клочиць, 2) перемѣшивать, приводить въ безпорядокъ. Слов. г. Носов. стр. 238.
Коборецъ, с. м.—коврикъ, на которомъ женихъ и невѣста становятся передъ налоемъ при бракосочетаніи.
Коваль, с. м. кузнецъ (древнее: **ковачь,** отъ **ковати**).
Ковалиха, с. ж.—кузнечиха.
Кожный, мѣстоим.—каждый.
Коко, с. ср.—яйцо.
Колесы, простая телѣжка.
Коли, нар.—когда.

Коло, кыля, куло, воколо, нар.—**близь**, подлѣ, возлѣ, около.
Колопень, с. ж. (перестановка) конопель.
Колы, с. м.—**колесы**.
***Комаръ**, с. м.—каменный сводъ.
Коминъ, с. м.—печная труба.
Коморщикъ и коморникъ, с. м.—землемѣръ.
Комяга, с. ж. 1) выдолбленное толстое дерево, употребляемое вмѣсто лодки, 2) деревянный жолобъ для водопою. Слов. г. Носов. стр. 244.—Почти въ такомъ значеніи это слово употребляется во Влад. и Тверск. губ. См. опытъ обл. слов. Академіи.
Копа, с. м.—извѣстное число предметовъ, а именно 60. Тамъ же, стр. 145.
***Корина**, с. ж.—коринескій изюмъ, мелкій и при томъ безъ зеренъ. Слов. Даля.
Корунки, с. ж. употреб. во множ. — простыя кружева.
Косникъ, с. м. — ленточка вплетенная въ косу.
***Косоплетница**, с. ж. подруга невѣсты, помогающая ей при заплетеніи косъ.
Кося, ласкательное слово—**конь**, которому оно большей части служитъ зв. падежомъ.
Коўнеръ и ковнеръ, с. м.—воротникъ.
Коханка, с. ж.—любовница, милая, любимая женщина.
Кохання(е), с. ср.—любовь, привязанность.
Коханокъ, с. м.—любовникъ, любимецъ.
Кохаць, гл. д.—любить.
Кохацьца, гл. взаим. — любить другъ друга, любиться.
Кошуля, с. ж.—рубаха тонкая.
Коштоваць, гл. д.—отвѣдывать.
Кпиць, кпю, гл. ср.—шутить, обманывать шутя. Слов. г. Носов. стр. 251.
Крамна, с. ж.—край страны.
Крама, с. ж.—лавка.
Краска, с. ж. 1) цвѣтокъ, цвѣты, 2) красильное вещество, окраска, 3) цвѣтъ (color, краски: зеленая, черная и пр.). Слов. г. Носов. стр. 251. 4) цвѣтъ ржи.
Кришталь, с. м.—хрусталь.
Кружковый, прл.—относящійся къ холсту, тканному кружками.
Кружолка, с. ж. - круглый отрѣзокъ, округленная дощечка.
Крукъ, с. м. 1) крюкъ, 2) вѣшалка, 3) воронъ.
Круль, с. м.—**король**.
Крупень и крупеня, с. ж.—простой, деревенскій супъ изъ крупъ.
Кручастый, эпитетъ къ разнымъ шелковымъ матеріямъ, то что въ русскихъ пѣсняхъ называется хрущатымъ, камка, напр. хрущатая.
Крыжъ, с. м.—крестъ.
Крыжевой, прл.—1) крестный, 2) накрестъ лежащій, напр. **крыжевая** дорога—перекрестокъ. Слов. г. Носов. стр. 250.
Ксёнзъ, с. м.—1) римско-католическій священникъ и вообще католическій монахъ, 2) православный священникъ (употреб.—въ послѣднемъ значеніи — шляхтою и помѣщиками). Слов. г. Носов. стр. 257.
Кубелъ, с. м. — большой ушатъ съ крышкою для храненія одежи, особенно женской, у простолюдиновъ. Тамъ же.
Кужельначекъ,
* **Кугакалка**, с. об.—ребенокъ.
Кукобиць, сов. — **выкукобиць**, гл. д.—воспитывать, няньчить, лелѣять. Слов. г. Носов. стр. 268. (Это слово въ ходу и въ Ѳрловск. губ.—см. Опытъ област. слов. Академіи).
Кукольникъ, кукольнички, с. м. — родъ волочебниковъ, ходившихъ на Св. Недѣли (въ прежнія времена) по деревнѣ для собиранія подачекъ, съ пѣснями, возя за собою особаго устройства ящикъ съ куклами.
Кульбака, с. ж.—сѣдло.
Куля, с. ж. — пуля (ср. нѣм. kugel, — шаръ).
* **Купальница**, с. ж. 1) жабникъ, лютикъ, растеніе Ranunculus, 2) огонь въ полѣ, костеръ. Слов. Даля.
Купальнійка, с. ж.—купальскій костеръ.

Выйдзи жь на вулицу,
Развядзи купальнійку.

Купалля и купалле—тоже, что купальница.
Купчеваць, гл. ср.,—купечествовать, заниматься торговлей.
* **Курта**, с. ж.—съ польск. kurta, kurteczka,—дворняшка. См. Слов. Линде.
Кутъ, с. м. — 1) уголъ внутри избы, 2) передній уголъ въ избѣ подъ образами. Слов. г. Носов. стр. 271 (ошибочно напечатано 261). Почти въ этомъ же значеніи слово **кутъ** употребляется во многихъ великорусскихъ губерніяхъ (см. Опытъ област. словаря Академіи) и, съ нѣкоторыми

видоизмѣненіями, въ большинствѣ славянскихъ нарѣчій (см. Корнеловъ Шимкевича, стр. 123).
Кутый, прл.—кованный.
Кщення, (по слов. г. Носов. Кщенне праздникъ Богоявленія.

Л.

Лазня, с. ж.—баня, умен.—лазенька.
Ланцугъ, с. м.—цѣпь желѣзная.
Лата, с. ж.—заплата.
Латакъ, с. м.—лата, латвина, жердина или рѣшетина на кровлю. Слов. Даля.
Латушка и латушечка, с. ж. отъ слова **латка**—небольшой глиняный сосудъ, мисочка съ загнутыми внутрь краями.
Слов. г. Носов. стр. 266.
Лебедзь, с. м.—лебедь.
Лебедзька, с. ж.—лебедь-самка.
Лемешъ, с. м.—лемехъ, сошникъ.
Лешка (отъ: леха), с. ж.—грядка.
Липоўка, с. ж. — кадка (выдолбленная изъ одного дерева) для меда.
Листъ, с. м.—письмо (мн.—листы).
Личиць, сов. полічиць—гл. д.—считать.
Лишка, с. ж.—нечетъ.
Лугъ, с. м. — сверхъ общеизвѣстнаго своего значенія, въ малороссійскомъ, какъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи употребляется въ смыслѣ лѣса; оттого лугъ называется въ пѣсняхъ темнымъ. См. Украинскія народныя пѣсни М. А. Максимовича. М. 1834 г. Ч. I, въ выноскѣ.
Луска, с. ж. 1) шелуха, 2) чешуя рыбья. Слов. г. Носов. стр. 273.
Луста, с. ж.—ломоть хлѣба.
Лутъ, с. м.—лыко молодой липы. Тамъ же.
Лѣпшій, прл.—лучшій.
Лѣпи, нар.—лучше.
Любка, с. общ. — возлюбленникъ, возлюбленница.
Люлька, с. ж. 1) трубка, 2) колыбелька.
Лядо, мн. ляды — поле, очищенное отъ заросли лѣса для сѣва. Слов. г. Носов., стр. 275.
Лялька, с. ж.—1) кукла, 2) дитя.

М.

***Магерка**, с. ж.—по опредѣленію Даля: валеная бѣлая шапка, тулья безъ полей; еломокъ.
Малеванный, прл.,—разрисованный, расписаный.
Малюшка, с. ж.—мелкая рыба.
***Маницьца**—гл. возвр.—обѣщаться.
Маркоточка или мокотрочка, с. ж.—умен. слова **макоцеръ**, — глиняный поставецъ. Ср. Малор.: макитра.
Марнѣць, гл. ср. (съ польск.)—проходить, переставать, кончаться, исчезать, приходить въ нищету, оскудѣвать.
Марудно, нарѣч. — копотно, медленно, неповоротливо, мѣшкотно.
Мацей, умен.—Мацейка—имя отъ крещенія—Матвѣй.
Маршалокъ (на свадьбахъ)—дружко.
Мезенный и мезнный, прл.—мезенный.
Мезенка, с. ж.—меньшая дочь.
Млыня, с. ж., и млынъ, м.—мельница.
Мнѣйшій, превосход. ст. отъ прилаг. **малый**.
Мокрица и мокруха, с. ж.—растеніе.
Молодзикъ, с. м. — молодой мѣсяцъ, новолуніе.
Моспаня, с. ж.—ея милость, барыня.
Мосци пани, — ваша милость — форма вѣжливости при обращеніи къ лицамъ.
Моцаръ, с. м. съ польск. mocarz—владыко, властелинъ.
Муръ, с. м.—мурро.
Мусиць, гл. ср. 1) долженствовать, быть принужденну, 2) должно быть.
Мѣсто, с. ср. 1) рынокъ, 2) городъ. Въ послѣд. знач. ср. польское: miasto.
Мѣскій, прл.—городской.
Мѣсцечко и мѣстэчко, с. ср.—городъ и мѣстечко. 2) рынокъ.
Мѣшань и мѣшень, с. ж.—смѣсь разныхъ сѣмянъ для корма разныхъ животныхъ. Слов. г. Носовича, стр. 297.
Мѣшкания(е), с. ср.—1) временное пребываніе, 2) мѣстожительство.
Мѣшкаць, гл. ср.—жить, пребывать.

Н.

***Мяркивацьца** и мерковацьца, гл. взаимн. — посовѣтоваться, подумать о чемъ сообща. Ср. великор. **меркать** что или о чемъ, думать, гадать, смекать, соображать, придумывать, и т. д. См. Слов. Даля.

***Набиць**, гл. д.—побить, поколотить.
Надворьейка, с. ж., умен. отъ слова: надворье—погода, чистый воздухъ.
Надзѣя, с. ж.—надежда.
Надкосникъ, с. м.—меньшой братъ невѣсты, обязанный расплетать ей косу.

Накасацьца, гл. возвр.—навязаться.
Налѣцця(е), с. ср. 1) будущій годъ, 2) посѣвъ ржи на зиму. Слов. г. Носов. стр. 311.

Наметка, с. ж.—головная женская повязка, изъ тонкаго холста, аршина въ четыре. Тамъ же.

Напрейка, умен. имени соб. - **Онуфрій**.
Нарочъ, с. м.—лемехъ, сошникъ. Слов. г. Носов. стр. 317.

Нахуванійка, с. ж.—холя.
Нацинка, с. ж.—ботва.
Небоpакъ, с. м.—бѣднякъ.

Не(я)бога, с. общ. (зв. небоже) - пріятель, любезный.
Не(я)бощикъ, с. м.—покойникъ.
Не(я)вѣхна. с. ж.—невѣста.

Недбалица. с. общ.—нерадивецъ,—вица.
Не(я)дзѣля. с. ж.—воскресенье.
Не(я)делужный, прл. — нездоровый. Слов. г. Носов. стр. 330.

Нейдзѣ, нар.—негдѣ.
Нема и **нима**, гл. безл.—нѣтъ.
Нехай,—пускай, пусть.

Николи, нар.—никогда.
Норовъ, мн. норовы, 1) нравъ, обычай, 2) своенравіе. Слов. г. Носов. стр. 312.
***Носиво**, с. ср.—верхнее платье холщевое.

***Ночвы**, с. ж., употребляетея только во мн. большое корыто для мытья бѣлья.
***Ночоўка**, умен. пребыд.

Нуда, с. ж. 1) нечистота въ тѣлѣ и въ головѣ, 2) нищета, голодъ.
Нудзиць, гл. д. 1) понуждать, 2) гл. ср. скучать.

О.

Обаранка, с. ж. — крендель, витушка.
Обачиць, сов. гл. ср. бачиць—**видѣть**.
Обадва и **обыдва**, числ.—оба. Въ этомъ же смыслѣ обадва употребляется въ Псковск. и Тверск. губ.,—по аналогіи очень близко сюда подходитъ и нѣм. allebeide.

Обора, с. ж.—тонкая веревка въ родѣ бичевки, прикрѣпляемая къ лаптямъ, 2) скотный дворъ. Слов. г. Носов., стр. 351.

Оброкъ, с. м.—дача овса лошади, или самый овесъ даваемый лошадямъ. Слов. г. Носов. стр. 352. Часто для избѣжанія зіянія употреб. и форма **брокъ**, напр. сѣно броку. Ср. Литовск. abrakas—сѣчка перемѣшанная съ овсомъ для корму лошадямъ.

Обротка, с. ж., умен. слово **оброць** - пеньковый недоуздокъ. Слов. г. Носов., стр. 252.—Въ Арханг., Казанск., Пск. и Ярославск. губ. оброть и обротка означаетъ мочальную или веревочную узду.

Обрусъ, с. м.—скатерть. Ср. Слав. оуброусъ (Слов. церковно-славянскій Востокова), польск.: obrus, литов. àbrazas.

Обѣцаць, сов. отъ гл. обѣцоваць—обѣщать. Слов. г. Носов. стр. 236.

Одарка, с. ж. имя отъ крещенія — Дарья.

Одрынецъ, и **одринецъ**, нца, с. м. 1) сарай для сѣна, 2) конюшня. Слов. г. Носов., стр. 360.

Од(т)чиняць, гл.—отворять.

Окпицьця,—гл. возвр.—обмануться.

Опануцьца, гл. возр.—очутиться далеко.

Опонтанный, прл.—обезумѣвшій. Слов. г. Носов. стр. 365.

Оралля(е)—тоже, что **раллё**, с. ср. - 1) вспаханное поле, 2) пахота, ораніе. Слов. г. Носов., стр. 554.

Орѣхоўя(е) — с. ср — орѣховое дерево, орѣшина.

***Ославицьца**, гл. возвр.—отозваться.

Осудникъ и умен.

Осудничекъ, чка, с. м.—осудитель, любящій осуждать другихъ. Слов. г. Носов. стр. 370.

Осѣць, умен. осѣтка, с. ж.—овинъ съ печкой, гдѣ сушатъ хлѣбъ и молотятъ.

Отказываць, сов. **отказаць**, гл. ср.—отвѣчать.

Ошукаць, гл. д. — обмануть въ торгѣ, мѣнѣ, расчетѣ, надуть.

П.

Падло, с. ж. — 1) издохшее животное, 2) испорченная говядина, 3) слово ругательное.
Паля, с. ж.—свая.
Паненка, с. ж. 1) дѣвица вообще, 2) дочь господина и всякая благородная дѣвица (барышня). Слов. г. Носов., стр. 391.
Пани, с. ж.—госпожа, барыня.
Паничъ, с. м. 1) сынъ пана, господина, 2) всякій благородный неженатый, 3) всякій юноша чисто одѣтый. Слов. г. Носов. стр. 391.
Панна, с. ж.—всякая вообще возрастная дѣвица. Тамъ же.
Пановаць, гл. ср.—1) жить побарски, 2) владѣть, управлять. Тамъ же.

Панчоха, с. ж., чулокъ, умен. панчошка.
Панъ, часто во мн. употребляется и панове, с. м. 1) баринъ, господинъ, 2) говорится изъ вѣжливости вмѣсто мѣстоименія 2-го лица, 3) всякій благородный человѣкъ. — Тамъ же, стр. 392.
Паня, с. ж.—1) барыня, госпожа, 2) говорится изъ вѣжливости вмѣсто ты, 3) хозяйка дома вообще. Тамъ же.
***Папаръ**, с. м.—невспаханное поле:
Папера, с. ж.,—бумага.

Пасъ, с. м.—поясъ, кушакъ.
Пасциць и паствиць, гл. д. 1) пасти, 2) стеречь.
Паўлюкъ, умен. имена отъ крещенія—Павелъ.
***Пахмурница** — что гуляетъ по ночамъ пасмурнымъ.

***Паша**, с. ж.—подножный кормъ.
***Пашница**,—все, что пашется и сѣется.
Певный, прл. вѣрный, достовѣрный.
Перазацьца, гл. возр. опоясываться.
Пераз и **перезъ**,—предл. черезъ.
Перейма и **пирайма**, с. ж. 1) встрѣча, 2) переемъ, 3) выкупъ.

Переймаць и **пирайmаць**, гл. д. — перенимать, ловить бѣгущее, 2) выходить навстрѣчу.
Перепечча и **перепечка**, с. ж.—лепешка.

Перепиваць, гл. д.—передавать что по очереди при питьѣ водки. Слов. г. Носов.

Переплетъ, и **переплотъ**, с. м.—два высокіе вблизи гумна столба, соединенные между собою поперечны и жердями, на которые развѣшиваютъ для просушки разный промокшій немолоченный хлѣбъ. Слов. г. Носов. стр. 407.

***Пересадынка**, с. ж.—пересадинка.

Перепрашиваць, гл. д.—просить прощенія, извиненія.

Перничекъ, умен. сл. перникъ, с. м.—пряникъ.
Першій, числ.—первый.
Пивница и пиўниця, с. ж. 1) пивоварная, 2) пивной подвалъ. Слов. г. Носов. стр. 414.
Пивушечка, с. ж.-любящая водку, пьяница.

Пилиппъ, имя отъ крещенія,—Филиппъ.
Пильно, нар. 1) очень, непремѣнно, 2) настоятельно, строго, 3) прилежно. Слов. г. Носов. стр. 414.
Пильноваць (сов.припильноваць)—1) стеречь, беречь, 2) присматривать за кѣмъ. Тамъ же.

Пи(е)рамыслиць, гл. д.—найти способъ переправить благополучно кого либо съ одного берега рѣки на другой, или вообще выручать.

***Пи(е)радокъ**, с. м.—скамья переносная въ крестьянскихъ хатахъ.
Пасклёнокъ, с. м.—цыпленокъ
Пи(е)трачекъ, умен. соб. им.—Петрокъ, Петръ.

Плывъ и **плынъ**, с. м., употребляется какъ нар.: **ў плынь пущу**,—вплавь.
Плысци, гл. ср.—плыть.
Плотъ, с. м. — бревенчатая изгородь. Слов. г. Носов. стр. 412.

Побрания(е), с. ср. 1) сочетаніе бракомъ, 2) снятіе съ поля льна и конопли. Слов. г. Носов. стр. 422.
Повага, с. ж. 1) уваженіе, 2) важность.
***Повилица**, с. ж.—павилик(ц)а, растеніе cuscuta, повилика, повойница. Слов. Даля.
Повѣтка, с. ж.—умен. слово **повѣць**.
Повѣць, с. ж.—навѣсъ.
Погадаць, гл. ср.—судить о другихъ по себѣ. Тамъ же.

Поглядъ, с. м.—взглядъ.
Подкасацьца, гл. возвр.—подбирать, подгибать полы своей одежи. Слов. г. Носов., стр. 442.

***Подлавкя(е)**, с. ср. пустое мѣсто подъ лавкой, скамейкой.
***Подманычка**, с. ж.—обманъ.
Подморгаць, гл. ср.—подмигнуть.

Подпечча(е), с. ср. — пустое мѣсто подъ печью для хозяйственныхъ надобностей.

Поеднацьца, гл., возвр.—помириться.

Пожиткования(е), с. ср.—употребленіе.

Позычаць (сов. позычиць) гл. д.—одолжать, взять въ долгъ.

Покуль, 1) нар. вопр.: по коихъ поръ? 2) союзъ: пока, покуда.

Покутъ, с. м. и **покута**, с. ж.—1) покаяніе, 2) эпитимья, 3) всякое наказаніе. Слов. г. Носов. стр. 460.

Покуць, с. ж.—почетное мѣсто въ углу подъ образомъ за столомъ. Слов. г. Носов.

Половый, прл. 1) невѣянный, пополамъ съ мякиной. Слов. г. Носов. стр. 462. 2) какъ эпитетъ вола: племяный, на племя, также **пловый**.

Полевания(е), с. ср.—разъѣздъ по полю для подвиговъ.

Полки, с. ж.—только во мн.—пеленки.

Пологъ, с. м.—занавѣсь вокругъ постели. Слов. г. Носов. стр. 462.

Полынуцьци, гл.—полетѣть (?).

Поляндвица, с. ж.—филейная часть борова.

***Поможаночка**, с. ж., женщина, дѣвушка живущая на межѣ, т. е. близко къ деревнѣ,—сосѣдка (?).

Попялъ, с. м.—пепелъ.

Попраночекъ, с. м.—пряникъ.

Порада, с. ж.—совѣтъ.

Породзения(е), с. ср.—порожденіе, происхожденіе.

Посагъ, с. м., и **посага**, с. ж.—приданное.

Посадъ, с. м.—мѣсто, на которомъ сажаютъ невѣсту.

Поселушечка, с. ж., любящая пошляться по селу безъ дѣла,—баклушница, бездѣльница.

Посмо́ргаць, 1) гл. ср. пошаркать, подергать, пообрывать что́ во множествѣ, 2) дергать съ шумомъ.

Посморгаць, гл. д. выдергивать. Слов. г. Носов., стр. 595.

Постатница, с. ж.—жница, занимающая постаць.

Постацяночка, с. ж. умен. отъ предыдущаго слова.

По́стаць, с. ж.—пространство, занимаемое жницами на нивѣ поперегъ полосъ. Слов. г. Носов. стр. 482.

Постаць, с. ж.—полоса съ дозрѣвшею рож Тамъ же.

Поталь, с. ж.—потачка.

Потрепничекъ—полотенцо, концы котораго растрепаны и связаны въ узоръ.

Потваръ, с. м. и потвара, с. ж. 1) баловство, поблажка, 2) общ.—упрямецъ.

Потылица, с. ж.,—затылокъ.

Почопка, с. ж.—перевязь, дужка у ведра.

Праженный, прл., жареный на сковородѣ.

Праца, с. ж.—трудъ.

Праць, гл. д.—прать, перу, перишь.

Прачистая—день Успенія.

Прачистая Меньшая—Рождество Богородицы.

***Прибрамочка**—калитка (отъ сл. брама—ворота).

Привитаць, гл. ср.—привѣтствовать.

Пригадаць, гл. ср.—придумывать, пріискивать.

Пригарнуць, гл. д.—прижать, приласкать.

Пригода, с. ж.—1) выгода, помощь, 2) нечаянное, непріятное обстоятельство, происшествіе. Слов. г. Носов. стр. 499.

Пригонница, с. ж.—работница, выгнанная на барщину. Тамъ же.

Пригонятый (пригонщикъ), прл., употребляемое вмѣсто сущ.—наблюдающій надъ барщинною работою, побуждающій къ работѣ. Тамъ же.

Приданка, с. ж.—подруга невѣсты, собирающая подарки въ ея пользу на свадьбѣ и помогающая ей шить приданное. Тамъ же, стр. 500.

Приздобиць (сов. отъ гл. здобиць)—приукрасить, приубрать хорошими уборами, напр., невѣсту къ вѣнцу.

Прилегаць, гл. ср.—подступать, ложиться (говорится о болѣзненномъ положеніи). Слов. г. Носов. стр. 503.

Прилука, с. ж.—случай.

Примыльничекъ, чка.

***Присвятокъ**, с. м.—канунъ свята, т. е. праздника.

Прихилицьца, гл. возвр.—приклониться къ кому, присоединиться.

Прицяренокъ, с. м.—пристройка къ терему или при теремѣ.

Прожній, прл.—порожній (съ польск.)

Пронуда, с. общ. 1) проказникъ, - ница, утѣшное дитя, 2) смѣтливый, - ая, 3) необыкновенное явленіе. Слов. г. Носов. стр. 524.

***Просцень**, с. м. починокъ, початокъ, т. е. веретено пряжи.

Чаму-жъ мяне, мамухна, ня будзила?
Ябъ твою кудзельку скрущила,
Напралабъ просцень зъ биросцень,
Наматалабъ ўюшку зъ подушку. (Въ слов. г. Носов. въ эт. знач. нѣтъ).

Прохутаць, гл. д.—закрывать.
Прудникъ, с. м.—мельникъ.
Псуваць, псую, гл. д.—портить.
Птахъ, с. м. — лѣсная птица. Слов. г. Носов. стр. 537.
Птушка, с. ж.—птица. Тамъ же.
Пуга, с. ж. — 1) пеньковый хлыстъ, 2) плеть, кнутъ. Слов. г. Носов. стр. 537. Умен.—**пужка**.
Пудзиць, гл. д.—пугать. Въ этомъ же знач. слово **пудить** въ Вятск. г. см. Доп. къ Обл. Слов.
Пушонъ, прл. усѣч.—хлѣбъ пушонъ, пухомъ запорошенъ: съ мякиною, которая должна бы отвѣваться пухомъ. Обычный хлѣбъ Бѣлороссіи. Г. Безсонова: Бѣлорусскія пѣсни ч. I, стр. 143).
***Пура**, с. ж.—(мѣра сыпучихъ веществъ) четверть.
***Пыжма** и **пижма**, с. ж.—растеніе: дикая рябина, жолтая, — полевая, рябинникъ, глистникъ и т. д. См. Словарь Даля.
***Пылата**, с. ж.—жаръ.
Пытаць, гл. д.—спрашивать.
Пя(е)кота, с. ж.—жаръ, зной.
Пя(е)люшки, с. ж. употреб. во множ.—пеленки.
Пя(е)рунъ, с. м.—громовый ударъ; польск. piorun, литовск. perkunas; употребл. теперь только въ означен. смыслѣ.
Пяцьдесяткй, с. ж.—монета въ 50 коп.—полтинникъ.
***Пяцельникъ**, с. м.—или пецельникъ,—негодяй, сорванецъ,висѣльникъ (брань). Слов. Даля.
Пяценка, с. ж. — Св.-мученица Параскевія, именуемая Пятницею передъ днемъ св. Петра.

Р.

Рада, с. ж.—совѣтъ.
Радзиць, гл. ср.—совѣтоваться.
Разважаць, гл. ср.—раздумывать, размышлять.
Разнова, с. ж.—разногласіе.
Разомъ, нар. 1) вмѣстѣ, заодно, 2) вдругъ.
Раиць, гл. ср.—тоже, что и радзиць—совѣтовать (корень **рад-**).
Раллё, с. ср.—взоранное поле, 2) пахота, ораніе.
Раме, с. ср. (во мн.—рамёна)—плечо.
Рамéнь, с. м.—ремень.
***Росходзины**, с. ж. во мн.—разставаніе, прощаніе.
***Расчиняць**, гл. д. — растворять, напр. хлѣбъ, пироги.
Рата, с. ж. — условленная, арендная сумма, годовая плата. Слов. г. Носов. стр. 567.
Ратоваць и ретоваць, гл. д.—1) ретиво поспѣшить на помощь въ бѣдѣ, 2) скоро, поспѣшно помогать. Слов. г. Носов. стр. 562. — Ср. нѣм. retten.
Раховаць, гл. д.—считать. ср. польск. rachowaé, нѣм. rechnen.
Роўноваць, гл. д.—1) уравнивать, дѣлать равнымъ что, 2) ставить въ уровень съ кѣмъ либо. Слов. г. Носов. стр. 563.
***Расчина**, с. ж.—1) растворъ, 2) уха изъ бураковъ и разсола.
Рзаць, гл. ср.—ржаць. Употребляется и форма: иржаць. См. Слов. г. Носов. стр. 225.
Риза, с. ж.—ряса, мѣстами и платье.
Риззё, с. ср.—лохмотье, ветошь. Слов. г. Носов. стр. 562.
Ризійка и **ризка**, умен. ризочка, с. ж., рубашечка или холстъ, приносимый воспріемницей для принятія младенца отъ купели. Слов. г. Носов. стр. 562.
Рипинка и Грипинка, имя отъ крещенія (умен.)—Аграфена.
Робиць, гл. д.—работать.
Родзенный, прл.—родный.
Родзина, с. ж.—1) мѣсто рожденія, родина, 2) родственники, родные, родня.
***Розынка**, с. ж.—изюмина.
Рожа, с. ж.—роза.
Рожоный, прл.—родный.
Рожонъ, с. м. — копыль, заостренный шестъ, колъ,—острый торчекъ, тычекъ, рогъ. Слов. Даля.
Розумъ, с. м.—разумъ.
Рокъ, с. м.—годъ.
Роса, умен. **росица** и **росичка**, с. ж.—растеніе очень рѣдкое и низенькое Alchimilla vulgaris. Слов. г. Носов. стр. 566.
Рудый, прл. темнорыжій. грязнокрасный. Тамъ же, стр. 568.
Рузалька, умен. им. соб. **Рузалія**.
Руно, с. ср. 1) шерсть, снятая въ овцы, 2) пушистая зелень на засѣянномъ полѣ. Слов. г. Носов. стр. 568.

Рунь, с. ж.—перье, листье зеленаго на корнѣ хлѣба. Тамъ же.
***Рута**, с. ж. растен. Ruta graveolens. Слов. Даля. Ср. нѣм. Raute.
Рутвяный, прл. относящійся, принадлежащій рутѣ, или изъ руты сдѣланный.
Руцня, с. ж.—горсть вытрепанной и очищенной пеньки. Слов. г. Носов. стр. 569.
Рушиць, гл. д.—трогать.
***Рыжовый**, прл. — рисовый, изъ рисовыхъ крупъ.
***Рыдзелька**, с. ж.—небольшой заступъ.

С.

Сакера и сѣкера, с. ж.—топоръ, сѣкира.
Свадзебный, прл.—свадебный.
Сварицьца, гл. возв.—ссориться.
Свекорка, с. м. смягч. слова: **свекоръ**.
Свекратокъ, с. м. свекорь.
Свентый, прл. святой (съ польскаго).
Свенцонное, въ знач. с. ср.—пасхальныя, освященныя кушанья.
Святковаць, гл. д. 1) праздновать, чтить, 2) въ знач. средн.—вообщ. праздновать. Слов. г. Носов. стр. 576.
Свято, с. ср.—праздникъ.
Свацця, с. ж.—сваться, умен.- **свашка, свашечка**.
Селѣто, нар.—этого года.
Середзина, с. ж.- крестецъ.
***Семка**, с. м. 1) имя отъ крещенія Симеонъ, 2) день. Преподобнаго Симеона, на 7 недѣлѣ послѣ Пасхи.
***Сивецъ, мн. сиўцы**—лошадь сивой масти.
Сивка-воронка, с. ж.—птица—coracias.
Скарбъ, с. м.—имущество, казна.
Скарбовый, прл.—относящійся къ имуществу, казнѣ.
Скондъ, нар. (съ польск.): откуда.
Скубаць, сов. наскубаць, гл. д.—дергать, щипать. Слов. г. Носов. стр. 588.
Скула, с. ж.—чирей.
Скуцець, с. м.—кусокъ полотна, холста, въ нѣсколько аршинъ.
Скрыня, с. ж.—большой сундукъ.
***Слугиваць**, гл. ср.—служить, быть слугою, отправлять должность слуги.
Сличный, прл.—прекрасный, отличный.
Смага, с. ж. 1) сухость губъ или накипь на губахъ отъ жару, трудовъ, болѣзни, 2) жажда. Слов. г. Носов. стр. 593.
Смаковаць. гл. д.—отвѣдывать для узнанія вкуса, пробовать. Ср. польск. smakować, нѣм. schmecken, литовск. smekas.
Смакъ, с. м.—вкусъ (ср. нѣм. geschmak).
Смачный, прл. вкусный (ср. нѣм. schmakhaft).
Снѣдання(е), с. ср.—завтраканіе и завтракъ. Слов. г. Носов. стр. 598.
Снѣдаць, сов. поснѣдаць, гл. ср.—завтракать. Тамъ же.
***Сойка**, с. ж., умен. союшка (нач. **сея** — лѣсная птица съ хохолкомъ и голубымъ перомъ, изъ роду воронъ—Corvus glandarius. Слов. Даля.
Солодкій, прл.—сладкій.
Сокотаць, гл. ср.—кричать по куриному (кудахтать). Слов. г. Носов. стр. 599.
Сороки, с. м. употреб. во мн.—день 40 мучениковъ, празднуемый 9-го марта.
Сопронька, с. м. ум. им. отъ крещенія—**Софроній**.
Сорокоўка, с. ж. сорокъ грошей или двугривенный.
Соромъ, с. м.—стыдъ, срамъ.
Сопкій, прл.—разсыпчатый.
Сочиць, гл. д.—подстерегать, искать. Слов. г. Носов. стр. 602.
Сподобаць, гл. д.—полюбить, удостоить.
Сподобацьца, гл. возвр.—нравиться.
Сподзѣвацьца, гл. общ.—надѣяться, ожидать.
Спожа, с. ж.—1) госпожа, 2) праздникъ Успенія Божей Матери. Слов. г. Носов., стр. 605.
Спотыкацьця, и взаим.—встрѣчаться.
Ставецъ, с. м.—глиняный сосудъ.
Стадникъ, с. м. — пастухъ, человѣкъ, имѣющій надзоръ за стадомъ.
Стайня, и стайна, с. ж.—конюшня, умен. стаенка.
Станивенькій, прл. отъ сущ. **станъ**, т. е. порядочный, хорошъ, красивъ станомъ.
* **Станокъ**, с. м. — станъ, верхн. половина жен. рубахи, а нижняя—пóстань. Слов. Даля.
Статокъ, с. м. соб. — домашній крупный скотъ. Слов. г. Носов. стр. 614.
Стодола, с. ж. — 1) сарай при самомъ заѣзжемъ домѣ, 2) обширный скотный дворъ, хлѣвъ. Тамъ же.
* **Стодóленька**, с. ж. (умен. предыд. слова) — житница, овинъ безъ печки. (Бѣлорусскія пѣсни, ч. I, стр. 23).

Столь, с. ж.—потолокъ.
Сто́пка, с. ж.—см. *истопка*.
Сто́пчикъ, с. м.—ступенька, подставка, пенекъ. (Бѣлор. пѣсни г. Безсонова, ч. I. стр. 75).
Сторо́жа, с. ж.—1) стража, 2) осторожность.

Сторонѧ, с. ж.—въ гумнѣ пазуха (промежутокъ), гдѣ складывается хлѣбъ въ стогахъ. Слов. г. Носов., стр. 616.
Стра́ва, с. ж.—всякое вообще свареное кушанье. Тамъ же. Ср. лит. strova.
Стракива, с. ж.—крапива.
* **Стракотá**, с. ж.—пестрота.

* **Стракотый**, пестрый, разношерстный.
Страўка, умен. слово *страва*.
Стрегнотка, с. ж.—какая-то птица.
Стрижень, жняца, с. м. — 1) стержень или быстрая струя въ рѣкѣ, 2) сердцевина въ смолистомъ деревѣ или смолистый сукъ. Слов. г. Носов., стр. 618.

Стрѣ(э)лка—с. ж.—ружье.
Стрѣ(э)льба, с. ж.—ружье.
Стрѣ(э)ха, с. ж. — 1) кровля, 2) край кровли. Слов. г. Носов., стр. 619.
* **Стула**, с. ж. — орарь, эпитрахиль.
Ступень, с. м. — шагъ; ступя(е)нькомъ (нар.)—шагомъ.

Суды, с. ср. употреб. во множ.—пара ведеръ. Слов. г. Носов. стр. 611.
Судзиночка, с. ж. сосудъ, посудинка. Слов. г. Носов., стр. 621.
Суженка, с. м.—женихъ, суженый.

Сукаць, гл. д. — 1) сучить, 2) махать, напр. сукаць свѣчи. Слов. г. Носов., стр. 622.
Сукенька, с. ж.—умен. слова *сукня*.
Сукня, с. ж.—суконня, потомъ просто одежа. (Бѣлорусск. пѣсни стр. 12).
Суница, с. ж. умен. — *суничка* — ягода земляника.
Суничный, прл.—земляничный.
Суро́цы, с. ж. употребл. во множ.—дурное вліяніе недоброжелательнаго глаза. Слов. г. Носов., стр. 624.

Соўсимъ, нар.—совсѣмъ.
Сустрѣ(э)нацъ, гл. д.—встрѣчать.
Сценять, гл. д.—казнить смертью.
Сыпсува́ць, гл. д.—испортить.
Сыроквашa (мѣстами жироквашa), с. ж. —простокваша.
* **Сыциць**, гл. д.—разводить водою, сытою.
Сыцё, с. ср. — довольство, сытость. Слов. г. Носов., стр. 630.
Сягоння и **сянна**, нар.—сегодня, нынче.

Т.

Гадоръ, им. отъ крещенія – Өедоръ.
Тадора, с. ж. им. отъ крещенія — Өедора.
Тата, с. м.—отецъ, умен. и ласкат.— *татуля*, *татулька*, *татулечка*, татка, *татухна*.
Тацянка, имя отъ крещенія (умен.) — Татьяна.
Ти, переходитъ въ *чи*, чи, союзъ вопросит. 1) ли, 2) или, либо, 3) развѣ, 4) если. Слов. г. Носов., стр. 688.—Слово это весьма древнее и встрѣчается уже въ XI вѣкѣ. См. Слов. церковно-слав. яз. Востокова.
Торба, с. ж. — 1) котомка, нищенская сума. Слов. г. Носов., стр. 137.—Ср. лит. *terba*, *tarba*, *tarbas*—торба.
Трасця, с. ж.—лихорадка.
Треба, нар.—нужно.
Треска, с. ж.—щепка.
Трисцѣнъ, с. м.—сарай, составленный изъ трехъ стѣнъ, а 4-ою примыкаетъ къ стѣнѣ другихъ строеній. Слов. г. Носов., стр. 640.

Троха, умен. *трошка*, нар. — немного, немножко.
* **Тросциць**, гл. д.—огороживать тростьемъ.
Труиць, гл. д.—отравлять.
Труна, с. ж.—гробъ. Ср. польск. truna; это слово, по мнѣнію г. Котляревскаго (см. его соч. о погребальн. обычаяхъ язычъ. Славянъ, стр. 24) испорченное среднелатин. *tumba*.
Трымаць, гл. д.—держать.
Тудою, нар.—тамъ.
Турилка, д. б. имя собств. умен. отъ *Кириллъ*.
Тыдзень, с. ж.—недѣля.
Тыдневый, прл.—недѣльный.
Тыниць, гл.—обносить, огораживать тыномъ.

У.

Ў—предл. *въ*.
Ўвесь и **ўесь**, ўсё, ўсего, ўси и проч.
Увознаць, гл. д.—узнать.
Удавацца до кого—ухаживать за кѣмъ.
Удова, умен. *удовка*, с. ж.—вдова, вдовица.
Уединаць, гл. д.—помирить кого, съ кѣмъ.
Уклоняцца, сов. уклоницца, гл. взвр.— нагибаться, поклониться.
Уклонъ, с. м.—поклонъ, привѣтствіе.

Улекацьця, сов. глагола: лекацьца, — испугаться.
Умерци, сов. глаг. ср. умирацъ—умереть.
Уплёты, с. м., употребл. только во мн.,— ленточки, вплетаемыя въ косу.
Учинокъ, с. м.—поступокъ.

Ф.

Фаска, с. ж.—небольшая кадка, посудина.
Фарбовацъ, гл. д. — красить. Ср. русское простонар. и солд. — *фабрить*, съ нѣм. farben.
Фурманка, см. хурманка.

Х.

Хапацъ, гл. д.—хватать, брать тайкомъ, воровски. Слов. г. Носов., стр. 676.
Хата, с. ж.—изба.
Хаўтуры, с. употреб. только во мн. — похороны; мѣстные бѣлорусскіе священники это слово заимствовали изъ жмудскаго языка, *Хаетурасъ*. Г. же Котляревскій (въ своей книгѣ: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 24) считаетъ это слово заимствованнымъ изъ Шкипетарскаго.
Хведоръ, имя отъ крещенія — Ѳедоръ.
Хвеня, с. ж. имя (умен.) отъ крещенія— *Ѳедосья*.
Хвороба, с. ж.—болѣзнь.
Хворосць, с. ж. - болѣзненное состояніе.
Хмара, с. ж.—тучи.
Хмызъ, с. м.—камышъ.
* **Ходаки**, 1) родъ сапоговъ, сшитыхъ безъ подошвъ, 2) ступни, босовики. См. Слов. Даля.
Ходоска, с. ж.—имя отъ крещенія (умен.) —Ѳедосья.
Ховацъ (произносится и хувацъ), гл. д.—прятать, сохранять, - сов. пховацъ, — погребать. Слов. г. Носов., стр. 681.
Холеровацъ, гл. ср. — сердиться, выходить изъ себя, браниться.
Хороводъ, с. м.—толпа, гурьба.
Хортъ, с. м.—гончая собака. Это слово въ ходу въ Арх. и Пск. гг. См. Опытъ Област. Слов. Академіи и Русскія народныя пѣсни, собранныя П. Шейномъ, стр. 389. — Я. Гриммъ (въ св. книгѣ Geschichte der deutschen Sprache, I B. стр. 27) сближаетъ чешск. chrt, польск. chart, лит. Kurtas, латышск. Kurts, эст. hurts.
Хресбины и хрезьбины.
Хрестъ, с. м.—крестъ.
Хресцицъ, гл. д.—крестить.
Хоўрычка, имя отъ крещенія (умен.) отъ *Ховра—Февронья*.
Худо́ба, с. ж. - домашнее имущество.
Худоба́, с. ж.—бѣдное состояніе.
* **Худобочка**, с. ж.—бѣдненькая.
* **Худедоля**, с. ж.—бездольная, несчастная, безталаная.
Хурманка, с. ж.—подвода.
Хуста, с. ж. — платокъ, умен. хустка, хусточка.
Хутко, нар.—скоро, быстро.

Ц.

Цаца, с. ж.—игрушка, забава.
Цвекъ, умен. цвечекъ, чки, цвечки, см. гвоздь.
Цвиръ, с. м., умен. — цвирочекъ, — песокъ, песочекъ.
Цебе, тебя (род. и вин. п. отъ мѣстоим. *ты*).
Цекаво, нар.—удивительно.
Цекавосць, с. ж. 1) любопытство, 2) примѣчательность, вниманіе, 3) диво, удивительное.
Цемный, прл.—темный.
Цеперъ, нар.—теперь.
Ця(я)пло, с. ср.—огонь.
Церпливо, нар.—терпѣливо.
Церпливосць, с. ж.—терпѣливость.
Церци, гл. д.—тереть.
Цесць, с. м.—тесть.
Цетка, с. ж.—тетка.
Цецерукъ, с. м.—тетеревъ.
Цеща, с. ж.—теща.
Ци (см. *ты*).
Цижарный, прл.—тяжелый.
Цинацъ, гл. д.—1) рубить, 2) сѣчь розгами.
Цихій, прл.—тихій.
Цнота, с. ж.—цѣломудріе, честность.
Цотъ, с. м.—четъ.
Цукерка, с. ж.—конфетка.
Цурка, с. ж.—дочка.
Цукъ, отгл. частица означ. 1) мгновенное паденіе, 2) быстрое хватаніе.
Цыбуля, с. ж.—лукъ, отъ лат. cebula, нѣм. Zwibel.
Цынеўый, прл.—цинковый.

Ч.

Чаборъ или **чаборъ**, с. м. — растеніе satureja hortensis—богородичная трав-ка.
Ча(е)лом!—здравствуй!
Ча(е)му, вопр. нар.—отчего? почему?
Чапаць, гл. д.—трогать, зацѣплять.
Чапила, с. ж.—сковородникъ, родъ ухвата для сковороды.

Ча(е)репокъ, с. м.—горшечный черепокъ.
Ча(е)стовацъ, гл. д.—потчивать.
Часъ, с. м.—время.
Чекаць, гл. д.—ожидать, поджидать.
Челядзинъ, с. м. – челядинецъ, домашній человѣкъ.
Челядка, с. ж. — наемная годовая работница.

Челядникъ, с. м. — наемникъ, годовой работникъ.
Че(и)рвоный, прл.—красный.
Черевикъ, умен. **черевичекъ**,—с. м.—башмакъ, башмачекъ.
Чесаць, гл. ср.—идти скоро.
Чій, **чія** (чея) чіе, чіи - мѣстоим. вопр.—чей, чья, чье, чьи.

Чоботъ, умен. чоботокъ, чоботочекъ, с. м. – сапогъ, сапожекъ, сапожечекъ.
* **Чужина**, с. ж.—чужбина, чужая сторона, чужіе люди.

Чуниць, гл. ср.—чувствовать себя лучше, болѣе въ силахъ.

Ш.

Шабля, с. ж. – сабля.
Шалёный, прл. — бѣшеный, назойливый, злой.
Шалупай, с. м.—шелуха.

Шановаць, гл. д. 1) уважать, почитать, 2) сберегать въ чистотѣ, 3) щадить.— Ср. польск. szanować, нѣм. schonen.

Шануючи, дѣепрнч. гл. **шановаць**—прося извиненіе передъ кѣмъ. Слов. г. Носов., стр. 705.
Шастаць, однокр. **шаснуць**, гл. д. — метать, бросать съ шумомъ.
Шата, с. ж. — богатая одежда. Ср. польск. szata.

Швагерка, с. ж.—свояченица.
Швагеръ, с. м.—шуринъ.
Шевцъ и **швецъ**, с. м.—сапожникъ.
Шипилинка, с. ж.—послѣдняя пятница передъ Ильинымъ днемъ.

Шклянка, с. ж. — 1) вообще стекло, 2) стаканъ.
Шкляный прл.—стеклянный.

Шкода, с. ж. — 1) вредъ, потеря, убытокъ, 2) въ знач. безличн. — жаль. Ср. польск. *szkoda*, нѣм. *schaden*, *schade*.

Шлейцы, с. ж. (умен.)—шлеи.
Шлюбоваць, гл. д.—сочетать бракомъ.
Шлюбъ, с. м. — вѣнчаніе, бракъ (ср. польск.)

Шмаровацъ, гл. д. — мазать, подмазывать, марать, пятнать. Слов. г. Носов., стр. 714.
Шнитка, с. ж. — снить, растеніе Aegopodium podagraria, дягилица, купырь болотный. Слов. Даля.

* **Шосникъ**, с. м.—Св. Шосникъ—Вознесеніе.

Шпакъ, с. м., (умен.) шпачекъ — скворецъ.
Шротъ, с. м. — дробь, дробинка, крупинка.

Шпарко, нар.—быстро, очень скоро.
Штонины, с. м. во мн.—штаны, брюки.
Шукаць, гл. д. —искать.
Шулы, с. ж. — 1) колода, 2) столбъ съ пазами въ строеніи или въ огородѣ.

Шума и шумъ,—соръ.

Шуметникъ, с. м.—мѣсто, куда сбрасываютъ соръ.

Шусць! и шусь! междометіе означающее сильное движеніе или дѣйствіе съ шумомъ. Слов. г. Носов., стр. 719.

Щ.

Щирый, прл.—искренній, прямодушный, усердный, чистый, открытый.

Щура, с. ж. и щуръ с. м.—мышь.

Ѣ.

Ѣня(е), с. ср.—употребленіе въ пищу яденіе. Слов. г. Носов., стр. 723.
Ѣсць, ѣмъ, яси, ѣсць, ядзимъ, ядзицё, и ясцё, ядуць, ѣў, ѣўши — ѣсть, кушать.
Ѣсцыньки и ѣсцьки—ласк. отъ предыдущаго слова.
Ѣхаць, ѣду, ѣдзешь, пов.: ѣдзь, ѣдзьце.

Ю.

Юрій, с. м.—Св. Георгій.
Юшка, с. ж.—ушица, сокъ изъ чего-либо вареннаго.

Я.

Ягаўка, с. ж.—сучка.
Я(е)гомосць—его милость, его здоровье—форма деликатнаго обращенія къ лицамъ.
Якій, якая, якое и якоя—вопр. мѣстоим. какой?
Яково, нар.—каково.
Якочиць, гл. ср. плакать на-взрыдъ.
Якъ, нар.—1) какъ, 2) союзъ—нежели.
Якъ шію и якъ шіюць (выраженіе быстроты),—какъ шьютъ, бросаются, летятъ, какъ стрѣлы или иглы. См. Бѣлор. пѣсни, ч. I.
Яленéцъ и еленецъ, с. м.—можжевельникъ и можжевеловыя ягоды.
Я(е)ловица, с. ж.—можжевельникъ.
Яновъ, прл. притяж. отъ имя *Янъ*.
Яночка, им. отъ крещенія (умен.) Иваничка.
Янъ, имя отъ крещенія—Иванъ.
Янъ Сценцель (съ польск.)—день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи,—Иванъ Головорѣзъ.
Яръ, с. м.—яровые хлѣба.
Ярный, прл. отъ *яръ*.
Ярынечка, умен. слова *ярына*—яровой хлѣбецъ.
Ярычный, прл. — все относящееся къ яровому хлѣбу.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Къ №№ 66 и 67. Ср. въ нашей кн. „Русскія народныя пѣсни“ въ отд. дѣтск. №№ 73, 74 и 75, и „Дѣтск. пѣсни“ г. П. Безсонова.

2. Къ № 85. По заведенному изстари обычаю, существующему, по увѣренію туземцевъ, и по сю пору чуть ли не во всей Бѣлоруссіи слуги и работники нанимаются къ сельскимъ хозяевамъ не иначе, какъ отъ колядъ до колядъ. На другой же день Рождества Христова получивъ расчетъ и *коляду* (ковригу хлѣба фунтовъ въ 20, колбасы, окорокъ ветчины, солонину и пр.) отъ своихъ хозяевъ, вся челядь вдругъ и повсюду, не стѣсняясь ничѣмъ, ихъ покидаетъ, чтобы на свободѣ исключительно предаться разгульному веселью и ничего-недѣланью. Этотъ весьма странный обычай ставитъ въ страшно-затруднительное положеніе всѣхъ хозяевъ. См. объ этомъ подробнѣе въ соч. св. Бермана: „Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ Виленской губерніи Ошмянск. уѣзда“, стр. 17—18.

3. Къ № 102. Эта пѣсня, какъ видно, къ сожалѣнію, есть только небольшой осколокъ того прекраснаго цѣлаго, которое подъ названіемъ „женитьбы Царешки“ приводится въ статьѣ „Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію“, помѣщенной въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ Импер. Русск. Геогр. Общества, вып. III 1858 г. стр. 168—69.

4. Къ №№ 123 и 125. Ср. въ книгѣ г. М. Семевскаго: „Торопецъ, уѣздный городъ Псковской губерніи“, СПб. 1864 г. стр. 79, № 78 и стр. 63, № 29.

5. Къ № 126. Ср. въ нашей книгѣ: „Русскія народныя пѣсни“, отд. масляничн. № 2, стр. 407.

6. Къ № 132.

„На горѣ *купоросъ* росъ“.

Купоросъ тутъ есть ничто иное, разумѣется, какъ кипарисъ, слово, которое въ народѣ почти вездѣ употребляется въ формѣ *купарисъ*. Гласная же во второмъ слогѣ здѣсь измѣнилась въ силу воздѣйствія на нее гласной послѣдующей. О такомъ уподобленіи гласныхъ см. сочиненіе Потто „Dozzelung“, стр. 4.

7. № 187 въ исправленномъ видѣ:

У насъ сегодня толока
Щука рыба волокла
А на дворѣ да ни рано.

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Господарь соловей,
Ворочайся живѣй!
Господынка вутка
Ворочайся хутка!
Наварила буракоў,
Насыпала чирвякоў.
Наварила каши,
Насыпала сажи.
А на дворѣ да ни рано.

8. Къ № 231.

Кабъ змія *заломоў* ни ломала,
Ў жицѣ коренння не копала.

„Заломъ—закрута, завертка, завитокъ, завязь въ хлѣбѣ на корню, скрученный знахаремъ пучекъ колосьевъ, на порчу или на пагубу хозяину нивъ; только знахарь можетъ вырвать заломъ“. Словарь Даля.

Уроженецъ Витебск. губ. и уѣзда (быв. Суражск.), г. Н—скій сообщилъ намъ о заломѣ слѣдующія, небезъинтересныя данныя:

Заломъ, по увѣренію крестьянъ, исключительно дѣлается надъ стеблями ржи (почти уже созрѣвшей) такъ:

Какой нибудь недобрый человѣкъ, преимущественно знахарь, почему либо озлобленный противъ своего ближняго, отправляется ночью на ниву послѣдняго, гдѣ онъ, захвативъ горстью нѣсколько

стеблей, скручиваетъ ихъ довольно плотно, не вырывая изъ земли, въ одинъ пучекъ, который онъ надламываетъ такимъ образомъ, что висящіе колосья остаются въ направленіи къ сѣверу. Заломъ, по непоколебимому вѣрованію нашихъ крестьянъ, таитъ въ себѣ большую губительную силу: отъ простаго прикосновенія къ нему разслабляется рука и все тѣло, является колтунъ; беременныя женщины выкидываютъ и вообще приключаются многіе другіе случаи, исходъ которыхъ всегда — смерть. Зерна изъ колосьевъ залома даютъ какой-то фантастическій плодъ, а употребляемый въ пищу— производитъ холеру.

При такомъ вѣрованіи въ могучую силу залома весьма естественно, что вся деревня впадаетъ въ страхъ и трепетъ при одномъ только извѣстіи о немъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по убѣжденію всѣхъ, съ одинаковою силой дѣйствуетъ и на скотъ. Понятно по этому, что все населеніе изо всѣхъ силъ старается какъ можно скорѣе сжить такую бѣду и на заподозрѣннаго виновника ея смотритъ съ особеннымъ негодованіемъ. Вырывать, уничтожить заломъ можетъ исключительно только знахарь.

Во многихъ мѣстахъ Смоленской и другихъ губерній для этого приглашается на мѣсто появившейся напасти только священникъ, который по прочтеніи молитвы разрываетъ заломъ и окропляетъ святою водой всю ниву, начиная съ того мѣста, гдѣ была закрута. Затѣмъ и нѣкоторые хозяева сосѣднихъ полей приглашаютъ батюшку для освященія и окропленія святою водой и ихъ нивы.

Вѣрованіе въ заломъ, подъ различными только названіями (см. выше выписку изъ слов. Даля) довольно распространено и въ Великороссіи. Оно, какъ видно изъ Областнаго Словаря и дополненій къ нему, существуетъ кромѣ названной и въ губерніяхъ Тверской, Псковской и Курской. Если у крестьянина последней губ. (Судж. у.) случится на нивѣ заломъ, то онъ обыкновенно обращается къ сосѣду или знакомому съ такими характеристичными словами: „У меня *закрута* въ полѣ, не знаешь ли знахаря-ворожея, чтобы ее открутить"? (Опытъ Областн. Словаря изд. Втор. Отд. Академіи Наукъ, стр. 63). Въ дополненіе къ сказанному см. „Сказанія русскаго народа Сахарова", изд. 3-е, т. 1, стр. 53, № 8: „хлѣбная завязка".

9. Къ №№ 216, 217 и 218. Ср. въ изд. въ 1859 г. въ Саратовѣ г. Д. Мордовцевымъ „Малорусскомъ Сборникѣ“ стр. 234 пѣсню, зап. въ Кіевѣ г. Н. Костомаровымъ, подъ заглавіемъ: „Братъ зъ сестрою“. Сходство этой легенды съ нашими варіантами поразительное, за исключеніемъ только начальныхъ 10—12 стиховъ, служащихъ какъ бы введеніемъ (въ №№ 216 и 217). Въ главныхъ чертахъ содержаніе этой пѣсни распространено во множество варіантовъ у другихъ славянскихъ народовъ и у нѣмцевъ (см. Wendische Lieder Гаупта и Смоляра ч. 1 стр. 329), но нигдѣ тамъ не упоминается о превращеніи брата и сестры въ цвѣтокъ.

10. Къ № 219 и 220. Ср. въ Сборникѣ Метлинскаго: „Народныя южнорусскія пѣсни“ стр. 311.

11. № 268 въ исправленномъ видѣ:

Разгорися вячернія зорка пирадъ ранею,
Разгорися!
Расходзися наша господынка пирадъ жнейками,
Расходзися!
Одмыкай-жа высокіе цирамы золотыми ключьми,
Одмыкай-жа!
Выбирай-жа тонкіе обрусы голанцкіе,
Выбирай-жа!
Засцилай-жа тонкими обрусми чисовые столы,
Засцилай-жа!
Наливай-жа зяленымъ виномъ золотые кубки,
Наливай-жа!
Да й витай-жа першую жнейку постацяночку,
Да й витай-жа!
Выпи, выпи першая жнейка постацяночка,
Выпи, выпи!

12. Къ стр. тома 460, оттисковъ же 176. Описанный обрядъ (завиванія бороды) совершается не только во многихъ мѣстахъ Великой и Малой Руси, но и въ Германіи, Швеціи, остальной Европы и въ другихъ частяхъ свѣта. См. Аѳанасьева: „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“, т. I, стр. 141 и 697—8; „Сборн. народныхъ южнорусск. пѣсенъ“ Метлинскаго, стр. 325 — 327,

Этногр. Сборн. вып. 1, ст. м. Александровка (Черниговск. губ.) св. Базилевича—стр. 334; Мангардта: Die Korndämonen, стр. 12 и 22 и наконецъ статья Бастіана: Der Baum in vergleichender Ethnologie въ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft Лацаруса и Штейнталя, т. 5. Изъ послѣдней статьи стр. 300, позволимъ себѣ выписать здѣсь нѣсколько интересныхъ строкъ: „Какъ при жатвѣ ржанаго поля оставляютъ отдѣльный снопъ недожатымъ для того, чтобы дать послѣднее убѣжище житной тетки, прогнанной изъ своей обширной территоріи, до сихъ поръ ею занимаемой, такъ точно при культивированіи лѣсныхъ пространствъ въ Ость-Индіи обыкновенно оставляютъ пару пней для демоновъ, лишившихся доселѣшныхъ своихъ обиталищъ, сосредоточивая, такъ сказать, этимъ міръ духовъ на болѣе тѣсномъ пространствѣ“ и т. д.

13. Къ 341 стр., оттисковъ 57. Хороводная и святочная игра ящуръ или ящеръ существуетъ и въ Россіи. См. въ нашей книгѣ въ отд. „святочныя игрища“, стр. 386, № 7.

14. № 395 предлагаемъ въ слѣдующемъ исправленномъ видѣ:

Ай гóра, гóра шаўцова доля
Што дзѣўки ня любяць!
Одна любила и загадала
Чаровичиньки шици.
„Поши жа ты мнѣ чаровичиньки
Зъ комаровой скурки“. } 2
— „Коли я буду чаровички шици
Зъ комаровой скурки
Напрадзи жа мнѣ тонипькой дратоўки
Тонѣй пауцинки“. } 2
— Коли я буду дратоўки прасци
Тонѣй пауцинки,
А соши жа мнѣ тонку кошульку
Бязъ нитки, бязъ иголки“. } 2
— „Коли я буду кошульку шици
Бязъ нитки, бязъ иголки,
А улови ты мнѣ бѣлу рыбинку
Бязъ сѣци, бязъ чаўночка“. } 2
— „Коли я буду рыбку ловици
Бязъ сѣци! бязъ чаўночка,

А зготуй ты мнѣ бѣлу рыбиньку,
Штобъ яна была живусинька".
— „Коли я буду рыбку варици
Штобъ яна была живусинька,
А бяры жъ ты бѣлу рыбу,
Штобъ яна была цалюсинька".

Видно не конченная; далѣе пѣвица не могла ничего припомнить. Ср. въ нашей книгѣ: «Русскія народныя пѣсни», отд. «плясовыя», стр. 231 — 233 № 85 и 86.

15. Къ №№ 610—616. *Коровайныя* пѣсни, распѣваемыя на свадьбахъ при довольно сложной церемоніи печенія коровая входятъ важнымъ элементомъ въ составъ свадебнаго обряда какъ у сельскаго населенія другихъ мѣстностей Бѣлоруссіи (см. Зенкевича: Piosnki gminne ludu pinskiego, стр. 67—64; „Этнографич. взглядъ на Виленск. губ." въ „Этногр. Сборникѣ" вып. III, стр. 242—547, №№ X—XXIII), такъ и у Малоруссовъ и Червоноруссовъ (см. Сборн. Метлинскаго „Народныя южнорусскія пѣсни" стр. 160—166; Этногр. Сборникъ 1858, вып. III, стр. 11 — 12; Этнограф. Сборн. 1853, вып. I, ст. свящ. Иваницы: „Домашній бытъ Малоросса", стр. 352—353 и Сборникъ Войцицкаго: Piesni ludu т. II, стр. 134 — 135, 142, 145 — 146). Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ церемоніяхъ и пѣсняхъ бросаются въ глаза еще свѣжіе, весьма крупные слѣды религіознаго культа, видимо состоявшаго въ тѣсной связи съ культомъ земледѣльческимъ.

16. Къ №№ 662 и 663. Ср. въ Сборн. Метлинскаго „Народн. южнор. пѣсни" стр. 204.

17. № 722 относится собственно къ „Колядныимъ". Ср. вар. къ нему въ Сборн. Р. Зенкевича: Piosenki etc. Kowno 1851, стр. 6—10. Послѣдній варіантъ вообще полнѣе нашего, только въ немъ недостаетъ курьезнаго начала:

„Шли пастыри изъ Ерусалима
Отъ поўночи до Максима",

а начинается прямо съ третьяго, по нашему списку, стиха:

Максимъ стары бородаты
Изпужався и т. д.,

такъ-что остается непонятнымъ, чего испугался онъ?

18. Къ №№ 723, 724 и 725. Ср. тамъ же стр. 232—234.

Замѣтка къ жнивнымъ (спорышевымъ) пѣснямъ.

Едва ли у какого либо изъ славянскихъ народовъ сохранилось до нашего времени столько обычаевъ, обрядовъ, суевѣрій и пѣсенъ, относящихся къ земледѣльческому быту и напоминающихъ собою глубокую миѳологическую древность, какъ у забитыхъ, многострадальныхъ Бѣлоруссовъ. Ихъ поэзію безошибочно можно назвать земледѣльческою, *аграрною.* Причины этой сохранности, этой долговѣчности нужно искать не столько въ историческихъ, сколько въ территоріальныхъ и экономическихъ условіяхъ Бѣлорусскаго народа. Бѣлоруссъ—исключительно пахарь, и до послѣдняго времени, т. е. до начала проведенія желѣзнодорожныхъ линій въ западныхъ губерніяхъ,—кромѣ хлѣбопашества, онъ почти и не зналъ никакихъ другихъ источниковъ обезпеченія своего существованія; а извѣстно, что изъ всѣхъ сословій самое устойчивое, самое консервативное во всемъ, это—сословіе земледѣльческое. Оно всегда и повсюду обыкновенно тѣмъ упорнѣе держится завѣтовъ своихъ предковъ, тѣмъ ревнивѣе хранитъ въ возможной неприкосновенности ихъ преданія и вѣрованія, чѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе попытка окружающихъ его народностей оторвать его отъ нихъ и навязать ему свое убѣжденіе, свое міровоззрѣніе, свои традиціи. Не тоже ли самое мы видимъ въ исторіи Бѣлоруссіи? Стоитъ только вспомнить, какимъ страшнымъ колебаніямъ въ теченіе послѣднихъ вѣковъ подвергались коренныя національныя основы Бѣлорусскаго народа со стороны Литвы, Польши и папства, и живучесть обрядовой ея поэзіи съ весьма плотною миѳическою под-

кладкой, прочность и нерасшатанность ея аграрныхъ обычаевъ разъясняется само собою. Дальнѣйшій ходъ историческихъ судебъ прикрѣпилъ Бѣлорусса къ землѣ такими тяжелыми, будто заколдованными цѣпями, высвободиться изъ-подъ которыхъ не было ни какой возможности. Отсюда ясно, почему мы въ Бѣлоруссіи почти не встрѣчаемъ купеческаго, ремесленнаго, мѣщанскаго сословія въ средѣ христіанскаго населенія. Этого бы паны не допустили— на то у нихъ были Евреи. На долю же раба крестьянина осталось одно вѣчное, безвыходное занятіе — хлѣбопашество. На немъ то поэтому естественно сосредоточились всѣ его помыслы и стремленія; оно послужило основаніемъ его міросозерцанію, складу его понятій и источникомъ всѣхъ его радостей и печалей, всѣхъ его упованій и надеждъ. „Самая жизнь земледѣльческая, говоритъ нашъ почтенный археологъ и этнографъ Снѣгиревъ, сближающая человѣка съ природою, для него то благопріятною, то враждебною и призывающею его къ общенію съ подобными себѣ, есть обильный источникъ вѣрованій и обычаевъ, поэтому работы и праздники земледѣльческіе соединены съ таинственными обрядами, обѣтами, жертвами и гаданіями, освящаются именами с. покровителей земледѣльческихъ работъ и разнаго рода жита и овощей' составляющихъ вещественное богатство поселянина. Оно выражается въ старинной пословицѣ: „всякаго жита по лопатѣ". Чѣмъ болѣе было у поселянина язычника разнаго рода хлѣба и овощей; тѣмъ болѣе боговъ, покровительствующихъ онымъ; — чествованіе сихъ покровителей есть и источникъ празднествъ земледѣльческихъ и сельскихъ" *). Эти слова, высказанныя лѣтъ 35 тому русскимъ ученымъ, вполнѣ подтверждаются всѣми археологическими и этнографическими изслѣдованіями нашего времени; въ доказательство чего, намъ кажется, достаточно будетъ привести подходящее сюда мнѣніе знаменитаго ученаго путешественника, этнографа и лингвиста, профессора Берлинскаго университета, Адольфа Бастіана. „Начало свое, говоритъ онъ, мистеріи берутъ изъ обрядовъ земледѣльческихъ; эти обряды представляютъ нѣкоторымъ образомъ простѣйшую форму, обратившуюся въ законъ церемо-

*) См. «Русскіе простонар. празд.» вып. IV М. 1839, стр. 89—99.

ніальной религіи, которая могла сложиться въ систему только при переходѣ номадной жизни къ осѣдлости" *).

Земледѣліе преимущественно послужило многимъ народамъ древняго и новаго міра началомъ и краеугольнымъ камнемъ религіознаго, миѳологическаго культа. Взглянемъ, напримѣръ, хоть въ миѳологію древнихъ Римлянъ: тамъ мы видимъ, что возникновеніе и существованіе большинства ихъ боговъ обусловливается земледѣліемъ: „Сея (Seia) завѣдывала посѣвами, пока они находились подъ землею, Сегета принимала ихъ подъ свою опеку уже по выходѣ ихъ изъ почвы, Тутилина покровительствовала собраннымъ съ полей колосьямъ, Надотъ—завязи стеблей, Волатина—шелухѣ колосьевъ, Пателина—раскрывшимся лепесткамъ, Гастелина—ости колосьевъ; далѣе Флора берегла колосья въ цвѣту, Ранцина радѣла о жатвѣ, сборѣ" **). Тоже самое явленіе мы встрѣчаемъ, какъ у другихъ народовъ древности, такъ и въ уцѣлѣвшихъ, довольно значительныхъ обломкахъ вѣрованій современныхъ намъ Бѣлоруссовъ. Изъ этихъ обломковъ весьма прозрачно видно, что во времена язычества чуть ли не каждое движеніе впередъ процесса роста злаковъ: прозябеніе, всходы, созрѣваніе и пр., каждая полевая работа, какъ наприм. пахота, сѣвба, жатва и пр.—все это находилось подъ особымъ попеченіемъ какого либо божества. Старая истина, что народъ весьма медленно и неохотно разстается съ своими суевѣрными понятіями и религіозными убѣжденіями, вкоренившимися въ него въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, — вполнѣ оправдалась и тутъ. Въ Бѣлоруссіи, при введеніи христіанства вся масса коснѣвшаго въ язычествѣ народа, весьма поверхностно затронутая его высокими истинами, для избѣжанія нареканій и преслѣдованій со стороны своихъ новыхъ духовныхъ пастырей, ухитрилась, какъ видно, подвести свои старыя вѣрованія подъ новыя заглавія, пріурочивъ ихъ только къ святымъ и угодникамъ непривычной, непонятной ей религіи. Вотъ почему изъ-подъ весьма неглубокаго, довольно зыбкаго наслоенія христіанскихъ понятій въ Бѣлорусскомъ народномъ творчествѣ выглядываетъ цѣлый крѣпкій кряжъ языческихъ представленій. Богъ, Божія Матерь, Апо-

*) См. А. Бастіана на: Der Mensch in der Geschichte, T. III, стр. 58.
**) Тамъ же, стр. 36.

столы, святые мученики и угодники Божіи, даже многія отвлеченныя понятія христіанской церкви въ обрядовой поэзіи Бѣлоруссa облечены плотью и кровью и имѣютъ весьма опредѣленныя, рѣзко очерченныя обязанности въ дѣлѣ обработыванія его полей и благоустройства его хозяйственныхъ и семейныхъ обстоятельствъ. Всѣ эти высшіе, неизмѣнные, безсмертные радѣтели его земнаго благополучія изображены имъ не только со всѣми добродѣтелями и слабостями простыхъ смертныхъ, но даже снабжены довольно крупнымъ оттѣнкомъ крѣпостничества и патріархальнаго панства.

Наприм. изъ отд. Купальск.

Самъ Богъ мёды сыциць,
Илля пиво варыць,
Самъ Богъ сына жениць
А Илля дочкў выдаець и т. д. № 230.

или: Сегодня ў насъ Купала. То, то, то
Самъ Богъ огонь расклаў,
Ўсихъ святыхъ къ себѣ созваў;
Только нѣту Илли съ Пятромъ,
Пошоў Илля коло жита. № 232.

Изъ отд. Свадебн.

или: Самъ Богъ коровай мѣсиць,
Прачистая свѣциць и т. д. № 611
или: Коровай мой румяны!
Ци боги цябе малевали? № 614

Изъ отд. жнивныхъ:

или: Будземъ сестра жито жаць
И ў жицѣ Бога искаць.
Нашли Бога зъ барылычкой,
Зъ красной горэлычкой и т. д, № 274

Въ слѣдующемъ затѣмъ №, изъ Леп. у. зап. мною, повторяется тоже самое.

—

Изъ отд. Волочебныхъ.

Прачистая да и Большая
Житцо посвянцала, засѣвала,
Да и Меньшая, дыкъ лѣпшая Паненочка,

Пиредъ Богомъ кланялася:
А я жъ, Боже, не гуляла,
Житцо пахала, ў грань погоняла,
Ў грань погоняла, яро збирала. № 142

Божія Матерь ѣдетъ по владѣніямъ пана Григорки въ каретѣ:

....ѣхала карета
Мулеванная, вызлочанная.
Хто же ў той карецѣ? Сама Госпо́жа,
Сама Госпо́жа, Матка Божжа,
Матка Божжа и Прачистая.
Яна прiѣзжала, сама привитала,
Да на конечку, да на буланенькомъ.
А святый Юрій за повозничка,
Святая Микола за помощничка.

Она встрѣчаетъ волочевничковъ:

Сустрѣўши, уклонились,
Уклоннўшися, помолилися.
Волочовнички, бѣлые молойцы!
Чи не видзѣли, чи не бачили,
Бога своего, сына моего?
— Да одзинъ каже: я же не бачеў,
Да другой каже: я не видзѣў,
А трецци каже: я самъ тамъ быў:
Да и сидзиць Боже ў честного мужа,
Ў честного мужа, пана Григорки и т. д. № 147
Прачистая Маць по пахацѣ ѣдзець:
Возьми конями да ўсё вороными,
Тремя слугами да ўсё вѣрными:
Святы Ягорья на козлахъ сядзиць,
Святы Илля на запяткахъ стоиць,
А святы Микола посрадзи Яе. и т. д. № 141.

О должностяхъ святыхъ, апостоловъ и *святъ* (праздниковъ) достаточно привести слѣдующе примѣры;

Святый Юріи, боски (Божій) ключникъ!
Да идзи ў поле, да ў чистоя!
Одомкни замлю, пусци росу,

Пусци росу на гэту вясну,
Дай мокраю, дай цёплаю,
На гэтотъ свѣтъ, на ўсяки цвѣтъ,
На людъ вяселый, на урожае.
Святы Борисъ ляды палицъ,
Землю грѣицъ, жито сѣицъ,
Святы Микола, старая особа:*
Горохъ сѣицъ, по полю ходзицъ,
По полю ходзицъ, житца глядзицъ:
Гдзѣ вымокла, тамъ подсушицъ,
Гдзѣ высохла, тамъ подмочицъ и т. д. № 142.

—

Святая Сёмка, позна сѣўба, грецку сѣицъ,—
Святая Троица по вулицы стучиць-гручицъ,
Гнойки *) возицъ, попаръ орецъ.

Тамъ же.

—

Дзисятуха красў давала,
А пяцынка красў здымала.
Святый Иванъ ко́ску правицъ;
Святы Покроў! покры землю
Жоўтымъ зярномъ, молодымъ сняжкомъ,
Воду лёдомъ, пчёлу мёдомъ
Святы Змицёръ, ёнъ на ўсё хицёръ,—
Солоды солодзицъ, нивы робицъ,
Сыноў жаницъ, дочекъ выдавацъ.

Тамъ же.

—

Святый Юрій коровъ пасетъ, пригоняетъ ихъ домой, загоняетъ въ хлѣвъ и охраняетъ ихъ отъ *гада бѣгучаго*, отъ *змѣя летучаго.*

Тоже самое дѣлаетъ Микола съ конями и пр. пр. пр.

—

Можно ли, послѣ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, далеко еще неисчерпанныхъ, сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти олицетворенныя понятія суть ничто иное, какъ весьма яркое отраженіе язы-

*) Навозъ.

ческихъ боговъ, замаскированныхъ подъ религіозными именами, освященными христіанскою церковью. Тутъ остается пока необъяснимымъ только то замѣчательное обстоятельство, какимъ образомъ спаслись отъ этого замаскированія и сохранились до нашихъ дней подъ собственнымъ своимъ именемъ такіе замѣчательные боги, какъ Коледа и Купала? Но въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса, намъ приходится присоединить къ этимъ богамъ еще одного, доселѣ неизвѣстнаго, какимъ-то чудомъ спасшагося отъ общаго крушенія и уцѣлѣвшаго подъ собственною кличкой. Это богъ жатвы. Имя ему Рай. Этотъ богъ, какъ видно, глубокой миѳической древности, сколько намъ извѣстно, является впервые въ русской литературѣ на страницахъ нашего бѣлорусскаго сборника, и намъ бы слѣдовало дать ему надлежащее освѣщеніе, обставить его хоть сколько нибудь данными изъ сравнительной миѳологіи индо-германскихъ народовъ. Но живя въ провинціи и не владѣя научными пособіями, необходимыми для основательнаго, всесторонняго изслѣдованія новой миѳологической особы, мы передаемъ новое миѳологическое открытіе, сдѣланное нами случайно, по чужой инниціативѣ, въ руки болѣе ученыхъ, болѣе компетентныхъ судей, прибавляя отъ себя только краткую исторію этого открытія, если пока его можно назвать таковымъ, и нѣкоторыя необходимыя указанія, намъ болѣе сподручныя.

Въ 1869 г. многоуважаемый сотрудникъ нашъ, бывшій профессоръ Витебской Семинаріи, С. К. Шимковичъ доставилъ намъ двѣ тетради пѣсенъ, нарочно записанныхъ для насъ братомъ его, свящ. Н. К. Шимковичемъ. Тамъ между прочимъ была и пѣсня № 361 нашего сборника „Ходзиў Рай по вулицѣ“, съ выноской внизу: „Рай— богъ жатвы“, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Не позволяя себѣ никогда на основаніи содержанія какой либо отдѣльной, нигдѣ не повторяемой, извѣстной только одной мѣстности, пѣсни, строить свои заключенія до тѣхъ поръ, пока случай или розысканія не доставятъ намъ достаточнаго для этого количества варіантовъ изъ разныхъ мѣстностей, мы, понятно, и на этотъ разъ не могли придать особеннаго значенія единичному факту, ни чѣмъ не подкрѣпленному. Мы его приняли только, какъ говорится, къ соображенію, какъ указаніе на то, чего слѣдуетъ искать. Но

вскорѣ, перебирая отдѣлъ жнивныхъ пѣсенъ, подъ названіемъ „Спорышевыхъ“ (нами записаннымъ отъ М. Коткевичовны изъ Лепельскаго у.), мы остановились на № 357 и были поражены сходствомъ его съ Шимковичевскимъ, за исключеніемъ только одного названія Спорышъ. Въ томъ же году, черезъ посредство того же г. Шимковича, мы получили еще варіантъ, записанный въ Городокскомъ уѣздѣ, его братомъ (№ 358 нашего сборника). Затѣмъ въ 1871 г-жа Смигельская обязательно доставила намъ (№ 360 и 363) и наконецъ въ 1872 мы получили еще два варіанта (№ 359 и 366, а также № 362).

Имя Рай упоминается въ вышеозначенныхъ варіантахъ въ отдѣлѣ „дожиночныхъ пѣсенъ“, названныхъ у насъ „Спорышовыми“, названіе, подъ которымъ онѣ существуютъ въ мѣстечкѣ Чашникахъ и его окрестностяхъ. Эти пѣсни обыкновенно распѣваются жницами въ послѣдній день „Дожинокъ“, при торжественной процессіи несені последняго снопа вмѣстѣ съ вѣнкомъ на хозяйскій или панскій дворъ (см. стр. 460 *). *Спорышовыми* вѣроятно онѣ названы оттого, что значительнѣйшая часть вѣнка состоитъ изъ *спорышей*, т. е. стеблей съ колосомъ-двойчаткой, какъ предзнаменованіе всякаго обилія и плодородія. Слово *спорышъ*, происходя отъ глагольнаго корня: *спор* — (*спор*иться, спорый, спорить и пр.) совпадаетъ съ греч. speiro—сѣю, sporos—сѣятель. Терминъ *споры* до сихъ поръ существуетъ въ ботаникѣ и зоологіи и значитъ зародышевыя клѣтки, крупинки размноженія, стало быть—плодотворное начало. Что же касается до этимологіи слова Рай, то оно пока скрывается во мракѣ, но если искать его корня въ санскритѣ, то въ Словарѣ Бётлинга стр. 43 подъ словомъ *рай* (rai) мы найдемъ: Besetz, Habe, Gut, Kostbarkeit — владѣніе, имущество, добро, драгоцѣнность **). Случайное ли это совпаденіе съ бѣлорусскимъ словомъ, или оно состоитъ съ нимъ въ болѣе тѣсной этимологической связи—рѣшить не намъ; но всѣ приведенныя у насъ разночтенія вполнѣ, кажется, оправдываютъ его санскритское значеніе. Кромѣ разобраннаго выше названія Спорыша, въ 358 № слово *рай* замѣняется уже словомъ

*) Стр. оттисковъ 176.

**) Этимъ указаніемъ мы обязаны молодому санскритологу В. Ѳ. Миллеру.

добро. „Ишло добро дорогою". При этомъ слѣдуетъ вспомнить, что *добро* по бѣлорусски значитъ: всякій посѣянный хлѣбъ и наконецъ въ 263 № эти всѣ качества сливаются въ наименованіе самаго источника всяческихъ благъ и преуспѣяній. „Ишоў богъ дорогою". И тутъ невольно приходитъ на память, что всѣ сорты хлѣбныхъ растеній въ Бѣлороссіи обозначаются еще словомъ *Збожже* т. е. зъ Божья, отъ Бога, Богомъ данное, даръ Божій.

Въ 366 № представленіе о святости и многознаменательности жатвеннаго вѣнка нѣсколько будто ослабляется. Это уже не самъ Богъ увѣнчанный торжественно идетъ къ хозяину нивы, какъ бы съ поздравленіемъ; но только молодыя жнейки несутъ къ послѣднему оброненную богомъ корону, несомнѣнный символъ изобилія и плодородія.

Ходзилъ Богъ по полю
Поцерялъ корону.
Наши жнейки жали,
Корону подняли,
Хозяину на руки подали и т. д. № 360.

Что же касается до содержанія спорышовыхъ пѣсенъ, то оно во всѣхъ варіантахъ существенно сходно, только въ № 357 оно выразилось нѣсколько полнѣе.

Рай, Добро, Спорышъ, или наконецъ Богъ, олицетворяемый на этотъ разъ избранною жницей, увѣнчанною его короной (вѣнкомъ), во главѣ своихъ сотрудницъ-жницъ, проходитъ дорогой, или улицей широкою, по муравѣ зеленой вдоль деревни. Хозяинъ или хозяйка, у кого празднуются „дожинки", приготовившись подобающимъ образомъ къ принятію желаннаго гостя, выходитъ къ нему на встрѣчу съ усерднѣйшею просьбой:

Ходзи, Раекъ, ко мнѣ ў дворъ. №№ 360 и 362.
или: А прошу, Раю, къ себѣ ў хату. № 361.
или: Ко мнѣ, Добро, ў мое гумно. № 358.
или: Ходзи, Спорышъ, ко мнѣ на дворъ. № 357.

Продолжаемъ словами послѣдняго варіанта, какъ полнѣйшаго:

Ко мнѣ на дворъ за чисовъ столъ.
Ў меня столы позасцилапы,
Кубки виномъ поналиваны,

Сядзь, Спорышъ, на покуцѣ,
На покуцѣ, на золоцѣ,
Пи, Спорышъ, зялено вино.

Далѣе этотъ варіантъ оканчивается мольбой хозяяна къ безсмертному гостю о прибыли и удачѣ во всемъ его хозяйствѣ:

Споры, Божа, ў моемъ гумнѣ,
Ў моемъ гумнѣ, ў моемъ дворѣ:
На тоху вмолотъ, а въ дзяжи подходъ,
А въ печи ростъ, а на столѣ сыццё!

Этою или подобною мольбой оканчивались вѣроятно и другіе варіанты. А что тутъ слово *Боже* относится къ засѣдающему за столомъ *спорышу* подтверждается, во первыхъ, слѣдующими стихами изъ № 359:

Нихто Рая ня просиць,
Просиць Яго мой Потапочка:
Мое гумно высокоя,
Пираплеты высокіе,
Ёсь гдзѣ *Богу* посядзѣци,
Мойго *добро* поглядзѣци!
Одного житнаго,
А другого ярычнаго,
А треццяго пшаничнаго. (№ 358).

А во вторыхъ еще болѣе подтверждается № 363 (изъ Вилен. губ.), который мы здѣсь и приводимъ цѣликомъ:

Ишоў Богъ дорогою,
А за нимъ нашъ панъ идзець,
Ў рукахъ шапочку нясець
И до себѣ Бога просиць:
Да ко мнѣ, Боже, да ко мнѣ!
Да зъ густыми снопами
Да зъ частыми копами.
Ў мяне гумно вяликоя,

---

*) Кстати послѣдніе четыре стиха могутъ служить доказательствомъ, что *добро* (какъ и збожье, збожже) есть родовое понятіе хлѣбныхъ растеній какъ на корню, такъ и въ зернѣ.

Пирапноты высокіе,
Ёсь гдзѣ снопы стаўляци
Ёсь гдзѣ скирты класци.

—

Изъ всѣхъ изложенныхъ данныхъ вытекаетъ слѣдующее:

1) Упоминаемый въ дожиночныхъ спорышовыхъ пѣсняхъ *Рай* несомнѣнно есть названіе бога жатвы въ ея окончательномъ результатѣ.

2) Атрибуты Рая: вѣнокъ изъ спѣлыхъ колосьевъ ржи, спорышей и полевыхъ цвѣтовъ.

3) Людямъ онъ является въ олицетворенномъ образѣ цвѣтущей молодости и безпорочной жизни дѣвицы.

4) Его задача — *сънять прибыль*, *споръ*, *преуспѣяніе* въ результатахъ земледѣльческаго труда.

5) Существованіе бога Рая указываетъ на то, что существовали подъ своими собственными именами и другіе земледѣльческіе боги, иначе не для чего было выдѣлять одного изъ нихъ особеннымъ отличительнымъ именемъ.

6) Если *Рай*, *Раекъ*, *Спорышъ* и т. д. сохранился въ памяти сельскаго населенія Витебской и Виленской губерніяхъ, то имѣемъ достаточное основаніе предполагать, что онъ существуетъ и понынѣ въ пограничныхъ, въ этнографическомъ отношеніи весьма сходныхъ съ предыдущими, Могилевской и Минской губерніяхъ, откуда по сіе время, къ сожалѣнію, почти не имѣется въ литературѣ жнивныхъ пѣсенъ и обрядовъ.

Вообще до сихъ поръ у насъ еще очень мало сдѣлано относительно собиранія обрядовъ, обычаевъ, пѣсенъ, суевѣрій и проч. характеризующихъ земледѣльческій бытъ русскаго народа вообще и бѣлорусскаго племени въ особенности. Въ губернскихъ вѣдомостяхъ и памятныхъ книжкахъ статистическихъ комитетовъ разныхъ губерній, въ иныхъ старыхъ журналахъ, пожалуй, еще можно было бы отыскать и по этой части кое-какой матеріалъ, но добраться до него весьма трудно; онъ почти не существуетъ для большинства публики и имъ могутъ пользоваться только счастливые жители столицъ. Прежніе же собиратели этнографическихъ данныхъ непосредственно изъ устъ народа и издававшіе свои труды отдѣльно, мало, какъ видно, обращали вниманіе на этотъ

предметъ, чѣмъ и дали возможность погибнуть безвозвратно многимъ драгоцѣннымъ для науки фактамъ. И нашъ сборникъ, вслѣдствіе ограниченности нашихъ средствъ и служебныхъ обязанностей, не позволявшихъ во́время и на мѣстѣ наблюдать и подмѣчать, какъ бы хотѣлось, явленія внутренняго быта сельскаго населенія, съ грустью мы должны сознаться, далеко не отличается желанною полнотой, но онъ на это и не претендуетъ. Во всякомъ случаѣ, со стороны аграрной, обрядовой поэзіи, онъ, смѣемъ думать, можетъ, по крайней мѣрѣ, служить компасомъ для того, кто, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, отважился бы пуститься на этнографическіе поиски въ постоянно разными наносами заваливающіяся шахты самобытной народной жизни, гдѣ еще можно открыть не мало драгоцѣнныхъ рудъ богатой пра-древней миѳологической залежи.

Нѣкоторыя выдающіяся черты Бѣлорусскаго нарѣчія.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ СВОЙСТВА ГЛАСНЫХЪ БУКВЪ.

А иногда переходитъ: 1) въ *и*, напр. въ словѣ да—ды, 2) въ *я* (союзъ против.) „*я* пыталися славнаго мужа“ (Минск. губ. Бобр. уѣзд.) № 147.

Е 1) безъ ударенія переходитъ:

а) послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ въ *а*, напр. жана́, чало́мъ, чаму́, шасты (т. е. жена, челомъ, чему, шестой).

б) послѣ свист. *з, с*—въ *я*, напр. зямля́, зялёны, сястра́ и проч. (т. е. земля, зеленый, сестра).

в) послѣ губныхъ: б, в, м, п (*ф* отсутствуетъ) — тоже въ *я*, напр. бяруць, вядзець, мяне, пярловы, пялюшки (т. е. берутъ, ведетъ, меня, перловый, пелюшки, т. е. пеленки *).

2) Въ глагольныхъ окончаніяхъ изъявит. наклон. настоящ. врем. ед. ч., 2-го и 3-го лица *е* никогда не произносится какъ *ё*, а постоянно какъ *е* въ словѣ *день*, или какъ *ѣ* въ словѣ *нѣтъ*, стало быть: идзешь, идзець, кладзешь, кладзець, продаешь, продаець и проч., идёшь, идётъ, кладёшь, кладётъ, продаёшь, продаётъ и проч.

---

*) Впрочемъ, во всѣхъ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ часто въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ (особливо Витебск. и Могил. губ.), даже однѣми и тѣми же лицами *е* выговаривается рѣшительно какъ *и*. Это явленіе встрѣчаемъ и въ областныхъ говорахъ русскаго языка. Тутъ, какъ и вездѣ, произношеніе, необуздываемое грамотностью, находится въ колебательномъ состояніи.

Точно также и въ концѣ род. и дат. пад. личн. мѣстоим. ж. р. ед. ч. Эта гласная произносится всегда какъ *е* въ словѣ ель, т. е.: яе (јаје) *).

3) Е произносится какъ ё:

а) въ предл. и дат. п. им. сущ. мн. ч., напр.: ў грудзёхъ, по сѣнёхъ, людзёмъ и проч. (въ грудяхъ, по сѣняхъ, людямъ и проч.).

б) въ предл. пад. личн. мѣстоим. ед. чис. м. и ср. р.: объ ёмъ (о немъ).

в) въ глагольн. окончаніяхъ мн. ч. изъяв. накл. наст., а иногда и буд. вр., если удареніе на послѣднемъ слогѣ, напр. живицё, лядицё, горицё, засницё, отдасцё и проч. (живете, лежите, горите, заснете, отдадите и проч.).

г) въ началѣ сущ. глаг. ед. ч. наст. вр.: ёсць, ёсь, ё (т. е. — есть). Впрочемъ, во многихъ мѣстностяхъ Минской губерніи это слово, въ сокращенной формѣ, произносится и какъ *е* въ началѣ слова *ель* т. е. *е* (је).

И въ началѣ слова переходитъ въ й, если она слѣдуетъ за словомъ, оканчивающимся какою либо гласною, напр.: „туды йшла паненка“, „Купала на Йвана“ и проч.

Эта гласная часто прибавляется къ началу словъ, чтобы облегчить произношеніе нѣсколькихъ согласныхъ сподрядъ, наприм.: ильнуць (льнуть), ирвацъ (рвать), иржа (ржа), ишла (шла), ирзаць (ржать) и проч.

Полугласная ь, служащая между прочимъ слогораздѣлителемъ въ нѣкоторыхъ именахъ собственныхъ въ производственныхъ окончаніяхъ и косвенныхъ падежахъ обыкновенно улетучивается, оставляя на мѣсто себя удвоенную предыдущую согласную. Такимъ образомъ вмѣсто: Илья, жилье, житье, вставанье, ручья, улья — побѣлорусски (Витеб. и Могил. губ.) является: Илля, жиллё, жиццё, уставанне (я), руччя, улля и проч.

---

*) Поэтому почтительнѣйше прошу своихъ благосклонныхъ читателей считать за ошибку всѣ тѣ мѣста, гдѣ это слово въ нашемъ сборникѣ изображено въ формѣ: *яё*.

О безъ ударенія всегда произносится широко, какъ *а*, совершенно какъ и по русски въ этомъ случаѣ *).

У, кромѣ своей, такъ сказать, прямой службы гласности, всегда послѣ гласныхъ замѣняетъ собою согласныхъ *л* и *в*, образуя такимъ образомъ цѣлый рядъ двоегласныхъ, столь нетерпимыхъ въ языкѣ русскомъ. Такъ эта гласная собою замѣняетъ:

1) *л*.

а) въ серединномъ слогѣ им. сущ. муж. р.: шоўкъ, стоўпъ и пр. (шолкъ, столпъ и проч.).

б) въ серединномъ же слогѣ им. прил. м. р.: поўны (полный).

в) въ глагольныхъ окончаніяхъ муж. р. ед. ч. прошед. вр., напр.: даў, паў, быў, ѣў, пиў, поиў и проч. (далъ, палъ, былъ, ѣлъ, пилъ, поилъ и проч.

2) *в*.

а) въ серединномъ слогѣ им. сущ. жен. р. обоихъ числъ, напр.: дзѣўка, лаўка, праўда, криўда, голоўка, траўка, дзѣўки, лаўка и проч. (дѣвка, лавка, правда, кривда, головка, травка и проч.).

б) въ концѣ слога им. сущ. какъ напр.: броў, кроў, свякроў и проч. (бровь, кровь, свекровь и проч.).

в) въ концѣ же слога род. п. им. сущ. мн. ч. муж. и ср. р., напр.: столоў, волоў, паноў, рублёў, жидовьёў, соловьёў и проч. (т. е. столовъ, воловъ, пановъ, рублевъ, жидовьевъ, соловьевъ и проч.).

г) въ серединномъ слогѣ именъ прилагательныхъ и нарѣчій отъ нихъ произошедшихъ, напр.: слаўны, слаўно, даўны, даўно и проч. (славный, славно, давный, давно и проч.).

д) въ серединномъ слогѣ дѣепричастій прошед. вр., напр.: паўши, даўши, пиўши и проч. (павши, давши, пивши и проч.).

е) предлогъ *въ*, какъ въ отдѣльности, такъ и слитно съ глаго-

---

*) Потому не трудно будетъ въ нашемъ сборникѣ замѣнить въ этихъ случаяхъ фонетику этимологіей, за исключеніемъ только тѣхъ піесъ, которыя заимствованы у другихъ собирателей, держащихся фонетическаго способа (какъ напр. у Я. Чечота).

лами, напр.: ў хацѣ, ўвдыхнець, (въ хатѣ, вздыхнетъ, т. е, вздохнетъ) и проч. *).

Ѣ безъ ударенія произносится:

а) въ срединѣ и въ концѣ слова какъ *і*: цвіла, видзіў, співаючи и проч. (цвѣла, видѣлъ, спѣваючи и пр.).

б) послѣ *р* какъ *а*, напр.: рашато́, рака́, на ракў, страла́, стралéцъ и проч. (рѣшето, рѣка, на рѣку, стрѣла, стрѣлецъ) и проч.

г) въ началѣ слога, какъ *я*, напр.: ядўць, яси (ѣдятъ, ѣшь).

Замѣчательно, что во многихъ мѣстностяхъ Витебской и Могилевской губ. *ѣ* въ глаголѣ *пѣть* распадается на два слога: *пьяць* и *піяць*, удерживая это двоегласіе во всѣхъ видоизмѣненіяхъ спряженія.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ СВОЙСТВА СОГЛАСНЫХЪ.

В часто замѣняется гласною ў. См. выше.

Г всегда выговаривается какъ лат. или нѣм. h, напр. слова: голова, говорила, гора и пр. — должно читать hолова, hоворила, hора и проч. — Исключеніе здѣсь составляетъ только два слова: ганокъ—крыльцо (съ нѣм. Gang) и вильгоць (съ польск. wilgoć)—влага, сырость.

Д и **Т** передъ іотированными гласными: *е*, *ѣ*, *і*, *и*, *я*, *ю* и полугласною *ь* постоянно смягчаются, первая черезъ *з*: дзень, дзѣло, дзпўны, мядзвѣдзь, а вторая посредствомъ *ц*: цётка, цѣло, цяжело и проч.

Гортанныя: г, к, х передъ *ѣ*, въ дат. и предлож. пад. ед. чис., переходятъ (какъ и въ церковно-славян.) въ свистящія з, ц, с, напр.: къ нозѣ, на нозѣ, къ лаўцѣ, на лаўцѣ, къ стрѣсѣ, на стрѣсѣ, ў кожусѣ и проч.

---

*) Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ, и вообще гдѣ гласная *у* служитъ намѣстникомъ другихъ буквъ, она, по принятому нами способу написанія бѣлорусскихъ словъ, должна имѣть надъ собою краткій знакъ ˘.

Р не терпитъ за собою ни мягкихъ гласныхъ, ни полугласной ь, поэтому Бѣлоруссъ, особенно Витебской и Могилевской губ., вмѣсто словъ: рядъ, врядъ, царя, порядокъ, рюмка, горѣлка, рѣка и пр. произноситъ: радъ, врадъ, цара, порадокъ, румка, горэлка (и горэўка), рака и проч.

С въ словахъ, взятыхъ непосредственно съ польскаго языка, переходитъ въ *ш*, какъ напр. *шабля*, *шабелька* (сабля, сабелька), *шклянка*, *шклярь* (стклянка, стекольщикъ), *криштапь* (хрусталь) и проч.

Всѣ сущ. сред. и муж. во мн. ч. им. пад. всегда оканчиваются на *ы*, или *и*, а не на *а*, какъ напр.:

а) дровы, вороты, колесы, ведры и проч., а не дрова, ворота, колеса, ведра.

б) годы́, домы́, боки́, береги́, луги, рукавы, волосы,—а не года, дома, бока, берега, луга, рукава, волоса и проч.

Нѣкоторыя существительныя получаютъ во множественномъ числѣ нарощеніе, какъ и по русски, но ихъ гораздо меньше числомъ. Напр.: кумы и кумо́вья, сваты и свато́вья, браты и брацця, а сыны, но не сыноўя, хозяины, но не хозяева.

Примѣчаніе. Говоръ д. Велишковичъ и мѣстечка Усвята (Витебск. у.) съ ихъ окрестностями, по сообщеніямъ гг. Никифоровскаго и Потоцкаго, отступаетъ отъ вышеизложенныхъ правилъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

а) въ обѣихъ мѣстностяхъ о безъ ударенія переходитъ въ *ы*; напр.: *вылачебники*, *дыра*, пышла, у гы̄лывахъ, у гыспыдахъ и пр., предлоги по, ко, во, со — являются въ формѣ ны, кы, вы, сы и проч. Есть случаи, гдѣ даже *а* переходитъ въ *ы*, напр. *ны* — на, *сыма*—сама и проч.

б) Велишковичевскій говоръ не допускаетъ двоегласія, поэтому *л* и *в* не переходитъ въ ў, глаголы же въ един. ч. м. р. прошед. вр. изъяв. принимаютъ *въ*, т. е. ходивъ, говоривъ, а не ходзиў, говориў.

в) *д* не смягчается вовсе, а *т* передъ мягкими гласными остается безъ перемѣны, какъ и порусски, въ концѣ же неопредѣлен. и изъяв. наклон. 3 л. наст. вр. обоихъ числъ принимаетъ *тъ*. — Тоже самое и въ Усвятскомъ говорѣ.

ПАДЕЖИ.

Звательный падежъ въ ед. ч. имѣетъ особое окончаніе на *е* и *у*, во мн. муж. р. часто получаетъ нарощеніе: (о) ве, и вообще гораздо болѣе въ ходу, чѣмъ въ русскомъ языкѣ.

Примѣры:

Пане Иване!

—

Ой попе, попе, бацька нашъ!
Отчини церкву, звінчай насъ. № 561.

—

Ой дубе, мой дубе! № 271. Дисн. у.

—

Благослови маци,
Своиму дзицяци
Коровай начаци! № 610. Леп. у.

—

Двень добры, пане господару! № 139.

—

Ой сынку, мой сынку!
Ждзи колядъ Васильку! № 438.

—

Ой сватку, нашъ сватку!
Пусцижь насъ ў хатку!

—

Ой бору, мой бору!
Што ты, бору, ня шумёнъ? № 248. Леп. у.

—

Ой двору мой, двору мой!
Чаму, двору, ня мяцёно? Тамъ же.

—

Ой косю (конь), мой косю!
Штожъ ты ня веселъ? № 438.

—

Вы мужóве, панове! № 209.

—

Творительный падежъ жен. р. ед. ч. всегда почти употребляется въ сокращенной формѣ, наприм.: зъ дочкой, сястрой, улицей, школой и проч.

Существительныя женскаго же рода, кончающіяся на: ба, ма, на, та, ра, въ этомъ падежѣ принимаютъ окончаніе *эй* (которое подъ часъ слышится какъ *ый* (напр.: зъ бабэй (ый), зъ брамэй, съ шубэй, зъ Рипинэй, (Аграфеной), съ Хоўрэй (Февроньей) и проч.

Во множественномъ числѣ именительный вмѣсто ы имѣетъ иногда *е* (я), когда вставляется слогъ ов, напр.:

Што за панове, што за святове на двори. № 578.

—

Шли жидо́ве громадо́ве (и т. д.) № 723.

—

Въ дательномъ иногда слышатся слѣды языка церковно-славянскаго:

Господарь! будзимъ говорицъ,
Што почёмъ копачомъ
Мы будзимъ плацицъ?
А старымъ копачомъ
Мы дадзимъ горбачомъ (и т. д.) № 190.

Попадается дательный самостоятельный:

Придзи мой миленьки
Людземъ наругнися. № 388.

—

Предложный падежъ, вмѣсто русскаго дательнаго, напр.:

Удариў козу по зубахъ.

—

Наша воевода млода ходзила по садахъ виноградахъ. № 692.

—

По межахъ ходзицъ.

—

Ня ходзи по сѣнёхъ. № 57.

ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ.

Полныя окончанія прилаг. м. р. (въ Витеб. и Могил. губ.) большею частью на ы и и, а не на й, какъ по русски: поўны стаканъ, дурны розумъ, сини жупанъ, добры панъ и проч. Полное оконча-

ніе ср. р. ед. ч. всегда бываетъ на *я*, напр.: твердая, добрая, холодная, синея и проч.—Во множ. числѣ прилаг. женск. и сред. оканчиваются чаще всего на *е* или *и* (весьма рѣдко на *я*), напр.: бѣлые или бѣлыи руки, сломанные или сломанныи ведры и проч.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ муж. и ср. р. нѣтъ ни какой разницы отъ русскихъ, если не считать замѣны предложнаго падежа (въ ед. ч.) творительнымъ, что̀ встрѣчается чуть ли не во всѣхъ областныхъ говорахъ Великороссіи. Въ женскомъ же родѣ (ед. ч.) имена прилагательныя принимаютъ окончаніе: для род. п. *ме*, для дат., творит. и предложн.—*эй*.

Сравнительная степень почти всегда оканчивается на ѣй, напр.: добрѣй, цемнѣй, высшѣй, нижѣй, горячѣй, мягчѣй, ширэй и пр.

Превосходная степень, какъ и сравнительная отличаются, въ звуковомъ отношеніи, отъ тѣхъ же степеней русскаго языка тѣмъ, что допускаютъ *ѣ* и послѣ шипящихъ, напр.: мягчѣйши, легчѣйши, нижѣйши, крѣпчѣйши и пр.; часто прибавляютъ частичку *най*, напр.: найбольши, наймягчѣйши и проч.

—

Примѣры склоненія существительныхъ жен. р. на ба, на, ма, га, ка, ха, вмѣстѣ съ прилагательными:

И. Старая баба	Хворая рипина	Старая брама
Р. Старые бабы	Хворые рипины	Старые брамы
Д. Старэй бабѣ	Хворэй рипинѣ	Старэй брамѣ
В. Старую бабу	Хворую рипину	Старую браму
Т. Старэй бабэй	Хворэй рипинэй	Старэй брамэй
Пр. О старэй бабѣ.	Объ хворэй рипинѣ.	О старэй брамѣ.

—

И. Малая нога	Новая лаўка	Вумная мачиха
Р. Малые ноги	Новые лаўки	Вумные мачихи
Д. Малэй нозѣ	Новэй лаўцѣ	Вумней мачисѣ
В. Малую ногу́	Новую лаўку	Вумную мачиху
Т. Малэй ногой	Новэй лаўкой	Вумнэй мачихой
Пр. О малѣй нозѣ.	На новэй лаўцѣ.	О вумнэй мачисѣ.

—

Ня сячи, ня рубай
Молоды кудрявы
Да зелен*ые* ёлки. № 447.

—

Ци ня боишься ты, дзѣвынка,
Гэт*ые* зеленые тученьки? № 619.

—

Якъ наѣхали госци
Съ чуж*іе* волосци.

—

Я ткала китайки зялёные
И слала до матки родзённые.

—

Склоненіе личнаго мѣстоименія 1-го лица един. ч. отличается отъ велико-русскаго только въ род. п.: *мяне* и мене; винит. сходенъ разумѣется съ род., творительный же—по рѣшительной нелюбви бѣлорусскаго нарѣчія къ полнымъ окончаніямъ, здѣсь какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, сокращается въ *ой*, т. е. мной; 2-е лицо ед. ч. разнится отъ русскаго въ тѣхъ же падежахъ—род. и вин.—цябе, цебе и въ дат. табѣ, цебѣ и тобѣ, творит.—тобой.

3-е лиц. ед. ч. склоняется такъ:			Множ. ч.
И. Ёнъ	Яно	Яна (ёна)	Яны, ёны,
Р. Яго	—	Яе	
Д. Яму	—	Ей, ёй	прочіе же падежи, какъ
В. Яго	—	Яе	
Т. Имъ	—	Ей	и въ велико-русскомъ.
Пр. Объ ёмъ.	—	Объ ей.	

Возвратн. мѣстоим. род. и вин. сябе,—предл. о сябѣ.

—

Склоненія притяжательныхъ мѣстоименій отличаются отъ велико-русскихъ тѣмъ, что во всѣхъ косвенныхъ падежахъ ед. ч. мужеск. и ср. родовъ употребляется форма сокращенная, т. е. мойго, мойму твойго, твойму, свойго, свойму, а во множественномъ принимаетъ окончаніе *е* вмѣсто *и*, т. е. мое, твое, свое.

склоненіе мѣстоимѣній.

Мѣстоименія указательныя муж. и ср. род.—гэтотъ, гэто—склоняются какъ и велико-русскія—этотъ, это; только творит. пад. будетъ гэтымъ, а не гэтимъ, — женскаго же рода: гэта, ета, склоняется въ ед. ч. такъ:

		Ед. ч.		Множ. ч.
И. Гэта	И. Той	Тоя	Тоя	Тые
Р. Гэтые	Р. Того	Тые	Того	Тыхъ
Д. Гэтэй	Д. Тому	Тэй	Тому	Тымъ
В. Гэтую	В. Того	Тую	Того	Тыхъ
Т. Гэтэй	Т. Тымъ	Тэй	Тымъ	Тыми
Пр. О гэтэй.	Пр. О томъ.	О тэй.	О томъ.	О тыхъ.

—

Вопросит. мѣстоим. *кто* произносится какъ и по велико-русски: хто,—твор кимъ.

Что, произносится всегда што, род.—чаго, дат. чаму, тв. чимъ пр. о чемъ.

—

Якій	Якоя	Якая	Якіе
Якого	—	Якіе (я)	Якихъ
Якому	—	Якей	Якимъ
Якого	—	Якую	Якихъ
Якимъ	—	Якей	Якими
О якомъ.	—	Объ якей.	Объ якихъ.

—

	Ед. ч.		Мн. ч.
Чей	Чея	Чеё	Чіе
Чеего	Чее	Чеего	Чіихъ
Чеему	Чей	Чеему	Чіимъ
Чеего	Чею	Чее	Чіихъ
Чеимъ	Чей	Чеимъ	Чіими
О чеемъ	Чей	Чеемъ	О чіихъ

Опред. мѣстоим. весь, все, вся, всѣ, всякій, всякая, всякое, всякіе, произносятся: ўесь, ўсе, ўся, ўси (ѣ), ўсяки, ўсякая, ўсякоя, ўсякіе и склоняются, какъ и по велико-русски.

Изъ неопредѣленныхъ мѣстоимѣній въ живой бѣлорусской рѣчи весьма употребительно: нѣйкій (нѣкій) ая, оя, іе.

ОСОБЕННОСТИ СПРЯЖЕНІЯ.

Всѣ глаголы въ неопредѣленномъ накл. оканчиваются на *цъ* и *ци*: ходзиць, говориць, лежаць, сѣдзѣць, и пр. и исцы, плысци, брысци, и пр., а въ изъявит. настоящ. врем. 3. лиц. ед. и мн. ч. только на *цъ* напр. ходзиць, ходзюць, идзець, идуць, спиць, спяць и пр. — Въ Минской же губ., какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Витебской и Могилевской въ этомъ случаѣ глаголы оканчиваются (въ ед. только числѣ): на *е*, а послѣ шипящихъ и на: *а*.

Енъ пашеньки не паша,
Со мной молодой не пляша.

—

Чы хто стрѣху разрывая;
Чы хатыньку верне? № 99.

—

Коли Богъ судзя и вамъ ета будзя. № 175.

—

Ёнъ не здержа коника,
Енъ ня здержа вороного. №, 179.

—

Всѣ глаголы на-дзѣць,-дзиць удерживаютъ коренную *д* и въ 1-мъ лиц. изъявит. накл. ед. ч. настоящ. вр., напр: гляджу, виджу, сѣджу, ходжу и проч.

Отъ глаголовъ лиць, шиць, виць—настоящее изъявит. накл. будетъ: ллю, ллешъ и т. д., обращая в въ л, ллёмъ, и т. д. шію, шіемъ и т. д. ўю, ўешъ и т. д. отъ пиць, биць—будетъ: пью, бью; въ повелительномъ же наклоненіи всѣ эти глаголы принимаютъ окончаніе не -ей, какъ по велико-русски, а -и (ій) т. е. ли, лице, ши, шице, ви, вице (я), пи, пице (я), би, бице (я). Также глаголы выць, рыць, мыць, пыць удерживаютъ свою коренную гласную во всѣхъ видоизмѣненіяхъ спряженія: выю, выишь, выиць, выимъ, выице, выюць, выў, выўши, вый; мыю, мыишь, мыиць, мыимъ, мыицё, мыюць, мыў, мыўши, мый и проч.

Въ прошедшемъ времени, какъ было замѣчено выше, изъявит. наклон. ед. ч. м. р. всѣ глаголы, вмѣсто лъ, оканчиваются на ў съ предъидущею гласной. Эта же гласная ў замѣняетъ въ дѣепричастіи прошедшаго времени—в: даўши, ѣўши и проч.

Глаголъ мѣць (имѣть) спрягается такъ: я маю, ты маишь и т. д., я мѣў, мѣла и т. д., дѣеприч. мѣўши, повел. мѣй, мѣйце.

Глаголъ *даць* спрягается слѣдующимъ образомъ: я даю, ты даси, ёнъ, яна, яно даець и т. д., я дамъ, ты даси, ёнъ дасць и т. д., мы дадзимъ, вы дасцё, яны дадуць и т. д.

—

Ѣсць: я ѣмъ, ты яси и т. д., пов. ѣжь.

Въ глаголѣ ѣхаць замѣчательно повелительное наклоненіе и множ. числ. ѣдзь, ѣдзьце. Эту форму (разумѣется безъ смягченія через *з*) мы встрѣчаемъ въ лѣтописи Нестора и, во многихъ мѣстахъ сѣвернаго края, особенно въ Архангельской губерніи.

НѢКОТОРЫЯ СИНТАКСИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ.

Сравнительная степень а) посредствомъ предлоговъ: яна старѣй за яго.

—

Якъ яго рученьки
Жарчѣй *отъ* огня,

—

У яго ноженьки
Цяжелѣй *отъ* камення

—

б) Посредствомъ союза съ отрицаніемъ:
Лѣпи сѣвба раняя,
Нячимъ тая поздняя. № 216.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Передавая составленный мною сборникъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ на судъ ученыхъ спеціалистовъ и публики, считаю своею священною обязанностью отдать имъ въ немъ подробный и правдивый отчетъ, изъ котораго они могли бы видѣть какъ побудительныя причины, его породившія, такъ и ходъ его развитія, его цѣль, однимъ словомъ — всю его исторію.

Собираніемъ памятниковъ народнаго творчества я началъ заниматься давно, но до 1865 года не имѣлъ случая по возможности собирать народныя пѣсни бѣлорусскія. Въ 1865 году я получилъ отъ тогдашняго попечителя Виленскаго учебнаго округа, многоуважаемаго И. П. Корнилова, предложеніе занять мѣсто учителя нѣмецкаго языка въ Витебской гимназіи и переселился на службу въ Сѣверо-западный край. Но первые полтора года пребыванія въ Витебскѣ, занятый службою въ мужской и женской гимназіяхъ, и не будучи знакомъ ни съ живымъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, ни съ литературой бѣлорусской этнографіи, ни съ польскимъ языкомъ, азбукой котораго изданы довольно почтенные сборники бѣлорусскихъ пѣсенъ, я не рѣшался взяться на новомъ поприщѣ за знакомое мнѣ дѣло собиранія народныхъ пѣсенъ. Чистой бѣлорусской рѣчи не слыхать въ Витебскѣ въ той средѣ, въ которой мнѣ приходилось жить и служить; для разъѣздовъ же по деревнямъ и селамъ въ каникулярное время, средства мои были слишкомъ ограниченны. Тѣмъ не менѣе, въ исходѣ втораго года жизни моей въ Витебскѣ я сдѣлалъ попытку приняться за любимое дѣло — на новой почвѣ. Рискуя быть осмѣяннымъ, являться чудакомъ

въ глазахъ весьма разнокалибернаго и разноплеменнаго общества' почти меня незнавшаго, я сталъ всѣмъ и каждому въ кругу своихъ новыхъ знакомыхъ изъ мѣстныхъ жителей разсказывать о задуманномъ мною предпріятіи и вызывать ихъ къ содѣйствію. Вскорѣ объ этомъ, какъ водится, пошла по городу разноголосная молва. Первые заинтересовались этимъ нѣкоторые ученики старшихъ классовъ гимназіи; они усердно завербовали для меня сотрудниковъ изъ среды своихъ знакомыхъ и общими силами доставили мнѣ порядочное количество пѣсенъ, духовныхъ стиховъ и обрядовъ, №№ до 150. Въ то же время я и самъ не дремалъ, не сидѣлъ сложа руки, загребая ими только время отъ времени то, что̀ доставятъ другіе. Черезъ прислугу и знакомыхъ отъискивалъ я толковыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которые за положенное вознагражденіе значительно обогатили мое собраніе. Этимъ-то путемъ я познакомился съ старожиломъ Витебской губерніи, старикомъ солдатомъ Тарасомъ, пропѣвшимъ и продиктовавшимъ мнѣ волочобныя пѣсни подъ №№ 140 и 141, со старухой нянькой Ариной и нѣкоторыми другими и, наконецъ, съ замѣчательнѣйшею въ своемъ родѣ пѣвицей Коткевичовной изъ мѣстечка Чашниковъ, отъ которой въ первые два присѣста я записалъ болѣе 100 №№ пѣсенъ и обрядовъ.

Считаю долгомъ сказать объ этой основательницѣ моего сборника нѣсколько словъ:

Марья Васильевна Котковичовна была, когда я ее зазналъ, женщина лѣтъ 38, съ довольно крупными, рѣзкими чертами лица. Дочь уніатскаго священника, она была весьма набожна и постоянно шопотомъ молилась, даже въ паузахъ между пѣніемъ и разсказомъ; знала порядочно польскую грамоту, о русской же почти понятія не имѣла. Въ ранней молодости она потеряла родителей; жила не долго замужемъ, овдовѣла и поступила во дворъ ключницей къ какому-то пану, гдѣ пробыла, кажется, не долго. Затѣмъ она приписалась сперва къ Чашниковскому, потомъ къ Витебскому мѣщанскому обществу, живя то въ кухаркахъ, то въ нянькахъ у разныхъ господъ. Нрава она была весьма сердитаго, строптиваго. Говорила языкомъ не только смѣшаннымъ изъ русскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ словъ и формъ; но часто одну и ту же

фразу, одно и то же слово произносила на разные лады: то напр529: „нѣтъ пальца на ногѣ“, — то: „нема пальца на нозѣ“, то „пришёдши“, то: „пришоўши“, то: „якъ“, то: „какъ“ и т. п. „Край нашъ забрáнный“, говаривала она, „а языкъ нáшъ мѣшáнный“. Но её стоило, бывало, только разсердить или настроить на праздничный ладъ,—отъ горэлки она никогда не отказывалась, — какъ рѣчь ея тотчасъ принимала совершенно иной, чисто бѣлорусскій складъ и съ неимовѣрною быстротой изливалась въ такихъ непривычныхъ для моего слуха звукахъ, что мнѣ казалось, будто слышу совсѣмъ другое лицо, и удивлялся я, бывало, только тому, откуда у нея чтò берется, а записывать тутъ не только мнѣ, но и самому опытному борзописцу было бы не въ мочь. Въ душѣ была она пропитана духомъ бѣлорусской народности, а между тѣмъ очень кичилась своимъ происхожденіемъ отъ шляхетскаго рода и какъ-будто гнушалась простымъ народомъ, крестьянствомъ. Она сначала все потчивала меня старинными романсами и отлитыми въ полубѣлорусской формѣ русскими пѣснями, и долго не могла взять въ толкъ, чтò меня такъ плѣняютъ собственно бѣлорусскія пѣсни? „Чаму пану такъ сподобались наши прóстые пѣсни, мужицкіе? Русскіе лѣпша, красивѣе“. Послѣдніе два года жизни она служила у меня въ домѣ и оказалась честнѣйшею женщиной. Ей-то рѣшительно я обязанъ главнымъ остовомъ предлежащаго труда; отъ нея преимущественно пріобрѣлъ я тѣ элементарныя практическія свѣдѣнія о языкѣ и бытѣ бѣлорусскаго народа, безъ которыхъ мнѣ весьма бы мудрено было добросовѣстно вести далѣе свой трудъ. При ея практической помощи я часто провѣрялъ и исправлялъ, гдѣ слѣдовало, недомолвки и искаженія въ массѣ присылавшихся мнѣ матеріаловъ. Отъ нея записалъ я №№ до 400 пѣсенъ, обрядовъ и проч., изъ которыхъ около трехъ сотенъ вошли въ настоящее изданіе, а остальные растерялись во время витебскихъ пожаровъ и моихъ перекочовокъ съ квартиры на квартиру.

Всѣ эти матеріалы, записанные лично мною, послужили для меня съ одной стороны надежною элементарною школой въ дѣлѣ изученія языка и быта бѣлоруссовъ, а съ другой — вѣрнымъ мѣриломъ при необходимой провѣркѣ тѣхъ этнографическихъ данныхъ, которыя въ послѣдствіи были мнѣ доставлены другими. Матеріа-

лами изъ послѣдняго источника съ спокойною совѣстью я позволялъ себѣ воспользоваться только тогда, когда въ подлежащемъ отдѣлѣ моего собранія оказывались подобныя, подходящія по содержанію или формѣ №№, записанные лично мною. Достаточнымъ доказательствомъ этому главному правилу всѣхъ моихъ собирательскихъ работъ могутъ служить всѣ мои сборники, какъ великорусскіе, такъ и предлежащій бѣлорусскій. Въ нихъ нѣтъ ни одного значительнаго отдѣла, въ которомъ бы я не былъ вкладчикомъ.

О моей собирательской затѣѣ вскорѣ узналъ и помощникъ Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, имѣвшій постоянное свое пребываніе въ Витебскѣ, честнѣйшій А. К. Серно-Соловьевичъ. Относясь всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ моимъ трудамъ, онъ самъ вызвался посодѣйствовать мнѣ въ моемъ предпріятіи своимъ офиціальнымъ вліяніемъ посредствомъ учителей сельскихъ школъ и предложилъ мнѣ написать на этотъ конецъ программу, въ которой было бы ясно изложено: для чего, что̀ и ка̀къ собирать? Я такъ и сдѣлалъ. Но по своей непрактичности въ дѣлахъ житейскихъ и напечаталъ свою программу, подъ заглавіемъ „Просьба" *),

---

*) Просьба эта была слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь!"

„Однимъ изъ главныхъ пособій при изученіи быта, исторіи, языка, религіозныхъ и другихъ вѣрованій народа, современные, какъ европейскіе, такъ и отечественные ученые, признаютъ его исконные обычаи, обрядовую сторону его жизни въ ея знаменательныхъ моментахъ, остатки самобытнаго творчества его фантазіи, т. е. пѣсни, сказки, легенды, загадки и т. д., которыми онъ какъ въ минуты досуга, такъ и при тяжелой работѣ отводитъ себѣ душу. Поэтому и у насъ въ Россіи, въ послѣднее время, остатки эти стали весьма тщательно собирать, преимущественно наши ученыя общества, какъ напр. Московское исторіи и древностей, Общество Географическое и Академія Наукъ. Результатомъ ихъ дѣятельности было изданіе въ свѣтъ нѣсколькихъ сборниковъ; но все это едвали обнимаетъ тысячную долю того, въ чемъ выражается какъ внѣшняя, такъ и внутренняя жизнь народа, всего того, что̀ такъ крѣпко хранится въ его памяти, что̀ милліонами голосовъ изъ конца въ конецъ оглашаетъ всѣ уголки и закоулки нашей необъятной Руси. Поэтому, чтобы изучить духовную, задушевную жизнь народа, наблюдайте его, въ особенности въ его торжественныя минуты, *въ праздники*, когда онъ беззавѣтно отдается веселью, когда у него вся душа на распашку. Тутъ онъ высказывается весь.

въ числѣ 600 экземпляровъ, изъ которыхъ 400 тотчасъ же доставилъ А. К. Онъ немедленно при полуофиціальномъ письмѣ отправилъ по 200 экземпляровъ директорамъ народныхъ училищъ Могилевской и Витебской губерній, для разсылки учителямъ под-

---

«Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ сближенію людей и народовъ и однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутренней жизни каждаго народа», говоритъ знаменитый нашъ археологъ Снѣгиревъ, «служатъ его праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрьями, обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Вмѣстѣ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по откровенію самой природы, при образованіи перваго общества, они выражаютъ въ себѣ древній бытъ народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ астрономіи, естествовѣдѣніи, нравственности, его вѣрованія, исторію и поэзію. Какъ вѣрованіе проникаетъ цѣлую жизнь народа, то и гражданскія постановленія и семейные обычаи связываются тѣснѣйшимъ союзомъ съ миѳами и повѣрьями, съ его преданіями и сказаніями, съ колыбельными пѣснями его младенчества, къ коему сердце невольно обращается во всѣхъ возрастахъ человѣка.» Изъ всѣхъ же родовъ народной поэзіи пѣсня въ особенности играетъ важную роль въ жизни русскаго крестьянина, она сопутствуетъ ему отъ колыбели до могилы. Ей онъ повѣряетъ, въ ней высказываетъ всѣ свои завѣтныя думы, всѣ сокровенныя движенія своей души Поэтому, она такъ разнообразна, такъ богата варіантами. Свадебныя пѣсни, напримѣръ, въ Великороссіи, почти въ каждой деревнѣ иныя. Не менѣе того изумительна ихъ общая распространенность въ народѣ: ихъ поетъ и старъ и малъ. Нѣтъ почти парня, мужика, дѣвки, бабы, которые бы не были въ состояніи спѣть вамъ за одинъ присѣстъ отъ 20 до 50 и даже до 100 пѣсенъ. Отсюда ясно, что ученыя общества одни, безъ дружнаго содѣйствія частныхъ лицъ, немного сдѣлаютъ. А кто же изъ частныхъ лицъ ближе къ простому народу, чаще приходитъ съ нимъ въ столкновеніе, какъ не гг. помѣщики и помѣщицы, живущіе постоянно въ своихъ усадьбахъ, сельское духовенство, мировые дѣятели, штатные смотрители, уѣздные, приходскіе и сельскіе учителя? Стало быть, въ нихъ теперь *преимущественно* вся надежда въ дѣлѣ собиранія памятниковъ поэзіи народа и остатковъ его старины. Я сказалъ *преимущественно*, потому что, по моему, всякій образованный, даже просто грамотный коренной мѣстный житель, начиная съ ученика сельской школы, писаря, семинариста, гимназиста, до помѣщика, кончившаго курсъ наукъ въ университетѣ, лучше и вѣрнѣе соберетъ названные остатки своей родной мѣстности, чѣмъ самый ученый заѣзжій собиратель, потому что первые поставлены въ гораздо выгоднѣйшія условія, чѣмъ послѣдній, и могутъ исподоволь и вовремя накопить обильные и надежные запасы для передачи въ вѣдѣніе науки. Этимъ дѣломъ нужно поторопиться. Всеобщее распространеніе грамотности въ народѣ, новый способъ землевладѣнія, введеніе земства и новые суды скоро, можетъ быть, изгладятъ изъ его памяти и слѣды его старинныхъ

вѣдомственныхъ имъ сельскихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы эти господа доставили въ его канцелярію требуемые матеріалы, буде таковые у нихъ окажутся, къ концу іюня мѣсяца. Но вскорѣ затѣмъ, а именно въ маѣ того же 1868 года, А. К. былъ переведенъ

обычаевъ, его самородной поэзіи. Не забудьте притомъ, что дѣла много, а дѣятелей весьма мало, особенно въ нашемъ краѣ.

„Поэтому, приступая къ собиранію памятниковъ народной поэзіи и старины въ здѣшнемъ краѣ, я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою о посильномъ Вашемъ содѣйствіи мнѣ въ моемъ крохоборномъ, муравейномъ трудѣ доставленіемъ тѣхъ матеріаловъ народной поэзіи и старины, которыми, вѣроятно, изобилуетъ Ваша мѣстность. Этимъ содѣйствіемъ Вы окажете услугу не мнѣ, незнаемому и невѣдомому Вамъ человѣку, который не имѣетъ ни малѣйшаго права на Вашъ трудъ, но черезъ меня русскому обществу, которое въ правѣ ожидать посильнаго сотрудничества своихъ сочленовъ въ общемъ дѣлѣ преуспѣянія наукъ, въ разъясненіи темныхъ сторонъ исторической, вѣковой жизни какой-либо части великаго народа.

Что̀ записывать?

„Записывать нужно рѣшительно все, въ чемъ выражается завѣтная жизнь народа, въ словѣ-ли, въ обрядѣ, въ обычаѣ старины и т. д. Мое уже дѣло будетъ разсортировать ожидаемый матеріалъ, разобрать, что̀ годно и что̀ негодно для обнародованія. Преимущественно же нужно имѣть въ виду слѣдующее:

А. Краткое описаніе праздниковъ

а) семейныхъ:

1) Крестины или крєбины
2) Свадьбы или веселья
3) Имянины
4) Похороны.

} съ приложеніемъ относящихся къ нимъ пѣсенъ.

б) Церковныхъ (если они отличаются какою либо особенностью).

в) Общественныхъ:

1) Осенины
2) Дѣды
3) Прикладины или окладины
4) Навозныя толоки
5) Дожинки или обжинки
6) Досѣвки
7) Коляды
8) Празднованіе наканунѣ Ивана Купалы

} съ приложеніемъ относящихся къ нимъ пѣсенъ.

В. Повѣрья, суевѣрья, примѣты, преданья, легенды, сказки, заговоры, загадки, разные обряды, названіе разныхъ мѣстъ и урочищъ. Описаніе разныхъ игръ и забавъ.

въ Петербургъ помощникомъ Петербургскаго Учебнаго Округа, а въ іюнѣ архивъ упраздненной помощнической канцеляріи переведенъ былъ въ Вильну, — и слѣдъ моей просьбы совершенно исчезъ для меня. Только одну, правда, довольно объемистую тетрадь сельскаго

В. Пѣсни, кромѣ названныхъ. слѣдующихъ родовъ: волочебныя, бесѣдныя, плясовыя, шуточныя, хороводныя (съ описаніемъ тѣлодвиженій и дѣйствій хороводниковъ и плясуновъ. Въ хороводѣ и пляскѣ часто выражается цѣлая драма), колыбельныя, дѣтскія, духовные стихи, распѣваемые слѣпцами при церквахъ, на площадяхъ и т. д., рекрутскія, историческія о разныхъ герояхъ, знаменитыхъ людяхъ и проч.

Какъ записывать?

„Относительно тѣхъ предметовъ, гдѣ требуется описаніе фактовъ, собственное изложеніе, этотъ вопросъ не имѣетъ мѣста: тутъ никто никому не указъ: всякій пишетъ, какъ знаетъ и умѣетъ, тѣмъ же тономъ и способомъ, какимъ бы онъ разсказалъ это самое своему короткому пріятелю; стало быть, чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Также точно легко разрѣшается этотъ вопросъ относительно прозаическихъ произведеній народной словесности: легенды, сказки и т. д. Касательно же пѣсенъ разрѣшеніе этого вопроса становится нѣсколько труднѣе и нуждается въ указаніяхъ опыта. Поэтому, для лицъ не искусившихся въ этомъ дѣлѣ, я бы предложилъ слѣдующій пріемъ: пѣвца или пѣвицу заставить продиктовать себѣ всю пѣсню, а тамъ, гдѣ они собьются, что весьма часто случается, слѣдуетъ предложить имъ пропѣть нѣсколько предъидущихъ стиховъ. Тутъ они обыкновенно скоро нападаютъ на связь и продолженіе. Записавши, такимъ образомъ, всю пѣсню, нужно попросить ихъ снова пропѣть ее сначала до конца, безъ перерывовъ со стороны записывателя. Ему остается только, чутко слѣдя по записанной имъ пѣснѣ, за пѣніемъ пѣвца или пѣвицы, отмѣчать тѣ слова и стихи, которые въ пѣснѣ повторяются раза по два и болѣе, исправлять тѣ ошибки и недомолвки, которыя неминуемо окажутся, по причинѣ сбивчивости сказателя. Разница всегда будетъ немалая, потому что неразвитой человѣкъ рѣдко въ состояніи отчетливо и полно передать словами, говоркомъ, поемую имъ пѣсню. Онъ ее поетъ полубезсознательно, почти какъ птица въ лѣсу. Она живетъ въ его памяти преимущественно силою однообразнаго мотива.

„Далѣе требуется, чтобы непремѣнно было обозначено: къ которому роду относится какая либо пѣсня, напр., къ хороводнымъ ли, свадебнымъ и т. д., кѣмъ, отъ кого, когда и гдѣ она записана. Сохраненіе же мѣстнаго говора, во всѣхъ его мельчайшихъ оттѣнкахъ современною наукой ставится непремѣннымъ условіемъ при записываніи всякаго рода произведеній устной народной словесности.

Отъ кого записывать?

„Преимущественно отъ деревенскихъ бабъ и старухъ. Въ ихъ устахъ

учителя Преображенскаго получилъ я, и то совершенно случайнымъ образомъ, изъ дирекціи народныхъ школъ Витебской губерніи. Изъ оставшихся же въ моемъ распоряженіи двухъ сотенъ экземпляровъ „Просьбы", я усердно раздавалъ, кому только могъ, безъ всякаго разсчета, направо и налѣво, понимающимъ дѣло и не совсѣмъ его понимающимъ. Все это принесло весьма мало результатовъ: изъ 600 экземпляровъ, разосланныхъ офиціально и розданныхъ мною частнымъ образомъ, едва 10 произвели плодотворное желанное дѣйствіе. Отъ штатныхъ смотрителей училищъ Витебской губерніи, которые получили мою просьбу полуофиціальнымъ путемъ черезъ директора училищъ, только двое вскорѣ откликнулись дѣломъ, а именно: гг. Сахаровъ и Обухъ. Однако я не унывалъ. Крѣпко памятуя слова Евангельскія: „ищите и обрящете", я сталъ усердно

эти произведенія сохраняются свѣжѣе, неприкосновеннѣе, потому что онѣ рѣдко, или почти никогда не оставляютъ своей родной берлоги, стало быть, менѣе подвергаются вліянію чужестороннихъ элементовъ и вреднымъ осадкамъ полуграмотной цивилизаціи. Впрочемъ, бываютъ изъ мужиковъ большіе мастера на пѣсни и прибаутки, знахари своего дѣла, они въ деревнѣ пользуются особымъ почетомъ, авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ. Они обыкновенно весьма ревниво и свято хранятъ отъ всякой посторонней примѣси старинный ладъ и складъ, завѣщанные имъ отъ предковъ, пѣсни, сказанія и изреченія житейской мудрости. Все записанное отъ такихъ деревенскихъ людей имѣетъ особенную цѣнность для науки. Свадебный обрядъ и пѣсни слѣдуетъ записывать отъ распорядителей этого обряда: отъ дружка, свахъ, сватовъ и дѣвушекъ. Хороводныя, плясовыя и бесѣдныя — отъ лучшихъ запѣвалъ.

„Эти руководящія указанія, мнѣ кажется, достаточно могутъ облегчить исполненіе моей всепокорнѣйшей просьбы всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя отзовутся на мой вызовъ. Льщу себя надеждой, что онъ не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

„Не мало говорятъ и пишутъ теперь объ обрусеніи здѣшняго края, искони русскаго. Неужели же изученіе старины, быта и языка здѣшняго простаго, сельскаго, православнаго люда, его міросозерцанія, его отношеній къ другимъ сословіямъ, его понятій о Богѣ, о родинѣ и т. д. не есть обрусеніе края, не есть русское дѣло? Неужели для общества болѣе близкое знакомство съ сущностью духа народа не есть уже одно изъ важнѣйшихъ и надежнѣйшихъ средствъ къ улучшенію его судьбы, къ дальнѣйшему веденію его по пути истиннаго прогресса?

„Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ Вашимъ слугою

Шейнъ."

искать, и мои розыски оказались не напрасными. Нашлись и такіе люди, которые съ живымъ сочувствіемъ отозвались на мое приглашеніе и сдѣлались въ послѣдствіи самыми дѣятельными моими сотрудниками. Къ нимъ причисляю обязательнѣйшихъ госпожъ: А. Ф. Лисовскую, Л. П. Скляренко, А. В. Вахромѣеву,—многоуважаемаго С. К. Шимковича, бывшихъ учениковъ гимназіи—Антипова, Безперчаго, Станевскаго, Пржисецкаго и др., и въ особенности, бывшаго сельскаго, а теперь приходскаго учителя Витебскаго училища, многоуважаемаго Н. Я. Никифорскаго. Онъ своимъ зрѣлымъ воззрѣніемъ на окружающую среду и своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ этнографическимъ розысканіямъ рѣзко выдается изъ цѣлаго сонма сельскихъ и другихъ учителей разныхъ наименованій. Я твердо увѣренъ, что такихъ честныхъ дѣльныхъ людей не мало на Бѣлой Руси. Нужно только умѣючи ихъ отыскивать.

Дружными усиліями всѣхъ названныхъ и другихъ неназванныхъ ревностныхъ моихъ сотрудниковъ, мое собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ, обрядовъ и проч. все болѣе и болѣе расширялось, и дошло наконецъ до такихъ почтенныхъ размѣровъ, для которыхъ предѣлы одного тома оказались уже тѣсными. Волей-неволей я вынужденъ былъ нѣкоторые отдѣлы подрѣзать, пообкруглить, не нарушая однако тѣмъ ихъ внутренней межъ собою связи и цѣльности всего предлежащаго труда. Изъ этихъ урѣзовъ и обкругленій составился почти цѣлый другой томъ, который при первой возможности надѣюсь издать, въ видѣ дополненія къ настоящему.

Въ расположеніи по отдѣламъ помѣщенныхъ здѣсь матеріаловъ, я нашелъ нужнымъ держаться порядка смѣшаннаго: біографическаго и, такъ сказать, *календарнаго*, т. е. согласнаго съ послѣдовательнымъ размѣщеніемъ праздниковъ въ теченіе гражданскаго года. Оба эти порядка сливаются, впрочемъ, весьма удобно и гармонично въ одну общую картину бытовой народной жизни. Такъ напримѣръ: часть лирико-обрядовая начинается „колыбельными“ и „дѣтскими“, продолжается „колядными“ (распѣваемыми преимущественно отроками и парнями), „маслячными“, „волочебными“, „петровскими“ и т. д., и оканчиваются „похоронными“, сопутствующими послѣднему акту круготеченія трудовой жизни бѣлорусскаго крестьянина. Всѣ почти эти отдѣлы обставлены необхо-

димыми описаніями обрядовъ, обычаевъ и проч. къ нимъ относящимися и ихъ объясняющими. Въ остальной же меньшей части сборника правильный строй въ расположеніи нѣсколько нарушенъ. Однако, и въ теперешнемъ расположеніи тѣмъ не менѣе эта часть представляетъ не мало интереснаго для читателя специалиста. Очень жаль, что рекрутскихъ и солдатскихъ пѣсенъ у меня такъ мало. Имѣю основаніе думать, что онѣ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ еще существуютъ въ порядочномъ количествѣ, но добыть ихъ весьма трудно. За рекрутскими и солдатскими слѣдуютъ не безъ-интересные духовные стихи и пѣсни, а за послѣдними собственно эпическій отдѣлъ: Сказки, сказанія, анекдоты и проч., и въ заключеніе: „дополненія“ ко всѣмъ отдѣламъ.

За достовѣрность и подлинность всѣхъ названныхъ здѣсь матеріаловъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ погрѣшностей со стороны звуковаго ихъ изображенія, я вполнѣ ручаюсь. Они всѣ записаны на мѣстахъ лицами разныхъ возрастовъ, половъ, сословій и образованій, хотя правда по моей просьбѣ, но тѣмъ не менѣе съ искреннею любовью къ своей народности, безъ всякой тѣни задней мысли поддѣлаться подъ народный ладъ и складъ. Да многіе изъ этихъ лицъ если и захотѣли бы того, то не съумѣли бы; впрочемъ имъ это никогда и въ голову придти не могло. Вокругъ нихъ раздавалась такая богатая обрядовая поэзія, заготовленная творческимъ народнымъ геніемъ предъидущихъ поколѣній, что только давай Богъ руки успѣвать записывать хоть самую малѣйшую долю всего ими слышаннаго. Кромѣ того, я всегда имѣлъ широкую возможность варіанты доставленные мнѣ однимъ какимъ-либо лицомъ, изъ одной какой-либо опредѣленной мѣстности, провѣрять сходными или подобными изъ записанныхъ мною, изъ доставленныхъ другими лицами изъ разныхъ бѣлорусскихъ мѣстностей, и со всѣми бывшими въ моемъ распоряженіи печатными бѣлорусскими сборниками, изданными русскими и поляками. Подлинность многихъ пѣсенъ подтверждается еще паралельными варіантами изъ двухъ, обязательно уступленныхъ мнѣ Н. А. Руберовскимъ и г-жею Л. П. Скляренко небольшихъ сборничковъ, составленныхъ ими con amore, совершенно помимо моей иниціативы. Къ тому же не мѣшаетъ прибавить, что г-жа Скляренко никогда не думала (какъ мнѣ достовѣрно извѣстно) обнародовать свой

трудъ. Большая часть этихъ сборничковъ вошла въ составъ предлежащаго труда, и любознательный читатель имѣетъ полную возможность провѣрить сказанное.

Та же разнородность состава моихъ сотрудниковъ, не только незнакомыхъ между собою (я говорю о большей части изъ нихъ), но не имѣющихъ никакого понятія другъ о другѣ, можетъ служить, кажется, вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ за вѣрность основныхъ началъ принятаго мною бѣлорусскаго правописанія. Какъ русскіе, такъ и поляки, какъ православные священники, такъ и католики, какъ ученики уѣздныхъ училищъ, гимназій, семинарій, такъ и ученицы духовныхъ училищъ, дамы высшаго и средняго круга и пр.—всѣ они въ записанныхъ ими матеріалахъ, обязательно мнѣ доставленныхъ, смягчаютъ *д* черезъ *з* и *т* черезъ *ц*, *цъ* передъ йотированными гласными и послѣ нихъ, *лъ*, *в* — замѣняютъ ў и т. д. И поэтому, не владѣя громадною эрудиціей многоуважаемаго П. А. Безсонова, которая его уполномочиваетъ производить реформы въ бѣлорусской орѳографіи, я не считалъ себя въ правѣ уклониться отъ того способа изображенія характерныхъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія, который употребляется почти всѣми моими туземными сотрудниками, и обязанъ былъ сохранить его ненарушимо до тѣхъ поръ, пока счастливый случай не доставитъ мнѣ возможности побывать самому среди народа во всѣхъ главныхъ пунктахъ коренной Бѣлоруссіи и провѣрить собственнымъ слухомъ то, въ чемъ могли ошибиться туземцы. Опытъ мнѣ показалъ, что мѣстные жители не всегда достаточно чутки къ роднымъ звукамъ своего языка.

Настоящее количество всѣхъ нумеровъ этого сборника заходитъ за 1000. хотя занумерованныхъ менѣе. Всѣ нумера обставлены указаніями: кѣмъ и гдѣ они записаны, или изъ какихъ печатныхъ источниковъ позаимствованы — послѣднихъ, впрочемъ, весьма не много: десятка два, три не болѣе.

Прежде чѣмъ окончу этотъ отчетъ, считаю дѣломъ совѣсти оговориться въ слѣдующемъ: на 734 стр. этой книги, въ выноскѣ, говоря о томъ, что въ Бѣлорусскомъ Сборникѣ г. Безсонова для читателя остаются загадочными №№, значущіеся подъ пѣснями, я прибавляю: въ предисловіи издатель не предупреждаетъ недоумѣ-

нія читателя на этотъ счетъ." Это не совсѣмъ вѣрно. Въ „объясненіи къ изданію", стр. LIX, издатель именно обѣщаетъ указать въ заключеніи изданія (т. е. въ слѣдующемъ томѣ) „живое мѣсто каждаго образца, откуда онъ взятъ". Дорожа больше всего провѣркою разныхъ отдѣловъ своего собранія съ однородными матеріалами у другихъ собирателей, я въ Сборникѣ г. Безсонова устремилъ все свое вниманіе преимущественно на его текстъ, недосмотрѣвши много интересныхъ его „объясненій" и, между прочимъ, приведенное выше его обѣщаніе, въ чемъ и прошу извиненія у ученаго издателя. Впрочемъ и самъ почтенный П. А. согласится, что и самое обѣщаніе, какъ-бы оно искренно ни было, едва ли устраняетъ возможность недоумѣнія читателя на счетъ значенія вышеназванной нумераціи, которая безспорно разъяснится въ послѣднемъ томѣ его изданія. Ну а если какія-либо непредвидѣнныя обстоятельства задержатъ какъ-нибудь и надолго выходъ въ свѣтъ приготовленнаго даже къ печати тома — гдѣ тогда заинтересованному дѣломъ читателю искать разгадки все-таки непонятной для него нумераціи?

Въ заключеніе считаю пріятнѣйшимъ долгомъ заявить здѣсь искреннѣйшую мою благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя словомъ и дѣломъ содѣйствовали при составленіи этого Сборника.

П. Шейнъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БѢЛОРУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Колядныя пѣсни.

Рацеи или рѣчи.

Петровочныя пѣсни.

Жниво.

Зажиночныя пѣсни.

Весѣдныя пѣсни.

Разгульныя пѣсни.

Застольныя.

Поправки собирателя и опечатки.

Страница тома.	Страница оттиска.	Строка.	Напечатано:	Читай:
286	2	5 сн.	телицу	целицу
291	7	4 св.	яё	яе
			вездѣ нужно читать яе, т. е. е, какъ нѣм. je, а не ё	
294	10	6 и 7 св.	кутецъ, скутецъ	куцецъ, скуцецъ
		—	кутецъ	куцецъ
317	33	7 сн.	жоруў	жороў
—	—	11 —	заорейка	запрейка
326	42	9 сн.	прецизу	прециў
328	44	7 св.	гостинчики	госцинички
330	46	14 сн.	гостинчики	госцинички
—	—	7 сн.	по бѣляеўому	по бѣлявому
331	47	1 св.	мидзяного	мизенаго
333	49	6 сн.	показаинць	показываицъ
336	52	3 сн.	подъ	надъ
438	54	14 св.	солнца	соўнца
341	57	6 сн. во 2 ст.	канку	жонку
353	69	15 св. во 2 ст.	малая мястечко	малоя мясцечко
354	70	14 сн.	чаўникъ	чоўнокъ
358	71	6 св.	тѣмъ же	тою
361	77	14 сн.	борздымъ	борзымъ
362	78	9 сн.	А намъ-жа	А нашъ-жа
367	83	9 св.	господарь	господаръ
—	—	11 св.	Причина	Причини
—	—	16 св.	на похацѣ	на попохацѣ
368	84	15 сн.	зъ новыми	зъ новымъ

Страница тома.	Страница оттиска.	Строка.	Напечатано:	Читай:
369	85	5 св.	запасаў	запасаваў
—	—	10 св.	отъ нариву	отъ норову
371	86	15 св.	лечлѣицца	лелѣицца
372	87	4 св.	дрова	дровы
373	88	5 св.	жóну	жанў
—	—	6 св.	вялёная	вяленоя
—	—	18 св.	цеплялю	цеплаю
—	—	7 сн.	шастаць	шастанць
374	90	6 св.	комаръ	попаръ
—	—	16 св.	По паръ	Попаръ
377	93	9 св.	хороша	хороша
—	—	10 св.	село	мѣстечко
—	—	14 сн.	нядокошние	нядокушние
—	—	15 сн.	Девять	Дзевяць
378	94	8 св.	этомъ	гэтомъ
382	98	15 и 14 сн.	Самъ	Сама
383	99	8 св.	Колѣ	Коле
384	100	10 св.	кивали	ковали
—	—	3 и 4 сн.	толе	то лѣ
385	101	16 св.	Да на томъ	Да на той
389	105	2 св.	паша	наша
392	108	1 сн.	А тымъ	На тымъ
393	109	2 св.	стрѣла	стрѣлу
394	110	6 сн.	козливы баты	козловы боты
397	113	9 св.	кирння	корина
—	—	15 св.	ясепъ	ясенъ
398	114	13 сн.	ня чула	ня чули
399	115	7 св.	перецень	персцень
400	116	15 сн.	Солоўви	Солоўи
401	117	5 сн.	16 N	165 N
—	—	1 сн.	Очанулась	Очхнулся
405	121	12 св.	быкъ просцень	дыкъ просцень
419	135	14 св.	Богъ суддзя	Богъ судззя
—	—	2 сн.	жоўтымъ	жоўтымъ
422	138	3 сн.	пищи	пици
425	141	8 сн.	пирогомъ	порогомъ
427	143	7 сн.	25 Іюня	23 Іюня
432	148	7 сн.	А ракъ	Аракъ
435	151	8 св.	Да и не	Да и что
—	—	9 сн.	Гдзѣ жь ты	Гдзѣ жь ты была
444	160	1 св.	маце	мацн
449	165	10 св.	тужици	тушици
461	177	2 сн.	за	въ

Страница тома.	Страница оттиска.	Строка.	Напечатано:	Читай:
471	187	2 сн.	Ай пани	Ай пане
481	197	2 сн.	Ты	То
490	206	11 сн.	Какъ	Кабъ
492	208	9 сн.	Цацяночка	Тацяночка
497	213	6 св.	на богасе	на богацце
499	215	13 св.	дождзу	дождзжу
505	221		Ў вобрѣ, ў вобрѣ,	Ў бобрѣ, ў бобрѣ,
508	224	5 сн.	На галоўньки	На галоўеньки
510	226	1 св.	брисць	брысць
—	—	2 сн.	сиради	прасци
515	231	9 сн.	разводюць	разводяюць
516	232	5 сн.	тихій	цихій
—	—	11 св.	молодѣ	молодзѣ
517	233	13 св.	стухать	стукаць
518	234	3 св.	хрустынька	хустынька
—	—	14 св.	дѣўка	дзѣўка
—	—	9 сн.	По зеленькимъ	По зелененькимъ
519	235	17 сн.	Зъ надъ	Зъ подъ
520	236	11 св.	въ замкѣ	въ замужствѣ
—	—	11 сн.	Толкованіе	Толкованіе сна
523	239	4 св.	ли	ни
526	242	2 сн.	пацирила	поцирала
535	251	16 сн.	у хозяина	хозяина
540	256	6 сн.	дворючику	дворочику
549	265	9 св.	пять	десять
551	267	10 св.	6	5
559	275	3 сн.	шлеўцёў	шлейцёў
560	276	11 св.	стряпенулася	страпенулася
575	291	10 сн.	роры	розы
581	297	11 св.	цапухай	сопухай
—	—	13 сн.	казнись	позднись
589	305	10 св.	на мнѣ	по мнѣ
594	310	10 св.	драгнула	дрыгнула
—	—	16 св.	скурвывъ	курпывъ
—	—	14 сн.	нижи	мижи
605	321	5 св.	Прожу	Прошу
612	328	12 св.	Наткосничкомъ	Надкосничкомъ
627	343	3 св.		
—	—	11 св.		
629	345	3 св.		
634	350	6 сн.		
639	355	7 сн.		
645	361	4 сн.		

Страница тома.	Страница оттиска.	Строка.	Напечатано:	Читай:
647	363	6 сн.	звѣнчати	вѣнчати
649	365	15 св.	рушличкомъ	рушничкомъ
653	369	11 св.	вярчочекъ	вяршочекъ
654	370	15 св.	обрядомъ	образомъ
655	371	3 св.	насъ	нашъ
660	376	3 сн.	яичной	ячной
669	385	14 св.	бѣлоруссовъ	бѣлорусскаго
670	386	9 св.	громадны	громадове
672	388	7 св.	имъ	семь
675	391	4 св.	тулейкахъ	жулейкахъ
676	392	7 сн.	жидовеў	жидовьеў
678	394	16 св.	уветали	увитали
696	412	7 св.	Зъ подкаменя	Зъ подкамення
698	414	5 св.	пяйже	няйже
701	417	18 св.	Сказы	Скажи
702	418	14 сн.	зъ витами	квитами
712	428	13 св.	точку	дочку
—	—	8 св.	быльмачку	быльшачку
717	433	1 сн.	сѣна	сѣни
720	435	2 сн.	To, to	So, so
722	437	10 св.	Спорымъ	Спорышъ
732	447	9 сн.	дереви	деревни
736	451	1 св.	шумъ смяцця	шумъ, смяцця
752	467	1 сн.	надъ	подъ
757	472	9 сн.	разовыя	розовые
768	483	8 сн.	вокошеўкомъ	вокошечкомъ

		. св.	мьце
449	165	10 св.	тужицы
461	177	2 сн.	за